АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том XV

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЫЛЫМ"

АШХАБАД—1974

ТҮРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ

ГҮНОРТА ТҮРКМЕНИСТАН АРХЕОЛОГИК КОМПЛЕКСЛЕЙИН ЭКСПЕДИЦИЯСЫНЫҢ ИШЛЕРИ

XV ТОМ

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ

АШГАБАТ — 1974

В томе подводятся многолетние итоги археологического изучения города и области античного и средневекового Мерва. Освещаются вопросы развития городища Гяур-кала, овальный дом христианской общины, новый буддийский памятник в Старом Мерве и др.

Вводится в научный обиход совершенно новый археологический материал, который раскрывает страницы истории материальной культуры античного и средневекового Туркменистана. Том иллюстрирован и снабжен научным аппаратом.

Книга рассчитана на научных работников, историков, археологов, этнографов, антропологов и правоведов.

Т 10602—350
М561(30)—74 25—73

© Издательство «Ылым», 1974 г.

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том XV

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЫЛЫМ»

АШХАБАД — 1974

Под редакцией научного руководителя ЮТАКЭ
академика АН ТССР профессора *М. Е. Массона*

ЮТАКЭ-ниң ылмы ёлбашчысы ТССР ЫА-ның академиги
профессор *М. Е. Массоның* редакциясы билен

МАТЕРИАЛЫ
ПО АРХЕОЛОГИИ МЕРВА

ЮТАКЭ
1953-1969

ОТ РЕДАКТОРА

Обширные народнохозяйственные задачи, выдвинутые XXIV съездом КПСС, затрагивают самые разнообразные стороны созидательной жизни нашей страны. Одна из таких конкретных задач, реализация которой в нарастающем темпе ведется в Туркменистане, связана с орошением и освоением под сельское хозяйство обширных пустующих земель. Чаще всего это земли древнего орошения, покинутые в периоды социальных кризисов и феодальных распрей и, как правило, чрезвычайно богатые археологическими памятниками разных эпох. Долг ученых — своевременное изучение всех этих следов давней человеческой жизни и деятельности.

Одним из районов бурного землеосвоения является Байрамалийский район. После проведения Каракумского канала обрабатываемые под хлопок поля все более надвигаются на городища Старого Мерва — одного из древнейших и самого крупного на территории СССР памятника городской культуры, основанного свыше двух с половиной тысяч лет тому назад и запечатлевшего в археологических остатках следы своей сложной истории.

Учитывая значение Мерва как ключевого памятника, раскрывающего многие черты истории культуры не только Туркменистана, но и всей Средней Азии, Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция АН Туркменской ССР ведет систематические многолетние исследования мервских городищ. Это диктуется и необходимостью сохранения для науки тех объектов материальной культуры, которые затаены в археологических толщах, и того комплекса научных наблюдений, которые возможны лишь в процессе тщательных археологических раскопок. Тем более, что многие площади былого огромного пригорода античного и средневекового Мерва из года в год уходят под распашку и посевы.

Время вполне оправдало сделанный ЮТАКЭ выбор. Еще недавно сохранявшийся к северу от Мары и Байрам-Али вплоть до границы песков археологический микрорельеф утрачен почти повсеместно. Со-

хранились еще крупные депе, но о ряде районных памятников можно теперь иметь представление только по зафиксированным о них данным в дневниках и чертежах ЮТАКЭ. Снимавшийся в начале 50-х годов лично начальником экспедиции археолого-топографический план бывшей городской округи и пригорода-рабада Старого Мерва с показом следов улиц, каналов, отдельных зданий является уже «историческим», так как подавляющая часть площади оказалась за последние годы полностью снивелированной в порядке освоения под садовые насаждения плодосовхоза и колхозные хлопковые поля.

Вместе с тем, проводившиеся экспедицией систематически из года в год всестороннее исследование прошлого Старого Мерва привело к тому, что по нему имеются прочная стратиграфическая колонка археологической керамики; хороший комплекс нумизматических объектов из числа местных находок за разные эпохи; подбор средневековых эпиграфических памятников за несколько столетий; ряд открытий изумительных объектов прикладного искусства и архитектуры; археолого-топографические планы отдельных его городищ; обоснованная стройная периодизация в развитии города с выявлением эпох подъемов и упадков и т. д. В целом Мерв оказывается к настоящему времени изученным в археологическом отношении лучше всех других городов с многовековым прошлым не только на территории Туркменской ССР, но также других советских республик Средней Азии и сопредельных стран Востока.

Некоторая часть уже обработанных мервских материалов из числа полученных ЮТАКЭ наблюдений, добытых археологических объектов и установленных новых фактов составляет содержание данного тома, в котором статьи располагаются примерно в хронологической последовательности.

Первой помещена работа М. И. Филанович, которая с 1956 г. много лет подряд была участницей ЮТАКЭ по изучению Эрк-калы и Гяур-калы сначала на положении коллектора, затем начальника раскопочной площадки и, наконец, археолога с самостоятельной темой, причем последний раз она производила раскопки на Гяур-кале в 1969 г. Написанное ею исследование, кратко озаглавленное «Гяур-кала», представляет собой обобщение результатов изучения стратиграфии этого городища, полученных как самим автором, так и другими, работавшими на нем членами экспедиции. В этом отношении с 1950 г. накопилось немало данных, поскольку по существующей в ЮТАКЭ практике на всех сколько-нибудь значительных раскопках в обязательном порядке закладывались стратиграфические шурфы. М. И. Филанович постаралась учесть то немногое, что по ее теме имелось с 90-х годов прошлого столетия. Вместе с тем, опираясь на прочно установленные ЮТАКЭ данные в части современного понимания археологической топографии Старого Мерва и периодизации его истории, во многом отличающегося от господствовавших до недавнего времени в науке представлений, автор в своей сводке значительно детализирует общую картину исторического развития жизни города с древнейших времен до VIII в. включительно, убедительно подкрепляя делаемые выводы своими наблюдениями. Не менее новым является содержание главы о последнем периоде обживания территории Гяур-калы уже как пригородной части Мерва, когда основным ядром его стала нынешняя Султан-кала.

Статья М. Е. Массона о распространении на территории советских республик Средней Азии находок монет сасанидского чекана содержит по этому вопросу обобщающий обзор. Он построен с учетом ли-

тературных данных, фактов, полученных в течение 25-летних работ ЮТАКЭ, а также личных полувековых наблюдений за составом старинных монет на руках у местного населения, а в прежнее время и на среднеазиатских антикварных рынках. На основе письменных исторических источников и археолого-топографических фактов сделана попытка уточнить, где и когда проходили и как изменялись в разные эпохи официальные северные и северо-восточные границы Сасанидской державы. За их пределами в среднеазиатских областях прослежены моменты наиболее интенсивных притоков сасанидских серебряных дирхемов и влияние их иконографии на местные согдийские чеканы. В результате проделанной работы автор дал расширенную по сравнению с существующими в науке представлениями картину денежного обращения сасанидской монеты в Южном Туркменистане и в областях Мавераннахра в III—VII вв., наметив несколько этапов различной значимости, обусловленных специфическими местными политическими, экономическими и историко-культурными моментами.

Работа Г. Я. Дресвянской «Овальный дом христианской общины в Старом Мерве» посвящена уникальному пока объекту, который довольно изолированно расположен в северо-восточной четверти Гяур-калы и который систематически раскапывался ЮТАКЭ с 1953 по 1964 г. включительно, в том числе самим автором на протяжении последних пяти лет. Установлено, что бывшее первоначально загадочным верхнее здание асимметричного овального плана, появившееся здесь не ранее конца IV в. н. э., было отстроено на руинах пришедшего к этому времени в упадок крупного сооружения парфянской поры первых веков н. э. Высказанное нами предположение, что необычный по своей планировке дом представляет собой своего рода «ханако» в смысле общежития христианской общины, получило подтверждение в обнаружении продавленного на стене прямого креста, в находке цилиндрической печати с таким же изображением, а также глиняных конусообразных «фишек» с нанесенными на них четырех- и шестиконечными крестами. На пребывание в его мрачноватых кельях, иногда даже с черного цвета штукатурками, только мужчин из числа местных анахоретов, приезжих из других общин, а может быть даже лиц, принадлежавших к иным христианским толкам, свидетельствует встреченная в процессе вскрытий исключительно бедная хозяйственная утварь при полном отсутствии каких-либо предметов женского или детского инвентаря. Это характерно для всех трех выявленных периодов использования овального дома в качестве «ханако» на протяжении примерно полутораста с небольшим лет. С середины VI в. отмечается определенное его запустение и разрушение. В нем находят после того иногда пристанище разные случайные люди. Весьма вероятно, что этот последний этап в использовании овального здания следует в какой-то мере связывать с проявлением в политике правительства Сасанидской Персии отрицательного отношения к адептам официальной византийской церкви. Сам по себе раскопанный ЮТАКЭ дом христианской общины является первым и в настоящее время единственным памятником этой категории во всей Средней Азии и в сопредельных странах Востока.

Четвертая работа, принадлежащая перу С. Б. Лунииной и озаглавленная «К исторической топографии западной части рабада средневекового Мерва», заключает в себе немало новых фактов по этому вопросу, полученных за последние годы, и ряд обобщений, опирающихся также на ранее опубликованные ею данные. Значимость новой пуб-

ликации определяется в значительной степени тем, что автор практически связан с непрерывным изучением ЮТАКЭ указанной части рабада на протяжении без малого двадцати лет и в настоящее время является лучшим знатоком археологии упомянутого крупного участка Старого Мерва.

Статья Э. В. Ртвеладзе посвящена еще одному из памятников, связанных с установлением ЮТАКЭ и неизвестным до того фактом бытования в разные эпохи буддизма в Мерве. В 1950 г. в южной части рабада, в полусотне метров от южного обвода городища Султан-кала, были открыты остатки буддийской кумирни. Их изучение путем производившихся в 1950 и 1951 гг. раскопок и привлечения данных письменных исторических источников показало, что кумирня была отстроена в середине XIII в. в пору восстановления разрушенного монголами Мерва при дворце наместника Гулагидов в местности Разикабад. Затем последовало не менее важное открытие в юго-восточном углу Гяур-калы буддийского ступа поздней поры рабовладельческого общества и постепенно сложившегося тут целого комплекса построек, включая сангараму. Раскопки этого памятника, длившиеся с 1960 по 1966 г. и давшие ряд интереснейших находок (санскритские рукописи на бересте, голова от гигантской статуи Будды, расписная ваза со сценами жизни и смерти некоего дехканина), позволили установить, что памятник просуществовал на протяжении нескольких столетий до своего разрушения, происшедшего во второй половине VI в. Осенью 1963 г. в ЮТАКЭ поступили сведения, что остатки древней башни из сырцового кирпича, находившиеся в восточной части рабада, неподалеку от стены Гяур-калы, намечены к сносу в связи с отведением участка под застройку жилыми домами соседнего плодоовощного совхоза. На угрожаемом памятнике срочно были проведены предварительные археологические раскопки, давшие возможность выяснить, что башня была возведена примерно в середине или во второй половине VI в. К концу полевых работ экспедиция была уведомлена, что строительство совхозных домов откладывается на неопределенное время. Правление совхоза заверило, что если понадобится сносить памятник, то оно заблаговременно поставит об этом в известность ЮТАКЭ для организации археологического надзора. Спустя 2 года, вопреки обещанию, в июле 1965 г. бугор срочно обрекли на снос бульдозером. Когда экскаваторщик А. Язьев ударил ковшом по остову башни на высоте трех метров от уровня современной поверхности, он вдребезги разбил яйцевидной формы глиняный хум, из которого выпали разные предметы, разнесенные по домам окрестными жителями.

Директор совхозной восьмилетней школы Т. Хамраев и учитель истории О. Эебердыев установили после этого по своей инициативе наблюдение за дальнейшим разбором башни, но никаких новых предметов при этом не было обнаружено. Одновременно они приняли меры к сбору разошедшихся по рукам находок и поместили их в сейф начальника СМУ Р. Оррыева. Последний тотчас известил меня в Ташкент письмом о принятых мерах по сохранению обнаруженных объектов для последующей передачи их ЮТАКЭ. Среди находок, кроме исписанных «какими-то старинными буквами» листочков рукописи, были человеческая фигурка из слоновой кости, несколько каменных статуэток, монеты, разные бусины из стекла и камней и два глазка из сердолика и альмандина, предназначавшиеся для вставки в кольца. Оказавшийся в августе в Байрам-Али ашхабадский археолог А. Ф. Ганялин, узнав о находке,

вывез предметы в Ашхабад, причем рукописи и монеты были препровождены на определение в Ленинград. К моменту приезда XVIII отряда ЮТАКЭ на городище Старого Мерва О. Эебердыев сумел собрать еще несколько кусочков листиков рукописи и фрагмент шиферной пластинки с изображением женщины с мальчиком, которые и передал экспедиции.

Позднее Г. А. Пугаченкова получила возможность осмотреть и изучить вывезенные в Ашхабад каменные скульптурные предметы и переданную О. Эебердыевым шиферную пластинку, выпавшие из хума при сносе развалин мервской башни. По ее определению, все они принадлежат Гандхарской школе неместного происхождения, а являются завозными, причем некоторые могут быть датированы I—II вв. н. э., а часть была создана, по-видимому, одним-двумя столетиями позднее*. Попавшие в Ленинград рукописи были признаны там за исполненные в V—VI вв. разновидностью древнеиндийского письма брахма, а часть текста оказалась содержащей устав буддийской монашествующей общины сарвастивадин.

Сопоставляя все археологические наблюдения, полученные ЮТАКЭ при раскопках комплекса буддийских сооружений в Гяур-кале и остатков башни в восточной части рабада Мерва, а также учитывая, что подтвержденное находками сасанидских монет времен правления Хозроя I (531—579) запустение первого и возведение второй приходятся на пору не позднее второй половины VI в., невольно напрашивается мысль о взаимосвязи судеб между двумя этими памятниками. При вскрытии гяуркалинского ступа не обнаружено реликвария, но зато в верхней части ее уцелевшего остова встречены были находки, говорящие о том, что они оказались в завале нарушенной кладки при его изъятии. Хум из башни в рабаде Мерва явно представлял своего рода реликварий, замурованный в нее при сооружении. В хум нашли нужным положить, наряду с предметами поры рабовладельческого общества, ранее хранившиеся в гяуркалинском памятнике и более поздний устав той монашеской общины, которая обитала в бывшем при нем монастыре-сангарама. Последовательность вызвавших все это событий могла быть, по-видимому, следующая.

Во второй половине VI в. на почве рыночной конкуренции мервские купцы спровоцировали толпу своих горожан-зороастрийцев на разгром гяуркалинского буддийского комплекса зданий, видя в нем своего рода организующий центр для исповедовавших буддизм индийских купцов, как проживавших в городе, так и приезжавших из Индии. При этом была разбита гигантская статуя Будды и кроме ступа с примыкающими постройками пострадала сангарама. Поскольку буддийская община в целом была достаточно влиятельной и, очевидно, приносила городскому управлению определенный доход, власти отреагировали на происшествия компромиссным решением. С одной стороны, ей запретили дальнейшее пребывание внутри города, но разрешили при этом както привести в порядок развалины, почему ЮТАКЭ и нашла покалеченную голову крупной статуи Будды, тщательно замурованной близ лестницы перед ступа. С другой стороны, очевидно, за определенную мзду общине отвели вне Гяур-калы участок в восточной части рабада, где и

---

* Г. А. Пугаченкова. Гандхарская скульптура в Мерве. «Искусство», 1968, № 6, стр. 61—64. Мервскую статуэтку из слоновой кости изучить не удалось, поскольку к моменту посещения Г. А. Пугаченковой Ашхабадского музея истории эта фигурка, оказавшаяся из-за хрупкости раздавленной, была уже утрачена.

была сооружена новая ступа, с переносом в ее реликварий некоторых уцелевших священных предметов из старой.

Следующая статья, принадлежащая Н. П. Столяровой, связана с раскопкой средневекового жилого здания в северной части рабада Мерва, которое некогда было расположено на большой улице, ведущей к одним из ворот внешней стены пригорода. Скромный бугор его руин привлек к себе особое внимание обнаружением на его выветрившейся поверхности кусков необычного по своей орнаментации штука. На территории Старого Мерва ЮТАКЭ путем раскопок впервые обнаружила широкое применение в архитектуре алебастрового штука. В центре Гяур-калы при сооружении в XII в. новых помещений на месте первой соборной мечети резным алебастром были покрыты мощные прямоугольные устои и более крупные поверхности стен главного здания. Употребление этого декора отмечено было в нескольких пунктах на городище Султан-кала, где, между прочим, при раскопках за последние годы в северо-западной четверти богатого жилого дома обнаружено несколько комнат с такими великолепными панелями весьма разнообразного орнамента, относящимися к концу XII — началу XIII в. Значительно более ранний штук дало разведочное вскрытие Н. П. Столяровой упомянутого здания, сооруженного в VI—VII вв. Оригинальный и вполне уникальный парадный штук с гроздьями винограда появился там позднее при обживании дома с некоторыми переделками в IX в. Тогда же сделали под штуковым карнизом алебастровые оконные решетки-панджара со вставкой в орнаментальные гнезда кусочков плоского оконного стекла и даже фрагментов стеклянной утвари.

Исследование С. Б. Луниной «Эволюция техники гончарного производства в средневековом Мерве» принадлежит перу наиболее компетентного в этой теме автора, изучающего свыше полутора десятков лет тамошние керамические печи и их многочисленную продукцию, полученную при раскопках мастерских и при вскрытии гигантских отвалов их производственного брака. Нет надобности подробно говорить о важности появления в печати данной новой работы для археологии ряда сопредельных стран Востока, а не только для Южной Туркмении, где благодаря деятельности ЮТАКЭ разнообразные вопросы изготовления средневековой керамической утвари разработаны значительно детальнее, чем во всех прочих республиках Средней Азии.

Небольшая по объему статья Е. Б. Пругера «К находкам бирюзы на городищах Старого Мерва» принадлежит по своей тематике к той прикладной отрасли среднеазиатской археологии, которая связана с выяснением далеко не безразличной для народного хозяйства истории горного дела и добычи полезных ископаемых в разные периоды прошлого. Предложенные в данной работе выводы имеют то преимущество, что они явились в результате многолетних исследований автора по изучению в натуре былых разработок в масштабе всей Средней Азии этого самоцвета, исключительно популярного до сих пор на всем Востоке.

Появление в конце «Краткой хроники полевых работ ЮТАКЭ» вызвано в значительной мере практическими потребностями в целях удовлетворения запросов не только специалистов, занимающихся на месте изучением прошлого Туркменской ССР, но также со стороны многих других советских, а также и зарубежных ученых, которым важно знать, где и когда проводились экспедицией разного рода исследования, а также каковы их конкретные результаты хотя бы в самом сжатом изложении.

М. И. ФИЛАНОВИЧ

ГЯУР-КАЛА

Из всех четырех городищ Старого Мерва, раскинувшихся к северу от современного городка Байрам-Али и занимающих в общем площадь в 70 *км*^{2}, Гяур-кала выделяется величавой мощью стен, хоть и сглаженных временем, но все еще труднодоступных, и высокими буграми напластований внутри них, накапливавшихся не один десяток столетий.

По периметру четырехугольника стен можно насчитать ряд холмов-башен высотой до 20 *м*, а внутри городища, примыкая к северной стене, возвышается овальный в плане форт-цитадель Эрк-кала, единственные ворота которой вели внутрь города. В самой Гяур-кале различаются проемы четырех ворот, по одному в каждом фасе, а во внутреннем рельефе читаются ложбины древних улиц, ведущих от них и как бы пересекающихся в центре. В западной стене городища имеются еще два пролома, ошибочно принятые В. А. Жуковским, одним из первых исследователей Гяур-калы, за места ворот. В опубликованной им монографии, которая является уникальным сводом письменных данных средневековых авторов о Старом Мерве, приведены названия ворот[1], но сами они намечены по двое в западном и восточном фасе.

В. В. Бартольд допускал на основе анализа источников, что в западной стене было не двое ворот, а два ввода канала, снабжавшего город водой[2]. И только на основе историко-топографического обследования М. Е. Массон пришел к заключению, что ворота располагались в каждом фасе, а в западной стене, кроме ворот, было два отвода от канала[3], протекавшего под стеной и служившего с запада и частично с севера крепостным рвом. Внутренняя поверхность городища всхолмлена и приподнята неравномерно. Толща культурных наслоений усиливается к центру, где она образует довольно ровное плато, и к западу, где она сливается на уровне гребня с городской стеной. Почти незаполненными остаются углы, и в этих низинах возвышаются лишь отдельные бугры разной величины.

О Мерве периода его существования на Гяур-кале сохранилось немало письменных сведений, прежде всего у арабоязычных авторов. Все они освещают время раннего и развитого средневековья и содержат крайне скудные данные полулегендарного характера о более ранних этапах его истории. Объединяет все сообщения авторов признание глу-

бокой древности основания города, причем цитадель его (кухендиз) Эрк-кала выступает как сооружение более раннее, чем сам город. У Ибн-ал-Факиха цитадель основал мифический Тахамурт, а Хамана дочь Ардешира сына Исфендияра приказала построить стену города[4]. Ал-Истахри приводит сообщение о том, что кухендиз построил Тахамурт, а мединy — Зулкарнейн[5].

В. А. Жуковский, а вслед за ним и В. В. Бартольд, не располагая достаточными данными археологического порядка и анализируя только письменные документы о Мерве, правильно отождествили понятия «медина», или «внутренний город», употребляемые средневековыми авторами, с городищем Гяур-кала.

Исторические сведения, содержащиеся у античных авторов, предельно кратки. Из них можно только почерпнуть, что город в Мервском оазисе существовал в глубокой древности. Квинт Курций Руф в «Истории походов Александра Македонского» пишет, что тот, «перейдя реку Ох и Окс прибыл к городу Маргиана», около которого выбрал места для основания шести крепостей[6]. Тем самым здесь содержится прежде всего указание на существование города в Маргиане в IV в. до н. э. К еще более глубокой древности относятся сведения об особо важном значении Мервского оазиса, очевидно, как центра экономической и культурной жизни. В Авесте он назван третьей областью, созданной богом Ахурамаздой, где, по мнению В. В. Струве, зороастризм раньше всего завладел широкими народными массами. Именно здесь восстание против владычества персидского царя Дария I в 552 г. до н. э. приобрело наиболее широкий размах[7].

Несмотря на то, что на севере Маргианского оазиса исследованы очаги древнеземледельческой цивилизации, восходящей своим началом к IX в. до н. э.[8], связать события восстания с каким-то конкретным пунктом и тем более с Гяур-калой пока затруднительно.

Город же, который застал Александр Македонский, М. Е. Массон считает возможным отождествить с Эрк-калой, а поселение на Гяур-кале — с основанной здесь завоевателем Александрией[9]. Позднее, по сообщению Страбона, Антиох Сотер (280—261 гг. до н. э.) один из селевкидов, к владениям которых отошла Маргиана, основал здесь город Антиохию и всю округу обвел стеной[10].

Но, если о Мерве поры античности можно составить по сохранившимся историческим сведениям весьма ограниченное представление, то его историческая топография периода раннего и особенно развитого средневековья, благодаря исследованиям ориенталистов В. А. Жуковского и больше всего В. В. Бартольда, выясняется довольно подробно. И хотя источники повествуют больше о городе на территории Султан-калы, из них можно извлечь сведения о характере укреплений, элементах внутренней городской топографии, водоснабжении города на Гяур-кале. Все арабские авторы IX—X вв. пишут о названиях четырех ворот: Дермушкан, Синджан Балин и городские, или рабадские[11], которые М. Е. Массон прилагает соответственно к северным, восточным, южным и западным воротам Гяур-калы. Последние выводили в пригород-рабад. Из четырех каналов Мерва — Хурмузфарра, Маджан, Разик и Ас'ади-ал-Хурасани — к внутреннему городу отношение имел только один Разик[12], который еще В. А. Жуковским был отождествлен с сухим руслом, идущим вдоль западного и частично северного фаса Гяур-калы. Из него вода растекалась по хаузам. Географ X в. Мукдиси пишет о недостатке воды в городе и об обветшании самого города,

цитадель которого (Эрк-кала) уже была покинута, но вода туда поступала и в ней разводили бахчи.

Раннесредневековый город имел общественные здания. Ибн-ал-Факих излагает рассказ о существовании в Мерве большого старинного дома под названием Кей Марзубан, украшенного изображениями двух мужчин и двух женщин[13]. Во внутреннем городе, согласно Истахри и Макдиси, была выстроена и первая соборная мечеть. Вскоре она была перенесена, как и базары, на канал Разик, а затем в VIII в. на канал Маджан[14]. В этом перенесении места соборной мечети В. В. Бартольд видел отражение постепенного оставления домусульманского Мерва, в результате чего «жизнь всецело перешла в западное предместье»[15].

В. А. Жуковский с ссылкой на Самани отнес окончательное запустение города на Гяур-кале ко времени не позднее половины XII в.[16] В. В. Бартольд в противовес этому мнению считал, что в эпоху между XI и началом XIII в. старый шахристан еще не был окончательно покинут жителями и цитадель его имела еще некоторое значение[17].

Руины города еще в прошлом веке привлекали к себе внимание путешественников, ученых и просто интересующихся историей края своими масштабами, производя впечатление глубокой древности. Так, побывавший здесь в 1881 г., О'Донован считал именно Гяур-калу древнейшим Мервом[18]. В описании он, правда, путает это городище с Султан-калой. Так, говоря о Шахрияр-арке — цитадели Султан-калы, он помещает его в Гяур-кале. Тем не менее из его сочинения можно почерпнуть некоторые данные о внутреннем рельефе, детали которого ныне стерлись или различимы менее явственно. Он смог определить пролом в стене вблизи северо-западного угла, как место ввода в город древнего ирригационного канала, ложе которого было тогда хорошо различимо. По мнению О'Донована, вода поступала в него от плотины Бент-и-Султан на Мургабе, которую он считал сооруженной в древности[19]. Во время посещения О'Донованом городские стены были около 18,5 *м* (6 футов) высоты, что соответствует и теперешнему их состоянию. Обособленная низина в юго-западном углу квадрата городища была принята О'Донованом за чашу небольшого водоема, в котором в древности запасалась вода для нужд обитателей города.

Выше уже говорилось об огромном значении работ ориенталистов В. А. Жуковского и В. В. Бартольда по составлению свода письменных источников по истории Мерва и разработки некоторых вопросов его исторической топографии. Это — одна из причин того, что, оставляя в стороне разбор письменных источников в данной работе, мы коснулись лишь тех сведений, которые самым непосредственным образом связаны с материалами археологических раскопок. Из зарубежных авторов, писавших одновременно с В. В. Бартольдом о Мерве периода его существования на городище Гяур-кала, верное представление содержится у Г. Ле Стрэнжа. Он приводит описание города по Истахри, Ибн-Хаукалю и Макдиси и останавливается на некоторых элементах городской топографии[20]. Говоря о четырех каналах и их водном режиме он также отмечает, что к внутреннему городу (медина) отношение имел лишь Разик. Однако собственных выводов автора о истории города, его расцвете и упадке в труде Г. Ле Стрэнжа не приводится.

Восстановить историю развития жизни и сложения города на территории Гяур-калы могли только археологические исследования. Это касается главным образом древних периодов его истории, о которых письменные источники почти полностью умалчивают.

Территория городища не раз становилась местом сбора археологического материала. У В. А. Жуковского приведен пример, как по распоряжению губернатора Закаспийского края А. В. Комарова 100 казаков за 2 часа собрали с поверхности ее 1500 штук монет и резных камней[21]. Находки эти науке не известны.

Первые раскопки, результаты которых опубликованы, были проведены В. А. Жуковским в 1894 г. в цитадели — Эрк-кале[22]. Для Гяур-калы им было составлено описание и схема городища, на которой, как уже указывалось, ворота помещены по два в западном и восточном фасе.

В 1904 г. на территории Мерва вела раскопки американская экспедиция под руководством геолога Р. Пампелли, в состав которой входил археолог Г. Шмидт.

В свое время В. В. Бартольд резко критиковал в рецензии на первый том публикаций экспедиции ошибочные теоретические положения и выводы, возникшие прежде всего от нехватки знаний об историческом прошлом края и от незнания достижений русского востоковедения[23]. В частности, в отчете Дэвиса, обследовавшего развалины Мерва, проводится мысль, что одни города, скрытые под ними, известны истории и насчитывают всего несколько веков существования, другие же, как Гяур-кала, производят впечатление гораздо большей древности, так как разрушены в большей степени[24]. Тем самым, как отзывается В. В. Бартольд, Дэвис исключает остатки города на Гяур-кале, описанные географами X в. из числа известных истории. Тем не менее вполне справедливо то, что Гяур-кала производит впечатление большой древности.

В следующем томе работ экспедиции содержатся материалы об археологических вскрытиях на Гяур-кале[25]. Кроме шурфов для физиографического исследования, которые, по замечанию самого Г. Шмидта, принесли мало пользы археологии, здесь были заложены два раскопа (внешний раскоп 1 и 2).

Первый, в двухстах шагах к югу от стены цитадели, представлял собой не что иное как большой шурф (4,43×3,15 *м*) глубиной в 8,24 *м*.

В публикации сведения о раскопе весьма кратки, стратиграфическое описание вообще отсутствует. Но из приведенного перечня находок с указанием уровней можно выделить 4 культурных слоя, датированных монетами и другими материалами: I слой мощностью около 0,9 *м* содержал остатки небольшого прямоугольного водоема из жженых кирпичей (20×20×3,5 *см*), обмазанного водостойким раствором, и сливной колодец глубиной более 2 *м*, прикрытый глиняной трубой (кобуром). Судя по размеру кирпича и сопровождающей керамике, в которой преобладала глазурованная (чираги желтой и зеленой поливы), слой, видимо, относится к IX—X вв.

Из описания Г. Шмидта явствует, что поливная керамика, а также «разрисованная черными узорами по глиняному фону» и покрытая желтыми пятнами, встречена во всех слоях раскопа до глубины 6,2 *м*[26]. Здесь явно речь идет о бадрабе, опущенном из верхнего слоя;

II слой более полутора метров, содержащий керамику и случайно попавшую монету Шапура I (242—272 гг. н. э.), в общем датируется аббасидским фельсом VIII в.;

III слой мощностью всего до 0,6 *м* датировать трудно, так как из него упоминается только одна находка — терракотовая фигурка коня

с отбитым всадником, окрашенная в черный и красный цвета. Подобные широко распространены были с III в. н. э. и позднее;

IV слой мощностью около 6,7 *м*, который по описанию содержал большое количество керамики и множество монет, невозможно разделить на более дробные периоды. Весь набор керамики, терракотовые фигурки типичного облика, костяной стиль, а главным образом монеты датируют его II—III вв. н. э.

Несмотря на то, что раскоп был доведен до глубины восьми с лишним метров, в описании никаких данных о содержимом нижнего слоя (1,5 *м*) не приводится.

Второй раскоп был заложен в юго-восточной части Гяур-калы рядом с одним из физиографических шурфов[27], открывшем здесь большие хумы для хранения припасов. Он был доведен только до глубины 1,5 *м*. Если верить описанию, здесь вместе с 9 хумами была обнаружена керамика, в том числе поливные желтые и зеленые чираги, бронзовые поделки, терракотовая фигурка коня и стеатитовый сосуд с резным орнаментом. Так что слой этот можно датировать IX—X вв., но при этом смущает тип хумов, бытовавший в Мерве с III по VIII в. н. э. Следует отметить, что характерная нечеткость описания часто без приведения уровней находок в отношении второго внешнего раскопа проявилась в наибольшей степени.

Кроме описанных раскопов, еще два были открыты в цитадели — Эрк-кале.

Выводы самих производителей работ относительно истории сложения города не пошли дальше признания единства и синхронности открытой в Гяур-кале и Эрк-кале культуры, которая была названа сасанидской и отнесена ко времени не раньше III в. н. э.[28] Этот вывод сделан на основании обнаруженных в раскопах и прочитанных А. К. Марковым сасанидских монет, хотя в описании находок приведены и более ранние парфянские: II в. н. э. и государя Санобара I в. н. э. Судя по заключению экспедиции о том, что город был основан на пустынной поверхности надувных песков и лессовых отложений, многие раскопы и шурфы доводились до материка. Однако упоминания о керамике, сходной с материалом курганов Анау, которые перед этим исследовала экспедиция, в описании не содержится. Остались ей неизвестными и материалы древнейших слоев из раскопов в Эрк-кале В. А. Жуковского, которые, правда, не были выделены и им самим. В публикацию попали лишь два биконических ядра для пращи из раскопа в цитадели и трехгранные бронзовые наконечники стрел анаусского типа. Таким образом, целый ряд фактов, полученных экспедицией и свидетельствующих о более глубокой древности обживания Гяур-калы и Эрк-калы, чем в III в. н. э., не были приняты ею во внимание. Замечание о том, что возникновение Гяур-калы, возможно, относится еще ко времени древнейших курганов Анау, прозвучавшее в отчете Хантигтона, не вытекает из анализа материалов раскопок на этом городище[29].

Но несмотря на серьезные теоретические ошибки, вызвавшие справедливую критику В. В. Бартольда, а также на низкий уровень методики археологических раскопок и отсутствие выводов по истории и исторической топографии города, отмеченные М. Е. Массоном[30], работы экспедиции имеют и некоторое положительное значение. Они впервые показали наличие в Гяур-кале культурных остатков античного времени, а опубликованные находки при современном уровне знаний об истории Мерва нашли свое место в стратиграфической колонке.

В 1924 г. Мерв посетил Е. Кон-Винер, немецкий ученый, специалист по истории стилей. Его заключение о Гяур-кале было явным шагом назад по сравнению с известными уже науке данными.

Как отметил В. В. Бартольд, Гяур-кала была названа им городом «несториан и арабов»[31]. Потом, уже познакомившись с работами экспедиции Р. Пампелли и В. А. Жуковского, он продолжал считать Гяур-калу менее древней, чем Искандер-кала[32], хотя к тому времени уже было твердо известно, что последняя не отдельное городище, а часть северного обвода позднего городища Султан-калы.

Результаты работ американской экспедиции, видимо, повлияли в какой-то степени и на вывод А. Ю. Якубовского об истории сложения города на Гяур-кале. Это городище он характеризовал как Мерв сасанидов и первых веков ислама[33].

Новые данные археологического порядка к истории городища были получены экспедицией А. А. Марущенко и Б. Б. Пиотровского в 1937 г. Правда, в печати отражены лишь результаты работ самого Б. Б. Пиотровского[34]. Весьма важным было исследование им подстилающих слоев Мерва, которые были выявлены в цитадели Эрк-кале. Б. Б. Пиотровский впервые датировал керамический материал нижнего слоя второй четвертью I тысячелетия до н. э., отнеся его к культуре Анау—IV, и соответственно интерпретировал аналогичный материал, полученный ранее В. А. Жуковским[35]. Но раскопки были узки по масштабу и, как отметил сам Б. Б. Пиотровский, носили разведочный характер. Воссоздать же общую картину сложения и развития города Мерва, его историческую топографию на таком большом и многослойном городище, как Гяур-кала, где мощность культурных напластований доходит до 10 *м*, можно было лишь на основе раскопов на широких площадях и изучения стратиграфии. Причем вопрос об очаге первоначального обживания городской территории и направлении постепенного смещения городского центра мог быть решен при параллельном исследовании других мервских городищ и, прежде всего, цитадели Эрк-калы.

Все эти проблемы были поставлены Южно-Туркменистанской археологической экспедицией, руководимой М. Е. Массоном, когда с 1947 г. руины Мерва стали объектом ее пристального внимания. Начиная с этого времени ведется обследование микрорельефа Гяур-калы и сбор подъемного материала по квадратам: в 1947 г.—З. А. Альхамовой[36], в 1950 г.— М. Е. Массоном и В. И. Сарианиди[37]. В 1950 г. М. Е. Массоном был снят глазомерный план Гяур-калы с поднятием, где это было возможно, элементов городской топографии. Впоследствии, наряду с раскопочными работами, проводится выявление зон распространения подъемного материала разных эпох и нанесение их на план городища. В 1953 г. такое обследование проводилось Г. А. Пугаченковой[38], в 1962—1963 гг. — автором.

В результате выяснилось, что вся северная часть к востоку от городских ворот имеет на поверхности выходы слоев с керамикой типа Анау—IV. Большая часть площади северо-восточной четверти городища, а также низина в северо-западном и юго-восточном углах содержит на поверхности керамический материал поры существования Парфянского государства (III в. до н. э. — III в. н. э.). Кроме керамики, был обнаружен ряд признаков расположения здесь древних ремесел— керамического и металлургического. Отдельно стоящие бугры в этой части и массив наслоений, примыкающий к восточным городским воро-

там, покрыт керамическим материалом VI—VIII вв. н. э.; им же усеяна южная часть центрального плато городища вплоть до южных ворот, а также массивные бугры в юго-западной четверти. На массиве у южных ворот проступали остатки обжигательных печей, было разбросано много керамических шлаков, что позволяло предполагать здесь ремесленный квартал гончаров этого времени.

Материал IX—X вв. незначителен. Отдельными пятнами он встречается в южной и больше восточной частях городища, сравнительно плотно покрывает участок в центре и полосу рельефа от восточных ворот к западным. На этой полосе также отмечены в большом количестве следы обжигательных хумданов. В западной части Гяур-калы и на одном участке в центре выявлена керамика XI—XII вв. Близ западной стены, где культурные толщи наиболее значительны, на поверхности были встречены два пятна медных шлаков, криц и комков меди.

Обследования ЮТАКЭ первых лет как визуальные, так и стратиграфическая шурфовка сосредоточены были главным образом на выявлении материала и слоев, характеризующих античный период истории Мерва, не освещенный письменными источниками. Основной была выдвинута проблема отношения Мервского оазиса и самого Мерва к Парфянскому государству III в. до н. э. — III в. н. э. и выяснения облика и значения города этого времени. Несмотря на то, что глазомерный план, снятый М. Е. Массоном, в общем отразил картину города X—XII вв., были выявлены отдельные элементы топографии античного времени. Парфянская традиция сказалась прежде всего в регулярности его планировки, определенной четырехчастным делением квадрата главными уличными артериями, идущими от ворот. Северо-западный угол слегка срезан из-за прохождения русла канала. Уже первые годы работ на городище позволили М. Е. Массону в 1950 г. говорить об установлении совершенно новых положений в понимании прошлого Мерва, прежде всего его ранних этапов. Было установлено, что в эпоху развитого рабовладельческого общества город процветал. Не только обжита была вся территория Гяур-калы, но были четко выражены ремесленные кварталы в ее северо-восточной четверти[39]. Начиная с 1950 г., с момента создания в Мерве стационарного лагеря ЮТАКЭ, ведется регулярное исследование Гяур-калы (рис. 1). В том же году в северо-восточной четверти городища был заложен шурф № 1 (производитель работ Г. В. Шишкина) и раскоп 2 (М. С. Мерщиев, С. Рашковская, А. Сарианиди). Для них был выбран бугор в 150—200 *м* к юго-востоку от Эрк-калы, усеянный шлаками и кусками железных криц. Работы на объекте велись и в 1953—1954 гг. и выявили остатки мастерской ремесленника-медника, функционировавшей на одном месте с III в. до н. э. до III в. н. э.[40]

Почти в центре городища, прорезая южную стенку внешнего раскопа 1 американцев, заложен шурф № 2 (Д. Г. Зильпер). Превращенный в контрольный шурф-раскоп, он был доведен до материка в 1953 г. (Н. Герцман). В этом же году начат разведочный раскоп 3-а (Г. Трапезников) и раскоп 3-б (Л. М. Рутковская) на двух рядом стоящих буграх в северо-восточной четверти городища. Последний (Р-3) раскапывался в течение полевых сезонов 1954—1964 гг. (Л. Рутковская, Ю. А. Каширова, В. И. Белоусов, Г. Я. Дресвянская). В 1953 г. до материка были опущены несколько шурфов, не связанных с раскопами: шурф № 3 (З. И. Усманова) в проеме северных городских ворот и шурфы № 7 и 8 на полосе вдоль северной городской стены (С. Б. Лу-

нина). Тогда же был начат раскоп 6 на массиве, примыкающем к северным городским воротам. Полевые работы велись здесь вплоть до 1957 г. (М. С. Мерщиев, К. Кацурис, Д. П. Вархотова). В результате был выявлен обширный по площади, но тесно застроенный квартал ремесленников-мукомолов II—IV вв. н. э., состоящий из десяти самостоятельных хозяйств, сочетавших в себе производственные, жилые помещения и хранилища[41]. В 1953 г. разведочным раскопом 4 исследовано скопление отвала продукции гончарной печи раннепарфянского времени в юго-восточном квадрате Гяур-калы и вскрыты раскопом 5 обжигательные хумданы квартала гончаров II—III вв. н. э. в северо-восточной части (производитель работ И. Ахраров).

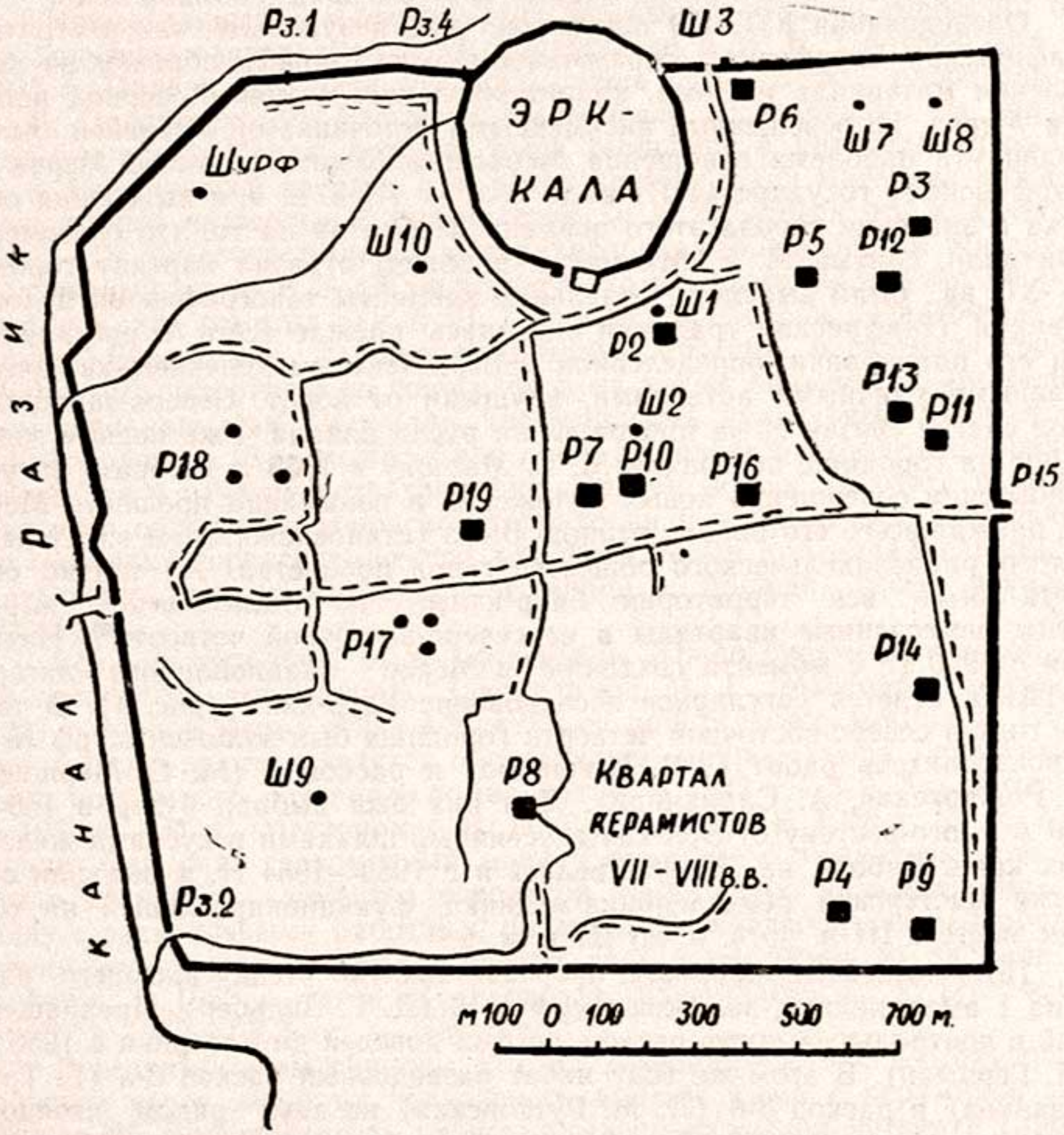

Рис. 1. Схема расположения стратиграфических раскопов и шурфов на городище Гяур-кала.

С 1955 по 1958 г. исследовался квартал гончаров VII—VIII вв. вблизи южных ворот городища[42] (Е. З. Заурова, М. Филанович, две печи расчищены еще в 1952 г. В. И. Сарианиди). В 1955 г. разведочный раскоп 8 заложен на отдельном бугре, выходящем на площадь в районе южных ворот. В этом же 1958 г. работы вел М. С. Мерщиев, в 1962 г. — М. И. Филанович. Расчищено общественное здание с массивными стенами. В центре Гяур-калы раскопом 7 выявлено здание соборной мечети Мерва, сохранившееся до XI—XII вв. (1958—1964 гг.— М. С. Мерщиев, Д. Сидорова, У. Алимов, Т. Ходжаниязов), а раскопом 10 — крупное здание, выполнявшее в это время функции «ханако» (1960—1961 гг.— Т. Ходжаниязов).

В полевые сезоны 1957—1958 гг. исследовались и городские стены Гяур-калы. Раскоп 2 (стена) был заложен Ш. С. Ташходжаевым в юго-западном проеме над вводом канала[43], раскоп (стена)—М. Н. Федоровым на северо-западном отрезке стены.

С 1960 г. раскопом 9 начато исследование отдельно стоящего высокого бугра в юго-восточной четверти городища (Г. Дадабаев, Г. А. Кошеленко, Л. Букинич, Н. Юсупов, Т. Беляева). Раскопки продолжаются. Уже выявлены остатки буддийской «ступа», к которой подводила декоративная лестница, руины общежития монахов — сангарама, а также части огромной глиняной статуи Будды[44]. Сооружение ступа, по-видимому, относится ко II или III вв. н. э.

В 1961 г. было продолжено изучение городских стен городища. Предпринят разрез до материка северной стены у стыка ее со стеной цитадели (Г. А. Кошеленко). Стратиграфический разведочный раскоп (Р-12) на втором отдельно стоящем бугре в северо-восточной четверти Гяур-калы был заложен в 1962 г. и продолжен до 1965 г. (З. Хакимов, А. Коновалова). Выявлены остатки крупного общественного здания с залами и сплошной кирпичной башней раннесредневекового времени. Раскопом 13 в течение полевых сезонов 1962—1964 гг. изучался жилой дом среднего горожанина II—III вв. н. э. в восточной части Гяур-калы (В. А. Абдулгазиева, Э. Масимов).

В 1962—1963 гг. проведено было углубленное разведочное исследование стратиграфических верхних напластований городища. Раскопами 11, 16, 19 произведено вскрытие пяти гончарных печей и выявлены границы квартала керамистов IX — начала X в., располагавшегося в центре Гяур-калы вдоль улицы от восточных ворот к западным (Н. И. Крашенинникова, М. И. Филанович, Н. Галочкина).

Раскопами 17 и 18 (Н. Галочкина) и шурфами № 9 и 10 (Н. И. Крашенинникова) исследовалась стратиграфия западной части городища, а раскопами 14 и 15 — восточной.

В результате многолетних работ на указанных объектах накоплено большое количество фактов и наблюдений, а также огромный вещественный материал, характеризующие вопросы исторической топографии города, фортификации, облик культовых, общественно-административных зданий и жилища горожан разных сословий. Существенно пополнились знания по истории ремесел и организации ремесла эпохи рабовладения и феодализма. Открыты мирового значения памятники искусства разных эпох. Большая часть материалов уже отражена в печати, другая — еще ждет своего освещения. В задачу данной работы входит обобщение результатов исследования стратиграфии Гяур-калы и комплексов вещественного материала из слоев. Заметим, что согласно археологической методике, принятой ЮТАКЭ, на каждом раскопе

с большой площадью вскрытия обязательно осуществляется закладка одного или нескольких стратиграфических шурфов до материка. В связи с указанной задачей уместно будет остановиться на некоторых вопросах истории развития керамического производства. На Гяур-кале четко и стратиграфически последовательно выделены остатки указанного производства, начиная от раннепарфянской эпохи и кончая X в., так что представляется возможность проследить не только непрерывную эволюцию форм посуды, типов обжигательных горнов, но и технологию ремесла на протяжении этого периода.

Автор по стратиграфическим данным пытался проследить динамику развития городской жизни с середины I тысячелетия до н. э. по XII в., а также по возможности изменение ее социально-экономической направленности на разных этапах существования города на Гяур-кале.

К истории сложения древнейшего поселения на территории Гяур-калы

Материалы, характеризующие период первоначального заселения территории, орошаемой протоком Разик, т. е. площади будущей Гяур-калы, добыты при стратиграфическом исследовании северо-восточной четверти и центральной части городища.

Как указывалось выше, керамические фрагменты типа Анау—IV устилали поверхность всхолмленной полосы вдоль северного участка городской стены. Слои с этим материалом обнаружены в шурфе № 2, 3, шурфе № 1 раскопа 6, шурфах № 7, 8, шурфе № 1 раскопа 12 (рис. 2). Сразу отметим, что важную роль в итерпретации и датировке материалов подстилающих слоев Гяур-калы сыграли результаты параллельно ведущегося ЮТАКЭ исследования Эрк-калы, а также изучение стратиграфии группы памятников Северной Маргианы, проведенное В. М. Массоном. Предложенная им таблица относительной хронологии земледельческой культуры Древней Маргианы, где период Анау—IV разделен на два — Яз—II и Яз—III, не только служит существенным источником аналогий, но и как бы проходит проверку на мервском материале.

Интересные наблюдения к характеристике первоначального обживания площади Гяур-калы дал шурф № 3 (2×2 $м^2$), заложенный в проёме северных городских ворот в непосредственной близости от Эрк-калы. Здесь под кирпичной кладкой городской стены прослежен стерильный слой нанесенного песка полуметровой толщины. Под ним залегал плотный метровый слой желтого цвета с включением перегнивших органических масс, образовавшийся, видимо, в процессе заболачивания местности или обработки почвы в древности. Из слоя вынуты три фрагмента керамики с крючкообразным венчиком и один с тонким прямым краем. Все они в изломе красного черепка и покрыты зеленовато-белым ангобом. Здесь же было найдено биконическое обожженной глины ядро для пращи[45].

Слой залегал непосредственно на материке, состоящем из чередующихся прослоек глины и песка, на глубине 3,5 *м* от дневной поверхности. Из стратиграфии этого участка видно, что он был обжит в древности и существующие стены городища к этому поселению не имели никакого отношения. Они появились намного позже, уже после того как культурный слой поселения был размыт и площадь занесена песком. Приблизительно время существования этого древнейшего поселения

определяет тип крючкообразных венчиков сосудов из размытого слоя. Такой профиль закраин характерен для керамики стадии Яз—II (середина VII и середина VI вв. до н. э.) согласно хронологической таблице, установленной для оазисов Северной Маргианы (рис. 3)[46].

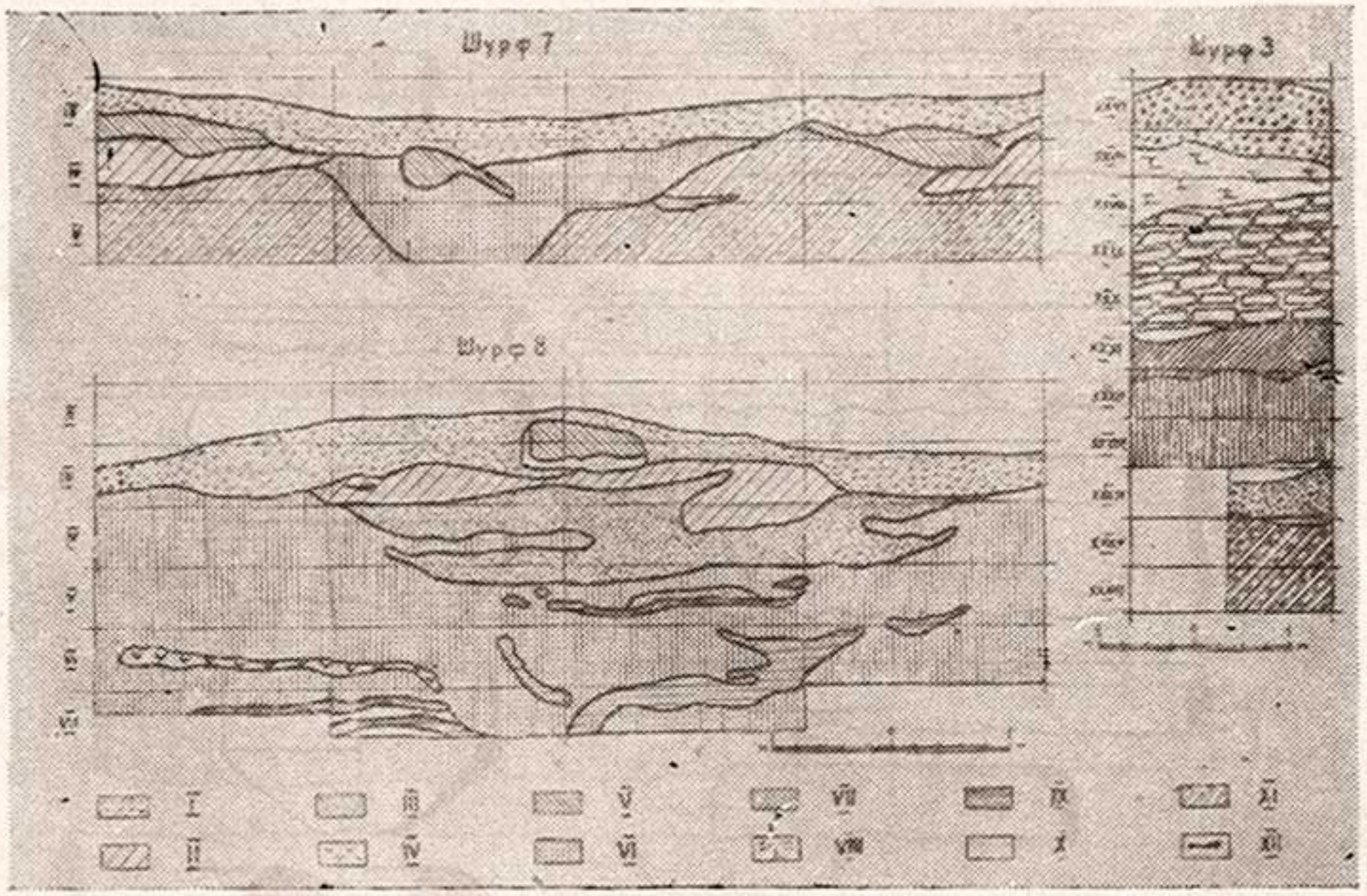

Рис. 2. Развертка шурфов № 3, 7, 8: I — пушонка; II — натечно-надувной слой; III — осадочный песок; IV — селитроносный слой; V—VII — стерильный наносный песок; VI — культурный слой с керамикой IV в. до н. э.; VIII — разрушенная кирпичная кладка; IX — плотный темно-коричневый слой; X — рыхлый лесс; XI — материковая болотная глина; XII — туюн.

Тот же размытый слой с двумя фрагментами крючкообразных венчиков, залегающий на материковом грунте зафиксирован в 100 *м* к востоку от шурфа № 3 в шурфе № 1 раскопа 6. Здесь он был перекрыт прослойками болотной глины и наносного песка общей толщиной в 0,7 *м*, также свидетельствующих о запустении. Но на участке раскопа 6 на этом слое зафиксированы отложения культурных остатков мощностью в один метр с керамическими фрагментами, в общем укладывающимися в комплекс стадии Яз—III[47]. Это—красного черепка и светлого ангоба банки с прогнутыми стенками и резким перегибом у дна, а также сосуды покрупнее (хумчи) с валикообразным или манжетовидным венчиком, датируемые V—IV вв. до н. э. (рис. 4)[48]. Этот слой без видимой разницы в структуре переходит в вышележащий с несколько отличным материалом. Незначительным разделителем служит лишь тонкая прослойка песка, отмеченная на половине площади шур-

фа. Керамический материал вышележащего слоя, наряду с фрагментами Яз—III, включает в значительном количестве черепки посуды, характерной для Мерва III—I вв. до н. э.[49]

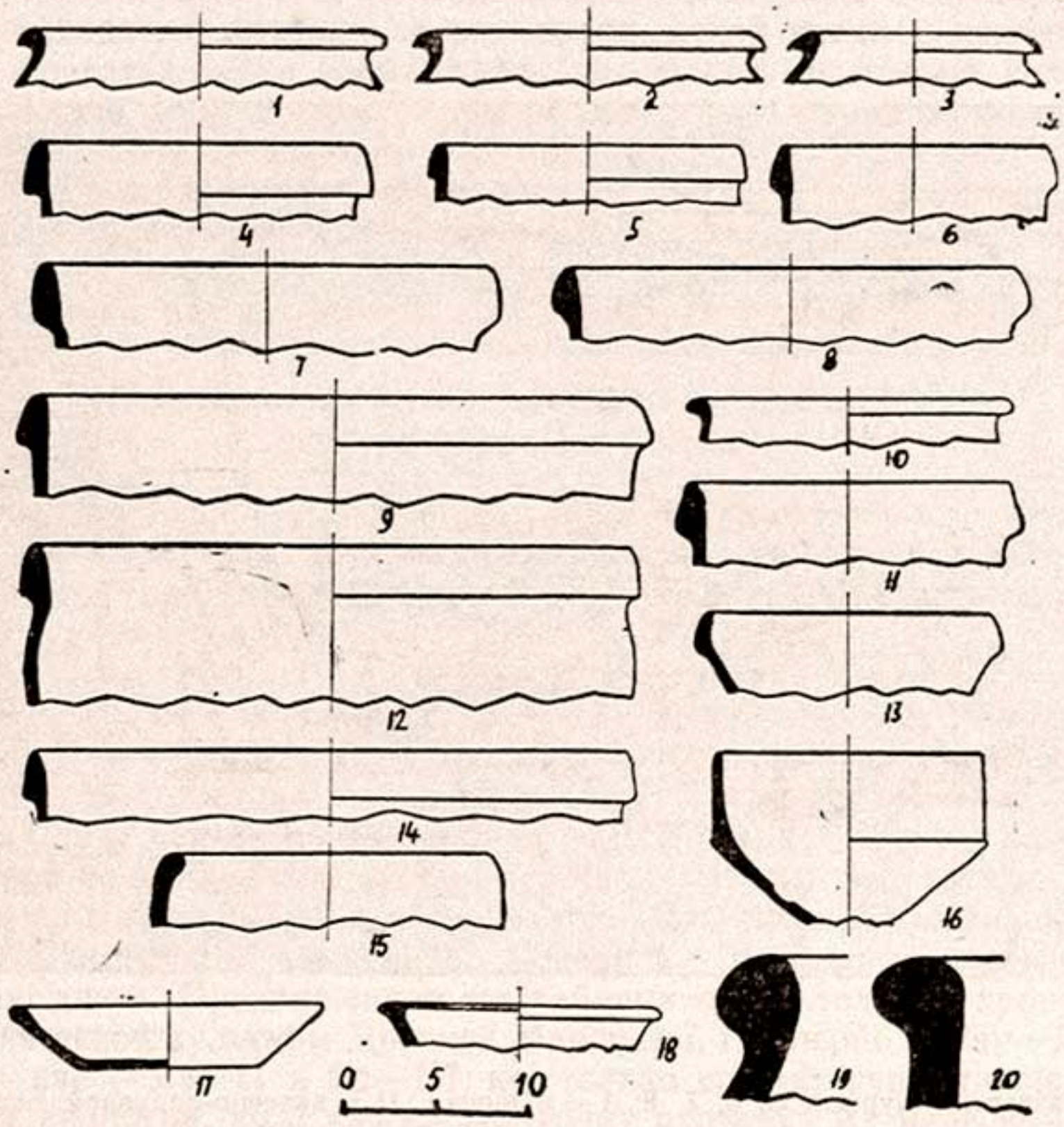

Рис. 3. Керамика IV в. до н. э. из шурфов № 7, 8: *1, 2, 3* — фрагменты VI в. до н. э. из шурфа № 3. Составила М. Филанович.

Кроме широкогорлых кувшинов и чаш с краями загнутыми внутрь или отогнутых наружу, это также кубки с коническим туловом и изгибом стенки на выступающем поддоне. Таким образом, в этом шурфе после периода запустения более раннего поселения прослежены остатки жизни V—IV вв. до н. э., а главное стратиграфически четко выделен культурный слой, материал которого является как бы переходным от стадии Яз—III к раннеантичным формам. Поскольку выше этого слоя, строго его ограничивая, залегала кирпичная кладка из сырца 41×41×11 *см*³ стен помещения, из заполнения которого извлечена монета Артабана II (129/8—124 г. до н. э.), то, очевидно, датировать этот слой можно IV—III вв. до н. э.

Несколько иная стратиграфия выявлена в шурфе № 2 в центре городища (рис. 5). Этот шурф 12×2 *м*, расширенный до размеров рас-

копа, заложен в 300 *м* к югу от Эрк-калы. Он прорезал стенку американского «внешнего раскопа 1». Доведенный до глубины 12,5 *м* (из них два метра пройдено уже в материке) он обнажил свиту слоев, накопившуюся от середины I тысячелетия до н. э. до IX—X вв. Шурф стал одним из основных контрольных пунктов, где были выявлены строго датированные комплексы керамики, послужившие основанием для периодизации истории Мерва.

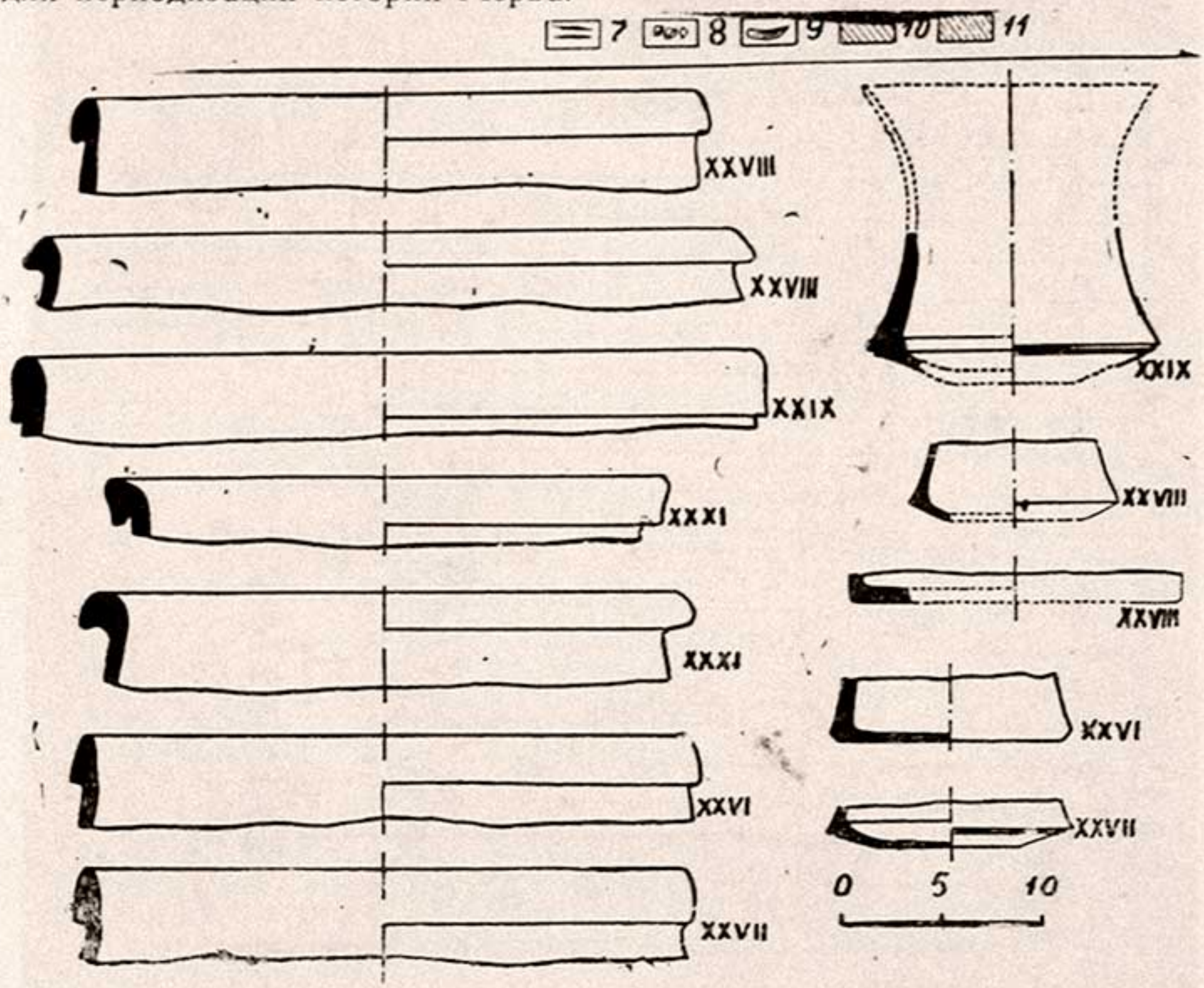

Рис. 4. Керамика V—IV вв. до н. э. Составил К. Кацурис.

Здесь на материковом грунте, состоящем из светлой глины и песка, перемеженного прослойками болотной глины, также выявлен слой мощностью 2,5 *м*, светло-желтого цвета с органическими прослойками, углем, пятнами обгорелой земли и костями животных[50]. Слой насыщен керамикой, облик которой в нижних ярусах несколько отличается от материала верхних. Черепки из нижних ярусов принадлежали сосудам хорошей выделки на гончарном круге, плотной отмучки и ровного обжига, покрытым снаружи светлым ангобом по красному черепку. Характерные формы: банка с прямыми стенками и резким перегибом у дна и чаша с таким же перегибом (рис. 6), то есть посуда комплекса Яз—III (V—IV вв. н. э.). В верхних же ярусах слоя преобладали фрагменты крупных сосудов с манжетовидными венчиками, а также встречены миски и плошки с округлым профилем закраины, выступающие донца чаш и черепок широкогорлого кувшина с клювовидным профилем края. Примечательна находка в этом же слое фрагмента кубка

с прямым венчиком. Так что здесь наблюдается та же картина, что в шурфе № 1 раскопа 6, когда форма Яз—III сосуществует в одном комплексе с более поздними сосудами, но здесь поздняя примесь не так

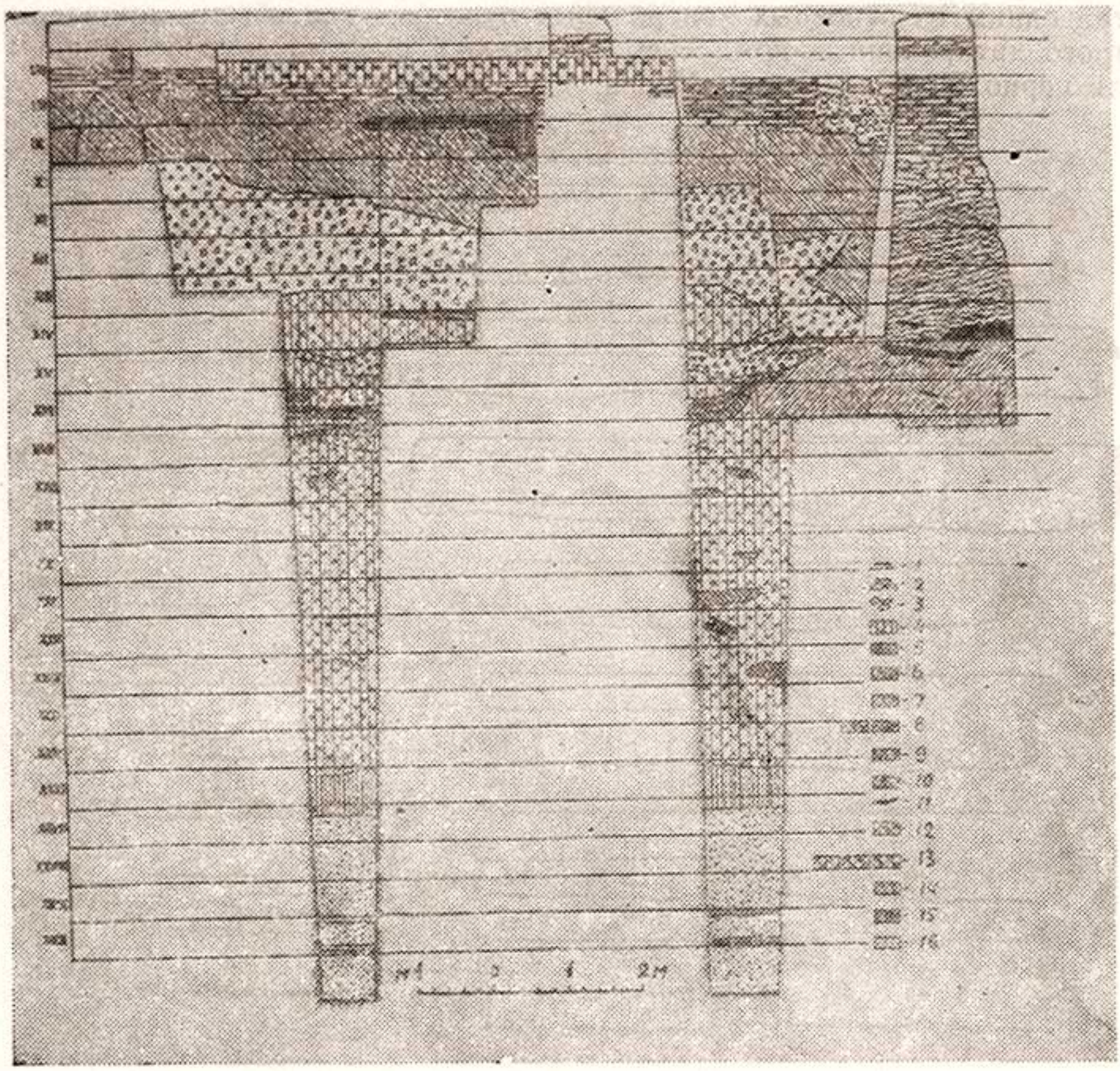

Рис. 5. Развертка шурфа № 2: *1* — жженый кирпич; *2* — сырцовая кладка; *3* — разрушенный сырец; *4* — забутовка из глины с кусками сырца; *5* — пахса; *6* — плотный завал с кусками кирпича, углями, керамикой IV — начала VI в. н. э.; *7* — рыхлый завал; *8* — натечный слой с керамикой; *9* — отвал керамики вперемешку с костями, перегнившими органическими остатками, золой; *10* — селитроносный слой; *11* — темные прослойки золы и угля; *12* — слой с фрагментами керамики, частицами гипса, органическими остатками; *13* — тот же слой с иным керамическим материалом; *14* — светлая глина с коричневыми пятнами; *15* — туюн; *16* — песок. Составила Г. А. Пугаченкова.

значительна. Отметим, что следующий культурный слой в шурфе № 2 мощностью в 3 *м* той же структуры, что и нижележащей, содержал только фрагменты чаш, мисок, кубков, кувшинов на выступающем кольцевом поддоне без примеси керамики Яз—III.

Этот вышележащий слой датирован монетами II—I вв. до н. э.

Таким образом, в шурфе № 2, кроме нижних ярусов с чистым материалом Яз—III, выделяются верхние ярусы древнего культурного слоя, которые можно датировать исходя из внутренней стратиграфии второй половины IV—III вв. до н. э. Подобное не мог наблюдать В. М. Массон на памятниках Северной Маргианы, поскольку они не сохранились до этого времени. По его заключению, жизнь в северных оазисах замерла окончательно в середине IV в. до н. э.[51]

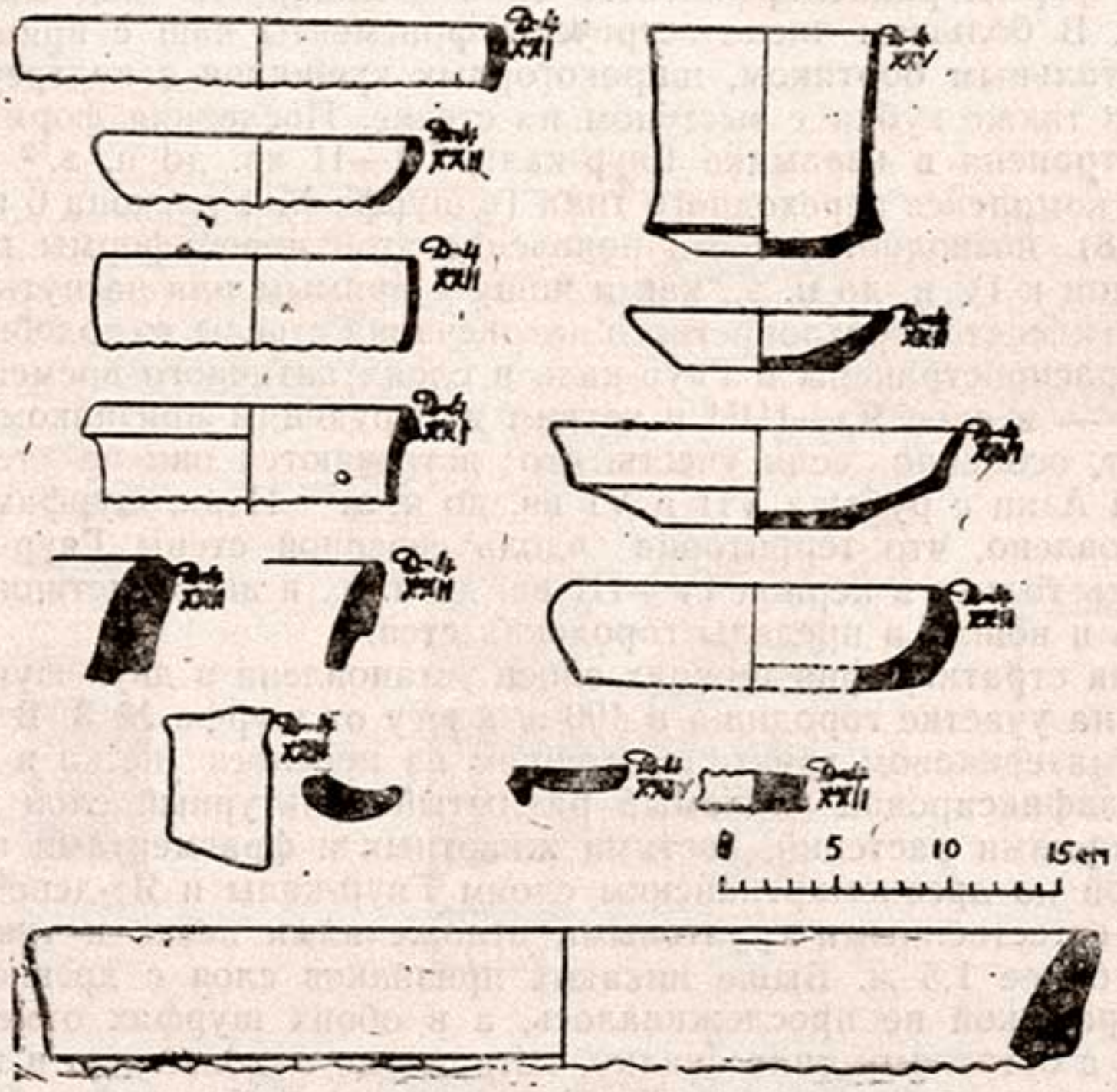

Рис. 6. Раскоп 12. Развертка шурфа № 1. Составили М. Филанович, З. Хакимов.

Культурный слой с керамикой смешанного типа обнаружен еще в двух пунктах — в шурфах № 7 и 8, заложенных на холмистой полосе вдоль северной стены городища, где на поверхности разбросан был материал типа Яз—III. Оба шурфа размером 2×2 *м* доведены до материка на глубине 1,5 и 3 *м*. Культурный слой в этой части оказался незначительным и однородным.

В шурфе № 7, удаленном от шурфа № 3 на 250—300 *м* к востоку, не зафиксирован размытый слой древнейшего поселения, хотя подстилающей здесь была болотная глина. На ней залегал метровый культурный слой светло-коричневого цвета с небольшим включением керамики. Он был перекрыт до современной дневной поверхности рыхлым натечно-надувным слоем с линзами наносного песка.

В шурфе № 8 на естественном слое болотной глины отмечен полуторараметровый пласт того же типа, что в шурфе № 7, плотный, коричневого цвета с линзами органических остатков и фрагментами керамики. Из него извлечен трехлопастный бронзовый наконечник стрелы. Выше до поверхности все перекрывал полуторараметровый слой натечно-надувного характера с преобладанием светлого и темного песка. Керамика из культурного слоя обоих шурфов идентична содержимому верхних ярусов древнего слоя из шурфа № 2, но здесь, как и в шурфе № 1 раскопа 6, формы раннепарфянского типа доминируют над материалом Яз—III. В большом числе встречены фрагменты чаш с прямым или горизонтальным бортиком, широкогорлых кувшинов с подтреугольным краем, а также кубка с выступом на стенке. Последняя форма широко распространена в керамике Гяур-калы III—II вв. до н. э.[52] Наличие же ее в комплексе переходного типа (в шурфе № 1 раскопа 6 и шурфах № 7 и 8) позволяет отнести появление этой новой формы гончарной продукции к IV в. до н. э., как и чашу с прямым или загнутым бортиком. Что касается трехлопастного наконечника стрелы, то подобные повсеместно распространены в Гяур-кале в слоях античного времени[53], а на Яз-депе — в слое Яз—III[54] и четким датирующим признаком служить не могут, особенно если учесть, что встречаются они на территории Средней Азии с рубежа VII и VI вв. до н. э.[55] Итак, шурфами № 7 и 8 установлено, что территория вдоль северной стены Гяур-калы обживалась только в период IV—III вв. до н. э., а впоследствии пустовала, хоть и вошла в пределы городских стен.

Иная стратиграфия нижних слоев установлена в двух шурфах раскопа 2 на участке городища в 400 *м* к югу от шурфа № 3. В одном из них на материковом грунте, состоящем из прослоек песка и глины — туюна, зафиксирован знакомый размытый культурный слой с ракушками, корнями растений, костями животных и фрагментами керамики, известной по древнемаргианским слоям Гяур-калы и Яз-депе[56]. Он перекрыт естественными грунтовыми отложениями песка и туюна мощностью более 1,5 *м*. Выше никаких признаков слоя с древнемаргианской керамикой не прослеживалось, а в обоих шурфах отмечены наслоения с остатками типа свалки, которые по нахождению в них керамики и двух парфянских монет II в. до н. э. и бактрийской монеты Евтидема I (230—200 гг. до н. э.) датируются концом III—II вв. до н. э. Размытый слой отмеченного характера зафиксирован и в шурфе № 1 на шлейфе холма[57] с раскопом 2.

Как видно из вышеизложенного, этот размытый слой обнаружен в нескольких пунктах северо-восточной четверти городища, находящихся на значительном расстоянии друг от друга. Везде он был перекрыт значительными естественными отложениями, а в ряде точек еще и культурными наслоениями с керамикой Яз—III или смешанным материалом. Так что, видимо, это не просто ирригационные наносы, а остатки культурного слоя поселения, существовавшего на территории Гяур-калы в эпоху, предшествующую Яз—III. В силу каких-то причин оно пришло в запустение и было размыто при разливе блуждающих русел Мургаба.

Как уже отмечалось, слои с древнемаргианским материалом не отмечены пока в южной и западной части городища. Восточную же границу их распространения фиксирует раскоп 12, удаленный на 450 *м* к востоку от шурфа № 3 (рис. 7). В шурфе № 1 этого раскопа на глубине 6,5 *м* от верха холма и 1,5 *м* от современной поверхности вокруг

него отмечен слой песка с включением хозяйственных остатков и керамики смешанного типа Яз—III и раннепарфянской (IV—начало III в. до н. э.). Остатков размытого древнейшего слоя на этом участке уже не обнаружено. Дальше к востоку до крепостной стены Гяур-калы непосредственно на материке зафиксированы лишь отложения с материалом конца III—II вв. до н. э. Таким образом, стратиграфически удалось не только обнаружить слои древнейшего поселения и определить примерную площадь их распространения, но и оконтурить район,

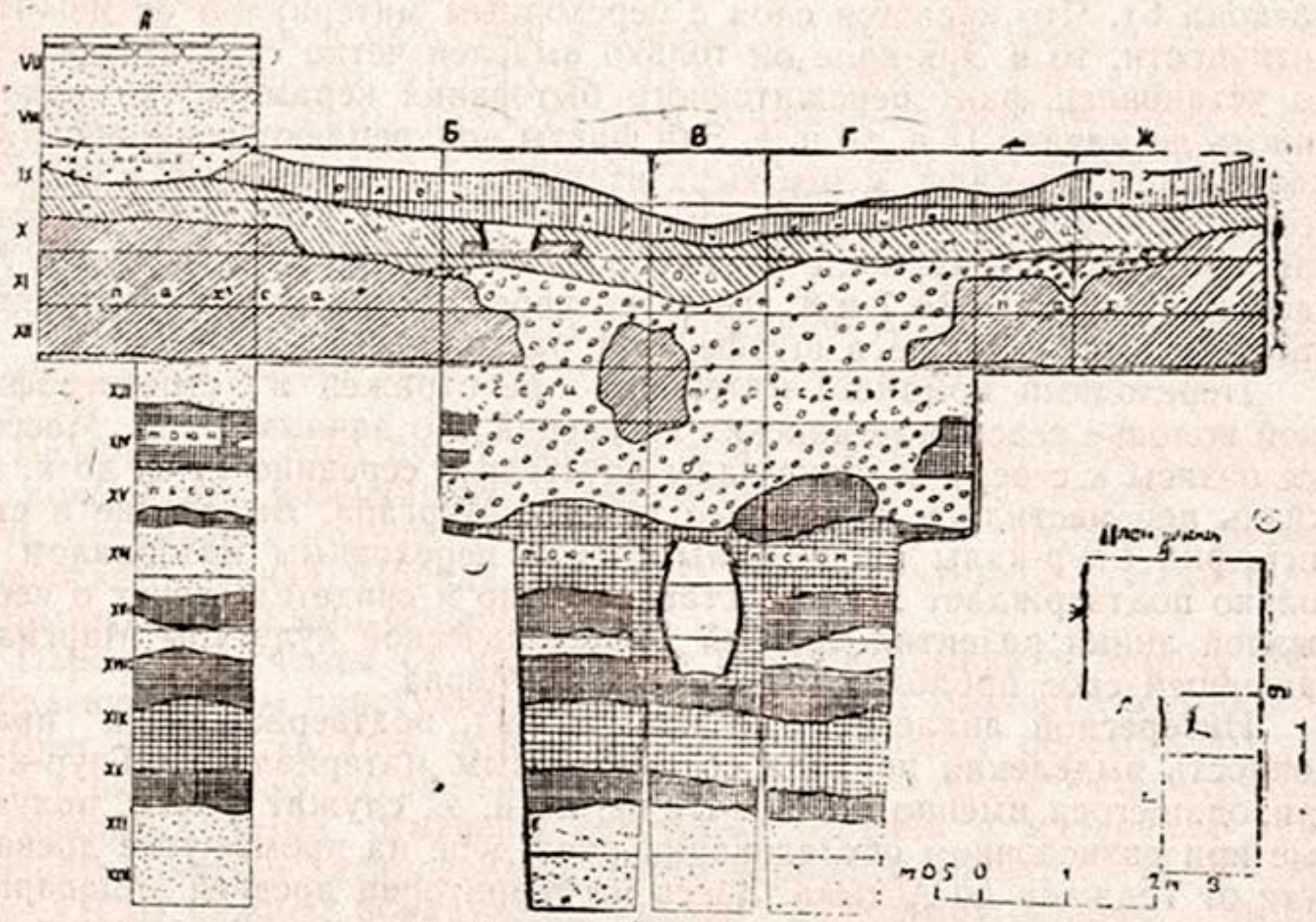

Рис. 7. Развертка шурфа № 1 Р-12.

занятый поселением в IV — первой половине III в. до н. э., существовавшем еще до возведения городских стен. В связи с этим необходимо упомянуть о некоторых результатах параллельного стратиграфического изучения Эрк-калы. Начиная с 1953 г. здесь в ряде шурфов были получены З. И. Усмановой данные, позволившие отнести начало заселения ее территории к эпохе Яз—III (V—IV вв. до н. э.) или несколько раньше[58]. Наиболее интересные факты, подтверждающие правильность датировки периода Яз—III на мервской территории, дали работы в шурфе № 5 в 1962 г. Стратиграфическая последовательность напластований в общем перекликается с тем, что выявлено в Гяур-кале. Здесь непосредственно на естественном грунте песка и туюна встречено несколько клювовидных венчиков сосудов без видимого присутствия культурного слоя. Выше отмечен слой запустения, а на нем обнаружены хозяйственные остатки и следы пахсового строения в сопровождении керамики типа Яз—III. Все это перекрыто кирпичной платформой

(размеры плит не определены) с попавшими в замес глины фрагментами керамики, составляющей единый комплекс с нижележащим слоем. Кульурный слой (2,5 *м* толщины) над платформой включал керамику Яз—III вперемешку с раннепарфянскими формами посуды, то есть чашками, кубками, горшками. Из самого верхнего яруса этого слоя извлечена парфянская монета Митридата I (174—138 гг. до н. э.)[59]. Таким образом, здесь кроме слоя Яз—III выявлены остатки, видимо, более раннего обживания. Вообще на территории Эрк-калы слой классического Яз—III обнаружен повсеместно в противовес Гяур-кале, где он отмечен только в двух пунктах (шурф № 2 и шурф № 1 раскопа 6). Что касается слоя с переходным материалом от Яз—III к античности, то в Эрк-кале он только выделен четко стратиграфически, но установлен факт пережиточного бытования керамики с подкосом вплоть до начала II в. до н. э. Эти факты подкрепляют возможность на материале Гяур-калы, менее выразительном, выделить слой и комплекс керамики середины IV—середины III вв. до н. э. Как видно из описания, этот слой в Гяур-кале зафиксирован в шурфе № 2, в шурфе № 1 раскопа 6, шурфах № 7 и 8, где он не перекрыт никакими культурными отложениями, а также в шурфе № 1 раскопа 12.

Переходный комплекс материала не отражен в стратиграфической колонке севeромаргианских поселений. По данным В. М. Массона, все оазисы к северу от Гяур-калы опустели в середине IV в. до н. э. и жизнь переместилась на среднее течение Мургаба. Выделение в стратиграфии Гяур-калы и Эрк-калы слоя с переходным материалом не только подтверждает это представление, но и свидетельствует о непрерывной линии развития древней земледельческой культуры Маргианы, нашедшей свое продолжение на землях Мерва.

Интересной аналогией, на наш взгляд, подтверждающей правомочность выделения периода со смешанным материалом в Гяур-кале, приходящегося именно на IV—III вв. до н. э., служат факты, полученные при разведочном обследовании ряда депе на промежутке древнего пути от Теджена до Артыка. Здесь на территории древней Апаварктикены на многих памятниках на поверхности отмечена керамика с подкосом и клювовидными венчиками наряду с черепками раннеантичного облика. А в разведочном шурфе на Едиджа-депе близ Душака этот смешанный материал оказался в большом количестве в верхнем культурном слое, лежащем на слое классического Яз—III. Благодаря тому, что поселение на Едиджа-депе и другие прекратили свое существование в конце периода IV—III вв. до н. э. слой с переходным материалом четко зажат стратиграфически. Этот факт весьма важен вообще для периодизации археологической культуры Южного Туркменистана, так как заполняется доселе существовавшая лакуна в стратиграфической колонке.

Центры земледельческой культуры, характеризующейся общим признаком — керамикой с подкосом стенки, открыты в различных частях Средней Азии (Хорезм, Бактрия, Согд). Везде эта культура обычно датируется VII—IV вв. до н. э. Обычно скрытые под толщей поздних культурных слоев отложения этого времени труднодоступны для исследования. Если невозможно расчленить период VII—IV вв. до н. э., то подчас не менее трудно выделить период с переходным материалом.

Несмотря на многослойность, Эрк-кала и Гяур-кала оказались в более благоприятных условиях, чем другие пункты. Выявление в Гяур-кале переходного периода стратиграфически, наличие к северу памят-

ников с поверхностным культурным слоем V—IV вв. до н. э., а к западу — с верхним слоем IV—III вв. до н. э. создало реальную возможность более дробной классификации этой древней культуры на территории Маргианы. Возможно, эта классификация окажется полезным опытом для пересмотра датировок культуры керамики с подкосом других земледельческих центров, где выявление переходного периода к античности стратиграфически затруднительно.

Мервская классификация подтверждает датировку IV—III вв. до н. э. переходного периода, выявленного на городище Старый Серахс. Здесь при разведочной шурфовке выше слоя, содержащего сосуды с подкошенным дном и округлым валикообразным венчиком, датированного А. А. Марущенко VII—IV вв. до н. э.[60], залегал слой с иным материалом. В нем формы нижнего слоя сопровождались сосудами с завернутым наружу краем и чашами, характерными для поры античности. В цитадели Серахса также как-будто выявлен, по данным А. А. Марущенко, этот слой переходного типа, датированный им же IV—III вв. до н. э.[61]

Аналогичный материал, судя по описанию А. А. Марущенко, был встречен и на Хосров-кале, но не выделен из комплекса VII—IV вв. до н. э[62].

Видимо, этот слой будет выявлен и на других памятниках подгорной полосы. На поверхности Элькен-депе, Анау разбросаны фрагменты керамики с подкошенным дном вперемешку с черепками раннепарфянского облика. Правда, материал этих памятников обладает некоторыми локальными особенностями.

Переходные черты от древнейших форм керамики к новому разнообразию посуды проступают и в материалах из раскопок в Хорезме, Бактрии, Согде, являясь основанием для выявления переходного периода в развитии культуры. Так, на Кюзели-гыре — одном из памятников архаичного Хорезма отмечены некоторые отличия в материале двух горизонтов, хоть и датированных одним периодом времени—VI—IV вв. до н. э.[63] В нижнем обнаружены кладки из прямоугольного сырца 52×25×12 *см*^{3}, характерного для архаичного строительства, в верхнем—из кирпича 40×40×10 *см,* типичного формата поры античности. Однако автор публикации не находит возможным отнести верхний горизонт ко времени позднее V в. до н. э. На другом памятнике—Калалы-гыре керамика, обладающая также рядом черт, присущих более позднему «кангюйскому» периоду, отнесена к V—IV вв. до н. э.[64] Позднее полученные данные на других памятниках Хорезма как будто подвергают сомнению эту слишком заниженную датировку. Раскопки в Хазараспе, особенно усадьбы близ Дингильдже, выявили убедительные факты, позволившие самим исследователям «попытаться охарактеризовать поздний этап архаического периода Хорезма, предшествующий кангюйской культуре»[65]. На поселении близ Дингильдже архаическая керамика сопровождалась расписными хумчами кангюйского типа, красноангобированными чашами с отогнутым бортиком, кувшинами. Причем вся эта посуда составляла комплекс, встреченный в одном помещении на полу. Стены постройки возведены из квадратного сырца[66] 42×42×10 *см*^{3}. Но автор раскопок датирует слой и комплекс инвентаря V в. до н. э. Еще больше новых черт отмечено в керамическом комплексе переходного типа с городища Хазарасп, где сохранился прямо на поверхности гончарный квартал, датированный авторами раскопок IV—III вв. до н. э.[67] Эти керамические формы (горшковидные со-

суды, чаши с отогнутым бортиком, кувшины) из Хазараспа и усадьбы близ Дингильдже дают довольно близкую аналогию посуде переходного периода IV—III вв. до н. э. Еще более близкая аналогия формам переходного периода из Гяур-калы обнаруживается в керамике из Бабиш-мулла I, отнесенной С. П. Толстовым к IV—II вв. до н. э.[68], хотя в ней нет баночных форм.

Таким образом, на материалах изучения древней культуры Хорезма, бесспорно, выделяется переходный период в развитии керамических форм, но сами исследователи относят появление новых черт в общем к V в. до н. э. Стратиграфическое изучение древней Маргианы и наблюдения на других памятниках Южной Туркмении позволяют считать, что здесь аналогичное явление происходило не раньше середины IV в. до н. э.

Тот же процесс замещения архаичного единообразия керамики новыми и многообразными формами посуды наблюдается в Согде и Бактрии. Судя по результатам стратиграфического исследования древнего Самарканда, здесь этот процесс также начался с IV в. до н. э. В шурфах на Афрасиабе керамика с подкосом стенки встречена в комплексе с чашами и тарелками с отогнутым бортиком и как в Гяур-кале с кубками на кольцевом поддоне в одном четко зажатом слое[69]. Факт появления этой формы кубка в IV в. до н. э. и сосуществования ее с архаичной керамикой отмечен и в Муг-депе (Таджикистан)[70]. Что касается другой формы кубка — стройных пропорций на вытянутой ножке, то при всем его широком распространении на территории Согда и Бактрии с III в. до н. э.[71] и возможном появлении даже в IV в. до н. э.[72]он не был характерен для гончарной продукции Маргианы.

Ко времени IV—III вв. до н. э., видимо, можно отнести и керамику с бактрийского памятника Калаи-Мир, которая была там встречена по полу одного помещения. По данным Н. Н. Забелиной, здесь древнейшая баночная керамика с подкосом (Кобадиан I) сосуществовала с тонкостенными полусферическими чашами с поддоном и пиаловидными сосудами, более характерными для следующего слоя Кобадиан II[73]. Данными стратиграфического изучения Мерва подтверждается правомочность предложенного ранее В. М. Массоном определения позднего этапа Кобадиан I, как относящегося к «более позднему времени, чем Яз—III»[74]. Наиболее четко комплекс керамики переходного типа стратиграфически выявлен на городище Халчаян. Прямую аналогию мервской посуде IV—III вв. до н. э. дает чаша с округлыми стенками и прямым профилем венчика, а также выступающие поддоны мисок[75]. Баночные же формы с подкосом из халчаянского комплекса отличаются большей округленностью ребра, в чем Г. А. Пугаченкова склонна видеть признак более поздней их датировки, но, возможно, в этом проявилась локальная особенность Халчаяна. Попытка выделить переходный комплекс керамики на материалах древних Бактр предпринята Ж. Гардэном. Но, очевидно, исследование древней части этого городища Бало Хисара при помощи узких зондажей не привело к разработке четкой стратиграфии, особенно стратиграфии нижних слоев. В результате не был обособлен и материал поры ахеменидов, а комплекс керамики, где сосуществовали «баночные» формы с подкосом и типы сосудов эллинистического периода, в общем отнесен ко времени V—III вв. до н. э.[76]

Таким образом, замена древнего стойкого единообразия форм бытовой посуды широким ассортиментом новых форм и типов, отличающихся и лучшим техническим исполнением, прослеживаемая на мате-

риале древней Маргианы, — не единичное явление. Это — часть общего процесса, идущего примерно в то же время и в других очагах развития земледельческой культуры на территории Средней Азии и вызванного, без сомнения, глубокими социально-экономическими сдвигами внутри среднеазиатского общества. Зарождение рабовладельческого способа производства определило быстрый рост производительных сил, выразившийся в качественно новых явлениях во всех областях экономики и общественной жизни.

Изучение стратиграфии нижних слоев Гяур-калы с привлечением сравнительных материалов позволяет следующим образом представить сложение и динамику развития древнейшего поселения ее территории. Из описания шурфов явствует, что в Эрк-кале и в трех пунктах Гяур-калы, удаленных от нее на восток и юго-восток самое большее на 200 *м*, обнаружен заболоченный слой с фрагментами крючкообразных венчиков и еще некоторыми культурными остатками, отделенный от верхних напластований отложениями песка и глины, говорящими о запустении территории и достигающими подчас 1,5 *м*. Обширность распространения этого слоя позволяет его считать остатками небольшого поселения, размытого при разливах русел Мургаба и заболоченного. Судя по внутренней стратиграфии и по аналогиям, существование его приходится скорее всего на конец периода Яз—II (VII—VI вв. до н. э.).

Работами ЮТАКЭ в Северной Маргиане установлено, что именно на VII—VI вв. до н. э. приходится наивысший расцвет всех трех ее оазисов. Подъем переживала яз-депинская и аравали-депинская группы и даже в начавшем было затухать Тахирбаевском оазисе возрождается поселение с цитаделью Тахирбай-депе. В. М. Массон связывает это с возможными качественными усовершенствованиями ирригационной системы[77]. Видимо, в этот период расцвета начинает осваиваться и среднее течение Мургаба и для орошения используются его притоки. Возможно, поселение на протоке Разик не было единственным, а входило в группу населенных пунктов, следы которых не так-то легко обнаружить, поскольку они вошли в обширную округу рабовладельческого, а затем феодального Мерва и скрыты под поздними наслоениями. Поселение на Разике занимало площадь Эрк-калы, участки к востоку и юго-востоку от нее и, видимо, небольшую площадь к северу. На последнее обстоятельство намекает обнаружение его слоя под северной городской стеной Гяур-калы. Поселение перестало существовать, видимо, еще в пределах периода Яз—II и размытые остатки его были погребены под илом и песком. Трудно понять причины запустения его, тем более, что в северных оазисах Маргианы не отмечается существенного разрыва между периодом Яз—II и Яз—III и только последний несет вполне определенные признаки общего упадка[78]. Возможно, здесь сказалось расположение поселения вблизи крупного протока, регулировать водный режим которого можно было с помощью плотин на Мургабе. Техника же ирригаторства первых насельников и их возможности не отвечали еще этим требованиям. Во всяком случае, размытый и заболоченный слой с остатками поселения указывает на то, что оно могло пострадать от разлива мургабских вод.

Возрождение жизни на Разике связано в основном с территорией Эрк-калы. Здесь во всех шурфах отмечены мощные наслоения периода Яз—III (V—IV вв. до н. э.). Сохранились высокие кирпичные платформы от строений этого времени[79]. Обжита вся ее площадь. К концу этого периода З. И. Усманова считает возможным отнести и возведение

первоначальных ее стен, придавших этому населенному пункту в плане вид многогранника. Это, видимо, то укрепленное поселение, которое фигурирует у Арриана как город Маргианы, к которому подошли войска Александра Македонского и которое получило название Александрии. На территории же Гяур-калы в этот период были, видимо, заселены лишь отдельные участки в непосредственной близости от Эрк-калы (с востока и юго-востока от нее). Слой с материалом Яз—III, как видно из описания, зафиксирован лишь в двух пунктах (шурфе № 2 и шурфе № 1 раскопа 6). Повсеместное же накопление нижнего слоя в северо-восточной четверти Гяур-калы приходится на последующий период середины IV—III вв. до н. э., причем характерно отсутствие какого-либо стратиграфического разделения между слоем Яз—III и наслоением с материалом смешанного типа. Таким образом, поселение середины IV—III вв. до н. э. явилось естественным продолжением и разрастанием вширь населенного пункта Яз—III. Забегая вперед, отметим, что именно в это время начинается постепенный подъем его, достигший наивысшего уровня в первых веках до н. э., когда Мерв был уже в системе Парфянского государства. Занимая в период Яз—III лишь отдельные участки близ Эрк-калы, населенный пункт в IV—первой половине III в. до н. э. распространился на восток уже почти до линии прохождения будущей городской стены, а на юг — до центра городища. Расширение и подъем поселения на Разике под защитой укрепленной Эрк-калы идет сначала параллельно с упадком и затуханием оазисов Северной Маргианы, из которых, видимо, на среднее течение Мургаба, переходит часть их населения. Именно с середины IV в. до н. э., когда жизнь в северных оазисах полностью замерла, отмечается быстрое расширение поселения на Гяур-кале, жители которого обладали земледельческой культурой, явившейся продолжением и развитием северомаргианских культурных традиций. Видимо, это общество, основанное на развивающихся рабовладельческих отношениях, обладало знаниями ирригаторства, достаточными для освоения крупных протоков Мургаба и использования их в орошении полей.

Как явствует из стратиграфии нижних слоев Гяур-калы, на период IV—III вв. до н. э. приходится обживание, не нарушенное никакими потрясениями и интервалами запустения. Думается, что приход в Маргиану войск Александра Македонского несущественно отразился на жизни Мерва и не задержал ни его территориального роста, ни процесса его формирования в городской организм:

На растущее поселение IV—начала III в. до н. э. и лег квадрат городских стен Гяур-калы.

Стратиграфия городских стен

Стратиграфическое изучение стен Гяур-калы осуществлено в пяти пунктах. Раскопами 2 и 4 (специальная нумерация раскопов на стенах) разрезаны стены до основания, раскопом 1 исследована последняя поздняя надстройка северного участка стены, в шурфе № 3 выявлены слои, подстилающие стену, раскопом 15 и 8-а получен ряд фактов, проливающих свет на время последнего использования городских укреплений по назначению и время окончательного их запустения.

В шурфе № 3 в проеме северных городских ворот, как уже было отмечено, выявлена кладка первоначальной стены, выполненная из

квадратных сырцовых кирпичей с примесью самана размером 40—41×
×40—41×10—12 *см*³. Кладка возведена на слое песка, которым занесены остатки размытого поселения периода Яз—II. Более подробно эта первоначальная стена изучена на раскопе 2 в юго-западном углу городища. Здесь для раскопа был использован пропил западной стены, произведенный техником Батмановым в начале XX в. для ввода арыка в городище. Как показало исследование, здесь же проходило и ложе древнейшего арыка, снабжавшего город водой из канала Разик[80].

Первоначальная стена здесь, как и в месте шурфа № 3, покоилась на заболоченном слое, занесенном песком, но на этом участке в слое не встречено древнейшего керамического материала. Это наблюдение в совокупности с данными двух шурфов в западной части городища, где также не отмечен ни столь древний материал, ни слои IV—первой половины III в. до н. э., дает основание считать, что древние поселения не доходили до видимой сейчас западной городской стены на большое расстояние. Тем не менее эти пустующие территории вошли в пределы городской стены. Немалую роль в этом сыграла трасса прохождения протока Разик. Древние инженеры попросту придвинули к ней квадрат городских стен так, чтобы русло служило не только источником водоснабжения, но и крепостным рвом с западной и частью северной стороны. Следуя трассе протока, был срезан и северо-западный угол квадрата стен. Поскольку древние поселения не распространялись на запад от Эрк-калы, надо полагать, и русло отвода от Разика, открытое раскопом 2, было проложено одновременно с возведением первоначальной стены. Снабжение же водой древних поселений осуществлялось из Разика ниже по течению, где-то вблизи Эрк-калы.

Отвод от канала на раскопе 2 оказался проложенным в платформе под первичную стену и внешне был скрыт от глаз. Ложе его облицовано пахсовыми блоками, из которых сложена и трехметровая платформа под стену, отличающимися большой примесью песка к глиноюонному тесту. Эта особенность указывает на древность сооружения платформы, заставляя вспомнить два цоколя из прямоугольного кирпича в Эрк-кале и кладку ее первоначальных стен конца периода Яз—III. Там был применен кирпич, сформированный из тоюна с песком.

Платформа по ширине больше стены и, выдвигаясь с внешнего фаса вперед, образует площадку шириной 2 *м*. Первоначальная стена сложена из сырца с примесью самана размером от 38×38×10 *см*³ до 42×40×12 *см*³. Стена с обеих сторон имеет уклон до 10°. Сохранилась она на высоту 7,4 *м* при ширине у основания в 6,6 *м*[81]. Характер кладки намекает на то, что направление этой стены несколько отклонялось от направления поздних стен, которыми она взята как бы в футляр. Но этот местный изгиб не влияет на общую квадратность плана городища.

В кирпичной кладке стены встречены немногочисленные, но весьма выразительные фрагменты керамики. Наряду с клювовидными венчиками, здесь встречены черепки кубков на плоском поддоне и горшков, т. е. это известный уже комплекс керамики переходного типа середины IV—середины III вв. до н. э. В сочетании со стратиграфическими наблюдениями этот материал служит пока единственным фактором, определяющим время постройки первоначальной стены. По-видимому, это градостроительное мероприятие было предпринято в первой поло-

вине III в. до н. э. Причем ранее укрепленная Эрк-кала органически влилась в новый город в качестве его цитадели.

Итак, в III в. до н. э. постройкой оборонительных укреплений растущее поселение на Разике окончательно оформилось в город. Безусловно, к этому оно было подведено всем внутренним экономическим развитием, удачным расположением в центре Маргианы, на торговом «шелковом пути», связывавшим западные страны с Востоком[82]. Все обстоятельства благоприятствовали превращению города в крупный торгово-ремесленный центр тогдашнего рабовладельческого мира. Маргиана входила в это время в государство Селевкидов и своим плодородием и богатством обратила на себя внимание Антиоха I Сотера, назначенного в 292 г. до н. э. соправителем отца на Востоке[83]. Он обвел область защитной стеной[84] и, по словам Страбона, основал в ней Антиохию, сначала названную в честь отца Селевкией. Видимо, нет оснований сомневаться в том, что поселение в центре Маргианы стало объектом приложения градостроительной энергии Селевкидов, и первоначальная стена была возведена при Антиохе I Сотере в первой трети III в. до н. э.

Стратиграфическое исследование стены и нижних слоев городища конкретизировало письменные сведения. Город не был основан на пустом месте согласно капризу монарха, а стеной было обведено уже существовавшее поселение. Сам план укреплений, ориентированный на страны света, в общих чертах сохраняет облик регулярных эллинистических крепостей с квадратным периметром стен и крестообразным делением города главными магистралями, идущими от ворот[85]. Вместе с тем в конструкции стены налицо и чисто восточные фортификационные принципы. Несмотря на то, что такие элементы, как внутристенный коридор или площадка, бойницы утрачены, об этих принципах можно судить по выступающей вперед за линию стены площадке цоколя. Такое выдвижение платформы за внешний фас стены часто на несколько метров — прием, известный среднеазиатской античной фортификации. Наиболее древние его примеры — Старая Ниса[86], Кей-Кобадшах[87], древний Самарканд[88].

Поскольку первоначальная стена Гяур-калы скрыта под поздними пристройками, трудно судить о форме и конструкции башен. Начальник раскопа 2 Ш. С. Ташходжаев склонен считать, что башни поднимались над стеной, не выступая за ее линию[89]. Обратившись к более ранним и синхронным памятникам Туркмении и других областей, можно заметить, что большинство крепостей имело башни, выступавшие вперед стены; лишенная башен Джанбас-кала служит исключением[90] так же, как и большой редкостью был тип башен специфического сооружения Кой-Крылган-калы, которые вздымались над стеной, не фланкируя ее[91].

Большие работы по переустройству и усилению стен Гяур-калы проводились во II—I вв. до н. э. Как видно из разреза раскопа 2, городище в этот период было обведено новой стеной, которая примкнула снаружи к останцу первоначальной стены и частично легла на этот выравненный на высоте 6 *м* останец. Пристройка сама состоит из двух монолитов, объединенных перевязкой кирпичей только в верхней части. Она сложена из сырца с клеймами 39—41 *см* в стороне при 10—15 *см* толщины и, подобно первоначальной стене, имеет пахсовый цоколь, выдвинутый вперед в качестве площадки на 8,5 *м*. Верх площадки вымощен четырьмя рядами сырцовых кирпичей. Внешний монолит при-

стройки шириной 6,9 *м* представлял собой, видимо, не что иное как башню, хотя при расчистке по фасаду на 11 *м* поворота ее к куртине не обнаружено. Очевидно, здесь был устроен, как справедливо полагает М. Е. Массон, мощный выдвинутый вперед форт, охватывающий весь угол городского укрепления. Сооружение его было вызвано необходимостью защитить ввод в город канала, который за время существования этой стены дважды ремонтировался. От последнего ремонта сохранились остатки пят свода, перекрывшего туннель.

Кроме отмеченных изменений, в тот же период времени был сооружен кирпичный футляр и с внутренней стороны первоначальной стены, также положенный на цоколь. В результате этих пристроек стена приобрела толщину около 10 *м*. Настоящая сохранность ее в высоту 6,5—7 *м*. Новая городская стена Антиохии Маргианской отвечала всем требованиям фортификации своего времени[92]. Она обладала мощным цоколем с откосом, препятствовавшим работе стенобитных машин, а также выступавшими вперед фортами, возможно, расположенными на всех четырех углах стены. Они создавали возможность флангового обстрела. Выступающими вперед как форт, возможно, были и прямоугольные башни Антиохии, хотя существует и точка зрения Г. А. Пугаченковой, которая склонна считать их просто возвышенными над стеной[93].

Отнесению указанных фортификационных работ к периоду II—I вв. до н. э. служит основанием совокупность фактов археологического и исторического порядка. Прежде всего это тот керамический материал, который был обнаружен в кладках стены и форта. В замес глины для кирпичей и в промазку попали фрагменты клювовидных венчиков, чаш, кувшинов и горшков розового и красного черепка хорошей выделки, составляющие в общем комплекс керамики, характерный для III—II вв. до н. э.[94]

На территории Антиохии во II—I вв. до н. э. отмечается общий подъем строительной деятельности. В широком масштабе строительство велось и в цитадели. В частности, на крепостной стене Эрк-калы строится и начинает функционировать в это время замок парфянских правителей, хорошо укрепленное здание внушительных размеров[95].

Политическая обстановка в Парфянском государстве, в сфере притяжения которого находилась Маргиана, благоприятствовала строительным мероприятиям. В период II—I вв. до н. э. государство Аршакидов достигает наибольшей мощи и успешно ведет борьбу даже с Римом за западные территории. На востоке же после длительной борьбы с саками (Митридат II в 115 г. до н. э. подчинил их себе) Маргиана прочно вошла в государство Аршакидов и сделалась их пограничной областью[96]. Видимо, тогда и укрепляется Антиохия как крайний аванпост парфянского владычества на границе с кочевой степью.

На раскопе 2 выявлены еще два периода больших работ по усилению городской стены. В первом были наращены оплывшие твердыни парфянского периода, а с внешней стороны на оплывы положен пахсовый цоколь. Кладка выведена из сырцового кирпича размером 42×42×10—12 *см*³ и сохранила в себе четыре бойницы высотой 1,3 *м* при ширине 0,3 *м*.

К последнему периоду строительно-ремонтных работ относится стена, сооруженная по краю внешнего фаса предыдущих, на их оплывших остатках. Стена возведена на высоте 10 *м* из сырца 39—40×39—40×9—10 *см*³ в несколько приемов. Сначала появилась стенка шири-

ной в 1,4 *м*, которая отделялась от останца предыдущей стены коридором и, видимо, призвана была играть в обороне роль протейхизмы. Затем коридор был заложен кирпичом и образовался монолит, объединивший протейхизму с внутренней стеной. С внешней же стороны на укрепленных пахсой оплывах возведена стена шестиметровой толщины так, что между ней и монолитом сохранилось пространство, очевидно, внутристенное помещение шириной около 3 *м*, выложенное сырцовым кирпичом.

В результате общая ширина стены достигла 11,9 *м* при сохранности сейчас на высоту 5,5 *м*. При зачистке стены забутованного коридора обнаружена монета Кавада I (499—531 гг. н. э.)[97], позволяющая ориентировать во времени работы по сооружению последней стены Гяур-калы. Это был, видимо, VI в. н. э.

Дополнительные материалы к истории сложения укреплений Гяур-калы поздних этапов их существования дают раскопы 1 и 4. На раскопе 4, разрезавшем северный участок стены с внешнего фаса у стыка с цитаделью, выявлена несколько отличная картина развития фортификации Антиохии. Внизу раскопа здесь выявлен слой чистой туюнной глины с песком, послуживший основанием для первоначальной стены. Но сама стена не обнаружена так же, как и стена, соответствующая выявленному раскопом 2 парфянскому футляру. Вместо них здесь явственно обозначился проем, забитый зеленой тоюнной глиной, взятой со дна канала, протекавшего под стеной. М. Е. Массон, как и автор раскопа Г. А. Кошеленко, не без основания предполагают здесь место ворот, впоследствии забутованных[98]. Итак, если принять это толкование, то селевкидский и парфянский Мерв имел либо 5 ворот, либо ныне не существующие северные ворота к востоку от цитадели еще не были проделаны и на север выходили ворота на месте раскопа 4.

Наиболее четко на этом участке прослежены перестройки и ремонты стены, приходящиеся на период вхождения Мерва в Сасанидское государство. Первая стена, возведенная в этот период, имела по низу толщину 5,7 *м* и, сохраняя северную поверхность отвесной, а южную наклонной на 75°, сужалась кверху до 1,5 *м*. Покоясь на вышеуказанной забутовке проема, она вздымается сейчас на 8 *м*. Стена сложена полностью из кирпича размерами 33×33×12; 33×32×12; 33×31×13; 35×32×12 *см*³.

Встречены в кладке и плиты размером 40×40×12 *см*³. Несколько позже эта стена была расширена с внутренней стороны пристройкой из кирпича 42×42—43×12 *см*³ и достигла 2,2 *м* поверху. Работы по возведению той стены можно в какой-то мере сопоставить с третьим периодом возведения укреплений, выявленным на раскопе 2, заметив, однако, что последние существенно отличаются размерами строительных кирпичей. Некоторое время спустя впереди северного участка стены вблизи цитадели появилась малая стена — протейхизма толщиной в 1,85 *м*, возведенная из сырца тех же размеров, что и основная. Это, видимо, было продиктовано необходимостью дополнительно укрепить в этом месте стену довольно тонкую и ослабленную тем, что наверху было слишком узкое пространство для защитников. Но этого мероприятия оказалось достаточно и тогда поверх частично оплывшей протейхизмы, и вплотную примыкая к северной поверхности первой стены, был возведен мощный монолит пристройки шириной у основания 5 *м* и с внешним откосом в 70°. Этот монолит, впоследствии подвергавший-

ся ремонту пахсой, сложен из сырца различного размера—35×35×12; 38×37×12; 39×39×12 *см*³.

Созвучную картину наращивания городской стены дает раскоп 1, заложенный на ее северном отрезке в куртине между шестой и седьмой башней западнее раскопа 4. Высота стены в этом месте 19 *м*, высота западной башни 21,5 *м*. Благодаря лучшей сохранности здесь удалось с большой подробностью воссоздать сложение последней стены[99]. Самая верхняя и, по-мнению автора раскопа М. Н. Федорова, последняя стена городища возведена была на оплывах предшествующих трех стен, которые не были затронуты разрезом. Кладка верхней из них обнажена. По тому, что она состояла из кирпичных плит размером 32—34×32—34×9—12 *см*³, меньше — 36×36×10—12 *см*³ и располагалась в южной части раскопа, ее можно сопоставить с первой стеной раскопа 4. На этой стене, как на основании, покоилась последняя городская стена, которая, по наблюдениям М. Н. Федорова, прошла три этапа строительства. В первом возникла кирпичная кладка, с внешней стороны положенная на пахсовый цоколь высотой в 2 *м*, полого опускавшийся вниз ко рву[100]. В кладке применен кирпич-сырец размером 38—41×38—41×9—11 *см*³. Сохранившаяся высоты стены выше 10 *м*, толщина — 15,3 *м*. Она отдалена от рва на 25 *м* полого идущим склоном. В стене сохранился коридорообразный проход-валганг шириной 6,5 *м*, не имевший перекрытия. Внешняя стена его 3,69 *м* шириной в своей толще заключала ход к бойнице высотой 2,66 *м* при ширине 0,8 *м*. Перекрытие хода типа «ложного свода» завершено, подобно стреловидным бойницам парфянских крепостей, двумя кирпичами, поставленными наклонно на ребро. Вдоль внешней стены коридора шла суфа высотой до 0,78 *м*. Внутренняя стенка коридора на всю свою ширину в 4,2 *м* сложена из сырца иного размера, чем внешняя (34—36×34—36×9—12 *см*³). Обе стены, разделенные коридором, представляли собой, видимо, две линии городских укреплений на единой основе, из которых внутренняя должна быть выше внешней. Соотношение размеров стен по ширине как будто подтверждает это положение древней фортификации. Внутренняя стена на раскопе 1 была немного шире внешней и, видимо, должна быть выше ее. По современной сохранности остатков укрепления соотношение высот определить невозможно. Прием многолинейной обороны был широко известен фортификации Востока и применялся с глубокой древности. Тремя рядами стен с коридором между ними в 8 *м* укреплен был Вавилон, три линии стен на единой основе окружали древние Сузы[101]. Особенно широко прием возведения двух стен с открытым коридором-валганом между ними начал применяться в фортификации раннего средневековья[102].

Рассматриваемую стену раскопа 1 можно сравнить с четвертой стеной на участке раскопа 2 и второй стеной раскопа 4. Причем двухлинейная система на участке раскопа 1 выполняла ту же оборонную нагрузку, что и стена с протейхизмой на других двух участках.

Во втором строительном этапе на раскопе 1 внешняя стена была укреплена по цоколю кладкой из болотной глины с обмазкой в 0,5 *м* и создан откос, необходимый для защиты от действия стенобитных машин. Глина была взята из рва, о чем говорит наличие в ней водолюбивых моллюсков, живущих в проточной воде, определенных М. Е. Массоном как Cyraulus Albus Mull и Limnea Lagotis Schr. В то же время стена снаружи была облицована двумя рядами сырца до общей ширины в 4,6 *м* и наполовину забутован ход к бойнице.

Следующий строительный этап отмечен сооружением перегородок в коридоре, разделивших его на ряд отсеков, сообщающихся друг с другом проходами двухметровой ширины. Кроме того, сама стена стала выше за счет нескольких рядов кладки из зеленоватого кирпича на буром растворе.

Сопоставляя данные всех разрезов, можно заметить, что городские стены древнего Мерва расширялись во внешнюю сторону от первоначального ядра, наслаиваясь друг на друга и наращивая свою мощь. Они прошли четыре периода крупных строительных работ. Причем, как правило, каждый последующий период, кроме последнего, укреплял существующую стену, не пришедшую еще в полный упадок. И только третья (предпоследняя) стена раскопа 2 основательно разрушилась и образовала мощные оплывы, прежде чем на них были сооружены укрепления четвертого периода. Если стены первых трех периодов воспринимаются как монолиты, последний период отличается возведением расчлененных стенок протейхизмы или двух рядов укреплений на одном стилобате. Первоначальную стену Мерва, как было сказано выше, есть основания считать возведенной при Антиохе I в первой трети III в. до н. э. Примерно в это же время строительством стен завершается формирование города в центре другой крупной области земледельческой культуры — Бактрии. Причем оформление оборонительных сооружений древних Бактр похоже на то, что можно наблюдать в Мерве. Созвучно и их планировочное развитие. Древнейшее ядро Бактр— Бало Хисар, овального очертания с особо укрепленным фортом в южной части, напоминает Эрк-калу, также самую древнюю крепость Мерва[103]. Собственно город (нижний город), рожденный, по словам М. Ле Берра и Д. Шлюмберже, из предместий, оформляется стеной к югу от Бало Хисара. Много общего с Мервом и в конструкции крепостных укреплений, монолитов на выступающих платформах[104] с прямоугольными башнями-выступами, сложенными из сырца. Кирпич — меньших размеров, чем в стене Антиоха и в парфянской стене так называемого «бактрийского стандарта» (из такого же формата сложена лишь первая стена на раскопе 4), но зато знаки на кирпичах поражают своим сходством. В кладках античных мервских стен и в кладках Эрк-калы встречены почти все те же знаки, что в 1 и 1а стенах Бактр[105].

Стены Бало Хисара датированы французскими исследователями временем прихода греков в Бактрию или даже временем, предшествующим греческому завоеванию. Последнему варианту датировки отвечает и дата возникновения укреплений мервской Эрк-калы. Если учесть, что в конструкции стреловидных бойниц 1 стены Бактр употреблены и кирпичные плиты $51 \times 38 \times 13$ *см*^{3}, приближающиеся к маргианскому стандарту Яз—III, то последний вариант датировки этой стены, видимо, более вероятен. Первоначальная же стена собственно города Бактр, датированная исследователями эпохой греков или Бактрии, перекликается с возникновением первой стены Антиохии Маргианской.

К III в. до н. э., по археологическим данным, восходит и античная крепостная стена Мараканды[106]. Таким образом, центры трех крупнейших земледельческих оазисов Средней Азии формировались в города примерно в один период времени. Это, несомненно, свидетельствует о единстве внутреннего процесса, происходившего в среднеазиатском обществе поры ранней античности, начавшегося еще до прихода войск Александра Македонского. Суть его — в бурном развитии рабовладель-

ческих общественных отношений. Формирование городов, которые стали не только центрами ремесла и торговли на крупных путях, но и местопребыванием «публичной власти», представлявшей государство — одно из наиболее ярких выражений рабовладельческого уклада жизни общества.

Возвращаясь к мервским городским стенам, отметим, что самым мощным из них было укрепление парфянского времени II—I вв. до н. э. Если периоды сооружения крепостных стен, являются как бы вехами в истории развития самого города, когда накал городской жизни, как и сила государственной власти, выражается в добротности укреплений и в заботе об их поддержании, то крепостные твердыни II—I вв. до н. э. с мощными угловыми фортами в этом отношении очень показательны. Большие строительные работы проводились в этот период и в цитадели.

Третий крупный строительный период, в который входит возведение третьей стены на раскопе 2, сооружение первой стены на месте забутованного проема на раскопе 4, и, видимо, стены, послужившей основанием для верхней на раскопе 1, включает также большие работы по усилению фортификации Эрк-калы. Как видно из стратиграфического изучения последней, могучие массивы кладок и платформ нагромождаются на парфянского времени основу.

Находки многих монет из этих надстроечных кладок, указывающие на один и тот же период времени, облегчают датировку и явственно выделяемого третьего периода возведения укреплений Гяур-калы. Так, в замковом привратном сооружении Эрк-калы были забутованы сырцовым кирпичом все помещения до потолка, а сверху наложена нивелирующая платформа под новое строение. Как показали все найденные в забутовках монеты, эти работы проводились в III в. н. э., видимо, в царствование сасанидов[107] Ардашира I и Шапура I. Как известно, последний вел очень активную строительную деятельность на восточных границах своей обширной империи[108], декларируя этим силу своей власти, мощь новой династии, пришедшей на смену одряхлевшей парфянской династии Аршакидов. Очевидно, что такой крупный центр, как Мерв, не мог выпасть из его поля зрения. Очень возможно, что помимо строительных работ в цитадели, в это же время обновляются крепостные стены самого города. Следует отметить, что переделка стен в третьем периоде носит скорее характер ремонта. Старую стену надстроили, а там, где пришлось вывести заново целый участок, как в месте проема, на раскопе 4 сам характер новой постройки роднит ее с укреплением парфянского времени. Здесь видна несомненно единая фортификационная традиция, присущая, как считает Г. А. Пугаченкова, единому общественно-экономическому строю[109]. Общие градостроительные принципы оставались едиными в рамках рабовладельческой формации. Но вполне возможно отнести ремонтные работы третьего периода и к более раннему времени, чем III в. н. э. Укрепление городских стен Мерва могло быть осуществлено и в то неспокойное время, когда сооружались пограничные парфянские крепости. Маргиана в период правления младших Аршакидов (I в. н. э. — начало III в. н. э.), занимавшая промежуточное положение между коренными областями Парфии и владениями Кушан, подвергалась большой военной опасности. ЮТАКЭ обследованы руины крепостей к северу и северо-западу от

Гяур-калы, построенных для защиты оазисов именно в период I—начала III в. н. э.[110]

Независимо от того укреплялся ли Мерв в то время или после прихода к власти сасанидской династии одно несомненно: никаких качественных изменений в технике фортификации не произошло; налицо развитие прежних традиций, присущих градостроительству рабовладельческой эпохи. Стены Мерва позднерабовладельческого времени были снабжены специальными площадками. Одна такая площадка, расчищенная над северными воротами, в месте, где квартал ремесленников-мукомолов вплотную примыкал к городской стене, как будто указывает на преимущественное расположение их у ворот. Естественно, стремление обеспечить усиленную оборону ворот диктовало необходимость помещать в предвратных куртинах орудия метательной артиллерии, для чего и устраивались площадки. На территории того же квартала встречено большое количество круглых глиняных обожженных ядер для метания[111]. Широко распространенные в античных слоях Гяур-калы и Эрк-калы и в оплывах крепостных стен находки круглых и пирамидальных ядер свидетельствуют в пользу того, что и более ранние укрепления Мерва имели приспособления для установки артиллерии. Тем самым не только заполняется пробел в сведениях письменных источников о городе парфянского времени, но и вносится поправка в представление, донесенное до нас римскими полиоркетиками о незнании якобы парфянами метательных орудий. Орудия, возможно, типа скорпионов устанавливались на площадках, на стенах, а ядра складывались поблизости в помещениях. Причем для их хранения даже использовались дома прилегающих кварталов, как это обнаружено в квартале мукомолов, который разрастаясь, захватил все свободное пространство, по закону положенное вдоль городских стен. Ядра из помещений квартала, которые датированы III в. н. э., невелики, от 10 до 16 *см* в диаметре. В раннеантичное же время изготовлялись ядра преимущественно больших размеров. Как установлено исследованием, в Гяур-кале и Эркале в парфянское время применялись ядра до 22 *см* в диаметре весом до 10 *кг*[112]. Выпуск их был налажен при арсенале в цитадели, где в центральном бугре обнаружена печь, загруженная необожженной продукцией[113].

Городские укрепления Гяур-калы последнего четвертого периода, как уже было отмечено, резко отличаются от всех предыдущих прежде всего расчлененностью. Сооружение впереди основной стены протейхизмы, открытый широкий коридор между двумя стенами — все это новые фортификационные принципы, присущие в большей степени раннему средневековью. Как видно из разрезов, раньше всего возникли протейхизмы. Причем возведение одной из них на северном участке стены вблизи цитадели не отделено от момента строительства первой стены значительным промежутком времени, так как и в той и другой применен единый мелкий стандарт сырца, уникальный для мервского строительства. Затруднительно точно определить время возникновения этих малых стен-барьеров. Их могли построить в период с III по VI в. н. э., т. е. между возведением позднеантичной стены и стены, датированной на раскопе 2 монетой Кавада. Сам прием, известный в эллинистической оборонной технике, особенно широко распространился на Ближнем Востоке с V в. н. э. Если учесть, что как раз V в. н. э. был очень неспокойным временем для восточных окраинных районов Сасанидской империи, которым угрожало нашествие эфталито-хионитов,

то проведение каких-либо мероприятий по укреплению городских стен Мерва в то время кажется вполне вероятным. Что касается возведения последней стены Гяур-калы, поглотившей на участках Р-2 и Р-4 протейхизмы, то здесь terminus ante quem определяет, как указывалось, монета Кавада. Видимо, в самом начале VI в. н. э. начался последний крупный цикл строительно-ремонтных работ, продолжавшийся с перерывами несколько десятков лет. Этим можно объяснить многоэтапность возникновения последней стены, явственно прослеженную при ее изучении.

Рис. 8. Раскоп 15. Общий вид площадки с ядрами на городской стене.

Некоторые дополнительные данные, уточняющие датировку строительно-ремонтных работ последнего периода, получены при расчистках на восточной городской стене раскопом 15 (рис. 8). Здесь наверху первой к северу от восточных ворот башни выявлена площадка 7,2×4,8 *м*, заваленная в несколько рядов круглыми ядрами разных калибров, начиная от 4,7 до 15 *см* в диаметре. Внешняя стена здесь прослежена на 4,2 *м*. Она оказалась сложенной из сырца 40×40×8 *см*³. Пол площадки аккуратно промазан глиной на 2,5 *см*. Сам небольшой калибр ядер говорит о их позднем происхождении, что вполне подтверждается двумя медными монетами. Одна обнаружена в промазке пола, другая — среди ядер. Обе относятся к чекану Сасанидов VI в. н. э. Таким образом, ремонтные работы последнего периода коснулись и восточного отрезка стены и проводились они в VI в. Важен здесь другой момент: после устройства площадки на ней сразу же были уложены метательные снаряды, которые остались нерастраченными. При следующем отмеченном здесь же ремонте неиспользованный запас ядер был залит мокрой глиной и поверхность выровнена под новую площадку. Видимо, приведение в порядок городских укреплений в VI в.

н. э. не было вызвано конкретной насущной опасностью, а явилось мероприятием сильной власти в обстановке общей политической напряженности. власти, заботившейся о том, чтобы фортификация города была на уровне последних достижений инженерной мысли. Судя по археологическим данным, в VI в. проводились крупные работы и по укреплению цитадели. Неоднократное нахождение в ремонтных кладках фортов Эрк-калы монет Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.) и Хормизда VI (579—590 гг. н. э.)[114] позволяет наибольший размах строительства отнести к середине и второй половине VI в. н. э. Это был период бурного развития феодальных отношений, принесший и новые конструктивные и технические приемы в искусство фортификации. Именно при Хосрове I Ануширване, который предпринял ряд мер для усиления централизованной государственной власти, велось широкое строительство по всей Сасанидской империи, явившееся практическим проявлением централизаторских устремлений правителя. Обширные захваты на восточных границах и стремление их удержать также вызывали необходимость больших строительно-крепостных работ.

По археологическим данным, в это время укрепляется не только Мерв, но и такие пункты, как Хосров-кала, Серахс[115]. Примерно в этот же период обновляются укрепления Бактр, которые, кстати, своим восточным вновь возведенным участком конструктивно близки последней стене Мерва. Здесь виден тот же принцип: две стены с коридором между ними, разделенным перегородками на отсеки[116]. Крепостное строительство на северо-восточных окраинах Сасанидского государства, видимо, было связано и с усилением активности соседа Сасанидов — тюркского каганата. После разгрома общего врага — эфталитов союзнические отношения этих государств переросли в острое соперничество и вражду, приведшую к военным столкновениям. Возможно, завершение длительного строительно-ремонтного цикла VI в., прослеженного при изучении мервской фортификации, связано в какой-то степени с разгромом в 588 г. тюрок Сасанидами, после чего центр тяжести их политики переместился на запад и юг. Войны с Византией и на Аравийском полуострове истощили силы Персидской державы и во многом способствовали быстрому разгрому ее арабами-мусульманами.

Последний ремонт городской стены, следы которого дошли до нас на участке раскопа 1 в виде перегородок коридора и надстроек верхушек стен зеленоватым сырцом, видимо, можно вслед за автором раскопа М. Н. Федоровым отнести к VII в. н. э., когда угроза арабского нашествия вызвала необходимость усиления обороны города.

Римский автор IV в. н. э. Вегеций Флавий Ренат писал, что хороши и наиболее надежны те города, что укреплены природой и искусством мастеров[117]. Мерв, расположенный на равнине, не был укреплен природой, подобно горным твердыням, и зигзагообразным очертанием стен. В регулярно распланированном с использованием лишь природного русла в качестве рва и канала городе только искусство градостроителей было порукой его неприступности. В результате последнего периода строительства стены Мерва приобрели внешний облик, дошедший до нас. Внешнее обследование зачистки и раскопки показали, что при их возведении использованы передовые приемы фортификации. Почти по всему периметру прослеживается двухстенная конструкция с валганом и башнями. Но отдельные отрезки стены отличались друг от друга внешним видом, что зависело от степени сохранности пред-

шествующих стен и от расположения отрезков. Так, участок стены, примыкающий к овалу Эрк-калы, на протяжении 40—50 *м* шел без междустенного коридора. Такая монолитность объясняется, видимо, хорощей сохранностью первой стены на раскопе 4, а также расположением у стыка с цитаделью. Защита этого участка обеспечивалась и с башен стены и с башен цитадели.

Между второй и третьей башней к западу от Эрк-калы видна промоина, которая оказалась местом входа в куртину. Подъем осуществлялся по пандусам или лестницам, которые внутри валгана шли параллельно внешней стене и подводили ко второму ярусу обороны, ведущейся из-за парапета. Такие же промоины, расположенные в середине куртин, отмечены в южной и восточной стенах. Форма и размеры башен Гяур-калы пока не выяснены, но, судя по расчищенной одновременно башне Эрк-калы, они были прямоугольными со скругленными сторонами[118]. В шестой башне (считая от цитадели) северной стены расчищен ход шириной в 0,8 *м*, ведущий к боковой бойнице, из которой осуществлялся обстрел вдоль куртины, так что башни последней стены фланкировали ее. Участок западной стены в месте второго (северного) ввода канала в город также отличается некоторым своеобразием. Здесь две стены — монолиты на одном основании обращены друг к другу отвесными поверхностями. Внешние же их плоскости имеют уклон в отличие от вертикально идущих стен на участке раскопа 1. Междустенный коридор виден и здесь, но он был впоследствии забутован глиной и кирпичом.

Как уже указывалось, стена была снабжена специальными площадками для установки метательных снарядов и ядер, а в угловых участках были арсенальные помещения, одно из которых обнаружено раскопом 2.

Особое внимание было уделено обороне ворот. Около ворот не только хранились большие запасы ядер, но сами они укреплялись специальными предвратными сооружениями. Остатки таких фортообразных построек отмечены у северных и южных ворот. Менее укрепленными кажутся западные ворота, выводившие в Разикабад. У восточных ворот, кроме башен по обе стороны, существовали еще стены, идущие к востоку, читаемые и сейчас в рельефе, как два вала почти стометровой длины. Подход к воротам осуществлялся по коридору.

Таким образом, цикл ремонтно-строительных работ по усилению фортификации Мерва в VI в. н. э. был последним в истории города на Гяур-кале, когда работы проводились с большим размахом и коснулись всей длины крепостных стен. Со времени сооружения стены при старших Аршакидах город не знал такого подъема оборонного строительства, который должен стоять в прямой связи с общим расцветом городской жизни. Археологические данные свидетельствуют о том, что к приходу арабских завоевателей хорошо укрепленный город мог выдержать длительную осаду. Подтверждение этому можно найти и в письменных источниках. У Ал-Белазури и Ат-Табари содержится сообщение о бегстве в Мерв разгромленного арабами сасанидского царя Иездегерда в 651 г. и его гибели. Царь хотел войти в город, но по распоряжению марзбана перед ним закрыли ворота. Попасть же внутрь каким-нибудь другим путем он не мог, хотя и объехал город вокруг, так как стены были неприступны[119]. Если бы город не был сдан арабам без боя в результате сговора местной знати с завоевателями, получившими с населения контрибуцию и дома для постоя, городские укрепле-

ния Мерва надолго могли бы задержать их продвижение. В повествованиях о деятельности арабских наместников, их соперничестве, борьбе партий, сопровождающихся военными столкновениями, все время фигурируют стены внутреннего города (медина) Мерва. Добротные укрепления еще играли свою роль. Так, в конце VII в. во время борьбы наместника омейядов Умейя-ибн-Абдаллаха с мятежником Букейром ибн-Вишахом, правителем Тохаристана, после битвы на майдане Иезида, который В. В. Бартольд[120] помещал в западном пригороде, Букейр был разбит и его раненого отнесли в город. Умейя же написал грамоту о помиловании мятежников у ворот Синджан и после этого вошел в город. Здесь говорится об осаде города, которая закончилась мирным договором[121]. Нигде в источниках не сказано о мероприятиях по ремонту стен. А между тем очевидно, что бурные политические события не способствовали поддержанию их в хорошем состоянии. Прежние малодоступные твердыни постепенно ветшали и недаром уже в середине VIII в., как чувствуется из контекста письменных повествований, утратили фактически свое оборонное значение. Несомненно, здесь сказалось и общее обезлюдевание города, когда в 733 г. Хорасан постигла засуха и голод. Мерв назван селением[122]. О состоянии городских стен можно судить и по следующему эпизоду из истории борьбы противоомейядской оппозиции, центром деятельности которой стал Мерв. Когда в 746 г. Ал-Харис ибн-Суредж, уже ранее выступавший против омейядского наместника Хорасана и разбитый им, вновь начал борьбу с новым наместником Насром ибн-Сейяром, он вошел с 50 воинами во внутренний город через пролом в стене и захватил в домах видных арабов оружие и лошадей[123]. Так же легко вошли в город Абу-Муслим и Али сын Ал-Кермани—руководители противоомейядской оппозиции в пользу Аббасидов. В сообщении об этом говорится, что сражение со сторонниками омейядов они начали в городе, без всякой осады беспрепятственно войдя в него[124]. Время окончательного обветшания городских укреплений Гяур-калы совершенно четко выяснено археологическим исследованием. На гребне южной стены городища в 100 *м* к востоку от ворот Балин расчищены остатки пяти гончарных печей. Печи были подняты на стены из чисто практических соображений для усиления тяги, причем стены не успели еще сильно разрушиться, но коридор между ними был уже частично засыпан песком. Кладка в этой части стены осуществлена из сырца 37×37×9—10 *см*^{3}, как и на участке раскопа 1. Междустенный коридор использован мастерами-керамистами для отвала бракованной продукции. В заложенном здесь шурфе насчитывалось пять слоев отвала золы от колючки и керамического брака. Набор керамических форм полностью соответствует комплексу посуды рядом расположенного (примыкавшего к южной городской стене) квартала керамистов VII—VIII вв. н. э., причем преобладают фрагменты кувшинов с валиком по поддону, утяжеленных, свойственных концу этого периода форм, ручки с налепами и характерный печной припас в виде лепешкообразных заслонок[125]. Печи также полностью аналогичны горнам квартала по конструкции, но отличаются меньшими размерами[126]. Они круглы в плане, до 2 *м* в поперечнике, устье-канал открыт в северо-восточном направлении навстречу постоянно дующему оттуда ветру. Печи заполнены наносным песком и продуктами обрушения перекрытия, однако выпуск гончарной продукции этой мастерской продолжался довольно длительное время. Одна из печей построена на зольных отвалах другой. Вышеприведенные факты политической исто-

рии, а также преобладание в керамическом комплексе поздних черт позволяет отнести функционирование горнов на гребне городской стены ко второй половине VIII в. Само собой разумеется, что устройство ремесленной гончарной мастерской на крепостной стене, пренебрегая ее оборонным значением, могло иметь место, лишь когда последняя не только не поддерживалась, но и утратила это назначение.

В свете описанных археологических фактов можно истолковать эпизод битвы Абу-Муслима с омейядским наместником Насром ибн-Сейяром в Мерве, описанный в историческом романе шейха Абу-Тахира Тартуси. Повествуя о деятельности легендарного Ахмеда Замчи, автор говорит, что его дружина первой бросила лестницу на крепостную стену Мерва при его осаде. Наср якобы приказал бросать со стен сосуды с нефтью. При этом описывается мервская крепость, которая имела двое ворот и 260 башен с баллистами. Еще В. А. Жуковский подметил в описании явный топографический анахронизм[127]. Стены Гяур-калы перепутаны с Султан-калой, средневековым Мервом. Ведь автора романа отделяли от событий несколько столетий. Здесь допущен не только анахронизм, но и историческая неточность. В середине VIII в. стен Султан-калы еще не было, они построены не раньше XI в.[128] Устраивать же такую осаду стенам Гяур-калы не было необходимости, поскольку они уже не представляли из себя укреплений. Достоверным нужно считать, видимо, ход событий, связанных с эпизодом битвы, описанной у Ат-Табари, о чем говорилось выше.

По сообщению Ибн-ал-Асира, в 919 г. в Мерве была сооружена какая-то стена Ахмедом бин-Сахлем, наместником Амр-ибн-Лейса саффаридского, когда он, действуя против Насра-ибн-Ахмеда саманида, укрепился в Мерве. Вызванный хитростью из города, он был, однако, разбит у Мерверуда[129]. В. А. Жуковский, приводя эти сведения, допускал, что могли быть просто отремонтированы старые стены, то есть стены Гяур-калы. Как показало археологическое обследование, на гребнях стен Гяур-калы не обнаружено никаких надстроек, которые можно было бы отнести к этому времени. Правда, на оплывших валах сохранились остатки построек типа небольших хижин из жженого кирпича. Следы их отмечены на склоне вала у восточных ворот (размер кирпичей 18×18×? *см*^{3}; 22×22×? *см*^{3}; 35×?×7 *см*^{3}) и на западном участке, где культурные толщи перехлестывают через гребень.

Г. А. Пугаченкова, рассматривая фортификацию другого мервского городища Султан-калы, не считает возможным отнести приведенное указание Ибн-ал-Асира и к стенам средневекового Мерва, так как они возникли не раньше XI в.[130] Однако она предполагает возможность ремонта укреплений Гяур-калы. Как указывалось, кладки из жженого кирпича X—XI вв. к стенам отношения не имеют. Кроме того, в самих стенах обнаружены захоронения с признаками мусульманской обрядности[131]. Для того чтобы укрепить Мерв начала X в., нужны были работы очень большого объема. Скорее всего во время событий, описанных у Ибн-ал-Асира, подремонтирована была стена старой цитадели (кухендиза), укрепить которую было проще и на вершине стен, и в привратном форте которой действительно сохранились кладки из мелкого жженого кирпича[132].

Стратиграфические данные о городе поры рабовладения и раннего феодализма

Работами ЮТАКЭ в Гяур-кале с достаточной полнотой освещен период существования города Мерва в эпоху Парфянского и Раннесасанидского государств. Это как раз тот отрезок его истории, о котором В. А. Жуковский писал: «Мы вынуждены пройти почти полным молчанием эпоху Арсакидов и Сасанидов, так как в летописях о них интересных сведений не находится»[133].

Культурные напластования этого времени отмечены по всей территории городища Гяур-калы, причем на некоторых участках они выходят на поверхность, не будучи перекрытыми более поздними стложениями. Получен обширный археологический материал, позволивший разработать хронологическую колонку непрерывного развития материальной культуры с III в. до н. э. по IV в. н. э.

Основная масса фактов и материалов собрана в центральной и восточной части городища в процессе стратиграфического изучения. В центральной части наиболее полную стратиграфическую картину выявил вышеуказанный шурф — раскоп 2. На его участке культурный слой, содержащий керамику переходного к античности типа и залегающий на глубине 8 *м* от поверхности, сменяется слоем той же структуры, но наполненным иной керамикой. Мощное отложение (около 2,5 *м*) занимает XIII—XVII ярусы. Оно включает зольные пятна, угольки, истлевшие органические вещества, гипсовые зерна[134].

Керамические фрагменты из слоя принадлежат сосудам кремовато-серого и розового теста плотной хорошей отмучки и обжига, покрытые светлым, реже розовым ангобом [135]. В формах преобладает кувшин с широким горлом (д=15—17 *см*), круглыми плечиками и резко сужающимися к плоскому или кольцевому поддону стенками. Он снабжен одной ручкой. Горшкообразные сосуды того же очертания, но без ручки имеют горловину с диаметром устья до 25—26 *см*. Есть широкогорлые кувшины и горшки с внутренним выступом на венчике для крышки. Другую значительную группу керамики составляют чаши и миски. Последние — округлой формы с простым заостренным венчиком. Чаши мелкие и глубокие с загнутым внутрь или наружу отогнутым валикообразным бортиком, а также с перегибом стенки снабжены сплошным выступающим или кольцевым поддоном. Встречены фрагменты вытянутых вверх бокаловидных чаш с перегнутой стенкой и кольцевым поддоном.

В отличие от нижележащего слоя с переходным материалом здесь не встречено ни одного фрагмента древнемаргианского типа сосудов с подкошенным дном. Из родственных же древним формам можно отметить цилиндрический бокал со слегка вогнутыми стенками. Форма отдаленно напоминает бокал из яздепинского материала[136] и в самом Мерве до этого не встречалась. В слое отмечены также фрагменты кухонных горшков с шамотом в тесте, украшенных процарапанным волнистым орнаментом.

Описанный керамический материал сопровождался двумя медными монетами парфянского чекана II—I вв. до н. э. Вместе с ними была найдена нижняя часть женской терракотовой статуэтки, представляющей собой тип закутанной в эллинизированные одежды «маргианской богини», характерный, согласно анализу Г. А. Пугаченковой, для I в. до н. э. — I в. н. э.[137].

В северной части шурфа XIII, XIV и XV ярусы занимает рыхлый завал с кусками кирпича, частицами гипса, углями. Он перекрыт надувными слоями и отложениями бадрабного характера, которые занимают частично X, XI и XII ярусы. В нем встречены дробные кусочки керамики. В средней части шурфа на этом же уровне зафиксирован мощный отвал керамики, костей, перегнивших органических остатков, золы (линза 1) общего коричневатого цвета.

Отделённый от линзы 1 плотными завалами в западной части шурфа идет еще один отвал керамики (линза 2). Чрезвычайная типологическая близость керамических форм позволяет относить обе линзы к одному периоду времени.

В первом отвале найдены две медные монеты чекана Ардашира I (224—242 гг. н. э.) и Шапура I (242—272 гг. н. э.), которые и определяют время образования обеих линз.

Судя по стратиграфии, керамический материал из слоя, прорезанного линзами, должен быть относительно более ранним, чем керамика из линз. Однако по облику он почти от нее не отличается и, видимо, может датироваться II—III вв. н. э. Керамика серого либо желтовато-серого цвета черепка с зеленоватым отливом, ангобированная под цвет теста. Она отличается от более ранней также худшим качеством. Иногда на черепках встречается слабое лощение вертикальными или концентрическими полосками. Ведущей формой по-прежнему остаются кувшины, сильно варьирующие в размерах. Наряду с крупными узкогорлыми и широкогорлыми кувшинами яйцевидной и грушевидной формы, встречены мелкие шаровидные и вытянутых пропорций. Появляются кувшины с эйнохоевидным устьем. Поддоны выступающие, часто с выдающейся шишечкой в центре, но есть и плоские. Ручки простые, а также подковообразные в виде вытянутых вверх «ушей» и витые с налепом.

Продолжают бытовать в это время горшки округлого очертания с волнистым процарапанным орнаментом по плечикам, а также цилиндрические бокалы, но с кольцевой ручкой. Большим разнообразием отличаются блюда, тарелки, миски. Широкое распространение, видимо, получают тарелки с налепом — имитацией двух ручек. В описанном комплексе полностью отсутствуют цилиндрические бокаловидные чаши и вообще резко снижается процент содержания чаш.

Частично VIII и IX яруса шурфа в средней его части занимает плотный завал с частицами гипса, углями и кусками кирпича. В северной части шурфа на этом же уровне отмечены мощные слои натёков, свидетельствующие, видимо, о довольно длительном запустении участка городища с шурфом № 2. Последнее наступило, как явствует из стратиграфии, после III в. н. э.

Плотный завал и натёки в последующее время были выравнены и на них возвели постройку из сырцового кирпича 37—38×37—38×8 *см*^{3}, стена которой попала в пределы шурфа. Участок ее, оказавшийся на слое натеков, заметно осел. Со стеной связан пол толщиной 12—15 *см* из плотно утрамбованной пахсы, обнаруженный на глубине 0,95 *м* от поверхности (VIII ярус). Помещение заполнено лёссовым завалом с кусками кирпича и фрагментами сероглиняной керамики. Найденные в нем монеты Кавада I (488—531 гг. н. э.) и Хосрова I Ануширвана (531—579 гг. н. э.)[138] позволяют считать середину VI в. н. э. временем запустения постройки (рис. 9).

Фрагменты сероглиняной керамики, извлеченные из завала в помещении и сопровождающиеся монетой VI в. н. э., принадлежат формам, отличным от нижних линз, но родственным тем черепкам, которые встречались в плотном завале на уровне натёков. Из этого последнего завала извлечено несколько монет, две из которых парфянского чекана и одна эфталитская. Она и определяет вместе с монетой VI в. н. э.

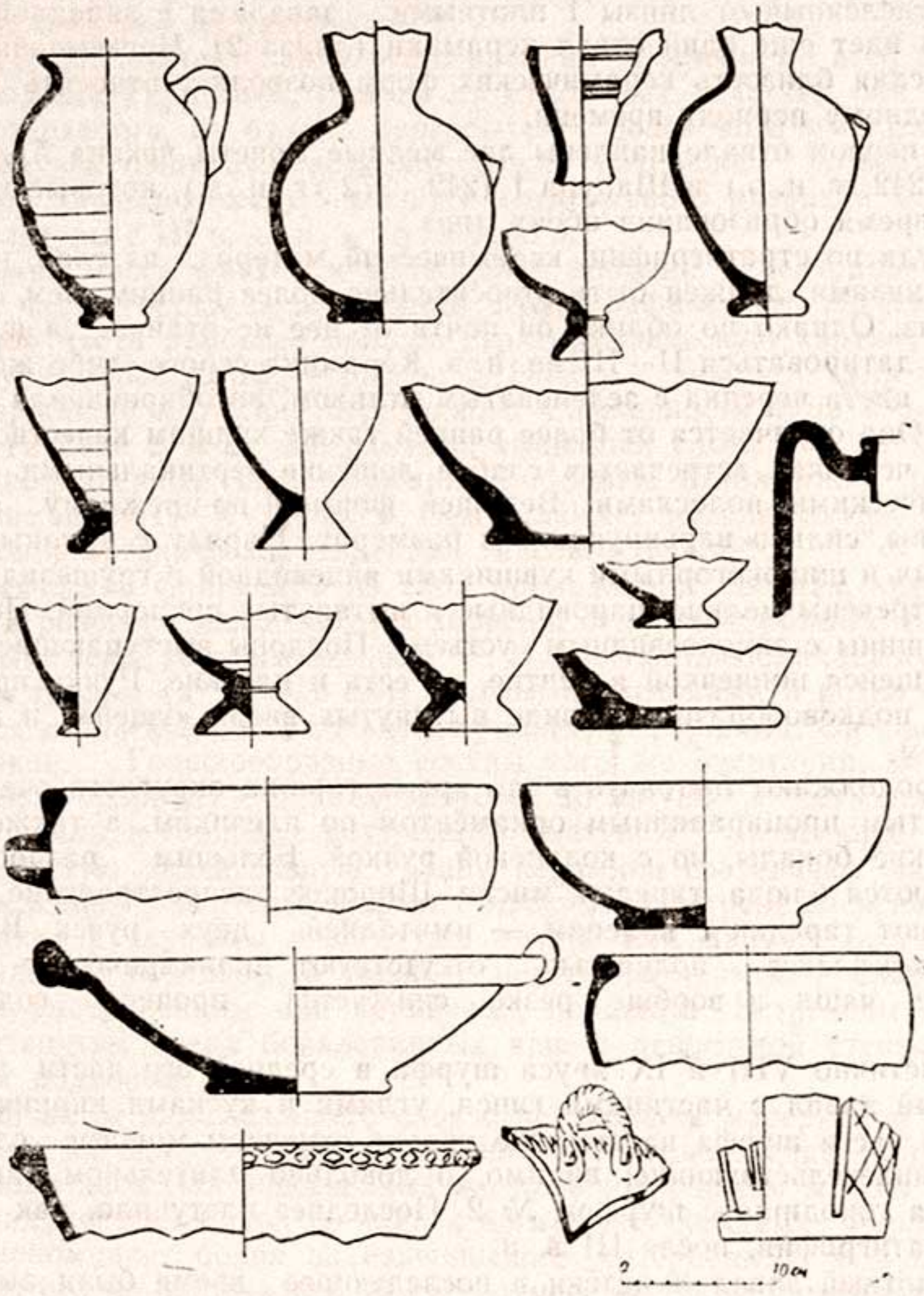

Рис. 9. Керамика IV — начала VI в. н. э. из шурфа № 2. Составила М. Филанович.

примерные границы бытования керамики из завалов IV—первой половины VI в. н. э. Вся посуда изготовлена из глины, давшей после обжига кремовый или серый цвет. Основные формы — горшки, миски,

кувшины. Отличительную черту всей посуды составляет необычайная вычурность профилей венчиков, изрезанных бороздками. Горшки округлой формы, плоскодонные с подтреугольным сечением венчика, поверху плоского с профилировкой двумя канавками, некоторые венчики горшков наклонены внутрь, у некоторых ромбовидное сечение. Миски с вытянутым вверх или расплюснутым венчиком, как бы состоящим из двух или четырех валиков. Кувшины узкогорлые и широкогорлые вытянутых и раздутых очертаний имеют изрезанную бороздками закраину, манерно выгнутую наружу как бы для крышки. По плечикам они украшены процарапанным орнаментом. Донца плоские и кольцевые, у крупных сосудов донца выступают валиком. Отдельно встречены конусовидные ножки с валиком-перехватом, полые и сплошные. Ручки кувшинов вытянутые вверх (уши), а также витые горизонтальные с вмятинами у мест прикрепления к стенкам. Встречено блюдо на кольцевом поддоне.

Таким образом на IV в. н. э. приходится отмеченное выше общее запустение на участке шурфа № 2. Постройка стен здания, т. е. возрождение жизни имело место, видимо, в конце V в. н. э., но уже в VI в. н. э. помещение завалилось. Выше пахсового пола на 22 *см* отмечена вымостка еще одного пола несохранившегося помещения. Кирпич вымостки размером 35×37×7; 30×32×7; 31×32×7 *см*³ уложен в два ряда. Глиняная забутовка 36 *см* с кусками кирпича отделяют эту вымостку от вышележащей, связанной со стенами, выведенными из сырца 30×30×6 *см*³.

В процессе работ расчищено все помещение с суфой, стены которого непосредственно выходят на современную дневную поверхность. Пол его вымощен жженым кирпичом размерами 19×19×3—4; 20×20×4,5; 23×23×4; 24×24×4,5 *см*³. В юго-восточной части помещения расчищен ташнау-поглотитель в виде цилиндрической керамической трубы диаметром 0,75 *м*, поставленной вертикально. В верхней части ее поддерживали жженые кирпичи (20×20×4 *см*³). Как в заполнении помещения, так и в забутовке под полом на глубину до одного метра встречались фрагменты поливной керамики IX—X вв.[139]

Таким образом, IX—X вв. датируются остатки последнего обживания этой территории, в процессе которого накопился культурный слой мощностью около одного метра. Вымостка же из двух рядов сырцового кирпича, видимо, относится еще к постройке VIII в.

Стратиграфическая развертка шурфа № 2 представляет собой довольно наглядную картину последовательной смены периодов обживания центральной части Гяур-калы, лишь один раз прерванного значительным запустением. Если культурное отложение древнего поселения составляет в нем 2,5 *м*, то на время существования города с конца III в. до н. э. по III в. н. э. включительно приходится свыше 6 *м*. Период запустения IV—начала V в. н. э. отмечен метровым слоем натёков. Примерно такой же мощности напластования периода раннего средневековья и IX—X вв. — времени последнего обживания территории. Безусловно, стратиграфическая колонка шурфа не отражает историю существования города на Гяур-кале во всей полноте и тем не менее тот факт, что наибольшей мощности культурный слой приходится на рабовладельческий период, весьма показателен.

Стратиграфическую колонку шурфа № 2 подкрепляют данные нескольких разведочных шурфиков, заложенных в пределах раскопа 7, в котором по широкой площади вскрывались руины соборной мечети.

Раскоп находится в 100 *м* юго-западнее шурфа № 2. В шурфиках раскопа 7 (не доводимых до материка) встречен слой с керамическим материалом и монетами III в. н. э.

В шурфе № 1 на этом раскопе обнаружены данные, свидетельствующие об интенсивном обживании центральной части городища в античную и раннефеодальную пору. Здесь выявлен слой с материалом VI—VII вв., на котором возведены были стены помещения и круглый минарет, датированные монетными находками VIII—IX вв.

Керамический материал из слоя VI—VII вв. характеризуется некоторым огрублением форм посуды, худшим качеством выделки. Выделяется форма глубокой чаши простого округлого очертания. Широкогорлые кувшины и горшки, наоборот, отличаются еще бо́льшей профилировкой валиками и бороздками иногда в сочетании с волнистым процарапанным орнаментом. Поддоны плоские и с выступающим валиком.

Шурф № 2 дал керамический материал в основном II—I вв. до н. э. и II и III вв. н. э. Промежуточный период заполняется материалом стратиграфических шурфов и широкого вскрытия на раскопе 2, расположенном восточнее шурфа № 2. Здесь получены дополнительные факты также и для характеристики материальной культуры раннеантичного времени[140]. Подстилающим слоем здесь, как уже отмечалось, был слой размытого древнейшего поселения, занесенный песком и перекрытый отложениями болотного тоюна. Выше в двух шурфах (№ 3 и 4), отмечен культурный слой, накопленный в период существования города.

В шурфе № 3 он залегал на глубине 5,2 *м*, а в шурфе № 4 — на 4,5 *м* от современной дневной поверхности бугра. Состоящий из чередующихся полос плотной структуры с гипсом, угольками, керамикой темного цвета и полос того же содержания, но гораздо более светлых, этот слой резко отличается от напластований вышележащего горизонта, и его можно выделить в некое однородное целое общей мощностью до 3 *м*. Нижний ярус слоя составляет зеленая прослойка селитроносного характера. Слой насыщен керамическим материалом и четко датируется медными монетами. Здесь была найдена монета чекана Евтидема I (230—200 гг. до н. э.) и две парфянские монеты II в. до н. э. (XII ярус) — одна из них чекана Митридата I (171—138 гг. до н. э.), в основном и определяющие нижнюю границу накопления этого культурного слоя.

VII и VIII ярусы в двух шурфах занимает полуразрушенная пахса и завал зеленоватого цвета с незначительным включением керамики. По этому горизонту широким вскрытием расчищен целый комплекс помещений, по содержащемуся на полах и в завалах вещественному материалу и обнаружению плавильных горнов классифицированный как остатки мастерской по обработке меди и железа[141]. Найденные в нем медные монеты определяют во времени и слои VII—VIII ярусов шурфов, а богатый комплекс керамики существенно пополняет хронологическую колонку Мерва. Согласно монетам, обнаруженным в горизонте мастерской и относимых М. Е. Массоном к местному маргианскому чекану, который появился в Мерве не ранее второй половины I в. н. э. и продолжался во II в. н. э., указанные слои шурфов можно датировать этим временем. Первая половина I в. н. э. является и верхней временной границей нижележащего слоя.

V и VI ярусы шурфов раскопа 2, то есть вплоть до дневной поверхности бугра, занимают наслоения с остатками сырцовых стен (размер

кирпича 45×34×12; 45×45×14 *см*³), относящихся ко второму периоду функционирования мастерской. Судя по монетам двух последних Аршакидов, с этого горизонта верхний культурный слой накопился с конца II в. н. э. в течение первой половины III в. н. э.

Примечательно, что остатки мастерской III в. н. э. не перекрыты больше никакими культурными отложениями. Таким образом, жизнь на участке бугра Р-2, накопившем пятиметровую толщу за время существования города рабовладельческой поры, после III в. н. э. больше не возродилась. Шурфы № 3 и 4, как и сам раскоп 2, установили весьма интересный факт существования крупной ремесленной мастерской, функционировавшей непрерывно и с полной нагрузкой с I в. н. э. по вторую половину III в. н. э. Факт этот имеет значение для характеристики городской жизни рабовладельческой поры и определения роли в ней ремесла.

Керамический комплекс II в. до н. э. — I в. н. э. из шурфов № 3 и 4 не только повторяет формы, известные по шурфу № 2, но и намного расширяет наше представление о бытовой посуде этого периода. Преобладают в слое фрагменты красного и розового цвета, кухонная посуда с примесью дресвы. Черепок звонкий, плотный, хорошего обжига. Применен светлый, розовый и реже красный ангоб. Встречена также керамика с лощением вертикальными и горизонтальными полосками черного и серого цвета. Нижний (XIV) ярус шурфа № 3 отличается присутствием в большом числе форм керамики, известных в комплексе переходного типа, только являющих бóльшее разнообразие и не сопровождающихся посудой с подносом. Это прежде всего чаши и тарелочки, а также сосуды типа пиал с отогнутыми и загнутыми внутрь венчиками на плоском или выступающем поддоне. Некоторые имеют внутри у дна выступ. Подобные формы с выступом у дна известны в керамике Согда III и II вв. до н. э.[142]

В комплексе нижнего культурного горизонта присутствуют блюда с ярко выраженными кольцевыми поддонами, что не отмечено в керамике шурфа № 2. Разнообразны чаши на выступающем или кольцевом поддоне с перегнутыми стенками с различными вариациями профилей. Некоторые из них вытянутых пропорций скорее напоминают бокаловидные чаши. Встречены и бокалы конусовидной формы с округлыми краями на неустойчивом выступающем поддоне. Чаши с перегибом стенки и выступающим поддоном известны в керамике Согда и других областей в III—II вв. до н. э.[143], близкие по форме сосуды, но только на плоском поддоне в Хорезме распространены в IV—II вв до н. э.[144]

В комплексе нижнего горизонта Р-2 встречены широкогорлые кувшины с фасолевидными в сечении ручками и горшки, знакомые уже по шурфу № 2. Новой формой являются крышки, похожие на перевернутые чаши с отогнутым краем, диаметром до 20 *см*, а также сосуды типа ваз на широких (диаметром до 19 *см*) полых ножках с профилированным краем.

Керамический комплекс из шурфов с горизонта первого периода существования мастерской во многих чертах повторяет формы нижележащего слоя. Бросается в глаза только резкое снижение процента содержания чаш. Сохраняются сфероидные чаши и полностью отсутствуют сфероконические. Варьирующие в профилировке закраин чаши имеют выступающий или четко выраженный кольцевой поддон. Присутствуют в комплексе и чаши с резко отогнутым бортиком и плоским

поддоном. Кувшины, встреченные во фрагментарном состоянии, составляют незначительный процент. Все они широкогорлые, с покатыми плечиками, фасолевидными или овальными в сечении ручками, плоским дном. Горшкообразные сосуды близки формам более раннего слоя шурфа № 2, некоторые имеют уступ для крышки на венчике, но представлены они в большом многообразии. Примечательно появление горшков с почти шаровидным туловом, переходящим книзу на конус и клювовидным венчиком. Из других форм можно назвать флягу — мустахару круглого очертания с двумя ручками — кольцами. Находки таких фляг известны для времен I в. до н.э. — II в. н. э. на Нисе[145]. Слои мастерской с описанным материалом, как указывалось, датированы монетами местного маргианского чекана I—II вв. н. э.

В керамическом материале горизонта верхней мастерской отмечается ряд новых форм, не известных в керамике нижележащего слоя. Прежде всего изменения видны в самом массовом компоненте комплекса — кувшинах. Эти сосуды крупных (высотой до 28—30 *см*) и мелких (высотой до 17 *см*) размеров широко варьируют в профилях от вытянутых грушевидных до приземистых, раздутых с одной и двумя ручками. Многие из этих форм идентичны сосудам из линз III в. н. э. в шурфе № 3, другие дополняют полученный там комплекс.

Кроме кувшинов распространенной в то время формой, видимо, становится горшок со сферическим, переходящим на конус туловом и клювовидным венчиком, встреченный в более раннем слое. Вместе с керамикой встречены глиняные формы для литья, шлаки, кусочки меди и другие предметы, указывающие на металлолитейную направленность мастерской[146].

Из стратиграфии раскопа 2 явствует, что участок с бугром раскопа начал интенсивно обживаться с самого начала II в. до н. э и окончательно был заброшен в конце III в. н. э. За это время накопилась толща культурных слоев в пять с лишним метров, причем верхние два с половиной метра приходятся на отложения металлической мастерской, функционировавшей с конца I в. до н. э. по III в. н. э. Как показали раскопки, эта мастерская не была одинока, а находилась в «секторе ремесла» северо-восточной четверти городища, где сплошным массивом располагались кварталы ремесленников разных специальностей[147]. У северных городских ворот был исследован раскопом 6 мощный бугор напластований, примыкающий вплотную к стене. Стратиграфическим исследованием здесь выявлены сложная картина смены периодов обживания и заброса этой части городища, которая наиболее полно отражает историю сложения города[148]. Лучше всего она предстала в свите слоев шурфа № 1. Он показал, что вся толща бугра сложилась за счет культурных наслоений, так как уровень материка в нем (XXXII ярус) одинаков с дорогой, ведущей из северных городских ворот. Как уже отмечалось выше, в шурфе выявлен в XXVII—XXIII ярусах слой, в нижней своей части плотный, серого цвета и без значительного разграничения переходящий в отложение с материалом середины I тысячелетия до н. э. В средней же и верхней части он приобрел характер гумусного отложения с включением костей, углей, шлаков, а также остатков пахсового строения и очажной ямы. Нижнюю часть слоя характеризует керамика переходного типа. По мере нарастания слоя процент содержания фрагментов керамики с подкошенным дном сокращается. Постепенно они исчезают, уступив место бокалам и чашам округлых пропорций на поддоне.

Кроме них, остаются цилиндроконические чаши на кольцевом поддоне. Можно отметить также горшки с толстым горизонтальным венчиком и широкогорлые кувшины. Появляются и формы, характерные для II—I вв. до н. э. (крышки в виде перевернутых тарелочек с клювовидной закраиной, вазы на невысокой подставке и горшки с уступом для крышки).

Вся керамика из тонкоотмученной глины с плотным красноватым черепком, розовым по поверхности. Несколько фрагментов принадлежит чашам пепельно-серого черепка со слабым лощением поверхности. Учитывая большую мощность и неоднородность структуры слоя, его можно датировать по стратиграфии IV — первой половиной II вв. до н. э. (рис. 10)[149]. Накопление слоя говорит о непрерывности обживания территории вокруг шурфа с момента возникновения древнего поселения до превращения его в город, обнесенный крепостными стенами, и во время существования этого города.

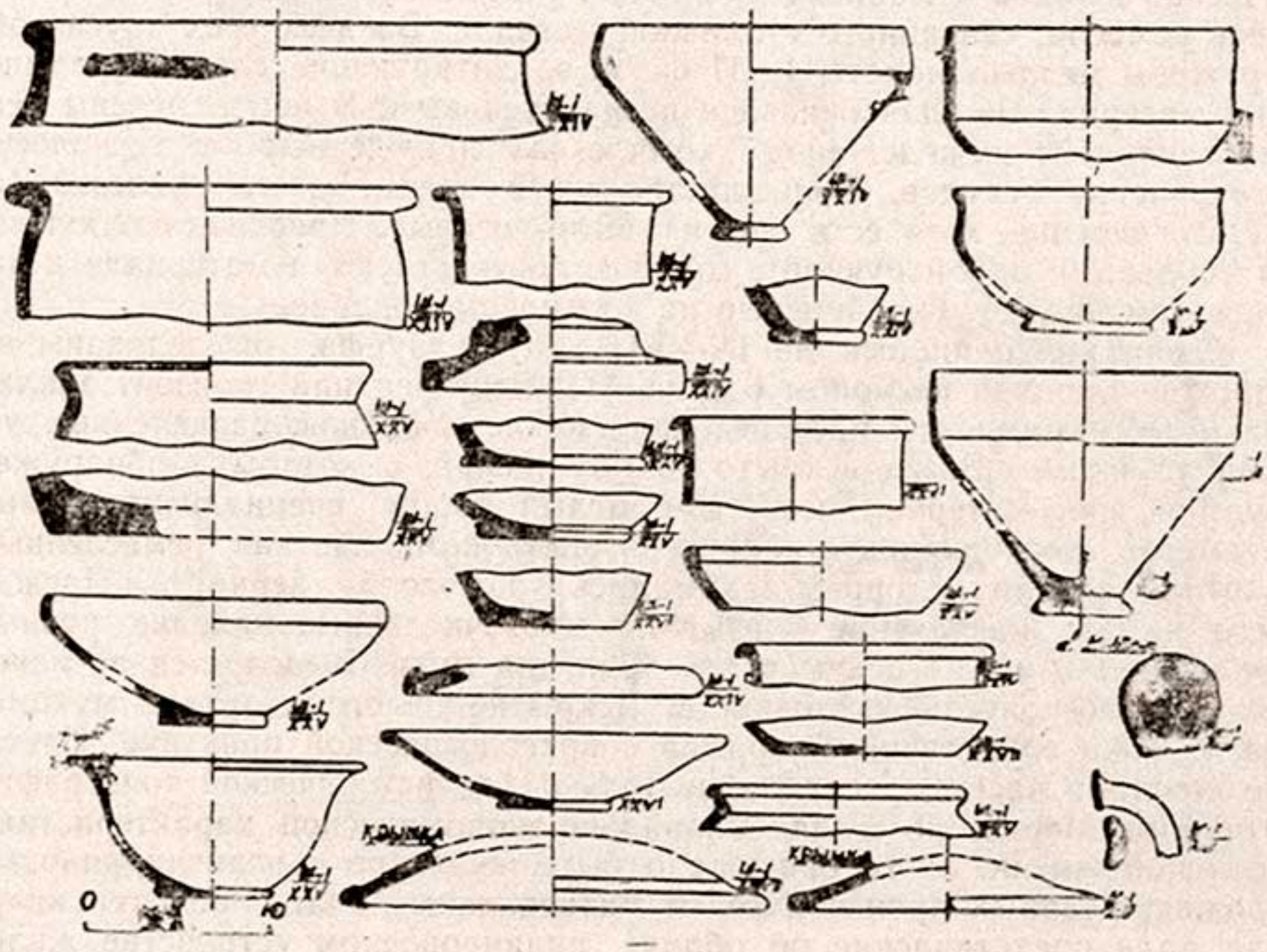

Рис. 10. Керамика III—II вв. до н. э. Составил К. Кацурис.

Описанные слои перекрываются в середине XXIII яруса стенами коридора четырехметровой высоты из кирпича-сырца размером 41×41×11 *см*³; 42×42×11 *см*³. В помещении читаются два уровня полов. На нижнем обнаружен железный наконечник копья и медная монета чекана старших Аршакидов. Над этим уровнем были найдены два керамических пирамидальных ядра, женская терракотовая статуэтка, согласно анализу Г. А. Пугаченковой, относящаяся ко II в. до н. э. к раннему варианту «Маргианской богини»[150]. Здесь же найдены кусочки же-

леза, бронзы, бронзового шлака и два остракона, сходных по шрифту с нисийскими II—I вв. до н. э. Материал датируется серебряной монетой Артабана II (129/8—124 г. до н. э.). Керамический комплекс, полученный из слоя, примыкает по формам и характеру обработки посуды к встреченному в шурфах раскопа 2 и в шурфе № 2. Все сосуды красноватого или коричневатого цвета черепка с розовой поверхностью, некоторые с лощением.

Формы хумов близки к цилиндру с выпуклым дном, венчики валикообразные, чуть загнутые внутрь, диаметром обычно 38—48 *см*. Из других форм наиболее характерны чаши цилиндроконические и округлые, горшки, кружки, бокалы, широкогорлые кувшины. Горшки с устуном на венчике украшены по плечикам волнистым орнаментом.

XIV—VI ярусы заняты в шурфе слоем с зольниками, костями животных, лентами гумусных отложений. Начиная с этих ярусов шурф расширяется и слой исследован на площади 25 $м^2$. В нем расчищены два горна (диаметром до 0,65 *м*) в сопровождении кусочков меди, металлических шлаков и мощных зольников, указывающих на существование здесь ремесла, связанного с плавкой металла. Во всех трех ярусах обнаружены медные монеты I—II вв. н. э., датирующие слой. Керамический материал из слоя оказался незначительным. В нем отмечены черты отличия от нижележащего комплекса прежде всего в технологии изготовления сосудов. Большинство их в изломе светло-желтого пористого черепка, хотя есть еще и светло-розовые. Преобладают кувшины (больше с одной ручкой), горшки, присутствуют в материале и чаши, в том числе кубкообразные на кольцевом поддоне.

Слои, приходящиеся на IX—VIII ярусы шурфа, исследованы на широкой площади раскопом 6 (рис. 11). Этот верхний горизонт заключал в себе комплексы построек, коридоров, двориков, разделенных узкими улочками. Всего вскрыто 60 помещений, в которых обнаружен керамический материал, монеты и целый набор специализированных предметов, позволившие характеризовать комплекс как ремесленный квартал, жители которого занимались обмолотом зерна[151]. Прежде всего на это назначение указывали многочисленные находки ручных жерновов (49 штук) и хумов для хранения муки. Выделяется не менее десяти самостоятельных хозяйств. Вскрытие целого квартала мукомолов — пока единственный пример в археологической практике. Изучение его дает массу материала не только для исторической топографии античного Мерва, но и для социально-экономической характеристики городской жизни, не говоря уже о быте, культуре и религии рядовых горожан, главных производителей материальных благ. Раскопки квартала дали представление об облике, планировочном устройстве жилого дома и сочетании с ним производственной мастерской. Но большинство этих вопросов остается за рамками темы настоящей работы, цель которой в характеристике города Мерва, основанной главным образом на данных стратиграфии. Верхний горизонт шурфа № 1, как и весь квартал раскопанный по этому уровню, хорошо датирован многочисленными монетами с полов и из заполнения помещений. Все монеты принадлежат к трем типам: местной маргианской эмиссии II—III в. н. э., чекану Ардашира I (224—242 г. н. э.) и чекану Шапура I (242—272 г. н. э.). На начало III в. н. э. падает наиболее интенсивное использование помещений всего квартала, но в конце III в. н. э. наступает упадок и запустение. Четче всего этот процесс прослежен в северной части квартала, где был заложен дополнительный шурф[152] (рис. 12).

Одной из задач его было выяснение взаимосвязи застройки квартала с крепостной стеной, наличия между ними свободного пространства, как того требуют каноны античной фортификации. Шурф 3×4 *м* опущен на глубину 4,5 *м*. Верхние его ярусы (VIII—X) занимал завал сырцового кирпича, продукты разрушения городской стены; над ним

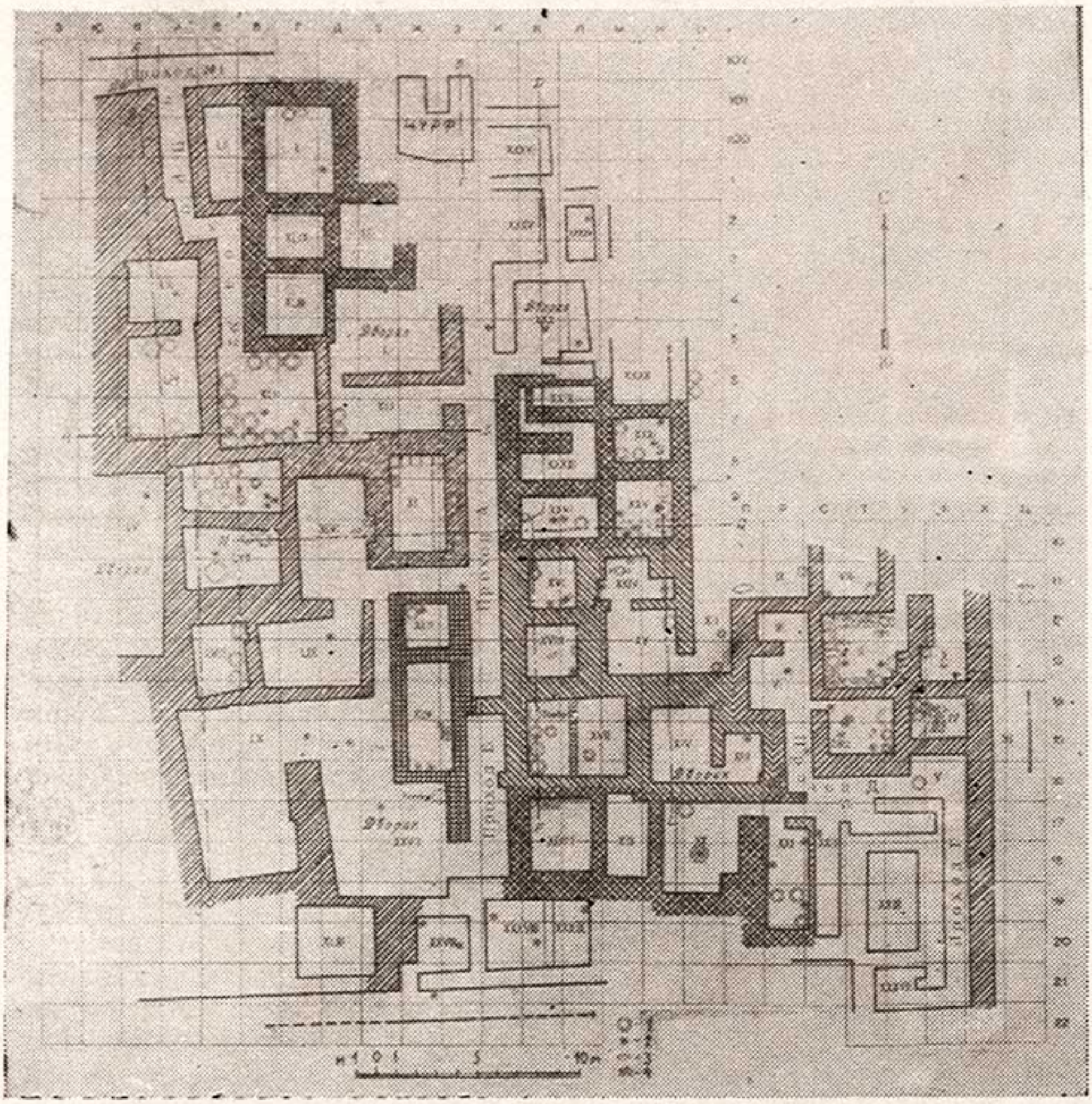

Рис. 11. Раскоп 6. План квартала мукомолов III—IV вв. н. э. (по результатам работ 1954—1957 гг.): *1* — хум; *2* — ручной жернов; *3* — зернотерка; *4* — керамические ядра. Обмеры Г. А. Пугаченковой, К. Кацуриса, М. С. Мерщиева, Д. П. Вархотовой.

шел оплыв стены. В нижней части завала две раннесасанидские монеты, видимо, бывшие в кладке стены и подтверждающие ее надстройку в III в. н. э. Весь этот завал покоился на слое зеленоватой земли с костями и битой керамикой, слое характера свалки. Под ним залегал мягкий песочно-пепельный слой с прослойками гипса, пережженной земли, очагом и монетами парфянского облика. Слой занимал XII, частично XIII ярусы и фиксировал уровень улицы, которая проходила вдоль

городской стены. Ниже шла плотно сбитая глина почти без материала. Примечательно, что вышеуказанная свалка зеленоватого цвета заполняла и ближайшие к стене помещения и дворики квартала.

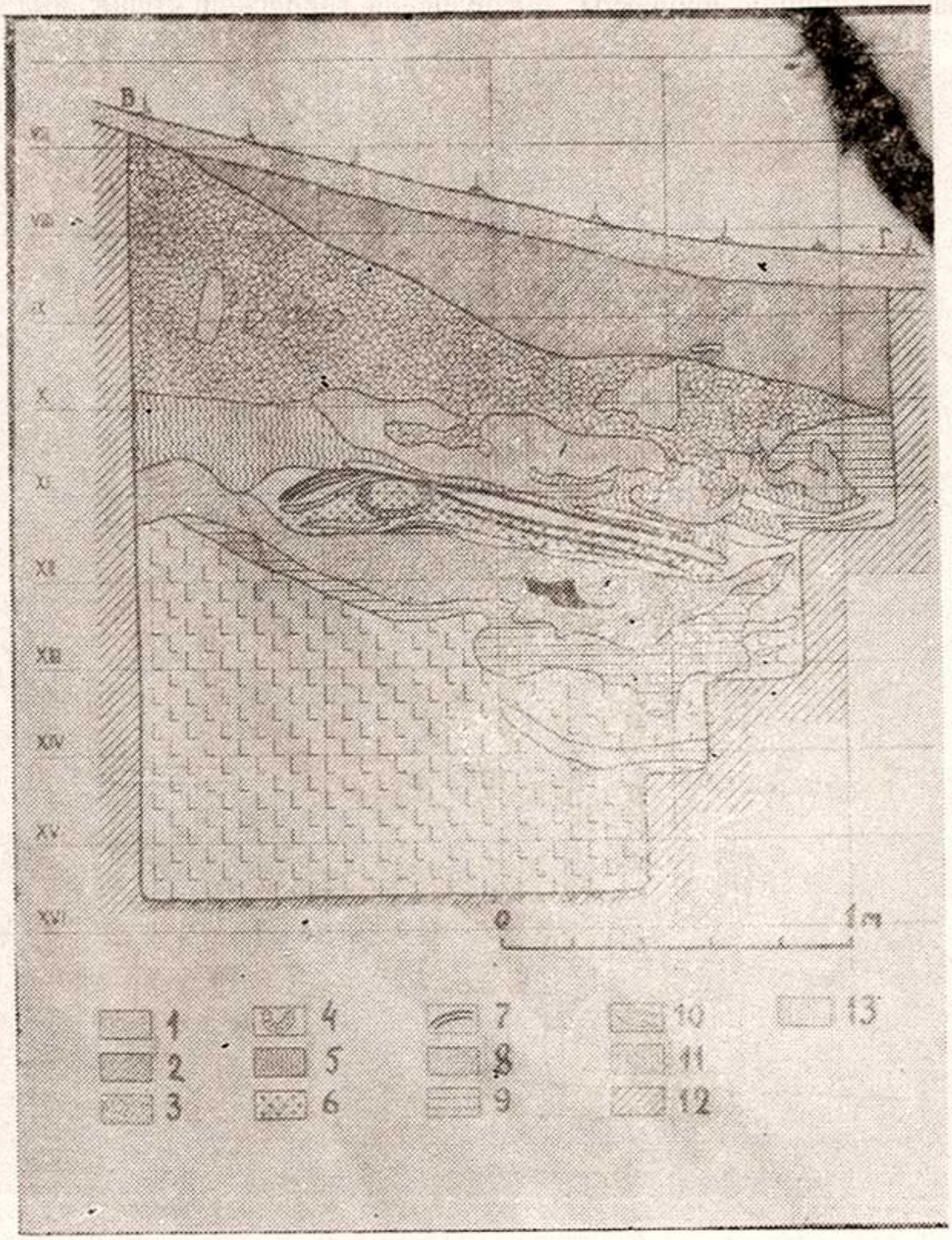

Рис. 12. Раскоп 6. Восточная стенка шурфа близ городской стены: *1* — пушонка; *2* — оплыв городской стены; *3* — разрушенный кирпич-сырец; *4* — очаг в разрезе; *5* — селитроносный слой; *6* — скопление гипса; *7* — темные зольные прослойки; *8* — песочный слой; *9* — плотный серый слой; *10* — светлые зольные прослойки; *11* — плотный коричневый слой; *12* — границы шурфа; *13* — рыхлый серовато-зеленый слой.

Обилие из нее монет III в. н. э. и керамики этого времени указывает на то, что северные помещения и пространство до городской стены в конце III в. н. э. превращается в место мусорной свалки. Факт этот свидетельствует о неполадках в городском хозяйстве, когда перестали

следить за стеной и было позволено завалить пространство вдоль нее. Но на северном же участке квартала, где явственнее всего проступают черты начавшегося в конце III в. н. э. запустения, отмечено и некоторое обживание помещений в IV в. н. э. Почти на поверхности обнаружены полы последнего строительного периода с врытыми в них хумами. Очень сильным выдуванием здесь уничтожен почти весь культурный слой. Исчезновению способствовало и устроенное у ворот в мусульманскую эпоху кладбище. Тем не менее удалось проследить, что уровни полов верхнего периода устроены на утрамбованном зеленоватом заполнении предшествующих помещений, которое достигает мощности 1,4 *м*. В верхнем культурном слое сделано несколько монетных находок IV в. н. э. Там были обнаружены тоненькие подквадратного очертания монеты, а также кладик из 17 кружков Шапура III (конец IV в. н. э.). Из раскопа есть также монета эфталитского чекана V в. н. э. В свете всех этих данных остатки верхних помещений представляются как новое освоение заброшенного и разрушенного квартала, имевшее место в самом конце IV — или V вв. н. э. Однако освоена была весьма незначительная часть, основной массив так и остался навсегда пустырем.

Обилие датирующего материала позволяет особенно внимательно отнестись к керамическому комплексу, полученному как из квартала и верхних ярусов шурфа № 1, так и с уровня полов последнего обживания. Он составляет твердый материал для заполнения мервской хронологической шкалы II—III, IV и начала V вв. н. э. Кроме форм сосудов, известных по раскопу 2 и шурфу № 2, отмечается ряд новых интересных вариантов. Наиболее полное представление можно составить о типах мервских хумов II—III вв. н. э. При взгляде на сводную таблицу этих сосудов видно, что кроме отмеченных и для более раннего времени хумов, близких по форме к цилиндру с выпуклым дном и валикообразным слегка загнутым внутри венчиком, употреблялись бочковидные и приближающиеся по форме к усеченному конусу. Бочковидные — с узким устьем и раздутым корпусом снабжены обычно двумя ручками. Их высота колеблется от 0,6 до 0,8 *м*. Конусовидные достигают высоты 1, 6 *м*. Эти сосуды иногда покрыты розовым ангобом и украшены волнистым орнаментом.

Характерной чертой комплекса является присутствие глубоких и мелких тарелкообразных сосудов с отогнутым широким бортиком, иногда украшенным волнистым орнаментом и налепами наподобие ручек. Есть миски со сферическим туловом на выступающем поддоне. Наиболее значительную часть керамического материала составляют кувшины широкогорлые и особенно узкогорлые. Последние представлены большим разнообразием форм и размеров. Впервые здесь встречены амфоровидные сосуды грушевидной формы с двумя ручками. Поддоны редко плоские, чаще всего выступающие или кольцевые с шишечкой посередине дна. У кувшинов усложнились профили горловин. Закраины, изрезанные бороздками и выемками, утяжелены иногда непропорционально толщине стенок и выглядят весьма вычурно. Особую многочисленную группу составляют миниатюрные горшочки специального назначения. Ю. Буряков и К. Кацурис считают, что они употреблялись в роли кружек[153]. Сосудики эти с раздутым туловом достигают всего лишь 8—10 *см* в высоту.

Среди керамики можно выделить группу сосудов, вошедших в употребление, видимо, в конце III в. н. э. или в начале IV в. (рис. 13). Это

представление подкрепляется находками их в основном в слое, заполняющим северные помещения свалки, и с уровней самых поздних полов. Последнее указывает и на распространение их в конце IV—начале V в. н. э. Встречена группа кувшинов, отличающихся утяжеленным поддоном, резко выступающим и перехваченным пояском-валиком. Внутри поддон полый, в него продолжается ёмкость сосуда. Другая группа под-

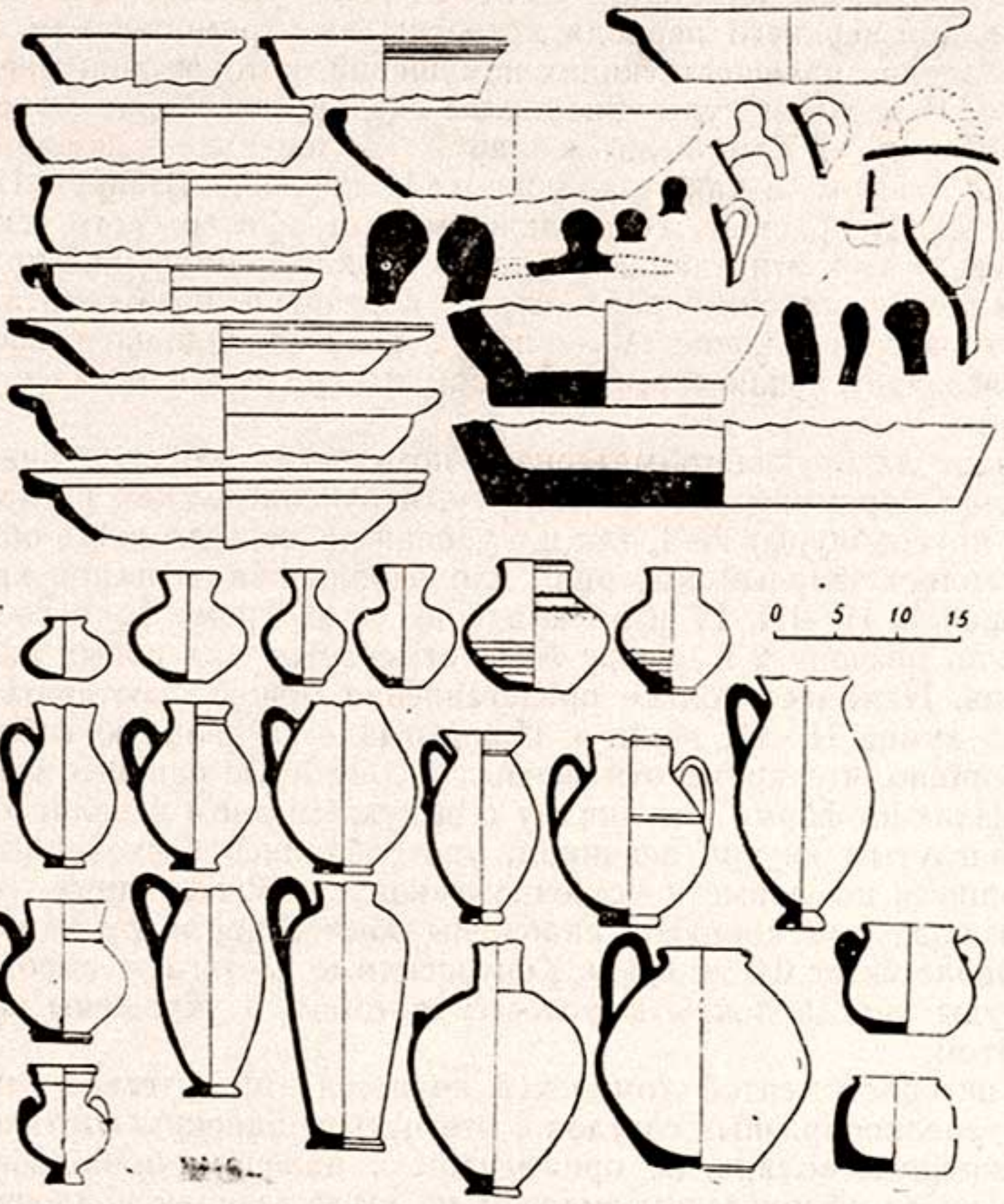

Рис. 13. Керамика III—IV вв. н. э. из раскопа 6. Составила Д. Вархотова.

донов принадлежит, видимо, сосудам типа ваз и кувшинов. Вытянутые конусовидные, профилированные выступами или перехваченные в узкой части валиком, они выглядят весьма изящно. Встречены также кувшины больших размеров (до 45 *см* высотой) с раздутым туловом, узкогорлые на плоском поддоне, выступающем за линию стенок. Они обычно с одной ручкой. Интересен ряд широких горловин шаровидного очертания с двумя изогнутыми ручками. Некоторые закраины вычурно изрезаны.

Встречены вертикальные массивные ручки с шишкой наверху, а также ручки, вытянутые вверх на манер ослиного уха. Впервые встречены горизонтальные витые ручки с вмятинами в месте соединения со сте:-

ками. Своеобразна группа сосудов, напоминающих ступки с массивным плоским дном и круглым в сечении венчиком. Корпус украшен процарапанным волнистым орнаментом. С этими новыми формами продолжают сосуществовать глубокие тарелки с волнистым орнаментом по бортику и некоторые формы кувшинчиков на кольцевом поддоне с шишечкой (рис. 14).

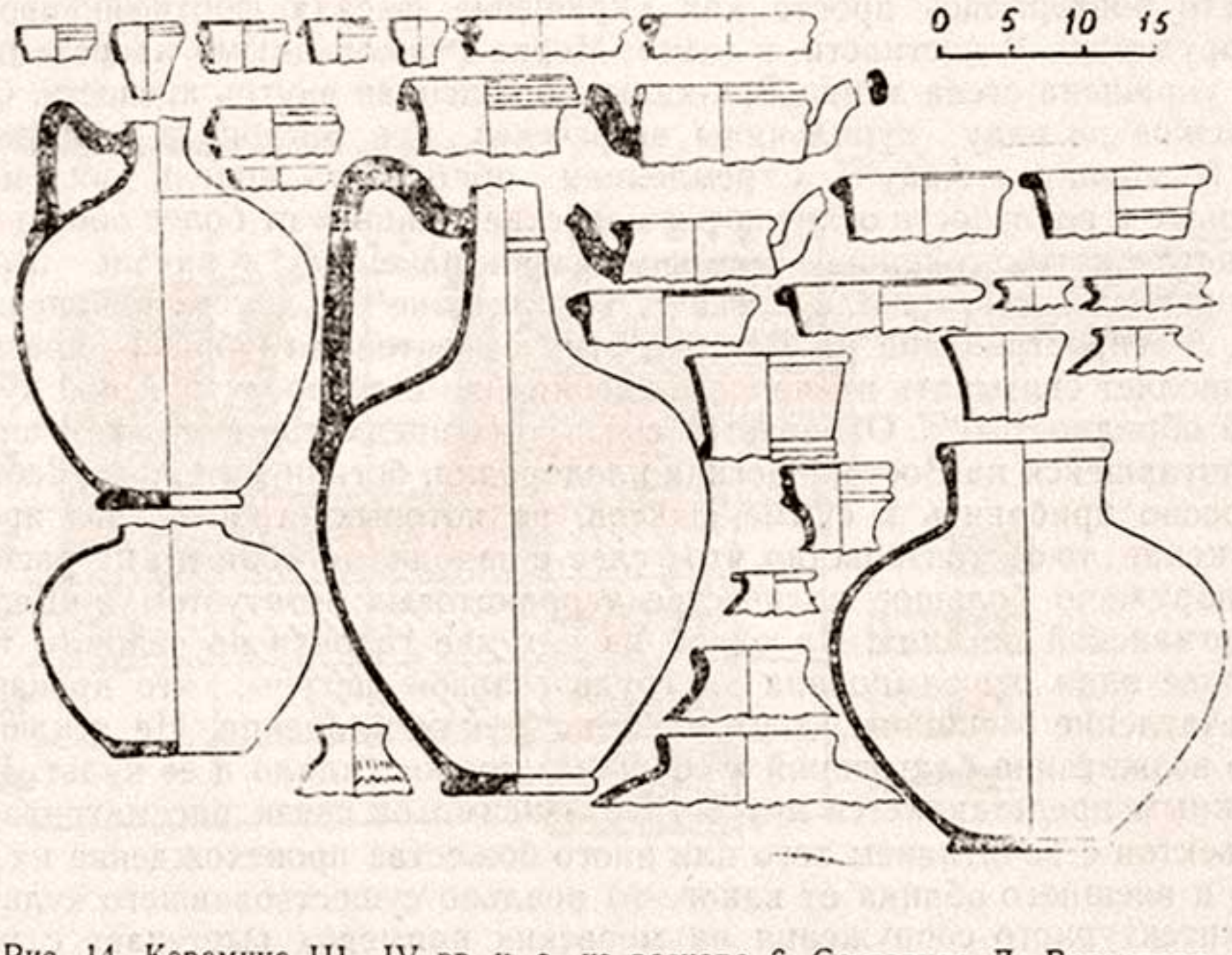

Рис. 14. Керамика III—IV вв. н. э. из раскопа 6. Составила Д. Вархотова.

К описанным формам следует прибавить еще горшки шаровидного тулова с невысокой шейкой диаметром 10—13 *см*. Отмеченные формы обладают несомненно своеобразием, отличающим мервскую школу гончарного ремесла. Тем не менее для них существует круг аналогий, уводящих в основном в III—IV вв. н. э. Кувшины со сложной профилировкой закраины, горшки близкой формы и особенно глубокие тарелки с орнаментированным бортиком известны в слоях Кобадиан IV и V[154] (I—III вв. н. э. и III—IV вв. н. э.) позднекушанского времени керамики Хорезма[155]. Горшки встречены также на Хосров-кале в слоях III—IV вв. н. э.[156]

Интересную группу керамических изделий составляют схематизированные модели башен, которые по не совсем точным аналогиям из других областей можно считать культовыми курильницами. Представление о них дает один наиболее сохранившийся экземпляр «башни» без завершающей чаши высотой 25 *см* при диаметре основания 19 *см*. Сделана она, как и вся посуда, из хорошо отмученной глины серовато-желтого цвета. На внутренней поверхности видны горизонтальные ребра, следы гончарного круга. Форма — усеченная пирамида с округленными гра-

нями, торовидным навершием и круглым выступающим основанием. Во внешнем оформлении явственно проступает стремление передать облик и детали архитектуры реально существующих башен. Это проявляется в разделке всех четырех фасадов поясами, заполненными в разных вариантах врезанными треугольниками, звездочками, косой штриховкой и особенно эллиптических прорезях и процарапанных стрелках, имитирующих бойницы. На фрагментах других «башен» стрелковидные бойницы не только процарапаны, но и вырезаны насквозь. Такая форма бойниц часто повторялась просто как украшение фасада фортификационных сооружений. В частности, в самом Мерве стреловидными прорезями была украшена стена замка Эрк-калы, обращенная внутрь крепости. Очень близкие по виду курильницы встречены при раскопках экспедиции Р. Пампелли в Анау[157]. Стремлением приблизить модель как можно больше к реальности отличаются мервские «башни» от более обобщенных подставок конусовидной формы, распространенных в начале периода раннего средневековья в Согде[158], Тохаристане[159] и других районах.

Распространение на Востоке этих объектов с глубокой древности позволяет связывать их происхождение еще с дозороастрийской культовой обрядностью[160]. Отмечается связь этих предметов с культом широко почитавшейся на Востоке богини плодородия, богини-матери[161]. Небезынтересно прибавить к сумме фактов, на которых строится это предположение, то обстоятельство, что в слое с находками «башен» на раскопе 6 обнаружено большое количество терракотовых статуэток «Великой маргианской богини». На одной из них две головки на едином торсе, вернее одна отштампована на груди главной фигуры, что производит впечатление женщины, держащей на руках младенца. Не исключено, что возжигание благовоний в «башнях» сопровождало и ее культ. Более важным представляется другое. Независимо от связи рассматриваемых объектов с почитанием того или иного божества происхождение их формы и внешнего облика от какого-то реально существовавшего культово-архитектурного сооружения на мервских примерах выступает с непреложной очевидностью. Возможно, прототипом послужили башни при храмах или сами храмы, подобно вавилонским зиккуратам или пирамидам ацтеков, поднятые вверх и призванные вселить в верующих идею приближения жрецов — вершителей обрядов к божеству и их недоступность. Напрашивается сравнение и с башнями—храмами огня, сохранившимися на территории Ирана от ахеменидского и сасанидского периодов[162]. Не исключено, что в Мерве и всей области, в которой раньше, чем в других учение Заратуштры получило признание со стороны народных масс[163], также выработались башнеобразные храмы огня, обобщенные глиняные модели которых дошли до нас в форме культовых курильниц. Во всяком случае, при разборе этих культовых предметов следует различать две стороны вопроса: явное дозороастрийское их происхождение, а также влияние на внешний вид подставок реально существовавших уже в более позднее время храмов огня.

Итак, по данным стратиграфии раскопа 6, территория близ северных городских ворот непрерывно обживалась с середины I тысячелетия до н. э. до конца III в. н. э. Она была занята древним поселением, тяготевшим к Эрк-кале, и затем стала одним из самых густонаселенных участков античного города. Наибольшая мощь культурного слоя (6 *м*) со значительными архитектурными остатками приходится на II в. до н. э. — I в. н. э. Начиная с этого времени и до запустения в начале IV в. н. э. деятельность насельников этой части города была связана с ремес-

лом, сначала плавильным, затем мукомольным. Квартал мукомолов, пришедший в упадок в начале IV в. н. э., лишь на несколько десятилетий пережил медноплавильные мастерские раскопа 2, окончательно заброшенные в конце III в. н. э. В самом конце IV—V вв. н. э. жизнь вновь вернулась на некоторые участки руин, где возникли постройки, но лишь для того, чтобы вскоре замереть навсегда.

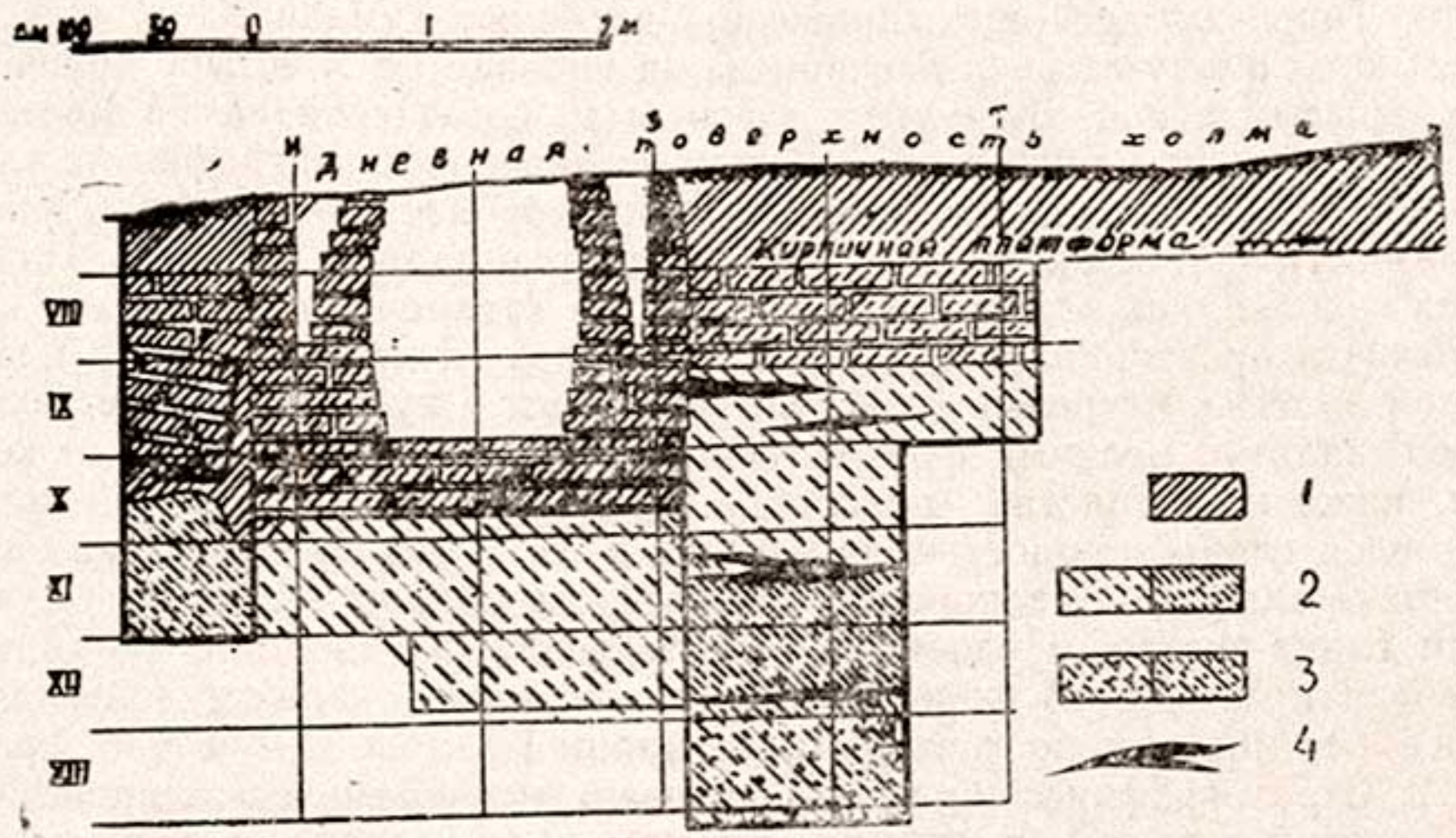

Рис. 15. Раскоп 5. Разрез обжигательной печи II—III вв. н. э.: *1* — сырцовый кирпич; *2*—глина с зольными отвалами, керамикой и костями (слева — плотная, справа — рыхлая); *3* — глино-песчаный слой с фрагментами керамики (слева — рыхлый, справа— плотный); *4* — зольно-угольная прослойка. Составили Г. А. Пугаченкова, И. Ахраров.

В «секторе ремесла» обнаружен также и квартал гончаров, который занимал площадь на бугре между холмом с раскопом 2 и 6. Вся поверхность его усеяна керамикой античного облика, кусками обожженных кирпичей с потеками шлака, огромными глыбами керамического шлака. Кроме того, с бугра были собраны монеты парфянского чекана, терракотовые фигурки «Маргианской богини». По микрорельефу в нескольких местах угадываются остатки обжигательных горнов (рис. 15). Одна печь была расчищена на восточном склоне бугра. Здесь в результате процесса выветривания обнажились два концентрических круга кирпичной кладки горна[164]. При расчистке выяснилось, что это — нижняя, ямная часть печи диаметром 2—2,1 *м,* состоящая из двух концентрических стенок. Внутренний круг расчленен на 3 части радиальными стенками, поддерживавшими, видимо, под[165]. В кладке применен кирпич-сырец размером 40×40×10 *см*^{3}; 42×42×12 *см*^{3}. Печь утратила свой первоначальный купол и сохранилась с уровня топки, которая выходила на юг.

Внутренняя поверхность топочной камеры ошлакована, на полу сохранилась зола и куски провалившегося пода. Внутренняя стенка топочной камеры сложена таким образом, что в разрезе дает яйцевидную форму. Между внутренней и внешней стенкой оставлено пространство, видимо, тепловодный канал. В завале в верхней части топочной камеры обнаружен ряд сосудов, упавших, по всей вероятности, с провалившегося пода. Сосуды и по выработке, и по формам примыкают к керамике из линзы III в. н. э. в шурфе № 2, а также к материалу II—III в. н. э. квартала мукомолов. Отличие лишь в цвете черепка. Сосуды из печи в изломе розового цвета, тогда как керамика II—III вв. н. э. обычно зеленовато-серого. Типы сосудов ориентировочно датируют хумдан III в. н. э. В 20 *м* к юго-западу от печи расчищены на глубине 1,2 *м* четыре крупных хума, врытых в пол. Возможно, здесь были помещения самой мастерской. В небольшом шурфе около печи выявлена стратиграфия на глубину до 4 *м*. Оказалось, что яма для печи вырублена в кирпичной платформе постройки более раннего времени и прорезала ее насквозь. Платформа сохранилась на четыре ряда кирпича (размер сырца тот же, что и в печи) и простиралась на несколько метров за хумданом. Под платформой залегал метровый слой плотной глины с кусочками угля, зольными отвалами, мелкими фрагментами керамики красного цвета и костями, ниже шла толстая прослойка зольно-угольного отвала, затем опять слой глины мощностью до 0,6—0,7 *м*. Под ним залегала еще одна прослойка золы 0,1 *м*, которая в свою очередь образовалась над рыхловатым глино-песчаным слоем со значительным содержанием керамики. Несмотря на большую фрагментарность, по цвету черепка, профилям венчиков ее можно сопоставить с материалом I в. до н. э. — I в. н. э. раскопа 2. Стратиграфический разрез показал, что керамическое производство на этой территории, видимо, существовало издавна, а печь, остатки которой были расчищены на поверхности, принадлежала к последнему периоду работ мастерских. В силу каких-то причин их стали оставлять уже в III в. н. э. Для указанного времени раскопанная печь пока единственный пример обжигательного хумдана, остатки других скрыты на окружающей территории квартала. Яснее представить ее конструкцию позволяет сравнение с печами, правда, более раннего времени, но несомненно родственного устройства, расчищенными на специализированных на гончарстве поселениях Джин-депе в 20 *км* к северо-западу от Мерва и Такырджа-депе. Печи на обоих поселениях отличаются громадными размерами. Они — круглые в плане, двухкамерного устройства. Топочная камера устроена целиком под землей, она обкладывалась кирпичами, переходящими вверху в купол, сложенный методом «ложного свода». В куполе имелось несколько жаропроводных каналов, пронизывающих под. Обжигательная камера — наземное сооружение и по диаметру почти вдвое превосходит нижнюю. Размеры печей колеблются в пределах от 1 *м* (диаметр топочной камеры) при 2,92 *м* (диаметр обжигательной камеры) до 2,5 *м* при 5,2 *м*. По комплексу материала и монетным данным печи датированы I в. до н. э. — I в. н. э.[166] Уже при первом знакомстве видно несомненное сходство их устройства с мервской печью III в. н. э. из городского квартала. Тот же яйцевидный профиль подземной камеры, характер кладки, переходящей на купол методом «ложного свода», наконец, внутренний диаметр топки в 1 *м* определяет их сходство. Надо полагать, что и над топочной камерой мервской печи возвышался купол обжигательной, превышающей по диаметру нижнюю.

Единственным новшеством, внесенным временем в конструкцию, можно считать прием обкладки топочной камеры не сплошной кладкой, а двумя концентрическими стенками, между которыми вверху остается теплопроводное пространство. Ссылаясь на пример Джин-депе, можно считать, что раскопанная мервская печь не была самой большой в квартале. Огромные же размеры и трудоемкая технология использования вполне допускают применение добавочной рабочей силы — рук рабов.

Уже упоминалось о том, что гончарство на бугре с роскопанной печью процветало и в более раннее время. Доказательством этому служит материал небольшого раскопчика неподалеку от печи. Здесь был получен комплекс керамики, содержащий целый ряд форм, известных по материалам I—II вв. н. э. раскопа 2 и Джин-депе.

Итак, наиболее характерным признаком обживания северо-восточной четверти Гяур-калы на территории, прилегающей к цитадели, является несомненная его ремесленная направленность. В I в. до н. э. — III в. н. э. здесь располагались ремесленные кварталы, которые придают городу этого времени облик крупного производственного центра.

По данным стратиграфии, как и по данным раскопов, на время II в. до н. э.—II в. н. э. падает наиболее интенсивное обживание этой территории и наиболее напряженное использование большинства мастерских кварталов. Не менее примечателен факт запустения всех кварталов этой территории, наступившего с конца III в. н. э. Как видно из стратиграфического изучения верхних слоев, только участок близ северных городских ворот был вновь обжит в конце IV в. н. э. Прочая территория былых производственных кварталов никогда больше не служила местом заселения. Вот почему на поверхности встречается в изобилии материал рабовладельческой поры, выдуваемый из верхнего культурного слоя. Запустение, отмечаемое с конца III в. н. э. также и в центральной части городища (судя по стратиграфии шурфа № 2), не прошло бесследно для территории бывших ремесленных кварталов.

Несколько отличная картина наблюдается при стратиграфическом изучении территории Гяур-калы к востоку и юго-востоку. В северо-восточном углу городища вблизи городских стен четко выделяются на относительно ровной поверхности два отдельно стоящих бугра, удаленных друг от друга на 50 *м*. На южном бугре в 1953 г. заложен контрольный раскоп, получивший шифр РЗ-а (производитель работ Г. Трапезников). В 1962—1963 гг. изучение бугра продолжено разведочно-стратиграфическим раскопом 12 (З. Хакимов). Северный бугор исследовался раскопом 3 с 1953 г. с небольшими перерывами до 1964 г. В результате работ здесь расчищено поверху крупное общественное здание на платформе овального плана с 43 помещениями и двором внутри; вход осуществлялся по пандусу с южной стороны. Существование здания относится к периоду IV—VI вв. н. э.[167] В первые годы работ М. Е. Массоном было высказано предположение о связи здания с христианами одной из сект еретического толка, существовавших на Востоке[168]. Впоследствии это предположение подтвердилось[169].

Кроме широкого раскопа, на бугре было заложено семь шурфов, из них пять дали четкую стратиграфию напластований, начиная от материкового грунта.

Шурф № 1 в юго-западной части бугра. Непосредственно под стенами овального дома началась его кирпичная платформа, занявшая V—VII ярусы. В кладке обнаружена монета Бахрама IV (388—399 гг. н. э.). На VII—IX ярусы приходится слой плотной структуры с гумус-

ными прослойками, включающий керамику розового и красного черепка, по облику примыкающую к комплексам I в. до н. э. —I в. н. э., известным уже на Гяур-кале.

Нижележащий слой (X—XII ярусы) той же структуры отличается лишь составом керамических фрагментов, включающим ряд признаков, характерных для керамики II—I вв. до н. э. В шурфе № 2 на северо-восточной стороне бугра подтвердилась та же очередность отложений. Под кирпичной платформой здания в конце VIII яруса пошел слой с керамикой античного облика и продолжался в X ярусе, до уровня которого доведен шурф.

Шурф № 3 на восточном склоне холма выявил более сложную стратиграфию. Под платформой, которая на участке шурфа сделана из плотносбитой земли, в конце VIII яруса начался культурный слой. В середине IX яруса — линза селитроносного характера. Ниже—плотный слой типа разрушенной кирпичной кладки, которая лежала на плотном лёссе с прослойкой в XII ярусе выкладки из кирпичей, неустановленного размера. Шурф доведен до середины XII яруса.

Шурф № 4 (вспомогательный) прорезал только платформу и не интересен в стратиграфическом отношении. В шурфе № 5 в южной части раскопа можно было наблюдать, как при устройстве пандуса, ведущего к зданию, срезана верхняя часть мусорной ямы позднеантичного времени, на 1,5 м углубленной в материковый слой так, что дно ее оказалось в конце XVI яруса.

Шурф № 6 в центре раскопа показал, что стены здания в этой части не опираются на платформу, а лежат на мощном селитроносном слое с включением костей и керамики, по внешнему облику относящейся ко II—III вв. н. э. Слой занимает ярусы VI, VII и начало VIII. В IX ярусе отмечена выкладка из сырца толщиной в 10 *см*. X—XII ярусы занимает довольно плотный слой с керамическими фрагментами красноватого цвета, аналогичные черепкам из этих же ярусов всех других шурфов. В XIII ярусе — линза селитроносного грунта с костями, в конце его — надувной песок. Ниже идет часто встречаемое в Гяур-кале чередование естественных прослоек песка с коричневой и белой тоюнной глиной. В XVII ярусе пошел чистый аллювиальный песок.

Платформа под стенами овального здания выявлена и в шурфе № 7, заложенном во внутреннем дворе. Ниже, начиная с VIII яруса, пошла рыхлая земля с песком, с редкими фрагментами керамики, в середине XI яруса она перебита зольной прослойкой. В XII ярусе начался чистый надувной песок. Суммируя данные всех шурфов в пределах раскопа 3, можно отметить большое единообразие в последовательности накопления остатков на площади всего бугра. Почти везде платформа под верхнее здание IV в. покоится на разровненном культурном слое предшествующего обживания, достигающим сейчас 2,5 *м*. При близком рассмотрении и анализе керамики из этого слоя становится очевидным наличие по крайней мере двух периодов его накопления. Непосредственно на материке, занимая X, XI—XIV ярусы, залегает слой с керамическим материалом, отличным от вышележащего и родственным формам посуды с Гяур-калы II—I вв. н. э. Все фрагменты тонкой отмучки, розового или красного черепка, но есть и экземпляры серого цвета. Несколько плоских донец сероглиняных чаш несут следы лощения. Наиболее обильны фрагменты чаш и кубков. Первые с выпуклым туловом, прямым, отогнутым наружу или загнутым внутрь венчи-

ком. Обычный диаметр устья 14—17 *см.* Кубки с резким перегибом прямых стенок (цилиндроконические) на кольцевом поддоне. На нескольких фрагментах лощение по красному ангобу[170].

Культурный слой частично VII, VIII, IX ярусов, а также мусорная яма в шурфе № 5 содержат керамику светлого черепка: серовато-желтого, реже — розового. Чаши полусферического очертания с утолщенным венчиком, загнутым или отогнутым. Горшки шаровидного тулова с клювовидной закраиной, иногда с ручками. Встречены конические поддоны, кольцевые с шишечкой посредине и плоские. Все фрагменты керамики принадлежат формам, бытовавшим на Гяур-кале, судя по другим раскопам, в I—III вв. н. э.

В верхних ярусах шурфов, связанных со временем существования овального здания, встречена керамика, четко датированная монетами IV—VI вв. н. э. Самая большая группа—чаши с различными вариантами прямых и утолщенных венчиков с диаметром устья в 11—20 *см.* За ними следуют кувшины вытянутых пропорций или приземистые раздутые с гладкими или орнаментированными горловинами с диаметром венчика 5—10 *см.*

Ручки сосудов овальные в сечении, иногда с небольшим налепом. Встречены ручки крупных сосудов, вытянутые вверх и в сторону—«ослиное ухо». Донца сосудов плоские, кольцевые и с выступающей наружу закраиной. Керамика датирована в общем IV—VI вв. н. э.

Материал шурфов и раскопа не поддается более дробной градации. Можно лишь выделить отдельные формы IV—V вв. н. э., отмеченные при описании статиграфии раскопа 6.

Итак, по данным шурфов, территория бугра в северо-восточном углу городища начала заселяться со II в. до н. э.; ко времени II—I вв. до н. э. сюда относятся и строительные остатки из сырцовых кирпичей. Не прерываемое никакими серьезными запустениями использование этой городской территории продолжалось до III в. н. э., до времени, когда забрасываются рядом расположенные ремесленные кварталы. Видимо, та же участь постигла в конце III в. н. э. и участок бугра. Во всяком случае, здесь была необитаемая пустошь, поскольку ищущие уединения христиане основали в этом месте свою обитель и, разравняв руины, возвели общинное здание. Здание в свою очередь полностью забрасывается к VII в. н. э., и жизнь больше никогда не возрождается в этой части города. Нельзя считать показателем заселенности территории несколько незначительных построек средневекового времени, остатки которых обнаружены только на вершине бугра[171].

Холм, расположенный южнее здания христианской общины, исследован рекогносцировочным стратиграфическим раскопом 12 (рис. 16). Кроме шурфов для определения последовательности накопления культурных отложений на отдельных участках холма произведено вскрытие по площади. Бугор, вытянутый на 122 *м,* достигает в южной части 7 *м* высоты над окружающей поверхностью. Здесь читается возвышенность типа башни. Расчистки выявили монолитную кладку из голубоватого сырца в верхней части и из сырца обычного цвета—в нижней. Ширина монолита, который мог быть либо основанием постройки, либо открытой поднятой в небо крадратной площадкой, составляет 16,6 *м,* сохранившаяся высота—3,2 *м.* Разведочная борозда длиной в 21 *м,* проложенная в восточном направлении от монолита, обнаружила еще сооружение типа утрамбованной платформы, обложенной по краям пахсовыми блоками и сверху покрытой комковатым тоюном. Направле-

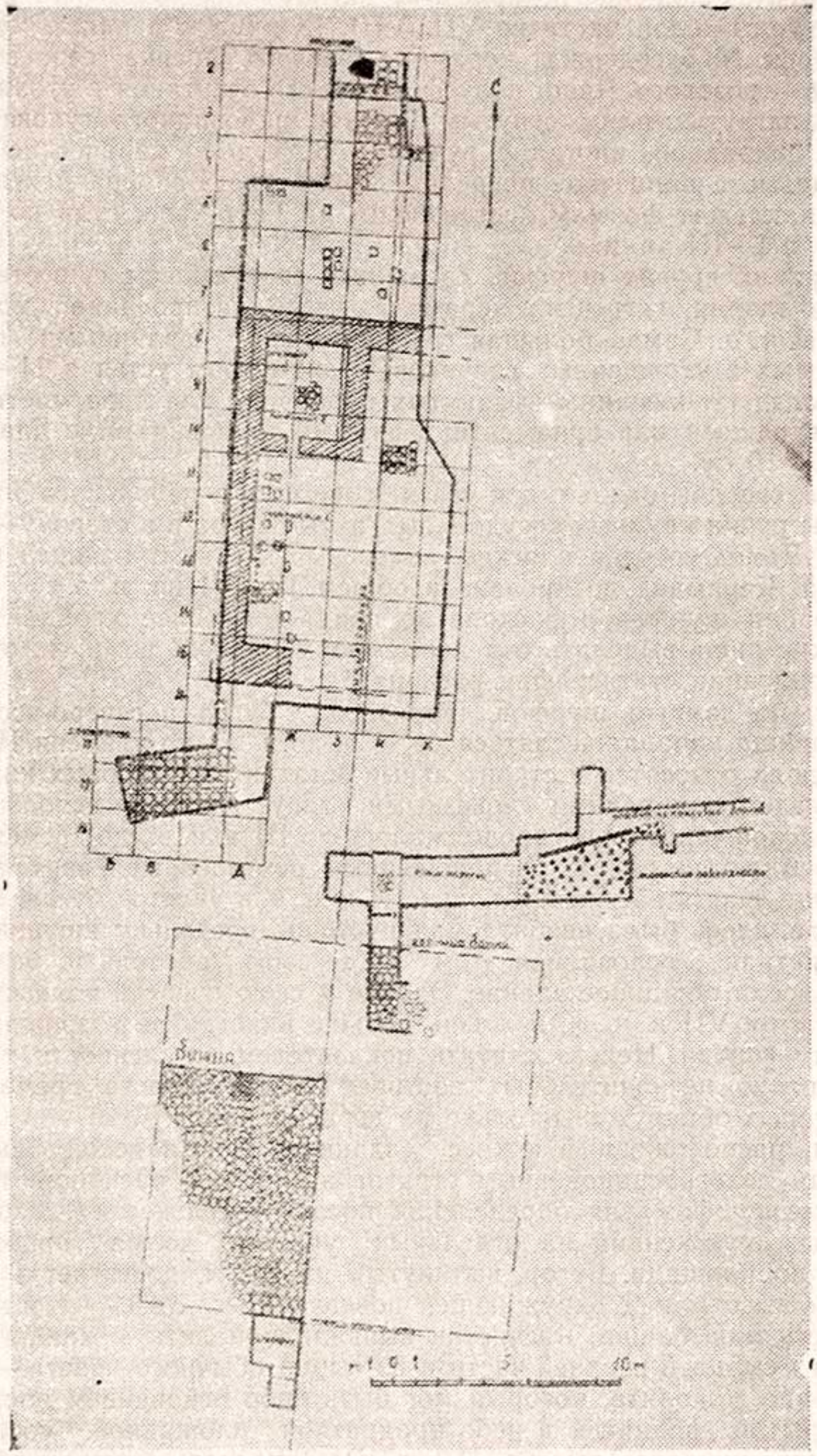

Рис. 16. Раскоп 12. Общий план. Составил З. Хакимов.

ние стен ее не совпадает с осью кладки монолита, а сама она до него не доходит и по уровню расположена ниже. Разделяющее их пространство засыпано надувным песком, в котором обнаружен перевернутый хум с захоронением.

В северной части бугра вскрыты остатки верхнего архитектурного комплекса с сохранностью стен в 1—2 кирпича. Оконтурены два помещения, соединенные проходом, и длинная стена, идущая с севера на юг. Размеры строительного кирпича 40×40×12 *см*³; 42×42×10 *см*³. Комнаты оказались забутованными. В южном помещении (№ 2) забутовочная кладка расчищена на площади 5×2,8 *м*. Примечательно, что она, подобно кладке южного монолита, выведена в верхней части из голубоватого сырца размером 38×38×10 *см*, а в нижней — из обычного размером 40×40×10 *см*³.

На бугре заложено также 3 шурфа. Шурф № 1 — (на южном склоне) от основания кирпичного монолита доведен до материка на глубину 8 *м*, что почти на 4 *м* ниже уровня окружающей дневной поверхности. Шурф 2×1,5 *м* затем был увеличен за счет расширения его на юг на 2 *м*. Подстилающий естественный слой состоял здесь из надувного песка (XXI—XXII ярусы), выше прослойки песка чередовались с тоюнной глиной (рис. 17).

В XVI—XVII ярусах обнаружен вышеупомянутый незначительный материал IV—III вв. до н. э. в слое, который производит впечатление разровненной и утоптанной площадки. Чередование тоюна и песка в том слое прослеживается вверх до конца XII яруса. Выше, до середины X яруса, идет плотная пахсовая масса какой-то платформы, в южной части шурфа прорезанная большой мусорной ямой, заполненной гумусным грунтом, где встречаются кости животных. На самом ее дне, врезаясь в нижние слои, стояло странное сооружение из двух одетых друг на друга хумов без дна общей высотой в 1,2 *м* (диаметр венчиков 0,52 *м*); сосуды — овального очертания с валикообразными венчиками, распространенные в Мерве вплоть до II—III вв. до н. э.

Возможно, сооружение оформляло когда-то устье ямы и затем рухнуло в нее. Примечательно полное отсутствие керамики в заполнении ямы, подтверждающее использование ее в роли ташнау. Яма и остатки пахсовой платформы перекрыты культурным слоем толщиной в 1 *м*, расположенным в IX и X ярусах. Набор форм из слоя небогатый, но все фрагменты принадлежат сосудам, изготовленным на гончарном круге. Черепок плотный, в изломе розового или красного цвета. Восстанавливаются формы чаши (плоской тарелочки, кубковидной чаши), кувшина, которые при сравнении с керамикой других пунктов Гяур-калы могут быть датированы I в. до н. э. Культурный слой с этим материалом перекрыт в северной части шурфа кострищем 0,36 *м* толщиной. В этой части представлены слои, на которых непосредственно покоится монолит кирпичной кладки. В южной же части шурфа вышеописанный культурный слой перекрыт продуктами разрушения кирпичной кладки монолита, которые занимают, как и кострище, IX и частично X ярусы. Над кострищем и непосредственно под нижним рядом кладки монолита отмечен почти метровый слой надувного песка, который разделяет периодом запустения момент возведения монолита и время накопления нижележащего культурного слоя. Отметим одну деталь, к которой придется вернуться позже. Под слоем разрушения кладки монолита, на горизонте, стратиграфически соответствующем слою наносного песка, обнаружены остатки двух хумов, перевернутых и вмурованных венчика-

ми в пахсовые подушки толщиной 0,2 *м* каждая. Внутри каждого хума обнаружены обломки нескольких костей, в силу очень плохой сохранности не поддающиеся определению.

Рис. 17. Раскоп 12. Вид на «башню» и шурф № 1.

За северным фасом монолита, вдоль него, был опущен еще один шурф (№ 3), доведенный только до конца IX яруса. Он подтвердил прохождение слоя надувного песка в VII—VIII, частично IX ярусах под всем основанием монолита. В песке обнаружен перевернутый хум прекрасной сохранности со скорченным человеческим костяком внутри. Сосуд 0,96 *м* высотой аналогичен по форме хумам раскопа 6, датированный II—III вв. н. э. Само положение скелета говорит о том, что было произведено захоронение не костей, что встречалось на мервском некрополе к западу от Гяур-калы, а захоронение трупа. Подобные трупозахоронения, когда покойника связывали в скорченном положении и закрывали хумами, найдены в Иолотани, о чем сообщил М. Е. Массон.

Хорошая сохранность костяка позволяет определить причину смерти — пролом теменной и лобной костей черепа. По предварительному заключению В. Я. Зезенковой, череп принадлежал женщине зрелого возраста. Антропологический тип—европеоидный, долихокранный, приближенный к одной из ветвей среднеземноморского типа. На поясничном позвонке захороненной обнаружена медная монета, видимо, когда-то завернутая в пояс. Подобного типа монеты, как удалось установить М. Е. Массону, чеканились в самой Маргиане во II или в самом начале III в. н. э. Датированное захоронение в слое надувного песка — весьма важный стратиграфический факт. Во-первых, оно помогает осмыслить остатки двух перевернутых хумов с несколькими костями, обнаруженных примерно по тому же горизонту в шурфе № 1, во-вторых, датирует период запустения, четко выделенный на бугре с раскопом 12.

Шурф № 3 не опущен ниже уровня захоронения. Чередование нижележащих слоев на этом участке помогает восстановить вышеупомянутая борозда, протянутая в восточном направлении. В ней четко читается как надувной песок перекрывает пахсово-тоюнную платформу, а она в свою очередь лежит на культурном слое типа хозяйственного завала с костями и обилием керамики. Слой занимает X и XI ярусы, что в общем соответствует уровню залегания отложений того же типа в шурфе № 1. Этот жилой слой примерно соответствует уровню окружающей холм дневной поверхности городища и без сомнения составляет ее, частично превратившись сейчас в «пушонку». На слабо заметных в рельефе холмиках к востоку, северу и югу от бугра он также ничем не перекрыт.

Шурф № 2, заложенный в северной части бугра, повторил описанную картину стратиграфического чередования периодов жизни (рис. 18). Размер шурфа 2×2 $м^2$. Доведенный до середины X яруса, он выявил внизу уже знакомый культурный слой, насыщенный органическими остатками и керамикой. Начиная с середины IX и до конца V яруса, прослежен перекрывающий слой запустения. В этой части бугра он наиболее мощный (до 2 *м*), но не однородный. Нижние 25 *см* надувного песка покрыты утрамбованным слоем мокрой глины с уровнем пола. Выше него в мощный слой песка вкрапляется строительный завал и гумусные массы. Подобно тому, как в южной части бугра на слое запустения затем был возведен кирпичный монолит, так и здесь, на севере, поверхность надувного песка была укреплена уплотненной массой комковатой земли и использована под новую застройку. На грани III и IV ярусов отмечен первый уровень пола этой застройки. Кроме насыпной земли, выравнявшей поверхность песка, был использован строительный завал, местами перекрывающий песок. Примечательно, что в этом слое, наряду с керамическими фрагментами, были найдены комочки крашеной алебастровой штукатурки и кусок алебастровой скульптуры, окрашенной в черный

цвет. Выше уровня первого пола в слое такой-же комковатой земли и песка встречены фрагменты упавшей штукатурки со следами росписей и позолоты. В конце II яруса отмечен второй уровень пола, который связан с остатками верхнего архитектурного комплекса, исследованного раскопом по площади. Сохранилось полностью одно помещение (№ 2, 4,1×3,6 *м*²) и западная стена с углом другого (№ 1) длиной 8,6 *м*. Они соединены проходом 0,65 *м* ширины. Помещение № 2 с шириной стен — южной и восточной в 0,85 *м* и северной, которая была внешней, в 1,2 *м*. На западной стене его сохранились фрагменты трехслойной росписи. Первый слой выполнен синей краской на белом фоне, второй — черной и красной на лессовом фоне. Третий — теми же красками, но на белом фоне. Восточная стена оштукатурена простой саманной обмазкой.

Рис. 18. Раскоп 12. Развертка шурфа № 2: *1* — разрушенная кладка; *2* — слой комковатой земли с включением строительных остатков; *3* — культурный слой с керамикой I—II вв. н. э.; *4* — современная дневная поверхность. Чертил З. Хакимов.

Керамика из слоев, перекрывающих надувной песок, отличается от содержимого лежащих под ним прежде всего технологическими приемами. Все фрагменты зеленовато-серого цвета со светлым ангобом. Из форм можно отметить кувшины с яйцевидным туловом двумя или одной ручкой овального и круглого сечения. Далее кувшины малого размера с шаровидным туловом и кольцевым поддоном с характерной шишечкой

посредине. Выделяются также глубокие тарелки с широким орнаментированным бортиком и горшковидные сосуды. Все эти формы характерны для посуды Гяур-калы II—III—IV вв. н. э.

Кроме того, отмечены фрагменты вазообразных сосудов на полой конической ножке, утяжеленные поддоны и витые горизонтальные ручки, распространенные только с III в. н. э.

Последний период обживания объекта связан с возведением платформы из обычного и голубоватого кирпича размером 40×40×10 *см*^{3}; 38×38×10 *см*^{3}. Ею были снивелированы остатки помещений, сохранивших стены в высоту всего на два кирпича. Сама же перекрывающая кладка, сильно пострадавшая от выветривания, сейчас прослеживается местами на один кирпич. Расчищена она на площади 5×2,8 *м*^{2}. Сооружение ее четко датировано двумя медными монетами сасанидского чекана VI в. н. э. В этот же период, видимо, ремонтировался южный цоколь-монолит, где видна наверху кладка голубоватого сырца. Из забутовок и платформы извлечено некоторое количество керамических фрагментов зеленовато-серого в изломе черепка. Выделяется высокая профилированная ножка, фрагменты сосудов с высоким поддоном и рифлением стенок. Подобные формы известны по материалу V—VI вв. н. э. из овального дома раскопа 3. Монетные находки подтверждают эту датировку.

Суммируя данные стратиграфического изучения во всех пунктах, можно представить в общих чертах историю обживания участка городища вокруг бугра с раскопом 12. Несомненно, восточные территории внутри городских стен освоены несколько позднее центральных и прилегающих к цитадели. Культурный слой IV—III вв. до н. э. под бугром был разровнен и использован под застройку не ранее конца II в. до н. э. Видимо, от этого времени сохранилась пахсовая строительная масса, обнаруженная в X—XII ярусах шурфа № 1. Со II в. до н. э. начал застраиваться и рядом расположенный участок Р-3. Следующий период связан с культурным слоем, занимающим IX—начало XI яруса и датированным по керамическому материалу I в. до н. э. — I в. н. э. (рис. 19). В это время интенсивно обживалась вся площадь бугра и окружающая его территория. Из всех пунктов получена керамика, дополняющая новыми формами набор из шурфа № 1 в центре городища. Как уже отмечалось, комплекс примыкает к материалу других раскопов Гяур-калы. Поэтому ограничимся лишь перечислением встреченных типов. Здесь представлены чаши, тарелки, кувшины, хумы, хумчи, горшкообразные сосуды и маленькие чашечки типа пиалы.

В самом конце периода I в. до н. э.—I в. н. э. или в начале II в. н. э. в северной части бугра появились помещения с крашеной штукатуркой и скульптурой, просуществовавшие недолго. Уже к концу II или началу III в. н. э. все архитектурные комплексы оказались разрушенными и занесенными пустынным песком. Период явного запустения уже в конце II в. н. э., отмеченный во всех исследованных пунктах бугра, до сих пор не был зафиксирован ни на одном объекте северо-восточной четверти городища. На площади ремесленных кварталов он начинается лишь с конца III в. н. э. Восточные же территории в углу городища начали переживать его, очевидно, раньше, что видно и по пониженному рельефу. На месте раскопа 12 даже возникло небольшое кладбище со своеобразным типом захоронения в перевернутых хумах. Бугор с раскопом 12 явился первым объектом, где удалось проследить наиболее ранний перерыв в благополучном развитии древнего города и сокращение его

площади за счет северо-восточных участков. Некоторое оживление их наступило позднее, но не по всей площади. Видимо, в III в. н. э., когда резкий подъем отмечен и на ремесленном квартале, у северных ворот города два северо-восточных участка вновь становятся местом застройки. Это бугры с Р-12 и Р-3.

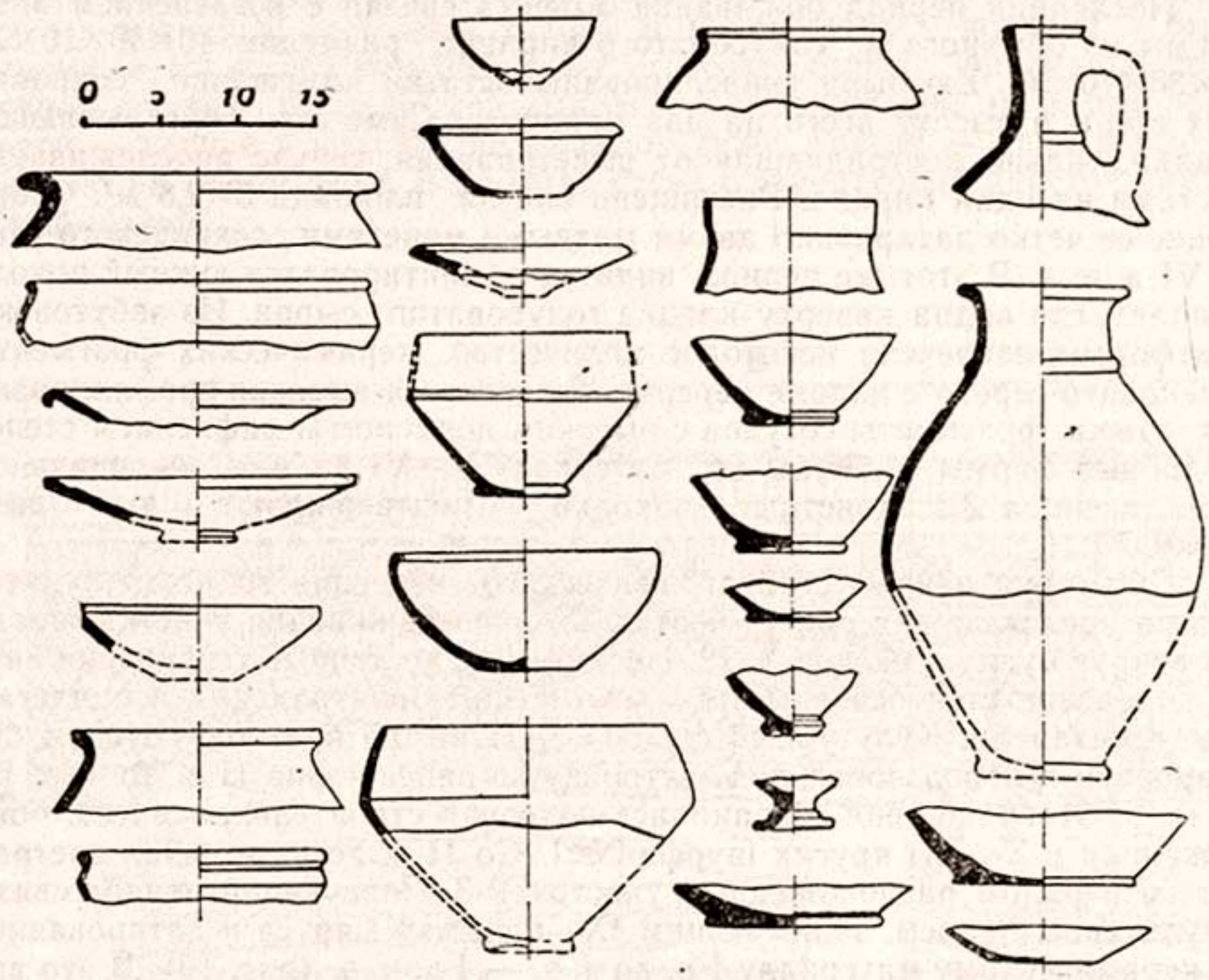

Рис. 19. Керамика I в. до н. э.— I в. н. э. из шурфа № 1 раскопа 12. Составил З. Хакимов.

На первом в это время появляется комплекс построек и кирпичный монолит, устремленный вверх. Безусловно, они были связаны единым замыслом. Остается только предполагать был ли это храм или общественное сооружение другого назначения, хотя, судя по остаткам настенной росписи, оно имело парадный вид. Производитель работ З. Хакимов склонен даже связывать комплекс с домом христианской общины, возникшим в IV в. н .э. по соседству[172]. Никаких материальных подтверждений этому пока нет. Нам кажется более вероятным другое истолкование.

Безусловно, сама планировка комплекса, включавшего, видимо, не менее трех помещений, особенно наличие зала, вмещавшего значительное число людей, предопределяет его общественное назначение. Бросается в глаза планировочное единство его со зданием в Джанбас-кале, интерпретированным С. П. Толстовым как дом огня (атеш кеде), где происходили по зороастрийским праздникам общественные трапезы и собиралось мужское население [173]. С. П. Толстов считает, что этот институт, зародившись еще в первобытнообщинном строе как «мужской дом» и пройдя через смены общественных отношений и религий, дожи-

вает в сильно измененном виде вплоть до сегодняшнего дня. Проследив наличие домов огня на примерах древнехорезмийских памятников, он пришел к заключению о широком распространении «мужских домов» в домусульманской Средней Азии. Непосредственно связать с возжиганием огня комплекс на Р-12 затруднительно по причине плохой сохранности и отсутствия материальных следов, которые, правда, могли быть уничтожены при последующей забутовке помещений.

Планировочное же единство роднит его с вышеуказанным домом, а также с сооружениями из Пенджикента[174], по мнению В. Л. Ворониной, того же характера, но по времени несколько более поздними. С последними сближает его и стремление строителей параднее украсить интерьер. Быть может, руины, вскрытые на бугре, донесли до нас остатки своеобразного дома собраний мужского населения, членов определенной городской общины, совмещенного с храмом, размещавшимся на цоколе-монолите. В зале могли происходить совместные трапезы и собрания, быть может, не всегда носившие религиозную маздеистскую подоплеку, а посвященные решению внутриобщинных дел.

Цоколь-монолит, скорее всего имевший форму усеченной пирамиды, мог быть основанием башнеобразного храма-алтаря, наверху которого зажигался открытый огонь на время богослужений, по типу башен, сохранившихся в Иране.

То же назначение носил, видимо, архитектурный комплекс I—II вв. до н. э., дошедший до нас лишь в виде строительного завала с кусками цветной штукатурки, фрагментами скульптуры и остатков пахсовой платформы в восточной части.

Предложенное объяснение сооружений раскопа 12 теснейшим образом связано с вопросами общественно-хозяйственного уклада древнего города, организации труда и формы собственности, при рассмотрении которых надо, видимо, постоянно учитывать влияние общинных традиций на рабовладельческие отношения.

Как видно из стратиграфии раскопа 12, сооружение III в. н. э. и перекрывшую его платформу VI в. н. э. разделяет временной промежуток, большая часть которого приходится на заброс и постепенное запустение руин. К моменту возведения платформы стены покинутого здания обрушились и выветрились почти до основания. Это наблюдение очень хорошо увязывается с общим забросом в конце III—начале IV в. н. э. ремесленных кварталов и других пунктов, отмеченных выше. Картина окончательного запустения центральной и всей северо-восточной четверти города в IV в. н. э. в свете всех стратиграфических работ представляется вполне очевидной. Потрясения внутреннего порядка были настолько существенны, что жизнь в северо-восточной части города фактически не возродилась за исключением двух бугров. На одном уже в IV в. н. э. поселились христиане, на другом—в VI в. н. э. были возведены не дошедшие до нас постройки. Для того чтобы полнее представить себе время выхода города из полосы запустения и новой застройки территории внутри стен, придется обратиться к стратиграфическому исследованию восточной и южной части Гяур-калы.

Сам рельеф восточной территории, состоящий из сливающихся холмов, говорит за более длительное ее обживание. Местом заложения стратиграфического раскопа в этой части послужил западный склон огромного массива наслоений, примыкающего в районе восточных ворот к городской стене. Склон бугра спускается к лощине, выдутой ветром. Надо

отметить, что процесс выветривания здесь проходит наиболее интенсивно. В результате развевания верхнего слоя на склоне бугра обозначился хум, из заполнения которого была извлечена перламутровая раковина с изображением двух противостоящих козлов, красноангобированная чашечка и монета, не поддающаяся чтению.

Раскоп 13 (производители работ Б. Абдулгазиева, И. Масимов) заложен с таким расчетом, чтобы обнажить наслоения по горизонту хума, которые оказались на поверхности, а затем выше по склону «террасой» исследовать перекрывающие слои (рис. 20). По горизонту хума расчищен комплекс помещений жилого дома, твердо датированный большим количеством монет позднерабовладельческого периода. Всего вскрыто 7 помещений, переживших три строительных этапа, из которых второй и третий относятся к разным хронологическим периодам. От первого сохранился уровень пола, посыпанный золой, и хум с выпуклым дном, подпертый клинчатым кирпичом. На полу также найдена стенка сосуда с киноварью. Ко второму этапу относится в основном весь комплекс. Помещение № 1 — размером 4,9×4,9 *м* (толщина стен 0,9—1,1 *м*) с двумя противолежащими нишами шириной 0,75 *м* и глубиной 0,3 *м*. У стены стояли два хума, обмазанные изнутри алебастровой штукатуркой, посредине врыт перевернутый хум. В нем обнаружена монета маргианской эмиссии II в. н. э. Две такие же монеты обнаружены на полу, одна ниже уровня пола, две — в слое завала, заполнявшего помещение.

Таким образом, уже предварительно можно говорить о существовании и забросе помещения в пределах II в. н. э. В помещении найдены остракон, черепок с тамгообразным знаком и женская терракотовая статуэтка. Из завала извлечены кусочки киновари и несколько железных крич ладошкообразной формы. От помещения № 2 сохранился только юго-западный угол с разбитым хумом. В рыхлом заполнении найдена монета этой же маргианской эмиссии II в. н. э. и костяной стиль. Расположенное восточнее помещение № 3 также вскрыто неполностью, южная стена его длиной 4 *м*. В заполняющем завале — монета II в. н. э., женская терракотовая статуэтка, пряслице. Помещение № 4 (к югу от третьего) — прямоугольное размером 2,9×3,8 $м^2$. На уровне пола к восточной стене пристроен круглый очаг диаметром 0,65 *м*. Из завала в комнате извлечены две медные монеты маргианской эмиссии II в. н. э. Помещение № 5 примыкает к четвертому с запада. Восточная его стена длиной 6,35 *м*, северная прослежена на 4,45 *м*. Южная стена сохранилась всего на 1 *м*. Около ее конца обнаружен подпяточный кирпич от возможного прохода. Вся западная часть объекта вниз по склону бугра выветрилась без следа. У восточной стены помещения № 5 располагался очаг также округлый диаметром 0,8 *м*.

С пола помещения подняты три медные монеты II в. н. э., железный перстень, терракотовая зооморфная фигурка. В завале отмечены кусочки белой штукатурки, ладошкообразная крица, костяной стиль. Указанная группа помещений отделана глухой стеной шириной в 1,02 *м* от расположенного восточнее помещения № 6, по всем признакам являвшегося внутренним хозяйственным двориком. Заполнен он селитроносными слоями и зольниками рыхлой структуры. Обнаружен южный вход во дворик шириной 0,85 м. К югу от помещения № 4 расчищено 7-е, точнее его северная часть. В восточной стене был проход, через который, выйдя в соседнюю комнату, можно было пройти во дворик. Из находок в помещении отмечены четыре медные монеты II в. н. э. (маргианской

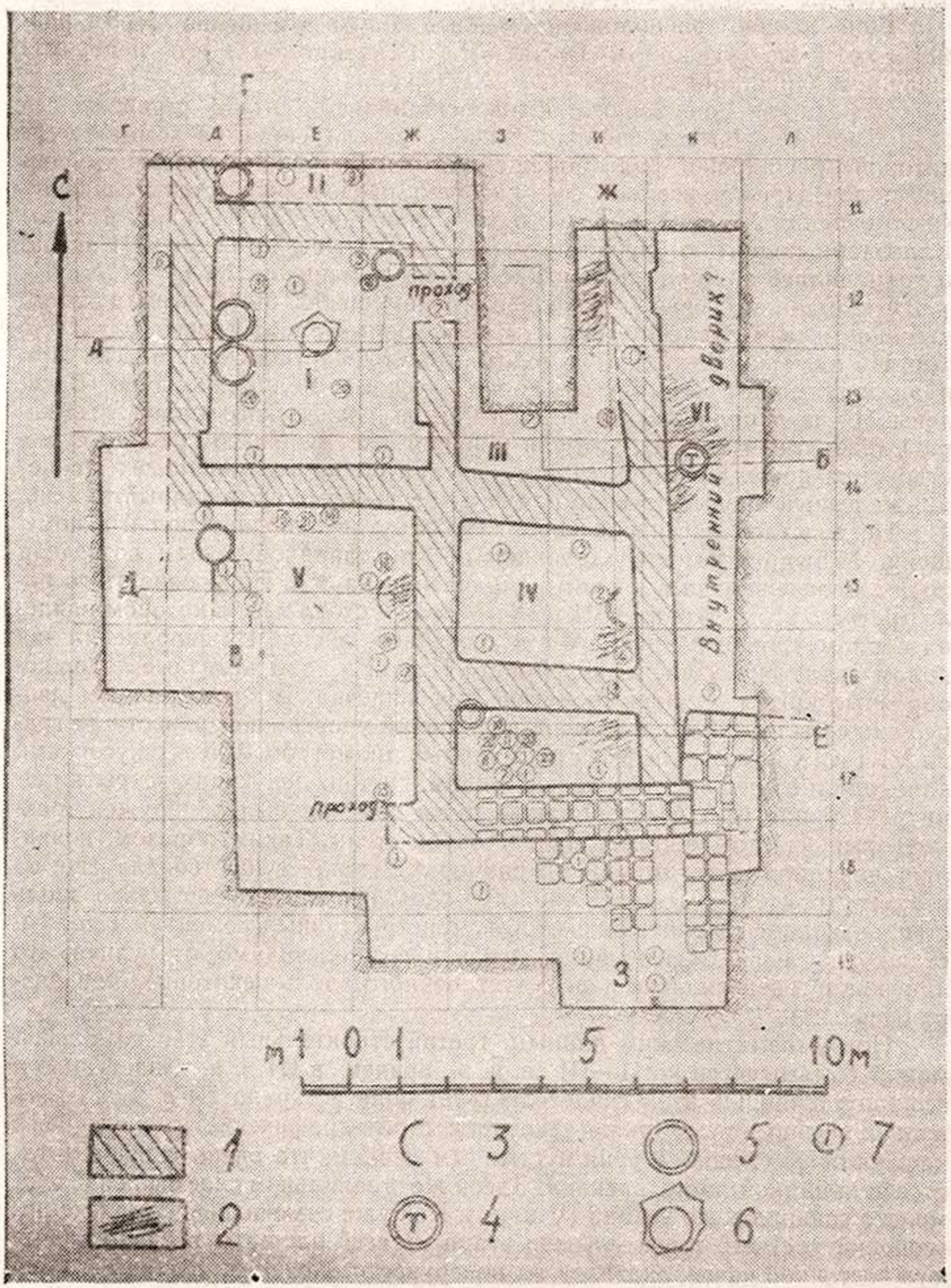

Рис. 20. План жилого дома на раскопе 13: *1* — сырцовые стены; *2* — зольные пятна; *3* — очаг; *4* — тандыр; *5* — хум; *6* — хум перевернутый; *7* — место находок монет. Обмеры М. Филанович, Б. Абдулгазиевой.

эмиссии), женскую терракотовую фигурку и налеп на венчике сосуда в виде головы собаковидного животного.

Еще южнее расположено смежное с 7-м помещение № 8, размеры которого установить не удалось. Северная стена его испорчена поздними перестройками.

Помещения описанного облика составляют второй строительный этап. Третий строительный этап связан с перепланировкой комнат, цель которой—расширение ряда помещений, одновременное повышение уровней полов. Прежде всего за счет разборки разделяющей стены сливаются помещения № 4 и 7, образуя одно с западной стеной длиной в 5.5 *м*. Благодаря поднятию уровня пола с 18 *см* X яруса до 32 *см* VIII яруса, и сохранилась нижняя часть южной стены помещения № 4.

У западной стены этого большого помещения была вырыта хозяйственная яма. Недалеко стоял хум, обмазанный алебастровой штукатуркой. На полу найдены четыре медные монеты маргианской эмиссии II в. н. э.: одна, может быть, I в. н. э., одна — чекана «Великих кушан» (Васудевы I), из заполнения извлечена монета сасанидского чекана Ардашира I (226—242 гг. н. э.), которая в общем дает верхнюю границу существования дома. Кроме того, в помещении обнаружен фрагмент жернова, железный предмет в виде бляхи и треугольный яшмовидный камень.

Посредством частичной кирпичной забутовки поднят пол и в помещении № 5; при этом снивелированы остатки западной стены и возведена новая, прослеженная в южном направлении на 3 *м*. На уровне этого пола третьего этапа (грань VIII и IX ярусов) и стоял хум, в котором найдена перламутровая раковина с изображением козлов. Из заполнения над полом извлечена одна медная монета II в. н. э., две железные ладошкообразные крицы, медная косметическая чашечка. В хозяйственном дворе также был утрамбован завал, поднявший уровень поверхности до грани VIII и IX ярусов. Сверху стоял тандыр диаметром 0,65 *м* с кусочками киновари и обуглившегося дерева рядом. При последующих вскрытиях[175] на расстоянии 6,15 *м* от западной стены дворика был обнаружен трехметровый участок, видимо, его восточной стены. Таким образом, появилась возможность судить о его размерах. Стена существовала еще во втором строительном этапе. Характер слоя, перекрывающего двор вдоль стен, позволяет говорить о некоторых конструктивных моментах. Слой состоял из углей и обуглившихся досок и возник, видимо, от рухнувшего при пожаре деревянного навеса, устроенного вдоль некоторых стен двора (рис. 21).

По нумизматическим данным, третий строительный этап комплекса может быть отнесен ко II—III вв. н. э., причем в III в. н. э. наступило и его запустение. Об этом свидетельствует монета начала III в. н. э. из завала в помещении, а также некоторые стратиграфичские наблюдения, в частности факт заноса руин пустынным песком, что очень хорошо читается в западной части раскопа. Здесь же в завальном слое была найдена монета сасанидского чекана IV в. н. э. Как уже отмечалось, комплекс помещений третьего строительного этапа по всей площади раскопа, кроме юго-восточной части, оказался на поверхности. Позднее площадь его была обжита, но строения позднего периода лежат на завальных слоях и песке. Новые доказательства интенсивного действия выветривания на этой территории получены в процессе раскопок. Об этом говорит такой признак биологического порядка, применяемый М. Е. Массоном и оправдавший себя, как груши жуков scarabeus sacer. Они обнаружены на раскопе в 20 *см* от современной поверхности, тогда как жук устраивает та-

кие груши на глубине не менее 50—70 *см*. Кроме того, вскрытые на объекте остатки четырех мусульманских захоронений, которые опускают обычно на глубину до 2 *м*, оказались в 0,5 *м* от поверхности.

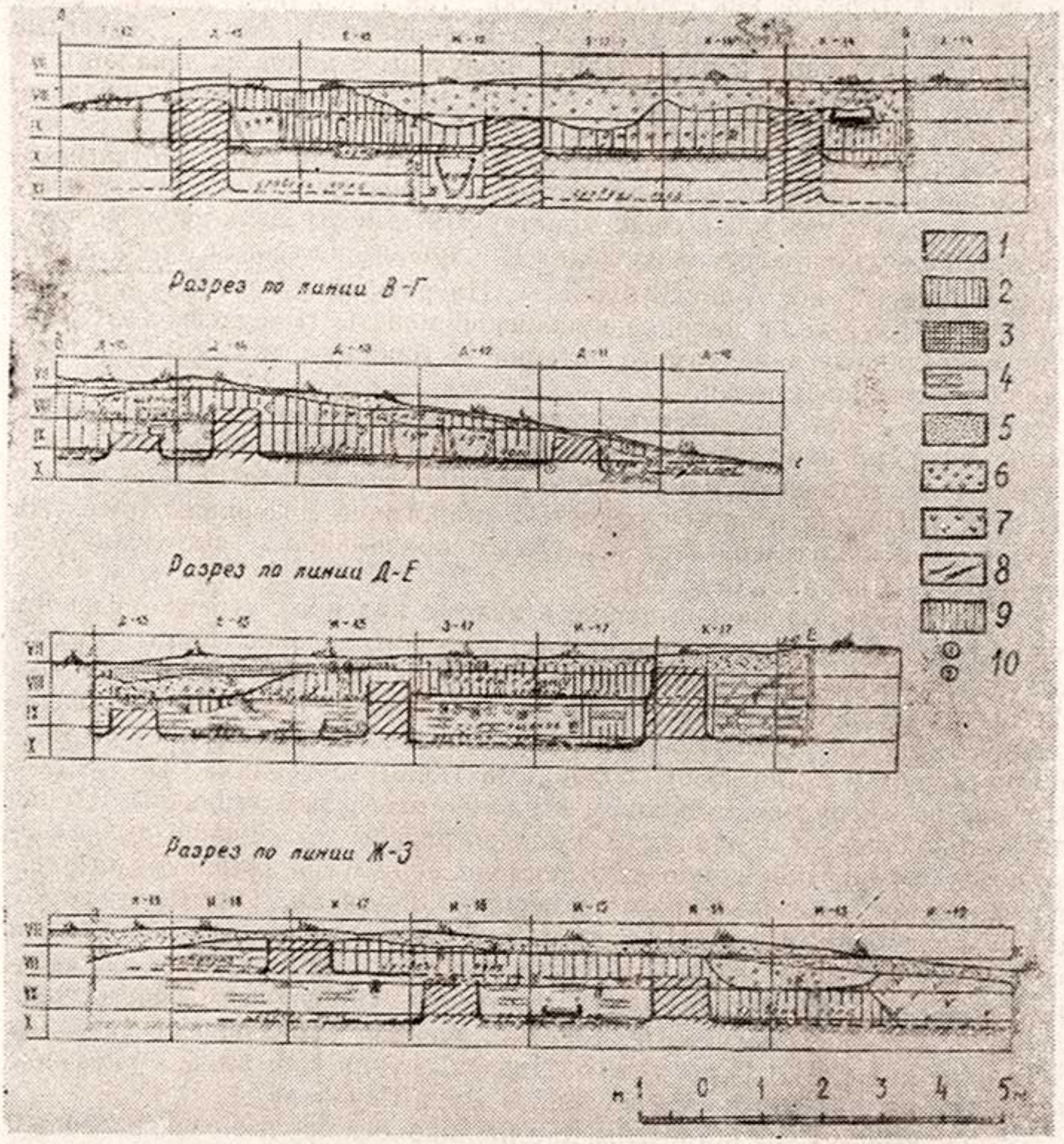

Рис. 1. Раскоп 13. Разрезы: *1*—сырцовые стены; *2*— завал средней плотности; *3* — разрушенный зеленоватый сырец; *4* — забутовка из сырцового кирпича; *5* — надувной песок; *6* — слой мусульманских погребений; *7* — селитроносный слой; *8* — зольная прослойка; *9*—плотный коричневый завал; *10*—места находок монет. Чертила Б. Абдулгазиева.

Застройка последующего периода, открытая в восточной части объекта, уходит в глубь бугра. От нее сохранились две стены, образующие угол и лежащие на завале со следами пожара во дворике, надстройка на южной стене помещения № 4, а также забутовка восьмого помещения и перекрывающая ее платформа. В этих кладках, кроме обычного сырца, использован кирпич зеленовато-голубоватого цвета (размеры 43×42×11; 44×45×11; 45×48×12 см³). Основной датирующий керамический матери-

ал получен из мусорной ямы диаметром в 1 *м* и глубиной в 1,15 *м*, связанной с верхними стенами.

Вещественный материал, добытый при раскопках нижнего комплекса, четко датирован как стратифически, так и обилием монет. Четко выделяется период II в. н. э. и конца II—начала III в. н. э. Монетные кружки, датирующие первый период, получены с полов из завалов и из забутовок. Все они принадлежат местной эмиссии маргианских правителей, выделенной и изучаемой М. Е. Массоном. По его мнению, она началась со II в. н. э. или с самого конца I в. н. э., когда область Маргианы отделилась от Парфии и стала настолько самостоятельной, что получила возможность чеканить свою монету. Эти монеты на А несут погрудное изображение правителя влево, на R—Аршака на троне с луком в протянутой руке. У ног Аршака буква|·|. На раскопе 13 сделана и третья по счету с Гяур-калы находка кушанской монеты (Васудевы I). Статистические данные даже самого раскопа 13 говорят о том, что Маргиана имела собственный чекан.

Обилие монет четко датирует прежде всего керамический материал. Комплекс из раскопа внес решающую поправку в хронологическую колонку керамики античного Мерва, четко разграничив период I—II вв. н. э. и III в. н. э. Посуда первого полностью аналогична материалу этого же времени Р-2 и подтверждает тем самым правильность выделения там периода I—II вв. н. э. (рис. 22).

Все сосуды хорошей выделки, в изломе красного, светло-розового, сероватого, единичные экземпляры темно-серого черепка. Имеются сосуды типа широкогорлых горшков, кувшинов, мисок, чаш, котлов, хумов. Чаши представлены несколькими вариантами. 1. Издревле бытующие неглубокие, с округлым туловом и венчиком, загнутым внутрь или отогнутым наружу, с плоскими поддонами (диаметр венчика 12—18 *см*). 2. Чаши со сферическим туловом и плавно отогнутым венчиком, с плоским или кольцевым поддоном. 3. Распространены также чаши цилиндроконического очертания, иногда с наклоненной внутрь закраиной на кольцевом поддоне. Обычный диаметр венчика 12—14 *см*. Формы эти восходят в Мерве еще к концу III в. до н. э. и бытуют вплоть до конца II в. н. э. Примечательно, что в комплексе раскопа 13 не встречено чашевидных кубков цилиндроконического очертания. Описанные формы чаш, почти не распространенные в Хорезме, весьма характерный материал Согда, начиная с III в. до н. э.[176]. Первая группа чаш близка керамике парфянского времени из погребений в Дура-Европос[177].

В керамике Р-13 встречены две плошки без ручек с закопченным краем, указывающим на использование их в роли светильников. Примечательно, что этот прообраз чирага не изменил свою форму вплоть до конца VIII в. н. э., как можно судить по материалу самого Мерва и Согда [178].

Большую группу керамики составляют горшковидные сосуды разных размеров. Все они с шаровидным туловом. Большинство с отогнутым венчиком и углублением для крышки, по плечикам процарапан волнистый орнамент. Диаметр венчиков 9—24 *см*. На некоторых горшках сквозные отверстия для подвешивания. Есть сосуды с загнутым внутрь венчиком, а также горшки с треугольной в сечении закраиной. Если первая описанная группа известна в Мерве для I в. до н. э., то теперь бытование ее можно протянуть до конца II в. н. э. Последняя группа представлена в комплексах с Гяур-калы I—II вв. н. э. Подобные сосуды известны для первых веков н. э. Старой Нисы[179] и в комплексе раннекушанской кера-

мики Хорезма[180]. Зафиксированы на Р-13 и горшки с клювовидным венчиком. Шаровидной формы с отогнутой закраиной встречены на раскопе и кухонные горшки с дресвой в тесте. Отдельно найдены крышки, также украшенные волнистым орнаментом, ручка у них обычно в виде круглого налепа (рис. 23).

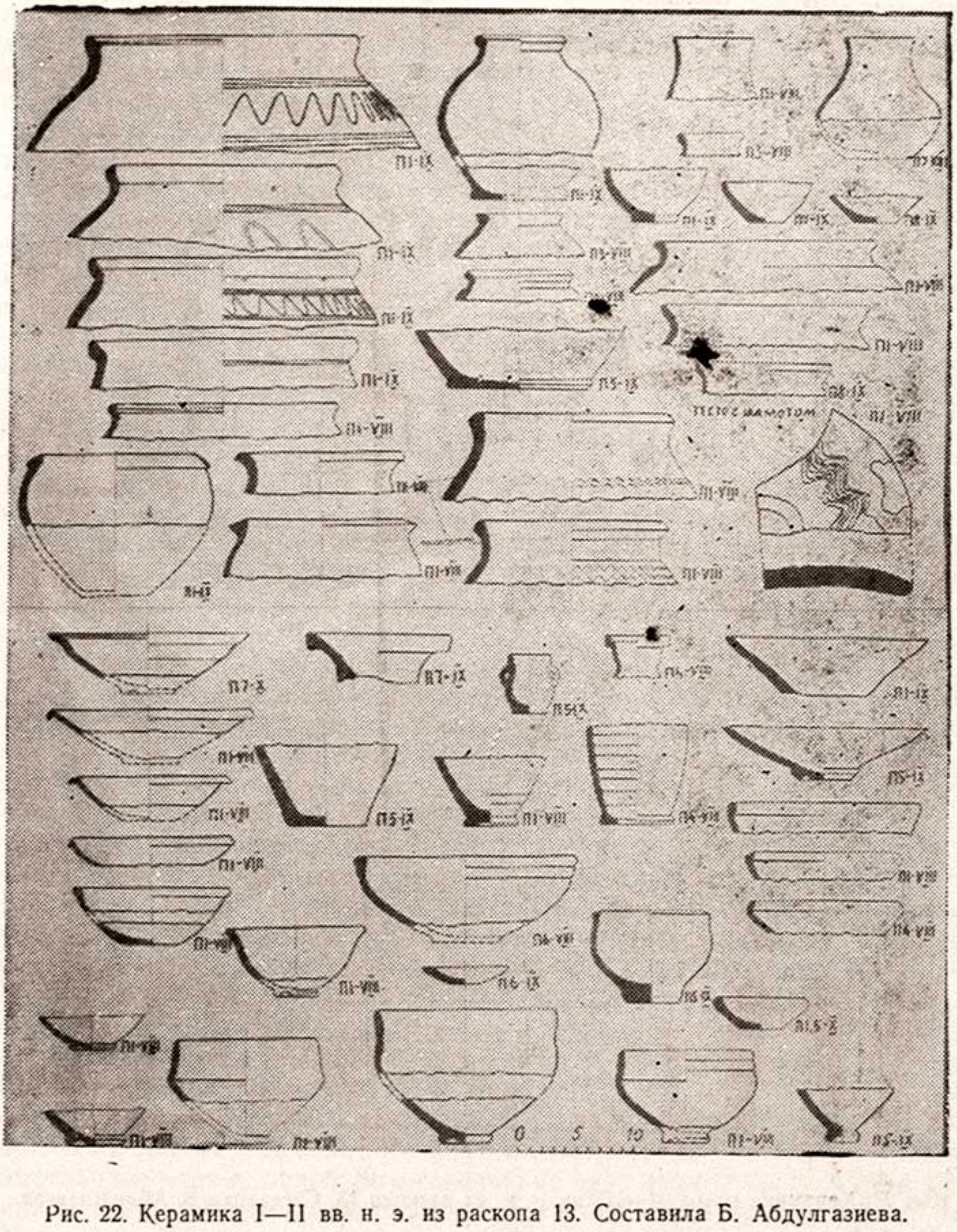

Рис. 22. Керамика I—II вв. н. э. из раскопа 13. Составила Б. Абдулгазиева.

Следующую большую группу составляют кувшины. Следует отметить, что здесь не встречено того разнообразия форм, которое так характерно для этих сосудов раскопа 6 и, видимо, составляет отличительный признак керамики именно III в. н. э. Наоборот, ряд форм раскопа 13 тя-

готеет к комплексу I в. до н. э.—I в. н. э., выявленному, например, в Эркале. Речь идет о крупных кувшинах с широким устьем, резко расходящейся вниз горловиной и двумя ручками фасолевидного сечения. Форма древняя, и только усиление профилированности венчика бороздками у

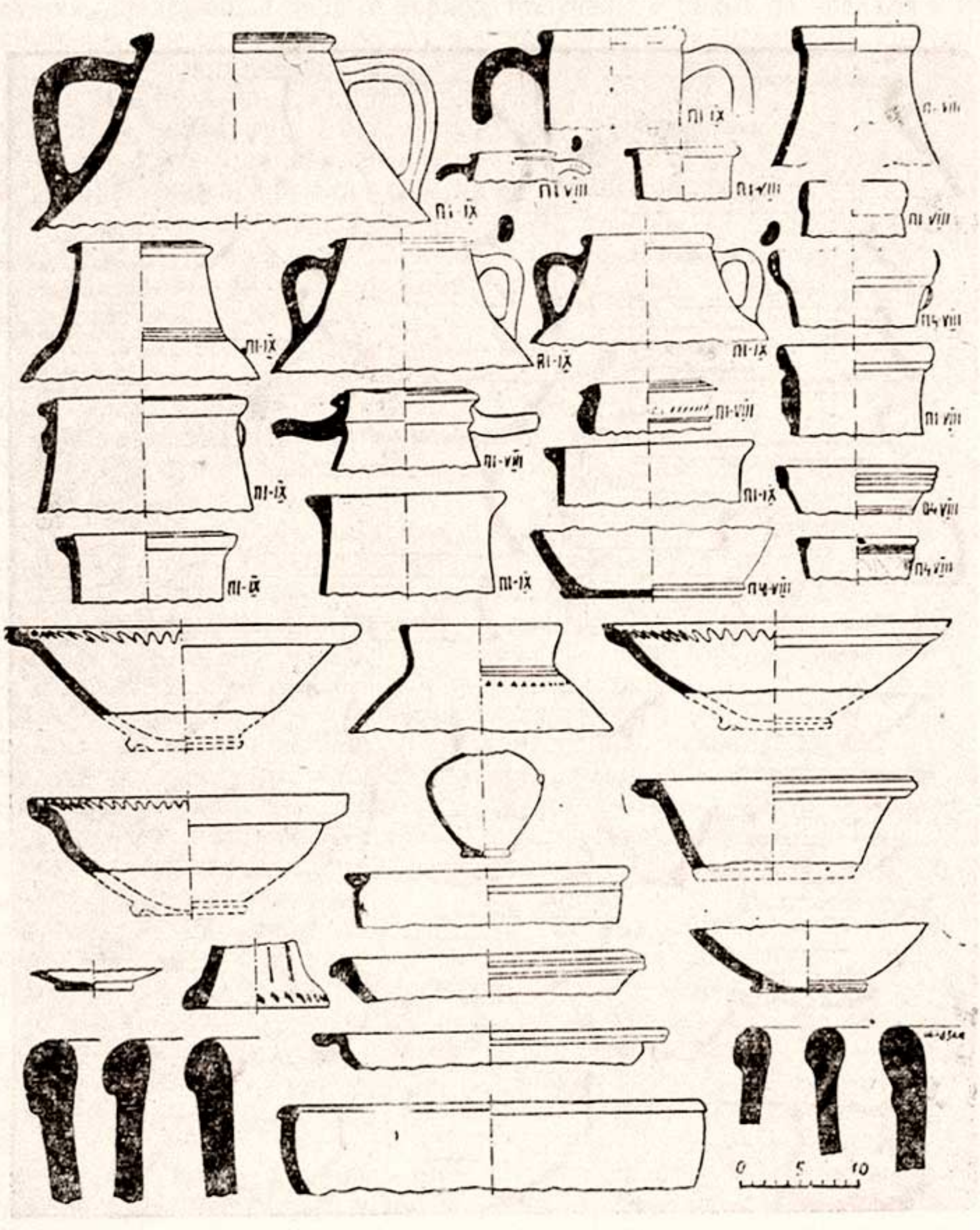

Рис. 23. Керамика конца II—III вв. н. э. из раскопа 13. Составила Б. Абдулгазиева.

некоторых сосудов служит признаком отношения их к комплексу II в. н. э. Впрочем, у других экземпляров сохранен валикообразный профиль закраины. Древней является и цилиндрическая форма горловины. Диаметры устьев 10—15 *см*. Хотя указанные формы продолжают линию раз-

вития предшествующего периода, налицо уже элементы, характерные для III в. н. э. Появляются раструбообразные горловины с рифлением и насечками по краю и вычурно профилированным венчиком обычно с двумя ручками. Встречены отдельные экземпляры витых вертикальных ручек с ямкой внизу. Кувшины отмеченных форм находят аналогии в других синхронных памятниках Туркмении[181].

Больше новых форм отмечено в керамике из помещений периода конца II—начала III в. н. э. Массовым материалом здесь стали глубокие тарелки и миски, черепок которых серовато-желтого или коричневатого цвета и отличается пористостью.

Тарелки несут по резко отогнутому широкому бортику волнистый орнамент или жгутообразный налеп. Диаметр 25—31 *см*, поддон кольцевой. Миски — тяжелых пропорций с простым венчиком. Появилась форма маленького раздутого кувшинчика, известного для II—III вв. на Р-6. В самом начале III в. н. э. распространяются, очевидно, и башнеобразной формы курильницы. В керамике Р-13 они представлены одним фрагментом.

В комплексе конца II—начала III в. н. э. полностью отсутствуют чаши, столь обильно представленные в предыдущем периоде. В обоих периодах встречено много хумов, по величине и форме примыкающих к сосудам II—III вв. н. э. квартала мукомолов Р-6.

Таким образом, основной керамический материал относится к I—II вв. н. э. В конце II в. н. э. появляются глубокие тарелки с широким бортом, кувшины с резко профилированными венчиками, башнеобразные курильницы, витые ручки, которые наряду с другими формами получат широкое распространение в III в. н. э. Кроме керамики встречен другой материал. Обращают на себя внимание терракотовые фигурки. Всего извлечено четыре статуэтки. Три из них известного по другим раскопам Гяур-калы типа. Они отражают образ местной богини, названной Г. А. Пугаченковой «Великой маргианской богиней». Первая передает нижнюю половину стройного женского торса, окутанного прозрачной тканью. Правая рука согнута в локте, левая опущена и поддерживает у бедра платье. Аналогичная фигурка из слоя II—I вв. до н. э. Р-2 трактована Г. А. Пугаченковой как образец ранней иконографии богини[182]. Нахождение ее в комплексе материала II в. н. э. свитедельствует о бытовании этого иконографического типа и в более позднее время. Два других фрагмента: головка в двурогом головном уборе и плитка со слабым рельефом, изображающих довольно схематично фигуру в платье с бляшками, передают «парфянизированный» образ богини-матери II—III вв. н. э.

Неизвестный ранее в Мерве тип представляет безголовая фигурка из розовой плотной терракоты, оттиснутая резким штампом с выделением контуров. Изображен женский торс в облегающем платье с низким декольте, на шее сложное ожерелье. В согнутой левой руке богиня держит плод граната, правой опирается на меч, стоящий между ног. Низко вырезанное платье, подобное ожерелью на шее, плод граната в руке роднит образ с известным уже типом изображений Маргианской богини I—II вв. н. э. Меч же—пока неизвестный атрибут в ее иконографии. Изображение женского божества с мечом у пояса было встречено и ранее в забутовках III в. н. э. замка в Эрк-кале, что указывает на определенную популярность в Мерве богини — хранительницы города. Сочетание граната и меча, видимо, подчеркивает символическое значение меча в руках божества. Можно согласиться с Б. Абдулгазиевой, предположившей,

что сочетание этих двух атрибутов указывает на объединенный образ хранительницы города и божества плодородия. Слитные образы весьма распространены были на Востоке, особенно в позднеэллинистическое время. Лукиан отмечает, что статуя Геры в Гиераполе включала черты Афины и Афродиты, Селены и Реи, Артемиды, Немезиды и Мойр[183]. Синкретизирован и образ Хванинды «греко-бактрийского» искусства. Крылатая, с гранатом в руке, она несет на голове убор, присущий больше греческой богине удачи Тихе[184]. Описанная статуэтка из Гяур-калы подчеркивает многообразие иконографии Маргианской богини плодородия. Между прочим, в индийском фольклоре существует представление о богине-матери, в одной руке держащей меч, а в другой — нектар, которым окропляет[185].

Среди находок, датированных II в. н. э., выделяется фрагмент сосуда из серо-зеленой глины с горельефным штампованным налепом в виде головы животного под венчиком. Весьма реалистично переданы черты большого свирепого пса с настороженными ушами, оскаленной пастью, морщинистыми надбровиями. Безусловно, изображен породистый пес, по мнению М. Е. Массона, относившийся к вымершим догам.

Общеизвестно огромное значение и высокое положение собаки у зороастрийцев, ее роль в культуре, в погребальном обряде. Этим отчасти и объясняется довольно широкое распространение ее изображений. Находки статуэток собак были и на Гяур-кале, в большинстве своем они уже получили отражение в печати. Наиболее близка по облику нашему изображению фигурка из овального дома Р-3, правда, из слоя IV—VI вв. н. э.[186] Г. А. Пугаченкова сочла ее переброшенной из нижнего слоя. Нашей находкой это предположение подтверждается. Налеп Р-13 передавал пса в другой его большой роли, как хранителя от злого духа, и безусловно, имел магическое значение. Собака, порождение Ахура Мазды, должна была охранять содержимое сосуда. В этом смысле изображение примыкает к широкому кругу зооморфных налепов и ручек, столь распространенных по всей Средней Азии и за ее пределами в первых веках н. э. и восходящих подчас к доавестийскому кругу религиозных представлений.

В слое II в. н. э. на Р-13 обнаружена обработанная под треугольную гладкую пирамидку зеленая яшма с красными полосами. Держали в доме ее, видимо, придавая какое-то магическое значение. В символике Востока издревле приписывались камням, в частности зеленым, различные свойства. Считалось, что яшма успокаивала желудочные боли, укрепляла сердце, обладатели ее не должны были проиграть ни битву, ни спор[187].

Кроме врачевательных свойств подобные камни употреблялись для вызывания дождя.

К интересным результатам привел спектральный анализ киновари из обломков сосудика, найденного в горизонте II в. н. э. и из слоя конца[188] II—начала III в. н. э. Он показал большое содержание в ней цинка (0,03%). Это роднит ее с копетдагскими месторождениями. Но эти рудники, по данным археологии, функционировали в пределах XII—первой половины XIII в., о более раннем их использовании пока ничего не известно[189]. Высокий процент содержания цинка характерен и для месторождений Южного Китая. В древности функционировали рудники Южной Ферганы, но низкий процент содержания цинка в этой киновари исключает ферганское происхождение образцов с Р-13. Кажется вполне реальным признать их китайское происхождение, особенно в

связи с другой находкой из слоя конца II—начала III в. н. э. Речь идет о перламутровой раковине Индийского океана с изображением двух козлов. Сама раковина дополняет ряд подобных находок с Гяур-калы (грифей, каури), привезенных с побережья Индийского океана, идущих на поделки и украшения и свидетельствующих о глубоких и прочных связях Мерва с Индией и Китаем. Изображение двух противостоящих козлов выполнено техникой точечной гравировки. Животные переданы в символической, видимо, геральдической позе, однако не лишены определенной экспрессии. Сам мотив глубоко традиционен в восточном искусстве, и есть основания признать местное исполнение рисунка.

В заключение обзора находок Р-13 можно указать на остракон с двумя строчками безлигатурной надписи. По предварительному заключению В. А. Лившица, он примыкает по типу письма к документам нисийского архива, но показывает более позднее начертание букв и аналогичен в этом отношении другим экземплярам с Гяур-калы и Эрк-калы I—II вв. н. э.[190]

Подводя некоторые итоги описания комплекса помещений до поры его запустения и заноса песком, необходимо отметить, что Р-13 пока не дал материала для характеристики обживания восточной территории Гяур-калы в более раннее, чем I в. н. э. время. Ниже этого горизонта вскрытие не проводилось. Но, несомненно, его подстилает значительный культурный слой, как о том можно судить по многометровой толще отложений, отделяющих раскопанный уровень от древней дневной поверхности. Вскрытый же комплекс по всей сумме данных, видимо, принадлежит дому довольно состоятельного горожанина, построенному в I в. н. э.

Пройдя два периода существования: I—II вв. н. э. и конец II—начало III в. н. э., постройка не изменила своего назначения. Организующим элементом планировки дома, видимо, был дворик. Помещения жилые и хозяйственные располагались вокруг него, причем первые группировались в южной части комплекса, а последние—в северной. Эта планировочная черта, очевидно, характерна вообще для жилого дома парфянского времени. Отмечена она и в городах Месопотамии[191]. Судя по планировке, комплекс помещений вплотную примыкал к соседнему хозяйству. Площадью дорожили, хотя сами комнаты довольно просторные. Видимо, и в этой части Мерва существовали сплошные кварталы—блоки, разделенные лишь узкими улочками, подобно тому, что наблюдается в квартале ремесленников у северных ворот.

Примерно то же отмечено в Топрак-кале в Хорезме[192], а также в городах Месопотамии[193]. Но в отличие от квартала мукомолов с его тесными каморками застройка восточной части города, видимо, принадлежала более состоятельным владельцам, относившимся к другому сословию. Кроме предметов, говорящих о принадлежности комплекса жилищу, как керамика, терракотовые фигурки, туалетные чашечки. пряслица и пр., бросается в глаза необыкновенное обилие монет, причем даже одной кушанской. Если к этому прибавить находки остракона и стилей, киновари, возможно, китайского происхождения, многочисленных железных криц без связи с какими-либо остатками производства, и, наконец, заморскую вещицу — раковину с изображением, то можно допустить, что дом принадлежал представителю купечества. Пока еще нельзя уверенно говорить о выделении специального городского квартала купцов, как это отчетливо видно в отношении

мервских ремесленников. Однако при далеко зашедших товаро-денежных отношениях в Мерве поры развитой античности, о чем свидетельствует хотя бы огромное количество монет и даже свой местный чекан, самостоятельная социальная прослойка купечества должна была быть весьма значительной. Эта часть мервского населения не только частично, а в некоторых отраслях ремесла, может быть, и полностью освободила мастеров-ремесленников от необходимости реализовать свою продукцию, но, видимо, и снабжала их привозным сырьем (например, железом).

Уже отмечалось, что нижний комплекс помещений Р-13 разрушился и был занесен песком где-то в конце III в. н. э. Для того, чтобы точнее представить себе воссоздание жизни на этом участке, обратимся к рассмотрению керамики из перекрывающего слоя. Большинство ее обнаружено в мусорной яме, связанной с верхними стенами, и отличается многообразием форм. Встречены миски, горшки, узкогорлые и широкогорлые кувшины, хумчи. Посуда большей частью желтоватого и зеленовато-серого цвета со светлым ангобом.

Миски диаметром венчика 23—24 *см* похожи по форме на тарелки с широким орнаментированным бортиком, встреченные в нижнем комплексе конца II—начала III в. н. э., но благодаря большой глубине они воспринимаются как миски. Поддон у них также кольцевой. Судя по предыдущему материалу, эта форма получает в Мерве широкое распространение в III—IV вв. н. э. В большом количестве в материале представлены горшки: шаровидный корпус образует вверху небольшую шейку и заканчивается венчиком подтреугольной формы со свисающим наружу и внутрь сосуда полувеликом. По верхней плоской поверхности венчика иногда прочерчена одна бороздка (диаметр венчика 9—18 *см*) .

Поддон плоский, простой или выступающий валиком за линию стенок. Описанный тип горшка известен по другим раскопам: в Эрк-кале и на Р-6 он встречен в слоях III—IV вв. н. э. в шурфе № 2 и на Р-3 в Гяур-кале — в слое IV—VI вв. н. э. Подобный тип неорнаментированных горшков не был встречен в нижнем горизонте Р-13. Большую группу керамики из ямы составляют кувшины. Узкогорлые (диаметр венчика 6—7 *см*) чаще всего имеют подтреугольное сечение венчика с площадкой наверху. Форма тулова не восстанавливается. Широкогорлые (диаметр устья 11—17 *см*) отличаются большим разнообразием. Здесь и раструбообразные горловины со свисающей закраиной, прямые, оканчивающиеся двумя валиками, или плавно изогнутые и расширенные книзу с венчиком в виде площадки. Горловины и венчики оформлены одной-двумя бороздками. По аналогиям с кувшинами того же типа из Эрк-калы Р-6 шурфа № 2, Р-3 шурфа № 4 и V—VI вв. н. э. можно восстановить форму тулова — раздутую или каплеобразную. Донца, видимо, были плоские с выступающим валиком либо кольцевые. Не исключен и конусовидный поддон, сплошной и полый, с перехватом и без него. В большом числе такие поддоны встречены здесь же в яме. В этом отношении довольно близкую аналогию дают кувшины из раскопок замка Ак-депе близ Артыка, датированные монетами V—VI вв. н. э.[194]

Похожие формы без ручек отмечены в керамике Хорезма[195] позднекушанского времени, а также в слое Кобадиан IV в Таджикистане[196], но здесь преобладает красный цвет черепка. В комплексе из ямы хочется особо отметить два почти целых кувшина и несколько фрагментов подобных им. Сосуды (высотой 26—24 *см*) вытянутой, эллипсовидной и

каплеобразной формой тулова с резко отходящей вверх воронкообразной горловиной, одной ручкой и украшены небольшим рифлением. У одного плоское дно, у другого—конусовидный полый поддон с перехватом.

Необыкновенно изящным очертанием и тонкостью линий они кажутся чуждыми керамической продукции. Само собой напрашивается сравнение с изделиями из металла. Таковые действительно имеются в так называемом «сасанидском металле»[197]. В керамических изделиях самого Мерва известны горловины, донца, ручки такого же типа для IV—VI вв. н. э., как и подобные очертания тулова, но в целом виде сосуды встречены впервые. Керамические кувшины, идентичные по форме металлическим, известны и в Согде для периода раннего средневековья (Тали-Барзу V—VI вв. н. э.[198], Кафыр-кала), причем наибольшего сходства пытались добиться обсыпанием поверхности слюдой. Видимо, в период раннего средневековья, когда увлечение сосудами из драгоценных металлов и большой спрос на них привели к подражанию им в керамике, мервские мастера внесли свою дань в эту «моду».

Итак, комплекс керамики из ямы укладывается в хронологические рамки IV—VI вв. н. э. Что касается остатков стен верхнего комплекса, то единственным намеком на время их возделывания служит зеленовато-голубой кирпич, использованный в них. Замечено, что кладки из него в Гяур-кале, обычно относящиеся к VI—VII вв. н. э., появляются в конце IV в. Принимая во внимание также данные стратиграфического порядка, а именно — залегание на слое запустения, верхний период обживания участка Р-13 можно отнести к V—VI вв. н. э. Наслоения последующего периода не изучены, хотя судя по нависающей толще холма они значительны.

Подъемный материал с холма и к западу от него включает огромное количество керамики VI—VII вв. н. э. На склоне соседнего холма развеяно помещение с этим материалом и видны очертания трех хумов, отличающихся большими размерами (диаметры до 0,6 *м*) с венчиком в виде широкого манжета и корпусом, сплошь украшенным косыми насечками. Подобный тип хума известен в Мерве в VI—VIII вв. н. э. и встречен в раннефеодальных окрестных замках[199]. Украшение подобными насечками отмечено на синхронных хумах Минг-Урюка в Ташкенте. Принимая во внимание данные шурфа № 2 в центре городища и отмеченные мелкие штрихи косвенного порядка, можно считать, что оживление застройки северо-востока и центра городища началось еще в V в. н. э. и особенно интенсивно происходило в VI в. н. э., обживание этих частей отмечается и в VII в. н. э. Примечательно, что в VI в. н. э. был проведен и большой цикл строительных работ по укреплению оборонительных городских стен.

Обратившись к рассмотрению юго-восточной и южной части городища сразу отметим, что стратиграфического исследования в широком масштабе здесь пока не проделано. Рельеф этой части более понижен, чем северо-восточной за исключением центрального массива. Особенно ровной и низкой поверхностью отличается юго-восточный угол, где возвышается лишь единственный отдельно стоящий высокий бугор. На ровной площади ближе к центру читается легкая приподнятость, где М. Е. Массон при снятии топографического плана усмотрел остатки былой планировки строений. К западу от отдельного бугра отмечается в рельефе небольшой пологий холм, на котором в большом количестве разбросана керамика розового и красного черепка. Здесь заложен раскоп 4 (производитель работ И. Ахраров). Холм оказался отвалом бра-

кованной гончарной продукции и использованного печного припаса античного времени. Сами обжигательные горны обнаружены не были. Может быть, они оказались скрыты начинающимися в нескольких метрах от раскопа многометровыми толщами западного бугра. Толщина культурных отложений холма с Р-4 оказалась порядка 1,5—1,8 *м*. На лёссовом однородном слое, видимо, материке залегали 50 *см* плотной массы с включением керамики и кусков сырцового кирпича. Очевидно, это остатки жилого комплекса, разравненного и утрамбованного. Непосредственно на нем и был отмечен отвал керамического производства (1—1,3 *м*)[200]. Он включал шлак, куски обгорелых кирпичей из стенок печи, керамику и печной припас в виде бесформенных кусочков смятой глины. В огромном количестве изъятого керамического материала общее число основных форм не больше трех десятков. В каждой форме наблюдается незначительная вариация сечений профилей и размеров. Основные типы — чаши, миски, кувшины, бокаловидные сосудики, хумы. Преобладает кремовый цвет черепка, но распространен также и розовый. На некоторых бокалах встречено лощение. Плечики многих кувшинов украшены процарапанным орнаментом.

В целом комплекс идентичен керамическому материалу Р-2 и Р-13, датированному I—II вв. н. э. В нем только шире представлены тарелки с отогнутым бортиком, орнаментированным волнистыми линиями. Видимо, отвал брака принадлежал печам, непосредственно предшествовавшим хумдану, расчищенному в квартале керамистов северо-восточной части Гяур-калы. Конструктивное устройство горнов, надо полагать, было тем же, что в мастерской Джин-депе и в этом квартале. Наиболее важными моментами в раскопе 4 представляется очень небольшая толщина культурного слоя в угловой площади городища и обнаружение остатков керамического производства I—II вв. н. э. в верхнем горизонте. Здесь так же, как и в северо-восточной четверти, I—II вв. н. э. оказываются последним периодом интенсивного обживания, когда заселена была вся территория внутри городских стен. О характере последующей жизни в юго-восточном углу Гяур-калы свидетельствуют раскопки на отдельно стоящем высоком бугре, отмеченном на плане М. Е. Массона как развалины парфянского здания позднерабовладельческого общества. Начиная с 1960 г. здесь вскрывается постройка и по конструкции, и по комплексу находок связанная с буддизмом[201]. Выяснено, что на руинах застройки I—II вв. н. э. сложился комплекс, в который входила ступа и сангарама.

Подробное рассмотрение его не входит в рамки нашей темы, но придется остановиться на этапах его сложения, что в данном случае заменяет стратиграфию слоев и содержит массу информации о состоянии городской жизни в определенные хронологические периоды. Первоначальная ступа представляла из себя купольное сооружение на прямоугольной платформе шириной 6,5 *м* и высотой 3,1 *м*, сложенной из квадратного сырца 42—45×42—45×10—12 *см*^{3}. Платформа возведена, судя по находкам 5 медных монет Шапура I (242—272 гг. н. э.), во второй половине III в. н. э.[202] Керамические фрагменты из кладок представляют формы чаш, кувшинов, кубковидных чаш, распространенных в комплексах II в. до н. э.—II в. н. э. Они косвенно указывают на наличие вокруг ступа культурных слоев этого времени, откуда и брали глину для формовки кирпичей. Вскоре платформа была повышена на 1,5 *м*, вокруг барабана с куполом появился обводной коридор. Северный фас оформился декоративной лестницей с мелкими ступенями. В таком виде

памятник обветшал и некоторое время стоял в заброшенном состоянии до второй половины IV в. н. э. Четырнадцатью монетами Шапура II (309—379 гг. н. э.) датируется время его крупного ремонта и переустройства. Прежний купол был взят в футляр и создана новая цилиндрическая башня диаметром более 10 *м*, обведенная коридором шириной 0,7 *м* с полом, окрашенным красной краской. Северный фас с лестницей оформляется по обе стороны от нее двумя айванами с колонной в середине каждого и двумя колоннами на платформе, поддерживавшими, видимо, легкое перекрытие над лестницей и стоящей перед ней на постаменте огромной глиняной статуей Будды. На колоннах сохранились следы резного штука, в айванах — остатки росписи красной, черной, белой и синей краской, найденной в завалах. Голова статуи сохранилась. М. Е. Массон считает ее памятником, занимающим как бы промежуточное место между образцами Гандхарской школы и матхурского искусства[203].

В северной части холма обнаружены остатки сангарама с входом с южной стороны. Кирпичная обводная стена (размер сырца 38×38×10 *см*^{3}; 40×40×10 *см*^{3}), видимо, охватывала и ступа. Некоторые хозяйственные постройки примыкали к ней и с внешней стороны.

Во второй половине IV в. н. э. в общежитии проведены ремонты голубовато-зеленоватым сырцом. Это — наиболее ранний для Мерва пример использования сырца такого цвета. Глина для его изготовления бралась из крупных слоев со свалками перегнивших органических остатков. Такая возможность определялась, видимо, наличием к концу IV в. н. э. на городище пустующих мест, отведенных под свалки. Для строительства последующих веков (V—VII) кирпич зеленоватого цвета особеннно характерен. Выделка кирпича из гумусных масс является, таким образом, косвенным указателем запустения города, которое на некоторых его участках отмечено уже в конце II н. э., а затем в больших масштабах с конца III в. н. э.

Во второй половине IV в. н. э. комплекс буддийских построек был отремонтирован и достиг наиболее завершенного и парадного вида, что свидетельствует, видимо, о многочисленности и процветании мервской общины. Таким образом, время запустения городской территории в юго-восточном углу Гяур-калы соответствует наибольшему расцвету деятельности буддийской общины. Никто не нарушал ее уединения и, видимо, не преследовал. Это наблюдение перекликается с тем, что было выявлено в северо-восточном углу. Только там, на заброшенных городских территориях в IV в. н. э., обосновались христиане.

Учитывая повсеместно отмечаемую в Средней Азии в IV—V вв. н. э. активизацию буддистов и политику Сасанидов, направленную на культивацию веротерпимости, факт усиленного культового строительства в Мерве в III—V вв. представляется весьма важным. Он стоит в обратном соотношении с ростом городской застройки и служит одним из указателей внутренних неурядиц в городском хозяйстве и упадка города в это время.

Следующий период ремонтных перестроек в ансамбле ступа падает на конец V—начало VI в. н. э. Он датирован тремя монетами Кавада I (488—531 гг. н. э) и связан с ликвидацией разрушений, постигших постройки. Тогда же оказалась разбитой статуя. Возможно, был проведен погром буддийской общины. М. Е. Массон допускает также предположение о землетрясении, которое имело место в Хорасане 30 июля 454 г. н. э.[204] Ремонты связаны в основном с забутовками и замуровани-

ем реликвий. Закрыта кирпичом лестница, заложены рядом с ней отлетевшая голова статуи и великолепная ваза с сюжетной росписью, наполненная священными свитками[205]. Забутовочные работы продолжены в VI в. н. э. и при Хосрове I Ануширване, монеты которого извлечены из закладок айвана. Забутованное сооружение было полностью покинуто в это время. Примечательно, что в VI в. н. э. в городе отмечены повсеместно строительные работы, укрепление фортификационных сооружений, т. е. имеет место новый расцвет городской жизни. Буддисты вынуждены были покинуть город и искать более уединенного места. Археологически зафиксирован перенос места их пребывания за пределы городских стен. В 600 *м* к востоку от Гяур-калы, на территории пригорода, расчищена на платформе башня-шубурган, датированная монетами из кладки VI в. н. э.[206]

Таким образом, раскоп буддийского комплекса в Гяур-кале (Р-9), во-первых, новыми материалами дополнил представление об освоении всей площади юго-восточного угла под жилую застройку не раньше II в. до н. э., что в общем аналогично стратиграфической картине в северо-восточном углу. Во-вторых, он подтвердил данные раскопа 4 о запустении угла во II в. н. э. Раскоп дал возможность связать расцвет культового не зороастрийского строительства в городе с угасанием городской жизни и запустением обжитых территорий. Забутовкой же и оставлением комплекса ступа в VI в. н. э. косвенно подтверждается оживление города, хотя сама городская застройка этого времени не захватила площадь юго-восточного угла Гяур-калы. Судя по мощности бугров к северу и западу, здесь вдоль артерий от ворот и в центре она в основном и располагалась. Но исследование отмеченных массивов проведено только по горизонту верхних слоев и добытый материал позволяет судить о времени и характере в основном последнего использования этих городских территорий.

На западном массиве вплоть до южных городских ворот исследован квартал гончаров VII—VIII вв. н. э. Он занимал поразительно огромную площадь и имел подтреугольную конфигурацию, вливаясь северным углом в отложения центрального плато городища, а на юге в районе городских ворот проходя почти вровень с гребнем стены. Здесь, как было указано выше, обжигательные горны квартала обнаружены даже на городской стене, что свидетельствует о прекращении в VIII з. ее использования по назначению.

Культурные слои под кварталом достигают мощности 8 *м* и, безусловно, накапливались не одну сотню лет. Всего в верхнем горизонте массива исследовано 14 оригинальных обжигательных печей круглого или овального плана однокамерных с длинным жаропроводящим каналом—топкой[207]. Хумданы датированы большим количеством монет, как и отвалы бракованной посуды. Большой керамический материал позволяет судить об ассортименте форм, качестве технологической обработки и орнаментации посуды VII—VIII вв. н. э. В качестве изготовления, в отмучке черепка чувствуется явное огрубение по сравнению с IV—VI вв. н. э., как и в самих формах, число которых сократилось. Преобладают кувшины, отмечены также миски и горшки. Широкогорлые и узкогорлые кувшины продолжают линию развития мервской керамики, наметившуюся еще в III в. н. э. Можно сказать, что они представляют сильно огрубленную копию сосудов V—VI вв. н. э. Шире начали применяться выступающие поддоны валиком, переходящим в кольцо, ручки с бороздками и налепами, рифление и волнистый процарапанный орнамент,

Новым элементом является начало применения в орнаментике штампа и барботинной техники. Дробный затейливый растительный узор слит на нескольких фрагментах в сплошной лепной ковер.

На западной оконечности массива центрального плато городища в 200 *м* от южных ворот начато исследование бугра высотой до 8 *м*, тремя сторонами выходящего на обширную площадь, а с восточной стороны соединенного шлейфом — перемычкой с центральным массивом. Раскопом 8 исследовался сам бугор (М. С. Мерщиев) и перемычка (М. Филанович).

На северном склоне бугра, где был заложен и шурф, прослежена сплошная кирпичная кладка из сырца 38×38×10 *см*³; 40—42×40—42×10 *см*³, видимо, платформы[208]. В конце VI яруса в шурфе отмечен уровень пола, вымощенного сырцом того же размера, положенным на алебастровом растворе[209]. Сама сырцовая кладка опускается почти до подошвы бугра. В западном срезе бугра четко читается иная стратиграфия. Верхние ярусы до грани IV и V занимают остатки стен из сырцового кирпича размером 38×38×10 *см*³. Под ними прослеживается более чем полуметровый слой завала с гумусными вкраплениями, угольками и натечными прослойками. Ниже, почти до конца VII яруса, идет еще одна сырцовая кладка в основном из кирпичей 42×42×12 *см*³; 46×46×12 *см*³. Под ней вновь следует слой отвалов из чередующихся зольных полос с угольками и зеленоватых селитроносных лент. На обрыве южного склона читаются мощные слои отвалов типа мусорной свалки. В VI ярусе здесь обнаружена медная монета времени Шапура I (242—272 гг. н. э.).

По горизонту верхней застройки расчищено здание, занимавшее всю площадь бугра (рис. 24). Ограниченное с трех сторон глухими стенами, толщина которых доходит до 2—3 *м*, оно, очевидно, имело вход с восточной перемычки. Внутри здания оконтурены четыре комнаты, стены которых также поразительно толстые — до 2 *м*. При такой мощности стен размеры помещений кажутся непропорционально малыми: I помещение — 2,48×1,64×2,53×1,56 *м*; II помещение—2,5×3,89×2,45×3,65 *м*; III помещение—?×1,43×5,01×?; IV помещение—3,78×3,54×3,8×3,24 *м*. Пол комнаты находится в конце IV и на грани IV и V ярусов. Над полом комнат отмечена прослойка натечно-надувного характера, фиксирующая пребывание его некоторое время в запущенном состоянии, после чего начали обрушиваться стены. В строительном завале, кое-где перемеженном зеленоватыми вкраплениями, сделана интересная находка — отбитая рука алебастровой статуи. Ниже пола I помещения встречены кусочки рельефной алебастровой поверхности, покрытой красной краской с позолотой. В горизонте здания встречено большое количество монет как из верхних слоев, так и из заполнения помещений и из самих стен. Самые поздние из них относятся к позднепарфянскому и раннесасанидскому чекану и определяют верхний сохранившийся период застройки на бугре II — первой половиной III в. н. э. О назначении этого выходящего на площадь здания с мощными стенами можно лишь сказать, что оно было, видимо, общественного характера.

После разборки стен северной половины верхнего здания исследованы нижележащие слои. Установлено, что стены возведены на более чем полуметровом слое завала комковатой структуры, перекрытого прослойкой надувного песка. Ниже, в VI ярусе, расчищены стены помещений еще одного периода застройки, сложенные из сырца 42×42×10 *см*³. На полу, уровень которого соответствовал концу VI яруса, встрече но

пятно от очага и кусочки алебастровой штукатурки. Пол выложен одним рядом сырцового кирпича и промазан глиной. Под ним отмечен натечно-надувной слой и остатки стен еще более раннего времени. Из

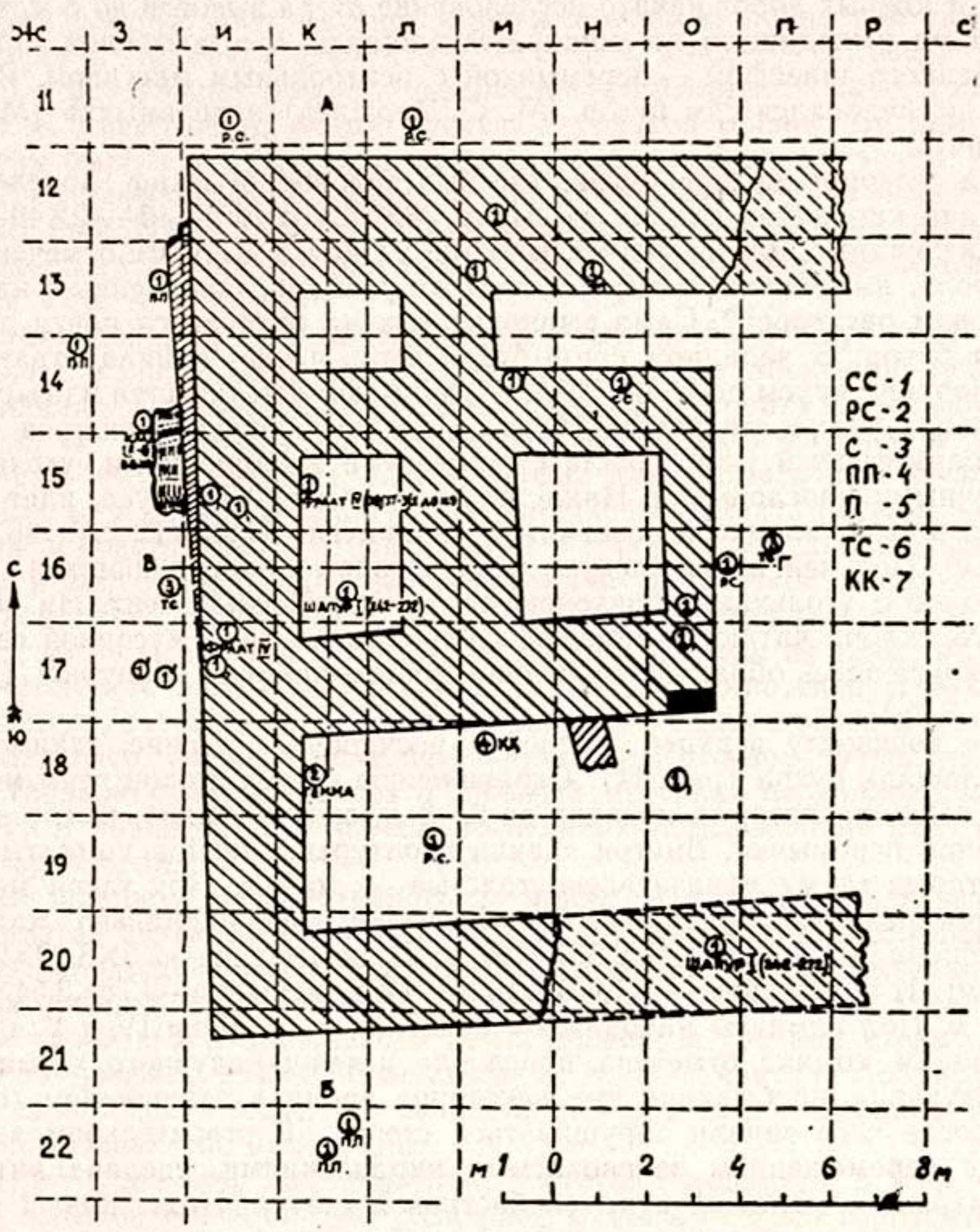

Рис. 24. Раскоп 8. План здания: *1*— монета среднесасанидского времени; *2* — монета раннесасанидского времени; *3* — монета сасанидского времени; *4* — монета позднепарфянского времени; *5*—монета парфянского времени; *6* — терракотовая статуэтка; *7* — керамические кубики. Составил М. С. Мерщиев.

завала в помещениях второго строительного периода извлечены монеты парфянского чекана I—II вв. н. э., позволяющие определить эту постройку как непосредственно предшествующую по времени верхнему зданию. Тем не менее их разделяет довольно значительный слой завала натеков, говорящий о каком-то запустении.

Стратиграфическая картина перекликается с выявленной на раскопе 12 и так же, как и там, запустение приходится на небольшой проме-

жуток времени II в. н. э. Небольшое число керамических фрагментов из V—VI ярусов в основном розового черепка принадлежит чашам, чашевидным бокалам, широкогорлым кувшинам, характерным для I в. до н. э. — II в. н. э. На многих сосудах, покрытых густорозовым ангобом, отмечено слабое лощение.

На раскопе найдено довольно большое количество терракотовых статуэток, в основном женских. Большинство относится к описанным уже типам «Маргианской богини», поэтому подробнее стоит остановиться лишь на двух, неизвестных ранее. Два фрагмента розовой терракоты с кремовым ангобом, найденные в горизонте верхнего здания, принадлежат одному типу. Обе статуэтки с отбитой головой и нижней частью, но довольно живо передают формы женской фигуры с высоко поднятой грудью в сильно облегающем тонком одеянии, поверх которого наброшено покрывало. Покрывалом, лежащим на плечах, обтянута правая рука, согнутая в локте, но пальцы, сжатые в кулак, открыты. Левая рука, также закутанная, опущена к низу живота и поддерживает здесь собранную изящными складками ткань. На шее одето ожерелье.

Изяществом и свободой линий, складчатыми легкими покровами, всей манерой исполнения терракота примыкает к серии, относимой Г. А. Пугаченковой к I в. до н. э. — I в. н. э., однако она лишена каких-либо атрибутов и, может быть, поэтому эллинические черты проступают в ней явственнее. Лишь традиционное положение рук выдает образ популярного божества плодородия маргианцев. Другая фигурка зеленовато-серой глины извлечена из мусорного завала на северном склоне бугра. В отличие от первых двух, возможно, переброшенных из более раннего слоя, эта статуэтка относится ко II—III вв. н. э. Сохранилась верхняя половина фигурки, выполненная горельефом, но без четкой проработки деталей и контуров. Изображена женщина в очень высоком головном уборе туркменских женщин типа «борика», на который сверху наброшено покрывало, спускающееся ниже плеч. Левая рука, неестественно короткая, согнута в локте, ладонь ее с расправленными пальцами лежит на правом плече. Правая рука опущена куда-то вниз. По времени статуэтка примыкает к изображениям богини в ее женской ипостаси, но с мягким «двурогим» головным убором. Относится же она к типу, видимо, менее распространенному.

Интересна находка двух кубиков розовой терракоты (4×3,5; 6×3,5 *см*) с оттисками на четырех сторонах каждого овального щитка печати с изображением рельефного профиля человеческого лица. Назначение этих предметов, отмеченных личной печатью одного владельца, неясно.

Исследование стратиграфии бугра с Р-8 лишний раз подтвердило распространение почти по всей территории городища мощного культурного слоя позднерабовладельческого времени, что, несомненно, свидетельствует о наибольшем расцвете города на Гяур-кале именно в этот период. В южном пункте города, как и в восточной части, отмечается локальное запустение во II в. н. э., видимо, непродолжительное, но вполне стратиграфически уловимое.

Обнаружение следов запустения в ряде точек на городище позволяет связывать его с какой-то непродолжительной полосой неурядиц, переживаемых городом в целом. Раскоп на бугре вновь показал, что новый размах строительных работ в городе имел место в конце II—начале III в. н. э. и был по существу последним, когда строительство велось в очень крупном масштабе. Жилых остатков более позднего времени на самом

бугре не обнаружено. Возможно, более поздние слои развеяны. Во всяком случае, мусульманское кладбище, сложившееся на вершине бугра не ранее X—XI вв., врезалось подбоями и могильными сооружениями непосредственно в стены вышеописанного здания. Исследование же на восточном шлейфе-перемычке выявило под могилами остатки культурного слоя более позднего времени, чем здание на бурге. Вскрытие на небольшой площади и шурф № 2 показали, что культурные слои, синхронные выявленным на бугре, залегают здесь на 1,5—2 *м* ниже, что дает основание предполагать и с восточной стороны бугра крутой обрывистый фас, на который, возможно, вел пандус. Характер стратиграфии показал, что перемычка в значительной степени образовалась за счет обрушений, свалок и оплывов с бугра и центрального массива.

В IV ярусе, прорезанном мусульманскими могилами, залегал небольшой слой с остатками обживания VII и VIII вв. Обнаружена рухнувшая, но не потерявшая своей структуры кладка из сырцовых кирпичей размером 32×32×6,5 *см*^{3} и мусорная яма с керамическим материалом, включающим фрагменты крупных кувшинов зеленовато-серой глины с валикообразным краем поддона, широкой горловиной с большими ручками, украшенными шишкой. Керамика и строительные остатки полностью аналогичны материалу южного гончарного квартала VII—VIII вв. н. э. В восточной части раскопа на перемычке в IV—начале V яруса обнаружена мусорная свалка с зеленоватыми прослойками сгнивших органических остатков, костями и большим количеством битой посуды. Она лежит на полу, с которым связаны остатки кладки из сырца размером 38×38×9 *см*^{3}. Ниже, в начале VI яруса, прослежен еще один уровень пола и угол комнаты из сырца того же размера.

Керамический материал из завала на нижнем полу аналогичен верхней свалке. Под полом в VI—VII ярусах отмечен также завал со сгнившими органическими массами, но несколько иным керамическим материалом. Наиболее выразительны изящные кувшинчики на кольцевом поддоне с шишечкой посредине, фрагменты «башен»-курильниц и глубокой тарелки с широким бортиком, украшенным волнистым орнаментом и налепками «ручками», т. е. формы, распространенные в Мерве в III—IV вв. н. э.

В шурфе № 2 (4×2 *м*^{2}) верхняя свалка продолжается до конца IX яруса и представляет собой, видимо, мусорную яму, прорезавшую более ранние слои (рис. 25). В конце IX яруса ее сменяет плотное отложение лёссового цвета с незначительным включением керамических фрагментов иного типа, чем в свалке. Оно прослежено до середины X яруса до дна шурфа. Здесь встречены фрагменты чаш с прямым и загнутым внутрь бортиком, горшка шаровидного очертания с уступом крышки, хумчи с округлой закраиной, кувшина с расходящимися от устья стенками и двумя ручками.

Все они розовато-красной глины с таким же ангобом. Весь материал примыкает к известному на Гяур-кале комплексу I—II вв. н. э. и позволяет сопоставить это культурное отложение конца VIII—X ярусов по времени с архитектурными остатками V—VI ярусов на самом бугре.

В заполнении свалки выделяются следующие керамические формы: широкогорлые и узкогорлые кувшины, горшки, миски, глубокие и мелкие тарелки, курильницы. В массе своей материал примыкает к керамике верхнего слоя раскопа 6 и ямы раскопа 13, но включает ряд новых признаков. Наряду с кувшинами, обладающими резкопрофилированной закраиной, тонкими стенами, распространены огрубленные с простым

округлым венчиком и массивными ручками. Вообще эта форма сосудов лишена того многообразия вариантов, которое характерно для III—IV вв. н. э.

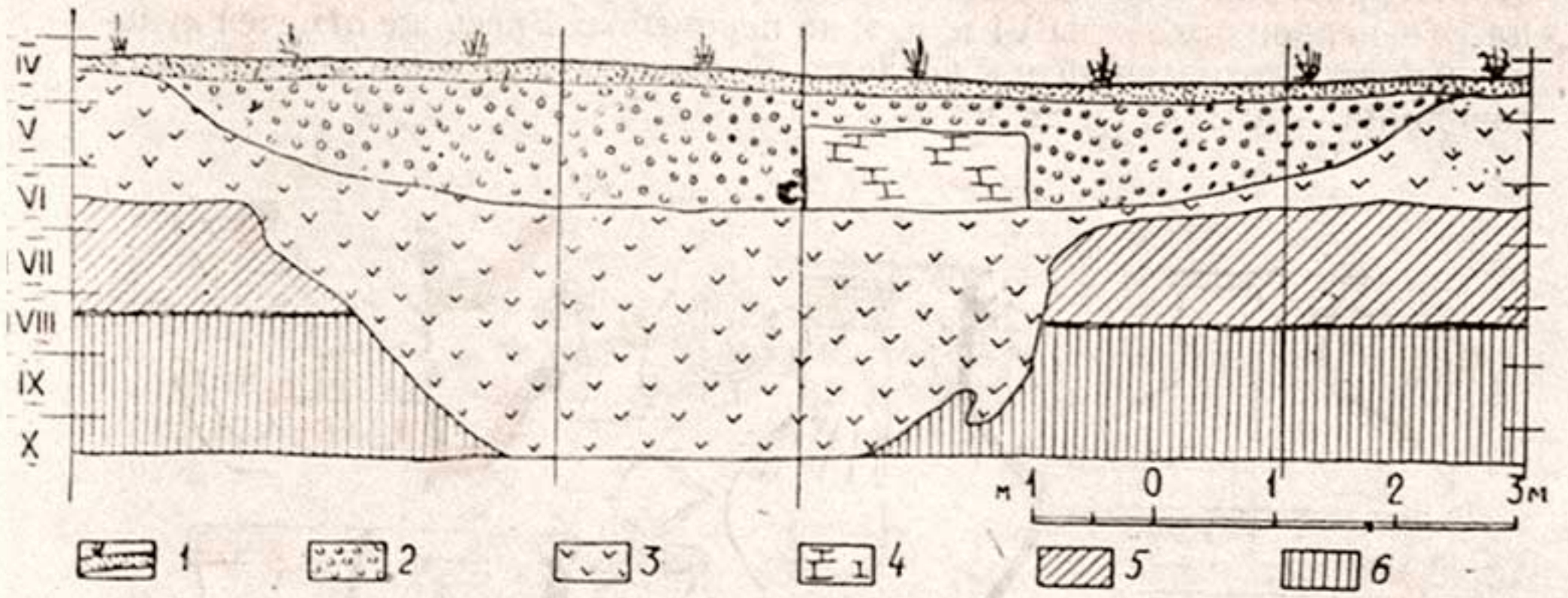

Рис. 25. Развертка шурфа № 2 раскопа 8: *1* — пушонка; *2* — мусорный завал V—VI вв. н. э.; *3* — слой завала IV в. н. э.; *4* — сырцовая кладка; *5* — культурный слой III—IV вв. н. э.; *6* — культурный слой коричневого цвета с керамикой I—II вв. н. э. Чертила М. Филанович.

Не встречены утяжеленные полые поддоны, как и конические ножки с перехватом. Наоборот, шире представлены горшки. Все они в основном шарообразного сочетания, но одни с намеченной шейкой и отогнутым венчиком, а другие без нее. Особо следует отметить фрагмент горшка с подтреугольным в сечении венчиком и носиком — сливом под ним, весьма близко напоминающим корчаги Пенджикента V—VI вв. н. э. (рис. 26)[210]. Примечательно снижение по сравнению с III—IV вв. н. э. содержания тарелок с орнаментированным бортиком. Во всем материале ямы их обнаружено несколько фрагментов.

Кроме характерных для Мерва «башен-курильниц», встречен новый тип этого изделия — вазообразная, на высокой ножке, аналогичная материалам Афрасиаба и Кашка-Дарьи V—VI вв. н. э.[211]

Рассмотренный материал из ямы есть основание отнести к самому концу IV—первой половине VI в. н. э., как и связанные с ней остатки полов и стен помещений. К тому же времени относится и хум, украшенный насечками, встреченный на верхнем полу.

Суммируя результаты стратиграфического изучения на раскопе 8, следует отметить, что южная часть Гяур-калы также интенсивно обживалась в I—II в. н. э. как восточная, так и центральная. Нижележащие отложения не затронуты раскопом и потому ничего нельзя пока сказать о времени начала освоения этой территории. В I—II вв. н. э. на месте бугра существовали постройки, пришедшие в запустение в конце этого периода. Но уже, видимо, в начале III в. н. э. на руинах появляется здание. Мощные стены с вмурованными в них небольшими комнатами, остатки цветных штукатурок и обломок статуи — все это может указывать на назначение его как общественного сооружения, возможно, храмового ха-

рактера. Наступивший в конце III в. н. э. период упадка прослеживается по монетным и стратиграфическим данным (здание заброшено, к северу образовалась свалка). На перемычке этому периоду соответствует также мусорный завал с керамикой III—IV вв. н. э. Последующее обживание этой территории связано с остатками архитектуры и мусорной ямой конца IV—первой половины VI в. н. э. на перемычке. Здесь же отмечен культурный слой, относящийся к последнему периоду заселения южной части городища — VII—VIII вв. н. э.

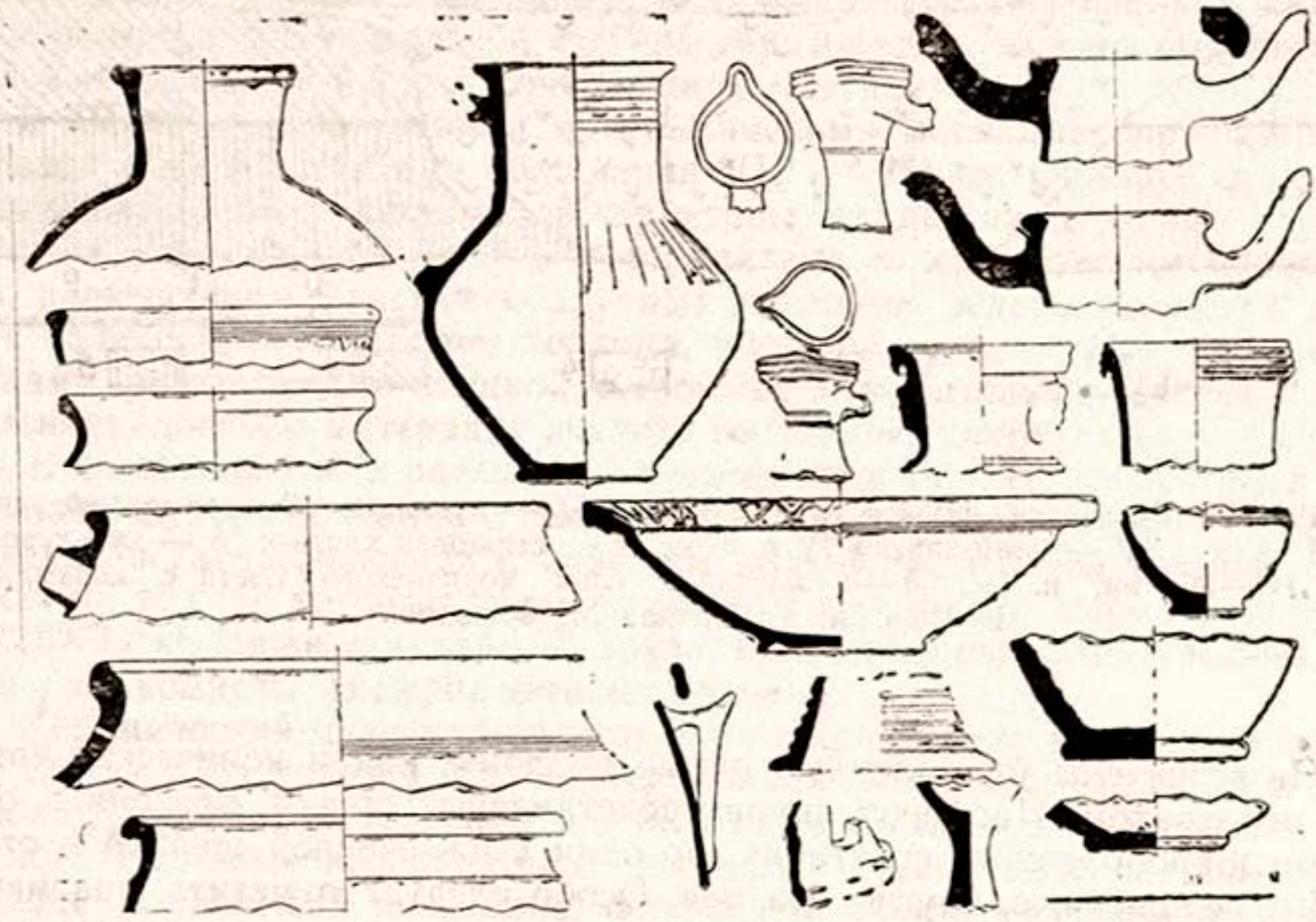

Рис. 26. Керамика V—VI вв. н. э. из шурфа № 1 раскопа 8. Составила М. Филанович.

По данным раскопа 8 нельзя судить о его характере. Нет данных, чтобы говорить о протяженности сюда квартала керамистов, занимающего всю южную часть вдоль городской стены. Возможно, здесь на западной оконечности центрального массива располагалась просто жилая застройка. Более важен установленный изучением квартала керамистов и раскопом 8 факт полного прекращения жизни на южной городской территории в VIII в. н. э.

Некоторое представление о забросе юго-восточной территории города дает раскоп 14, которым исследован верхний слой на возвышенности, идущей вдоль юго-восточного отрезка городской стены. Здесь в 300 *м* к юго-западу от восточных ворот и в 100 *м* от крепостной стены обнаружено скопление керамических ядер для метательной артиллерии.

Стратиграфическое исследование верхнего слоя всей возвышенности выявило на глубине до 0,5 *м* остатки кладок стен из сырца размером 38×39×38—39×9 *см*^{3} и культурные отложения плотной структуры. Сверху их перекрывал завал отходов ремесленного производства и ке-

рамического брака, свезенных сюда, судя по облику посуды, из квартала VII—VIII вв. н. э. На участке 2,9×1,2 *м*² расчищено скопление ядер с прокаленной землей и золой, засыпанное надувным песком. Таким образом, территория вдоль юго-восточного отрезка городской стены, видимо, уже во второй половине VI в. н. э. опустела и стала служить местом свалки производственных отходов.

Результаты стратиграфического исследования восточной и южной части Гяур-калы выявили два момента:

1. Южная часть городища забрасывается окончательно в VIII в. н. э., то есть позднее, чем восточная. Здесь на юге завершается в VIII в. н. э. постепенное оставление древнего города, начавшееся еще в конце III в. н. э. и идущее как бы по часовой стрелке.

2. В VII—VIII вв. н. э. большая площадь городища занята ремеслом. Это обстоятельство покажется особенно ярким, если сравнить хотя бы топографически выявленный огромный квартал керамистов с площадью жилой застройки, под которую в VII—VIII вв. н. э. было освоено едва ли две трети территории внутри стен. Увеличение ремесла в городской топографии представляется показателем тех изменений, которые, видимо, произошли в социально-экономической направленности обживания городища в раннем средневековье. Вопрос этот, требующий привлечения сведений письменых источников и всех археологических данных, будет затронут ниже.

Западная часть городища отличается особенно сильным перепадом уровней поверхности бугров вдоль центральной улицы и низин в углах. Если бугры достигают здесь самой большой мощности, то низины по уровню совпадают с поверхностью за стенами городища. В обе низины (в северо-западном и юго-западном углах) входили отводы от канала Разик, снабжавшие водой эту часть города.

Обилие воды и ровность поверхности заставляли предполагать расположение в этих частях с глубокой древности садов и огородов. Для проверки наличия здесь культурного слоя заложены два шурфа. Шурф № 9 — в юго-западном углу Гяур-калы, шурф № 10 — вблизи стыка северной стены городища с западным фасом цитадели. Оба шурфа опущены на склонах едва заметных всхолмлений, разбросанных в пониженных пространствах западной части и усеянных керамикой чаще всего времени поздней античности, реже — V—VII вв. В обоих шурфах уровень материка, примерно соответствует уровню окружающей поверхности[212]. В шурфе № 9 (3,2 *м* глубины) под рыхлым метровым слоем «пушонки» прослежен тонкий слой разрушившейся пахсы, включавшей несколько фрагментов керамики позднеантичного облика. Это единственный след небольшой постройки, существовавшей здесь некогда. Ниже пошли чередующиеся полоски красной тоюнной глины и надувного песка, подстилающиеся серо-зеленым тоюном с остатками перегнившей растительности. Картина чередования естественных слоев аналогична прослеженной в шурфах северо-восточной части городища и весьма характерна для геоморфологического строения поверхности под Мервом.

Шурф № 10 вообще не дал следов застройки и культурного слоя, но в природном тоюне обнаружена выемка, заполненная песком, в чем почвовед Н. Г. Минашина склонна видеть след водоема или арыка. Тянущуюся вдоль фаса цитадели небольшую гряду она предположительно считает остатками ложа канала, что, вероятно, не лишено смысла, принимая во внимание находящийся вблизи северный ввод канала в город. От него вода могла идти в город по этому руслу. Итак, шурфы подтвер-

дилы отсутствие в низинах нажитого слоя и их вероятное использование под сады, в изобилии снабженные водой.

В северо-западном углу городища среди низины возвышается отдельный довольно высокий холм подобно тому, что наблюдался в северо-восточном и юго-восточном углах. По рельефу холма четко читается высокая северная часть, скрывающая, видимо, главную постройку и западный пониженный шлейф. Бугор подвергся рекогносцировочному обследованию, на шлейфе был заложен шурф[213]. Весь холм усыпан керамикой. В северной части преобладали фрагменты поры средней и поздней античности (I в. до н. э. — II в. н. э.), на шлейфе встречалась более поздняя керамика. Кроме того, на холме поднята сердоликовая геммапечать типа ложного перстня с изображением скорпиона[214], серебряная монета Митридата II, фрагмент стеклянного египетского флакона, терракотовая статуэтка раннего облика.

При подчистках солдатских траншей в возвышенной части обнажены кладки широких сырцовых стен монументального здания, существовавшего в рабовладельческую эпоху. В верхних слоях отмечены надстройки из зеленовато-голубого сырца, что указывает на их возникновение не раньше начала V в. н. э. В тот же период возникло монолитное сооружение типа основания под башню, с юго-востока примкнувшее к основному зданию. Оно целиком сложено из такого сырца.

Шурф размером 1,75×1,75 *м*^{2} пробил наслоения шлейфа на глубину 3,5 *м*. Верхние четыре яруса заняты культурным слоем, включающим куски разложившегося зеленоватого сырца, линзы золы, комочки гипса. Рыхлая «пушонка» на поверхности имеет здесь зеленовато-серый оттенок, указывающий на образование ее из сырцовой кладки. В керамическом материале слоя преобладают фрагменты VI—VIII вв. н. э., с V яруса до дна шурфа отмечен слой похожей структуры, но с преобладанием керамики розовой и коричневатой глины и монетой парфянского облика. Судя по всему, шлейф холма образовался на месте подсобных и хозяйственных помещений, примыкавших к основному зданию, скрытому под северным бугром. Приблизительно устанавливается два периода его существования: I—II вв. н. э., когда он представлял собой, видимо, довольно богатую усадьбу со всеми службами, окруженную садом, и VI—VIII вв. н. э., когда кроме ремонтов прежнего здания, к юго-востоку было возведено еще какое-то сырцовое сооружение.

Массивы культурных наслоений по обе стороны западного отрезка центральной улицы исследованы в основном по верхнему культурному горизонту. Некоторое представление о подстилающих и основных слагающих их слоях дают подчистки у дна оврагов, образовавшихся на месте древних улиц. Один такой овраг рассекает юго-западный массив. Зачисткою его обрывов установлены скопления керамики первых веков до н. э., перекрытые мусорным отвалом с материалом II—III вв. н. э. Подобная картина наблюдалась еще в нескольких промоинах. При подчистке солдатской траншеи близ западных ворот выяснено, что видимая сейчас в рельефе ложбина, которую можно принять за центральную улицу, идущую от восточных ворот к западным, относительно позднего происхождения. Древняя улица на этом отрезке делала поворот на север и проходила параллельно ложбине. В траншее же видны в разрезе культурные слои с материалом позднерабовладельческого времени.

Все это дает некоторое основание предполагать сложение жилой застройки в западной части городища примерно в то же время, что в восточной и южной. Площадь, занятая под нее, была несколько меньше

за счет пустующих пространств в юго-западном и северо-западном углах, занятых, возможно садами. Бóльшая, чем в других местах мощь культурных отложений здесь объясняется, как будет показано ниже, более длительным обживанием западной части.

Подведем некоторые итоги. Исследование стратиграфии городища Гяур-калы, проведенное ЮТАКЭ с привлечением данных широких раскопов, позволило прежде всего выработать хронологическую шкалу керамического материала и во многом способствовало разработке периодизации социально-экономического и историко-культурного развития Мерва — одного из крупных центров древнего мира.

Начальную ступеньку мервской керамической шкалы составляет культура керамики оазисов Северной Маргианы, далее вышедший из нее, но развившийся на новом месте керамический комплекс переходного к ранней античности типа. Керамика времени возникновения и существования города Мерва на Гяур-кале, продолжая и развивая элементы, заложенные в переходном комплексе, прошла длительный эволюционный путь. Он показывает самобытную местную школу гончарства с выработанной технологией, особой конструкцией обжигательных горнов, хотя с линией развития других культурных центров Востока имеет много точек соприкосновений. Больше всего элементов культурной общности прослеживается с центрами Хорасана, гораздо меньше с Хорезмом, Согдом и Бактрией.

Многолетние исследования Гяур-калы ЮТАКЭ и колоссальный материал, накопившийся в настоящее время, позволяют сейчас внести некоторое уточнение в периодизацию преимущественно древних керамических комплексов, предложенную по материалам первых лет работы и изложенную в статье Л. М. Рутковской «Античная керамика древнего Мерва». Безусловно, в процессе дальнейших исследований будут внесены новые дополнения и поправки. При выработке керамической шкалы учтена стратиграфия залегания материала, датирующие нумизматические данные и своеобразие форм и черт, придающие определенной группе керамики характер целостного комплекса. Выделены следующие комплексы времени существования города[215]:

1. Конец III—I в. до н. э.
2. I—II вв. н. э.
3. III—IV вв. н. э.
4. Самый конец IV—первая половина VI в. н. э.
5. Вторая половина VI—VIII в. н. э.

Керамика первого периода отличается большой тщательностью выделки, имеет обычно розовый, коричневатый, красноватый черепок плотной отмучки, покрыта светлым, реже розовым ангобом. Примечательно, что сероглиняная керамика, составляющая массовый материал Нисы, не характерна для Мерва. Встречены лишь отдельные экземпляры сосудов черного и серого цвета, иногда с лощением.

Среди кувшинов характерны широкогорлые с крутыми плечиками и резко суживающимися стенками с одной ручкой. Горшки того же очертания, но более приземистые. У этих двух форм есть выступ изнутри горловины для крышки. Большое разнообразие мисок, чаш, тарелочек и пиал с загнутой внутрь или отогнутой закраиной. На тарелочках внутри у дна уступ. Распространена чаша цилиндроконической формы, чашевидный бокал того же очертания на кольцевом поддоне. Поддоны сосудов кольцевые и плоские. Весьма характерны крышки, похожие на перевернутые чаши с клювовидным венчиком, а также вазы на широких

полых ножках с профилированным краем. Хумы яйцевидные или близкие по форме к цилиндру с выпуклым дном и валикообразным загнутым внутрь венчиком.

Перечисленные формы посуды и другие, развившиеся из встреченных еще в переходном комплексе, не сопровождаются керамикой с подкошенным дном.

Керамика I—II вв. н. э. также характеризуется хорошим качеством выработки. Преобладает розовый и желтовато-серый черепок, появляются сосуды серовато-зеленого цвета. Ассортимент форм по-прежнему широкий, многие сохранились из предыдущего периода. Прежде всего это относится к чашам, тарелочкам и мискам. Появились кувшины с широким устьем без горловины с расходящимися вниз стенками, двумя ручками фасолевидного сечения. Появляется новый тип горшка с округлым очертанием, переходящим книзу на конус, плоским дном и отогнутым клювовидным венчиком. Продолжает бытовать прежняя форма горшка чаще, чем прежде украшенного по плечикам волнистым орнаментом. Так же украшаются массивные дисковидные крышки горшков. Среди других типов посуды можно отметить фляги — мустахара с ручками-кольцами и плошки — чираги. Наряду с яйцевидными хумами распространены близкие к усеченному конусу с выпуклым дном и бочковидные с узким устьем и двумя ручками. В конце II в. н. э. входят в употребление глубокие тарелки с широким бортиком, украшенным иногда волнистым орнаментом и двумя налепами, имитирующими ручки. Кроме того, начинает расширяться ассортимент кувшинов, появляется тип кольцевого поддона с шишечкой посредине.

Комплекс III—IV вв. н. э. отличается от предыдущих прежде всего явным снижением технологического мастерства выделки. Наряду с сосудами тонкоотмученной глины хорошего обжига распространена керамика пористого черепка худшего качества.

Изменения в технологическом процессе выразились и в цвете изделий. Преобладает серовато-зеленый тон черепка. В ассортименте резко снизился процент содержания чаш, почти исчезли маленькие тарелочки. Вышли из употребления чаши и бокаловидные чаши цилиндроконического профиля. В противовес чашам вырастает набор кувшинов — широкогорлых и узкогорлых. Мы встречаем огромное разнообразие их вариантов и размеров, начиная от вытянутых, грушевидных, яйцевидных и кончая шаровидными. Появляются амфоровидные сосуды с двумя изящно изогнутыми ручками и кувшинчики с эйнохойевидной горловиной. Наиболее распространены кольцевые поддоны с шишечкой посредине, но есть и плоские. В конце периода появляются утяжеленные поддоны, выступающие за стенки кувшина с продолжением в них ёмкости сосуда. Новым типом можно считать также конусовидные поддоны с валиком-перехватом — полые и сплошные.

Распространена также форма широкогорлого кувшина с шаропо-добной раздутой горловиной и двумя изогнутыми массивными ручками. Ручки самые разнообразные: от кольцевидных и напоминающих «ослиное ухо», до витых вертикальных и горизонтальных с вмятинами или налепами. Широко распространены глубокие тарелки с орнаментированным широким бортиком. Бытуют горшки с клювовидным и треугольным в сечении венчиком, украшенные по стенкам волнистым орнаментом. Так же украшены массивные сосуды типа ступок.

В этот период распространяются «башни»-курильницы, характерным признаком которых является довольно реалистичная передача

некоего наземного архитектурного сооружения, возможно, культового назначения.

Керамика конца IV—первой половины VI в. н. э. продолжает развитие форм предыдущего периода. Она характеризуется неплохим качеством выделки, черепком серого и кремового цвета. Своеобразие посуды этого периода — в вычурности профилей венчиков кувшинов, мисок, изрезанных бороздками и валиками. Кувшины разных размеров в основном грушевидной и эллипсоидной формы. Донца плоские, кольцевые, появляются выступающие валиком за линию стенки и вмятые снизу. Продолжают бытовать конусовидные с перехватом, но к VI в. н. э. они исчезают. Ручки — отмеченных типов и появляются массивные с шишкой наверху. Существуют кувшины с узкой цилиндрической горловиной и четко выраженными плечиками, а также массивные вазы с широкой горловиной. Встречены формы кувшинов, подражающие металлическим. Большого разнообразия достигли горшки. Примечательны шаровидного очертания с подтреугольным венчиком, иногда со сливом или сосуды с подчеркнутой шейкой, узким устьем и отогнутым венчиком.

К VI в. н. э. постепенно выходят из употребления глубокие тарелки с орнаментированным бортом. Продолжают бытовать «башни»-курильницы, но появляется и другой тип этих предметов — обычная, распространенная в областях к востоку от Мерва курильница в виде чаши на высокой ножке.

Хумы этого периода отличает увеличение размеров. Особенно характерен тип со слегка наклонным внутрь широким венчиком и корпусом, сплошь покрытым косыми насечками.

Керамика второй половины VI—VIII вв. н. э. отличается некоторым огрубением форм и ухудшением качества обработки изделий, особенно проявившимся в конце периода. Ассортимент посуды не широк: чаши, миски, горшки, кувшины. Чаши и миски простой формы с лаконичным венчиком. Кувшины и горшки, наоборот, с вычурной профилировкой горловин валиками, бороздками, перемеженными иногда волнистым процарапанным орнаментом. Поддоны плоские и с выступающим валиком. Группа кувшинов, которая относится уже к концу VII—VIII вв., отличается массивностью, простым очертанием и поддоном со слегка намеченным кольцевым валиком. Ручки массивные с шишками и налепами. Поверхности сосудов подчас насыщены процарапанным орнаментом. В конце периода появились сосуды, украшенные техникой барботина и штампа.

Перечислены лишь наиболее характерные признаки комплексов керамики каждого периода. Шкала керамического материала отражает историко-культурную традицию развития самого города лишь отчасти. Приведенные данные стратиграфического порядка недостаточны для составления подобной периодизации, которая требует широкого изучения исторической топографии, рассмотрения под соответствующим углом зрения всех письменных сведений, а также глубокого анализа нумизматического материала. Однако справедливо будет отметить, что при составлении периодизации истории города на некоторых этапах (например, ранней античности и V—VI вв. н. э.) данные стратиграфического изучения городища и стен составят основной характеризующий материал. Результаты стратиграфического изучения в общем дают представление о закономерностях и динамике развития городской застройки, о разме-

рах площадей, занятых ею в различные периоды времени, отчасти заменяя историко-топографическое исследование.

Они позволяют составить некоторое суждение о социально-экономической направленности обживания, довольно красноречиво свидетельствуют о периодах подъема и упадка городской жизни. Наибольшее значение это имеет для отрезка древней истории Мерва, не освещенной письменными источниками.

Как было показано, древнемаргианское поселение на протоке Разик, раскинувшееся в основном к юго-востоку от укрепленной стенами Эрк-калы, оформляется в город в начале III в. до н. э. Обнесенное по распоряжению селевкида Антиоха I Сотера (280—261 гг. до н. э.) квадратом оборонительных стен, оно фигурирует с тех пор под названием сначала Селевкии, а затем Антиохии.

По данным стратиграфии, стенами окружена площадь почти вдвое больше занятой жилой застройкой. Удобное географическое расположение города, в который переместился центр всей жизни из северных маргианских оазисов, способствовал быстрому экономическому развитию. Происходит дальнейшее внутреннее формирование бывшего поселения в городской организм, который на более поздних этапах, видимо, приобретает характер полисного устройства с известной самостоятельностью, как и большинство восточных городов с огромной ролью общинных традиций во внутренней жизни. Стратиграфически процесс развития Антиохии Маргианской выразился в расширении жилой застройки, в постепенном освоении пространства внутри городских стен. Особенно ощутимый подъем наступил со II в. до н. э. Культурный слой этого времени прослежен на большей части городища, исключая полосу вдоль северной стены, юго-западный и северо-западный углы, возможно, занятые посевами или, как предполагал М. Е. Массон, еще до заложения здесь шурфов, бывшие площадями для загона скота[216]. Начиная со II в. н. э. и вплоть до II в. н. э. стратиграфически отмечено наиболее интенсивное обживание бóльшей части городской территории, отложившее наиболее мощные культурные слои и не прерываемое никакими серьезными потрясениями и запустениями. Судя по остаткам материальной культуры, город был значительным торгово-ремесленным центром, имевшим широкие связи с отдаленными странами на западе — до Средиземного моря, на востоке — до Индийского океана. Известно, что Антиохия Маргианская была одним из пунктов, через который проходил «шелковый путь». В самом городе ощущается топографическое разделение ремесла.

Раскопочные данные свидетельствуют и о существовании в нем сильной прослойки купечества, дома представителей которого также, возможно, локализовались в определенной части города. Обилие монет, главным образом чекана парфянских царей, указывает на далеко зашедшие торгово-денежные отношения и вместе с тем определяет сферу экономического и политического притяжения Маргианы. Обликом материальной культуры она также оказывается неразрывно связанной с областями, лежащими западнее нее и входившими в состав парфянского государства Аршакидов. Как известно, сама Маргиана вошла в это государство в конце II в. до н. э. при Митридате II.

В I в. н. э. Антиохия Маргианская именовалась, видимо, уже Мервом, что в китайской транскрипции передавалась как Мулу[217]. В этом факте М. Е. Массон видит одно из проявлений нового политического курса «младшей ветви Аршакидов», направленного на активную борьбу

со всем римским и отчасти греческим и возвращение к местным традициям, религии, письму, географическим названиям и т. д.[218] Город Мулу назван в китайских источниках «Малым Аньси», чем также подчеркнута связь Маргианы с Парфией. В I—II вв. н. э. в период известной децентрализации Парфянского государства, тесно связанной с внутренним ослаблением и неудачами на внешнеполитической арене, Маргиана, подобно другим сатрапиям, получает самостоятельность, но управляется представителями рода Аршакидов. Красноречивым подтверждением этому служит прослеженный М. Е. Массоном во всей области обильный чекан медных монет местных правителей. Однако период независимого существования Маргианы, видимо, не был для нее благоденствием до самого конца. Именно на вторую половину II в. н. э. приходится первое значительное запустение в городе, отмеченное по стратиграфии в ряде пунктов восточной и южной части.

Во II в. н. э. сокращается общая площадь жилой застройки за счет территорий в северо-восточном и юго-восточном углах, причем пустыри так никогда и не были больше освоены под жилье. И несмотря на то, что продолжают функционировать все мастерские в «секторе ремесла» и продолжается жизнь в других кварталах города, можно говорить о каком-то первом крупном неблагополучии или полосе смут, постигшей город и его жителей во II в. н. э. Кажется возможным некоторое ослабление Мерва считать следствием неблагоприятной для него политической обстановки, когда объединенное и укрепленное государство Кушан активизирует свою экспансию на запад и северо-запад. Непосредственно граница с кушанскими владениями, Маргиана, видимо, была одной из первых областей, куда вторглись завоеватели, когда они, согласно китайским источникам, начали «воевать с Аньси»[219]. Однако завоевательские устремления соседа, видимо, ограничились несколькими разорительными грабительскими походами. Нарушилась на некоторое время и транзитная торговля. Археологические вскрытия не дали материала в пользу того, что Маргиана была включена в сферу экономического оборота государства Великих кушан. На территории Гяур-калы за все годы работ ЮТАКЭ были обнаружены лишь три кушанские монеты: две в постройке ступа и одна в развалинах жилого дома, принадлежавшего, видимо, купцу. Абсолютное большинство монет, исчисляемое сотнями, принадлежит парфянскому и местному чекану.

Данные стратиграфии подтверждают сомнения о вхождении города Мерва и всей провинции в государство Кушан, высказанное М. Е. Массоном вопреки прямому указанию китайских хроник[220]. Проникновение же элементов культуры и идеологии этого государства в Маргиану вполне ощутимо выражалось хотя бы в усилении с конца II в. н. э. буддизма и в буддийском строительстве в городе Мерве. Правда, последнее обстоятельство представляется возможным связать именно с некоторым ослаблением внутреннего положения в городе и отмеченным запустением части его территории.

Примерно с самого начала III в. н. э. стратиграфически прослежено оживление городской застройки жилого, культового, административного характера. Возводятся храмовые комплексы и постройки общественного назначения в северо-восточной и южной части, жилые дома в северном, центральном, восточном районах. С полной нагрузкой работают ремесленные кварталы, некоторые из них выросли территориально. Размах строительных работ включает возведение новых оборонительных стен и укрепление цитадели. В политическом отношении период ха-

рактеризуется последними десятилетиями правления Аршакидов и затем заменой их на персидском троне Сасанидами, в подчинение которых переходит Маргиана. Уже при Арташире I (224—241 гг. н. э.) Мерв упомянут наряду с Гурганом, Балхом и Хорезмом в числе отдаленных провинций Сасанидского государства[221]. Вхождение области в это государство с момента его образования подтверждается и широким распространением в Мерве медных монет чекана первых Сасанидов, ходивших на внутреннем рынке наряду с кружками местной маргианской эмиссии. Область управлялась наместником из числа местной знати и пользовалась известной автономией. Сам город, видимо, также сохранял полисное устройство и бóльшую самостоятельность, чем города коренных персидских земель, где царская власть энергичнее вмешивалась в городское самоуправление[222].

Судя по результатам археологического исследования, момент смены династий и переход в подчинение Сасанидам никак не отразился на состоянии города. Ощутимые изменения керамического материала наметились еще со II и III вв. н. э. Отмеченный же размах строительства и несомненный подъем городской жизни наступил также примерно в это время. Он связан, видимо, с дальнейшим развитием социально-экономических отношений, дальнейшим разделением труда, окончательным выделением ремесла из сельской общины, приведшим как к подъему старых городов, так и к возникновению в III в. н. э. во всех областях Сасанидского государства большого количества новых городских центров[223].

Однако подъем, пережитый Мервом в III в. н. э., был кратковременный; обжитая городская территория не достигла прежних пределов. В пустующих северо-восточном и юго-восточном углах стояли лишь отдельные здания, причем в юго-восточном углу это была постройка буддистов, пришедшая в запустение вскоре после возведения.

Кратковременное оживление сменяется крупным и почти повсеместным запустением, первые симптомы которого начали проявляться уже во второй половине III в. н. э. В частности, в разных местах города отмечено отложение невывозимых мусорных свалок (Р-6, Р-8). На раскопе 6 такой свалкой оказалось заполненным пространство между кварталом и городской стеной, что было недопустимым нарушением законов фортификации. Еще по результатам работ первых лет М. Е. Массон связал выявляемое стратиграфически на Гяур-кале запустение, проявившееся во всех сферах жизни среднеазиатских народов и усугубленное для многих городов нашествием кочевых племен[224], с последствиями кризиса рабовладельческих общественных отношений. Наиболее интенсивное проявление кризиса в городе Мерве отнесено им к IV—V вв. н. э. Стратиграфическим исследованием установлено, что уже примерно с конца III в. н. э. в запустение приходит большая часть ремесленных кварталов, а также жилые и общественные сооружения в восточной, южной, центральной части города. Потрясения, видимо, были очень сильны, и город не смог после этого войти даже в пределы застройки III в. н. э. Именно с конца III в. н. э. навсегда остается пустырем большая часть северо-восточной четверти города. Примечательно, что на период запустения приходится наибольший расцвет культового не зороастрийского строительства в городе. Около буддийской ступы в IV—V в. н. э. разрастается целый комплекс, включивший сангарама. Пустырь северо-восточного угла в это же время освоен христианами под общинное здание. Сам факт сосуществова-

ния культов свидетельствует об известной веротерпимости, обычно сопутствующей периодам экономического разброда, политической слабости и военных нашествий. Поэтому недостаточно было бы объяснять это явление в Мерве и других областях Сасанидского государства политикой правительства, направленной на синкретизацию религий в целях укрепления центральной власти. Главная причина — в ослаблении внутренних основ рабовладельческого города, расстройстве его хозяйства, органах управления, известном обезлюдении, неспокойной политической обстановке. В первой половине V в. н. э. усилился натиск кочевников с севера. Сасаниду Ездегерду II пришлось постоянно держать армию на северной границе, для чего в Мервском оазисе он основал военную ставку и постоянно пребывал в ней в течение семи лет (442—449 гг. н. э.)[225]. Согласно армянским источникам, он увеличил подати в государстве для содержания армии и постройки пограничных укреплений. Возможно, какие-то строительные работы были проведены и в Мерве. Археологически зафиксированы некоторые постройки в самом городе, относящиеся к этому времени и комплексы бытовой керамической посуды, полученные в большинстве своем из мусорных свалок. Военные действия Ездегерда II против хионитов и эфталитов, поначалу успешные, окончились, однако, поражением. Борьба, ведущаяся с переменным успехом, ослабила Сасанидское государство, а Мерв, бывший ареной этих столкновений, безусловно, оказался в тяжелом положении. Однако оно, видимо, стабилизировалось во второй половине V в. н. э. после окончательного поражения сасанида Пероза (457—484 гг. н. э.) и уплаты эфталитам крупной дани. Именно в это время наступает оживление городской жизни. Стратиграфически установлены следы городской застройки в центральной, восточной, южной части города.

Кладки из зеленоватого сырца выявлены еще в ряде мест. Постепенно городская застройка разрастается и, видимо, к середине VI в. н. э. город выходит из полосы экономических и политических затруднений, внешним проявлением чего можно считать последний крупный цикл строительных работ по ремонту городских стен и цитадели, проведенный, вероятно, при Каваде и Хосрове I. Немалую роль играл в этом мероприятии политический момент: укрепить Мерв как форпост наступления на кочевников было особой заботой царской власти. Именно Хосров I вернул короне Сасанидов утраченные области и продвинул границы государства до Амударьи. Преодоление городом Мервом затруднений прослежено и на самом городище. С одной стороны, оно выразилось в увеличении обжитых площадей, с другой — в ликвидации внутри стен города культовых построек незороастрийского характера. Перестал функционировать буддийский комплекс в юго-восточном углу. Захоронив реликвии, адепты буддизма покинули ступа и сангарама и вынуждены были возвести новую постройку в восточном слабо населенном пригороде. Видимо, христианам также пришлось искать более спокойного, уединенного места вне шахристана. Возрождение города связано в основном с центральной, южной, меньше с восточной частью шахристана. Может быть в это время уже сказывались затруднения в водоснабжении восточных городских районов. Слабая изученность западной части позволяет лишь предполагать застройку и ее территории. Город возрождается, видимо, на новых социально-экономических основах. Одним из признаков изменений, происшедших в общественном строе, можно считать появление в окрестностях и в пригороде большого числа дехканских кёшков — оплотов новой земельной аристократии[226]. На самом го-

родище период V—VI вв. н. э. остается пока наименее изученным в смысле исследования архитектурных сооружений, характера и назначения застройки. Только благодаря стратиграфическому изучению, выявлены комплексы керамики и другие данные, позволяющие считать Мерв отмеченного периода городом с жилыми и административными застройками, но не содержащие информации для социально-экономической его характеристики. Судить об изменениях такого порядка можно лишь по данным, характеризующим город VII—VIII вв. Следы обживания в VI—VII вв., обнаруженные стратиграфически и по большей части на поверхности, фиксируют дальнейшее расширение обжитой территории. Хотя она и не достигла размеров античной застройки, есть основание считать, что Мерв накануне арабского завоевания пережил период несомненного подъема. Город поры завоевания и правления омейядских халифов, а также город, как место формирования сил антиомейядской оппозиции, возглавляемой Абу-Муслимом, уже фигурирует в письменных источниках. Несомненно, некоторые сведения приложимы и к городу более раннего времени. По описаниям арабоязычных авторов IX—X вв. можно представить в общих чертах облик Мерва, деление его на цитадель (кухендиз), шахристан (медина) и пригород (рабад). В шахристане сосредотачивалась жилая застройка, административные и общественные здания, базары. В центре него была отстроена арабами и первая соборная мечеть[227]. Ничего не говорится о ремесленной застройке.

Впоследствии дом правления, базары и соборная мечеть были перенесены в западный пригород на канал Разик, а затем при Абу-Муслиме отодвинуты еще дальше на запад, на Маджан[228]. В этом факте еще В. В. Бартольд усмотрел отражение постепенного оставления старого домусульманского Мерва[229]. Археологическим изучением западного рабада выявлены следы первичной застройки и культурный слой VII—VIII вв. н. э. Возможно, дома появились на этой территории еще в пору правления первых хорасанских наместников, когда, согласно Белазури, арабы применили в Мерве практикуемую ими в завоеванных городах политику выселения части жителей и захвата их домов[230]. Стратиграфическое изучение Гяур-калы подтверждает сведения письменных источников и дополняет их новыми фактами. Действительно в VII—VIII вв. в шахристане пустуют большие площади, главным образом в восточной части, которая превращена в свалку отходов ремесленного производства. Археологически зафиксировано изменение направленности застройки шахристана. Резко возрос процент ремесленной застройки, только керамисты занимали по крайней мере треть всей обжитой территории, причем в целях ремесленного производства стали использоваться даже старые городские стены, не выполнявшие больше своих функций.

Все вместе взятое подтверждает сообщение источников о переносе здминистративного центра в VIII в. из шахристана в западный пригород. Археологическим исследованием выяснено, что наряду с утратой шахристаном административных функций, шел встречный процесс превращения его территории в ремесленный рабад. Если с веками происходящее оставление Гяур-калы шло как бы по часовой стрелке, т. е. забрасывались северо-восточные районы, затем восточные и южные, то наступление ремесленного пригорода в раннем средневековье отмечено с юга на северо-восток. Несомненно, в этом явлении нашел отражение процесс дальнейшей феодализации и перестройки экономики. Выработанная веками система планировки и организации античного города не

отвечала новым требованиям изменившейся социальной градации, новому разделению труда. Кроме того, толщи культурных слоев затрудняли водоснабжение старых городских территорий.

Причины, связанные с арабским завоеванием и политикой самих арабов, лишь ускорили перемещение жилой застройки, а затем и административного центра к западу, где зародилось ядро феодального города. Бурный рост ремесленных рабадов, сопутствующий формированию феодального города, демонстрирует теперь территория бывшего шахристана. Иллюстрацию этого процесса для более позднего времени дают материалы разведочных раскопок центрального и западного районов Гяур-калы, а также гряды вдоль улицы от восточных ворот к западным.

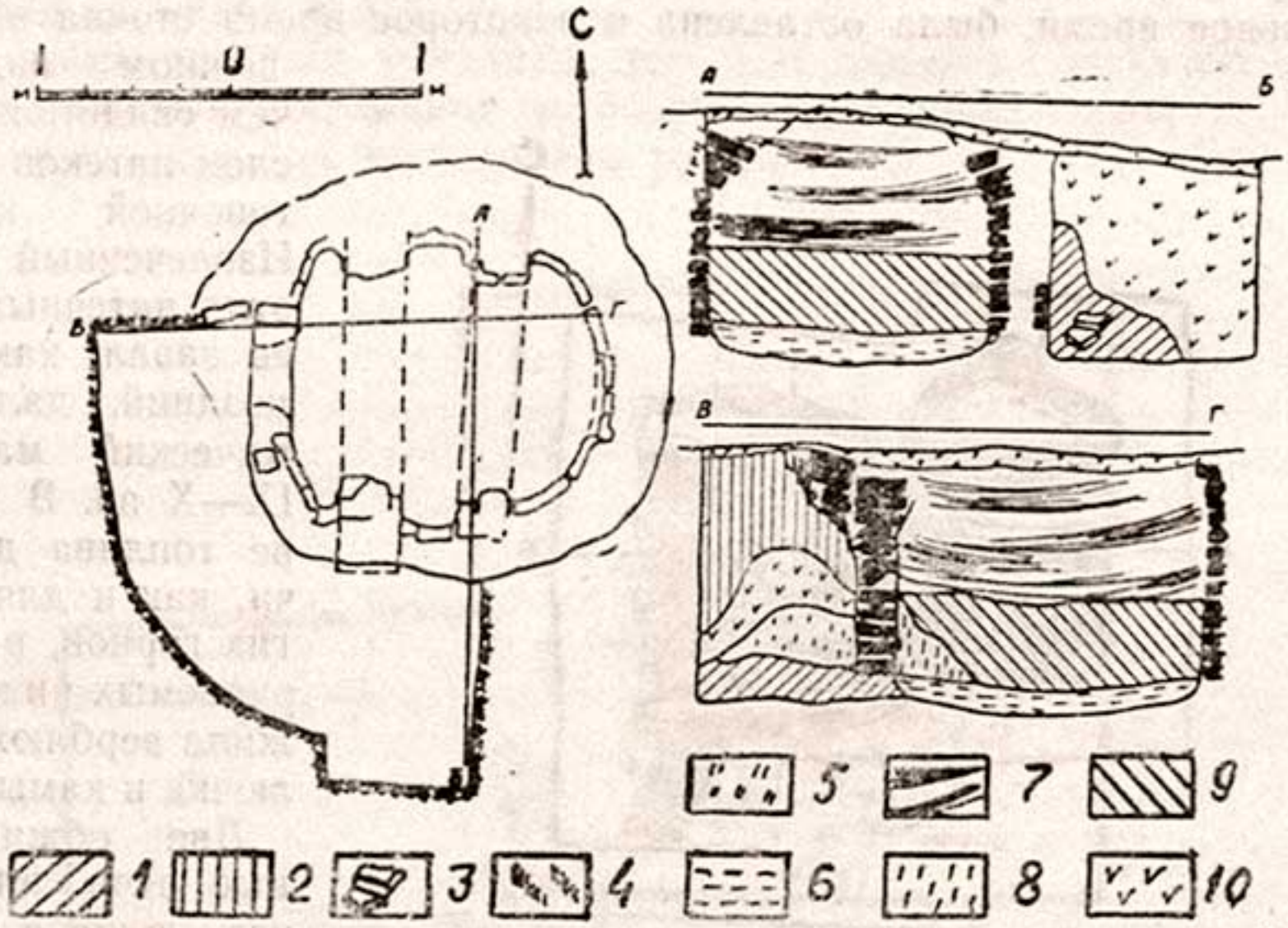

Рис. 27. Раскоп 11. План и разрезы керамической печи: *1* — плотный слой без керамики; *2* — рыхлый серый прогипсованный слой; *3* — жженый кирпич; *4* — прокаленная земля; *5* — пушонка; *6* — зола; *7* — натечный слой; *8* — зеленоватый слой с золой; *9* — завал с золой и керамикой; *10*— мусорный завал.

К вопросу о последнем периоде существования города на Гяур-кале

(стратиграфия верхних культурных слоев)

Согласно внешнему обследованию, археологические напластования IX—X вв. на поверхности занимают площадь в центре городища и всю среднюю часть вдоль древней улицы, ведущей от восточных городских ворот Синджан к западным воротам рабада. В качестве объектов раскопок на полосе вдоль древней улицы выбрано несколько обжигательных хумданов, остатки которых хорошо читаются на многих участках поверхности от восточных ворот к западным. Одна печь исследована раскопом 11, две — раскопом 16 и три — раскопом 19. Результаты их исследования одинаково ценны для понимания исторической топографии Мерва IX—X вв. и в смысле заполнения лакуны в истории керамического производства Мерва, до сих пор приходящейся на IX—первую

половину X в. Отметив, что подъемный керамический материал с объектов включал в большом количестве фрагменты сосудов с поливой типа ишкорной, что и заставило предположить здесь остатки гончарного производства IX в., перейдем непосредственно к рассмотрению устройства обжигательных горнов.

Печь раскопа 11 находится в 193 м к западу от восточной городской стены в полосе наслоений, тяготеющих к дороге от ворот (рис. 27). Сохранилась только топочная камера овального очертания (1,6×1,49 *м*) глубиной 1,34 *м*, с устьем с западной стороны и основанием трех арок, поддерживавших под утраченной обжигательной камеры. Арки выведены из сырца 30×30×8; 32×32×6 *см*³ путем выдвижения из стенки камеры кирпичей с напуском и наклоном. Печь функционировала непродолжительное время, была оставлена и некоторое время стояла в заброшенном виде, о чем свидетельствуют слои натеков внутри топочной камеры. Извлеченный из-под этих натечных слоев завал, как самый поздний, дал керамический материал IX—X вв. В качестве топлива для печи, как и для других горнов, рассматриваемых ниже, служила верблюжья колючка и камыш.

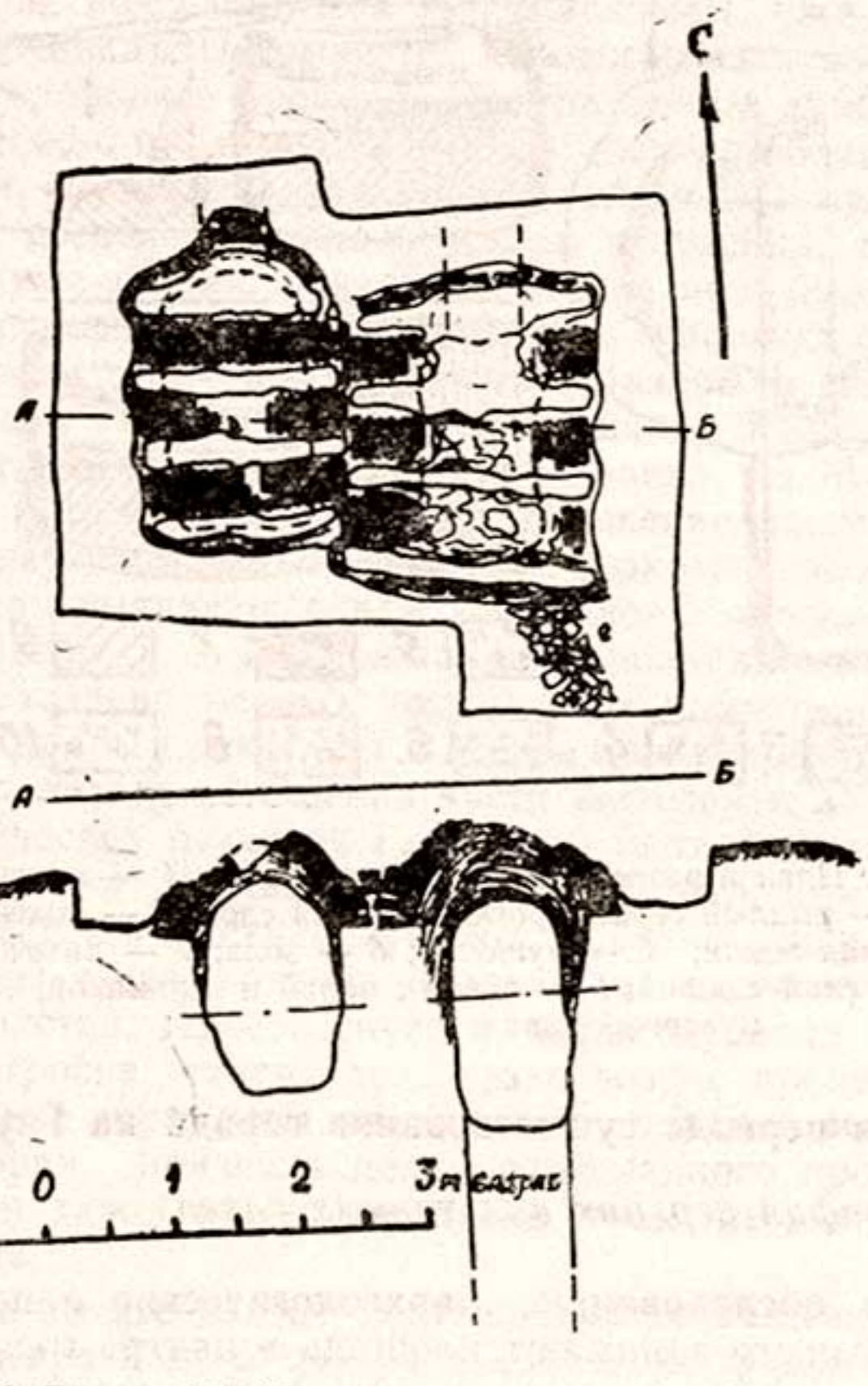

Рис. 28. Раскоп 16. План и разрез керамической печи. Снимали М. Филанович, Н. Галочкина.

Две обжигательные печи или, вернее, одна с двумя смежными топочными камерами расчищены раскопом 16 в 400 *м* к западу от восточных городских ворот севернее ведущей от них дороги (рис. 28). Обе топочные камеры имели входы, очевидно, с северной стороны. Размеры: западная камера — 2×1,05 *м*, глубина 1,65 *м*; восточная— 1,6×0,9 *м*, глубина 1,8 *м*. Если печь раскопа 11 подовального плана, то обе камеры этой печи прямоугольного. Через каждую камеру переброшено по три арки, опирающиеся на одну общую стенку в шахматном порядке. Арки выступают, как и на Р-11, прямо из стенок камер, и те и другие покрыты толстыми слоями ошлаковки (до 0,6 *м*), свидетельствующими о длительном использовании печи. Нельзя уверенно сказать имела ли печь

две обжигательные камеры или одну большую над смежными топочными. Последнее кажется более вероятным. Не случайно у мастера возник замысел соорудить две топочные камеры для одной обжигательной. Быть может, он хотел добиться увеличения размеров последней, весьма ограниченных при арочной конструкции. Видимо, предполагалось, что для двух небольших камер потребуется меньше топлива, чем для одной огромной. В конструкции арок и кладке стенок использованы те же размеры сырца, что на Р-11, то есть 30×30×8; 32×32×8 *см*. Это обстоятельство, как и арочный принцип устройства, сближает обе описанные печи. При определении нижней даты устройства печей Р-16 следует учесть одно стратиграфическое наблюдение: восточная топочная камера врезана в бадраб, из которого извлечен археологический материал IX—начала X в.

К рассмотренным хумданам, как нам кажется, тяготеют прежде всего по арочному принципу устройства и стандарта кирпича группа печей, три из которых исследованы раскопом 19 (рис. 29). Остатки их

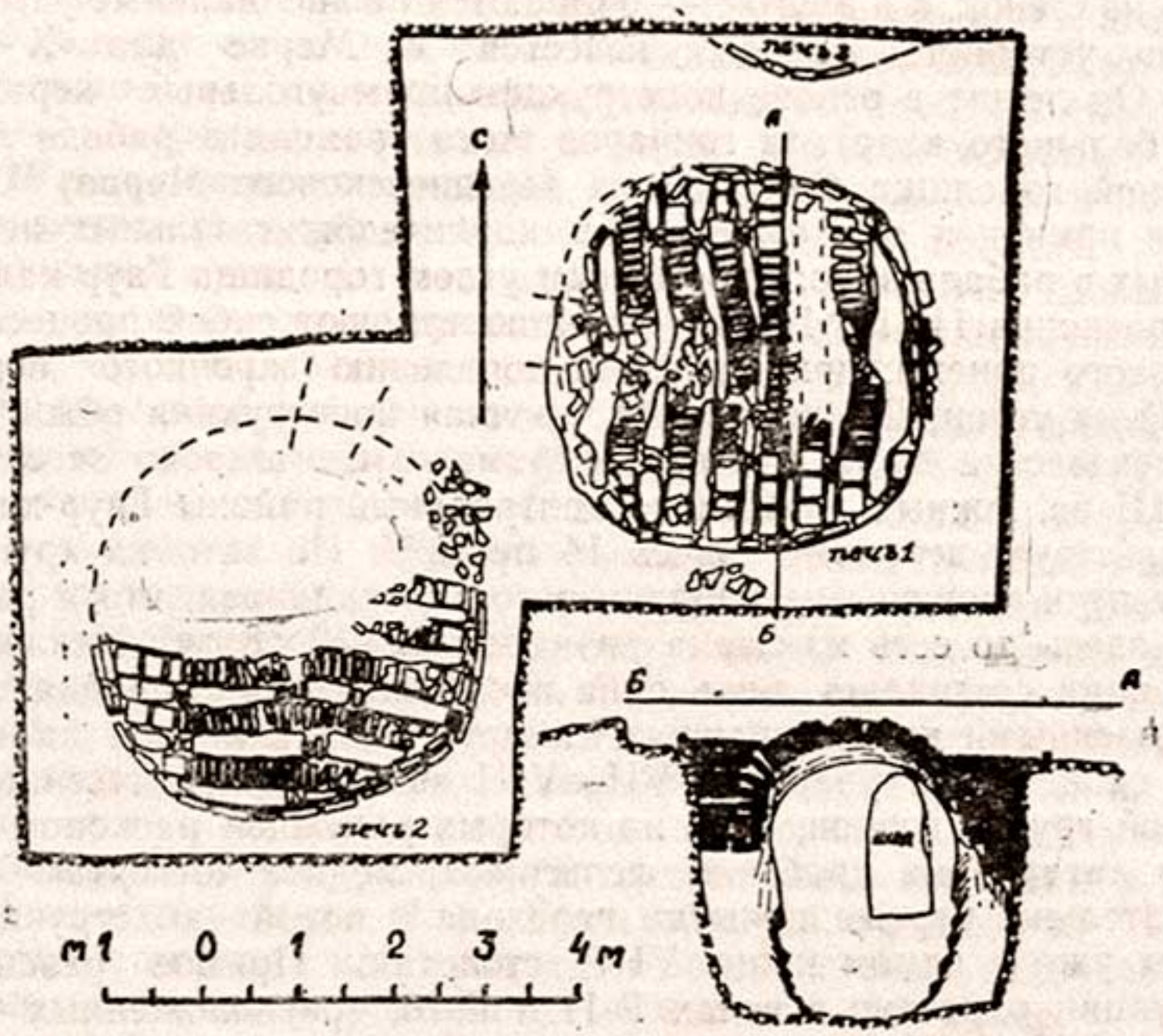

Рис. 29. Раскоп 19. Планы обжигательных печей и разрез печи № 1.
Составили М. Филанович, Н. Галочкина.

также расположены в пределах полосы культурных напластований к северу от дороги, от восточных ворот к западным, на $^1/_3$ этого расстояния от западных ворот. Оконтурены по уровню сохранившегося пода обжигательных камер три одинаковые печи. Расчищена до дна топочной одна. Прежде всего бросаются в глаза большие размеры печей, имеющих в плане квадрат с заоваленными углами. Самая маленькая

из них 3,85×3,85 *м* с глубиной топочной камеры в 2,65 *м*. Перекрытие топочной камеры и устройство пода осуществляется при помощи шести арок из сырца, отмеченных выше двух стандартов, с продухами шириной до 15 *см*. Примечательно, что арочное перекрытие покоится на устоях типа консолей, отходящих от стен (длина их от 0,65 до 1 *м*). Благодаря такому приему перекрыт большой пролет и получена обжигательная камера больших размеров к чему, видимо, и стремился древний конструктор. Увеличение объема обжигательной камеры делало печь более производительной и позволяло лучше специализировать отдельные горны на выжиге определенного типа продукции. Все три печи Р-19 расположены в целях облегчения их обслуживания таким образом, что устья всех их выходят в одно место. Перед нами, очевидно, остатки производственной мастерской, принадлежащей одному хозяину-ремесленнику.

Как явствует из описания, объединяющим печи всех раскопов моментом является их двухъярусная конструкция с арочным перекрытием топочной камеры, причем в одном случае арки выступают непосредственно из стенок, а в другом — опираются на специальные устои. Такой принцип устройства печей известен в Мерве для X — начала XIII в. Он лежит в основе конструкции прямоугольных керамических горнов большого квартала гончаров этого времени в рабаде за западной стеной городища Султан-кала (средневекового Мерва)[231]. Тот же принцип применен при сооружении кирпичеобжигательных печей, расчищенных в рабаде за юго-восточным углом городища Гяур-калы[232]. Печи же раскопов 11, 16, 19 как бы иллюстрируют собой процесс становления этого приема, приведшего к появлению арочного перекрытия с опорой на устои. Действительно, арочная конструкция обжигательных печей неизвестна была мастерам-керамистам, широко заселившим в VII—VIII вв. южный и частично центральный районы Гяур-калы, о чем свидетельствует вскрытие здесь 14 печей[233]. Но зато их круглые громоздкие печи сложены из кирпича того же стандарта, что и рассматриваемые здесь, то есть из сырца размером 32×32×8 *см*^{3}. Исключение по конструкции составляет лишь одна печь подовального плана с арками, переброшенными через топочную камеру, расположенная на самой северной оконечности квартала VII—VIII вв. в непосредственной близости к той группе горнов, один из которых расчищен раскопом 16. Печь хорошо датирована арабским фельсом последней четвертью VIII в.[234] Следовательно, первые попытки перехода к новой конструкции горна сделаны уже в самом конце VIII столетия. Прямое развитие этой конструкции отмечено в печах Р-11 и Р-16, расположенных севернее квартала VII—VIII вв. на территории, куда, видимо, он и расширился.

Привлеченная для сравнения печь из квартала VII—VIII вв. лучшей сохранности, чем горны Р-11, Р-16 и Р-19, что дает некоторое основание для воссоздания верхней камеры наших печей: перекрытие, видимо, купол, под — гладкий с продухами, соответствующими щелям между арками.

Все печи, несмотря на единый принцип устройства в основе, в деталях отличаются друг от друга. У одних арки выступают из стенок и только на Р-19 они уже опираются на устои. Устой укрепляет конструкцию, а главное, позволяет намного увеличить объем обжигательной камеры. Появление его в печах Р-19 представляется как бы последним этапом поисков новых технических решений в конструкции, которые мы имеем возможность проследить по описанным печам. Свидетельство

этих поисков — конструкция печи из квартала VII—VIII вв. и печи Р-11, в которых арки вделаны в стенку, и особенно печь Р-16, где мастер, стремясь увеличить объем обжигательной камеры, устроил две смежные топочные. Но прием этот не оправдал себя, так как толстая общая стенка камер, видимо, поглощала слишком много тепла, приводила к большому расходу топлива и затрудняла доступ равномерного жара в обжигательную камеру. Техническая мысль приняла другое направление — появляется устой, на который стали опираться арки пода. Именно в таком виде арочный принцип устройства предстает в печах Р-19 и таким он укоренился в XI — начале XIII в. как в керамических горнах, так и в предназначенных для выжига строительного кирпича. К этому же времени заставляет обратиться и второй стандарт сырца 30×30×7 *см*^{3}, примененный в наших печах, и в мастерских гончаров квартала за западной стеной Султан-калы[235]. Сырец же размером 31—32 *см* в стороне на 7—8 *см* толщины широко применялся и в строительстве IX—X вв.[236]

Исходя из данных сравнительного анализа конструкции и строительного материала и принимая во внимание некоторые стратиграфические наблюдения описанные печи, очевидно, можно отнести ко времени IX — начала X в. Для уточнения датировки обратимся к анализу керамического материала, связанного с ними. Из всех вскрытых печей только Р-16 дал скопление керамики, которое по включению в него бракованных сосудов и полуфабрикатов можно считать отвалом продукции расчищенной печи. В остальных случаях придется довольствоваться тем, что получено из нижних слоев заполнения топочных камер печей и тем, что дает сравнение с материалами IX—X вв., известными ранее. При этом заметим, что печи Р-11 и Р-16 служили, видимо, для обжига мелкой и средней бытовой посуды, а печи Р-19, судя по их большим размерам и характеру бракованной продукции, встреченной в большом количестве на месте развеянных обжигательных камер и в нижних слоях заполнения топочной, были предназначены для обжига крупных толстостенных керамических изделий типа хумов, хумчей, крупных кувшинов (куза), кобуров. Возможно, они были смешанного назначения: в них выжигали и строительный кирпич. Отметим, что устройство кирпичеобжигательных горнов в Мерве XI—XII вв. идентично печам Р-19, и отличаются они лишь квадратностью плана обжигательных камер. Температура обжига толстостенной керамики и кирпича, по-мнению специалиста Н. С. Гражданкиной, одинаковая. Однако никаких следов кирпича как продукции печей не было встречено ни в заполнении, ни на месте развеянных обжигательных камер.

Наибольший интерес представляет разбор керамики из отвала брака Р-16 (рис. 30). Вся посуда из него отличается тщательностью выделки, тонким хорошо обожженным черепком кремовато-серого или розового цвета. Выделяются формы небольшого кувшинчика с одной ручкой глазурованного и без поливы, глубокой поливной чаши, чирага, неполивного ведрообразного горшка и кухонного котла. Кувшинчики представлены широкогорлым и узкогорлым типом. Представление о первом дает сосудик с в меру округлым туловом, расширяющейся вверх горловиной, оканчивающейся прямым венчиком заостренного профиля. Четко выделен гладкий поддон, почти не превышающий по диаметру шейку горловины и потому придающий сосуду довольно стройную форму. Соблюдение этой пропорции, как и прямые верти-

кальные ручки, роднит наш тип сосудов с группой кувшинчиков из комплекса керамики VII—VIII вв., хотя склонность к приземистости, свойственной широкогорлым кувшинчикам второй половины X—XI вв. делает это родство несколько условным. Судя по фрагментам, к рассматриваемому типу относятся подобные же кувшинчики, но покрытые внутри и снаружи беловатой тусклой с зелеными блеклыми потеками поливой, потрескавшейся и ирризованной.

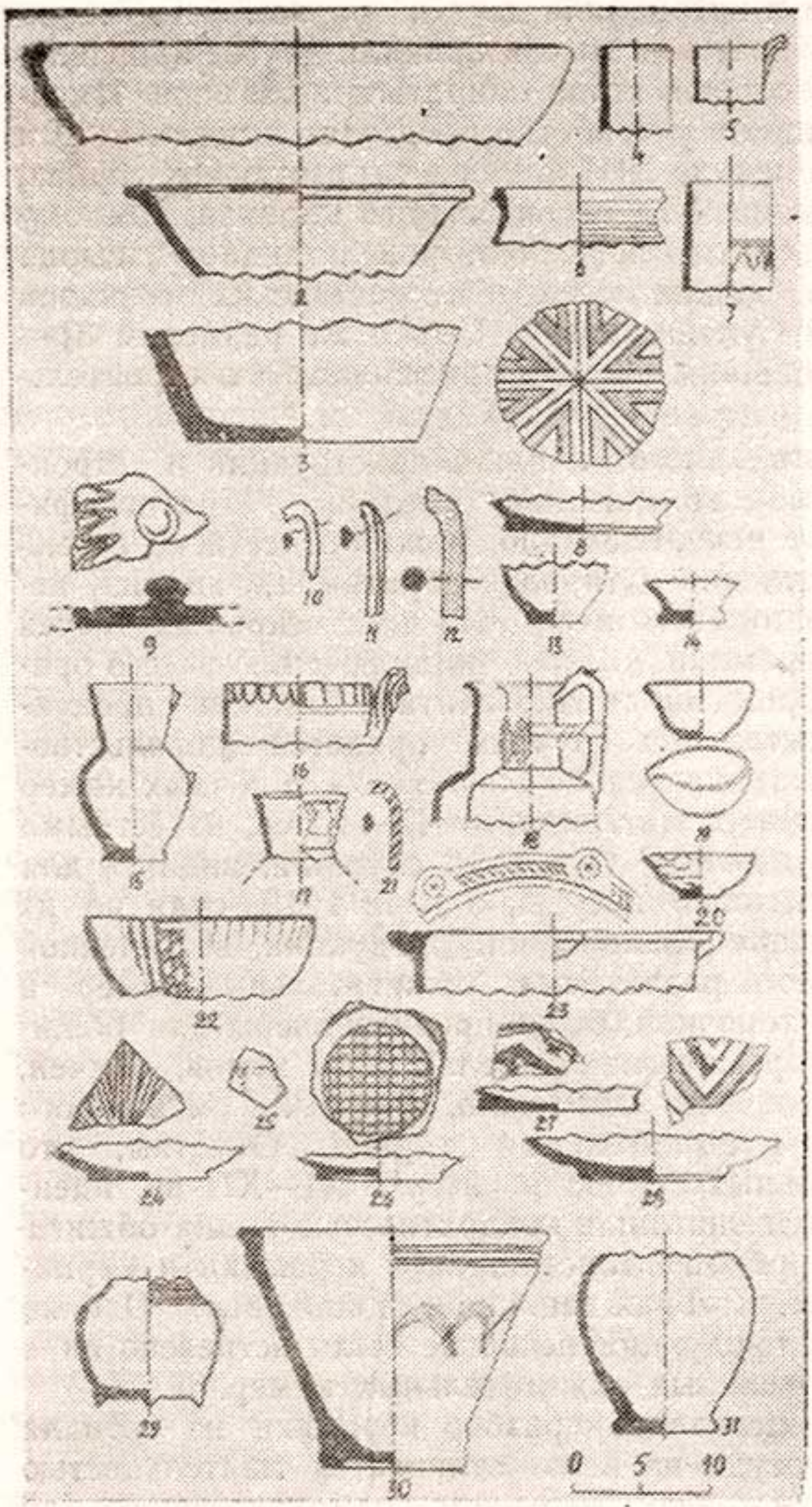

Рис. 30. Керамика IX—первой половины X в. из раскопов 11, 16, 19. Составила М. Филанович.

Выделяется фрагмент кувшина неполивного с очень широким тонкостенным горлом, венчик которого оформлен в виде фестонов, а ручка выполнена в форме витого жгута с налепом наверху. Аналогичный тип сосуда в форме ручки известен по стратиграфическим данным в материале IX в. из рабада за западной стеной Султан-калы[237]. Причем в мервской керамике более позднего времени витые ручки абсолютно отсутствуют. О типе узкогорлых кувшинов представление дает верхняя часть одного сосуда из красной глины, покрытого желтой поливой. Кувшинчик имел покатые с резким перегибом к тулову плечики, суженную кверху горловину, с резко отогнутым наружу венчиком, прямую ручку. Он прихотливо и несколько громоздко украшен глиняной лентой, охватывающей посредине ручку, перевитую жгутом и переходящей на горловину, где концы ее прижаты тремя налепами в форме листков. Кроме того, снаружи и внутри он покрыт рыхлой желтой поливой. При таком нагромождении налепного орнамента применение поливы кажется совсем лишним и представляется пробным экспериментом мастера, не раскрывшего еще до конца художественных

возможностей недавно освоенной техники. Сочетая в себе новое — поливу и старое—налепное украшение, наш сосудик был весьма неудобен в обращении и, очевидно, больше имел декоративное назначение. Отмечая в общем оригинальность сосуда, вместе с тем нельзя не увидеть в его форме ряд признаков, роднящих его с известными типами мервского материала. Типом ручки и способом украшения налепами он сходен с керамикой VII—VIII вв., но форма горловины и резкий перегиб плечиков роднит его с посудой второй половины X—XI вв. Все эти противоречивые признаки, как и несовершенная полива на прекрасно выделанном черепке, характеризуют форму керамики IX в.

Вторую по количеству группу сосудов отвала Р-16 составляют глубокие чаши на плоском поддоне с округлыми стенками. Все они покрыты внутри и по краю снаружи геометрическим орнаментом, нанесенным черной краской в виде крупной и мелкой сетки с точками, а также в виде углов и радиально расходящихся лучей. Сверху покрытие беловатой поливой с редкими зелеными и желтыми пятнами, расположенными согласно линии орнамента. Подобные чаши известны Мерву по подъемному материалу, по раскопочным данным и распространены не ранее IX в. и не позднее начала XI в.[238] В отвале встречен единственный фрагмент чаши с такого же типа поливой, но с орнаментом, выполненным сине-зеленой краской. Также единичным фрагментом представлена форма блюда на кольцевом поддоне. Примечательно полное отсутствие ее в мервском материале VII—VIII вв. и незначительное распространение в материале второй половины X—XI вв[239]. Присутствие этой формы в отвале Р-16, возможно, указывает на время появления ее в ассортименте посуды мервских гончаров. Не лишне вспомнить наблюдение М. М. Пещеревой, связывающей начало распространения формы блюда в Средней Азии с началом применения глазурного покрытия керамики, имевшим место в IX в.[240]

В третью группу сосудов отвала Р-16 следует выделить форму тонкостенного чирага с глубоким резервуаром и слегка отогнутым носиком без ручки, покрытого поливой ишкорного типа. Встречено много фрагментов чираг, подготовленных под поливу, имеющих снаружи и внутри охристое покрытие и геометрический орнамент черного цвета. В цепи развития типа мервского чирага описанная форма выступает как переходное звено от мелких плошек-светильников с едва намеченным носиком, известных еще парфяно-сасанидской эпохе, и толстостенного чирага без ручек VII—VIII вв. к политому зеленой и коричневой глазурью чирага с петельной ручкой второй половины X—начала XI в.

Из сосудов, подготовленных под поливу, были встречены полуфабрикаты пиал и кувшинчиков. Все они покрыты внутри и снаружи оранжевого цвета краской, по которой нанесен черный геометрический орнамент, причем черными и оранжевыми полосками покрывались даже ручки кувшинчиков. Все это сочетание красок после вторичного обжига, очевидно, и придавало сосудам облик, отличающий керамику, расцвеченную желтыми пятнами, точками и штрихами в сочетании с черным орнаментом. Впервые полученные из производственного отвала полуфабрикаты этой посуды проливают свет на технику ее изготовления и прочно связывают этот тип керамики с типом печи, ее обжигавшей.

Кухонную керамику в отвале представляет оригинальный тип круглодонного котла хорошей выделки с темно-коричневым ангобом. Такая стенка котла переходит в перпендикулярно посаженный на нее широкий плоский венчик с процарапанным геометрическим орнаментом. Через равные расстояния венчик имеет округлые выступы для опоры о стенку очага. Очень близкий нашему тип керамических котлов автору приходилось встречать в материалах Афрасиаба X—XI вв.

Среди керамики отвала заслуживает внимания форма крупного ведрообразного сосуда с прочерченным орнаментом в виде тройных дуг. Близкие ей сосуды встречены в комплексе VII—VIII вв., но больше всего она тяготеет к материалам второй половины X—XI вв.

Таким образом, некоторое сравнение керамических форм отвала Р-16 с изученным мервским материалом показывает, что перед нами, несомненно, комплекс посуды, употреблявшейся в определенный хронологический период. Имея в своем составе ряд форм, тяготеющих к керамике квартала гончаров VII—VIII вв., но гораздо лучшей выделки, и ряд форм, близких материалам печей второй половины X—XI вв. из рабада средневекового Мерва, выявленный комплекс представляется переходным от одного периода к другому. Существенным моментом отличия материала Р-16 от первого периода служит появление в нем поливы, а от второго периода применение только поливы ишкорного типа грязновато-белой с зелеными и желтыми пятнами и потеками, с черным геометрическим орнаментом под ней, а также чистой лимонно-желтой.

Прибегая в тексте к термину «ишкорного типа полива», мы употребляем его в условном значении.

Образцы глазурей с Р-16 были переданы на анализ специалисту-технологу Н. С. Гражданкиной. По ее заключению, только одна из глазурей содержала щелочь с включением калия. Все остальные были свинцово-оловянными. Таким образом, большинство глазурей не поташного (ишкорного) происхождения.

Исследование желтой рассыпающейся глазури на кувшинчике с налепами, имеющей вид сухого ангоба, показало, что твердость ее необычайно низкая и может происходить от недостаточной температуры обжига при дефектах технологического процесса. Глазурь относится к типу свинцово-оловянной. В качестве красителя применено железо (0,6%). При анализе группы фрагментов, покрытых глазурью белыми и зеленоватыми расплывчатыми полосами, выяснилось, что белая полива также свинцово-оловянного происхождения, а зеленая — щелочно-свинцово-оловянная с медным красителем. Щелочи содержат калий и натрий. Глазурь плохо проварена, просматриваются частицы исходных материалов.

На керамических фрагментах с черной, желтой и красной доглазурной росписью без ангоба (полуфабрикаты) и покрытых поливой с зелеными и желтыми пятнами оказались применены краски типа охры и сажи, свинцовая и свинцово-оловянная глазури с медным красителем. Анализы установили факт использования керамистами Мерва в IX в. самого различного сырья для составления глазурей и частые дефекты технологического процесса при их приготовлении. Очевидно, сам процесс еще не был полностью разработан, мастера только искали удовлетворительные рецепты.

Керамика с подобного типа поливой и орнаментом зарегистрирована археологически не только в Хорасане, но и во многих областях

Средней Азии: Согде, Балхе, Хорезме и др. Но если в Балхе преобладала в IX—X вв. керамика с голубовато-зеленым расплывчатым декором на белом фоне[241], в Кобадиане[242], и в особенности в Согде[243], она же только подчас с черными контурами декора распространена была с конца VIII в., а затем в IX в. сосуществовала с той, что идентична самой массовой керамике отвала Р-16, то для Мерва, видимо, можно говорить о распространении всех этих типов посуды в одно время. Только керамика с зеленоватым точечным и расплывчатым орнаментом, нетипичная и для подъемного материала Мерва, получила здесь, очевидно, слабое распространение. Предпочтение отдавалось посуде с черным орнаментом, расцвеченным зелеными и желтыми вставками. Ближе всего она стоит к керамике Нисы IX—X вв.[244], керамике Серахса[245], Хосров-калы[246], датированной А. А. Марущенко XI—XII вв. Больше всего общих черт поливная керамика отвала Р-16 обнаруживает с определенной группой гончарной продукции Хорезма, представленной в основном чашами, покрытыми мутной, расплывчатой глазурью лимонно-желтой, зеленоватой и фиолетовой росписью, датированной Н. Н. Вактурской концом IX в., правда, с оговоркой, что керамика предшествующего периода изучена слабо[247]. Неишкорного типа глазурь на посуде с черным орнаментом (трехцветная) известна в керамике Афрасиаба в первой половине IX в., позднее она сменилась ишкорной[248]. Однако состав афрасиабской ранней глазури отличается от мервской почти постоянным присутствием щелочи. Судя по стратиграфии печи Р-16, в Мерве керамика со свинцово-оловянной глазурью и орнаментом, нанесенным прямо на черепок, продолжала бытовать еще и в первой половине X в.

Таким образом, исходя из стратиграфического изучения на Гяур-кале и привлекая данные сравнительного порядка из других мест Средней Азии, керамику с беловатой поливой и черным орнаментом, с зелеными и желтыми вкраплениями, лучше всего представленную в отвале Р-16, можно отнести ко времени IX в.— первой половине X в.

Отнесение этого типа посуды А. А. Марущенко к XI—XII вв. стратиграфическими наблюдениями на Гяур-кале, как и на другом мервском городище Султан-кале, не подтверждается.

Керамический материал из-под слоя натеков в печи Р-11 перекликается с отвалом Р-16, дополняя его несколькими формами. К группе кувшинчиков можно добавить несколько новых профилей донец с волнистым процарапанным орнаментом по краю; сосуществуют витые и гладкие ручки. Добавляется форма тагары с венчиком либо загнутым внутрь, либо отогнутым наружу. Подобные чаши отмечены в материале IX в .при стратиграфическом исследовании керамических отвалов за западной стеной средневекового Мерва. Следует отметить меньший процент поливной керамики по сравнению с отвалом Р-16.

Сравнительный анализ керамического материала приводит к следующим выводам:

1. Перед нами, несомненно, комплекс керамики — комплекс, бытовавший в определенный период времени, а именно в IX — первой половине X в. В нем наряду с ему только присущими формами существуют пережиточные формы VII—VIII вв. и те, что получают широкое распространение во второй половине X — начале XI в.

2. Начало IX в. — время появления и перехода к массовому использованию мервскими гончарами глазурного покрытия керамики. Это время изготовления здесь посуды со свинцово-оловянной поливой

грязно-беловатого цвета с черным орнаментом, в меньшей степени посуды с зеленовато-голубым четким или расплывчатым орнаментом.

3. Датировка печей, расчищенных Р-11 и Р-16, может быть сужена до IX — первой половины X в., причем печь Р-11 оказалась заброшенной раньше, чем печь Р-16. Мастерская же Р-19, возможно, функционировала еще в середине или во второй половине X в.

4. Впервые керамика IX — первой половины X в., тип которой был известен и ранее для Мерва, оказалась связанной с типом печи, ее обжигавшей, а именно — с двухъярусной арочной конструкцией IX в.—время перехода к этому новому принципу устройства, единому для керамического и кирпичеобжигательного горна.

Итак, в стратиграфической колонке, отражающей историю развития гончарного производства Старого Мерва, оказывается заполненной одна из немногочисленных уже теперь лакун, приходящаяся на IX — первую половину X в. Это как раз период, когда в результате технических исканий рождается наиболее выгодная конструкция обжигательного горна — арочная с опорой на выступ, и происходит большое качественное изменение в продукции этого ремесла: осуществляется переход к глазурному покрытию посуды, приему, который станет основным в орнаментике керамических изделий последующих веков. Исследование печей, отличающихся друг от друга в деталях конструкции, но имеющих в основе единый принцип устройства и относящихся к одному периоду, с одной стороны, показывает, что IX — первая половина X в. было временем живой технической мысли, и, с другой, как бы иллюстрирует на конкретном примере ее эволюцию. Безусловно, рассмотренные конкретные качественные изменения в одном из видов ремесла подготовлены развивающимися отношениями молодой феодальной формации, несколько задержанными политическими событиями арабского завоевания, но в IX в. бывшими опять в расцвете, что выразилось в общем подъеме производительных сил в сельском хозяйстве и в отмечаемом повсеместно росте городского ремесла вообще, а также в увеличении размеров и роли ремесленных рабадов в экономической жизни городов[249].

Рассмотренные печи — это лишь небольшая часть хозяйства мастеров-посудников IX — первой половины X в. Полоса вдоль дороги от восточных ворот города к западным больше чем на половину покрыта остатками керамического производства, в микрорельефе хорошо читаются следы печей и выступающие арки сводов. Это, видимо, следы целого квартала гончаров IX — первой половины X в. Квартал вырос на заброшенной городской территории. Топографически он воспринимается как дальнейшее расширение на север квартала VII—VIII вв. Расположение ремесленных кварталов на площадях городской застройки, с одной стороны, подтверждает представление о сокращении роли города на территории Гяур-калы как административного центра и перемещение его на запад, на канал Маджан. Этот вывод, сделанный по результатам работ ЮТАКЭ и данных письменных источников М. Е. Массоном для периода VII—VIII в., полностью подтверждается фактами, установленными для IX — первой половины X в. С другой стороны, расположение указанных кварталов, показывая повышение роли ремесла в экономике города, иллюстрирует и такое положение, когда ремесленный рабад, разрастаясь, наступает на территории прежнего шахристана по мере их запустения. В начале IX в. Мерв имел важное хозяйственное и политическое значение в жизни Хорасана, яв-

ляясь даже некоторое время, как известно, местом пребывания халифа Мамуна[250]. Потеря городом роли политического центра с перенесением столицы Абдаллахом-ибн-Тахиром в Нишапур не сразу сказалась на его экономическом развитии. Во всяком случае, исходя из рассмотрения хозяйств керамистов IX — первой половины X в., мы должны отметить несомненный подъем этого ремесла. О развитии и роли ремесел в Мерве можно судить и по косвенному свидетельству Ал-Истахри, посетившего город в 930 г., о том, что обособленность разных ремесленников на базарах Мерва превосходит прочие города Хорасана[251]. Здесь содержится указание не только на разнообразие и специализацию ремесла Мерва, но, очевидно, и на разделение ремесленников по производству топографически. Установленный археологически квартал гончаров, располагавшийся на площади старого шахристана, составлял примерно одну треть его части, обжитой в то время. Слои с остатками жилищ этого времени, как видно из стратиграфии шурфа № 2, занимали некоторую площадь в центре городища. Кроме того, в центре городища раскопами 7 и 10 исследован комплекс построек, свидетельствующий о характере обживания. В 1950 г. при археолого-топографической съемке Гяур-калы М. Е. Массоном был отмечен невысокий холм в центре городища, который был им же сопоставлен с местом первой соборной мечети Мерва (рис. 31). В 1958 г. здесь был начат раскоп на широкой площади (Р-7).

Согласно сообщению Макдиси, посетившего Мерв в конце X в., мечеть, находящаяся в центре старого города (медины), в старину была соборной[252]. По Ал-Истахри, она построена в начале ислама. Когда же число мусульман увеличилось, была возведена новая, известная под названием «Старой мечети», у городских ворот. Соборные молитвы в прежней были оставлены и она известна под названием «мечети Бени Махан». Третья же мечеть была построена, по преданию, Абу-Муслимом на канале Маджан[253].

Раскопки на холме в центре городища на широкой площади выявили интересную стратиграфическую картину чередования мелкой застройки и архитектурных комплексов общественного назначения, действительно связанных с мечетью.

Как отмечалось выше, здесь на слоях VI—VII вв. зафиксированы остатки стен и круглоуглового минарета (диаметром 5,8 *м*) из сырца 32×34×6—7 *см*³; 34×?×8 *см*³; 35×?×9 *см*³. Подобный размер сырца широко применялся в строительстве Мерва VII—VIII вв. Постройка ориентирована почти точно на запад-восток и, возможно, в основе своей и принадлежала первой соборной мечети, построенной из пахсы и сырца. Облицовка минарета жженым кирпичом, как считает производитель работ, относится к поздним ремонтам не раньше IX в.[254] Об этом позволяют судить монетные находки и керамика с белой непрозрачной глазурью и расплывчатым бирюзовым орнаментом, аналогичная встреченной в отвале печи Р-16, вблизи расположенного квартала гончаров. Остатки этой постройки расчищены в юго-восточной части раскопа, северо-западнее был установлен факт ее разрушения и в перекрывающем горизонте раскопан целый комплекс небольших помещений жилого и хозяйственного назначения, построенных из сырцового и жженого кирпича. Размеры жженых кирпичей 16×16×3 *см*³; 22×22×4 *см*³; 28×28×5 *см*³ и сырцовых — 30×30×6,5×7 *см*³ уводят в область мервского строительства X—XI вв. Кладки находят одна на другую, но в общем выделяется не менее трех ремонтных этапов и по

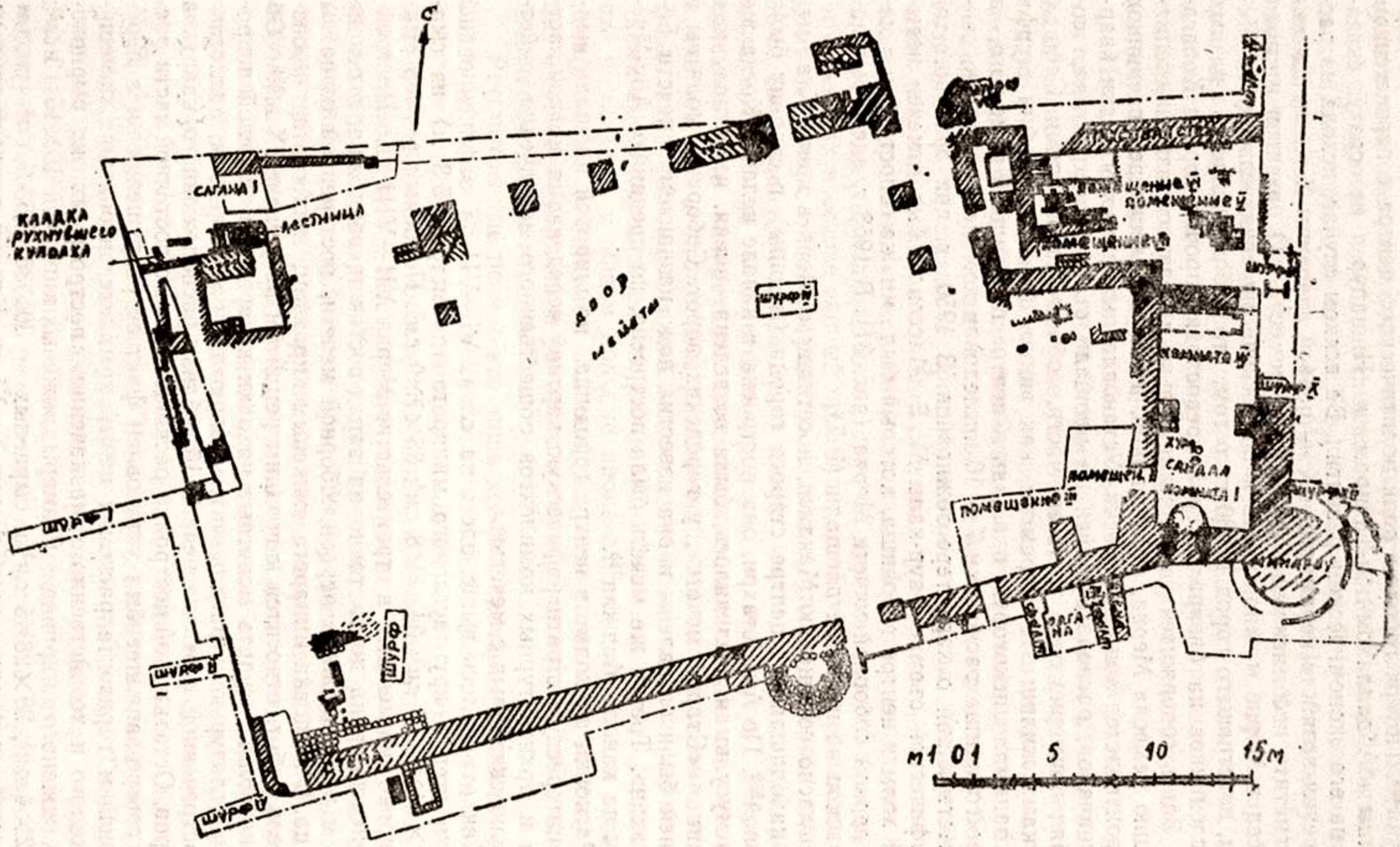

Рис. 31. Раскоп 7. Общий план мечети сельджукидского времени. Снимал У. Алимов.

нескольку уровней полов. Существование этих помещений датировано монетами и керамикой. В частности, монета конца X в. обнаружена над первым уровнем пола[255] в помещении № 1. По верхнему же горизонту раскопа расчищена прямоугольного очертания постройка, судя по плану, принадлежавшая явно мечети. В основе планировки лежала дворовая композиция с обводной галереей и выделенной михрабной частью[256]. Главная ось ориентирована точно на кыблу и несколько отклонена от оси первоначальной постройки. Двор, вытянутый по главной оси на 22,3 *м*, окружен сводчатой либо купольной галереей, державшейся на одном ряде прямоугольных и квадратных устоев (1,15×1,15 *м*) и открытой внутрь двора. Вдоль западной стены шла крытая часть, отделенная от остального двора рядом квадратных устоев, соединенных попарно стенками из поставленных на ребро крупных жженых кирпичей. Внутри этой части обнаружен еще ряд, состоящий из прямоугольного в середине и круглых по бокам устоев[257]. Один из круглых устоев (диаметром 1,04 *м*) обложен фигурными подточенными кирпичиками. Прямоугольный же был украшен по всем углам трехчетвертными колоннами, покрытыми резным штуком. Стволы двух сохранившихся колонн разделялись на ярусы полосами резного штука, содержащими орнамент различных мотивов. Один сохранил надпись, прочитанную М. Е. Массоном: «Из того, что сделал Абу-л-Касим Мухаммед»[258]. В комплекс мечети входили также подсобные и жилые помещения, сосредоточенные в восточной части. Многие из них сохранились от предшествующей зданию мечети мелкой застройки, только были подремонтированы. В комнатах расчищен очаг округлого плана. В двух помещениях обнаружено специальное устройство, включающее кобур и резервуар с вогнутым дном (размером 1,5×1,5 *м*), которое можно принять за приспособление для ритуальных омовений.

Помещения X в., попавшие в контур двора мечети, были при строительстве ее снесены и разровнены.

В юго-восточной части мечети стоял минарет, существовавший уже в IX в. Он, видимо, просто ремонтировался, т. к. вокруг ствола встречено много фигурных кирпичиков из его облицовки. Главный вход во двор — в южной стене, в подсобные помещения проникали через восточный айван. Вход во двор оформлен двумя полукруглыми башнями, из которых сохранилась одна. На время возникновения и функционирования мечети указывает ряд факторов. Сам планировочный принцип — двор с галереей и подчеркнутой михрабной частью, широкое употребление фигурных кирпичиков, а также резного штука — характерные признаки культового зодчества Хорасана XI—XII вв.[259] Встреченные при раскопках жженые кирпичи форматов 19—20×19—20×3,5—4 *см*; 22—23×22—23×4—5 *см*; 30×30×4 *см*; 30×30×8 *см*; 37×37×5 *см* часто встречаются в Мерве в постройках X — начала XIII в.

Во дворе мечети, особенно в хозяйственных помещениях, добыто много керамики во фрагментированном состоянии. Тем не менее подбираются формы: например, хум с венчиком, слегка загнутым вовнутрь. Этот тип обнаружен в других раскопах Мерва и датирован XI—XII вв.[260]

Форма хумчи диаметром от 24 до 32 *см*, с резко отогнутым краем, также известна в керамическом материале Мерва X—XII вв. Особенно примечательны фрагменты сероглиняной посуды со штампованным ор-

наментом, изученной в квартале гончаров XII — начале XIII в. за западной стеной Султан-калы[261]. Монетные находки на объекте сделаны в основном также в восточных подсобных помещениях. Среди явно перемещенных монет сасанидских, арабских отношение к периоду функционирования помещений и мечети имеет лишь одна — чекана сельджукида Мелик-Санджара (1118—1157 гг.). Вся сумма добытых фактов свидетельствует о функционировании мечети в XI—XII вв. Сведений об этой мечети в письменных источниках не содержится. Небольшая по размерам она, возможно, служила тому небольшому числу граждан, которые жили еще на территории медины. Вполне возможно, что она, как считает М. Е. Массон, носила мемориальный характер и была построена в честь места свершения первого намаза.

Раскоп 7 показал, что эта мечеть была заброшена и на ее территории постепенно сложилось кладбище в основном с богатыми «сагана». Вскрыто несколько «сагана» во дворе, вдоль северного фаса мечети. Сложены они из жженого кирпича и перекрыты сводом. Возможно, здесь появилось и несколько мавзолеев. В пользу этого предложения свидетельствуют находки элементов букв от надписи почерком насх, распространенным в архитектурном декоре мавзолеев в середине XII — начале XIII в.[262] Фрагменты керамики, найденные в завалах и самом верхнем слое, принадлежат сосудам, распространенным в Мерве в XII — первой половине XIII в. Видимо, кладбище, начавшее складываться здесь с конца XII в., действовало во время прихода монгол. При кладбище функционировали и некоторые из старых помещений, а также построена была специальная комната во дворе разрушенной мечети близ третьего устоя галереи северной стороны.

Таким образом, стратиграфический раскоп 7 показал, что обживание небольшого участка в центре Гяур-калы можно протянуть вплоть до первой четверти XIII в., но оно носило специфичные черты и ни в коей мере не отражает состояние городской жизни на Гяур-кале. Кладбище и относящиеся к нему постройки вполне могли действовать на территории заброшенного города.

Некоторые дополнения и уточнения в вопрос об окончательном запустении центральной части старой медины вносит раскоп 10, заложенный в 15 *м* к востоку от раскопа 7 (рис. 32). Здесь в верхнем слое вскрыты строительные остатки трех периодов[263]. От самого раннего сохранился дом прямоугольного плана с углубленными нишами в каждой из четырех стен. На север от него, частично уходя под основание стен, сохранились еще более ранние кладки из кирпича-маломерки (17×17×4—5 *см*), распространенного в Мерве к IX в. Толщина стен здания с крестообразной внутренней планировкой не выяснена, кроме южной стены, ширина которой 1 *м*. В кладке применен сырец зеленоватого цвета размером 30×?×9 *см*^{3}; 30×32×9 *см*^{3}. Сопроводительный керамический материал, вынутый из завалов на полу, состоит из фрагментов неполивной и глазурованной посуды (рис. 33). Неполивная посуда преимущественно серого цвета. Встречены формы кувшинов, тагора и особенно примечательна хумча с волнистым процарапанным орнаментом. Глазурованная керамика представлена в основном чашами полусферического очертания с орнаментом и поливой, аналогичной материалу отвала Р-16. Это чаши с черной геометричной росписью, расцвеченной желтыми пятнами под мутноватой поливой, а также сосуды желтой поливы. Вместе с ними обнаружена керамика с непро-

зрачной зеленой и мраморовидной поливой, характерной в Мерве для X—XII вв., как установлено при изучении квартала керамистов этого времени.

Рис. 32. Раскоп 10. Общий вид с запада.

На основе анализа размеров строительного кирпича и керамического материала возведение здания с крестообразным планом и запустение его можно отнести к X в. Таким образом, здание по времени примыкает к мелкой жилой застройке, возникшей на месте первой соборной мечети, отличаясь от нее только бóльшей монументальностью.

Второй период связан с частичными забутовками здания сырцом 32—33×32—38×7,5—9 *см*³ и возведением стенок, перегородивших внутреннее пространство на ряд помещений. Шире, чем в первом периоде, применен жженый кирпич. Встречены стандарты: 20×20×4 *см*³; 22×22×3,5 *см*³; 23—24×23—24×5—6 *см*³. Такие стандарты характерны для строительства Туркмении XI—XII вв.[264] Главный вход в здание расположен в западном фасе.

В керамическом материале с полов и из завалов в помещениях преобладает поливная посуда с процарапанным подглазурным орнаментом, «мраморовидная» и с зеленой поливой. Неполивная керамика представлена в основном тонкостенными сосудами с плоским поддоном серого цвета хорошей отмучки. Самая распространенная форма—кувшины, некоторые с подквадратным профилем, есть узкогорлые, украшенные процарапанным орнаментом, типичные для мервской керамики XI в. Не менее распространена форма тагора или большой миски. Встреченные в слое монеты — ранние, попавшие сюда в строительной массе. Одну монету М. Е. Массон по некоторым косвен-

ным признакам отнес к чекану сельджукидов XI в. Из других находок, проливающих некоторый свет на род занятий обитателей дома, можно отметить две медные чашки весов с дырочками для подвешивания (д—14 *см*).

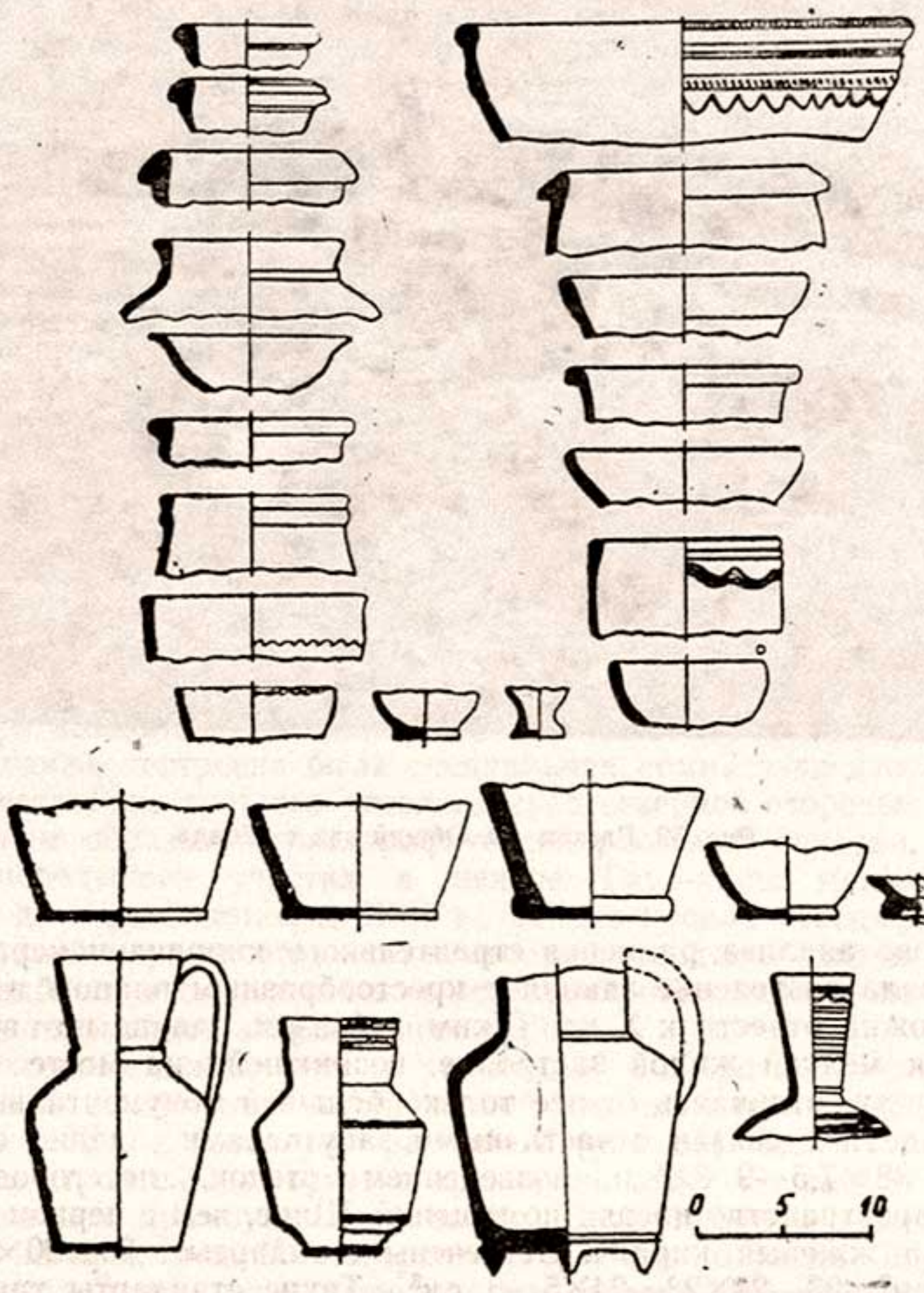

Рис. 33. Неполивная керамика IX—X вв. из раскопа 10. Составил Т. Ходжаниязов.

Таким образом, второй этап существования дома, видимо, можно отнести к XI—XII вв.— времени, когда рядом строится и функционирует новая мечеть. На раскопе выявлен и последний период обживаний центрального участка Гяур-калы. В 0,5 *м* от современной дневной поверхности расчищены полы помещений, стены которых не сохранились. В полы врыты по два хума яйцевидной и почти конической формы. Весь материал с этого уровня укладывается в хронологические рамки, ограниченные началом XIII в., что дает основание относить

прекращение жизни здесь с приходом монгольских завоевателей. Возможно, строения, возникшие уже на руинах дома XI—XII вв. и отделенные от него значительным промежутком времени, связаны со сложившимся на месте мечети кладбищем, когда были обитаемы и дома в восточной части самого комплекса мечети.

Из всех рассмотренных материалов раскопов в центральной части городища и вдоль дороги от восточных ворот явствует, что только эта территория довольно плотно заселялась в IX—X вв.

Квартал керамистов-посудников вдоль дороги постепенно приходит в запустение на протяжении второй половины X в., причем раньше всего были оставлены хозяйства в восточном его конце, что, видимо, связано с прекращением поступления воды в эту часть городища. Восточные хозяйства квартала могли получать воду от канала Асади ал-Хорасани, который, судя по сообщениям Ал-Истахри и Макдиси, должен был проходить через восточный рабад. Он снабжал водой кварталы Баб-Санджан и Бени-Махан (у Макдиси—Мирмахан)[265]. Эти кварталы, очевидно, примыкали со стороны рабада к воротам Синджан, но не исключено, что какой-то из них был и на территории медины. Не случайно первая соборная мечеть в центре медины после постройки новой у западных ворот стала именоваться мечетью Бени-Махан и, возможно, примыкала к территории этого квартала. Заброс жилищ, расположенных в медине, в восточном конце полосы вдоль дороги может свидетельствовать об изменении водного режима канала Асади, что должно косвенно указывать и на снижение роли восточного рабада. Центр тяжести всего ремесленного производства, видимо, окончательно переносится в западный рабад, тяготеющий к городу на Султан-кале.

Хозяйства керамистов в западном конце полосы вдоль дороги (раскоп 19) функционировали до конца X в. Заброс квартала к концу X в., установленный археологически, вполне соответствует сообщению Макдиси о запустении старой медины к этому времени. По его словам, немногочисленные жилища располагались лишь вокруг здания бывшей соборной мечети[266].

Как видно из описания раскопов, дома располагались к востоку от мечети, но главное то, что само здание мечети не сохранилось за исключением минарета. Мелкая застройка заняла участок мечети и, как полагает М. Е. Массон, прибывшему в конце X в. в Мерв Макдиси, было показано лишь место свершения первой соборной молитвы.

Отмечая общее обезлюдение Мерва, Макдиси, между прочим, так говорит о рабаде: «Треть рабада разрушена, точно древний город, жилища обветшали, жители дали крышам упасть». Видимо, речь идет о восточном рабаде, орошавшемся каналом Асади. В медине же, по его словам, основные постройки и маленький базар располагались близ западных ворот. В рельефе у этих ворот четко прослеживается небольшая впадина, возможно, след базарной площади.

Наибольшая мощь культурных наслоений в этой части городища к югу и северу от ворот, а также характер подъемного материала, в котором среди обилия керамики IX—X вв. встречались фрагменты XII и даже XIII вв., позволяли угадывать здесь территории позднее всего обжитые, с оставлением которых городская жизнь в медине замерла навсегда Здесь была проведена стратиграфическая разведка, в основном верхних слоев.

Почти вся поверхность западной части городища покрыта отвалами различных производств. Выделяются скопления керамических шлаков, золы, кусков оплавившихся стенок печей, а также отходов металлических производств. В нескольких местах в естественных разрезах заметны следы вымосток полов из жженого кирпича размером 20—22×20—22×3,5—5 *см*³. Из того же кирпича выложен свод и стенки поглотительного колодца, обнаженного выветриванием в верхнем слое вблизи ворот. В качестве объектов шурфования выбраны два наиболее насыщенных скопления железных и медных шлаков, железных криц и оплавленных тиглей, отмеченные при археолого-топографической съемке 1951 г. М. Е. Массоном. Раскопом 17 в четырех пунктах исследовано скопление к югу от дороги между восточными и западными воротами площадью 50×60 см² (рис. 34). Шурфики распола-

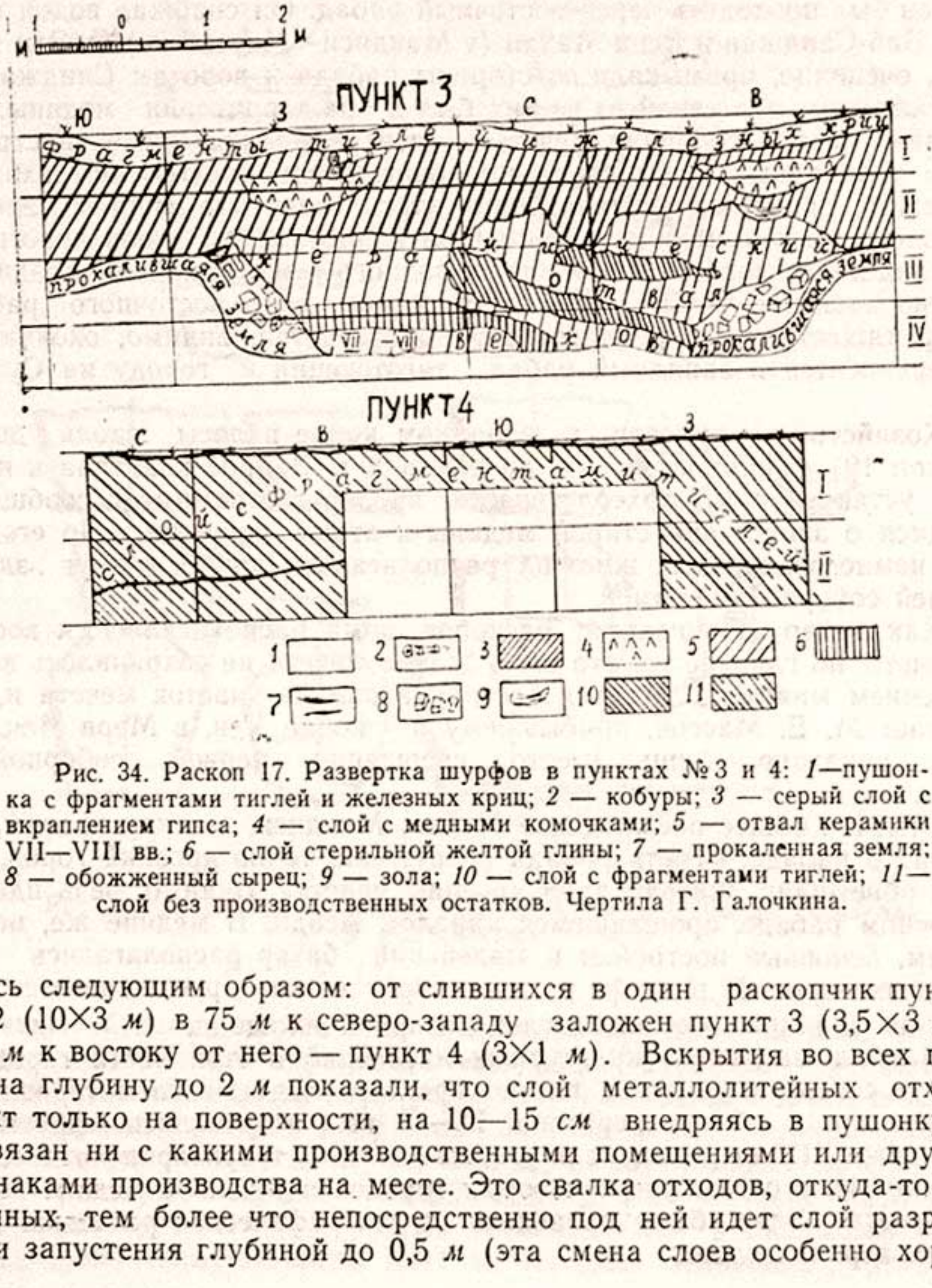

Рис. 34. Раскоп 17. Развертка шурфов в пунктах №3 и 4: *1*—пушонка с фрагментами тиглей и железных криц; *2* — кобуры; *3* — серый слой с вкраплением гипса; *4* — слой с медными комочками; *5* — отвал керамики VII—VIII вв.; *6* — слой стерильной желтой глины; *7* — прокаленная земля; *8* — обожженный сырец; *9* — зола; *10* — слой с фрагментами тиглей; *11*— слой без производственных остатков. Чертила Г. Галочкина.

гались следующим образом: от слившихся в один раскопчик пунктов 1 и 2 (10×3 *м*) в 75 *м* к северо-западу заложен пункт 3 (3,5×3 *м*) и в 43 *м* к востоку от него — пункт 4 (3×1 *м*). Вскрытия во всех пунктах на глубину до 2 *м* показали, что слой металлолитейных отходов лежит только на поверхности, на 10—15 *см* внедряясь в пушонку, и не связан ни с какими производственными помещениями или другими признаками производства на месте. Это свалка отходов, откуда-то привезенных, тем более что непосредственно под ней идет слой разрушения и запустения глубиной до 0,5 *м* (эта смена слоев особенно хорошо

видна в пунктах 1 и 2). Далее в пунктах 1 и 2 ниже слоя запустения имеются следы помещения последнего периода застройки на этом участке городища в виде остатков кирпичной вымостки пола и небольшого очага. Здесь применен жженый кирпич 20×20×3 *см*³; 22×22×4 *см*³; 45×24×? *см*³ тех же в основном стандартов, что и кирпич обнаруженного в этой же части городища поглотительного колодца и других строительных остатков, выступающих на поверхности и в разрезах верхних слоев в овражках. Судя по стандартам кирпича, на интересующем нас участке городища строительные работы осуществлялись в последний раз в конце X в., когда, как показали исследования в Хорасане, жженый кирпич становится крупнее по сравнению с предшествующим IX в. и достигает в стороне 29 *см,* или, скорее в XI в., для которого характерна многоформатность, а сама кирпичная плитка вырабатывалась более толстой от 4 до 6 *см*[267]. В пункте 3 к этому периоду следует отнести жилой слой с остатками водоотвода в три звена (длина кобура 0,48 *м,* диаметры — 10 и 4,5 *см),* примерно датируемого X—XII вв. На 0,6 *м* ниже уровня верхней вымостки в пунктах 1 и 2 расчищена на площади более 8 *м*² еще одна выстилка пола и остатки северной сырцовой стены помещения. Жженый кирпич пола размерами 17×17×2,5—3 *см*³; 17×17×3,5 *см*³; 19—29×2,5—3 *см*³, 22×22×3,5 *см*³, вошедший в употребление в IX—X вв., как-то указывает на датировку вскрытых остатков и примерно определяет последний период обживания данного участка IX—X вв. Хронологически выявить период IX—X вв. в пункте 3 не удалось, хотя стратиграфически выделяется почти метровый слой серой прогипсованной земли с вкраплением линз, заполненных зелеными медными комочками, возможно, остатками ремесла, связанного с обработкой меди. Непосредственно под этим слоем по всей площади шурфика пункта 3 до дна идет метровый слой отвала керамической печи с бракованной посудой, а в южной части шурфа прокаленная плотная глиняная масса, возможно, указывает на наличие рядом и самой печи. Весь керамический материал идентичен продукции квартала гончаров VII—VIII вв., занимающего южную часть Гяур-калы.

О характере обживания западной части Гяур-калы на участке Р-17 можно сделать некоторые выводы:

1. Если обнаружение слоя производственного отвала гончара VII—VIII вв. и не свидетельствует о протяженности так далеко на запад единого квартала, то во всяком случае дает основание говорить о наличии здесь в то время ремесла. Широкое распространение в шахристане только одного вида ремесла во время, политически столь неблагоприятное, подчеркивает наличие в нем больших пустующих площадей. Это подтверждает лишний раз положение, когда по мере утраты городом административного значения шел встречный процесс заселения его ремесленниками.

2. Обнаружение остатков жилого дома IX—X вв. указывает на обживание западной части Гяур-калы в то же время, что и ее центра и полосы вдоль дороги, от восточных ворот к западным. Только в отличие от последней, где жизнь замерла навсегда в конце X в., западные территории продолжали заселяться.

3. Последнее строительство на участке Р-17 осуществлялось в XI или даже в начале XII в., причем постройки этого времени возводились на руинах старых стен и слое запустения. Жизнь как бы воссоздалась вновь после некоторого упадка с тем, чтобы вскоре оконча-

тельно замереть. Заброшенные же здания успели основательно разрушиться и слой разрушения очень сильно развеяться, прежде чем территория стала использоваться под свалку ремесленных отходов.

Раскопом 18 исследовано скопление отходов железоделательного и меднолитейного производства в северо-западной части городища (рис. 35). Три пункта раскопа, расположенные следующим образом:

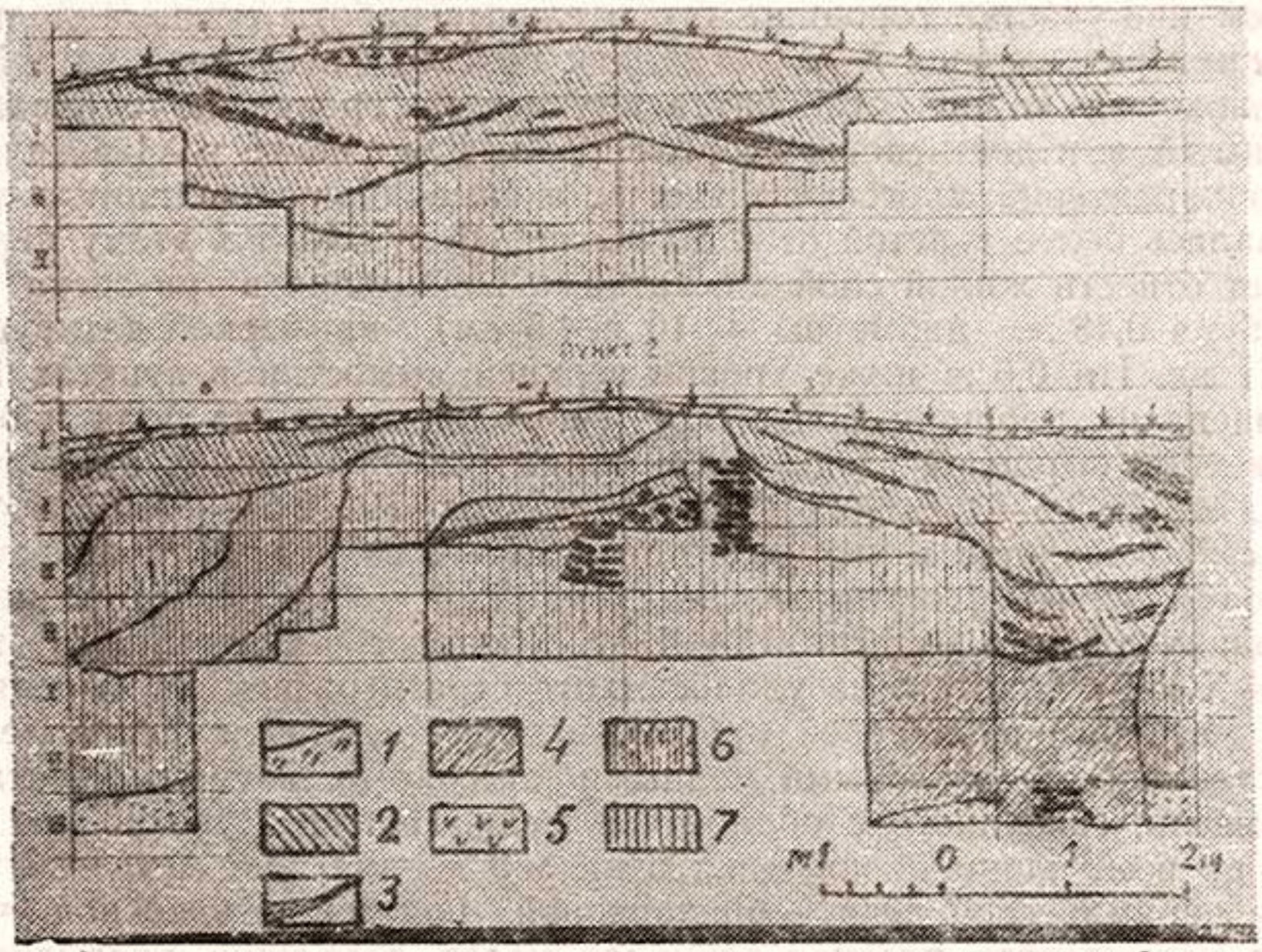

Рис. 35. Раскоп 18. Развертка шурфов: *1* — слой с фрагментами тиглей и железных криц; *2* — свалка с золой и керамикой конца X — начала XII в.; *3* — зольная прослойка; *4* — мусорная яма; *5* — зеленоватый слой с золой; *6* — слой плотной прогипсованной глины; *7* — плотный коричневатый слой. Составили М. Филанович, Н. Галочкина.

пункт 1 (шурф 3×1,5 *м*) в 120 *м* к северо-западу от пункта 2 (шурф 3×1,5 *м*) и в 30 *м* к северо-востоку от пункта 3 (шурф 1,7×1 *м*), прорезали культурные наслоения на глубину от 1 до 3,5 *м*. Шурфы дали ту же картину, что и раскоп 17: слой с отходами металлического производства лежит на поверхности и только в пункте 3 углублен на 0,5 *м*. В пункте 1 и 2 крицы и фрагменты тиглей лежат непосредственно на метровом слое отвала битой керамики, золы и кусков кирпича, отходов гончарного производства, а в шурфике пункта 3 — на продолжавшемся до дна слое плотной коричневой массы с гипсовыми включениями. На том же слое с гипсовыми включениями лежит отвал битой керамики в пункте 1. В пункте 2 под этот отвал занята яма или, вероятнее, пустующее и полуразрушенное помещение последней застройки на этом участке. Прощупывается его южная сырцовая стена. На уровне пола накопился строительный завал с кусками жженого кирпича 24×24×4—5; 17×17×4 *см*^{3} как результат пребывания поме-

щения некоторое время в заброшенном состоянии, прежде чем оно оказалось заполненным полутораметровым отвалом. Ниже пола до дна шурфа продолжалась мусорная яма с заполнением типа строительного завала (размеры жженого кирпича из нее 21×21×3,5 *см*³; 27×27×5 *см*³; 30×?×5 *см*³).

При отсутствии монетных данных богатый набор керамических форм из отвала и размеры жженого кирпича остаются пока единственными датирующими факторами. Формы сосудов отвала обоих пунктов идентичны и в общем включают все основные типы керамики комплексов второй половины X—XI в., стратиграфически выделенных при изучении квартала керамистов за западной стеной городища Султан-кала. Принимая во внимание проделанное уже по линии ЮТАКЭ исследование керамики этого периода, ограничимся лишь кратким перечнем встреченных типов посуды (рис. 36). Из ведущих форм поливной керамики выделяется чаша со слегка загнутым внутрь или прямым венчиком, с резким изломом стенки вблизи плоского поддона. Такой же формы пиалы. Тарелки же — с резким перегибом посередине бортика. Эту посуду украшает либо процарапанный орнамент под желто-зелено-белой («мраморовидной») поливой, либо прорисованный черной, коричневой, красноватой и белой красками эпиграфический, растительный и зооморфный орнаменты. В последнем выделяется выполненное темно-коричневой краской изображение птицы, украшающее чашу в сочетании со стилизованной куфической надписью.

Следует отметить также кувшины широкогорлые и узкогорлые, горшки, покрытые темно-зеленой поливой, чираги желтой и зеленой поливы. Из неполивной керамики выделяются тонкостенные кувшины с богатым процарапанным орнаментом, а также кувшины с подквадратным в разрезе туловом, известные также в мервской керамике XII в.[268]

Итак, свалка металлолитейных отходов в северо-западной четверти Гяур-калы, сама не датированная, скрывала отвалы брака керамического производства конца X — первой половины XII в. Видимо, рядом располагались и обжигательные печи, обнаружить которые по рельефу, нарушенному поздней свалкой, невозможно. Судя по стратиграфии пункта 2, в отмеченный период времени укладывается и помещение, позже разрушенное, и гончарный отвал, занявший это помещение. Весь массив культурных напластований, в пределах которого заложены три шурфа раскопа 18, по поверхности усеян битым жженым кирпичом и керамикой X—XII вв. Это единственный участок Гяур-калы, где слои идут вровень с гребнем городской стены, находя на нее. Зачистки в нескольких местах подтвердили датировку последнего обживания этого участка XI—XII вв. Так, в 80 *м* к северо-востоку от западных городских ворот был «оживлен» обрыв промоины; в полученном стратиграфическом разрезе верхнего слоя обнажились два уровня пола и сырцовая стена комнаты. Верхний уровень на глубине 0,75 *м* от поверхности отмечен жженными кирпичами размером 27,5×27,5×4 *см*³. На полу обнаружен очажок шириной 0,2 *м*, сложенный из жженых кирпичей. Ниже на 0,3 *м* прослежены остатки выстилки второго уровня пола из кирпича 25,5×25,5×3,5 *см*³. Встреченная керамика, в том числе целый кувшин, по типу примыкает к комплексу посуды конца X—XI вв.

Период конца X — первой половины XII в. был временем последнего заселения северо-западной четверти Гяур-калы. Обживалась не-

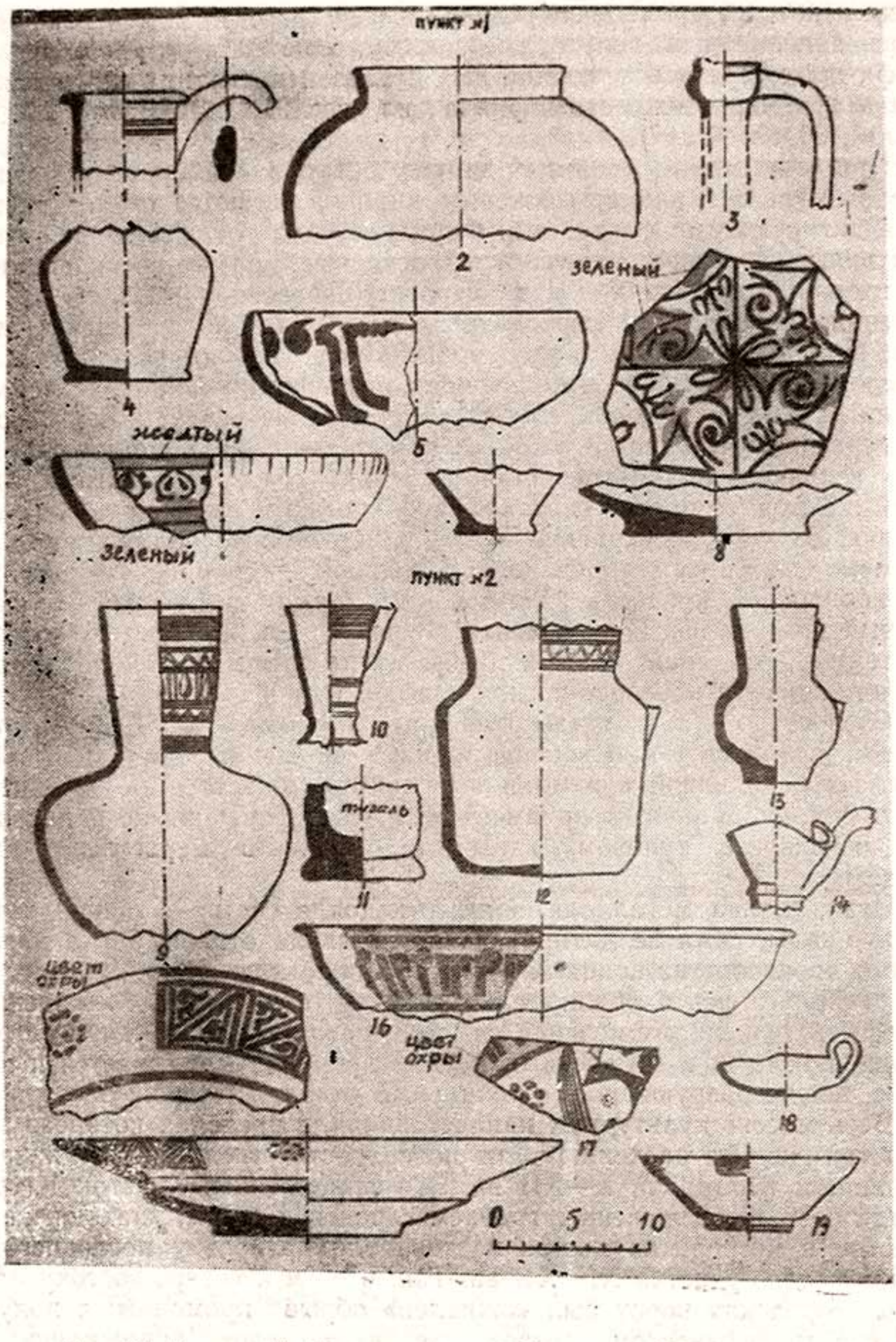

Рис. 36. Раскоп 18. Керамика конца X—начала XII в. из верхнего слоя. Составила М. Филанович.

большая площадь. Немалую роль в характере обживания занимало гончарное производство. В плане передвижения с веками этого ремесла по территории городища, северо-восточную четверть можно рассматривать как конечный пункт. Территория снабжалась водой из се-

верного отвода канала Разик, видимо, посредством подъемных устройств, ибо поступать самотеком на столь огромную высоту, на которой располагались постройки, вода не могла. Наверху она, очевидно, растекалась и хранилась в хаузах, как и в X в., о чем свидетельствует Ал-Макдиси[269].

Археологические исследования на центральной полосе наслоений и в западной части Гяур-калы позволяют представить в общих чертах динамику развития городской жизни на ее территории, начиная с IX в. и кончая временем последнего заселения. В описании Мерва первой половины X в., оставленном Ал-Истахри, содержатся сведения о сравнительной величине кухендиза (старой цитадели) и медины. В его время кухендиз, который был уже разрушен и использовался под бахчи, равнялся по величине городу[270]. Безусловно, сравнение приблизительное, но речь идет об обжитой части старого города и отсюда можно заключить, как она была невелика, что допускала такое сравнение. Как видно из археологического исследования, узкая полоса вдоль поперечной дороги, участок в центре и вблизи западных ворот медины, обжитые в IX — первой половины X в., действительно составляют ничтожную часть гордища и невольно подтверждают возможность сопоставления с цитаделью (Эрк-калой), занимающей 20 гектаров. Остальная же площадь старого города была заброшена, частично использовалась под свалку, отдельные участки служили местом погребения. Значительная часть обжитой территории была занята хозяйствами гончаров. Старый город утратил полностью административные функции и если в источниках еще и продолжает именоваться мединой, то по социальному составу населения и роду его занятий он, скорее, часть торгово-ремесленного рабада. Город, где сосредотачивались административные учреждения, соборная мечеть, дом правления сложился из западного пригорода на канале Маджан (городище Султан-кала). Постройка стен, имевшая место при султане Мелик-шахе (1072—1092 гг.), окончательно превратила этот пригород в город[271]. Вокруг этого нового города начинают складываться в свою очередь рабады. После того высокого положения, которого достиг Мерв в начале IX в., будучи одно время местопребыванием халифа Мамуна и фактической столицей халифата, значение города как политического центра во второй половине IX—X в. снижается. Видимо, несколько пошатнулось и его экономическое положение. Косвенным указанием этого служит постепенный заброс во второй половине X в. хозяйств квартала керамистов вдоль дороги. С забросом квартала сокращается общая площадь занятия ремеслом, а центр тяжести ремесленного производства переносится в рабад, складывающийся к западу от нового города на Султан-кале. Как установлено археологически, именно на вторую половину X в. приходится начало интенсивной работы гончарных мастерских этого рабада. Слои же, определенно связанные с гончарством, зафиксированы здесь и для первой половины X в[272]. Снижение экономического потенциала города, видимо, связано с дальнейшим развитием феодальных отношений, с усилением феодальных усобиц и классовой борьбы, столь характерными для всего государства Саманидов последних десятилетий правления династии. В конце X в. запустение, отмеченное Макдиси для Мерва, было присуще и другим центрам, весь Хорасан пришел в состояние хозяйственного упадка[273].

Период запустения в конце X—начале XI в. отмечен повсеместно на Гяур-кале, за исключением центрального участка, где на

месте древней мечети и вблизи его существовали обитаемые постройки.

Новый подъем феодального Мерва, наступивший в период вхождения его в султанат Сельджукидов, связан главным образом с городом на Султан-кале. Ставший с 1040 г. столицей государства город окружается оборонительными стенами, в северо-восточном углу выделяется цитадель — Шахрияр-арк[274]. Особенно большое строительство ведется при Мелик-шахе и Санджаре. XI — начало XII в. оказался также временем последнего взлета строительных работ в пустующей старой медине. Новое здание возводится в центре (Р-10), на пустыре в юго-западной части возникают постройки (Р-17), северо-западная четверть заселяется, видимо, гончарами, в центре отстраивается мечеть. Зенита в своем развитии достигает Мерв при султане Санджаре (1117—1158 гг.). Город на Султан-кале с резиденцией султана, соборной мечетью, домами знати и богатыми базарами не вмещал всего накала городской жизни. Рабад, видимо, вновь расширяется на прежнюю территорию в Гяур-кале и занимает ее западную часть, куда еще подавалась вода из Разика. За счет этого позднего обживания и накопился здесь культурный слой, так что в общем напластования оказались выше вала древней городской стены и перехлестнули через него. В центре старой медины на месте свершения первой соборной молитвы строится мечеть, прекрасно украшенная в стиле своего времени резным штуком и фигурными кирпичами. Она предназначалась для небольшого числа молящихся жителей старого города. При мечети существовали подсобные постройки и жилища шейхов.

Окончательное запустение шахристана наступило, по данным археологии, со второй половины XII в. Вывод этот подтверждает представление В. А. Жуковского и В. В. Бартольда, высказанное ими на основе анализа письменных источников (Сам'ани). Это был период, когда внутренние причины распада государства Сельджукидов, усиление феодальной раздробленности и эксплуатации стали особенно остро проявляться и в его политическом положении. Напряженная борьба с кочевниками-гузами, которую на протяжении 30 лет вел султан Санджар, окончилась полной неудачей. Возможно, решающим толчком в разрушении старого шахристана от времени и ветра послужили события 1153 г., когда восставшие гузы дважды грабили столицу султана[275]. Разрушения, разграбления материальных ценностей, истребление населения задержали на время экономическое развитие всего Мерва.

Показателем обезлюдения старого шахристана служит и то, что во второй половине XII в. перестала функционировать его мечеть. Несмотря на отсутствие прямых указаний источников на ее существование, из них все же можно почерпнуть некоторые данные косвенного порядка о ее разрушении. В. А. Жуковский приводит выдержку из одного варианта парижского кодекса комментариев к текстам Ибн-Хаукаля. В комментарии указывается, что в 1184 г. цитадель в Мерве была разрушена. Речь, видимо, идет о городе вообще. Важно другое. Далее сообщается, что в Мерве нет неповрежденной соборной мечети, кроме той, которую Абу-Муслим построил на Маджане. Старики якобы только ту и считали за соборную, прочие же—разрушены[276]. Опираясь на данные археологии, теперь можно за этим словом «прочие» видеть и мечеть в Гяур-кале, занесенную в число поврежденных. В ее пределах начали хоронить горожан, состояние которых позволяло им приобщиться к святости места совершения первого намаза.

Кладбище с подсобными помещениями действовало и в начале XIII в. Пустующие же территории шахристана стали служить местом погребения и раньше. Небольшое кладбище сложилось на отдельном стоящем бугре близ южных ворот, подобные захоронения обнаружены и на древних стенах. Обращение руин древнего города в мусульманское кладбище — явление общеизвестное, к сожалению, определить точную дату погребений в разных частях городища затруднительно из-за отсутствия четко датирующих материалов.

С прекращением во второй половине XII в. жизни в старой мединe ее территория постепенно превращается в свалку. Сюда, главным образом в западную часть, свозятся отходы различных ремесел как из города на Султан-кале, так, видимо, и с Абдуллахан-калы — города XIV—XV вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. Спб., 1894, стр. 14.
2. Бартольд В. В. К истории Мерва. Соч., т. 4. М., 1966, стр. 177.
3. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 96.
4. Ал-Факих. МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 151.
5. Ал-Истахри. МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 172.
6. Квинт Курций Руф. История походов Александра Македонского. М., 1963, стр. 291.
7. Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949, стр. 15.
8. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, М.—Л., 1959.
9. Массон М. Е. Цит. соч., стр. 93.
10. Страбон. География. М., 1964, стр. 487.
11. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 14.
12. Бартольд В. В. Цит. соч., стр. 175.
13. Ал-Истахри. МИТТ, т. 1, стр. 172.
14. Бартольд В. В. Цит. соч., стр. 180.
15. Там же, стр. 179.
16. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 115.
17. Бартольд В. В. Цит. соч., стр. 191.
18. O'Donovan E. Merv. London, 1883, p. 232.
19. Там же, стр. 238.
20. Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1905, p. 398—401.
21. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 109.
22. Там же, стр. 193.
23. Бартольд В. В. Explorations in Turkestan (1905). Соч., т. 4. М., 1966, стр. 141, 151.
24. Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Washington, 1905, p. 55—56.
25. Там же, 1908, p. 187.
26. Там же, стр. 192.
27. Там же, стр. 192, 214—216.
28. Там же, стр. 196.
29. Там же, стр. 226.
30. Массон М. Е. Новые данные..., стр. 90.
31. Бартольд В. В. Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. Соч., т. 4. М., 1966, стр. 279.
32. Бартольд В. В. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. Соч., т. 4. М., 1966, стр. 283.
33. Массон М. Е. К изучению прошлого Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад, 1963, стр. 11.
34. Пиотровский Б. Б. Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949.
35. Там же, стр. 40.

36. Альхамова З. А. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. 2. Ашхабад, 1953, стр. 411.
37. Сарианиди В. И. Дневник по работам в Гяур-кале Старого Мерва в 1950 г. Архив ЮТАКЭ, 1950.
38. Пугаченкова Г. А. Дневник 1953. Архив ЮТАКЭ, 1953.
39. Массон М. Е. К изучению...., стр. 97.
40. Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала. Труды ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад, 1963, стр. 164.
41. Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы. Труды ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад, 1963, стр. 155, 157.
42. Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 174.
43. Ташходжаев Ш. С. Разрез городской стены Гяур-калы. Труды ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад, 1963, стр. 95.
44. Массон М. Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г. «Изв. АН ТССР», сер. общ. наук, 1963, № 3, стр. 51.
45. Усманова З. И. Дневник 1953 года по вскрытию шурфа № 3 в проеме северных городских ворот Гяур-калы. Архив ЮТАКЭ, 1953.
46. Массон М. Е. К изучению..., стр. 39.
47. Там же, стр. 41, 48.
48. Кацурис К., Буряков Ю. Цит. соч., стр. 119, 122, рис. 3.
49. Там же, стр. 123, рис. 4.
50. Герцман Н. Стратиграфический шурф на территории Гяур-кала. Архив ЮТАКЭ, 1954, стр. 15.
51. Массон В. М. Цит. соч., стр. 92.
52. Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 45, рис. 1.
53. Усманова З. И. Эрк-кала. Труды ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад, 1963, стр. 66.
54. Массон В. М. Цит. соч., стр. 46—47, рис. 12.
55. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 98. рис. 44.
56. Усманова З. И. Раскопки мастерской...., стр. 188.
57. Шишкина Г. В. Дневник 1951 года по работам в шурфе № 1 на Гяур-кале. Архив ЮТАКЭ, 1951.
58. Усманова З. И. Эрк-кала..., стр. 31.
59. Устное сообщение З. И. Усмановой.
60. Марущенко А. А. Старый Серахс. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. 2. Ашхабад, 1956, стр. 175.
61. Там же, стр. 196.
62. Марущенко А. А. Хосров-кала. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. 2. Ашхабад, 1956, стр. 126
63. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 77—78.
64. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода Труды ХАЭЭ, т. 4. М., 1954, стр. 68, 69.
65. Воробьева М. Г. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. Полевые исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг. М., 1959, стр. 76.
66. Там же, стр. 78.
67. Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. Материалы ХАЭЭ, вып. 6. М., 1963, стр. 174, 179, 199.
68. Толстов С. П. По древним дельтам..., стр. 95.
69. Филанович М. И. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе. В сб.: «Афрасиаб I». Ташкент, 1969, стр. 209.
70. Ранов В. А., Салтовская Е. Д. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. В сб.: «Археологические работы в Таджикистане», вып. 7. Душанбе, 1961, стр. 122—124.
71. Кабанов С. К. Ареал и эволюция двух древних керамических форм. СА, 1964, № 3, стр. 81, рис. 4.
72. Шишкина Г. В. Древний Самарканд в свете изучения стратиграфии западных районов Афрасиаба. Канд. дис. Ташкент, 1968, стр. 63.
73. Забелина Н. Н. Раскопки на городище Калаи-Мир. Труды Таджикской археологической экспедиции, т. 2. МИА, вып. 37. М.—Л., 1953, стр. 295; Дьяко-

нов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) в 1950—1951 гг. МИА вып. 37. М.—Л., 1953, стр. 245.
74. Массон В. М. Цит. соч., стр. 57.
75. Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 32, рис. 11.
76. Gardin I. Ceramiques de Bactres. MDAFA, v. XV, Paris, 1957, p. 44—45, 93.
77. Массон В. М. Цит. соч., стр. 91—92.
78. Там же, стр. 92.
79. Усманова З. И. Эрк-кала..., стр. 30.
80. Ташходжаев Ш. С. Цит. соч., стр. 99.
81. Там же, стр. 101.
82. Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. Труды ЮТАКЭ, т. 5. Ашхабад, 1955, стр. 24, 25.
83. История Туркменской ССР, т. 1, кн. 1. Ашхабад, 1957, стр. 81.
84. Массон М. Е. Новые данные..., стр. 93; Вязигин С. А. Стена Антиохи Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 260.
85. Эллинистическая техника. Сб. статей. М.—Л., 1948, стр. 161.
86. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958 стр. 36.
87. Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-Шах. КСИИМК, вып. 64. М.—Л., 1956, стр. 80.
88. Кабанов С. К изучению стратиграфии городища Афрасиаб. СА, 1969, № 1, стр. 187.
89. Ташходжаев Ш. С. Цит. соч., стр. 104.
90. Толстов С. П. Древний Хорезм, стр. 90.
91. Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э. М., 1967, стр. 294.
92. Воронина В. Л. Из истории среднеазиатской фортификации СА, 1964, № 2, стр. 51.
93. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 40.
94. Рутковская Л. М. Цит. соч., стр. 47—50.
95. Усманова З. И. Эрк-кала..., стр. 48.
96. Массон М. Е. О северо-восточных пределах Парфянского государства. КСИИМК, вып. 38. М.—Л., стр. 148.
97. Все определения монет из раскопов Гяур-калы сделаны М. Е. Массоном.
98. Кошеленко Г. А., Усманова З. И. К истории городских укреплений древнего Мерва. «Изв. АН ТССР», сер. общ. наук, 1964, № 1. стр. 36.
99. Федоров М. Н. Сасанидская крепостная стена городища Гяур-кала в Старом Мерве. Архив ЮТАКЭ, 1959, стр. 8.
100. Там же, стр. 10.
101. Шперк В. Ф. История фортификации, т. 1. М., 1948, стр. 143.
102. Воронина В. Л. Цит. соч., стр. 51.
103. Le Berre M. et Schlumberger D. Observations sur les remparts de Bactres. MDAFA, v. XIX. Paris, 1964, p. 74.
104. Там же, стр. 38
105. Op cit., fig. 19.
106. Кабанов С. К. Изучение стратиграфии.., стр. 186.
107. Усманова З. И. Эрк-кала.., стр. 46.
108. Пигулевская Н. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 160.
109. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 44.
110. Там же, стр. 45—51.
111. Кацурис К., Буряков Ю. Цит. соч., стр. 150.
112. Подробное исследование античных ядер из Мерва в работе Усмановой З. И. Керамические ядра из Мерва. Труды ТашГУ, вып. 172. Археология Средней Азии, т. 5, 1960, стр. 154.
113. Усманова З. И. Эрк-кала..., стр. 61.
114. Там же, стр. 52.
115. Кошеленко Г. А., Усманова З. И. Цит. соч., стр. 39; Марущенко А. А. Хосров-кала..., стр. 124; он же. Старый Серахс..., стр. 195—196.
116. Le Berre M. et Schlumberger D. Op. cit., p. 82, 87.
117. Ренат Вегеций Флавий. Краткое изложение военного дела, ч. 4. ВДИ, т. 1, 1940, стр. 280.
118. Кошеленко Г. А., Усманова З. И. Цит. соч., стр. 40.
119. Ал-Белазури. МИТТ, т. 1, стр. 62; Ат-Табари. МИТТ, т. 1, стр. 94.
120. Бартольд В. В. К истории Мерва..., стр. 184.

121. Ат-Табари. МИТТ, т. 1, стр. 105.
122. Там же, стр. 112.
123. Там же, стр. 121.
124. Там же, стр. 136.
125. Заурова Е. З. Цит. соч., рис. 21, 22.
126. Там же, стр. 175.
127. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 162.
128. Пугаченкова Г. А. К характеристике крепостной архитектуры Султан-калы. «Изв. АН ТССР», сер. общ. наук, 1961, № 3, стр. 43.
129. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 26.
130. Пугаченкова Г. А. К характеристике..., стр. 43.
131 Сарианиди В. Дневник по работам в Гяур-кале Старого Мерва в 1950 г.
132. Усманова З. И. Дневник 1960 года по раскопу 5. Архив ЮТАКЭ, 1960.
133. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 8.
134. Герцман Н. Цит. соч., стр. 14.
135. О подробном рассмотрении керамики из шурфа № 2 см. Рутковская Л. М. Цит. соч. Выделенный в статье комплекс керамики III—II вв. до н. э., как выяснило последующее исследование стратиграфии Гяур-калы и Эрк-калы, включает керамику IV—III вв. до н. э., II—I вв. до н. э.
136. Массон В. М. Цит. соч., табл. 37 (1).
137. Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 126.
138. Пугаченкова Г. А. Полевой дневник 1953 года. Архив ЮТАКЭ, 1953.
139. Мерщиев М. С. Дневник 1950 года по изучению Гяур-кала в Старом Мерве. Архив ЮТАКЭ, стр. 41.
140. Усманова З. И. Раскопки мастерской.., стр. 164—200; Кошеленко Г. А., Усманова З. И. Коринфизированная капитель из Мерва. «Изв. АН ТССР», сер. общ. наук, 1963, № 1, стр. 87—89.
141. Усманова З. И. Раскопки мастерской..., стр. 173.
142. Кабанов С. К. Изучение стратиграфии..., рис. 3 (17, 18).
143. Кабанов С. К. Ареал и эволюция..., стр. 81, рис. 4; Пугаченкова Г. А. Халчаян, рис. 15.
144. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма..., стр. 114.
145. Массон М. Е. Новые археологические данные го истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 1, стр. 154.
146. Усманова З. И. Раскопки мастерской..., стр. 166, 167 .
147. Массон М. Е. К изучению прошлого Старого Мерва, стр. 14.
148. Кацурис К., Буряков Ю. Цит. соч., стр. 120.
149. Авторы публикации К. Кацурис и Ю. Буряков датируют комплекс керамики из слоя IV—III вв. до н. э.
150. Пугаченкова Г. А. Маргианская богиня. СА, вып. 29—30. М., 1959. стр. 119.
151. Предположение о принадлежности вскрываемого комплекса к кварталу мукомолов высказано производителем первых раскопочных работ К. Кацурисом.
152. Вархотова Д. П. Археологические работы 1956—1957 гг. в квартале ремесленников-мукомолов на городище Гяур-кала. Архив ЮТАКЭ. Ташкент, 1958. стр. 12.
153. Кацурис К., Буряков Ю. Цит соч., стр. 144.
154. Дьяконов М. М. Цит. соч., стр. 288.
155. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 154.
156. Марущенко А. А. Хосров-кала..., стр. 131.
157. Pumpelly R. Explorations in Turkestan, v. I. Washington, 1908, p. 11.
158. Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарья. СА, 1958, № 3, стр. 149.
159. Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, стр. 71, рис. 48.
160. Marshall I. Taxila. Cambridge University Press, 1951, vol. 1, p. 208—209.
161. Альбаум Л. И. Цит. соч., стр. 77.
162. Ghirshman R. Iran from the Earliest Times to the Islamic conquest. London, 1954, p. 19(a), p. 323, fig 94.
163. Струве В. В. Цит. соч., стр. 15.
164. Пугаченкова Г. А. Полевой дневник 1953 года.
165. Ахраров И. Керамическая печь парфянского Мерва. Архив ЮТАКЭ. Ташкент, 1954, стр. 12.

166. Мережин Л. Н. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе. Труды ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 35.

167. См. статью Дресвянской Г. Я. «Изучение «овального» дома христианской общины в Мерве» в этом же томе.

168. Массон М. Е. Отчет о работах ЮТАКЭ за 1957 год. Архив ЮТАКЭ. Ташкент, 1957, стр. 40.

169. Г. Я. Дресвянская, производившая раскопки на памятнике в 1961—1964 гг., считает его зданием общины христиан православного толка (Дресвянская Г. Я. Изучение «овального» дома..., стр. 11).

170. Г. Я. Дресвянская датирует керамику I в. до н. э.—I в. н. э. Однако в комплексе налицо все признаки, характерные для более древней посуды Гяур-калы,— преобладание чаш и кубков определенной формы, присутствие сероглиняных и краснолощенных сосудов и т. д.

171. Дресвянская Г. Я. Изучение «овального» дома..., стр. 8.

172. Хакимов З. А. Разведочно-стратиграфический раскоп на ближайшем бугре к юго-западу от овального здания в северо-восточной четверти Гяур-калы. Архив ЮТАКЭ. Ташкент, 1964, стр. 21.

173. Толстов С. П. Древний Хорезм..., стр. 314—317.

174. Воронина В. Л. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 91—92.

175. Масимов И. С. Комплекс сасанидской керамики из раскопа 12 на Гяур-кале. Архив ЮТАКЭ. Ташкент, 1965, стр. 10.

176. Кабанов С. К. Изучение стратиграфии..., стр. 186, рис. 3.

177. Toll N. P. The necropolis. The excavations of Dura-Europos. Preliminary report of the ninth season of work, 1935—1936, part II, New-Hawen. London, 1946, p. 109, pl. 37, 45.

178. Тереножкин А. И. Согд и Чач. КСИИМК, вып. 30, 1950, стр. 167.

179. Кондрасюк Н. Раскопки парфянского водохранилища (хумхана III) на городище Старая Ниса. Архив ЮТАКЭ, 1954 (таблица керамики).

180. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма..., стр. 147, рис. 32.

181. Дурдыев Д. Кырк-депе. Отчет о раскопах в 1955—1957 гг. Труды Ин-та истории археологии и этнографии АН ТССР, т. 5. Ашхабад, 1959, стр. 135, табл. 5.

182. Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва, стр. 120.

183. Лукиан. О сирийской богине. Собр. соч., т. 2. М.—Л., 1935, стр. 276.

184. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 65, 67.

185. Ланджванти М. Пенджабский фольклор. «Советское востоковедение», 1955, № 1, стр. 131.

186. Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва, стр. 163.

187. Семенов А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов. «Мир ислама», № 3. Спб., 1912, стр. 320.

188. Анализ киновари произведен в спектральной лаборатории Среднеазиатского научно-исследовательского института геологии и минерального сырья аналитиком З. М. Лопотт.

189. Массон М. Е. К истории добычи ртути в Средней Азии. «Народное хозяйство Средней Азии», 1930, № 5, стр. 96.

190. Остраконы Эрк-калы переданы для расшифровки В. А. Лившицу.

191. Кошеленко Г. А. Архитектура жилища греческих городов Парфии. Античный город. М., 1963, стр. 178.

192. Толстов С. П. Древний Хорезм..., рис. 62.

193. Кошеленко Г. А. Архитектура..., стр. 172.

194. Губаев А. Новый памятник сасанидского времени в Южном Туркменистане. СА, 1967, № 1, стр. 266.

195. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма, рис. 35 (4), рис. 37 (3).

196. Дьяконов М. М. Цит. соч., стр. 288.

197. Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 48. 61 и др.

198. Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу (краткий очерк). ТОВЭ, т. 2. Л., 1940, стр. 97.

199. Массон В. М. Хумы Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. 2. Ашхабад, 1953, стр. 421; Kidder H. Note on the occurrence of glazed ware of Afrosiab and the large jars of Ghiaur Kala. Explorations in Turkestan, v. I. Washington, 1908, p. 215.

200. Пугаченкова Г. А. Полевой дневник 1953 года.
201. Массон М. Е. Из работ..., стр. 51.
202. Беляева Т. В. Буддийская ступа в Старом Мерве (по результатам раскопочных работ 1965—1966 гг.). Архив ЮТАКЭ. Ташкент, 1967, стр. 13.
203. Массон М. Е. Из работ..., стр. 54.
204. Там же, стр. 56.
205. Кошеленко Г. А. Уникальная ваза из Мерва. ВДИ, 1966, № 1, стр. 92.
206. Ртвеладзе Э. Полевой отчет о раскопках на объекте МРбд 15 в Старом Мерве в 1963 г. Архив ЮТАКЭ, 1963, стр. 3.
207. Заурова Е. З. Цит. соч., стр. 175.
208. Мерщиев М. С. Полевой дневник по Р-8, Мерв, Гяур-кала. Архив ЮТАКЭ, 1957, стр. 12.
209. Там же, 1955, стр. 84.
210. Маршак Б. И. Керамика нижнего слоя Пенджикента. «Изв. отделения общ. наук АН ТаджССР», вып. 14. Сталинабад, 1957, стр. 94, рис. 1 (6).
211. Кабанов С. К. К изучению аграрного строя..., рис. 6.
212. Крашенинникова Н. И. Полевой отчет о работе в осеннем полевом сезоне 1962 г. Архив ЮТАКЭ, 1962.
213. Федоров М. Н. Полевой дневник 1958 года. Архив ЮТАКЭ, 1958.
214. Пугаченкова Г. А. Мервские геммы — инталии. Труды ЮТАКЭ, т. 12, Ашхабад, 1963, стр. 205.
215. Комплекс IV—III вв. до н. э. переходного к античности типа относится ко времени существования на Гяур-кале поселения и оформления его в город.
216. Массон М. Е. Новые данные..., стр. 93.
217. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 2. М.—Л., 1950, стр. 227.
218. Массон М. Е. Народы и области..., стр. 14.
219. Бичурин Н. Я. Цит. соч., стр. 228.
220. Массон М. Е. О северных границах Кушанского государства. Общественные науки в Узбекистане, вып. 8. Ташкент, 1968, стр. 22.
221. Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 42.
222. Пигулевская Н. Города Ирана..., стр. 151.
223. Там же, стр. 176.
224. Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. 5. Ашхабад, 1955, стр. 216.
225. Еремян С. Т. Народно-освободительная война армян против персов в 450—451 гг. ВДИ, 1951, № 4, стр. 46.
226. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 132.
227. Вопросы топографии города в этот период — отождествление мест мечети, базаров, приурочивание названий городских ворот, сохранившихся у арабоязычных авторов, разрешаются на основе историко-топографического изучения М. Е. Массоном.
228. Ал-Истахри. МИТТ, т. 1, стр. 172.
229. Бартольд В. В. К истории Мерва..., стр. 5.
230. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963, стр. 243.
231. Лунина С. Б. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 8. Ашхабад, 1958, стр. 350, 353.
232. Пругер Е. Б. Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва. Архив ЮТАКЭ. Ташкент, 1961, стр. 17, 18.
233. Заурова Е. З. Цит. соч., стр. 175.
234. Там же, стр. 189.
235. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1962, стр. 256.
236. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 183.
237. Жукова Л. И. Стратиграфическое изучение керамических отвалов за западной стеной средневекового Мерва. Архив ЮТАКЭ. Ташкент, 1963, стр. 10.
238. Лунина С. Б. Гончарное производство..., стр. 281.
239. Там же, стр. 240.
240. Пещерева Е .М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1958, стр. 299.
241. Gardin I. Op. cit. p. 72, tabl. 17 (4a).
242. Дьяконов М. М. Работы кафирниганского отряда. МИА, вып. 15. М.—Л., 1950, стр. 152—184; Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории раз-

вития городов Средней Азии. Труды Тадж. ФАН СССР, т. 24. Сталинабад, 1951, стр. 16.
243. Григорьев Г. В. Цит. соч., стр. 99; Сухарев И. А. Ранняя поливная керамика Самарканда. Труды УзГУ, новая серия, 14, вып. 2. История. Самарканд, 1940, стр. 10—12; Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 133.
244. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года. Труды ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 10; Вязьмитина М. И. Археологическое изучение городища Новая Ниса. Труды ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 158, 159.
245. Марущенко А. А. Старый Серахс..., стр. 186.
246. Марущенко А. А. Хосров-кала..., стр. 140.
247. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Труды ХАЭЭ, т. 4. М., 1959, стр. 285.
248. Шишкина Г. В. Древний Самарканд..., стр. 163, 174.
249. Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 55; Якубовский А. Ю. Цит. соч., стр. 14.
250. Массон М. Е. К изучению прошлого..., стр. 15.
251. Ал-Истахри. МИТТ, т. 1, стр. 273.
252. Ал-Макдиси. МИТТ, т. 1, стр. 194.
253. Ал-Истахри. МИТТ, т. 1, стр. 172.
254. Сидорова Д. Н. Стратиграфическое исследование центральной части шахристана Мерва. Архив ЮТАКЭ. Ташкент, 1961, стр. 30.
255. Алимов У. Раскопки средневекового здания на месте первой арабской мечети в Мерве. Архив ЮТАКЭ. Ташкент, 1964, стр. 10, 27.
256. Там же, стр. 29—30.
257. Ходжаниязов Т. Краткий полевой отчет 1964 года по раскопу 7. Архив ЮТАКЭ, 1964.
258. Ходжаниязов Т. Резная колонна первой арабской мечети. «Памятники Туркменистана», 1967, № 3, стр. 331.
259. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 342.
260. Ходжаниязов Т. Раскопки хозяйственного здания в центре городища Гяур-кала в Старом Мерве. Архив ЮТАКЭ. Ташкент, 1962, стр. 10.
261. Лунина С. Б. Гончарное производство..., стр. 330—346.
262. Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии. ЭВ, вып. 3. М.—Л., 1949, стр. 19—21.
263. Ходжаниязов Т. Раскопки хозяйственного здания..., стр. 19.
264. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 220—267.
265. Ал-Истахри. МИТТ, т. 1, стр. 173.
266. Ал-Макдиси. МИТТ, т. 1, стр. 194, 204.
267. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 183, 207.
268. Лунина С. Б. Гончарное производство..., стр. 349.
269. Ал-Макдиси. МИТТ, т. 1, стр. 204.
270. Ал-Истахри. МИТТ, т. 2, стр. 172.
271. Бартольд В. В. К истории Мерва..., стр. 187.
272. Лунина С. Б. Гончарное производство..., стр. 396
273. История Туркменской ССР..., стр. 233.
274. Массон М. Е. К изучению прошлого..., стр. 15.
275. Бартольд В. В. Султан Санджар и гузы. Соч., т. 2, ч. 2. М., 1964, стр. 415.
276. Жуковский В. А Цит. соч., стр. 115.

М. Е. МАССОН

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МОНЕТНЫХ НАХОДОК ЧЕКАНА ДИНАСТИИ САСАНИДОВ (224—651 гг.) НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ

Общеизвестно, что серебряные монеты сасанидского Ирана в пору существования этой крупной восточной державы и даже некоторое время спустя после ее падения обращались на рынках далеко за ее пределами — от Средиземного моря до Инда, от Аравии до Балтики, включая и сопредельную с Персией Среднюю Азию. Однако в отношении последней мало уделялось внимания, во-первых, рассмотрению, когда именно и эмиссии каких государей выходили сюда за пределы рубежей Персии, а во-вторых, каково было обращение на территории Средней Азии не только серебряных и немногочисленных золотых сасанидских монетных кружков, но и медных. Находки последних в большей мере могут способствовать выяснению, входили ли когда-либо и на сколько-нибудь продолжительное время те или иные среднеазиатские области в состав Сасанидского государства. Вместе с тем рассмотрение в подобных аспектах указанных нумизматических объектов имеет определенное значение для понимания за указанный период истории народов, обитавших тогда на территории нынешнего Ирана и современных Среднеазиатских советских республик. Предлагаемый ниже обобщенный обзор в основном основывается на личных полувековых (частично еще не опубликованных) наблюдениях за составом монетных находок в пределах всех Среднеазиатских республик и на фактах, полученных при наших многолетних полевых исследованиях, в том числе 25-летних работ ЮТАКЭ.

Наличие в середине XIX столетия у коренного населения Средней Азии сасанидских монет из числа местных находок явствует из самого состава первых создававшихся в Туркестане частных нумизматических коллекций Д. Н. Петрова-Борзны, Е. Т. Каля, К. И. Фаддеева и др.

Уже с конца 70-х годов в связи с усиливавшимся спросом на старинные восточные предметы со стороны приезжих сами собой оформлялись своеобразные антикварные рынки в Самарканде, Бухаре, отчасти в Ташкенте и Коканде. В этих городах старинные монеты продавались в лавках антикваров (антикачи) и в мастерских кустарей-ювелиров (заргаров). К ним население относило на продажу и монеты сасадинского чекана, которые огульно приписывались торговцами Хосро-

ву Ануширвану. Наряду с этим кое-кто из грамотеев пытался относить их выпуск, как и монеты парфянских Аршакидов, к эпическим героям более отдаленного времени таким, как Афрасиаб, Кейкаус, Гуштасп, чьи изображения якобы находятся на лицевых сторонах монетных кружков. Характерен состав сложившихся к концу XIX столетия в Ташкенте небольших музейных нумизматических коллекций Туркестанского кружка любителей археологии и Ташкентского музея. В первом имелись 2 дирхема Варахрана V, 1—Пероза и 1—Кавада; во втором—5 дирхемов Варахрана V, 2 — Пероза, по одному Хосрова I и Хосрова II, а также золотой динар Кавада (?). На позднее составлявшихся частных нумизматических собраниях (И. Т. Пославского, Б. Н. Кастальского и др.), а также более значительных музейных коллекциях в известной мере уже сказался постепенно нараставший и продолжавшийся до 20-х годов XX в. включительно приток в Среднюю Азию старинных монет, и в частности сасанидских, с Кавказа, из Ирана и в меньшей мере — из Афганистана.

Чтобы получить суждение, имеем ли мы дело при находке на территории Средней Азии тех или иных сасанидских монет с пунктом их нормального рыночного обращения внутри выпускавшего их государства или вне его пределов, важно хотя бы в общих чертах наметить, где и когда проходили официальные северные и северо-восточные границы Сасанидской державы.

Мешхед-и Мисрианское плато (или Дехистан, по мнению некоторых, область дахов) лишь изредка ощущало над собой власть Сасанидов, являясь обычно владением того или иного оказавшегося по соседству кочевого племени. На первом этапе существования Сасанидское государство более или мене прочно удерживало долину Гургена (Гирканию). Известно, что Ездегерд II (438/9—457) довольно успешно проводил в 40-х годах V в. военные операции к северу от нее в области Чуль (иначе Чол, Сул) против одноименного племени. Он даже собственноручно убил их кагана, резиденция которого считается находившейся на Балханском полуострове, где в пору развитого феодализма располагался пункт Дихистанан-Сур, отстоявший, по Истахри, в 50 фарсахах от Абескуна. Однако и упомянутый сасанидский государь, соорудивший в этом районе прочную крепость Шахристан-и Ездегерд, должен был вывести для защиты тамошних государственных рубежей от набегов кочевников длинную кирпичную районную стену. Ее остатки, известные теперь у местного населения под названиями Кизыл-Алан и Садд-и Сикендер (преграда Александра Македонского), хорошо прослеживаются на протяжении около 120 *км* от Гумыш-депе у берега Каспия до развалин Гумбет Кабус, причем вытянуты они севернее Гургена, но много южнее нижнего течения Атрека. Эту пограничную стену, как и Шахристан-и Ездегерд, поддерживал позднее Пероз (459—484), сумевший здесь нанести решительное поражение кидаритам, основная часть которых после этого перешла в 465 г. в район Пешавера. Однако в середине VI в. удерживать эту линию было, видимо, трудно, так как при Хосрове I (531—579) между Табаристаном и Джурджаном вывели новую районную стену с промежуточными укреплениями уже южнее Гургена. Это оказалось очень своевременным, поскольку после разгрома эфталитов тюрки в промежутке между 563 и 567 гг. овладели Дехистаном, грозя вторжением из Чуля в персидские владения. При Сасанидах это новое оборонительное сооружение еще не раз спасало Иран от набегов кочевников. Позднее же, уже пос-

ле арабского завоевания, по-видимому, одно время стала вновь функционировать старая районная стена Кизыл-Алан, в которой, как говорил нам в 1927 г. Н. Н. Иомудский, он видел на отдельных участках разновременные кладки из различных жженых кирпичей: продолговатых, квадратных мелких (чаще всего 27×27×4,5 *см*) и весьма крупных квадратных до 71 *см* в сторонах.

В исторической литературе поры монгольского владычества имеется указание, что отстроенная при Ездегерде II районная стена имела протяжение до 50 фарсахов, т. е. свыше 300 *км*. Если это так, то возможные следы ее за Джурджаном следует искать в районах северо-западных отрогов Копетдага, поскольку дальше пределы Сасанидского государства шли вдоль северных склонов этого хребта по границе пустыни Каракумы, опускаясь в юго-восточном направлении к Нисе. Этот важный в обороне древних рубежей Ирана город, несколько захиревший после падения Парфянской державы, был восстановлен во второй половине V в. при Перозе, в связи с чем якобы некоторое время даже носил его имя (Шахр-и Фируз).

Дальше в юго-восточном направлении культурные земли предгорного Этека вдоль Копетдага имеют четко отмеченную границу в виде сохранившихся отрезков древней оплывшей районной стены, именуемых «Мерз» (буквально—«вал»). Мерз хорошо прослеживается на протяжении около 200 *км* от района станции Баба-Дурмаз до селения Меана. От Баба-Дурмаза до Каушута имеются два таких вала, тянущихся почти параллельно и отстоящих друг от друга в некоторых местах на расстоянии до 20 *км*. Их наличие объясняется, вероятно, разновременностью постройки. На пространстве к югу от Мерза до гор налицо обилие разнообразных следов древней оседлой земледельческой культуры, а к северу — расположена в основном песчаная пустыня и солончаки, с изредка встречающимися кое-где на степных участках археологическими памятниками.

За Душаком Мерз резко поворачивает на юго-юго-восток в сторону Серахса, к северо-востоку от которого по другую сторону участка пустыни расположен оазис древней Маргианы, входившей в состав Сасанидской державы почти во все времена ее существования. Некогда выведенная вокруг оазиса низовьев Мургаба по распоряжению Антиоха I Сотера (280—261) районная стена в 1,500 стадий для ограждения от набегов кочевников и отчасти от наступления песков на культурные земли при Сасанидах играла несколько условную роль границы государства, так как кое-где были освоены земли под земледелие и вне ее. Восточная же граница Сасанидского государства очень часто шла вдоль культурной полосы правого берега Мургаба, отнюдь не подходя вплотную к берегу Амударьи у современного Чарджоу.

На всем указанном пространстве от Каспийского моря до Мургаба в пределах Южного Туркменистана к югу от намеченной границы находки сасанидских монет из благородных и недрагоценных металлов чекана почти всех государей этой династии вполне естественны, обычны и достаточно многочисленны. Среди них попадаются порой новые неизвестные в литературе типы, в частности медные, а иногда обнаруживаются интересные уникальные экземпляры, как, например, выкопанный на Нисе новый вариант золотого динара Бахрама Чубина (590—591). Наоборот, они исключительно редки к северу от приведенной границы, включая обширную площадь пустыни Каракумы и территорию Хивинского оазиса в низовьях Амударьи. Такое положение

объясняется прежде всего тем, что в Хорезме III—VII вв. монетное обращение было довольно ограниченным и денежное хозяйство, как и до того, было развито еще слабее ряда других среднеазиатских областей.

В рассматриваемом нумизматическом аспекте совершенно иным было положение к востоку от бассейна Мургаба. Тут при Сасанидах не было сколько-нибудь прочной стабильной государственной границы, и ряд областей по обе стороны Амударьи временами находился в той или иной зависимости от их государства и порой совершенно отпадал от подчинения Ирану. Все это в известной мере должно было запечатлеться в составе местных монетных находок, являющихся документальным отражением существовавших здесь в ту пору торгово-денежных отношений, а также происходивших тут некоторых иных исторических явлений и событий.

Не случайно совершенно отсутствуют, быть может только пока, точно зарегистрированные находки сасанидских монет III в. н. э., сделанные на территории Мавераннахра. Хотя при дворе основателя нового государства Арташира I (224—242), возникшего на развалинах державы парфянских Аршакидов, числились правители Мерва, Абаршехра (или Абрашехра в арабской транскрипции) и Сакастана, но эти области отнюдь не были тогда присоединены к Ирану, а их подлинные владельцы оставались по существу самостоятельными потентатами. Фактическое покорение Хорасана произошло только в середине III в. и связано с походами Шапура I (240—271), когда был покорен Мерв и, между прочим, после гибели в удачном для персов сражении правителя Абаршехра этот город получил новое наименование Нев-Шапур, позднее превратившегося в Нишапур. Упоминаемая в сирийской «Хронике Арбелы» военная кампания Шапура I в первый год его правления против хорезмийцев кажется сомнительной и, возможно, это был лишь пограничный инцидент, имевший место вне Хивинского оазиса. Перечень в надписи Шапура I (262 г.) на «Каабе Зороастра» пределов Сасанидского государства до Кеша, Согда и Чачских гор отнюдь не дает основания считать, что эти области были подчинены этим государям и тем более в результате мнимого похода тогда персидских войск через весь Мавераннахр. Их, а равно Хиндустан, Кушаншахр и ряд явно не входивших в состав его владений, упомянутых в той же надписи западных областей, надо понимать как находившиеся в ту пору на пределах тогдашнего только что создавшегося Сасанидского государства и, может быть, частично состоявшие с ним в каких-то договорных отношениях.

Сасанидский правитель Мерва, которому придавалось особое значение, при Шапуре I получил титул «Марв-шах». Позднее проживавшие в этом городе наместники, часто из числа членов династии Сасанидов, носили титул «марзбана Хорасана» и военное звание «канаранг». Находки медных монет Шапура I в низовьях Мургаба весьма обычны, и характерно, что они встречаются вместе с парфянскими халками поздних маргианских эмиссий. В самом Мерве в таком совместном сочетании они были обнаружены на городище Гяур-кала при раскопках буддийского ступа III в. н. э. в первоначальных кладках, начиная с самого основания. Все это прежде всего подтверждает факт прочного присоединения Шапуром I Мервской области. Вместе с тем такие совместные находки являются наглядным показателем, что принем, учитывая развитое денежное обращение и большие трудности с

насыщением рынка в короткое время чеканом новой династии, допускались к обращению медные парфянские монеты последних маргианских выпусков. Находки халков этого сасанидского государя к северу от Амударьи нам неизвестны.

При его часто сменявшихся на престоле ближайших преемниках известен случай, когда правители народов соседних восточных областей (кушан, саков и др.) втягивались в политическую борьбу за власть внутри Сасанидского государства. Так, именно с их поддержкой Хормизд, сын Варахрана I, поднял восстание против своего царствовавшего брата Варахрана II (276—293), неудачно пытаясь отойти от Ирана и стать вполне независимым владельцем его северо-восточных окраин. Соблазн к отходу был весьма велик, так как с конца III столетия мервские марзбаны и канаранги были достаточно самостоятельными правителями с правом выпуска от своего имени медных монет, весьма обильно представленных находками на всей территории Мервской области и особенно ее главного города. Наиболее ранние из них по толщине и весу близки к халкам античной поры так же, как и ранние серебряные сасанидские монеты по существу являются драхмами, а их первые золотые крупные кружки (до 7,2 гр.) — ауреусами. В Мавераннахре ни сасанидских ранних ауреусов, ни сасанидских ранних драхм и их подразделений (гемидрахм, диоболов, оболов и др.) среди местных находок до сих пор за последнее столетие не зафиксировано.

В этом отношении положение несколько изменилось, хотя и не сразу, а в IV в., явившимся для Ирана, как и для стран Средиземноморья, периодом больших социальных сдвигов, что на Маргиане сказалось продолжительным упадком городской жизни с захирением даже ряда крупных селений, на части которых она так и не возобновилась после установления оформившихся феодальных отношений. Показательно, что в пору исключительно длительного правления Шапура II (309—379), возведенного знатью на престол еще младенцем, было время, когда в Маргиане из-за нехватки в обращении мелкой разменной монеты прибегли к выпуску местного провинциального чекана низкокачественных по исполнению как бы нарубленных в виде мелких неправильной четырехугольной формы медных пластинок с весьма убогими изображениями. Очевидно, с нехваткой в казне серебра связано появление, как и при Арташире I, разного веса неполноценных драхм из потина, представлявшего собой сплав меди с оловом и свинцом. Того же правления монеты некоторых других типов намекают на какие-то политические, а не только экономические перемены на северо-востоке Ирана. Известно из текста Аммиана Марцелина, что Шапур II вел здесь с 355 г. длительную борьбу с хионитами и кушанами, которая заставила его даже зимовать на северо-восточных окраинах своих владений. В 358 г. столкновения тут закончились заключением союзного договора, а в следующем году хиониты уже принимали участие в войне персов с византийским императором Констанцием II и осаждали Амиду. Вероятно, в связи с новыми установившимися на востоке отношениями появилась группа монет Шапура II с его именем, выбитым тохарскими письменами. Это единственный случай в сасанидской нузмизматике и, очевидно, преследовал какую-то пропагандно-династическую цель при сложившейся обстановке во взаимоотношениях с соседней восточной страной. На то же намекает надпись о вызове Шапура II к себе во дворец датубара Селевка из Кабула, с царями которого, по Фавсту-Бузанду, персы вели войну в 368—371 гг.

В еще большей мере о достаточно прочном и длительном вхождении в состав государства Сасанидов, во всяком случае части земель бывших владений «Великих кушан», свидетельствует выпуск от имени правителей из числа членов династии и даже иногда наследников шахиншахского престола так называемых кушано-сасанидских монет. Они чеканились, видимо, с конца III в., (быть может, иногда с некоторыми перерывами в зависимости от политической ситуации) из меди, а позднее из золота в соответствии с монетной системой, принятой в кушанских владениях, но уже иных стандартов. Подавляющее большинство их было из меди с головой правителя в царском уборе на лицевой стороне и разнообразными изображениями на обратной. В последних изредка бывала помещена фигура Шивы с трезубцем в левой руке и стоящим позади быком Нанди, как на монетах Васудева. В некоторых случаях у ряда правителей на обратной стороне вычеканен алтарь с погрудным изображением человеческой фигуры, держащей в расставленных руках трезубец и чашу с лентами. Более ранние кружки массивны как античные халки. Более поздние — утоньшаются и уменьшаются в размерах. Объединяет их титулатура правителей — «великий царь кушан» и изредка «великий царь-царей кушан». У одной группы монет читается название города Мерва. В пределах Маргианы эти монеты являются обычными среди местных находок. На голове правителя с именем Хормизда головной убор представлен в виде куляха со звериной головой хищника. Подобные куляхи, но с головой кабана или орла имеются на изображениях царицы и наследника престола в чекане Варахрана II (276—293). Есть монеты правителя Хормизда с головой орла и отходящим от его шеи назад крылом, как это мы видим в короне Хормизда II (301—309) с добавлением у последнего сверху подобающего государю «шара». Двое правителей носят имя Пероз, один Арташир, а на некоторых экземплярах легенды еще не разобраны.

Что касается золотых монет, отчеканенных в большинстве из бледного металла, напоминающего электрон, то более ранние менее скифатны, меньшего диаметра и лучшей работы, а более поздние почти блюдцеобразные, грубее и крупнее. На обратной стороне изображен Шива с быком, на лицевой — стоящая фигура правителя влево перед жертвенником, как у Васудева, но головные уборы нескольких сасанидообразных типов с приподнятыми вверх концами повязки отличны от сасанидских царских корон. Расположенные справа тамгообразные знаки на наиболее ранних монетных кружках (а именно Хормизда) отчасти близки к трехзубчатой тамге на чекане поздних уже не «Великих кушан». На последующих (больше всего с именами разных тёзок Варахранов) они видоизменяются и усложняются особенно в нижней части. Легенды на лицевой стороне выполнены знаками кушанской письменности и при имени сасанидского правителя имеют титул «великий царь кушан» или «царь-царей кушан». На обратной — теми же знаками помещены среднеперсидские слова «высокий бог». Разных типов самих золотых скифатных кушано-сасанидских монет, а равно и изображенных на них индивидуальных для каждого правителя тамг в натуре больше, чем опубликовано пока в советской и зарубежной литературе. Наконец, имеется несколько групп мелких медных монет более тонких, чем прежние античного облика сасанидские халки, но того же времени, что и золотые. Их лицевые стороны несут изображение бюста сасанидского правителя, а обратные — Шивы с быком.

Две последние категории медных и золотых монет, резко отличающихся от мервского чекана по внешнему облику, стилю и стандартам, очевидно, выпускались на монетном дворе Балха, название которого в форме BOXLO встречается на некоторых скифатных монетах. Как отметил уже Р. Гиршман, в Кушаншахре в 340 г. правила еще, видимо, своя Кушанская династия, поскольку под этой датой в надписи на сооруженной Самудрагуптой (330 — около 375) колонне в Аллахабаде царь кушан упоминается с титулом «сын неба, царь (который есть) царь царей».[1] Если это так, то выпуск в Балхе только что упомянутых кушано-сасанидских монет, во всяком случае некоторой части их, не мог быть осуществлен ранее середины IV столетия. Нельзя не учитывать, с одной стороны, приведенные выше свидетельства о борьбе Шапура II с хионитами, кушанами и царями Кабула, а с другой — возможности, что временами власть в этих областях переходила из рук в руки и что какой-то кушано-сасанидский чекан мог существовать и до того.

К северу от среднего течения Амударьи монетные находки сасанидских эмиссий рассматриваемого времени встречаются в основном кушано-сасанидских типов как медных, так и золотых преимущественно на землях Правобережного Тохаристана, т. е. лежащих к югу от долины Кашкадарьи. Последняя прежде подчинялась Малому Кангюйскому владению, а незадолго перед описываемым историческим этапом в нее была передвинута из района среднего течения Сырдарьи главная ставка верховного правителя государства Кангюй, включавшего все согдийские владения. Таким образом, охватываемая кушано-сасанидскими нумизматическими объектами территория целиком совпадает, по нашим данным, с ареалом обильного распространения в советской Средней Азии монет «Великих кушан», красноречиво определяющих здесь подлинную границу государства, их выпускавшего.[2] Скифатные золотые кушано-сасанидские монетные кружки, начиная с их обнаружения в 1888 г. на берегу Амударьи близ Керков, неоднократно попадались с тех пор в Ширабадском, Термезском и соседних районах до Байсуна на севере. Отсюда они в немалом числе проникали в свое время на антикварные рынки Бухары и Самарканда. Как исключение, известен случай обнаружения одной такой монеты в конце 20-х годов в развалинах древней крепости к югу от Чима, в 6 *км* от станции железной дороги Камаши. При этом не следует упускать из виду, во-первых, что кушано-сасанидский чекан продолжался некоторое время еще в первой половине V в., а главное, что золотые монеты, как сделанные из ценного металла, всегда легко уходили за пределы владений, их выпускавших. Так, известен ауреус Шапура II из района Бухары, а в коллекции Б. Н. Кастальского имелся ауреус Ездегерда I (399—420), приобретенный им в Самарканде, где якобы он и был найден. Вообще же золотые сасанидские монеты общегосударственного чекана для Мавераннахра представляют большую редкость. Что касается медных кушано-сасанидских монет нескольких типов мервского и балхского чекана, то их подлинные находки до сих пор зарегистрированы только на указанной выше территории. Их довольно много было обнаружено в приамударьинской группе развалин Термеза.

V в., на протяжении которого переход к феодальным отношениям наметился особенно отчетливо, сопровождался впервые за всю историю, хотя и не сразу, крупными притоками сасанидских серебряных монет в целый ряд областей к северу от Амударьи, оказав большое

влияние на их денежное хозяйство. С этого времени при сохранении прежних иконографических типов они постепенно по внешности, размерам и весу превращаются из былых драхм в дирхемы или диремы с широкими полями. В Восточной Европе и на Кавказе среди многочисленных тамошних находок сасанидских дирхемов сколько-нибудь значительные количества их представлены начиная только с конца V в. в основном чеканами Кавада I, Хосрова I и Хосрова II. Монеты предшествующих государей или отсутствуют, или исчисляются единицами, а в лучшем случае немногими десятками.

В Средней же Азии к северу от Амударьи первую крупную группу среди кладов и отдельных находок сасанидских дирхемов составляет значительно более ранний чекан Варахрана V (421—438/9) или Бахрама по прозвищу Гур. Подавляющее большинство их приходится на продукцию его монетного двора в городе Мерве. Дирхемы Варахрана V были обычными на среднеазиатских антикварных рынках. После находки первого точно зарегистрированного клада из Керков 1888 г., определенного В. Г. Тизенгаузеном по дошедшим до Археологической комиссии 36 экземплярам, их обнаруживали в дореволюционное время неоднократно в разных местах значительно севернее, до Ташкента включительно. Обращает на себя внимание наличие на некоторых экземплярах серебряных монет Варахрана V из числа среднеазиатских находок местных надчеканов. В этом отношении особенно интересен таджикистанский клад сасанидских дирхемов, обнаруженный в декабре 1950 г. на древнем городище, расположенном у северной окраины Душанбе, близ берега реки Варзоб. Из числа доставленных в тамошний музей 39 экземпляров один принадлежал чекану Ездегерда I (339—420), 27—приходятся на чекан Варахрана V и 11—Ездегерда II (438/9—457). На всех монетных кружках клада имеется небольших размеров простенький надчекан в виде повернутой то в одну, то в другую сторону S-образной кангюйского типа тамги. Это говорит о том, что какой-то местный правитель не ранее середины V в., может быть, даже области Шуман, чтобы удовлетворить рыночную потребность в серебре, распорядился на имевшиеся сасанидские дирхемы (в том числе Варахана V) надчеканить свою тамгу и тем узаконить их хождение в пределах своего владения по установленному курсу.

Широко известен факт, что в это же время правители Бухары, так называемые бухархудаты из рода Кан, перейдя к выпуску новых серебряных монет, взяли за образец изображения обеих сторон с мервских дирхемов Варахрана V. Когда в Бухаре после некоторого перерыва в местном чекане в середине VI в. он был возобновлен, то оказался сохраненным прежний внешний облик монетных кружков упомянутого сасанидского государя, продержавшийся до начала VIII в. включительно. Как установила О. И. Смирнова, подражал им в своем чекане и самаркандский тюрко-согдийский правитель середины VIII в. Тургар. Позднее, с конца этого столетия, тот же тип перешел на несколько видов так называемых «черных дирхемов», выпускавшихся в Мавераннахре на протяжении нескольких веков после арабского завоевания.

Причину такого положения едва ли можно усматривать в широкой популярности Бахрам Гура как любимого персонажа охотничьих подвигов и любовных похождений в фольклоре, литературе и изобразительном искусстве раннесредневекового Ирана, где он постепенно превратился в небесного витязя и связывался с образом божества Бах-

рама-Веретрагна. Персам он, несомненно, и при жизни импонировал своей победой под Кушмейханом в районе Мерва над вторгшимися в Хорасан хионитами. Тогда им собственноручно был убит их хакан, а жена и казна последнего были захвачены в брошенном неприятелями лагере. Врагов Бахрам Гур преследовал до самой Амударьи, к которой, пересекши пустыню, вышел у Амуля (Чарджуй). На правителей мелких владений Мавераннахра не могли не произвести впечатление такие его военные мероприятия, как удачный поход против эфталитов и построение для пограничного гарнизона башни в далеко вдававшейся в их сторону местности. Крайним пределом Ирана на востоке в эту пору современниками считался Талекан хорасанский, а проникновение персидской армии в Правобережный Тохаристан многими признается маловероятным. Возможно, последнее мнение сложилось не без влияния упрочившегося представления о Бахрам Гуре только как о легкомысленном правителе, якобы целиком устранившемся от управления государством и полностью доверившим знати все дела по внутренней политике.

Между тем, опуская вопросы его войны с Феодосием II и сведения вассальной Армении о положении простой иранской провинции, обращают на себя внимание прочно вошедшие в историческую традицию сведения, запечатленные у ряда средневековых авторов. Таковы показания Динавери (IX в.) о переправе Бахрам Гура со своей армией через Амударью, когда он продвигался по пятам отступавших хионитов после их разгрома у Кушмейхана; сведения Табари о посылке им государем части войск из Афганского Туркестана на правый берег Джейхуна под командой одного из своих военачальников, проведшего там весьма удачные военные операции; наконец, запечатленные у Фирдоуси предания, сохраненные иранским эпосом, о согласии знати Балха. Чаганиана, Хутталя и Бухары после одержанных Бахрамом Гуром побед якобы выплачивать Персии какую-то «дань». Факты нумизматического порядка в части распространения в Средней Азии дирхемов Варахрана V и их влияния на денежное хозяйство южных областей Мавераннахра дают основание с меньшим сомнением относиться к приведенным сведениям средневековых мусульманских авторов, которые все же отразили, может быть, несколько искаженно, какие-то действительно имевшие место события.

Находки монет Ездегерда II (439—457) к северу от Амударьи исключительно редки, хотя их могли бы занести сюда эфталиты в виде добычи после разгрома персов в конце правления этого государя, когда они уже подчинили себе Чаганиян, видимо, часть Тохаристана и Бадахшан.

Зато на прежних антикварных рынках Средней Азии исключительно обильно всегда был представлен серебряный чекан Пероза (457—484). В основном это были нормальные высокопробные дирхемы, находившиеся часто целыми кладами от Амударьи до побережий Сырдарьи включительно. Обнаружение в одном из садов Джизака наполненной ими крупной глиняной кубышки в количестве многих сотен экземпляров привело в 1909 г., несмотря на высокопробность, к резкому падению их стоимости в лавках самаркандских антикачи, где они долгое время после того продавались по 60—75 копеек за экземпляр в зависимости от сохранности. Один из таких кладов, найденный в последние годы существования Бухарского эмирата на территории этого ханства и осмотренный мною в 1923 г., содержал, кроме большого ко-

личества обычных серебряных монет Пероза разных выпусков, один уникальный дирхем. На нем помещено повернутое влево поясное изображение фигуры правителя без головного убора в стянутом у талии кафтане с косым или отогнутым воротом. Приподнятая вверх правая рука держит какой-то предмет, а согнутая в локте левая упирается в бедро. Кругом расположена эфталитского типа легенда. На обратной стороне искаженный, видимо, при неудачном чекане, может быть, неопытным мастером, бюст сасанидского государя не то Ездегерда II, не то Пероза. Нам казалось, что это образец первой выбитой эфталитами монеты, поскольку известно, что их государь—современник Пероза, приказал выпустить таковую со своим изображением и именем. Р. Гиршман, согласно своей расшифровки надписи, приписал данный дирхем Акуне, царю хионитов.

О широком распространении в рыночном обращении различных областей Мавераннахра дирхемов Пероза, на которых впервые в 459 г. проставляются годы правления (сасанидские монетные кружки), типичные для чеканов последующих шахов феодального периода, свидетельствует факт их примеси к кладам чисто местных монет. В этом отношении очень интересно содержание небольшого глиняного кувшинчика, случайно обнаруженного в 1934 г. в колхозе имени Буденного Ташкентской области близ ж.-д. станции Вревская. В нем среди полусотни медных монет различных согдийских эмиссий (в том числе небольших тонких китаеподобных с крупным квадратным отверстием, отдаленно напоминающих по типу образцы в 5 шу) находился один подлинный высокопробный дирхем Пероза.

Не менее показательно, что среди большого количества таких перозовских дирхемов время от времени попадаются в Мавераннахре экземпляры с нанесенными на них мелкими надчеканами коротких согдийских надписей. Первая такая монета при этом с четырьмя надчеканами известна с 1888 г. по коллекции Е. Ф. Каля. С тех пор они время от времени выявляются среди местных находок, но пока еще известны в очень ограниченном количестве, причем несут обычно один надчекан, реже — два и три. Последний раз они были обнаружены в 1955 г. в Ахангеране, близ селения Куйбышево на кладбище у берега Ангрена.

Наконец, небезынтересен факт наличия в некоторых местах Согда и Шаша низкопробных монет Пероза, копирующих его дирхемы. Впервые они были найдены в 1941 г. А. И. Тереножкиным при раскопках на Ак-депе под Ташкентом. Все шесть переданных тогда же нам на определение монетных кружков оказались грубоватой работы с искаженными легендами, неполновесными (некоторые до 3,40 *г*), низкопробными, с неодинаковым количеством свинца в составе сплава, употребленного на их изготовление, копирующими разные уже известные типы монет этого государя; не чеканенные, а отлитые и при этом довольно неудачно в различных индивидуальных и далеко небезукоризненно сделанных матрицах; на одном экземпляре в примятом крае тамгообразный знак (или надпись?), на подлинном образце наложенный надчеканом. Два подражания драхмам Пероза были отмечены С. И. Смирновой в числе находок на городище Пенджикента. Этим пока исчерпывается количество введенных в научный обиход древних перозовских фальшивых дирхемов из числа среднеазиатских находок.

Появление к северу от Амударьи многочисленных и разнообразных по своему составу монетных кружков с именем Пероза было обус-

ловлено сложившейся во время его правления исторической ситуацией. Возможно, что в виде компенсации за помощь, оказанную ему эфталитами в начале царствования в борьбе за престол со своим братом Хормиздом, Пероз ограничился только отказом в их пользу от всяких притязаний Ирана на некоторые восточные области, включая Балх. Зато при последующих неудачных для персов столкновениях победителям доставалось в числе добычи немало звонкой монеты. Едва ли это было всегда только предоставленное византийцами золото. Как отметила Н. В. Пигулевская, по показаниям сирийских источников, Пероз, попавший в плен к эфталитскому государю Ахшунвару, обязался уплатить им часть контрибуции в виде 30 грузов «зузе», то есть серебряной монеты, которые сможет поднять соответствующее число мулов. Вначале он сумел собрать за свое освобождение дирхемов из расчета грузов 20 мулов, а до выплаты оставшихся 10 оставлен был на некоторое время заложником его сын Кавад. При разгроме армии Пероза в сражении 484 г., когда погиб сам этот сасанидский правитель, эфталиты оказались обладателями захваченной в походной ставке его казны, состоящей в основном из серебряных дирхемов. При последовавшем затем разграблении Хорасана и его главных городов победители, безусловно, заполучили и увезли с собой еще немало сасанидской монеты. Она систематически поступала с тех пор в их казну на протяжении нескольких десятилетий в виде наложенной на Иран дани, выплачивавшейся, по-видимому, не всегда ежегодно, а через разной длительности интервалы.

В результате в мавераннахрских областях эфталитов, где до того долгое время ощущалась нехватка серебра, недостачу монеты из этого металла вполне восполнили массы сасанидских дирхемов и в первую очередь чекана Пероза. Поскольку они, как достаточно полноценные, охотно принимались на рынках, возникал соблазн выпуска подобных им монет нелегальной фальсификации, в частности, как указывалось по находкам, изготовленных путем литья. В некоторых местных полунезависимых владениях из экономических интересов самих правителей поступление в широкое употребление сасанидских дирхемов регулировалось путем допуска в обращение определенного количества их, пропущенных через казну, что сопровождалось наложением своего небольшого надчекана. Наносились надчеканы и при всякой перемене курса на сасанидские дирхемы, получавшие новое соотношение к местному чекану опять же с выгодой для правителей, или при попадании надчеканенного кружка в другое владение, где также велась спекулятивная игра на произвольно устанавливавшемся курсе.

Результатом всего этого являлось появление на некоторых монетах по два и более надчеканов. Хотя такого рода мероприятия применялись в денежном хозяйстве разных стран и в различные эпохи, тем не менее по сложившейся с прошлого столетия традиции в научной литературе по сасанидской нумизматике эти штампики принято обычно считать как наложенные самими персами на экземпляры, предназначавшиеся к вывозу за пределы государства в порядке выплаты дани. При этом совершенно не принимается во внимание, что количество надчеканенных сасанидских дирхемов вне Ирана совершенно ничтожно по сравнению с массой находок на территории советской Средней Азии монет, не подвергавшихся наложению подобных штампиков как тюрко-согдийскими правителями, так и эфталитскими. Такого рода надчеканы известны также на некоторых сасанидских монетах ранее

и позднее царствовавших государей, например, Шапура II, Варахрана IV (388—391), Валарша (484—488), Кавада I, Хосрова I.

Конец V — начало VI в. в Иране—время решительной ломки общественных отношений при резко возросших требованиях народа об уничтожении имущественного неравенства, что нашло выражение в мощном маздакитском движении. На проникновение в Мавераннахр новой волны сасанидской монеты на грани этих столетий сказалось в значительной мере принятое Кавадом обязательство о возобновлении выплаты Ираном эфталитам крупных сумм за существенную вооруженную поддержку, какую они оказывали в течение 498—499 гг. при возвращении ему престола, с которого его свергла знать и на который ею был посажен брат Пероза, Валарш. Этим в значительной мере объясняется, почему в Мавераннахре чекан Кавада не представляет редкости, хотя, несомненно, что даже с потерей Ираном власти над областями Правобережного и Левобережного Тохаристана, какая-то часть сасанидских дирхемов продолжала проникать на территории современных Таджикской и Узбекской ССР по торговым руслам.

Несколько иные условия сложились, но далеко не сразу, при Хосрове I Анурширване (531—579). Происшедшее еще до его вступления на трон поражение маздакитского движения отчасти содействовало ускорению процесса феодализации, что в свою очередь обеспечивалось рядом проведенных им некоторое время спустя государственных реформ. Заметно окрепло государство. Правда, на первых порах Хосров продолжал выплачивать эфталитам установленную старыми договорами дань. Однако строительство новой районной стены с целой системой фортификационных сооружений между Табаристаном и Джурджаном позволило успешно уклониться от выплаты из казны крупной суммы денег, затребованных занявшим область Чуль тюркским правителем в качестве откупа, с получением которого он обещал не вторгаться в Иран. Затем в 554 г. Хосров отнял у эфталитов Тохаристан, а немного спустя с помощью тюрок положил конец их самостоятельному государству в Средней Азии, установив границу отчасти по Амударье и даже приведя в вассальную зависимость некоторые области на ее правом берегу.

Расцвет Ирана ранней поры феодализма при Хосрове I наглядно проявлялся заметной интенсификацией жизни городов, базировавшейся на развитии ремесел и торговли. С этим в значительной мере связано наличие в Средней Азии большого количества находок серебряных монет его чекана. В свою очередь, дирхемы этого государя оказали влияние на иконографию подражавших им некоторых эфталитских монет, выпускавшихся, видимо, больше в парадных целях в небольших количествах и не выдерживавших рыночной конкуренции с полноценными монетными кружками своих противников из-за низкопробности.

Относительно благоприятное для Ирана положение на северо-восточных границах оставалось и при Хормизде IV (579—590). Хотя в 588 г. войска тюрок вторглись в Хорасан и опустошили страну до Бадгиса и Герата, но полководец Бахрам Чубин сумел их оттеснить, разбив главные силы ябгу Кара Чурина. Его сын, собрав новую армию около Термеза, попытался смягчить последствия поражения, но осуществленные персами военные действия все же послужили определенным ударом по престижу тюркского каганата. Своей резиденцией Бахрам Чубин избрал Балх, однако и при нем персы недолго держали под своим контролем «всю страну кушанскую» к северу от Амударьи до

места Казбион, то есть до области долины Кашкадарьи, поскольку Казбион, как установленно нами, соответствует развалинам города Каспи в 35 *км* к западу от Карши. Был момент, когда персидские войска на короткое время захватили в 588/9 г. Самарканд. При всем том находок дирхемов Хормизда IV до сих пор в Средней Азии было значительно меньше, чем его предшественника.

Зато серебряные монеты чекана его сына и преемника Хосрова II Парвиза (590—628) нередко встречались в прежнее время на руках у местного населения и были довольно обычны на среднеазиатских антикварных рынках. В известной мере это объясняется продолжительностью его царствования. Положение у среднеазиатских окраин Сасанидского государства одно время было очень неблагополучным сначала из-за поднятого в начале VII в. восстания начальником армянской кавалерии Встамом, который во главе своих подчиненных и войск северо-восточных областей двинулся на Иран, чтобы свергнуть и убить Хосрова II. Однако во время похода он сам пал жертвой коварства одного из двух союзных правителей, отряды которых ему удалось включить в свою армию. Затем последовало опустошившее страну до Рея и Испахана кратковременное вторжение перешедших Амударью тюрок с их союзниками, в числе которых был правитель Балха. С последним после ухода тюрок персам под командой Смбата Багратуни удалось легко справиться, а в Хорасане, включавшем Мерв, Абиверд, Нису, Герат и Нишапур, наступило относительное успокоение, нарушенное только вскоре после 618 г. переходом возмутившихся против персов армянских нахарраров на службу к западным тюркам. При всем том внешние успехи Хосрова II на западных фронтах до 620 г. содействовали дальнейшему развитию торговых отношений с сопредельными странами, включая Кавказ и Среднюю Азию, а через них с племенами Восточной Европы. О массе обращавшихся тогда сасанидских дирхемов можно судить лишь по косвенным данным исходя, например, из наличия звонкой монеты в царских хранилищах, куда поступали средства, выкачиваемые из населения всеми способами, и военная добыча, причем, как правило, ценные металлы превращались в звонкую монету, преимущественно в серебряную. Из показаний на суде самого Хосрова II известно, что после ее перечеканки новыми штампами в 620 г. даже за вычетом сумм на содержание войск и тех денег (старого чекана), которые были подсчитаны перед этим, имевшиеся запасы составили цифру свыше двух с четвертью миллиардов дирхемов только с указанием нового года правления государя. Допуская неточность и даже некоторое нарочитое преувеличение в дававшихся судьям сведениях свергнутым с престола шахом, все же приведенное показание позволяет легко понять вторую причину, почему так много содержится монет Хосрова II в кладах, находимых за пределами Ирана, в том числе в Мавераннахре.

Вместе с тем наступившее в стране после его казни смутное время, характеризовавшееся страшным внутренним хаосом, а затем и военными неудачами, красноречиво отражено почти полным отсутствием в тех же кладах дирхемов чекана около десятка шахов и шахинь, побывавших на престоле за последние 23 года существования Сасанидской державы, причем от некоторых из них вообще не дошло монет с обозначением их имен. Кстати, монеты Ездегерда III (632—651) изредка фигурировали на бывшем самом крупном в Средней Азии са-

маркандском антикварном рынке (золотой динар был зарегистрирован на нем нами в 1924 г.).

Подводя итог всему сказанному, прежде всего следует констатировать, что на первых порах после падения Парфянской державы рыночное обращение сасанидских монет, близких к античным стандартам, не выходило в северо-восточном направлении далеко за пределы древней Маргианы. Не ранее самого конца III в. и не позднее самого начала V в. выпускавшийся Балхским монетным двором специальный кушано-сасанидский золотой и медный чекан Тохаристана имел хождение, может быть, с временными перерывами, в некоторых областях правобережья среднего течения Амударьи. Ареал его распространения доходил до южных пределов Кашкадарьинской области на севере, но не дальше, поскольку медные кушано-сасанидские монеты ни в Кеше (в широком понимании), ни в долине Зеравшана не встречаются и только один экземпляр их найден в окрестностях города Карши.

Просачивание сасанидских дирхемов в другие коренные земли Мавераннахра, которые раньше входили в состав Кангюйского объединения и в которых, в противоположность государству «Великих кушан», с античного времени продолжала оставаться денежная система, основанная на серебре, нумизматически начинает сколько-нибудь заметно ощущаться по существу с V в. Испытывая и до того нехватку собственного серебра, поскольку в горах Илака и более северного округа Шельджи, видимо, не были еще обнаружены рентабельные для тогдашней разработки месторождения серебро-свинцовых руд, отдельные владения согдийцев, не переходя на золотую валюту, широко практиковали выпуск медных по существу драхм, лишь с поверхности покрытых тончайшим слоем серебра. Постепенное вхождение в состав поглотившего их нового государственного образования эфталитов, не введших единообразной общеобязательной монетной системы и выпускавших, видимо, от случая к случаю незначительными эмиссиями подражавшие сасанидскому чекану свои монеты из низкопробного металла, не изменило здесь сколько-нибудь существенно положение в рыночном денежном обращении. Сасанидские дирхемы получили в Средней Азии достаточно широкое хождение уже в третьем—четвертом десятилетии V в., что иногда наглядно узаконивалось в отдельных владениях наложением тамошних надчеканов. Вместе с тем обнаружение в Ташкенте клада монет Варахрана V, в котором наряду с несколькими цельными монетными кружками имелись разной величины и формы довольно мелкие искусственно отломанные их кусочки, заставляет вспомнить самаркандские дирхемы шикесте (мукатта или мукассара) X в. и, быть может, намекает на практику приема серебра в таком северном районе, как Шаш, на вес. Для последующего времени при массовом притоке в Мавераннахр по упомянутым выше причинам монет Переза и позднее сасанидские ломаные дирхемы уже не встречаются.

Постепенное нарастание на протяжении VI столетия темпов торговых связей Ирана со странами Восточной Европы, что находит яркое отражение в составе находимых в России и Прибалтике монетных кладов, не проходит бесследно для Средней Азии. Как и на Кавказе, здесь увеличивается количество общей массы поступающих из Персии сасанидских дирхемов, в основном только провозимых через нее и «оседающих» лишь частично в относительно небольшом числе. При этом роль их, особенно с установлением власти тюркского каганата, стано-

вится во всех отношениях скромнее и они уже не служат образцами для местных чеканов, кроме бухархудатского, возобновленного после перерыва только в 633/4 г., но повторившего прежний тип монет Варахрана V. Как и эфталиты, тюрки не ввели единой монетной системы для всех покоренных народов. Сношения с Византией, минуя Персию, способствовали большому притоку византийских солидов в северные области. На иконографии появившихся в эту эпоху новой серии местных бронзовых монет с изображением иногда на лицевой стороне мужского и женского лица в фас, а на обратной — тамги и согдийской легенды явно сказалось влияние византийского чекана, в котором спаренные бюсты государя и царицы известны с 3-й четверти VI в. Наряду с этим в значительно большем количестве изготовлялись и находились в исключительно широком употреблении медные монеты серии с квадратным отверстием, подражавшие дальневосточным образцам и отливавшиеся правителями ряда коренных согдийских владений.

Ознакомление с составом монетных кладов Азербайджана и Закавказья привели в свое время нумизмата Е. А. Пахомова к выводам, что сасанидская драхма с III в. распространяется от Азербайджана до Черноморского побережья, до конца IV столетия служит главной валютой Закавказья, после чего на протяжении почти двух столетий конкурирует с новой византийской серебряной монетой. В VI—VII вв. количество обращавшихся на Кавказе сасанидских дирхемов значительно возрастает, и они даже после падения сасанидского государства остаются там главной денежной единицей, попадаясь иногда и в составах кладов начала VIII в. Золотые же сасанидские монеты не ходили в денежном обращении и употреблялись только как украшения, почему в большинстве случаев снабжены древними припайками и ушками.

Как показывает предложенное наше обобщение наблюдений в части находок сасанидских монет на территории советских республик Средней Азии, оно дает несколько расширенную против обычных представлений картину их денежного обращения здесь и позволяет улавливать больше этапов различной значимости, обусловленных специфическими местными политическими, экономическими и историко-культурными моментами.

Г. Я. ДРЕСВЯНСКАЯ

«ОВАЛЬНЫЙ» ДОМ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ В СТАРОМ МЕРВЕ

В 1950 г. при изучении исторической топографии Мерва проф. М. Е. Массоном была произведена по микрорельефу археолого-топографическая съемка городища Гяур-кала. В северо-восточном углу было отмечено два отдельно расположенных холма. Один из них округлый, совершенно оплывший без всякого археологического микрорельефа на поверхности, очень аморфный по форме, как бы имеющий в плане форму неправильного вытянутого с севера на юг шестиугольника площадью 1800 *м*^{2} с намеченным входом с южной стороны, расположен вблизи ремесленных кварталов (рис. 1). Здесь на предполагаемых остатках платформы раннесредневекового кёшка с 1953 г. были поставлены стационарные раскопки, получившие шифр МГК р-3б (в отличие от контрольного раскопа, заложенного на соседнем холме).

Производителем работ на площадке с 1953 по 1958 г. (с перерывами в 1955 и 1956 гг.) являлась археолог Л. М. Рутковская. В 1969 г. начальником раскопа была дипломант Ю. А. Каширова, а в 1960 г.— дипломант В. И. Белоусов.

В осенних полевых сезонах 1961—1964 гг. работы на раскопе производились Г. Я. Дресвянской при коллекторе — студенте кафедры археологии ТашГУ В. Н. Пилипко.

Памятник расположен в северо-восточной четверти городища Гяур-кала близ восточной стены в некотором удалении от кварталов сплошной застройки. «Овальное» здание построено из сырца 40×40×10—12 *см* на оплывших руинах дома парфянского времени[1], которые после разравнивания превратились в платформу высотой более 3 *м* от дневной поверхности (ориентировано с-ю) и само в свою очередь послужило, будучи забутованным, основой для возведения средневекового строения. Подчиняясь естественным контурам холма при выведении стен, строители допустили значительные отклонения от центральной оси в северо-западную сторону. Овал получился асимметричным: длина его — 58, ширина — 42 *м*. Толщина внешней стены различна: на юге — 6 *м*, на севере — 4,5, на востоке и западе — 2,5 *м*. В кладке часто встречаются кирпичи с клеймами в виде отпечатка руки и в виде прямой линии, делящей кирпич на две части. Памятник вместе с коридорами имеет 43 помещения (из которых не вскрыты 2 и в 10 ос-

тавлены контрольные бровки. Все внимание уделяется разбивке внутреннего пространства. Система плана четкая с 33 замкнутыми, изолированными вписанными в общий объединительный овал помещениями, самостоятельность их подчеркивалась и сводчатыми перекрытиями. Толщина внутренних стен — перегородок около 1,20 *м*, лишь иногда увеличивается до 1,70 *м*. Пять помещений — на юго-востоке, юго-западе, северо-западе и два—на северо-востоке — треугольные. Остальные в плане трапециевидные, меньшей стороной обращенные к центру, где находился большой двор — неправильный четырехугольник размером 30×20 *м*. Во время одного из строительных периодов южная часть двора была застроена тремя вытянутыми с севера на юг помещениями, сократившими двор до размеров 16×20 *м*. При планировке помещений в здании строители стремились придать им определенный стандарт; ширина всех комнат, за исключением угловых, около 2,5 *м*. Различие в длине объясняется овальностью внешней стены и желанием строителей придать двору форму, приближающуюся к прямоугольной. Все помещения со стороны двора, кроме северных, закрыты сплошной стеной из голубоватого сырцового кирпича 38×38×9—10 *см*. В нескольких местах во II ярусе раскопа сохранились фигурные выкладки из поставленных на ребро таких кирпичей. Возможно, они являются остатками рухнувшей стены вышестоявшего «воздушного» ныне кёшка.

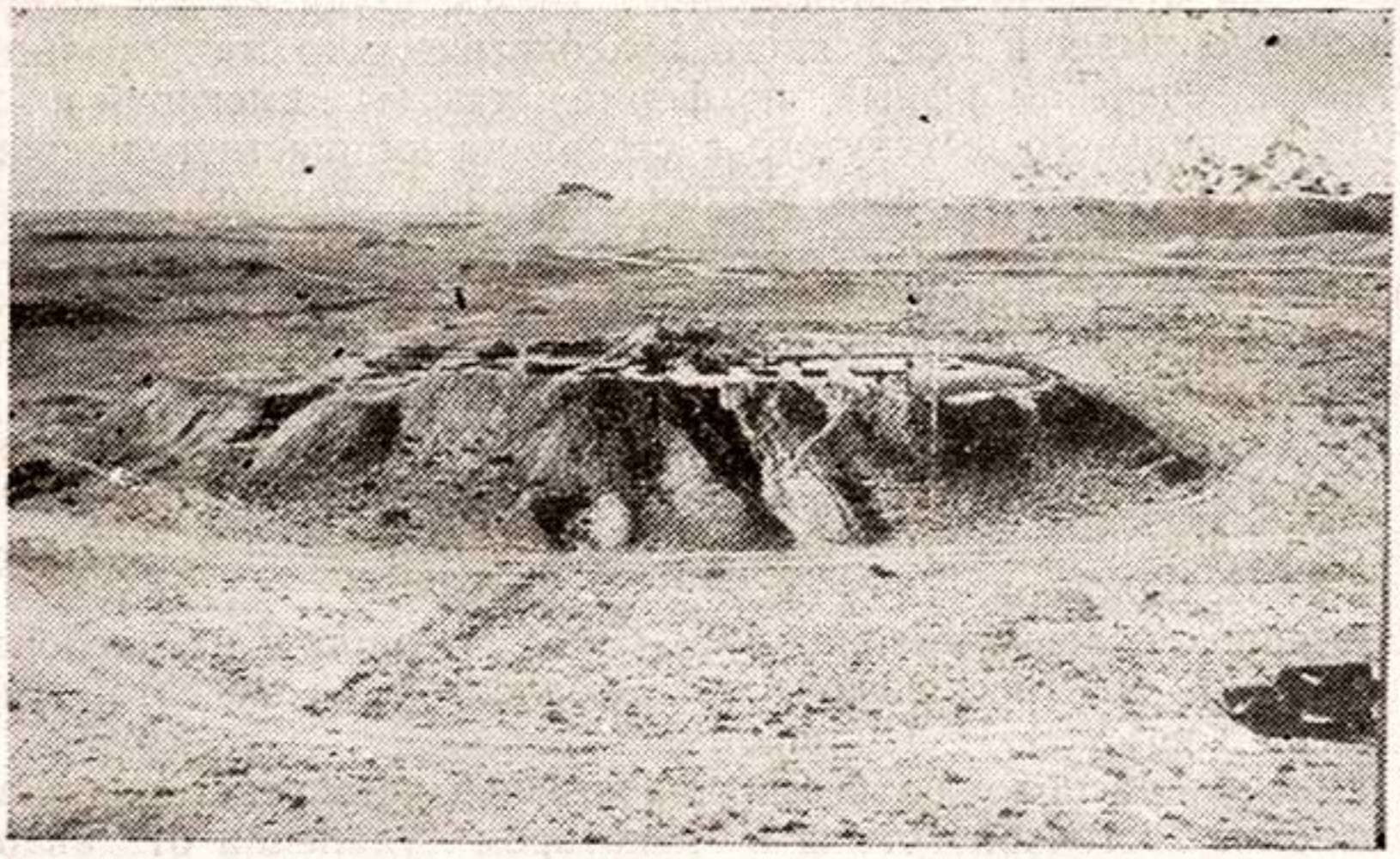

Рис. 1. Общий вид раскопа.

«Овальный» дом пережил несколько строительных периодов. В целом ряде помещений имеются заложенные и вновь прорубленные входы. Уровень полов постепенно повышался. Все помещения имеют по 2—3 пола, причем пол I прямо на платформе, остальные несколько выше, часто между ними — строительный мусор. Комнаты имеют по 3—4 слоя саманной штукатурки (но во многих она обрушена, возможно, преднамеренно), иногда окрашенные в черный цвет. Ниши различных размеров имеются почти в каждом помещении, многие из них замуро-

ваны. Большой редкостью являются суфы, пока их открыто только 4. Очаги встречаются чаще, хотя далеко не во всех помещениях, имеются даже камины. Диаметр очагов варьирует от 50 *см* до 1,15 *м*. Часто на полу отмечаются следы кострищ, видимо, они остались от случайных обитателей уже заброшенного дома. К зданию с южной стороны подводил пандус под углом в 14°, сделанный из плотно утрамбованной глины, уничтоженный в средней и северной части поздней пристройкой; сохранился он частично лишь внутри помещения под двумя уровнями полов. Строение вплотную примыкает к южному овалу стены, имеет мощную в 3,30 *м* южную стену и более тонкую в 1,30 *м* — северную, оно примыкает к «овальному» дому вплотную и не было необходимости делать эту стену очень толстой. Помещения были построены, когда овальное здание окончательно перестало обживаться, так как с его постройкой единственный вход в здание уничтожили. При раскопках здесь был найден кусок обкатанного лазурита густого синего цвета с золотыми тонкими прожилками и несколько фрагментов невыразительной керамики (рис. 2).

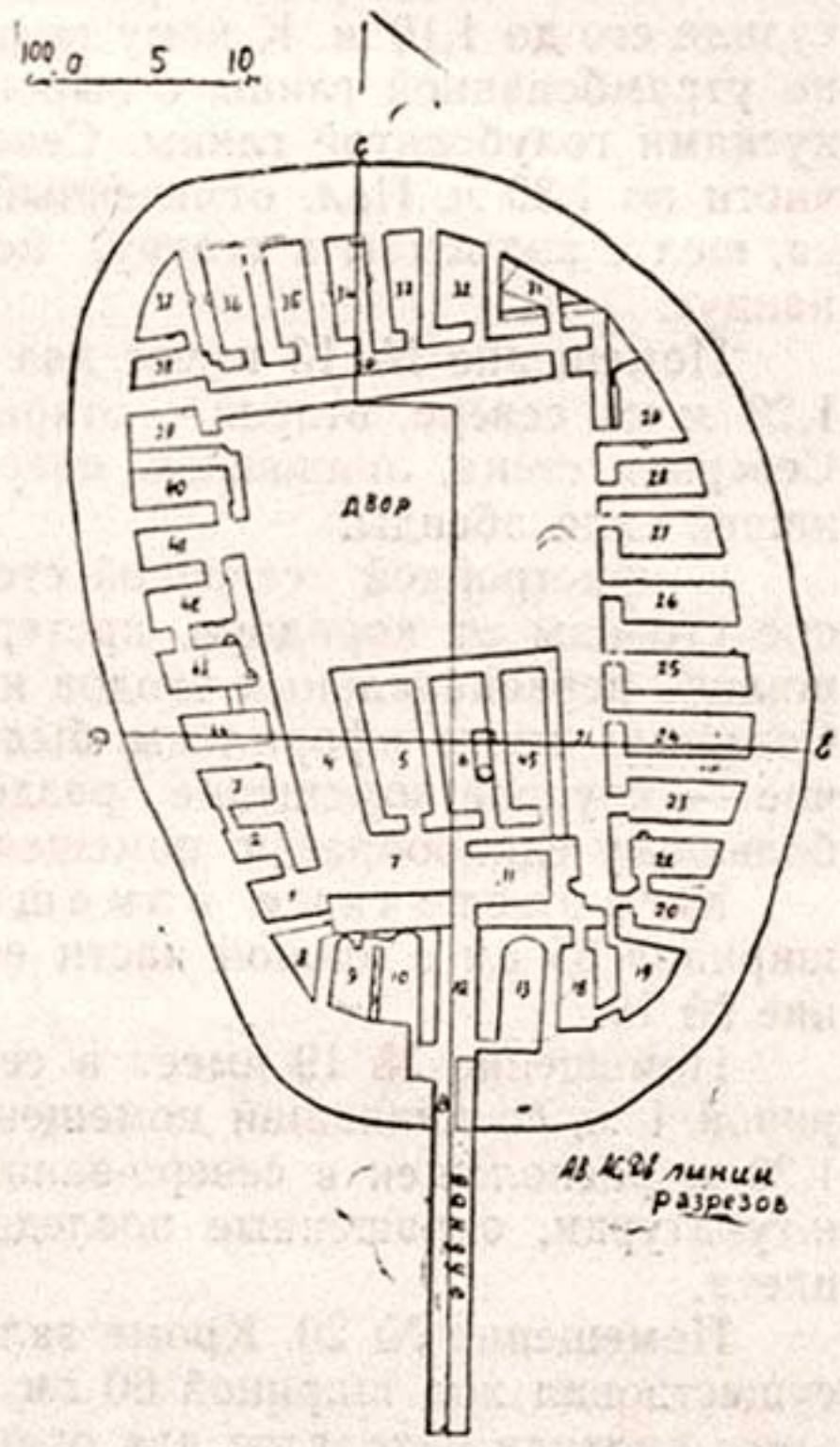

Рис. 2. План «овального» здания.

История сложения комплекса в целом выясняется при археологических исследованиях отдельных его участков. В плане «овального» дома можно выделить 6 групп помещений: южная, юго-восточная, восточная, северная, западная, центральная* (рис. 3, 4).

Южные помещения. Помещение № 8 имеет два уровня пола. Пол I — в конце V — начале VI яруса, пол II — в середине VI яруса. В западной стене 4 ниши, в восточной — 3, все заложенные. В северо-восточном углу сохранился проход шириной 80 *см*, оформленный аркой, легкая стрельчатость которой образуется двумя кирпичами, сходящимися в замке свода. Доступ в помещение был прекращен с пристройкой стены из голубоватого кирпича.

Помещения № 9 и 10 первоначально были едины. Вход шириной 70 *см* осуществлялся через дверь в северной стене. Позднее был закрыт стеной из голубоватого кирпича. В южной стене две заложенные голубоватыми кирпичами ниши. Стена перегородки толщиной 50 *см* имеет со стороны помещения № 9 три ниши и в северной части образует проход шириной 50 см. Помещения обживались и после пристройки северной стены, новый вход шириной 60 *см* был прорублен в юго-вос-

* Нумерацию помещения получали в процессе работ в порядке вскрытия, описание их в статье дается по указанным группам.

точном углу. Северную стену помещения № 10 в тот же период оформили полуциркульной нишей типа абсиды.

Помещение № 2 — коридор, соединяющий центральный двор с улицей. С западной стороны находится нишеобразная комната размером 2,40×1,30 *м*, видимо, служившая местом для привратника. Коридор в южной части подвергался ремонту; стена длиной 3 *м*, шириной 1,15 *м* сузила его до 1,10 *м*. К нему подводил пандус под углом в 14° из плотно утрамбованной глины с выбоинами на поверхности, заполненными кусками голубоватой глины. Северная стена сузила проход в северной части до 1,30 *м*. Пол, отмеченный на юге коридора на 15 *см* VII яруса, шел с подъемом к северу, но, возможно, под меньшим углом, чем пандус.

Помещение № 13 имеет два входа: один, заложенный, шириной 1,20 *м* на севере, второй — открытый, шириной 60 *см* на юго-западе. Северная стена, лишившись двери, была оформлена полуциркульной нишей типа абсиды.

С пристройкой северной стены помещения, расположенные по обе стороны от коридора, претерпели одинаковые изменения. Оба лишились первоначальных входов и обрели новые, выходящие в коридор. Северные стены оформлены были полуциркульными нишами. Различие — крупное помещение разделили на два, но это лишь привело к большому единообразию помещений № 10 и 13.

Юго-восточные помещения. Помещение № 18 имеет вход шириной 85 *см* в южной части восточной стены, ведущей в помещение № 19.

Помещение № 19 имеет в северной стене заложенный проход шириной 1 *м*, соединявший помещения № 19 и 20. Новый вход шириной 1,20 *м* расположен в северо-западном углу. Комната имеет три слоя штукатурки, окрашенные последовательно в черный, белый, розовый цвета.

Помещение № 20. Кроме заложенного прохода в помещение № 19, существовал ход шириной 60 *см* в соседнее помещение № 22. Около этого прохода находятся два очага: один — д-55 *см* восточнее прохода, второй — д-55 *см* прямо в нем. Выход из помещения был в западной стене шириной 70 *см*. Пол I в конце V яруса, пол II — в IV ярусе. Нижний слой штукатурки черного цвета. Помещение № 22 сохранило остатки черной штукатурки. В северной стене — ниша, в северо-западном углу — очаг д-50 *см*. На южной стене глубоким рельефом по сырой штукатурке изображен крест и стилизованное дерево. Первоначально помещения № 19 и 22 сообщались со двором через помещение № 20. Они были окрашены в черный цвет. Помещение № 18 имело проход во двор. После пристройки стены, отделявшей южные помещения от двора, проход между помещениями № 19 и 20 закрыли, в северо-западном углу помещения № 19 прорубили новый и из помещения № 18 можно было пройти во двор только через него. Цвет одной комнаты стал белым и затем розовым. Помещения № 20 и 22 получили штукатурки из голубоватой глины (имеется по два слоя таких штукатурок). В последний момент вход в помещение № 22 из 20 был прекращен и поставлен 2-й очаг, возможно, последними его случайными обитателями. На уровне пола в помещении № 20 обнаружена яма неправильной формы, уходящая на глубину V яруса, заполненная рыхлой землей зеленоватого цвета с костями животных,

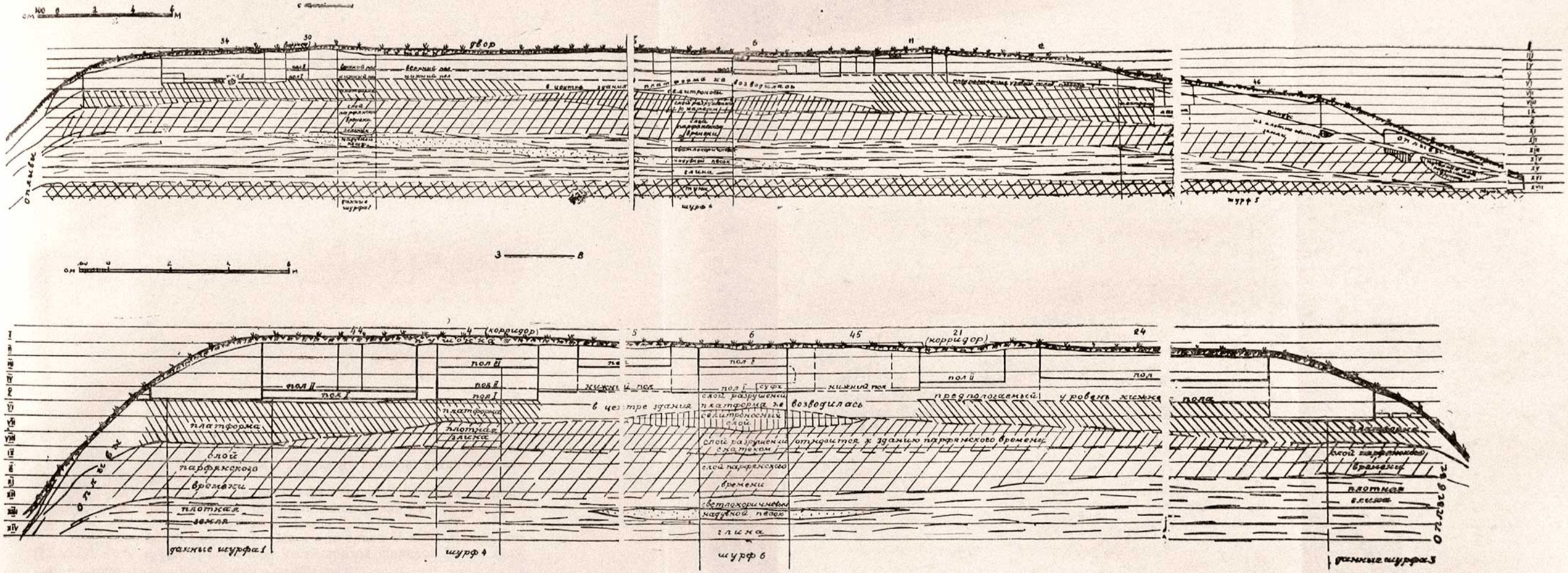

Рис. 3. Раскоп 3. Разрез с—ю.
Рис. 4. Раскоп 3. Разрез з—в.

золой, битой керамикой. По-видимому, помещение стало выполнять функцию хозяйственную (рис. 5).

Восточные помещения. Помещение № 23. В западной стене была дверь шириной 1,10 *м*, закрытая стеной из голубоватого кирпича. В северной и восточной стене — замурованные ниши.

Помещение № 24. Проход, ведущий в помещение № 25, шириной 65 *см* заложен и заштукатурен двумя слоями голубоватой глины под обычной светло-серой. В северной стене ниша заложена светло-серым кирпичом. Пол открыт на 20 *см* IV яруса.

Помещение № 25. Нижний слой штукатурки черного цвета, после закладки входа комнату облицовали светло-серой глиной с саманом. Пол на уровне 10 *см* V яруса.

Помещение № 26. Имеет выход шириной 65 *см* на западе. Нижний слой штукатурки черного цвета. В северной стене — ниша. На южной стене встречены на одном из слоев штукатурки остатки изображения в виде треугольника, с отходящими вправо от несохранившейся вершины двумя полосами, сделанными по сырой штукатурке, вероятно, пальцем.

Помещение № 27. Вскрыто на глубину 1,20 *м*. В северной стене находится ниша и заложенный вход шириной 60 *см*, ведущий в помещение № 28.

Помещение № 28. Вскрыто на глубину 50 *см*. В западной стене дверной проем шириной 75 *см*.

Помещение № 29. В плане напоминает треугольник, после закладки северного угла приобрело форму усеченного треугольника. В восточной стене замурованная ниша, в южной — две ниши, одна — открытая. Пол в начале VI яруса. В центре найден очаг, заложенный двумя голубоватыми сырцовыми кирпичами, два очага д-50 *см* у западной стены. Вход осуществлялся через дверь шириной 80 *см* в западной стене.

Рассмотренные восточные помещения показали, что вначале многие из них сообщались друг с другом непосредственно и некоторые имели черный цвет штукатурки. В результате перепланировки и ремонта все они стали иметь входы со стороны двора, цвет многих комнат изменился после оштукатуривания голубоватой или светло-серой глиной.

Восточные помещения отделены от двора глухой стеной, перекрывавшей существовавшие проходы в более тонкой стене. Кладка стены из голубоватого кирпича начинается в конце III — начале IV яруса, то есть выше полов в помещениях. Эту стену возвели, когда комнаты перестали обживаться.

Северные помещения № 31—38 отделены от двора длинным коридором 30. Стена его, как показали наблюдения в шурфе № 7, строилась одновременно с овальным домом.

Помещение № 30 (коридор). Пол I—на грани V и VI ярусов, пол II—на 35 *см* V яруса. В восточной части проход шириной 80 *см*, ведущий во двор.

Помещение № 31. Треугольного плана со входом шириной 60 *см*. В один из строительных периодов южная стена была утолщена на 60 *см*. Еще через некоторе время углы оказались забутованы и помещение приобрело подквадратную форму.

Помещение № 32. Вскрывалось частично на глубину 50 *см*. На юге—вход шириной 75 *см*.

Помещение № 33. Пол I на уровне 10 *см* V яруса, пол II — на 22 *см* IV яруса. Южный проход шириной 55 *см*. Угол стены в проходе несколько округлен со стороны коридора, в восточной стене в нише высотой 40 *см*, шириной 40, глубиной 20 *см*, при закладке вмазан сосуд.

Помещение № 34. Определены два уровня пола с разницей в 15 *см*. Пол I — 27 *см* VI яруса имеет две ниши — в западной и восточной стене. В северо-восточном углу суфа длиной 1 *м*, шириной 75 *см*, высотой 50 *см*. Вход с юга шириной 80 *см*.

Помещение № 35. Пол I — на 40 *см* V яруса, пол II—на 45 *см* IV яруса. Проход в южной стене шириной 1,10 *м*.

Помещение № 36. Вскрыто до верхнего пола в средине VI яруса. Обнаружены две ниши —одна в западной стене, вторая — сложной конфигурации в юго-западном углу — заложена. Дверной проем в южной стене шириной 90 *см*.

Помещение № 37. Треугольного плана. Пол I—на 35 *см* V яруса, пол II—на 15 *см* V яруса, пол III—на 5 *см* V яруса. Две ниши в восточной и южной стене. Вход шириной 70 *см* осуществлялся через помещение № 38.

Помещение № 38. Не имеет восточной стены, открыто в коридор.

Северные помещения, отделенные от всего комплекса коридором, подвергались значительным ремонтам (кроме помещения № 31). Все они имеют по 2—3 слоя саманной штукатурки, ниши иногда заложенные. Уровни полов повышались за счет обмазывания глиной. Кирпичи голубоватого цвета не встречались.

Западные помещения. Помещения № 39, 40 первоначально были едины. Пол I — в конце V — начале VI яруса, пол II — на 20 *см* V яруса. На полу II лежит основание стены-перегородки, которая примыкает к западной стене. Первоначальные размеры помещения 5,60× ×4,80 *м*. В южной стене—заложенная ниша. Входили через проем в восточной стене шириной 70 *см*. Когда поставили стену-перегородку, вход в помещение № 39 остался прежним, а в помещение № 40 попадали через проем в восточной части южной стены шириной 1 *м*.

Помещение № 41 без восточной стены. Возможно, она и была вначале, но в один из строительных периодов помещение стало открытым со стороны двора. Пол I — на 30 *см* V яруса, пол II — на 10 *см* выше. В южной стене с восточной стороны проход шириной 1 *м* вел в помещение № 42.

Помещение № 42 имеет в восточной стене первоначальный вход шириной 60 *см*, впоследствии заложенный. Помещение являлось проходным из 41 в 43-е. В южной стене—две ниши. В западной части южной стены проход шириной в 1 *м* вел в помещение № 43. Пол I — на 30 *см* V яруса, пол II—на 15 *см* выше.

Помещение № 43 проходное из 42 в 44-е. В восточной стене проем шириной 75 см. При его закладке стену увеличили в толщине на 20 *см* за счет внутреннего пространства. В северной и южной стене по одной нише. Пол I—на 35 *см* V яруса, пол II — на 10 *см* V яруса. На нижнем полу в юго-восточном углу суфа длиной 1,60 *м*, шириной 60 *см*, высотой 20 *см* рядом с камином. В северной и южной стене по нише. Верхний слой штукатурки окрашен в черный цвет. В восточной части южной стены прорублен проход шириной 80 *см*.

Помещение № 44. Восточная стена сложена заново, не сохранила первоначального входа, вторичный был прорублен в нише в стене

между помещениями № 44 и 43. Пол I — на 20 *см* V яруса, пол II—на 10 *см* V яруса. Две ниши в южной стене заложены голубоватым кирпичом. Три слоя штукатурки и все покрыты черной краской.

Помещение № 1 имеет четыре уровня пола, пол I—в конце V яруса, пол II — в середине V яруса, пол III — в IV ярусе, пол IV — в III ярусе. Имеется широкий в 1,50 *м* проход во двор, в северной стене — дверь шириной 70 *см,* ведущая в помещение № 2.

Помещение № 2. Пол в V ярусе; помещение является проходным из 1-го в 3-е, возможно, первоначально имело вход также со стороны двора.

Помещение № 3. Пол I—в начале VI яруса, пол II—в V ярусе. В северной стене—ниша. Один из слоев штукатурки черного цвета. Стена из голубоватого кирпича надстраивает стену из светло-серого кирпича с IV яруса.

Общим для всех западных помещений является то, что все они имеют заложенные входы со стороны двора. При строительстве восточной стены в помещение № 44 стали входить через 41, 42, 43-е. Помещения № 1, 2, 3 соединялись подобным же образом. Уровень пола поднялся. Часть ниш замурована. Первоначально крупное помещение было разделено на два — 39 и 40-е. В южной части двора имеются вытянутые с севера на юг помещения.

Помещение № 5. Полы—в конце IV яруса и в III ярусе. В южной стене вход шириной 60 *см.*

Помещение № 6. Пол I—в начале V яруса, пол II—в III ярусе. У западной стены суфа длиной 2,80 *м*, шириной 1,10 *м*, высотой 25 *см* сложена из голубоватого кирпича размером 35×10 *см.* В южной части ее находится очаг д=1,10 *м.* Над суфой—ниша. Вход с юга шириной 70 см.

Помещение № 45. Пол I—на 40 *см* V яруса, пол II—на уровне 10 *см* IV яруса. При постройке центральных помещений с запада и востока образовались коридорообразные проходы 4 и 21. Восточная стена помещения № 45 с восточной стороны имеет пришлепку в 1 кирпич (шириной 40×40×10 *см*). На штукатурке под кирпичами следы окрашивания в черный цвет. В добавочной кладке встречена медная монета плохой сохранности VI в. С юга между вновь построенными и «старыми» помещениями № 9 и 10 появилось помещение № 7. Против помещения № 13 появилось помещение № 11.

Помещение № 7 открыто до верхнего пола в III ярусе; один из слоев штукатурки на южной стене черного цвета.

Помещение № 11 П-образного плана, без западной стены, вскрыто до верхнего пола в III ярусе.

Помещение № 21 с двумя уровнями полов в конце IV яруса и в начале IV яруса. На верхнем полу очаг д=55 *см.* Один слой штукатурки на восточной стене черного цвета.

Помещение № 4 имеет 3 уровня полов; пол I—в конце V яруса, пол II — в IV ярусе, пол III — в III ярусе. Между полами завал из строительного мусора.

Центральные помещения построены позже «овального» дома, когда культурный слой поднялся на 40 *см* от пола I (конец V — начало VI яруса). Стены их подстилаются тонкой прослойкой голубоватой глины, оставшейся от предыдущего периода, когда она использовалась для кирпичей, из которых построены поздние стены. Для суфы использовали также кирпичи, оставшиеся от прежних работ, или, может быть,

разобранные из какой-нибудь «старой» кладки. Появление второго уровня пола связано со вторичным обживанием здания, когда большая часть помещений стояла в забросе и обживались только те комнаты, которые находились в лучшем состоянии. На верхнем полу отмечены следы кострищ (рис. 6).

Общим для всего здания являются закладки прежних входов и использование новых, повышение уровня пола, появление новых штукатурок, употребление голубоватого кирпича и такой же глины для возведения по трем сторонам двора стен и ремонта помещений. Для восточных помещений в первый период были характерны сообщающиеся двухкомнатные жилища, между тем как на юге, западе и севере помещения были одиночными, имевшими входы со стороны двора. Второй период характеризуется закладкой первоначальных проходов и появлением новых. Западные помещения стали представлять собой цепочку сообщающихся комнат, в южные абсидальные помещения стали попадать из коридора, восточные стали иметь входы со стороны двора. Уровни полов поднялись (пол I), центральный — подремонтировали. Еще через некоторое время южную половину двора застроили тремя помещениями. Крупные площади на западном и южном участках разделили на два помещения. Центральный вход в южной части сузили. Незначительные ремонты произошли в остальных помещениях, они выразились в обновлении штукатурки. В некоторых помещениях уровень пола значительно поднялся (пол III).

При раскопках в заполнении помещений встречена бытовая керамика V—VI вв., отчасти IV и VII в. н. э. (рис. 7, 8, 9).

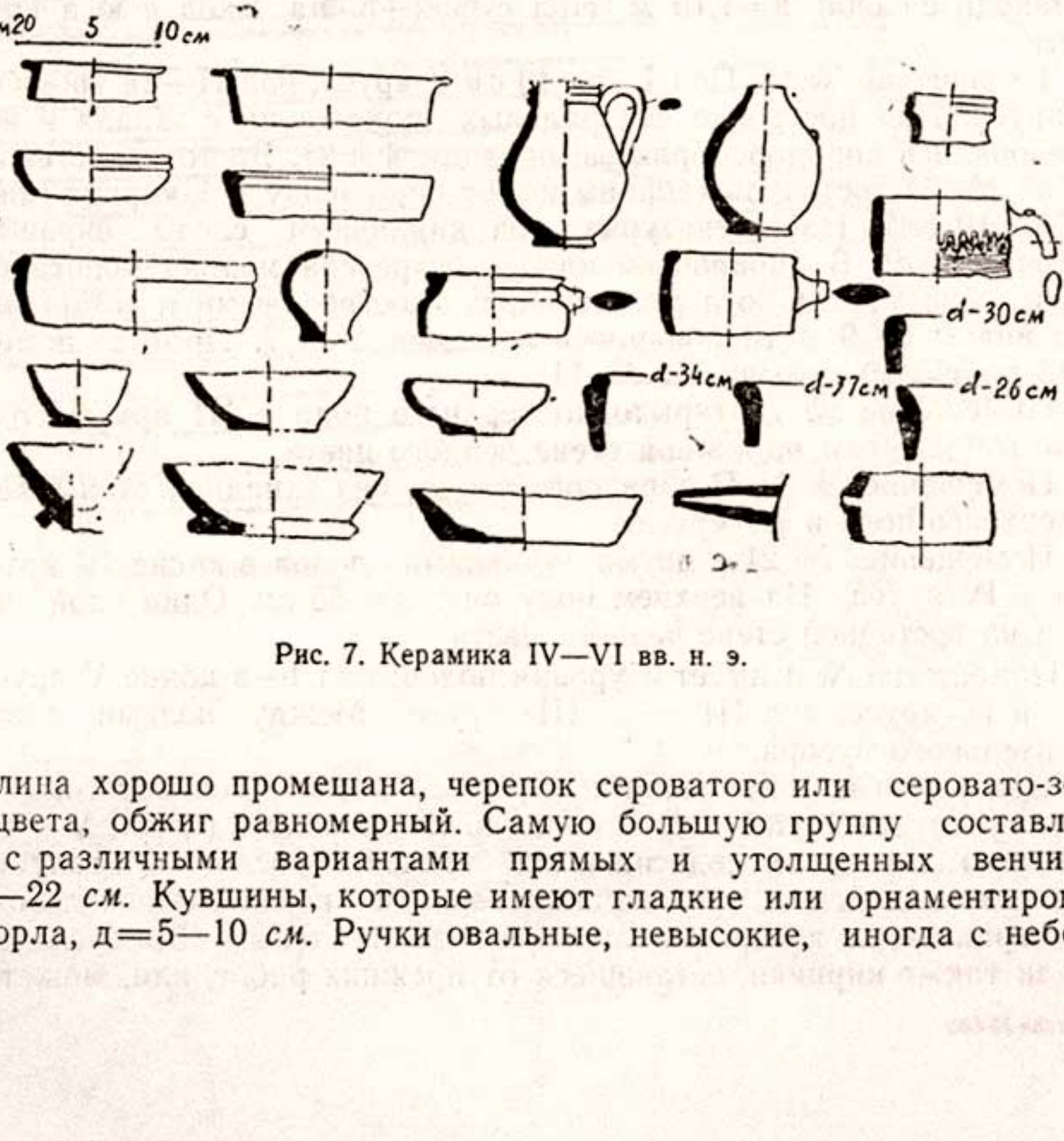

Рис. 7. Керамика IV—VI вв. н. э.

Глина хорошо промешана, черепок сероватого или серовато-зеленого цвета, обжиг равномерный. Самую большую группу составляют чаши с различными вариантами прямых и утолщенных венчиков. д=12—22 *см*. Кувшины, которые имеют гладкие или орнаментированные горла, д=5—10 *см*. Ручки овальные, невысокие, иногда с неболь-

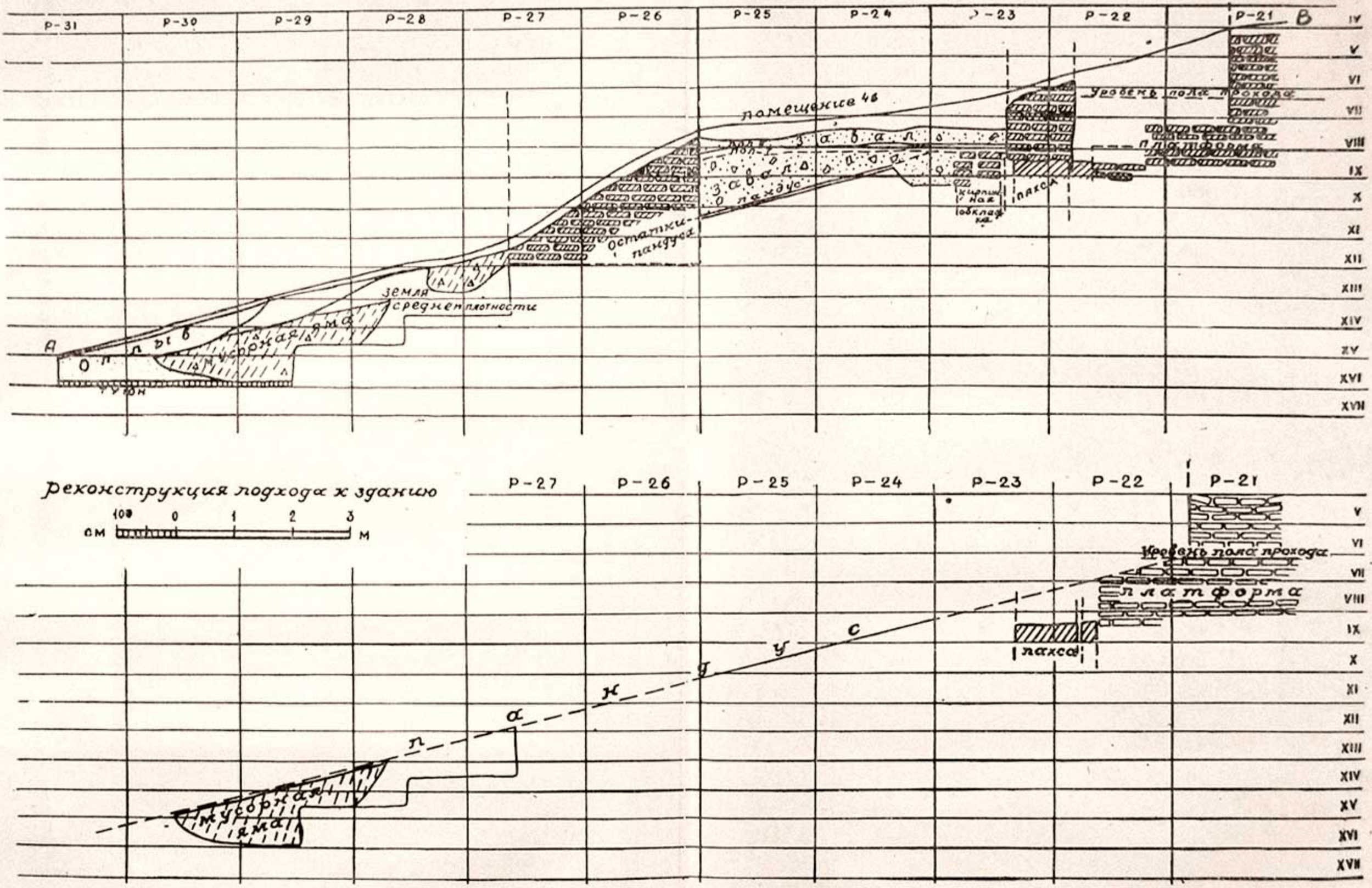

Рис. 5. Разрез по линии А—В.

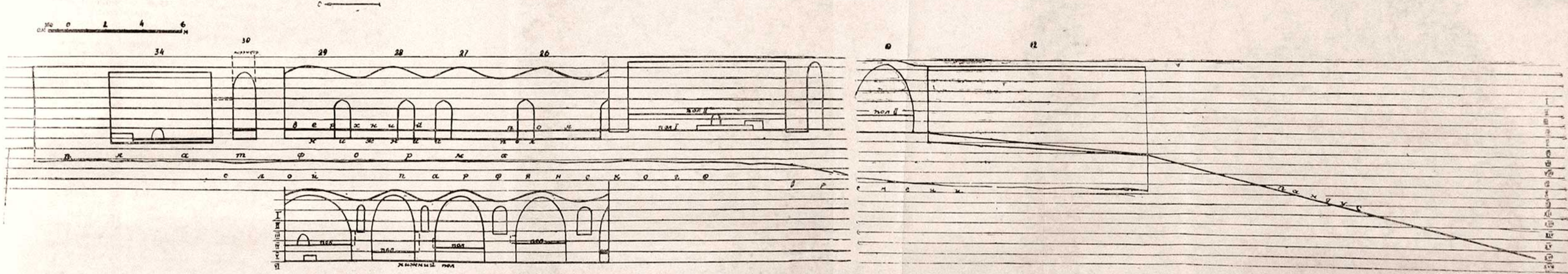

Рис. 6. Реконструкция «овального» здания.

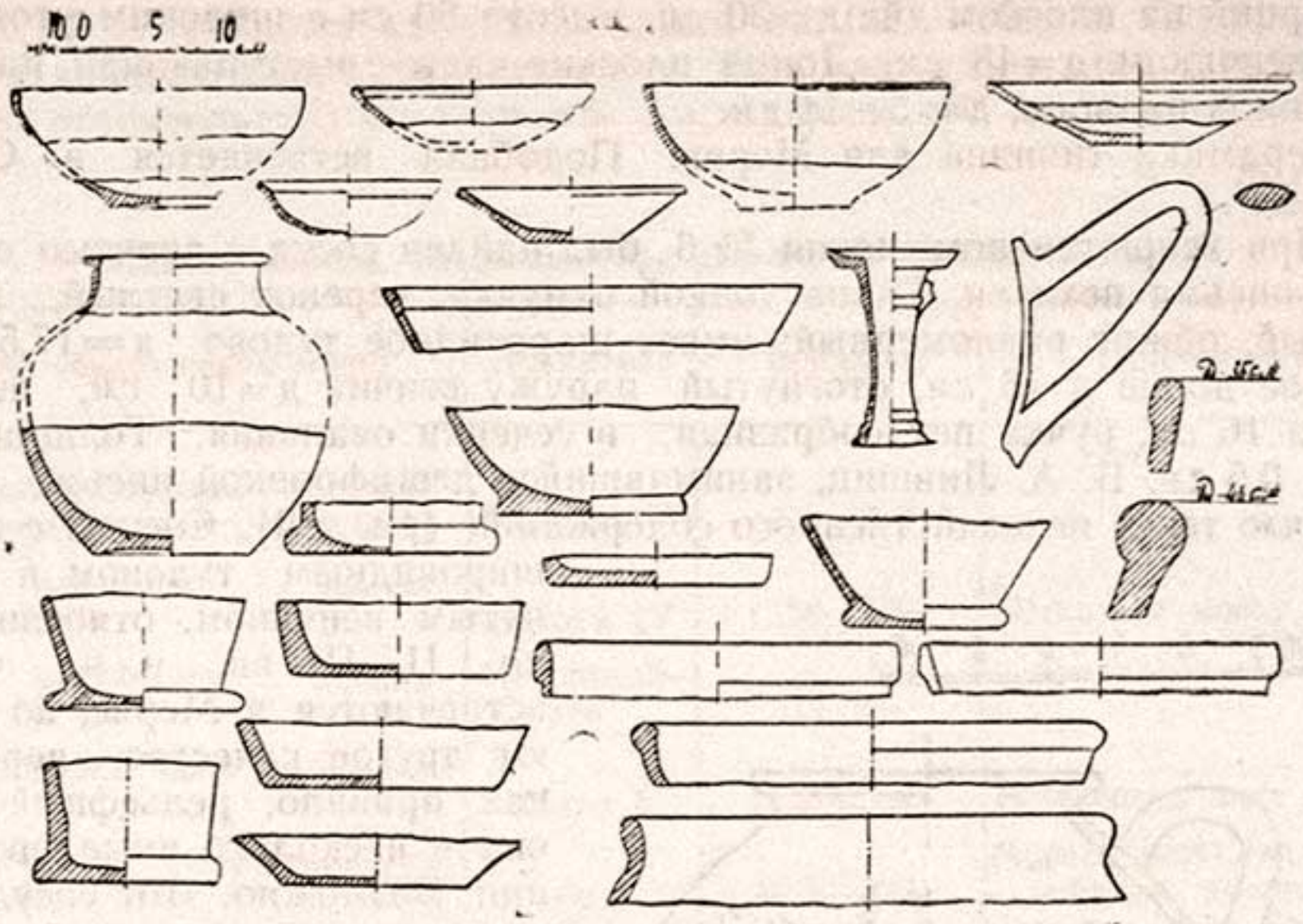
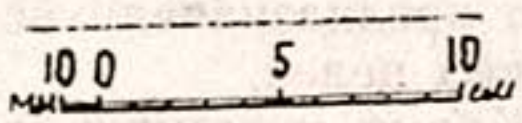

Рис. 8. Керамика V—VI вв. н. э.

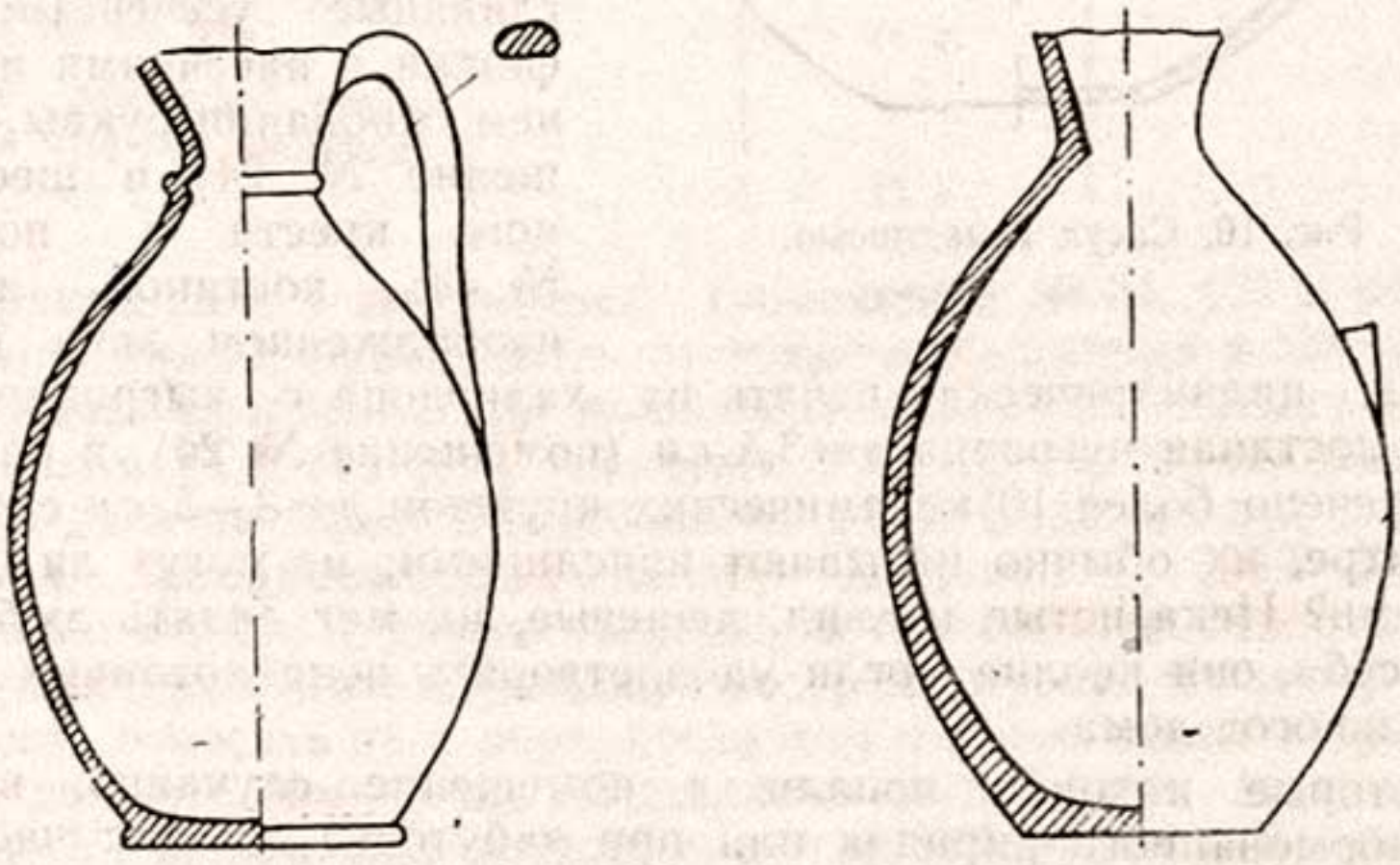

Рис. 9. Керамика V—VI вв. н. э.

шим налепом. Найдена ручка от крупного сосуда, сильно вытянутая вверх и в сторону. Фрагмент кубка на кольцевом поддоне д=5 *см*. Копилка шаровидной формы д=7 *см* с прорезью наверху, на плоском невысоком основании д=4 *см*, носик сосуда конической формы длиной 8 *см*, д=3 *см*, д отверстия — 1,6—0,6 *см*. Фрагмент шаровидного сосуда с носиком длиной 1 *см*, д=1 *см*, д отверстия — 0,7 *см*. Хум стройных

пропорций на плоском дне д=30 *см*, высота 80 *см* с широким утолщенным венчиком д=48 *см*. Донца плоские, часто с выступающей наружу закраиной поддона, д=5—14 *см*.

Керамика типична для Мерва. Подобная встречается в Согде, Хорезме[2].

При вскрытии помещения № 6 был найден сосуд с девятью строчками письма пехлеви. Глина тонкой отмучки, черепок светлый, ангоб светлый, обжиг равномерный; имеет шаровидное тулово д=17,5 *см*, плоское донце д=6 *см*, отогнутый наружу венчик д=10 *см*, высота сосуда 16 *см*, ручка петлеобразная, в сечении овальная. Толщина черепка 0,5 *см*. В. А. Лившиц, занимавшийся дешифровкой письма, сообщил, что текст нехозяйственного содержания (рис. 10). Сосуды с почти шаровидным туловом и отогнутым венчиком, относящиеся ко II—III вв. н. э., часто встречаются в Мерве, но имеют другое качество черепка, как правило, рельефный венчик и несколько иные пропорции. Возможно, этот сосуд как пережиточная форма бытовал значительно позже III в. н. э. Отличное качество и изящество можно объяснить тем, что его предназначали не для бытовых целей.

Рис. 10. Сосуд с надписью.

Кроме керамики встречены глиняные усеченные конусы-фишки с насечками на верхнем основании буквы X (помещение № 24) и шестиконечного креста в помещении № 44; костяной амулет с изображением льва (помещение № 5); цилиндрическая печать из халцедона с выгравированным крестом; костяная пуговица д=3,5 *см* (помещение № 24), в разных местах встречено более 10 керамических кружков д=3—5 *см* с отверстием в центре, их обычно называют пряслицами; не могут ли они быть пуговицами? Неказистые на вид, дешевые, их мог делать любой человек для себя, они вполне могли удовлетворять неприхотливых обитателей «овального» дома.

Некоторые находки попали в помещение случайно, видимо, с глиной формованного кирпича или при забутовке здания: часть керамических ядер, фрагменты терракотовых статуэток античного времени, бронзовый трехгранный наконечник стрелы со втулкой (помещение № 19), стеклянный сосуд в форме античной арибалы (помещение № 6), несколько фрагментов керамики маргианской культуры типа Яз II — сер. I тыс. до н. э. (помещения № 24, 44). Трудно понять какое отношение имели к объекту железная крица (помещение № 24), два куска полированного гранита и кусок горного хрусталя (помещение № 1), фрагмент поливного сосуда (помещение № 2).

За годы работ на объекте часто встречались монеты медные, но, как правило, плохой сохранности (таблица)[3]. В платформе здания

(шурф № 1) найдены монеты Бахрама IV (388—399) и (шурф № 7) монета неизвестного правителя IV в. Это дает основание датировать начало строительства «овального» дома концом IV — началом V в.

Таблица

Медные монеты, найденные при раскопках «овального» дома

Место обнаружения монет	Правитель	Время, г.	Примечание
В архитектурных остатках античного времени (шурф № 1)	Хормизд II	(303—309)	
В платформе здания (шурф № 1)	Бахрам IV	(388—399)	Несколько монет
В платформе здания (шурф № 7)	Не определен	IV в.	
На верхнем полу (помещение № 1)	Кавад I	(488—531)	Найдены в виде клада
На верхнем полу (помещение № 44)	Хосров I	(538—577)	Монета имеет два аверса, найдена вместе с монетами 2-й половины VI в.
В завале (помещение № 10)	Хормизд IV	(579—590)	
На верхнем полу (помещения № 11, 34, 36, 44)	Не определен	2-я половина VI в.	Монеты очень плохой сохранности встречены со следами кострищ и мусора на полу.
В верхнем слое штукатурки (помещения № 34, 40)	"	VI в.	
В кладке ремонтной стены с восточной стороны (помещение № 45)	"	VI в.	

В верхнем слое штукатурки (помещения № 34, 40) в ремонтной стене помещения № 45 оказались случайно замешанные в глину монеты VI в. Это дает основание для датировки последнего строительного периода началом VI в. На полу (помещения № 11, 34, 36, 44) было встречено более десятка монет 2-й половины VI в. Одна монета определена точно, как принадлежавшая чекану Хосрова I (539—577), это оригинальная монета с двумя аверсами и без реверса. Монеты находились почти всегда вместе со следами кострищ, мусора на полу, что дало возможность относить их к поре, когда дом в целом стоял заброшенным и лишь отдельные помещения обживались случайными людьми. Если в середине VI в. дом был заброшен, а в штукатурках найдены монеты VI в., это еще больше утверждает в мысли, что последний строительный период мог произойти в начале VI в. Найденная в завале (помещение № 10) монета Хормизда IV (579—590) косвенно указывает на время завала старых помещений.

Керамический материал указывает на интенсивное обживание «овального» дома в V—VI вв. На основе керамического и, главным образом, нумизматического материала строительные периоды можно датировать следующим образом.

I период. Возведение «овального» дома на остатках строений парфянского времени. Строятся мощные стены «овала» с вписанными

в него помещениями и центральным двором. Западные и южные помещения сообщаются с двором непосредственно. На востоке — сдвоенные (№ 24, 25, 27, 28) и «строенные» (№ 19, 20, 22) помещения. Черный цвет в интерьере имели помещения № 19, 20, 22, 25, 44. Северные отделены от двора коридором. Конец IV — начало V в.

II период. Происходит перепланировка восточных помещений (все они стали иметь выходы во двор), западных (когда помещения № 44—40 и 1—3 стали сообщаться между собой непосредственно) и южных (некоторые стали иметь выходы в коридор). Вероятно, такая сложная перепланировка проходила в два этапа с небольшими промежутками времени. Сначала перепланировали восточные, затем западные помещения. В некоторых помещениях имеются по два слоя голубоватой штукатурки. Помещение № 19 окрасили в белый цвет, помещения № 20, 22 и 24 стали голубоватыми. Помещения № 43, 44, 3 покрыли штукатуркой черного цвета. Может быть, со стороны двора стены также были окрашены в черный цвет (судя по остаткам черных штукатурок в помещениях № 7 и 21). Часть ниш оказалась ненужной, и их заложили, северная часть центрального коридора стала уже, пандус подвергается ремонту — выбоины на его поверхности заравниваются кусками глины. Уровни пола поднялись за счет строительного мусора. Северные помещения остаются без изменения за исключением помещения № 31, которое сократилось в размерах за счет увеличения толщи южной стены. Для этого периода характерно использование голубоватых кирпичей 38×38×9—10 *см* и такой же глины. Поскольку III период датируется началом VI в., а первый период — концом IV — началом V в. II строительный период наблюдался в V в.

III период. Южная половина двора застраивается тремя помещениями. Существовавшие крупные помещения разделены на две части. Помещение № 31 приобрело подквадратную форму. Центральный вход в южной части сужен поставленной в нем стеной. Штукатурки в помещениях стали светло-серого цвета, только помещения № 43, 44 и 3 остались черными. В строительстве применяется кирпич 40×40×10 *см*, тождественный кирпичу всего «овального» здания. Уровни полов в некоторых помещениях (подвергавшиеся более значительному ремонту, чем остальные) поднялся. III период относится к началу VI в.

Дворовая организация плана является традиционной для всего Востока. Наличие комнаты для привратника объясняется изолированностью дома от городской застройки, уединенным образом жизни его обитателей. В стене комнатки должно быть отверстие, через которое привратник видел подходивших к дому. Подобные комнаты в среднеазиатской архитектуре не являются редкостью[4].

Перекрытия также обычны. Помещения сводчатые. Пята свода сложена в середине III яруса. Стены помещения плавно переходят в свод, который выводился из сырцового кирпича тех же размеров, что и стены. Использовался общепринятый в Средней Азии метод — выведение сводов поперечными отрезками.

Свет помещения получали через дверные проемы. Двери, вероятно, были деревянные (в стене прохода помещения № 39 встречены термитные корки). Подпятников нет. По-видимому, деревянные двери вставлялись в деревянные рамы дверных проемов.

Почти в каждом помещении имеются ниши, построенные из 2 или 3 центров. Иногда наблюдается легкая стрельчатость. Профессор Г. А. Пугаченкова считает, что стрельчатость появилась при оштука-

туривании стен мастером. Арки ниш выводились в процессе кладки стен. Кривые образованы напусками кирпича. Часть ниш имеет арки, образованные «подточенными» кирпичами. Может быть, такие ниши вырубали в стене позже. Замечено, что ниши первого типа иногда оказываются заложенными, между тем как вырубленные в стене — открытые. Все это приводит к мысли считать ниши с «подточенными» кирпичами, сделанными в последние строительные периоды (рис. 11).

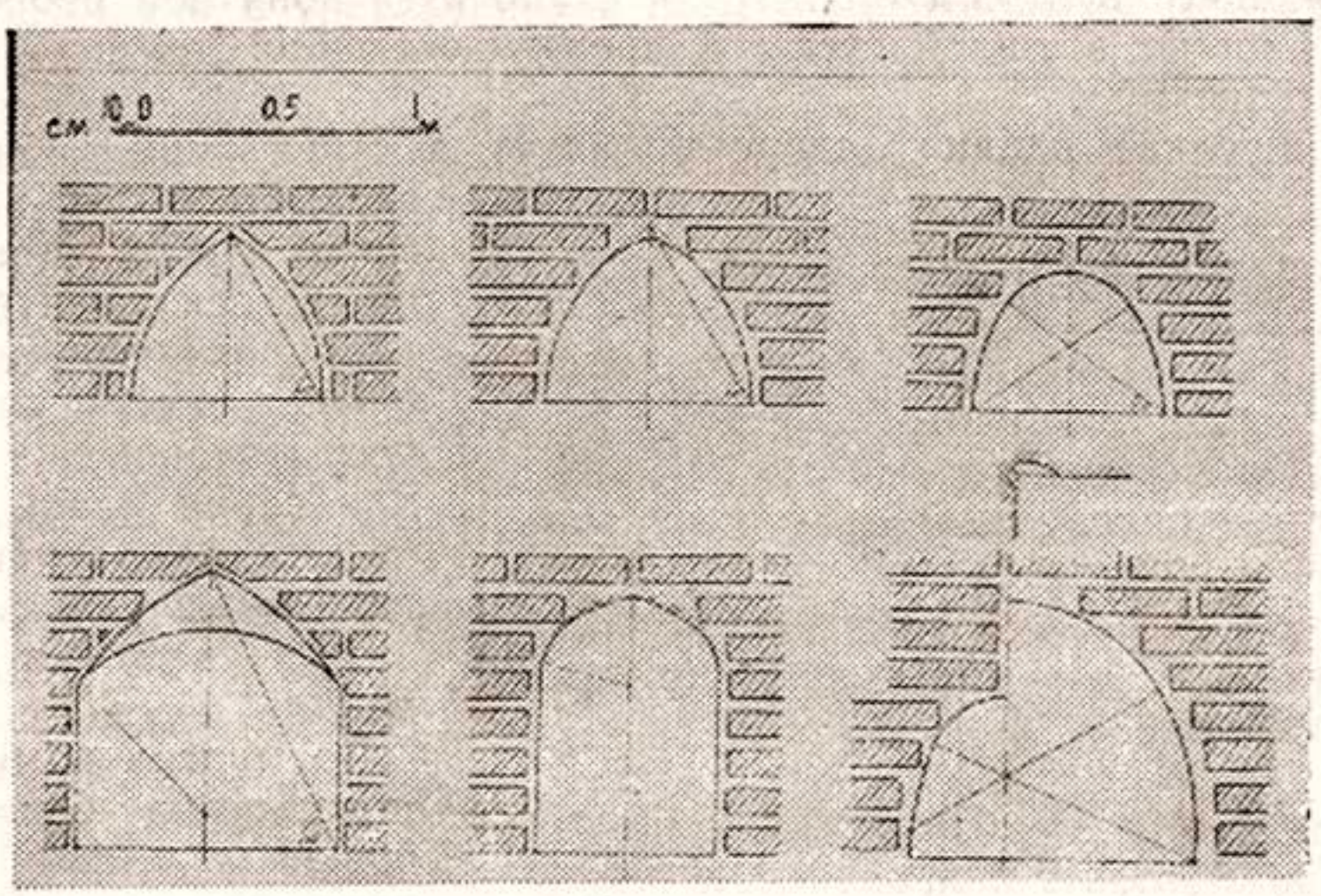

Рис. 11. Типы сводчатых ниш.

Оригинальным является сам план здания. Постройки овального плана поры раннего средневековья до сих пор не были известны. Единственное исключение составляет отдаленно напоминающее наше огромное «эллиптическое» здание 9060 $м^2$ с 6-метровой толщей внешней стены, сложенное из камня, встреченное в Африке, датированное при помощи радиокарбонового анализа деревянных частей V—концом VIII в.[5] Но оно лишь по конфигурации внешней стены отдаленно напоминает описываемое.

При возведении дома строители могли подчиниться естественным контурам холма от оплывшего разрушенного здания. Такое объяснение может и могло бы показаться удовлетворительным, если бы не открытие в 1960—1961 гг. каменной церкви овального плана VI—VII вв., расположенной на левом берегу реки Джилги-су у селения Верхний Чегем (Эльтюбю) Кабардино-Балкарской АССР[6].

Значит, овальность плана не обязательно может быть анахронизмом или случайностью, и овальные сооружения сосуществовали с прямоугольными и квадратными.

«Овальный» дом интересен и сочетанием бытовых и хозяйственных помещений с помещениями общественными, крупные размеры некоторых говорят в пользу того, что здесь могли собираться одновременно много людей, а абсидальные помещения на юге, имевшие входы прямо с центрального прохода, также явно общественного назначения.

Внутренняя планировка несколько напоминает раннесредневековые христианские монастыри восточных провинций Византии, характерна для ранних христианских монастырей Сирии, впоследствии канонизированная, наиболее ярко выражена в монастырях Афона и Фессалии[7].

Мощные внешние стены, надежно изолирующие внутренние помещения от окружающего шума и назойливых взглядов, темные и узкие помещения напоминают кельи в пещерных монастырях, и, видимо, стоит рассматривать помещения как систему пещер, вырубленных вокруг объединяющего центра-двора. Тогда становится понятной небрежность разбивки плана внешней стены и преимущественно темная окраска части помещений.

Планировка здания свидетельствует о стремлении обитателей оградиться от внешнего мира, а убожество сохранившегося инвентаря — о неприхотливых вкусах; очень редкие очаги, использовавшиеся только для варки пищи, говорят об аскетизме живших людей, не желавших обогреваться даже в зимнее время.

Во многих помещениях штукатурка была обрушена, по-видимому, преднамеренно. Это могло произойти с середины VI в., когда дом стал прибежищем, как уже указывалось, случайных людей. Но в некоторых помещениях штукатурка сохранилась, и под верхними слоями оказались изображения (рис. 12, 13).

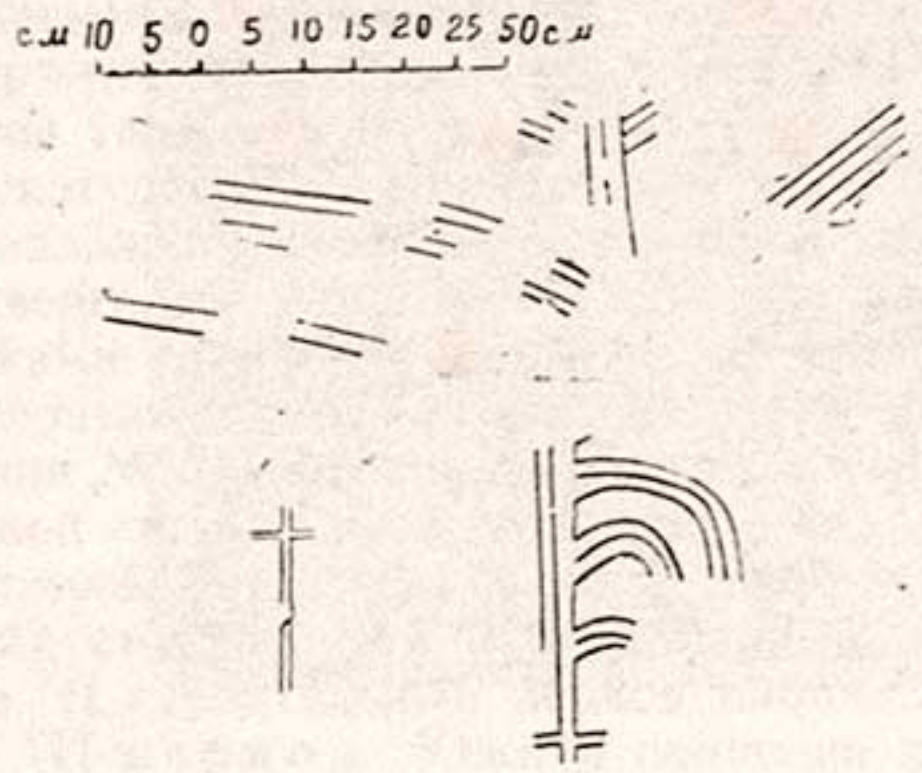

Рис. 12. Знаки на штукатурке в помещении № 22.

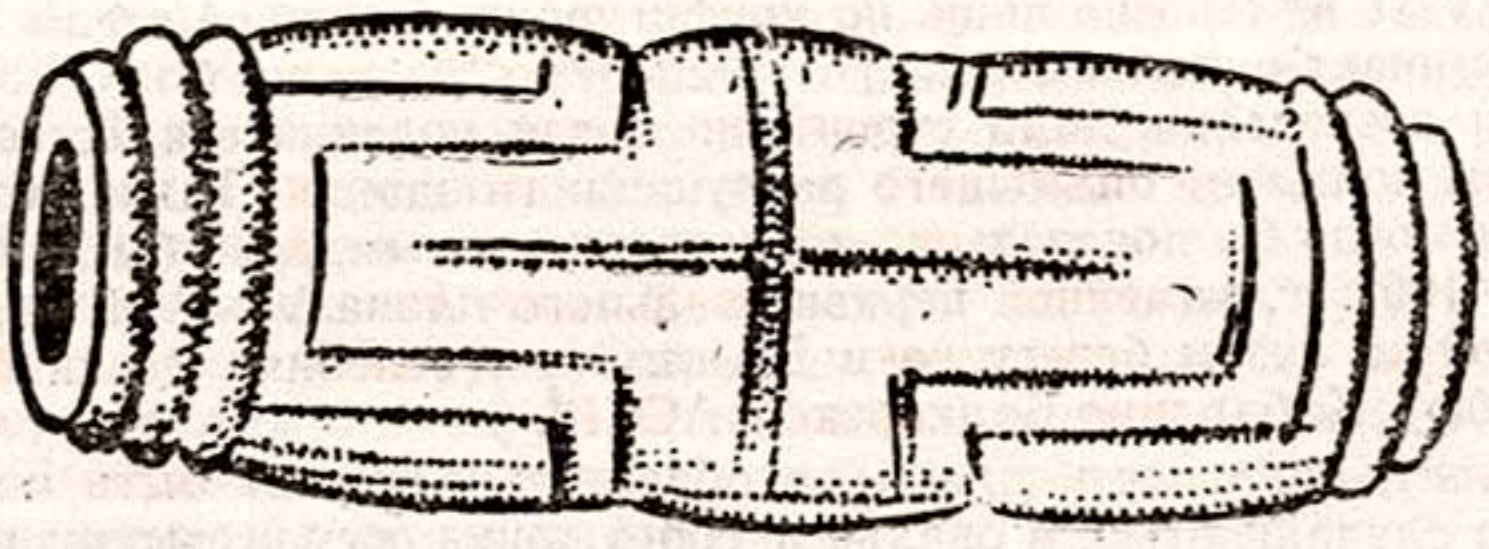

Рис. 13. Печать из халцедона.

В помещении № 22 обнаружено изображение четырехконечного креста с удлиненной продольной чертой и стилизованное дерево, от которого сохранился только ствол и с правой стороны 3 отходящие скобками ветви. В помещении № 26 встречен фрагмент какого-то изображения, от которого остался только треугольник с основанием 56 *см*, прилегающими углами в 30 и 42°. Сама вершина не сохранилась, но видно, что справа в 5—8 *см* идут вниз две полосы с небольшим расширением книзу и сделаны закругленным концом палочки по сырой штукатурке. Дерево и треугольник изображены двойными параллельными линиями.

Изображение креста на стене по форме идентично выгравированному кресту на халцедоновой цилиндрической печати.

Крест — старый дохристианский символ, знак добычи огня, символ вечной жизни. Ранние христиане не только не почитали его, но и ненавидели и презирали, потому что в Римской империи казнь на кресте в виде буквы Т считалась особенно позорной (ей подвергались за особо тяжкие преступления)[8]. Еще в III в. Феликс Минуций писал: «Нам не нужны они (кресты), нам христианам, это вы, язычники, вы, для которых священны деревянные идолы, вы почитаете деревянные кресты...»[9]. В 313 г. была отменена казнь на кресте[10] и, по-видимому, с этого времени постепенно крест начал почитаться сначала как знак, заменяющий образ Христа. Еще в IV в. поклонение кресту как орудию казни считалось «безбожной глупостью», меж тем как в V в. это было уже обычным[11].

Буква Х, бывшая в III в. христианским символом, в IV в. со времени Константина дополняется продольной палочкой с петлей на верхнем конце. Христианская легенда связывает это с чудесным видением Константина перед решающим сражением в 312 г. с Максенцием. «Во сне Константин получил указание поместить небесный знак бога на щитах и после этого вступить в сражение. Он поступил согласно указанию и пересек букву Х линией, загнутой сверху, отметив Христа на щитах». Таким образом получилась монограмма Христа. Этот знак применялся и для других сокращений. В частности, он означал «сторож». Позднее изображение повернулось на 45° и стало равноконечным крестом — образец на монетах Аркадия (395—408)[12]. Вместе с начавшимся поклонением кресту как орудию казни в V в. крест несколько изменил свою форму: поперечная черточка стала короче продольной (хотя отметим, кстати, параллельно продолжают бытовать кресты и прежних форм). Прямой удлиненный крест на штукатурке не мог появиться в помещении ранее V в.

Печать с выгравированным крестом такой формы могла быть сделана также не ранее Vв.

Дерево, послужившее орудием грехопадения первых людей в раю и в то же время орудием спасения через смерть на нем Христа[13], часто являлось сюжетом христианского искусства. Изображение в помещении № 26 сильно фрагментировано, чтобы можно было о нем сказать что-либо определенное.

Кроме этого, в овальном здании найдены глиняные усеченные конусы-фишки с насечками на верхнем основании: д=3—2,5 *см;* высота — 3—2,5 *см*; д верхнего основания — 1,3—1 *см,* на фишке из помещения № 44 изображен крест в виде буквы Х. Это могло быть и начальной буквой имени мессии и крестом, тем более, что профессором М. Е. Массоном была высказана мысль об одновременном появле-

нии на Востоке двух типов креста — Х-образного и удлиненного четырехконечного.

На фишке из помещения № 24 изображен шестиконечный крест в виде продольной линии с двумя поперечными черточками. Эта форма является производной от четырехконечного удлиненного, который появился, как уже отмечалось, в V в. Значит, появление шестиконечного креста можно отнести V—VI вв. Попутно отметим, что христианами почитаются различные формы креста — 4-, 6-, 8-конечные. Последние две формы появились лишь в IX и даже в XV вв.[14]

В помещении № 5 найден костяной амулет с изображением льва. Появление его на памятнике может быть и не случайно, поскольку лев, как и агнец, голубь, якорь, корабль, рыба и прочее являлся одним из символов христианства[15].

Итак, изолированное положение памятника, внутренняя его планировка, однообразие археологического инвентаря, отсутствие женской и детской утвари, изображения христианских символов позволяют считать «овальный» дом принадлежащим христианскому культу и относить его к типу так называемых «ханако». Ханако христианские являлись прототипом поздних мусульманских и служили не только постоянным местожительством для людей, отвергавших всякие мирские соблазны, но и для временного пребывания лиц, посещавших братьев для «душеспасительных» бесед или для исполнения обета поста, очищения и т. д.

В первые три века в Римской империи путь спасения был очень прост, стоило только жаждущему вечного спасения объявить себя христианином, чтобы попасть в руки язычников и подвергнуться мучениям. Позднее путь к спасению сделался много труднее, так как нельзя было сразу кончать жизнь святым подвигом, нужно было дожить ее до конца среди страстей и соблазнов. Люди, заботившиеся о своем спасении, захотели упростить задачу и на смену мученичеству, отодвинувшемуся на второй план, приходят другие виды подвижничества (учение умерщвления тела и страстей)[16].

На Востоке задолго до христианства было развито отшельничество (индийские брамины, еврейские ессеи и терапевты). Первым христианским отшельником, о котором существует свидетельство (св. Иеронима), был Павел из Александрии, бежавший от преследования Дециана в 251 г. в Фиваидскую пустыню, где прожил 90 лет, ведя жизнь благочестия. Святой Антоний, затем его ученик Пахомий основали монастырь на острове Нила. В каждой келье было три монаха под началом наставников, которые подчинялись игумену. Главой общежития был «авва», или архимандрит[17].

Христианские отшельники на первых порах не принадлежали к клиру или духовному сословию: они были в полном смысле добровольцами христиански-совершенного жития[18]. Монашество по природе своей есть протест и прежде всего против иерархии. «...Солдаты не верили своим недавним генералам и шли в пустыню искать то, что не надеялись получить под их командой»[19]. Большинство монахов, убедившись в превосходстве совместной жизни иноков перед отшельничеством, стали жить в киновии[20]. Они стали привлекать внимание сильных мира сего, приобретать влияние и значение. В них нуждалась церковь и стремилась подчинить себе. Довольно долго продолжалась глухая борьба монахов и епископов. Анахореты любили говорить: «Монах должен избегать епископов и женщин, так как они не дадут ему спокойно

оставаться в келье и созерцать». Но в конце концов монашество вошло в состав клира и заняло первенствующее положение в церковной иерархии. Иноки, утратив часть свободы, получили взамен определенную выгоду от податей и повинностей[21].

Монашество впервые испытало гонение со стороны императора Валента. В дальнейшем монахи принимали самое непосредственное участие во всех церковных делах, возвышаясь или подвергаясь гонениям вместе с теми, чьи взгляды они разделяли и кого поддерживали. Епископы смотрели на монахов как на армию и часто использовали их для расправы со своими врагами. Для примера напомним, как на соборе 449 г. Диоскор воспользовался монахами — своими приверженцами для избиения своих противников и таким путем заставил собор принять важное ему решение[22].

С усилением монашества появился новый тип монастыря, расположенный в местности Умр, в отличие от Дейру (сирийские слова), находившегося вдали от жилья[23].

Начало V в. — решительный час в существовании Византийской империи. Торговля — основа экономики— переживает кризис. Тяготы, связанные с войной, озлобляют народ. Государство нуждается в здоровых людях, многие из которых укрываются в монастырях. Положение оставшихся становится еще более тяжелым, о чем свидетельствует и письмо епископа Синезия к Аркадию[24].

Многие в этот период — конец IV — начало V в. покидают свою родину и бегут в Персию, где положение было благоприятным. По-видимому, подобными беженцами и было построено большое общежитие совместно с мервскими христианами, поскольку возведение такого крупного здания требовало усилий многих людей.

Почему выбрано это место? Возможно, был большой пустующий участок в спокойной части города. Многолетними работами ЮТАКЭ установлено, что в IV в. целые участки внутри городской стены были заброшены, что является наглядным доказательством кризиса рабовладельческой системы. При этом было нетрудно занять какой-либо участок города группе людей под строительство.

Нам остается неизвестной жизнь православного населения в Мерве. В общих чертах она, конечно, протекала так же, как и во всем государстве: характерна бесконечными религиозными спорами, ожесточенной борьбой между различными христианскими сектами более жестокой, чем с иноверческой религией. Сект было великое множество. Даже современники вряд ли смогли хотя бы просто перечислить все. Ф. Энгельс сравнивает борьбу религиозных направлений с борьбой за существование, происходящей в живой природе, в результате которой из огромной массы организмов выживают наиболее сильные и приспособленные и гибнут слабые и неприспособленные[25].

Краеугольным камнем в этой борьбе является вопрос о «первозданной» чистоте церкви, немаловажным условием которого был аскетизм ее пропагандистов. У несториан в конце V в. аскетическая направленность несколько ослабла, а с начала VI в. вновь усилилась[26]. Быть может, аскетическая направленность появилась у несториан в связи с потерей ими позиций в Римской империи, чтобы поднять авторитет среди населения восточных провинций и в Персии. В православной среде также время от времени то усиливалась, то ослабевала тенденция к аскетизму.

В V в. в Византии страсть к роскоши императорского двора и его приспешников как светских, так и из числа духовенства, вызывала возмущение у многих представителей христиан.

Христианское население Персии внимательно следило за всем, что происходило в Византии и реагировало незамедлительно. Так, вначале, возможно, аскетическая сторона мировоззрения под влиянием Византии у мервских христиан ослабла, произошла локальная перестройка киновии, черная штукатурка в большинстве комнат заменяется светлой, уединенность некоторых помещений нарушается тем, что вход в них стал осуществляться непосредственно через двор. Через некоторое время сторонники аскетизма взяли верх. Это могло произойти при Льве Оракианине или Зеноне, которые проводили политику умиротворения православия и монофизитства, что не удовлетворяло в целом ни тех, ни других, и православные для доказательства своего превосходства над монофизитами прибегли к испытанному и старому средству — поддержали сторонников аскетизма. Это нашло отражение в перестройке части помещений общежития иконов, появляются комнаты, отделенные от внутреннего двора двумя-тремя помещениями с тем, чтобы как можно тщательнее оградить отшельника, погруженного в созерцание, от внешнего мира.

Число живущих в течение всего времени варьировало незначительно — 50—60. Если принимать во внимание, что в помещении жило по три человека (указание для самых первых монастырей)[27], часть помещений были хозяйственными, а часть общественными. Но в конце V—начале VI в. община могла увеличиться, может быть, за счет новой волны переселенцев с Запада. Император Василиск, хотя и был на престоле недолго (около двух лет), оказывал внимание монофизитам и сильно ущемлял интересы православных; Зенон во второе свое царствование, также не очень продолжительное, пытался начать покровительствовать православию, но это уже мало способствовало его укреплению, а император Анастасий никому из соперничавших течений не отдавал предпочтения. Многие христиане отправлялись в Персию, где надеялись найти широкое поле деятельности для проповедования своих воззрений и где многие умеренные социальные элементы, не примкнувшие к маздакизму, явно симпатизировали христианам.

Увеличению общины в Мерве может соответствовать увеличение «жилой» площади в здании. Южная часть двора оказалась застроенной, два больших помещения были разделены, так как в них, по-видимому, уже не нуждались и, может быть, потому, что появилось другое место для общих трапез и молитв.

Вероятно, к этому времени относится строительство христианского храма в 50 *м* к юго-западу от места нахождения христианской общины. К V—VI вв. здесь относятся два сохранившихся крупных помещения размером 4×3,5 и 8,60×7 *м*, причем эта дата относится ко 2 этапу I строительного периода; 1 этап датируется концом IV—началом V в. н. э. Кирпич сооружения идентичен кирпичу «овального» дома. Клейма в виде оттиска правой руки встречаются на обоих памятниках. Сырец голубоватого цвета употреблен в кладках того и другого здания.

Вход в «овальный» дом располагался с юга, то есть со стороны второго строения, проход в который предположительно намечается с с восточной стороны — вблизи «овального» дома. При раскопках памятника встречены стенные росписи — помещения были парадными. И судя по плану мощной квадратной башни в южной части объекта,

памятник был культовым. Непосредственная близость к христианскому общежитию предполагает и его христианскую принадлежность.

Первая половина VI в. для Византии характеризуется подъемом в хозяйственной, политической и культурной жизни. Возможно, со стабилизацией положения в Византии к середине VI в. персидские христиане ортодоксального направления стали уходить туда, тем более, что в это время наблюдается резко отрицательное отношение к ним в Персии. Контингент православных христиан в Мерве был значительным, не все они жили в одном месте, и не все покинули Мерв одновременно. Часть христиан вообще не могла покинуть насиженные места, где их держало хозяйство, семья. Такие в конце VI — начале VII в. или вынуждены были принять несторианство, или погибали. В числе первых, покидавших пределы когда-то гостеприимного государства, могли оказаться анахореты «овального» дома.

Христианство в отличие от других религий, бывших религиями определенных народностей или племен, отметало все старые национальные и племенные перегородки, обращалось ко всем «страждущим и обремененым», обещая им в церкви христовой спасение. «...Несть эллина, иудея, обрезаний, ни необрезаний, варвар и скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос». Христианская литература, особенно «Деяния апостолов», говорит об огромной пропагандистской работе среди различных народов. Так, упоминается, что «между свидетелями и самовидцами чудного дара языков по сошествии святого Духа на апостолов в праздник пятидесятницы» (гл. II, стр. 5) находились парфяне, мидяне, эламиты... и т. д.[28]

Кроме Петра, древнейшие предания указывают на Фому, Матвея, Ахея, Мариса как на проповедников христианства в Персии, где существование христианских общин исторически известно уже со II в.[29] — со времени создания и утверждения епископальной церкви[30]. В пору же кризиса рабовладельческой системы христианство играло, по-видимому, большую роль, чем это можно предполагать только на основании письменных источников[31].

Распространению христианских идей способствовало введение богослужения на родном языке[32]. В конце III в. христианское население Персии уже имело организованную церковь такого значения, которое казалось опасным для зороастрийцев. Это видно из надписи Картира—одного из высших жрецов маздеизма, стремившегося к тому, чтобы сделать зороастризм единственной религией Сасанидского государства[33]. Им были организованы частые гонения на христиан, но он не нашел поддержки при дворе[34]. Христиане в это время пользовались такой благосклонностью со стороны правительства, что даже манихеи стремились сойти за христиан; они одевались как христиане и выдавали себя за таковых, поэтому их «спутали» с христианами (глава манихеев Сисиний был распят). Следствием этой имитации было то, что во время гонений на манихеев при Бахраме II (276—293) были разрушены христианские церкви, но в ошибке быстро разобрались, и уже в 293 г. во время правления Бахрама III они были восстановлены[35]. Этот эпизод показателен в том отношении, что манихейство на некоторое время отвлекло на себя внимание сасанидского правительства, христианство же набирало силу и укрепляло положение в империи[36]. К тому времени христианское население в Персии пользовалось свободой вероисповедания, между тем как в Римской империи подвергалось преследованиям. Константин привлек христианство к себе на службу, убедившись, что с помощью его

можно возвыситься до положения самодержца римского мира[37]. При нем официальной религией государства становится христианство. В 325 г. в Никее состоялся первый Вселенский собор. В работе собора принимали участие Иоанн-епископ персидский, Шиадуст-пресвитер Симеона-архиепископа Селевкийского[38]. Собор юридически оформил создание новой религии, был выработан символ веры, и сасанидские христиане направили свои симпатии в сторону Византии.

Победа христианства в Византии и непринятие его сасанидами впервые придали соперничеству двух мировых держав характер религиозной борьбы, которого не было раньше и который сохранился и после того, как в Иране господство зороастризма сменилось господством ислама[39]. Сасанид Шапур II (309—379) впервые начинает гонения на христиан в большом общегосударственном масштабе. Время гонения определяется исследователями по-разному. Так, Асмуссен считает, что это началось с 399 г.[40] Н. В. Пигулевская определяет этот период 344 г. — с января по август[41]. Архимандрит Арсений насчитывает три крупных гонения: 1 — (343—350), 2—(358—362), 3 — (378—381)[42]. Поводом к гонению послужил приказ Шапура II о сборе непомерной дани с христиан под тем предлогом, что христиане живут в мире и не испытывают всех тягостей войны, которую тогда успешно вел Шапур II с римским императором Юлианом. Поскольку не смогли вовремя собрать требуемую сумму, ответственный за это епископ столицы Ктезифона Симеон бар Саббаэ поплатился жизнью[43], а вслед за ним и его единомышленники. Ходатайство Константина за гонимых не было действенным, и преследования продолжались. Пострадало множество людей как неизвестных, так и позднее включенных в календарь. Среди последних наиболее замечателен персианин Яков[44]. Церковные истории называют 16 тысяч человек[45] — единовременных жертв террора. Вероятно, это все-таки небольшое преувеличение. Преемник Шапура II Арташир II (379—383) продолжил политику своего брата и от окончательного разгрома христиан спасло только изменение политики Шатура III (383—388), сместившего Арташира II. Он освободил христиан из темниц с тем, чтобы они платили харадж, полагая, что царству это полезнее[46]. Христиане начали быстро оправляться от удара.

В Византии после смерти Константина Великого начались усобицы и смуты. Пришедший к власти Констанций поддерживал сторонников Ария. Юлиан вернулся к старой языческой религии, возведя ее в степень государственной. Арианствующий император Валент преследовал инакомыслящих. Император Феодосий (389—395), хотя и был поборником Никейского символа веры, был слаб и безволен[47]. В общественных отношениях царила крайняя бесхарактерность и пустота. Население представляло одну расслабленную массу людей, поддававшуюся легко всякого рода партиям и лишенную самостоятельности духа.

В 395 г. государство было разделено: на востоке царствовал Аркадий (395—408), после него два царедворца боролись за власть и мало обращали внимания на состояние религиозных дел в государстве[48].

В Персии между тем при Иездегерде I (399—420) для христиан начался период мирного развития и укрепления позиций церкви. В сирийской христианской литературе Иездегерда награждали такими эпитетами: «победоносный и лучезарный царь», «христианский благословенный царь»[49]. А в традиции, идущей от зороастрийских кругов и воплощенной, в частности в Фарс-наме, он называется «грешником»[50]. При нем был созван первый в Сасанидском государстве христианский

собор в 410 г. в Селевкии-Ктезифоне. На нем присутствовал представитель византийского духовенства. Председательствовал столичный католикос мар Исхак. Большая заслуга в созыве собора принадлежала епископу Маруте Майферкатскому[51]. Результатом было сближение с Западом и признание Никейского собора, вероятно, безоговорочное, поскольку в 420 г. император Феодосий подтвердил ортодоксию персидской церкви. Организация в 410 г. особой, независимой от Рима, христианской церкви в Персии была одним из самых важных событий в истории христианства. Богослужение у христиан-персов изначально проводилось на родном языке, поэтому идея христианства сделалась более универсальной, чем в Римской империи[52]. Последние годы царствования Иездегерда I отмечены установлением согласия между ним и зороастрийским жречеством, и для христиан началось более смутное время, иногда даже гонения. Известное значение мог иметь и фанатизм христиан. Например, епископ Суз Авда сжег пирей, за что был казнен. Сын Иездегерда I Бахрам V (420—438), вступив на престол, начал гонения на христиан. Это время роста влияния Михр-Нарсе, когда усилился отпор христианам. Видимо, поддержка Бахрама V зороастрийским жречеством объяснялась его конфликтом со знатью, против воли которой вступил он на престол, и стремлением заручиться поддержкой жречества, которому он помогал как мог[53].

Философская система христианской религии оформлялась постепенно в борьбе с многочисленными отклонениями, толками, ересями. Уже начиная со второго века в христианстве наблюдаются крупные еретические течения, из которых наиболее известны монтанисты, эбиониты, назареи, элкесаиты, карпократиане, маркиониты, офиты, василидиане и множество других религиозных течений, которые являлись в период господства религиозной идеологии специфической формой социального протеста[54].

V в. — время возникновения и развития великих ересей — несторианства и монофизитства.

Основатель несторианства — константинопольский патриарх Несторий находился под влиянием античной философии. Основным догматом он выдвинул положение о самостоятельно существующей человеческой природе Христа в отличие от ортодоксального христианства, считавшего Христа «богочеловеком». Учение Нестория на соборе в Эфесе в 431 г. получило осуждение со стороны официальной Византийской церкви. Но восточные епископы не согласились с решением собора и на пути из Эфеса в Тарсе составили первый, а в Антиохии второй собор в пользу Нестория. Император Феодосий некоторое время колебался, но потом приказал, «чтобы распря была прекращена» и везде водворился мир «церквей божьих»; примирение состоялось на основе Никейского символа[55]. Этот инцидент показателен в том смысле, что последователи Нестория могли найти в среде восточных христиан единомышленников. И когда несторианское учение стало подвергаться в Византии преследованию, массы христиан во второй половине и еще больше в третьей четверти V в. переселялись в соседнее государство.

Фируз (459—484) решил воспользоваться враждой в целях ослабления христиан и благоприятствовал тому, что на Синоде в Бет-Лапате (Гондишапуре) в 484 г. официально было принято исповедание Нестория[56].

Монофизитство возникло в 40-е годы V в. как реакция на появление несторианского учения. Основателем учения был константинополь-

ский архимандрит Евтихий. Сущность учения сводилась к утверждению только божественной природы Христа, а не божественной и человеческой, как считало ортодоксальное христианство, и не человеческой, как полагали несториане. В 449 г. на Эфесском («разбойничьем») соборе монофизиты одержали верх, но уже в 451 г. на Халкедонском соборе их учение было осуждено. Византийские императоры стремились к компромиссу с монофизитами. Поэтому они долго удерживали свои позиции в империи. Лев Оракианин, будучи православным, не преследовал и монофизитов. Зенон пытался даже примирить враждующие течения. Василиск некоторое время поддерживал их. Анастасий держался политики нейтралитета в отношении к религиозным спорам[57]. И только император Юстин I (518—527) восстановил постановление Халкедонского собора и начал гонения[58]. Но во время войны Эфиопии против химьяритов византийский император связался с Александрийской патриархией для того, чтобы отсюда было оказано давление по церковно-политической линии, так как Эфиопское царство подчинялось Александрии. Юстин I поддержал монофизитов на восточной границе и Симеон-епископ Бетаршамский информировал об этом весь ближайший Восток, требуя поддержки химьяритам[59]. Юстиниан I (527—565) оказался как бы между двух огней. С одной стороны, ради примирения с Римом он готов был их преследовать, с другой стороны, восстановление морального и политического единства требовало щадить монофизитов. На Константинопольском соборе в 553 г. при поддержке императора, хотя и не в полном объеме, были осуждены решения Халкедонского собора[60] в угоду монофизитам. Иногда причинами гонений на монофизитов являлись внутренние их смуты, например, спор о третеизме между Павлом Антиохийским, Кононом и Евгением, спор, осложненный каноническим несогласием по вопросу о правах Павла на антиохийскую кафедру. Были и другие подобные споры, причем спорящие стороны пытались привлечь на свою сторону императора для расправы с противником[61]. Заметим, кстати, что в 638 г. было окончательно оформлено компромиссное решение, по которому у Христа признавалось наличие двух природ, но одной воли, что положило начало так называемому «монофелитству»[62].

С ослаблением монофизитского влияния в Византии персидские цари перестали притеснять христиан-монофизитов в своей империи, и безусловное преобладание несториан в Персии стало кончаться. Перевес в зависимости от обстоятельств переходил то на сторону монофизитов, то несториан[63], хотя во время Кавада I (488—496) и (498—531) христианство вообще не пользовалось влиянием на правительство. Кавад I первое время поддерживал маздакитов — наиболее революционную часть манихейства, надеясь с их помощью сломить силу духовенства и аристократии. Более умеренные социальные элементы, чем манихейство и маздакизм привлекали на свою сторону христианство[64], хотя, казалось бы, войны с Византией не способствовали увеличению симпатий к христианам[65]. Во время своего второго правления Кавад I резко изменил политику. Он жестоко расправился с маздакитами, поскольку союз с ними не оправдал его надежд, и сильно притеснял христиан[66].

Хосров I (531—579) создал огромное и могущественное государство. Византия была вынуждена платить за мир с Персией золотом[67]. История Иоанна Эфесского противоречиво его описывает. С одной стороны, он по наговору магов притесняет христиан, разрушает церкви

и монастыри. Иоанн Эфесский вкладывает в его уста следующие слова: «Посмотрю-ка я, что мне сделает бог христиан Христос, я то ведь не знаю ни кто он, ни что он есть»[68]. С другой стороны, в той же истории написано, что «...как свидетельствуют дела Хосрова, он был осторожным и мудрым, и усердно в течение всей своей жизни занимался философией...». Он много читал и «обдумывал, чтобы знать, которые из них истинные и которые безрассудны, он хвалил больше всех книги христиан и говорил: «Эти истинные и мудрее всех религий»... и дальше «...он не проявлял себя ненавидящим христиан. Если маги и натравляли его на христиан, то он не поддавался этому, так чтобы отдать приказание о гонении против христиан». Далее следует рассказ о том, как несторианский католикос принес жалобу на православных. Государь приказал выслушать обе стороны и справедливо рассудил их, сняв обвинение с православных. Он же приказал им твердо: «Идите себе, стройте свои церкви и свои монастыри и впредь никто не посмеет вас обижать»[69]. Возможно, такая противоречивая характеристика Хосрова I есть результат изменения его внутренней политики по религиозным вопросам, но вероятнее всего, он отдавал предпочтение православию перед несторианством. Так, он требовал от Аба I, бывшего мага, чтобы тот стал или магом или православным, но не несторианином. Аба I был вынужден бежать, но был пойман и умер в тюрьме[70]. Этот случай, пожалуй, объясняет и рассказ Иоанна Эфесского о разрушении христианских церквей, по-видимому, имелись в виду церкви и монастыри несторианских общин.

Хормизд IV (579—590) терпимо относился к христианству вообще, считая, что на него можно опереться. Собор 587 г., созванный Ишоябом I, прославил его: «Господин добрый, сильный, победоносный, миролюбивый, человеколюбивый, владыка стран Хормизд царь-царей... Особенно он показал обилие милосердия и множество любви к нашему народу христиан, рабов и подданных его владычества»[71]. Поскольку Ишояб I (582—595) являлся несторианским патриархом[72], можно заключить о симпатиях Хормизда IV к несторианам, но не во вред другим христианским толкам, так как шах стремился найти в христианских кругах ту опору, которой он не имел в знати и жречестве.

В царствование Хосрова II (590—628) вначале несториане преобладают при дворе, несторианский епископ благославляет его трапезу[73]. Постепенно монофизиты начинают занимать ведущее положение, и после смерти Сабришо (596—604) католикосом стал Григорий из Кашгара. (Еще одно яркое доказательство роли среднеазиатских общин в истории персидского христианства, когда представитель или выходец кашгарской общины становится персидским католикосом). Монофизитами были и люди из ближайшего окружения шаха, его первая жена Ширин, придворный врач Гавриил. Несториане в это время в оппозиции. Хосров II утвердился на престоле с помощью Маврикия, оказавшего помощь в подавлении восстания Бахрама Чубина. Дочь Маврикия Мария стала второй женой государя (и вскоре была отравлена первой), исповедующей христианство, но православное. Безусловно, под влиянием Византии в 591 г. при заключении мира было предусмотрено строительство церквей в Персидской империи. В Византии учитывали благоприятный момент для оказания давления на несторан[74]. После убийства Маврикия и узурпации власти Фокой Хосров II, воспользовавшись этим, под предлогом мести за Маврикия пошел на Византию войной, которую, впрочем, не прекратил с приходом к власти Ираклия[75].

Потерпев поражение и желая отомстить грекам за победы 624—625 гг., Хосров II начал грабить, разорять христианские храмы и принуждал своих христианских подданных переходить в несторианскую ересь. Но это не остановило греков, а Персия потеряла Сирию и потерпела поражение у Ниневии[76].

«Война между Персией и Византией их взаимно ослабила, и в горячей борьбе они проглядели новое мощное явление, которое решило судьбу Передней и Средней Азии» (Н. В. Пигулевская). Лишь после смерти Хосрова II от руки сыновей между государствами устанавливается мир. Сын Хосрова II Сирой (628) недолго удерживает власть, после него Арташир II (628—630) и Пурандохт (630—631) не оставили какого-либо значительного следа в истории.

Последний сасанид Иездегерд III (631—651), потерпевший поражение в войне с арабами, был убит в Мерве и похоронен там мервским епископом[77].

Необходимо отметить, что христианство находило себе покровителей в лице персидских царей прежде всего потому, что представляло собой большую культурную силу. Христиане выдвигали из своей среды ученых, врачей, чиновников. Персидские шахи в борьбе с аристократией и жречеством за централизацию государства опирались на христиан. Христианство, особенно еретическое, часто являлось носителем античной культуры. Исключительно большую роль христиане сыграли в деле приобщения Востока к западной науке. Они много занимались переводами трудов греческих ученых на персидский язык. Когда Юстиниан I закрыл Афинский университет в 520 г., преподаватели его нашли политическое убежище в Персии[78].

Поскольку отношение к христианству в Персии было обычно прямо противоположно византийскому, наибольшей поддержкой пользовались изгнанные оттуда еретические секты. Они приобретали влияние и богатство. Так, например, несториане держали основные нити торговых связей в своих руках[79]. Христиане, всецело зависящие от шаха, были заинтересованы в усилении централизации власти, всеми мерами способствовали этому, оказывая большую помощь своим покровителям.

В исторических источниках арабских авторов есть упоминание о том, что традиция приписывает первые проповеди христианских идей в Мерве некому священнику Берешию и что мервские христиане ежегодно отмечали в 21 день месяца хозиран—день его поминовения. Считается, что Берешия прибыл в Мерв через 200 лет после Христа[80]. Как бы легендарны не были эти известия факт раннего проникновения христианства в Мерв подтверждается официальными синодальными документами. В Синоде 334 г. принимал участие мервский епископ. Значит уже в первой трети IV в. контингент христиан был значителен, а мервская епископия имела такое значение, что заставляла прислушиваться к мнению своего представителя на Вселенском синоде.

В 420 г. мервская епископия реорганизуется в митрополию[81]. Несмотря на жестокие гонения Шапура II, рост христианства не приостанавливается.

С начала IV в. начинается очень благоприятный период для мервских христиан. Полоса гонений кончилась, они получили возможность спокойно жить и проповедовать свои идеи, из Римской империи стали прибывать массы христиан. Стремление христиан к общежитию получили окончательное воплощение в создании монастырей.

Среди мервских общинников также произошло разделение на мирян и отшельников; и вот группой христианских отшельников строится ханако в черте города, где в результате кризиса рабовладения было много пустующих участков. Строительство, вероятно, производилось «хошаром» с помощью всех мервских христиан, но по типу тех пещерных монастырей, откуда прибыли некоторые отшельники. Ханако просуществовало до конца VI — начала VII в., когда в правление Хосрова II христиане ортодоксального направления были вынуждены либо покидать пределы государства, либо переходить в несторианство, которое с этого времени стало преобладающим. В числе наиболее выдающихся деятелей сирийской литературы известны мервские несторианские иерархи: епископ Феодор (VI в.), его преемник Илия (VII в.), митрополит Иосиф (VIII в.) и др.[82] Несторианская община находилась на нижнем течении канала Маджан, протекавшим через нынешнее городище Султан-кала[83], несколько севернее городища средневекового Мерва, где был похоронен последний сасанид Иездегерд III.

Мерв и после завоевания арабами в 651 г. оставался резиденцией христианских митрополитов. Одного из них упоминает Бируни (XI в.)[84]. Значит, несмотря на господствующее положение ислама, христиан в Мерве и округе было немало. Но позднее христианство было сильно видоизменено по сравнению с формами раннего христианства.

Следы деятельности адептов раннего христианства в виде архитектурного сооружения, служившего в качестве ханако христианской общины мелькитского (православного) направления, впервые открыты в Средней Азии и изучались ЮТАКЭ в 1954—1967 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дресвянская Г. Я. Стратиграфия «овального» дома христиан в Старом Мерве. «Изв. АН ТССР», сер. общ. наук, 1969, № 1, стр. 83—87.

2. Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 92—112; Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 200, 202; Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении Кафирнигана. МИА, вып. 37. М.—Л., 1953, стр. 230; Бентович И. Б. Керамика Пенджикента. МИА, вып. 37. М.—Л., 1953, стр. 138; Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н. э. в долине реки Кашка-Дарьи. СА, 1958, № 3, стр. 143; Неразик Е. Керамика Хорезма античного периода. Труды ХАЭЭ, т. 4. М., 1959, стр. 229; Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда 1952—1953 гг. МИА, вып. 66. М.—Л., 1958, стр. 317—320.

3. Определение монет сделано проф. М. Е. Массоном.

4. Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии М., 1950, стр. 45; Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пянджикента. МИА, вып. 37. М.—Л.,, 1953, стр. 104.

5. Davidson B. Old Africa Rediscovered. London, 1960, p. 200—220.

6. Сообщение археолога Э. В. Ртвеладзе.

7. Шуази О. История архитектуры, т. 2. М., 1937, стр. 65—66; Strtygovski J. Asien Bildende Kunst in Stichproben ihr wesen und ihre Entwicklung. Augsburg, 1930, S. 35; Kaufmann A. Handbuch der christlich. Orcheologica. Berlin, 1922; Vailhe P. S. Les premiers monasteres de Palestine. Roma, 1898, S. 5.

8. Нейхардт А. Н. Происхождение креста. М., 1953, стр. 30.

9. Там же, стр. 31.

10. Терновский Ф. А. и Терновский С. А. Грековосточная церковь в период вселенских соборов. Киев, 1883, стр. 13.

11. Нейхардт А. Н. Цит. соч., стр. 35—36.

12. Кулаковский Ю. Керченская христианская катакомба 491 года. МАР. Спб., 1891, стр. 19.

13. Редин Е. Голгофский крест в лицевых рукописях Козьмы Индикоплава. Византийский временник, т. 11, вып. 3—4. Спб., 1904, стр. 545.

14. Там же, стр. 548—551.
15. Терновский Ф. А. Три первых века христианства. Киев, 1878, стр. 244.
16. Кекелидзе К. Иоанн Ксифилин — продолжатель Симеона Метафраста. Христианский Восток, т. 1. Спб., 1912, стр. 325.
17. Прайс Д. История религий. Спб., 1904, стр. 77—78.
18. Терновский Ф. А. и Терновский С. А. Цит. соч., стр. 240.
19. Андреев Н. Рецензия на статью иеромонаха Анатолия «Исторический очерк сирийского монашества до половины VI века». Византийский временник, т. 21, вып. 3—4. Спб., 1915, стр. 176.
20. Остаржевский Ф. Палестинское монашество с IV до VI века. Византийский временник, т. 3. Спб., 1896, стр. 401.
21. Терновский Ф. А. и Терновский С. А. Цит. соч., стр. 223.
22. Там же, стр. 240.
23. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 48.
24. Андреев Н. Рецензия..., стр. 178.
25. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. Сборник о первоначальном христианстве. М., 1962, стр. 13.
26. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Спб., 1893, стр. 12.
27. Прайс Д. История религий, стр. 78.
28. Петрушевский И. П. К истории христианства в Средней Азии. Палестинский сборник, вып. 15 (78). М.—Л., 1968, стр. 142.
29. Begian P. Acta martirum et sanctorum, t. II. Paris, 1891, p. 512.
30. Ранович А. Очерк истории раннехристианской церкви. М., 1941, стр. 85.
31. Массон М. Е. Клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов из Геок-Тепе. «Изв. АН ТССР», сер. общ. наук, 1956, № 5.
32. Архимандрит Арсений. Несколько страниц из истории христианства в Персии. Христианское чтение. Спб., 1881, стр. 601.
33. Sprengling M. Fhird century Iran. Chicago, 1953.
34. Asmussen I. P. Das Christentum in Iran und seim zeit der weltreligionen. Leiden — Köln, 1961, S. 12.
35. Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 331.
36. Chaumont M-L. Les sassanides et la christianisation de l'Empire iranien au III-e siecle de notre are. Revue de l'histoire de Religions aunales du Mussee Guimet, № 2, avril-jein. Paris, 1964, p. 169.
37. Энгельс Ф. Цит. соч.
38. Архимандрит Арсений. Цит. соч., стр. 602. Крымский А. История сасанидов и завоевание Ирана арабами. Труды по востоковедению Лазаревского института восточных языков, вып. 21. М., 1905. стр. 40.
39. Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926. стр. 24.
40. Asmussen I. P. Цит. соч., S. 12.
41. Пигулевская Н. В. Города Ирана..., стр. 147—148.
42. Архимандрит Арсений. Цит. соч., стр. 605.
43. Пигулевская Н. В. Города Ирана..., стр. 242—248.
44. Терновский Ф. А. и Терновский С. А. Цит. соч., стр. 103.
45. Елпидинский Я. Общая церковная история. Спб., 1912, стр. 36.
46. Пигулевская Н. В. Города Ирана..., стр. 249.
47. Терновский Ф. А. и Терновский С. А. Цит. соч., стр. 103.
48. Вейс Г. Внешний быт народов с древнейших до наших времен, т. 2. М., 1875, стр. 39.
49. Land I. P. Anecdota Syriaca. Leiden, 1863.
50. Chabot I. B. Synodicon orientale au recueil de synodes Nestorieus. Paris, MDCCCCII.
51. Labourt J. Le christianisme dans l'Empire Perse sous la dynastia sassanide. Paris, 1902, p. 8.
52. Бартольд В. В. Иран..., стр. 94.
53. Asmussen I. P. Цит. соч., стр. 24.
54. Ранович А. Первоначальное христианство и его историческая роль. ВДИ, 1939, № 2, стр. 34—35; его же Очерк истории..., стр. 86—240.
55. Терновский Ф. А. и Терновский С. А. Цит соч., стр. 166.
56. Крымский А. История сасанидов..., стр. 55.
57. Терновский Ф. А. и Терновский С. А. Цит. соч., стр. 168—220.
58. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане..., стр. 10.

59. Пигулевская Н. В. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. Византийский временник, т. 1, (26). М., 1947, стр. 201.
60. Диль Ш. История Византийской империи. (Перевод А. Е. Рогинской). М., 1948, стр. 40.
61. Дьяконов М. Кир Батнский. Сирийский церковный историк VII века. Христианское чтение. Спб., 1911. стр. 1460.
62. Beck H. G. Kirche und theologische Literatur in Byzantinishen Reich. München, 1959, S. 95—283.
63. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане..., стр. 10.
64. Бартольд В. В. Иран..., стр. 23.
65. Прокопий Кесарийский. История войн с персами, вандалами и готами, т. 1. (Перевод С. Дестуниса). Спб., 1876, стр. 75—157.
66. Там же, стр. 140, 142.
67. Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита. Труды Института востоковедения т. 31. М.—Л., 1940, стр. 84—85.
68. Пигулевская Н. В. История Иоанна Эфесского. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 109—110.
69. Там же, стр. 135—136.
70. Архимандрит Арсений. Цит. соч., стр. 554.
71. Пигулевская Н. В. Месопотамия..., стр. 85, 237.
72. Chabot I. B. Synodicon, стр. 682.
73. Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI—VII веков н. э. М.—Л., 1946, стр. 235.
74. Там же, стр. 97, 107.
75. Там же, стр. 241.
76. История религий и тайных религиозных обществ и народных обычаев древнего и нового мира, т. 3. Спб., 1870, стр. 111.
77. Табари. Извлечения из «Тарих ар-расул ва-л мулук». (Перевод С. Волина). МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 96—97.
78. Диль Ш. История..., стр. 40.
79. Пигулевская Н. В. Византия на пути в Индию. М.—Л., 1951, стр. 133.
80. Бируни. Извлечения из «Китаб ал-асар ал-бакия ан ал-курун ал-халия». (Перевод С. Волина). МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 220.
81. Хвольсон Д. Предварительные заметки о найденных в семиреченской области сирийских надгробных надписях. ЗВОРАО, т. 1. Спб., 1887, стр. 34.
82. Бартольд В. В. История..., стр. 48; Хвольсон Д. Предварительные заметки..., стр. 34.
83. Бартольд В. В. История..., стр. 40.
84. Бируни. Извлечения из «Китаб ал-асар...», стр. 220.

С. Б. ЛУНИНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ РАБАДА СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕРВА

Территория пригорода средневекового Мерва, лежащая западнее развалин самого города, привлекала к себе внимание исследователей в связи с постановкой различных вопросов по истории города, однако до 1954 г. археологические раскопки здесь были редки и незначительны[1]. Отдельными авторами в разные годы продолжалась фиксация и описание сохранившихся в западной части рабада Мерва архитектурных сооружений. В 1953 г. М. Е. Массоном в процессе изучения исторической топографии городищ Старого Мерва на площади около 30 *км*, сопровождавшегося археолого-топографической съемкой, была обследована и данная часть рабада, где тогда же на территории выявленного квартала керамистов осуществлено вскрытие двух гончарных печей.

В 1954 г. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией была поставлена задача более детального обследования занимающего большую площадь и тянущегося параллельно западной стене города указанного квартала керамистов, и с тех пор работы на нем проводятся нами ежегодно. Позднее Е. Б. Пругером вскрывались отдельные кирпичеобжигательные печи близ северного обвода городища. Б. Д. Кочневым с 1961 по 1965 г. производились раскопки средневековой мечети-намазгох, местонахождение которой рядом с кварталом керамистов было установлено М. Е. Массоном в 1953 г. В 1965 г. в связи с надвиганием участков, используемых под посевы, представилось необходимым провести работы в мавзолее Кыз-биби и находящемся рядом сооружении. Вполне естественно, что в связи с интенсивно ведущимися здесь археологическими работами постепенно параллельно проводилось тщательное обследование этой части средневекового рабада, фиксация всех сохранившихся здесь остатков сооружений, сбор подъемного материала. Раскопки сопровождались все время закладкой стратиграфических шурфов. В результате всех этих исследований можно представить довольно полную картину исторической топографии западной части рабада средневекового Мерва, истории и характера его заселения и обживания, что находилось в неразрывной связи с историей самого города. Получены материалы для всех этапов жизни на данной территории, начиная с ее освоения и до XIV—XV вв.

Археологический интерес изучения данной части пригорода заключается и в том, что она до последних лет оставалась почти совершенно незатронутой планировкой полей близлежащих колхозов в отличие от других частей средневекового рабада (южной, восточной), где проводилась перепашка, строились дороги, различные сооружения и пр.

Изучая западную часть рабада средневекового Мерва, дающую представление об исторической топографии этого района, мы старались подытожить полученные результаты по отдельным этапам, учитывая, что часть фактического материала была уже опубликована нами ранее, и приводя новые материалы, полученные за последние годы и принципиально важные для исторической топографии района характеристики отдельных памятников, а также обосновывающие предлагаемые датировки.

Здесь, в западной части рабада Мерва, и поныне величественно возвышаются развалины мервских дехканских замков VI—VII вв. — Большая и Малая Кыз-кала, возникших на одной из главных водных магистралей Мерва— канале Хурмузфарра, в местности, где в изобилии были свободные незастроенные площади (во всяком случае в этой части рабада ни разу не были встречены культурные слои античного времени). Г. А. Пугаченкова считает, что по каналу Хурмузфарра располагались земли крупной местной дехканской фамилии, по имени которой и получил канал свое название[2].

Есть все основания думать, что освоение этой части рабада Мерва началось со строительства здесь отдельных замков крупных феодалов с принадлежащими им большими участками земель сельскохозяйственных угодий. Наряду с замками Кыз-кала к числу таких построек относился и оплывший в настоящее время высокий холм близ западных ворот городища Султан-кала.

На берегу канала Хурмузфарра, но в 2 *км* севернее зданий Кыз-кала рядом с мавзолеем Мухаммеда ибн-Зейда находится большой оплывший холм с остатками стен. М. Е. Массон считает весьма вероятным, что это и был замок Ибн-Зейда, где он жил и где последовала его мученическая гибель, и возле которого была помещена его могила, культ которой просуществовал весьма долго и в измененном виде дошел до наших дней[3].

Весьма долго археологический материал IX в. был в изучавшемся на протяжении ряда лет квартале керамистов, расположенном западнее городища Султан-кала, представлен лишь остатками отходов гончарного производства в одном шурфе и такими же остатками печи в другом. Лишь в 1965 г. удалось отметить наличие ряда ранних печей в северной оконечности квартала, а затем и произвести их вскрытие и изучение связанного с ними отвала бракованной керамики. Все это дало новый материал, позволивший по-новому взглянуть на некоторые аспекты истории всего района, самого квартала, а также расширить весьма неполное до сих пор представление о керамике Мерва IX в.

В 1965 г. в 20 *м* западнее раскопа 13 (расчистка отвала бракованной керамики из печей X—XI вв.) были зафиксированы плохо сохранившиеся остатки круглой печи небольшого диаметра, дно топки которой находилось на очень незначительной глубине от дневной поверхности. После разрушения печь была завалена отвалом бракованной керамики X — начала XI в. из расположенных выше на холме печей. Рядом на-

ходилась еще одна круглая печь, у которой сохранилось лишь самое дно топки, а стены на высоту всего в 30 *см*.

Северо-восточнее первой печи была расчищена прямоугольная печь. Размеры ее пода 1,5×1,6 *м*. Сохранившаяся высота стен в среднем 50—52 *см*. В поду расположено довольно бессистемно, однако в основном с группировкой по два 21 отверстие-продух диаметром 5—8 *см*. Вход в под находился с южной стороны. На уровне пода было найдено два черепка с росписью черной и желтой красками с несохранившейся поливой явно раннего типа, могущие быть датированными IX в.

При расчистке топки встречены два маленьких тонкостенных сосудика, а также немногочисленные фрагменты керамики, однако все они однотипны — это либо неполивная тонкостенная сероглиняная керамика, либо поливная керамика с орнаментацией желтой, зеленой и черной красками на светлом фоне.

В шурфе, заложенном у печи, прослежено, что культурный слой IX в. идет ниже печи довольно глубоко, то есть можно говорить о нескольких этапах интенсивного обживания данного участка в IX в.

Севернее описанной печи рядом с ней зачищены остатки пода также прямоугольной печи размерами 2,7×1,9 *м*. Сохранность печи несколько хуже.

К юго-западу от вскрытой прямоугольной печи была расчищена миниатюрная круглая печь, от которой сохранилась лишь часть топочной камеры. Диаметр печи 1,4 *м*, средняя сохранившаяся высота ее 40 *см*. Выложена печь из сырцового кирпича 28×28×6 *см* очень тщательно и имела явно два периода работы. Вокруг топки шла полка, имевшая сначала ширину всего 28 *см*, а после сокращения топки расширенная до 44 *см*.

В северной оконечности участка, занятого описанными печами, были обнаружены плохо сохранившиеся остатки круглой печи диаметром 2 *м*, имевшей двухъярусное устройство.

В центральной части участка с восточной стороны располагается небольшой холм, явно включающий отвалы бракованной продукции из расположенных рядом печей. На отвале был заложен небольшой раскоп, показавший, что слои отвала керамики, аналогичной найденной в самих печах идут здесь всего на 20—40 *см*, а в южной части холма они перекрываются также слоем бракованной продукции, но уже иного характера, с поливной керамикой X в.

В комплексе же керамики, полученной из основного отвала, абсолютно преобладает сероглиняная неполивная керамика очень хорошей выделки, тонкой отмучки, равномерного обжига со звонким черепком (рис. 1). Реже встречается розовый и кремовый в изломе черепок, как правило, покрытый светлым ангобом. Для чашей разного диаметра из раскопа характерны как округлые, так и почти прямые стенки, обычно слегка загибающиеся вовнутрь у венчика и дающие небольшой выступ наружу. Часто венчик, загибаясь вовнутрь, образует здесь как бы округлый валик. В большом количестве встречены горловины кувшинов разного диаметра и разной толщины стенок (иногда толщина стенок всего 2 *мм*), но, как правило, сложно профилированные желобками, остроребериыми выступами, валиками, которым иногда придана фестончатость, часто украшены процарапанным линейным и волнистым орнаментом, мелкими параллельными штрихами. Распространена была форма широких сосудов небольшой высоты с прямой горловиной и двумя маленькими ручками по сторонам (диаметр горловины 20—22 *см* при

высоте сосуда в 12—15 *см*). Встречались витые ручки сосудов, а на гладких ручках в верхней части часто располагались маленькие конусообразные налепы. Любопытно, что некоторые экземпляры донец дают чуть выраженную кольцевидность поддонов (рис. 2).

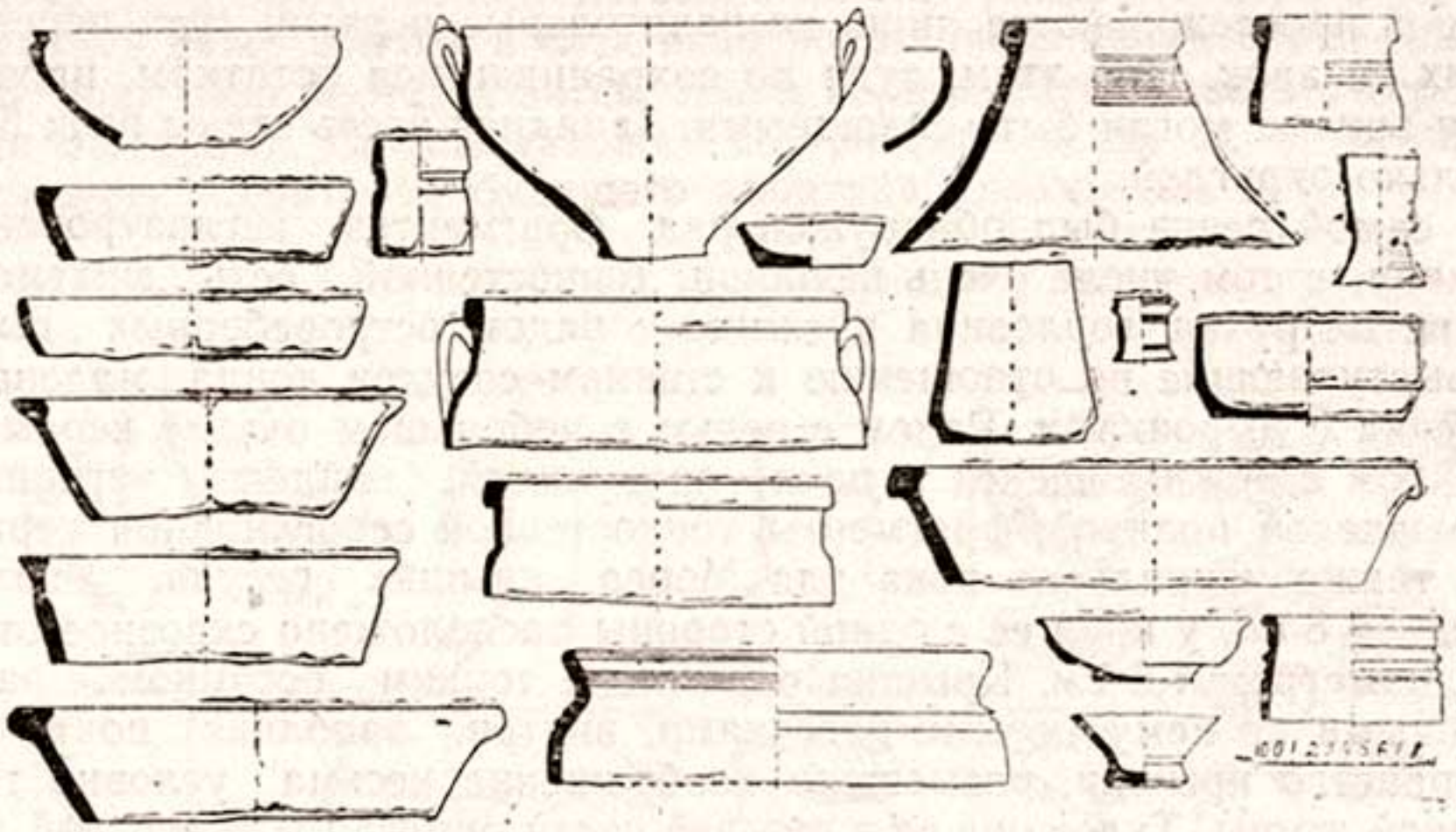

Рис. 1. Неполивная керамика IX в.

Рис. 2. Неполивная керамика IX в.

Черепки поливной керамики весьма немногочисленны, но среди них встречены с гладкой белой и темно-зеленой поливой, а также с черным и желтым орнаментом на белом фоне с почти совершенно не

сохранившейся поливой. С внешней стороны чаши у венчика были, как правило, украшены довольно большими черными треугольниками, заполненными параллельными черными линиями.

Остатки печи были обнаружены в центре квартала в нижней части шурфа (IX—X яруса) раскопа 18. Вполне естественно, что печь здесь сохранилась очень плохо, верхняя часть ее вообще разрушена, а в топочной прослеживаются лишь незначительные остатки трех перекрывавших ее арок. При этом, судя по сохранившимся остаткам, продухи между арками могли быть сплошными. Западная часть стены печи была несколько округлой.

В самой печке был обнаружен ряд фрагментов неглазурованной керамики, в том числе очень изящной, тонкостенной, есть фрагменты чаш, витые ручки, горловина кувшина с рядом остроребериых выступов, выступающие по отношению к стенкам сосудов донца, маленькая крышечка с дырочками. Рядом с печью в небольшом отвале керамики, связанном с обжигавшейся в печи продукцией, найдены черепки с темно-зеленой поливой, фрагменты тонкостенной сероглиняной керамики, а также уникальная пока для Мерва крышка сосуда. Диаметр последней 8 *см,* у края ее с одной стороны расположено сквозное отверстие диаметром 1,6 *см.* Крышка окаймлена тонким бортиком с расположенными по нему косыми насечками, внутри, заполняя почти все пространство крышки, размещено изображение весьма условно трактованной птицы. Туловище ее в нижней части округло, а в верхней дано треугольным выступом, шея с головой и хвост даны почти симметрично по отношению к туловищу. Маленькая головка с кольцевидным глазом переходит в длинный загнутый клюв, в котором птица держит длинный, округло изгибающийся побег со стреловидным завершением. От туловища отходят две крупные трехпалые лапы. Изображение птицы исполнено очень низким рельефом, по контурам которого опять даны тонкие косые насечки. Внутри туловища даны повторяющие его изгиб в верхней части рельефные полоски, а внутри оно сплошь заполнено плохо различимым мелкорельефным орнаментом. Над головой птицы размещено изображение змеи, раскрывшей пасть и как бы жалящей птицу в голову. Изображение в целом, очевидно, передает какую-то сложную символику, в других образах встречающуюся позднее в керамике Мерва.

Аналогичные по форме крышечки во множестве встречались на городище Афрасиаб в Самарканде, на городищах Пайкенд, Кулдордепе и других. По мнению В. Л. Вяткина, подобные крышки с отверстием надевались на петлю, прикрепляемую к ручке кувшина, а затем обжигались в печи одновременно со всем кувшином[4]. Мнение это подтверждено находками подобных кувшинов, однако в иных случаях такая крышка, очевидно, могла прикрепляться к ручке веревочкой или проволокой. Г. Н. Балашовой описаны такие крышки с изображением птиц[5]. Форма крышек аналогична нашей, однако птицы даны также в условной, но совершенно иной трактовке. Перья часто переданы штриховкой, а в клювах птицы в двух случаях держат виноградную гроздь. Г. Н. Балашова датирует крышки IX—X вв.

Непосредственно над остатками печи была найдена сначала одна монета, а затем на 10 *см* ниже нее вторая. Обе монеты определены М. Е. Массоном как фельсы династии Аббасидов, чеканенные в Нишапуре в одном и том же году — 204 г. х. (819—820 гг. н. э.). Учитывая разрушение верхней части печи (монеты и найдены в этом завале), а

также то обстоятельство, что в слое найдены две однотипные монеты, следует считать их связанными с данным культурным слоем и прекрасно подтверждающими датировку печи по керамическому материалу, как относящуюся к IX в.

Для характеристики исторической топографии района важно, что остатки печи лежат непосредственно на материковом слое, а ее топка оказалась даже врытой в слои неантропогенного характера — сначала здесь идет слой песка, а затем земля коричневатого цвета с серо-ржавыми оттенками. Следовательно, постройкой печей IX в. начиналось обживание территории будущего квартала керамистов.

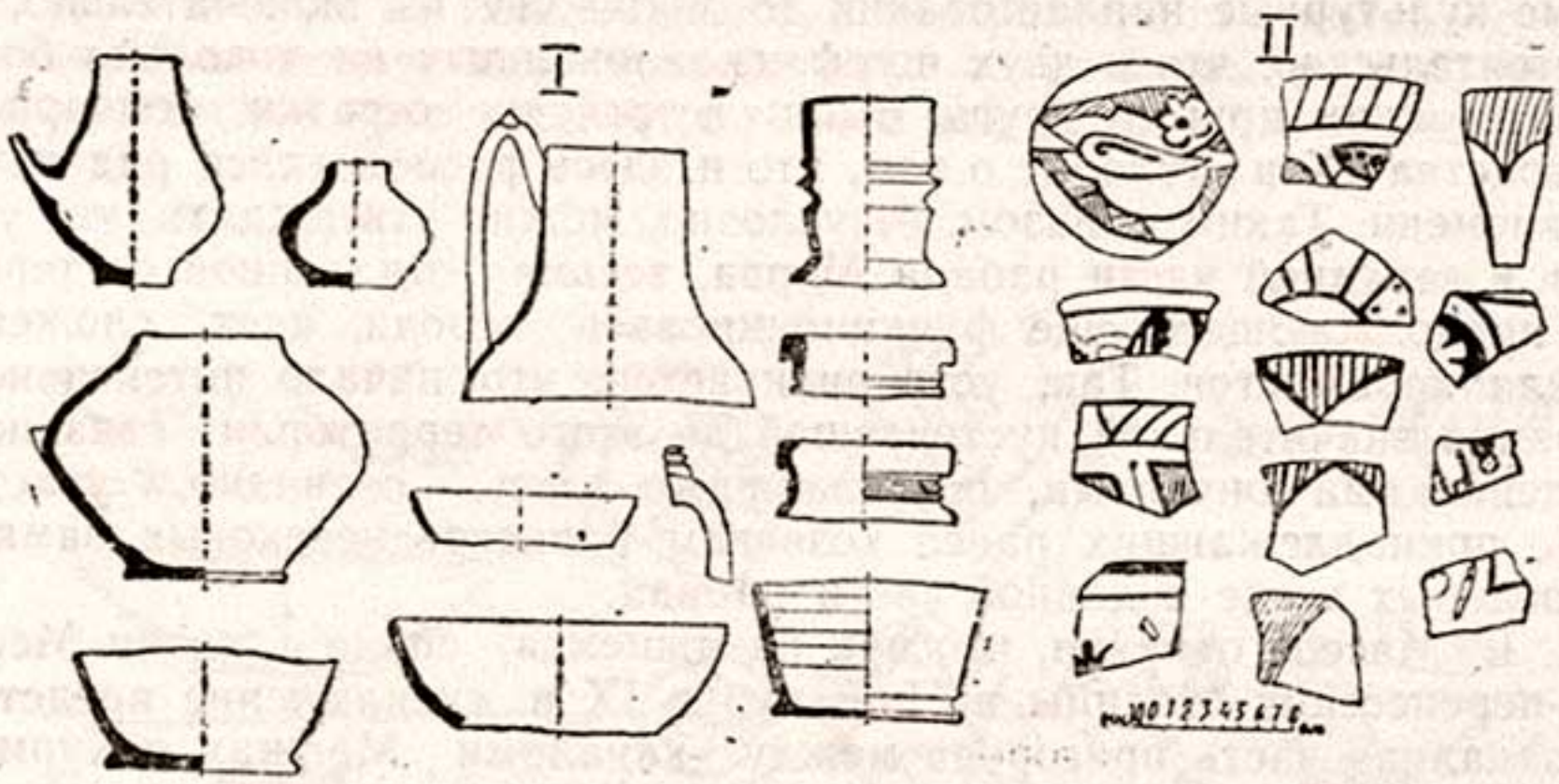

Рис. 3. Керамика из печей IX в.:
I — неполивная; II — поливная.

Участок с описанными выше печами в северной части квартала занимает довольно большую площадь. Все эти печи расположены либо у подножия холмов, образованных более поздними и зачастую довольно мощными культурными отложениями, либо же на отдельных очень незначительных по высоте холмиках. По уровню все эти печи намного ниже печей X—XI вв. (особенно хорошо сопоставляется уровень печей, сохранивших перекрытие топочной камеры). Их можно было обнаружить на склонах холмов, так как здесь постоянно шел процесс разрушения и смыва, а печи эти почти нигде не были перекрыты более поздними культурными наслоениями. Уже одни эти приведенные обстоятельства позволили думать, что датировка печей относится к более раннему времени, чем X—XI вв. Помимо этого, одна из печей после своего разрушения была засыпана отвалом бракованной керамики X—XI вв. и подобный же отвал перекрывал частично иной по характеру отвал бракованной керамики из данных печей. Комплекс керамики из последнего, а также из всех печей данного участка и из остатков печи, обнаруженной в шурфе в центральной части квартала, весьма однороден, включая как поливную, так и неглазурованную керамику (рис. 3). В последней бросается в глаза большая тщательность выделки, тонкость сероглиняного черепка, в поливной — преобладает орна-

ментация черной, зеленой и желтой красками на белом (желтовато-белом, зеленовато-белом) фоне, а также встречается белая и темно-зеленая полива. Анализ форм керамики, ее орнаментации, цвета поливы, проведенные аналогии, сопоставление с уже известной керамикой Мерва этого времени, отсутствие поливной керамики иной тональности приводят к убеждению, что перед нами керамика IX в. Все приведенные выше данные показывают, что именно IX в. должен быть датирован участок гончарных печей, расположенный на северо-западной окраине квартала керамистов, а также остатки печей и отвалов бракованной керамики, зафиксированные в нижних слоях шурфов, заложенных в центральной части квартала. Трудно говорить о том, как располагались печи в центральной части квартала, ибо здесь накоплены очень мощные культурные напластования до XIII—XIV вв. включительно, но то обстоятельство, что в двух шурфах, заложенных на довольно большом расстоянии друг от друга, были встречены остатки гончарного производства IX в., говорит о том, что и здесь располагался ряд печей этого времени. Таким образом, безусловно, можно утверждать, что уже в IX в. в западной части рабада Мерва, весьма отдаленной от территории продолжающего еще функционировать города, идет сложение квартала керамистов. Так, устанавливается, что начало интенсивного обживания значительной пустовавшей до этого территории связано с ремесленниками-гончарами, осваивавшими здесь, очевидно, участки земель, принадлежавших ранее хозяевам раннесредневековых замков, разбросанных везде в данной части рабада.

М. Е. Массон отмечал, что при начавшемся спаде в жизни Мерва после перенесения столицы в Нишапур в IX в. «исключение представляла западная часть пригорода между каналами Маджан и Хурмуз-фарре»[6].

Квартал керамистов с севера ограничивает квартал, тянущийся в направлении восток-запад от пролома в западной стене Султан-калы близ начала стены северного обвода. Квартал, где находились довольно высокие холмы от разрушенных строений, дает в основном в подъемном материале, за очень редким исключением, керамику не позднее X в., а в основном IX в. и даже более раннюю (так, например, встречен ряд позднесасанидских черепков). Судя по всему, это был жилой квартал, заброшенный, очевидно, в X в. и поэтому не включенный позднее в черту города. Можно думать, что здесь в IX в. жили и те ремесленники, печи которых располагались на территории находящегося южнее квартала керамистов. На наш взгляд, квартал мог располагаться вдоль былой дороги на Абиверд, которая затем переместилась южнее и шла от западных ворот Султан-калы.

В квартале керамистов вскрыто свыше 10 печей X — начала XI в. Большинство из них описано нами[7]. В 1966 г. к ним прибавилась еще одна вскрытая печь уже известного типа (раскоп 24), расположенная в 8 *м* западнее раскопа 4.

Раскоп 24 дал довольно много фрагментов печного припаса — штырей, сипая, а также разнообразной керамики. Последняя, будучи найдена в самой печи — в топке и за перегородками, явно связана с обжигом гончарной продукции, производившимся в печи в последний раз. Абсолютно преобладает поливная керамика, неполивные же черепки дают ту же форму, что и поливные, и скорее всего являются подготовленными под глазурование. Преобладают чаши различного диаметра, часто крупные (диаметр венчика 32—34 *см*). Черепок чаш в изломе

красно-коричневого, реже коричневого цвета. Стенки чаш иногда дают перегиб под углом при переходе к донцу. Особенно разнообразна орнаментация и сочетание цветов в украшении посуды, примененные мастером, работавшим в данной мастерской и эксплуатировавшим раскопанную печь. Здесь встречался черный орнамент на зеленовато-белом фоне; растительные завитки черной краской на таком же фоне; имитация надписи темно-коричневой краской на белом фоне; крупные желтые и зеленые пятна на белом фоне; орнаментация красной, черной и болотного цвета красками на белом фоне, сочетание красного и желтого цветов на том же фоне. Особенно эффектны и своеобразны здесь фрагменты крупных чаш (диаметр до 34 *см*) с крупным броским орнаментом, где поле чаши разделено белыми, оконтуренными черным полосками, внутри которых располагаются весьма условно трактованные цветы, состоящие из находящегося в центре черного кольца с черной же точкой посредине и расположенных по сторонам от него чередующихся овалов и кругов также с точкой или полоской в середине. При

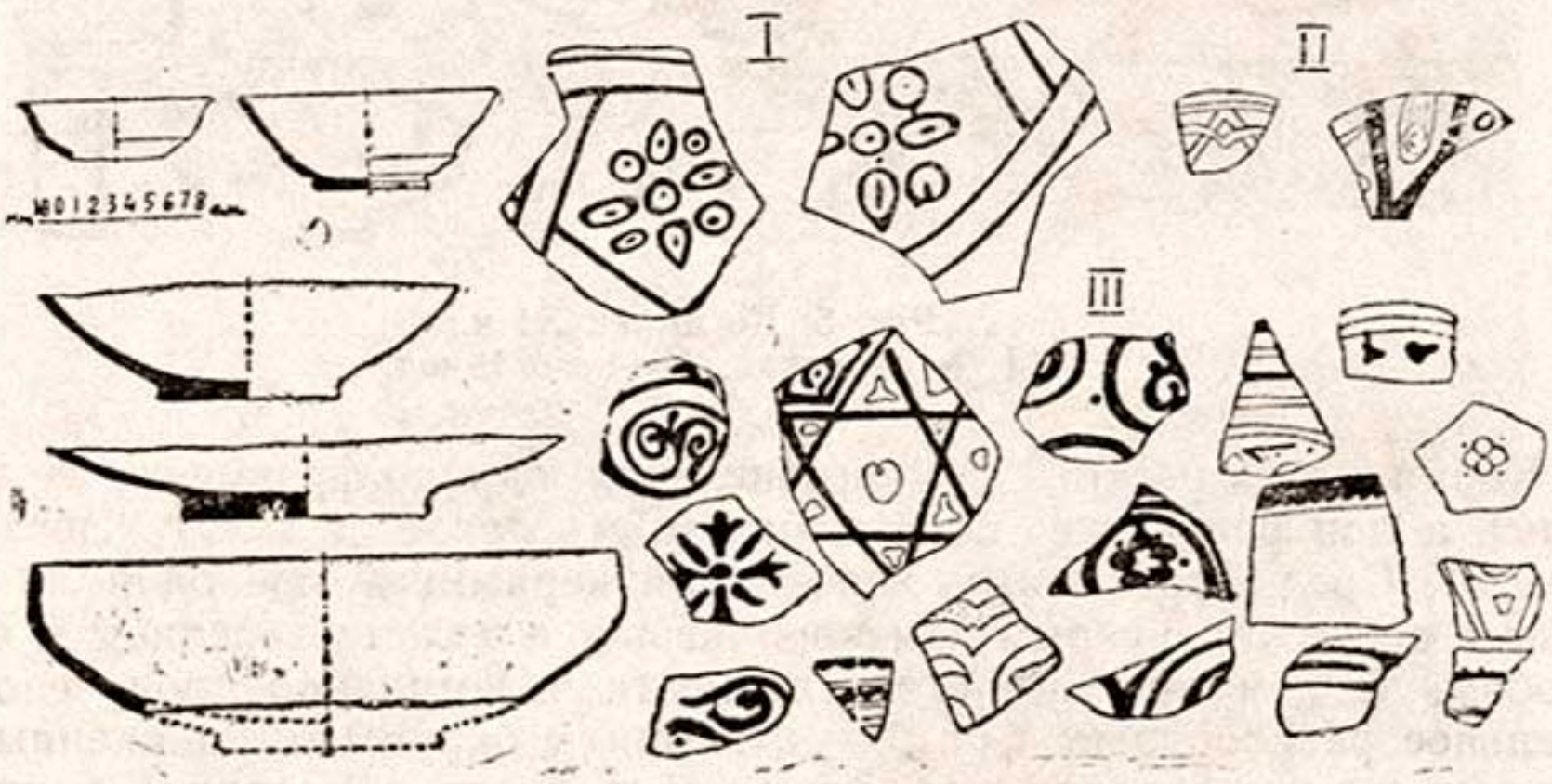

Рис. 4. Поливная керамика X—начала XI в.:
I — на желтовато-коричневом фоне; II—на красно-коричневом;
III—на белом.

этом вся орнаментация дается на желтовато-коричневом фоне. Интересен также орнамент на белом фоне из пересекающихся черных полос с расположенными в образующихся треугольниках и многоугольниках красными трилистниками и точками. Особую группу составляет керамика с орнаментацией на красно-коричневом фоне — желтые полосы, черные полосы с белыми точками, тонкий орнамент желтой краской и др. Среди фрагментов глазурованной керамики выделяется несколько с глазурью очень высокого качества.

Перечисленные цветовые сочетания чрезвычайно характерны для керамики Мерва X — начала XI в. Эту же дату дают и аналогии конструктивному устройству печи (рис. 4).

В 1966 г. была вскрыта и новая гончарная печь XI в. (раскоп 23) в северной части квартала керамистов всего в 5 *м* к востоку от раскопа 2. Печь оказалась круглой в плане диаметром 2,85 *м*. Под ее в двух местах несколько разрушен, однако в целом он сохранился хорошо. Печь имела оригинальное конструктивное устройство. Она была двухъярусной с подом, отделявшим топочную камеру от обжигательной.

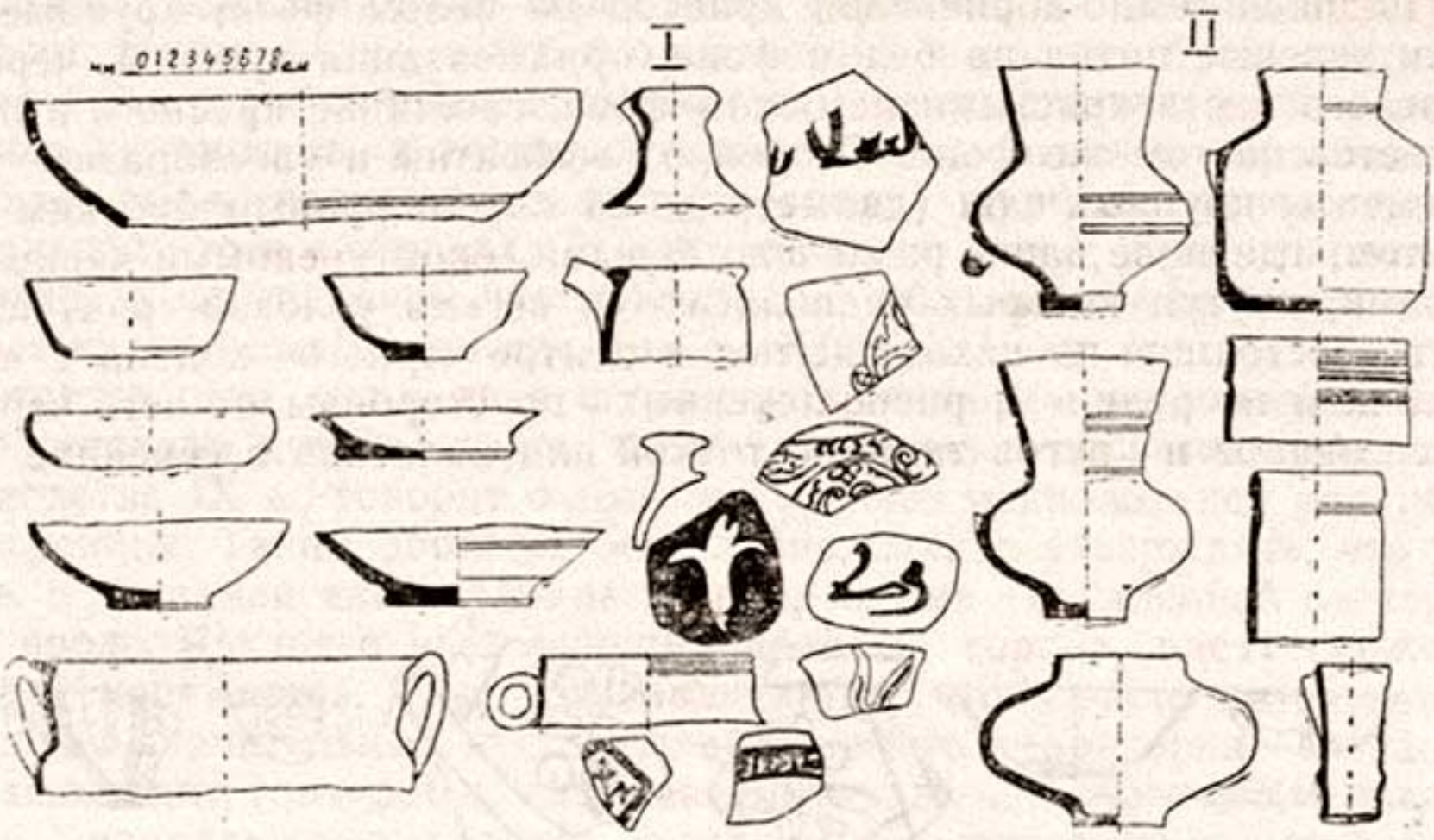

Рис. 5. Керамика XI в.:
I — поливная; II—неполивная.

Керамика из раскопа немногочисленна, однако фрагменты ее встречались и при расчистке пода печи и в ее топке и около последней (рис. 5). Среди фрагментов неполивной керамики преобладали кувшины в основном с серым или коричневым в изломе черепком и серым ангобом, причем при немногочисленности экземпляров получено значительное разнообразие форм — кувшины с округлым заниженным туловом и воронкообразно расширяющейся вверх горловиной, широкогорлые кувшины с банкообразной формы туловом с небольшими плечиками и вертикальными стенками, кувшины с приземистым большого диаметра туловом. Сосуды этого рода часто украшены процарапанным линейным и волнистым орнаментом, по горловине часто идет сплошное рифление, желобки иногда проведены по тулову, валики размещены в месте перехода от горловины к плечикам. Встречались и узкие горловины небольшого диаметра, плавно изогнутые в средней части.

В поливной керамике явно преобладала форма чаш, хотя изредка встречались и фрагменты поливных кувшинов. Чаши то округло изгибались к прямому венчику, то имели прямые стенки, резко перегибающиеся под углом. В целой чашечке диаметром 11,6 *см* венчик плавно отгибался наружу. Стенки чаш часто имели довольно большой выем с внешней стороны у донца. Диаметр чаш колебался в пределах 10—32 *см*. Полива часто бывала гладкой — темно- и ярко-зеленой, белой, но часто на чашах были расположены различные орнаменты — таков крупный белый трилистник на красно-коричневом фоне; три побега с трилистниками, заключенные в квадратную черную рамку (при этом цветы даны черной краской, стебельки красной, а весь рисунок помещен

на белом фоне); стилизованная белая надпись в черной полосе, сама чаша же внутри и снаружи покрыта красно-коричневой поливой; надпись в центре донца коричневыми буквами на зеленовато-белом фоне; слово «барака» черной краской на белом фоне; тонкий сложный стилизованный растительный орнамент на белом фоне и др. Встречалась также мраморовидная керамика с подглазурным процарапанным орнаментом. Характерно полное отсутствие керамики в определенном цветовом сочетании — черной, желтой и зеленой красками на белом фоне, которая дожила в Мерве до начала XI в. (рис. 6).

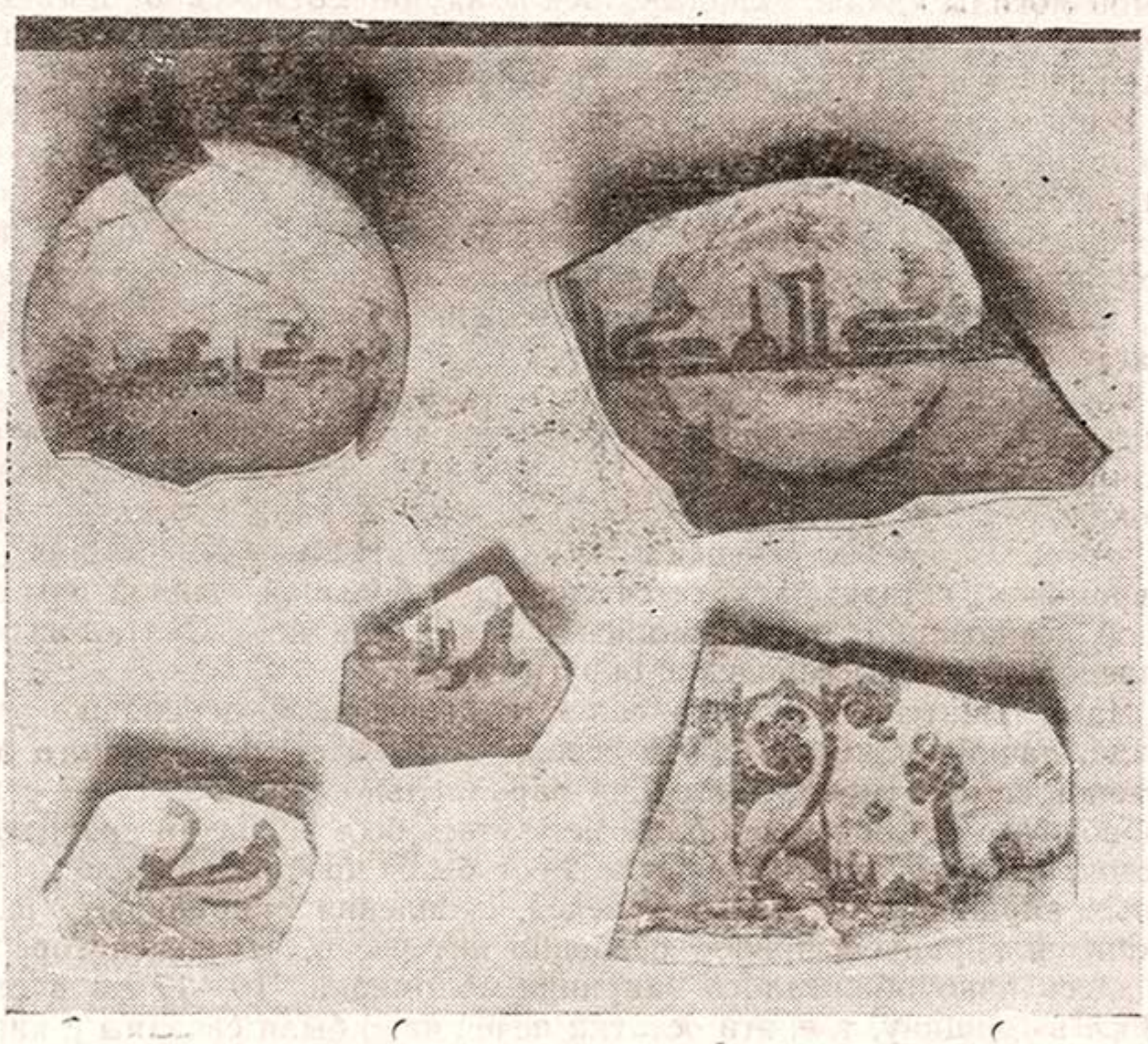

Рис. 6. Керамика XI в.

Были найдены и связанные с печью предметы печного припаса — сипая и фрагменты штырей.

Печь расположена на одном уровне с печью XI в. раскопа 2. Этим же временем может быть датирован и полученный из нее комплекс керамики, обнаруживающий к тому же определенное сходство с керамикой из печи упомянутого раскопа. Таким образом, печь можно датировать XI в.

Раскопочные данные показывают, что печи XI в. группировались в основном в северной части квартала.

На площади изучаемой части рабада почти на берегу канала Хурмузфарра находится одно из интереснейших архитектурных сооружений Мерва — мавзолей Мухаммеда ибн-Зейда. Изучением этого мавзолея, надписей внутри него занимались В. А. Жуковский, Б. Н. Засыпкин, Н. М. Бачинский, В. И. Пилявский, А. Ю. Якубовский,

В. А. Крачковская, М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Мавзолей, отстроенный в начале XII в. (1112/13 гг. н. э.), был возведен над могилой реального исторического лица Мухаммеда ибн-Зейда, жившего в конце VII—начале VIII в. Культ могилы его поддерживался, очевидно, в течение столетий и был возобновлен в XII в. постройкой эффектного центрического мавзолея. Во внешнем и внутреннем оформлении его широко применены фигурные кирпичи, резьба по ганчу, росписи. Несколько веков насчитывает, очевидно, и окружающая мавзолей буквально реликтовая для данного района саксауловая рощица. Позднее у почитаемой могилы начало складываться кладбище, отмеченное в настоящее время на поверхности многочисленными бугорками и захватившее даже северо-западную оконечность квартала керамистов.

Близ мавзолея к северу от него сохранились остатки водохранилища-сардобы XI—XII вв. с большим глубоким резервуаром и ступенчатым спуском к нему, что создавало запас воды для близлежащих строений, к числу каковых относились, например, лежащий южнее двухэтажный жилой дом и находившийся к северу, судя по микрорельефу, караван-сарай. Возможно, накопленной здесь водой пользовались и мастера из квартала керамистов.

На берегу арыка Хурмузфарра западнее квартала гончаров сохранились остатки жилого дома, принадлежавшего какому-то состоятельному лицу. Это крупное двухэтажное здание, в центре которого находился высокий (на высоту обоих этажей) парадный зал, а по сторонам его ряд комнат. Дом выстроен из сырца и датируется XI—XII вв.[3] Этим же временем, кстати, датируется еще один большой жилой дом аналогичной композиции, находившийся в 4 *км* западнее Султан-калы уже за пределами стены городской округи Мерва.

Нами тщательно осматривался подвергшийся перепашке участок рабада, начинающийся в 200 *м* севернее стыка стены северного обвода со стеной самого города и идущий параллельно западной стене северного обвода в 200—300 *м* западнее нее. Здесь был распахан значительный участок, на котором нами в ряде мест были прослежены следы распаханных кирпичеобжигательных печей, скопления кирпичных шлаков, спекшихся кирпичей, причем особенно интересно, что в некоторых печах здесь явно обжигались кирпичи-маломерки 16—17 *см* в стороне на 3 *см* в толщину, т. е. эти остатки печей явно были связаны с кирпичеобжигательным производством IX—X вв.

На одном участке было зафиксировано небольшое скопление фигурных кирпичиков разных типов — остатки какой-то небольшой постройки. Здесь же на относительно небольшом участке встречалось довольно много человеческих костей, а бригадир тракторной бригады, производившей здесь перепашку, передал нам найденный там крупных размеров (36×36×5 *см*) намогильный жженый кирпич с семистрочной надписью без указания даты. Судя по размерам кирпича и палеографическим особенностям надписи, кирпич может быть отнесен к концу XII—началу XIII в. когда здесь, очевидно, располагалось небольшое кладбище.

Южная половина западной части рабада Мерва до 1965 г. почти совершенно не подвергалась археологическому изучению. Привлекали внимание и описывались лишь замки Большая и Малая Кыз-кала и мавзолей Кыз-биби, но археологических вскрытий, могущих дать более точное представление о самих памятниках и об их датировке, не производилось. Южнее ворот Фируза в этой части рабада и ныне

издали видно небольшое по объему компактное здание мавзолея Кыз-биби, выделяющееся даже на фоне стоящих поодаль огромных зданий Кыз-кала (рис. 7).

Рис. 7. Общий вид мавзолея Кыз-биби.

Начало изучения мавзолея Кыз-биби связано с именем В. А. Жуковского. Он называет его единственным уцелевшим надгробием на старом мусульманском кладбище южнее мазара Ахмада Замчи и описывает как «небольшое кирпичное здание с единственным входом с восточной стороны, почти квадратное, увенчанное довольно острым куполом, на вышке которого укреплен голубой шар»[9]. Довольно подробно останавливается В. А. Жуковский на наименовании памятника, считая, что здесь, возможно, погребена супруга султана Санджара Туркан-хатун, скончавшаяся в 1156 г. и получившая в народе лишь общее почетное наименование Кыз-биби[10]. В некоторых изданиях, появившихся вскоре после выхода в свет работы В. А. Жуковского, иногда почти дословно приводится описание памятника со слов последнего[11].

Лишь много позднее памятник вновь привлек внимание исследователей. Изучая сырцовые сооружения древнего Мерва, В. И. Пилявский включил мавзолей Кыз-биби в сферу своего исследования. В его статье, посвященной сырцовым постройкам Мерва[12], содержалось подробное описание памятника, были приведены планы в двух уровнях и разрез здания, описаны детали композиции памятника, его конструкций. В. И. Пилявский считал, что памятник имеет крестообразный план. Не совсем точны некоторые приведенные автором размеры. Так, толщина «мощных» стен приводится в 1,9 *м*, между тем она равна всего 1,15 *м*. Сырцовый кирпич дает не только единый формат 31,5×31,5×7,5 *см*, глубина ниш приводится как равная 1,3 *м*, между тем вся ширина сквозного проема — 1,5 *м*.

Слишком пессимистичен, на наш взгляд, вывод автора, что «постройка по существу безвозвратно погибла»[13]. Напротив, по сравне-

нию со многими памятниками Мерва постройка сохранилась довольно хорошо. За исключением рухнувшего купола и некоторого искажения внешнего облика здания в результате ремонтных обкладок, в нем прослеживаются четко все конструктивные детали и даже первый ряд кладки самого купола. Первоначальный облик здания восстанавливается достаточно четко.

Совершенно справедливо В. И. Пилявский отмечал, что надгробие представляет не только исторический, но и «большой архитектурно-археологический интерес»[14]. Вместе с тем он считал, что поддержание и частичная реставрация мавзолея невозможны и поэтому следует ограничиться раскопками с тщательной фиксацией его форм[15]. В. И. Пилявский относит сооружение к числу построек XI—XII вв.

Описание мавзолея приводится также в сводной работе Г. А. Пугаченковой «Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма». Там же дан план мавзолея в нижнем уровне. Г. А. Пугаченкова также исходила из предположения о крестообразности плана мавзолея с единственным входом с восточной стороны и считала, что крупный калибр сырца, тип перспективного тромпа, характер сводов дают возможность считать, что памятник воздвигнут в IX—X вв. и тем самым является одним из самых ранних мавзолеев Хорасана, дошедших до наших дней, поясняя генезис центрических усыпальниц хорасанской архитектурной школы[16].

Все перечисленные выше работы по изучению памятника были основаны на обследовании сохранившихся остатков без каких-бы то ни было археологических вскрытий, тщательного осмотра места стыков стен, поздних пристроек. Поэтому представилось необходимым, особенно в связи с интенсивно ведущимся изучением западной части рабада Мерва, дальнейшее изучение памятника, проведение археологических раскопок с целью уточнения даты мавзолея, восстановления его истинных пропорций, возможной периодизации истории памятника.

Мавзолей чуть сбит по отношению к странам света. В настоящее время с северной, южной и особенно с западной стороны мавзолей обезображен ремонтными стенами, обкладками, однако в большинстве случаев видны швы стыка поздних кладок с основными стенами мавзолея и совершенно очевидно, что первоначально здание представляло собой в плане строгий квадрат со сторонами в 6,8 *м*[17]. Внутри здание имеет размеры 4,4×4,4 *м*. Толщина стен — 1,15 *м* (рис. 8).

В кладке основных стен мавзолея употреблены сырцовые кирпичи следующих размеров: 30×30×6 *см;* 30×30×7—8 *см;* 31×31×6—7 *см;* 32×32×7 *см.*

Тщательный осмотр сооружения, стыков стен, характера закладки ниш, а позднее осуществленные расчистки и вскрытия привели к убеждению, что перед нами характерный тип здания — центрический купольный киоск со сквозными арками по всем сторонам квадрата (рис. 9). Между тем и у В. И. Пилявского, и у Г. А. Пугаченковой мавзолей описан и представлен в плане как имеющий крестовидное основное помещение с глубокими нишами на осях и единственным входом с восточной стороны[18]. Очевидно, исследователей ввели в заблуждение поздние закладки арок, а также расположение в западной арке поздней саганы. Таким образом, план мавзолея, опубликованный В. И. Пилявским и Г. А. Пугаченковой, отражает лишь поздний этап перестроек памятника.

Наличие сквозных арок стало ясным при тщательном обследовании

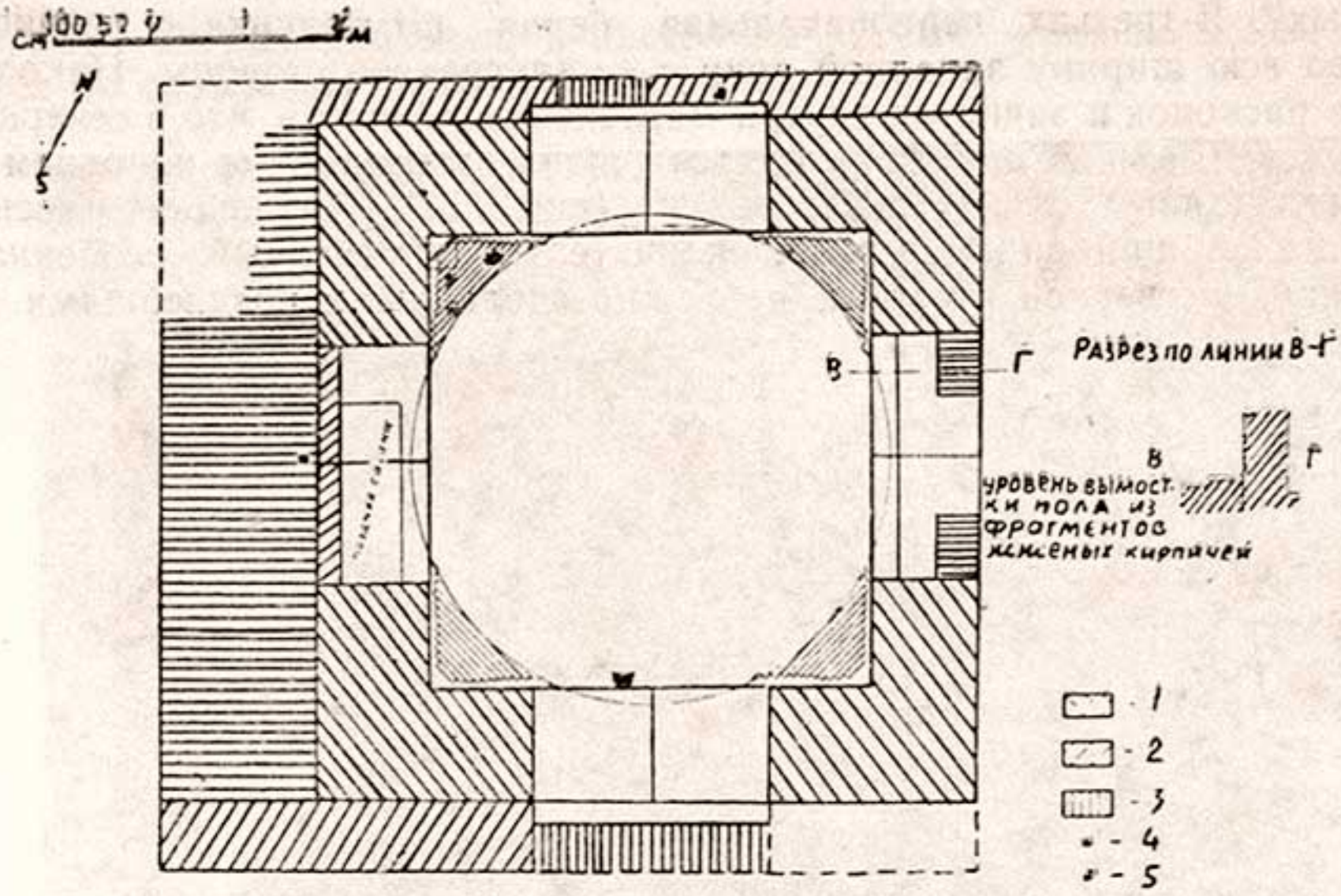

Рис. 8. Поздние перестройки мавзолея Кыз-биби.

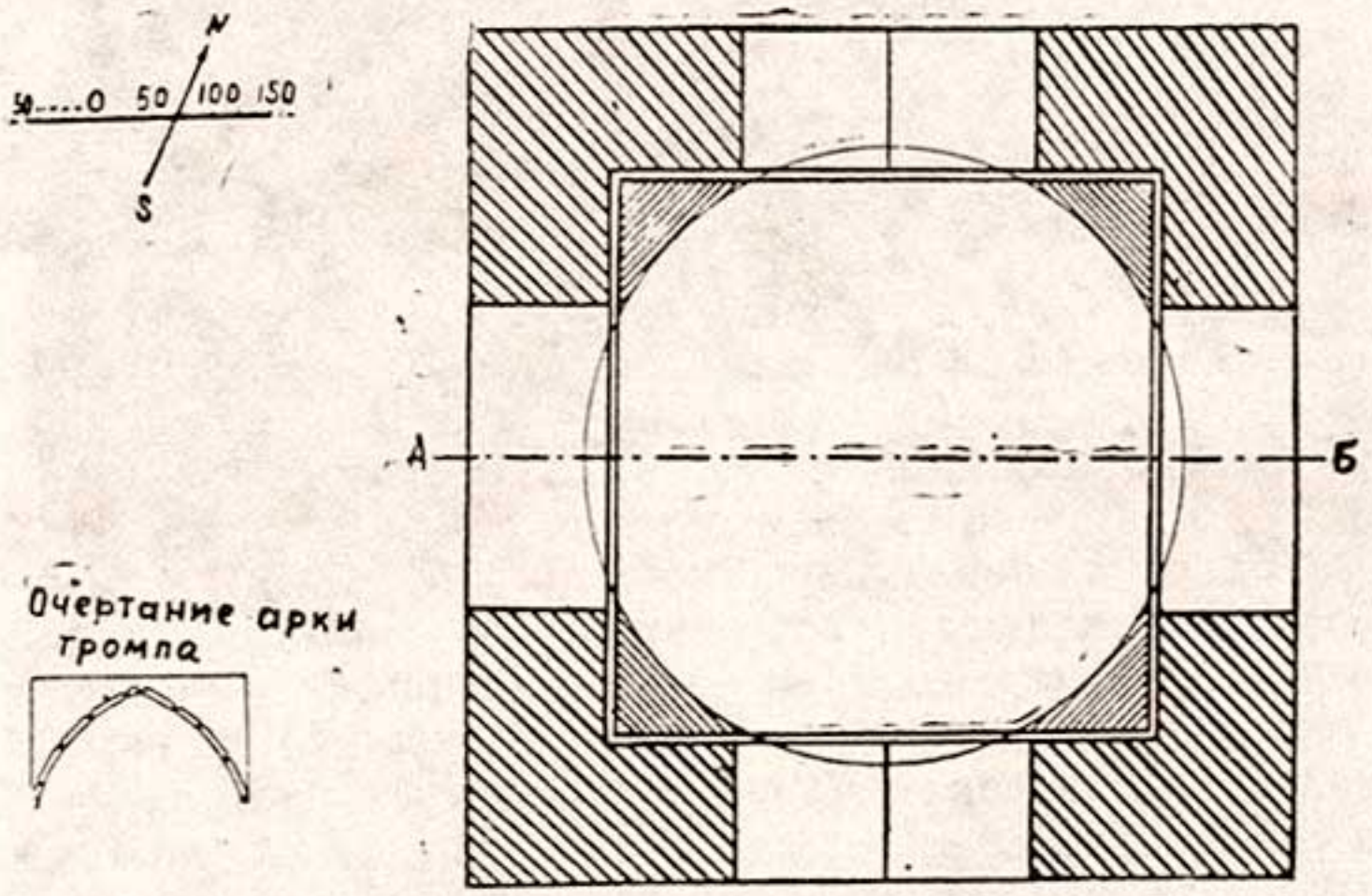

Рис. 9. План мавзолея Кыз-биби.

мавзолея еще до производства вскрытий. Во-первых, нигде не сохранилось стен, закрывавших арки с внешней стороны, напротив, с восточной и южной стороны арки выходят наружу своей основной кладкой (рис. 10), а с северной и западной стороны арки закрыты лишь ремонтными стенами. Во-вторых, если бы с юга была глухая стена, то, когда сооружалась стена ремонтная из сырцовых и жженых кирпичей вперемежку, ее бы также возвели как глухую стену, а между тем, чтобы не нарушить общий вид мавзолея, строители впритык к первоначальной арке утолщают ее по конфигурации дополнительной аркой толщиной в 65 *см* из сырцовых кирпичей с обрамлением из кирпичей

жженых[19]. В-третьих, первоначальная белая штукатурка с росписью шла во всю ширину западной арки с ее внутренней стороны. Наконец, в ходе раскопок и зачисток внутри мавзолея выяснилось, что в северной, восточной и южной арках находятся лишь возведенные на одном из поздних этапов тонкие перегородки (рис. 11). Последние весьма нарушили общий вид мавзолея, окончательно измененный, особенно с западной и северной стороны, небрежно сделанными позднейшими ре-

Рис. 10. Южная арка мавзолея Кыз-биби. Видна ремонтная прикладка.

монтными обкладками. В закладке с северной стороны прослеживается сделанный одновременно с нею сбитый по отношению к оси узкий поздний вход. Закладка арки с южной стороны сделана вперемежку из фрагментов сырцовых и жженых кирпичей. А цоколь стен из жженых кирпичей выходит углом наружу.

Ширина сквозных проемов 2,4 *м*, высота арок проемов 3,15 *м*. Последнее обстоятельство было выяснено в результате проведения

вскрытия внутри мавзолея, в настоящее время уровень в нем повысился по сравнению с древним на 1,3 *м*.

Рис. 11. Поздняя вымостка и закладка арки в мавзолее Кыз-биби.

Арки стрельчатого начертания с ясно выраженным заострением в своде. Арку обрамляет ряд кирпичей, положенных плашмя, причем необходимое очертание ее достигается расширением швов между верхними концами кирпичей, выше же проходит разгрузочный ряд кирпичей тычком. Подобный метод построения арки имеет место в кешке IX—X вв. к востоку от Гяур-калы[20], такое же оформление имеет стрельчатая арка ниши в фасаде мавзолея Аламбердара (XI в.)[21] и др. При вскрытии оказалось, что в основании стен проходит цоколь высотой 46—50 *см*, выложенный из жженых кирпичей очень аккуратной, правильной кладкой (рис. 12). Размеры жженых кирпичей таковы: 21×21×3,5—4 *см*; 21,5×21,5×4 *см*; 22×22×4 *см*.

Сравнительный материал показывает, что квадратный жженый кирпич, имеющий в стороне 21—22 *см* при толщине 3,5—4 *см* употреблялся в качестве одного из основных стандартов в XI—XII вв. Так, из кирпича 21—22—23 *см* в стороне на 4 *см* толщины сооружено в середине XI в. здание мавзолея Абу-Саида[22]; из кирпича 19—21×19—21×3,5—4 *см* сложено здание мавзолея XI в. Парау-биби близ городища Ферава[23]; XI—XII вв. датируется группа мавзолеев на кладбище Машад близ Дехистана, мавзолей № 4 в этой группе имеет кирпичи 19 или 22 *см* в стороне квадрата на 3—4 *см* толщины, а мавзолей № 2 и 3 — кирпичи 19—21×19—21×3—4 *см*[24]; к XI—XII вв. относится мечеть Шир-

кабир в Дехистане, сложенная из жженого кирпича 21—22×21—22×3—3,5 *см*[25]; концом XI — началом XII в. датируется мавзолей Чугундор-баба, при строительстве которого употреблен кирпич 22×22×4,5 *см*[26]; при перестройках мавзолея Шир-кабир[27] в XII в. строительство велось жженым кирпичом 21×21×3,5 *см*.

Рис. 12. Северо-восточный угол мавзолея Кыз-биби. Внизу виден цоколь из жженых кирпичей.

Первый пол в мавзолее находился на уровне нижнего ряда жженых кирпичей цоколя, сохранился он сейчас в виде плотно утрамбованной земли, однако, возможно, что первоначально он был вымощен жжеными кирпичами. Под стены мавзолея была подведена какая-то очень уплотненная масса типа пахсы, довольно хорошо прослеживающаяся сейчас на 70 *см* вниз.

Гладь стен внутри мавзолея прерывалась на высоте 3,6 *м* от пола узеньким выступающим карнизом шириной в 6 *см* и высотой 25 *см*, являвшимся конструктивным элементом при переходе к поясу тромпов.

Переход к куполу осуществлялся посредством перспективных тромпов в углах здания и плавно изогнутых участков в уровне тромпов в центральной части стен (рис. 13). Последние давали отступ от основной линии стены в центре на 18—20 см. Угловые тромпы состоят из вписанных друг в друга перспективно уменьшающихся десяти отлого-стрельчатых арочек. Общая ширина углового тромпа 1,7 *м*, высота — 1 *м*, сохранился лишь первый ряд кладки самого купола, диаметр его здесь 4,9 *м*.

Рис. 13. Угловой тромп мавзолея Кыз-биби.

Толщина стен мавзолея в уровне тромпов уменьшается как будто до 60 *см*. Надо думать, что стена при переходе к куполу давала отступ и, следовательно, он мог быть выложен в один кирпич (30—32 *см*). Высота мавзолея до центра купола внутри согласно реконструкции последнего могла достигать 8,1 *м*.

При помощи перспективных тромпов, имеющих по 6 уступов, осуществлялся переход к куполам в помещениях Харам-кешка[28], расположенного в 7 км к северу от Гяур-калы и функционировавшего с IX по XIII в., причем время его строительства относится, видимо, к IX—X вв. Стрельчатое начертание арок тромпа несколько напоминает арки нашего мавзолея. На перспективных тромпах основаны купола комнат кешка Акуйли-кошук близ городища Дурнали, также, видимо, датирующегося IX—X вв[29]. Перспективные угловые тромпы из шести арок имело помещение мазара Шир-кабир близ городища Месториан, также датирующегося IX—X вв.[30] Г. А. Пугаченкова отмечает для памятников IX—X вв. преобладание перспективного тромпа из сырцовых арочек[31].

Позднее тип такого тромпа переходит и в строительство из жженого кирпича. Так, в XI—XII вв. тромп из шести перспективно сокращающихся арочек применен в мечети Шир-кабир[32].

Как бы репликой перспективного тромпа является двухарочный перспективный, заключенный в прямоугольную раму, парус купола мавзолея Абдуллы ибн-Бурейды[33].

На северной щеке западной арки мавзолея сохранились незначительные остатки явно первоначальной белой штукатурки с фрагментами росписи (штукатурка сохранилась в высоту всего на 50 *см*). Роспись сохранилась небольшими участками. Вверху идет черная роспись по белому фону, где видны растительные побеги, маленькие оконтуренные черным веточки, ниже обнаружен какой-то крупный рисунок синей краской. В завале рядом со стеной имеется кусочек росписи красного и синего цвета по белому фону. Штукатурка положена непосредственно на основную кирпичную кладку мавзолея и явно относится к первому периоду его существования. Особенно интересно, что эта штукатурка с росписями уходит за закладку арки, что явно указывает на позднее происхождение последней.

Сочетание белого, синего и красного цветов и в основном росписи красной и синей красками по белому фону с растительными узорами характерно для росписи стен мавзолея Мухаммеда ибн-Зейда, датирующейся временем возведения здания. Синей и красной красками выполнена по белому фону живопись внутри мавзолея султана Санджара. Таким образом, роспись стен намогильных сооружений встречалась довольно часто, причем в той же тональности, в какой сохранилась она на небольшом участке в мавзолее Кыз-биби.

Следует описать также сохранившиеся следы ремонтов, переделок, а также некоторых поздних построек внутри памятника. Так, в связи с разрушением южной стены мавзолея были вынуждены сделать толстую ремонтную прикладку (до 75 *см*), а для того, чтобы она меньше бросалась в глаза и выглядела более оправданной, решено было нарастить и арку, которая сохранилась хорошо. Дополнительная арка была сложена тем же конструктивным методом, что и основная, но кирпич был уже применен другого формата, было приложено 9 рядов сырцового кирпича, но в обрамлении арки было употреблено и два жженых кирпича 20×20×4 *см*. В прикладке же были употреблены сырцовые кирпичи размером 25×25×5 *см*; 26×26×5 *см*; 27×27×6 *см* (те же размеры и в арке) и жженые кирпичи размером 20×20×5 *см* и 22×22×4 *см* (сырцовые и жженые кирпичи вперемежку).

На одном из этапов перестроек мавзолея северная арка была заложена стенкой из сырцовых кирпичей, в которой был оставлен узкий (90 *см*) проход, оформленный стрельчатой арочкой. Закладка была сделана в основном половинками и фрагментами сырцовых кирпичей, редко встречались целые. Размеры кирпичей 26×26×5 *см;* 28×28×5 *см*. Употребление того же стандарта кирпичей, что и в обкладках стен могил внутри мавзолея, делает возможным предположение, что устройство могил и пристройка северной стены с проходом были произведены одновременно. Позднее этот проход был заложен жженым кирпичом вперемежку с сырцовым. Тогда же, очевидно, на одном из последних этапов заложили глухими стенами все арки, проход был сделан только в восточной, причем он был оформлен там дополнительными пристройками к основной стене выступами длиной 60 и шириной 45 *см*, сузившими тем самым вход до 1,15 *м*.

Тогда же были сделаны начинающиеся на том же уровне, что и вымостка пола фрагментами жженых кирпичей, у восточной арки две ступени, у северной — одна. Если последняя была чисто декоративной, то устройство двух первых было связано с тем, что уровень поверхности снаружи был выше, чем внутри мавзолея. В кладке поздних ступенек употреблены разноформатные жженые кирпичи, в том числе 23×23×4 *см*; 25×25×4 *см*; 27×27×5 *см*, а также их фрагменты.

Площадка у позднего входа снаружи мавзолея была довольно аккуратно вымощена фрагментами жженых кирпичей.

Упомянутая выше вымостка пола из фрагментов жженых кирпичей находится на 60 *см* ниже современного уровня пола в мавзолее и почти на уровне начала кладки цоколя. На этом же уровне кончается алебастровая обмазка стен, дающая выкружку к этому полу. Алебастровой штукатуркой мавзолей был обмазан сплошь на одном из поздних этапов. Она имеет толщину от 0,8 до 3 *см,* а встречающиеся в завале загибающиеся под углом фрагменты (очевидно, от карнизов) — до 6 *см.*

На 60 *см* выше вымостки пола из фрагментов кирпичей идет сплошная забутовка строительным мусором, жжеными кирпичами, кусками штукатурки, а выше пол был обмазан глиной. Не совсем ясно зачем понадобилась эта нарочито осуществленная подсыпка и когда она была сделана, но последнее выравнивание поверхности, судя по найденному в верхнем слое обрывку газеты 1957 г., производилось совсем недавно.

В завале выше пола встречалось множество кусков ганчевой штукатурки с надписями паломников, иногда сделанными очень аккуратно черной тушью. М. Е. Массону удалось разобрать на некоторых фрагментах даты — 1169 г. х. (1755/56 гг. н. э.), 1210 или 1219 г. х. (1795 или 1805 гг. н. э.) и более раннюю дату 11 сафара 1015 г. (17 июня 1606 г.), когда, судя по надписи, здесь побывал один имам. Интересно, что в пору посещения мавзолея В. А. Жуковским надписи сохранялись еще непосредственно на стенах мавзолея, и он отмечал, что стены «усеяны надписями посетителей и стихами по преимуществу персидскими»[34]. Большое число надписей, оставленных паломниками в XVII в., находится на стенах мавзолея Абу-Саида в Мехне[35].

Любопытны также обнаруженные при тщательном обследовании стен после произведенных расчисток граффити на западной и южной стенах мавзолея. Процарапаны изображения лошадей со всадниками и без, разных размеров, очень схематичные. Это, как правило, контурные изображения, передающие характерные черты этого животного. Обычно обозначены уши, длинный хвост. Конечности даны прямыми или несколько изогнутыми линиями и в конце всегда заканчиваются круглыми точками. Наиболее условны в этих рисунках изображения людей, едущих на лошадях, скорее даже как бы стоящих за лошадью — верхняя часть туловища дана одной прямой линией, заканчивающейся вверху треугольником, ниже живота лошади показаны две параллельные линии, перечеркнутые снизу короткой прямой, от которой идут по три веерообразно расходящиеся черточки. Надо думать, что эти изображения оставлены также паломниками, однако той их частью, которая не владела грамотой и письмом.

Поздняя сагана, расположенная в западной арке мавзолея, имеет длину 1,8 *м* при ширине 60 *см* и высоте 80 *см*. Она стоит на современном уровне поверхности в мавзолее, который в среднем на 1,3 *м* выше раннего пола, то есть располагается на засыпке в виде строительного му-

сора, сделанной поверх поздней вымостки пола, что наглядно указывает на весьма позднее происхождение саганы.

В северо-западном углу мавзолея находится стоящая на полу из фрагментов жженых кирпичей поздняя подставка для чирагов, которая имеет площадку 31×33 *см* и высоту 70 *см*. Она обмазана толстой алебастровой штукатуркой (в среднем 2 *см*), причем и штукатурка сверху, и стенка у чирагхоны сильно закопчены, тут же был найден фрагмент крупного чирага. Южнее этого столбика на его толщину идет сплошь до арки примкнутая к стене небрежная выкладка из сырцовых и жженых кирпичей. В этой кладке был обнаружен фрагмент намогильного кирпича. Очевидно, кладка также служила подставкой для чирагов.

Рядом со стойкой для чирагов почти на уровне пола из фрагментов жженых кирпичей был найден фрагмент резной поливной многоцветной плиты с мелким тонким орнаментом явно от намогильника XIV в. (рис. 14). Глубина рельефа от 5 до 10 *мм*. С левой стороны фрагмента

Рис. 14. Фрагмент намогильника XIII—XIV вв.

идут две параллельные светло-зеленые полосы, а между ними такого же цвета четырехлепестковые цветы на марганцевофиолетовом фоне, правее идет тонкий растительный побег фиолетового цвета на ярко-голубом фоне. Не исключено, что этот фрагмент мог быть связан с теми захоронениями в мавзолее, которые, на наш взгляд, могут быть отнесены к этому времени, либо же это фрагмент намогильника, находившегося на расположенном вокруг кладбище.

При зачистках у западной стены мавзолея были обнаружены положенные один на другой несколько фрагментов кирпичиков, среди которых находился фрагмент нижней правой части намогильного кирпича с надписью, сделанной аккуратно четким почерком. Проф. М. Е. Массону удалось прочитать слова «умер», затем «в ночь», потом был указан месяц и, по мнению М. Е. Массона, мог быть отмечен день недели. Далее словами написан год, но сохранилась только цифра единиц — 7, потом начало обозначения десятков, где была либо цифра 10, либо 20. Судя по почерку надписи и формуле, это кирпич начала XII в., и тогда дата обозначает либо 517, либо 527 г. н. э., т. е. кирпич был изготовлен во времена султана Санджара (1123 либо 1133 гг. н. э.).

Раскоп северной половины мавзолея показал, что здесь находились под вымосткой пола из фрагментов жженых кирпичей три расположенные параллельно могильные ямы, обложенные сырцовыми кирпичами 27×27×4 *см*; 28×28×5 *см* и 29×29×5 *см*.

В шурфе, заложенном в северо-восточном углу мавзолея, были обнаружены остатки двух захоронений. Одно из них было произведено в узкую (40 *см*) могильную яму, обложенную жженными кирпичами. Эта могила была перекрыта наклонно поставленными с двух сторон кирпичами, образующими ребра, оформлявшие верхнюю часть могилы. В обкладке и перекрытии могилы употреблены жженые кирпичи 22×22×4 *см;* 22,5×?×4 *см*; 28×28×5 *см*. Покойник лежал на боку с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на северо-северо-запад, лицом повернут на запад. Захоронение почти полностью закрыло проход в мавзолей через восточную арку. Другое погребение было произведено, очевидно, несколько позднее, но более раннее погребение при этом нарушено не было. Могильная яма была значительней по размерам: 1 *м* в ширину, свыше 1,5 *м* в длину (южная стенка не вскрыта). Яма была обложена со всех сторон сырцовыми кирпичами — с севера и востока в один кирпич, с запада в один целый кирпич и ряд из фрагментов кирпичей. Северная стенка на 3 ряда кирпичей выше остальных. Восточная стенка могилы перекрыла могилу из жженых кирпичей. Сохранились следы перекрытия ямы тонкими арчовыми досками. Лежал покойник, видимо, также на деревянной подстилке, сохранившейся в виде древесной трухи. Покойник лежал на спине с руками, сложенными на животе, ориентирован головой, как и первый, на северо-северо-запад, лицом повернут на запад. В среднем погребении оказался костяк человека, ориентированный так же, как и предыдущий, лежащего на спине, но с руками, вытянутыми вдоль туловища. Западная могильная яма имела размеры 2×0,8 *м* на глубину 0,8 *м,* однако она оказалась пустой. Очевидно, заготовленная могила так и не была использована.

На наш взгляд, встреченные в слое с могилами фрагменты керамики XIV—XV вв. могут быть использованы для датировки захоронений. Небезынтересно вспомнить, что тимуридские захоронения XV в. с покойниками, лежащими на правом боку с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентированными головой на северо-запад, были обнаружены на Новой Нисе на месте парфянского некрополя[36].

Все описанные захоронения явно связаны со вторичным использованием мавзолея и могут быть ориентировочно датированы XIV—XV вв.

В настоящее время четко выделяются несколько периодов строительства и перестроек в мавзолее. В первом периоде был построен купольный мавзолей-киоск со сквозными арками. Однако основной массив стен, сложенных из сырцового кирпича, плохо сопротивлялся действию

времени и появилась необходимость обложить футляром из сырцовых кирпичей северную и южную стены мавзолея. Толщина обкладки с северной стороны достигла 45, с южной — 70 *см*. Очевидно, наиболее мощной была обкладка с западной стороны, о чем свидетельствует значительная протяженность на запад южной обкладки. Но новая мощная обкладка (до 1,5 *м*), появившаяся в третьем периоде и сделанная вперемежку из сырцовых и жженых кирпичей, не позволяет здесь четко разграничивать кладки. В этом (втором) периоде был заложен также западный проем, были сделаны одновременно три могильные камеры, а в северном проеме в закладке был сделан узкий арочный проем, ведущий к могилам и сбитый по отношению к главной оси. Второй период ориентировочно датируется XIV—XV вв. Очевидно, к третьему периоду относится обмазка стен алебастровой штукатуркой, надписи на которой показывают, что она была сделана не позднее самого начала XVII в. и вымостки пола из фрагментов жженых кирпичей. В четвертом периоде северный, а также южный проемы были заложены и оставлен единственный вход с востока, около которого была сделана отмостка снаружи мавзолея. Получены некоторые данные для датировки четвертого периода. Так, оформление восточного прохода относится, очевидно, к последней четверти XIX в., ибо при разборке небольшого выступа стены, оформившего проход, были найдены две однотипные медные монеты. Надпись на одной не удалось расшифровать, вторая является персидским фулусом 1289 г. х. (1872—1873 гг. н. э.). Указанные периоды явно имели ряд этапов перестроек, ремонтов в мавзолее, уточнить последовательность которых пока не представляется возможным.

Тип мавзолея-киоска с четырьмя сквозными арками имеет местный архитектурный генезис. По мнению Г. А. Пугаченковой, он восходит в своей основе к доисламскому храму огня[37] и даже имеет, возможно, своим прототипом здание с арками в сцене оплакивания на пянджикентских росписях. К IX—X вв. относится сложение типа центрического мавзолея, приверженность к которому сохранится надолго и выразится позднее в таких, например, шедеврах, как мавзолей султана Санджара в Мерве, датирующийся предположительно серединой XII в., мавзолей со сквозными арками в Чисте[38]. С другой стороны, линия развития этой формы построек приведет к квадратным в плане мавзолеям с выделенным порталом (мавзолеи Аламбердара, Серахс-баба, Абу-саида и др.), а иногда и оформленным порталами с четырех сторон (таков мавзолей Ша-шахид в Газне[39]. Небезынтересно, что реплики этого типа сооружений встречаются даже в XVIII—XIX вв., например, в виде небольших (около 7×7 *м*) центрических мавзолеев Хорезма[40]. Если сложение композиции центрических купольных усыпальниц относится в Средней Азии к IX—X вв., то сам тип подобного мавзолея был распространен достаточно широко и долго, однако несомненно наличие локальных вариантов конструктивных решений и орнаментального убранства.

Наиболее близкие аналогии нашему мавзолею на территории Северного Хорасана дают мавзолей на кладбище Имам-баба, один из мавзолеев Старого Чарджоу, так называемый мавзолей Ахмеда, мавзолей Абдуллы ибн-Бурейды.

Первый из названных мавзолеев ныне не существует и судить о нем можно лишь по фотографии, опубликованной В. А. Жуковским. На последней видно, что это квадратное в плане небольшое здание с четырьмя сквозными арками, сложенное из жженого кирпича и, очевид-

но, несколько вросшее в землю. Судя по очертанию арок и ширине их основания, оно приближалось по пропорциям к нашему мавзолею. Не сохранился и мавзолей Ахмеда, известный ныне лишь по фотографии. Это также центрический мавзолей с небольшим полусферическим куполом и входами на всех четырех фасадах. Г. А. Пугаченкова датирует памятник второй половиной X—началом XI вв.[41] Близок к описываемому нами мавзолею по своим размерам мавзолей в Старом Чарджоу. Он квадратен и имеет снаружи 6,2 *м* в стороне и внутри 4,8 *м*. В главном входе и в двух боковых фасадах имеются арочные проемы. Мавзолей сложен из жженого кирпича 23×23×3 *см*. Г. А. Пугаченкова считает, что размер кирпича и местоположение мавзолея дают возможность датировать время его строительства не позднее X — начала XI в.[42] Нам думается, что именно размер кирпича и выделение главного входа пилястрами, образовавшими ранее П-образное обрамление, являются намеками на несколько более позднюю дату памятника—скорее всего XI и, быть может, даже начала XII в. Приведенный же в качестве одного из доказательств археологический материал в выбросе у могил на кладбище может дать лишь дату, ранее которой мавзолей не мог быть построен.

Миниатюрен по размерам (всего 3,8 *м* в стороне), но передает тот же архитектурный тип мавзолея-киоска со сквозными арками сложенный из жженого кирпича мавзолей Абдуллы ибн-Бурейды, находящийся на кладбище неподалеку от г. Мары. Мавзолей датируется концом XI столетия[43]. По трем сторонам открыты арочные проемы мавзолея Шир-кабир (IX—X вв.)[44]. Квадратный в плане киоск с четырьмя сквозными арками входит в композицию очень своеобразного здания XI—XII вв. Ак-сарай-динга в Хорезме[45].

По-иному решен в деталях и оформлении, но передает ту же идею квадратного в плане легкого как бы открытого наружу здания-киоска замечательное творение зодчих Узбекистана — мавзолей Исмаила Самани.

Близок к нашему по размерам (7,23×7,23 *м*) центрический мавзолей со сквозными, открытыми в четыре стороны арками Айша-биби в Головачевке, датирующийся XI и не позднее начала XII в.[46] Расположенный там же раннекараханидский памятник Бабаджи-хатун совершенно аналогичен мавзолею Кыз-биби по размерам (он также имеет в стороне 6,8 *м*[47]). Мавзолей имеет единственный арочный проем, однако закрытые арочные ниши в центре всех фасадов как бы «открывают» здание наружу.

Для датировки мавзолея имеют значение следующие обстоятельства:

1. Наиболее близкие аналогии мавзолею Кыз-биби дают мавзолей на кладбище Имам-баба (дата неизвестна), мавзолей Старого Чарджоу (X—начало XI в., а, на наш взгляд, скорее XI в.), мавзолей Ахмеда (X—начало XI в.), мавзолей ибн-Бурейды (конец XI в.), караханидские мавзолеи Айша-биби и Бабаджи-хатун. Некоторую аналогию можно усмотреть в здании Ак-сарай-динга в Хорезме (XI—XII вв.).

2. Цоколь мавзолея выложен из жженых кирпичей размером 21×21×3,5—4 *см*; 21,5×21, 5×4 *см;* 22×22×4*см*. Такой стандарт употреблялся в качестве одного из основных в XI—XII вв.

3. В южной арке мавзолея, там, где дается расширение швов между кирпичами, вставлены почти во всех швах обломки жженых кирпи-

чей, явно взятых где-то поблизости из разрушенного здания. Следовательно, мавзолей не относится к периоду, когда жженые кирпичи только начали входить в употребление.

4. В стенах мавзолея в сырцовых кирпичах встречаются фрагменты керамики X в., например, два фрагмента с черной полосой по белому фону и один с орнаментами желтой и черной красками по желтовато-белому фону и сохранившейся глазурью. Следовательно, для выделки кирпичей была употреблена глина из культурного слоя X — начала XI в. и тем самым мавзолей получает terminus post quem.

5. В слое с могилами внутри мавзолея также встречалось довольно много керамики X в., явно переброшенной из нижележащего культурного слоя при рытье могил, то есть мавзолей был построен на культурном слое X в.

6. В слое ниже цоколя мавзолея встречаются многочисленные фрагменты жженых кирпичей, а ниже могил прослежены плохо сохранившиеся остатки кладки и рядом с ними керамика X—начала XI в.

Не противоречат приведенным данным и некоторые детали устройства. Так, перспективные тромпы, преобладающие в IX—X вв. и наиболее характерные именно для этого времени, продолжают сохраняться, как это видно из приведенных примеров, и в XI—XII вв.

Сырцовые квадратные кирпичи 30—32 *см* в стороне при 6—8 *см* толщине, также вошедшие в употребление в более раннее время, чрезвычайно широко продолжают бытовать в Мерве XI—XII и последующих веков, считаясь, очевидно, удобным стандартом.

Следует согласиться с В. И. Пилявским, что мавзолей возник не позднее XII в.[48] Приведенные выше доказательства говорят, однако, о том, что мавзолей нельзя относить к периоду IX—X вв., как это делает Г. А. Пугаченкова[49]. Все данные говорят за то, что мавзолей построен не ранее XI в. и его датировка должна укладываться скорее всего в рамки XI — начала XII в. Нельзя однако отрицать того обстоятельства, что здание прочно связано с предшествующим периодом развития архитектуры, к которому восходит и форма сооружения и ряд деталей его конструктивного устройства.

Вполне возможно, что памятник останется безымянным. Надписи в мавзолее, очевидно, отсутствовали или во всяком случае не сохранились, а более поздние захоронения внутри мавзолея отняли надежду на сохранность основного погребения. Вряд ли можно строить домыслы об имени погребенного и на основе нынешнего названия памятника. Отсутствие имени погребенного лица в сохранившемся названии памятника может говорить не только о том, что эта женщина была хорошо известна народу и без собственного имени (В. А. Жуковский), но и, напротив, о том, что ее имя было прочно забыто и в народе сохранилось лишь смутное воспоминание о том, что мавзолей был построен над погребением какой-то женщины. В равной степени название может быть связано с очень поздней легендой и домыслами (вспомним, что рядом находятся сооружения, именуемые Кыз-кала). Скорее всего действительно женским является позднее погребение в большой сагане, расположенной в нише с западной стороны. Согласно собранным сведениям, сюда приходили, да изредка приходят и сейчас, на поклонение только женщины. Любопытно, что некоторые из них связывают погребение и мавзолей с дочерью султана Санджара.

Однако даже в том случае, если не удастся связать мавзолей с именем реального исторического лица, простой по композиции центри-

ческий мавзолей Кыз-биби прочно войдет в историю хорасанского зодчества.

Композиция мавзолея предельно проста и логична, но именно эти качества сквозного легкого сооружения-киоска создавали впечатление величественной простоты. Здание выделялось среди построек этой части рабада, сквозь него просматривалась зелень, так как судя по микрорельефу, зеленые насаждения здесь занимали значительную часть территории, и изящный растительный узор на внутренней поверхности стен мавзолея продолжал это единение с природой.

Археологические работы 1965—1966 гг. на памятнике позволили по-новому взглянуть на его датировку, по-иному прочитать план сооружения, представить подлинные высотные размеры мавзолея, уточнить детали внутреннего оформления, выяснить место мавзолея в топографии этой части рабада.

Недалеко от мавзолея Кыз-биби, к юго-востоку от него, могло, на наш взгляд, располагаться здание из жженых кирпичей, в декоре которого были широко применены резные кирпичики, в довольно большом количестве находимые на поверхности этого участка. Здесь имеется большой бугор, поверхность которого чуть ли не сплошь усыпана фрагментами кирпичей и кирпичным боем. Позднее, после разрушения этого здания, жженые кирпичи отсюда были растащены, в частности, они могли быть употреблены для возведения ремонтной стены и фундаментов вокруг большого мавзолея, а также в ремонтных стенах мавзолея Кыз-биби. Ряд резных кирпичей был найден именно на поверхности упомянутого бугра, несколько употреблены в ремонтных кладках и в обкладке стенок могил, причем в последних случаях явно во вторичном употреблении. В довольно большом количестве разнообразные резные кирпичики встречались в строительном мусоре, принесенном откуда-то извне, который был специально подсыпан в мавзолей Кыз-биби для повышения уровня внутри мавзолея. Очевидно, происхождение их также следует связать с упомянутым разрушенным зданием, как и найденные в этом же строительном мусоре выполненные в двух различных стилях фрагменты резьбы по ганчу. Судя по декору, здание это могло датироваться XI—XII вв. Трудно предположить светское назначение здания, построенного на этом участке. Скорее всего это был тоже мавзолей, построенный уже в иных традициях из жженого кирпича.

На фотографии, приведенной у В. А. Жуковского, явственно видны рядом с мавзолеем Кыз-биби восточнее него развалины какого-то здания, от которого уцелели на довольно значительную высоту с одной стороны угловые части стен. Видна также кладка кирпича, однако утверждать, сырцовый это кирпич или же жженый, затруднительно. Важно другое: на описанном участке находился ряд зданий разного облика и, очевидно, строившихся не одновременно. Так как сохранившиеся здания связаны с погребальным культом, а вокруг разбросано множество могил, можно считать, что в непосредственной близости от них могли также располагаться лишь мавзолеи. При этом мавзолеи, не дошедшие до нас, могли быть выстроены из жженого кирпича и во всяком случае явно несли декор из резных кирпичиков. Между прочим, ряд последних был найден на том месте, где, судя по упомянутому фото, располагались остатки какого-то сооружения. Таким образом, на данном сравнительно небольшом участке находилось не менее четырех мавзолеев различной конструкции и по-разному оформленных. Если учесть, что в подъемном материале и

при раскопках был найден ряд фрагментов крупных с тщательно выполненными надписями намогильных кирпичей, а также резных терракотовых одноцветных или полихромных намогильников, то все факты, вместе взятые, позволяют считать, что в западной части рабада Мерва начиная с XI—XII вв. (а скорее даже и с X в.) существовало кладбище, где хоронили умерших явно из числа именитых жителей Мерва, духовного или светского происхождения, воздвигая над их прахом капитальные сооружения мемориального характера сначала в виде центрических мавзолеев-киосков то с росписью внутри, то украшенных резными кирпичиками, а позднее в виде сооружений усложненного плана с парадно оформленным айваном (описание см. ниже). Постепенно вокруг мавзолея стали располагаться могилы лиц менее знатного происхождения, судя по очень примитивному оформлению могилок. Кладбище функционировало на протяжении нескольких столетий. Здесь явно продолжали хоронить еще в XIV—XV вв., а, может, и позднее. Вполне естественно, что мемориальные комплексы размещались за пределами собственно города, его крепостных стен, и лишь султан Санджар мог позволить себе в пору расцвета города соорудить монументальное здание своего будущего мавзолея в самом его центре[50].

Отдельные холмы тянутся на запад от юго-западного угла Султан-калы, но в целом, очевидно, обжитие этого участка было слабым. В настоящее время эта часть рабада распахана, но распаханы как раз площади и в древности бывшие ровными, а редкие мелкие холмики, располагавшиеся здесь, так и остались нераспаханными. Подъемный материал почти совершенно отсутствует. Здесь располагались, надо думать, участки садов и бахчи.

В 100—110 *м* к северо-западу от мавзолея Кыз-биби находятся остатки караван-сарая, окруженного стеной. Длина его с севера на юг около 65 *м*, с запада на восток — немногим более 70 *м*. Остатки кладки стены лучше всего сохранились с северной и западной стороны. Стены сложены из сырцового кирпича 28—29×28—29×6—7 *см*. На северном и западном фасе имеются башенки на углах и в середине фасов. В двух кирпичах основной кладки отмечены замешанные в глину фрагменты керамики X в. с мраморовидной поливой и с темно-коричневым орнаментом на белом фоне. Внутри строения довольно много битого жженого кирпича, так что можно предположить здесь былое наличие сооружений или, во всяком случае, возведение из него отдельных деталей постройки. Судя по отмеченным фактам и размерам кирпичей, сооружение может быть датировано XI—XII вв. Внутри был расположен обширный двор, по сторонам которого находились комнаты, причем основное их количество было сосредоточено на южном фасе. По прямой линии на юг от караван-сарая в 50 *м* располагается какой-то большой сильно оплывший дом, хорошо выделяющийся по рельефу, почти квадратный в плане (около 30 *м* в стороне). Внутри тоже много битого жженого кирпича.

XII в. в основном датируется расцвет гончарного производства в квартале керамистов[51]. Здесь создается в это время ряд крупных мастерских таких, как мастерская Иноятона с девятью обжигательными печами и таким же количеством помещений, где протекали все процессы изготовления керамики. Производится большое количество разнообразной высококачественной керамики.

После гузского погрома, нанесшего заметный ущерб Мерву, квартал продолжает функционировать. При этом не только возобновляют свою

работу некоторые старые мастерские, но и строятся новые, иногда также достигающие значительных размеров. Так, севернее упомянутой иноятоновской мастерской возникает новая, занимающая даже большую площадь, с несколькими печами, для процессов выделки керамики было предназначено 10 просторных помещений и мощеный двор. С точки зрения топографии квартала интересно, что эти близлежащие хозяйства были спланированы таким образом, что между ними проходил неширокий, но ровный прямой переулок. Судя по микрорельефу, таковой же огибал мастерские с восточной стороны.

Проводя в течение ряда лет работы в квартале керамистов, мы считали, что последний перестал совершенно функционировать после монгольского нашествия[52]. Тем интереснее оказались наблюдения, сделанные в 1966 г., когда в 20 *м* к югу от вскрывавшихся печей раскопа 25 был обнаружен отвал бракованной керамики, золы, предметов печного припаса, явно датирующийся XIII—XIV вв. и, очевидно, связанный с остатками печи, которые прослеживаются западнее него. Ввиду того что данные эти чрезвычайно важны для истории квартала, для выяснения исторической топографии пригорода, а также потому, что керамика этого времени мало изучена, здесь был заложен небольшой раскоп. Мощность отвала невелика, толщина его всего 30—45 *см,* но он весьма насыщен бракованным керамическим материалом (рис. 15). Особенно велико число фрагментов и разнообразны виды предметов печного припаса. Он представлен здесь плоскими лепешками различной формы, крючками, кольцами, треножками-сипая, уголками.

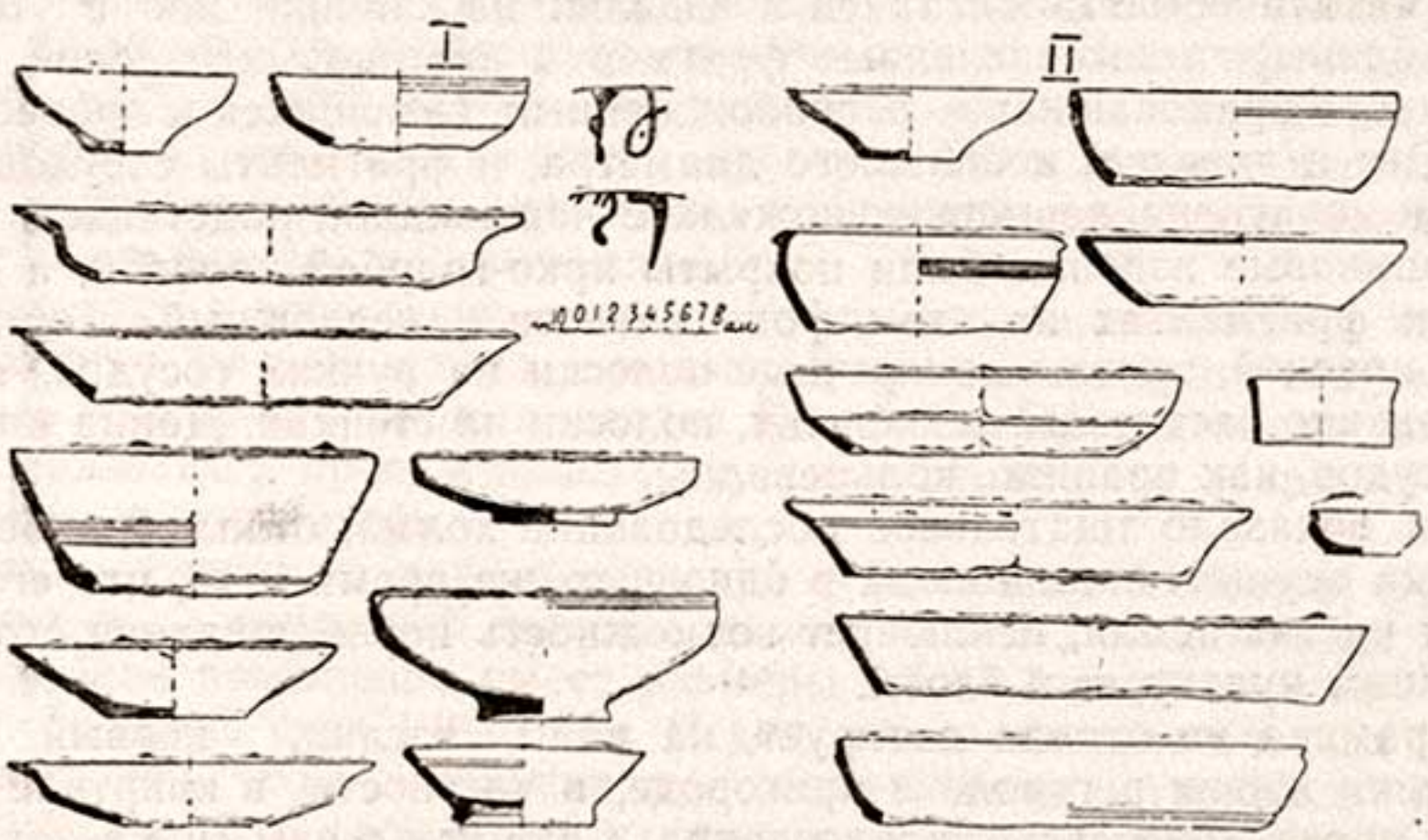

Рис. 15. Керамика XIII—XIV вв.:
I—поливная; II—неполивная.

В керамике абсолютно преобладает форма чаш и тарелок. Но как разнообразны они по формам! Это чаши с плоским дном и конически расширяющимися вверх чуть изогнутыми стенками и прямым венчиком,

чаши с таким же венчиком, но с желобком ниже него; чаши со стенками, либо на середине высоты, либо ближе к концу переламывающимися под углом (диаметр описанных чаш от 12 до 30 *см*); уплощенные чаши небольшой высоты, у которых стенки идут чуть вертикально вниз, а затем поворачивают к донцу небольшого диаметра (диаметр венчика 16—20 *см,* высота чаш — 4—5 *см*); у иных чаш венчик чуть отгибается наружу, у иных при таком же венчике стенка загибается вовнутрь. Чаши часто профилированы желобками то ниже венчика снаружи, то на разной высоте внутри. А донца чаш? Это и совершенно плоские донца, и чуть прогнутые в средней части, и со своеобразным кольцевым поддоном, с подкосом с внутренней стороны. Большинство фрагментов покрыты сплошь внутри и полосой у венчика снаружи ярко-голубой поливой, редко встречается керамика с зеленой поливой, но любопытно, что в одном случае под зеленой поливой был нанесен несложный орнамент черной краской в виде точек, полос и зигзагов, отходящих от венчика, и в одном — под ярко-зеленой поливой был нанесен крупный процарапанный орнамент. На одном фрагменте обнаружена «рябая» полива болотно-коричневого цвета, которая ранее считалась относящейся к более позднему времени. Встреченные в небольшом количестве неполивные черепки полностью повторяют форму поливных и явно были подготовлены под глазурование, на некоторых из них был уже нанесен орнамент черной краской. Тарелки имели обычно диаметр венчика 20—28 *см,* резко отогнутый наружу бортик и стенка в средней части плавно или под углом перегибалась к донцу. Все фрагменты тарелок покрыты ярко-голубой поливой.

В печи, с функционированием которой связан изучавшийся отвал, в немалом количестве обжигались и изделия из кашина, ибо в этом же слое найдены и многочисленные фрагменты кашиновых изделий, в том числе много бракованных — переобожженных, смявшихся в процессе обжига. Это и чашечки небольшого диаметра, и фрагменты сосудов с носиком, и чираги на невысоких ножках с чашевидной подставкой внизу. Все кашиновые изделия были покрыты ярко-голубой поливой, а на некоторых фрагментах на этом фоне нанесен несложный орнамент черной краской, таковы поперечные полоски на ручках сосудов, тонкие стилизованно-растительные завитки, полоски на стенках. Донца кашиновых сосудов, как правило, кольцевидны.

Как показало тщательное обследование холма, отвал бракованной керамики осуществлялся сюда в одно и то же время и то, что его подстилает чистая земля, исключает возможность перемешивания его с более ранним культурным слоем.

Керамика из отвала датирует, на наш взгляд, первый этап оживления жизни в городе и пригороде, в частности в квартале керамистов, после монгольского завоевания. Слишком живы еще в керамике традиции предшествующего времени в формах предметов печного припаса, сосудов, в зеленой глазури, в самых первых попытках введения незамысловатого орнамента черной краской. В керамике Мерва XII — начала XIII в. обычны чаши со стенками, конически расширяющимися к прямому венчику; к X—XI вв. восходят чаши с переломом стенок; во второй половине XII — начале XIII в. распространяются тарелки с отогнутым бортиком, находят широкое применение чаши с зеленой поливой и подглазурным процарапанным орнаментом.

Керамика эта демонстрирует начало перехода к кольцевому поддону — у глиняных чаш донце обычно прогнуто в средней части, а коль-

цевой поддон в его чистом виде встречается еще довольно редко (как применяется он иногда в более ранней средневековой керамике Мерва). Лепешкообразные подставки, сипая и загнутые с двух сторон крючки обычны среди предметов печного припаса второй половины XII — начала XIII в., но округлые уплощенные комья с отпечатками кольцевых поддонов, уголки, своеобразные кольца появляются впервые. Впервые получает абсолютное преобладание ярко-голубая полива, которая сочетается с черным орнаментом, но при этом любопытно, что на одном фрагменте этот орнамент сочетается с зеленой поливой. Наконец, с предыдущим периодом явно связано разнообразие форм керамики. Ранее на городище Султан-кала раскапывались печи и находящиеся около них отвалы керамики, датирующиеся XIII—XIV вв. Что же дает сравнение с ними вновь полученной керамики из квартала керамистов? В комплексах этих много общего — это полученные и там и тут новые для Мерва предметы печного припаса — уголки, округлые комья глины, в которые вминалась посуда для обжига, это преобладание ярко-голубой поливы и нередко сочетание с ней орнамента черной краской. Но с другой стороны, керамика с Султан-калы уже получает по преимуществу кольцевые поддоны, количество же форм керамики резко сокращается, исчезает посуда с подглазурным процарапанным орнаментом. На наш взгляд, керамика из отвала в квартале занимает промежуточное положение между комплексами керамики второй половины XII — начала XIII в. и керамикой Султан-калы, датирующейся XIII—XIV вв., а потому ее следует датировать второй половиной XIII в. С точки зрения истории и исторической топографии района очень важно, что вскоре после монгольского нашествия, как только начинается некоторое оживление жизни в городе, возобновляется (конечно, в очень скромных масштабах) гончарное производство в квартале керамистов, начавшем функционировать еще в IX в., что мастера не только во многом соблюдают традиции гончарства предшествующего времени, но и вводят многие новшества в процесс обжига керамики, технологию производства, в формы посуды и приемы ее орнаментации.

К периоду возрождения жизни в Мерве после монгольского нашествия относится, на наш взгляд, и мавзолей, остатки которого сохранились восточнее описанного выше мавзолея Кыз-биби. Приведем описание остатков мавзолея и произведенных внутри и около него вскрытий и попытаемся его датировать.

Здание состоит из двух помещений — основного большого (№ 1) и находящегося с восточной стороны малого (№ 2), соединенных проходом. Большое помещение имеет размеры 7,7×7,7 *м*, маленькое — 3,9×3,9 *м*. Толщина стен 1,2—1,3 *м*. В результате археологических вскрытий выяснилось, что в основании стен обоих помещений проходит цоколь высотой 1,25—1,3 *м*, сложенный из жженых кирпичей размером 24×24×4—4,5 *см* и 24,5×24,5×5 *см*. Выше же стены были выложены из кирпича-сырца размером 28×28×6 *см*; 29×29×5 *см*; 30×30×6 *см*.

На высоте 3,2 *м* от конца цоколя стена дает выступающий на 5 *см* карниз высотой 20 *см*. На западной стене на расстоянии 1,5 *м* от юго-западного угла сохранились остатки переходного к куполу устройства, осуществлявшегося при помощи перспективных тромпов (рис. 16). От углового тромпа сохранилось пять выступающих уголков-выступов. Остатки тромпа идут на высоту в 1 *м*.

Как указано выше, перспективные тромпы, конструкция которых возникла в X в., продолжают широко употребляться в XI—XII вв. Одна-

ко, как это установлено исследователями, реплики подобного устройства тромпов встречаются и в XIV—XV вв. Так, тромпы, углы которых заключают перспективно-уступчатые паруса, применены в мавзолеях XIII—XIV вв. на кладбище Гек-гумбез, перспективно-рамные паруса— в усыпальнице конца XIII—начала XIV вв. Шейх-Мухтар-Вали (Хивинский район) и др.

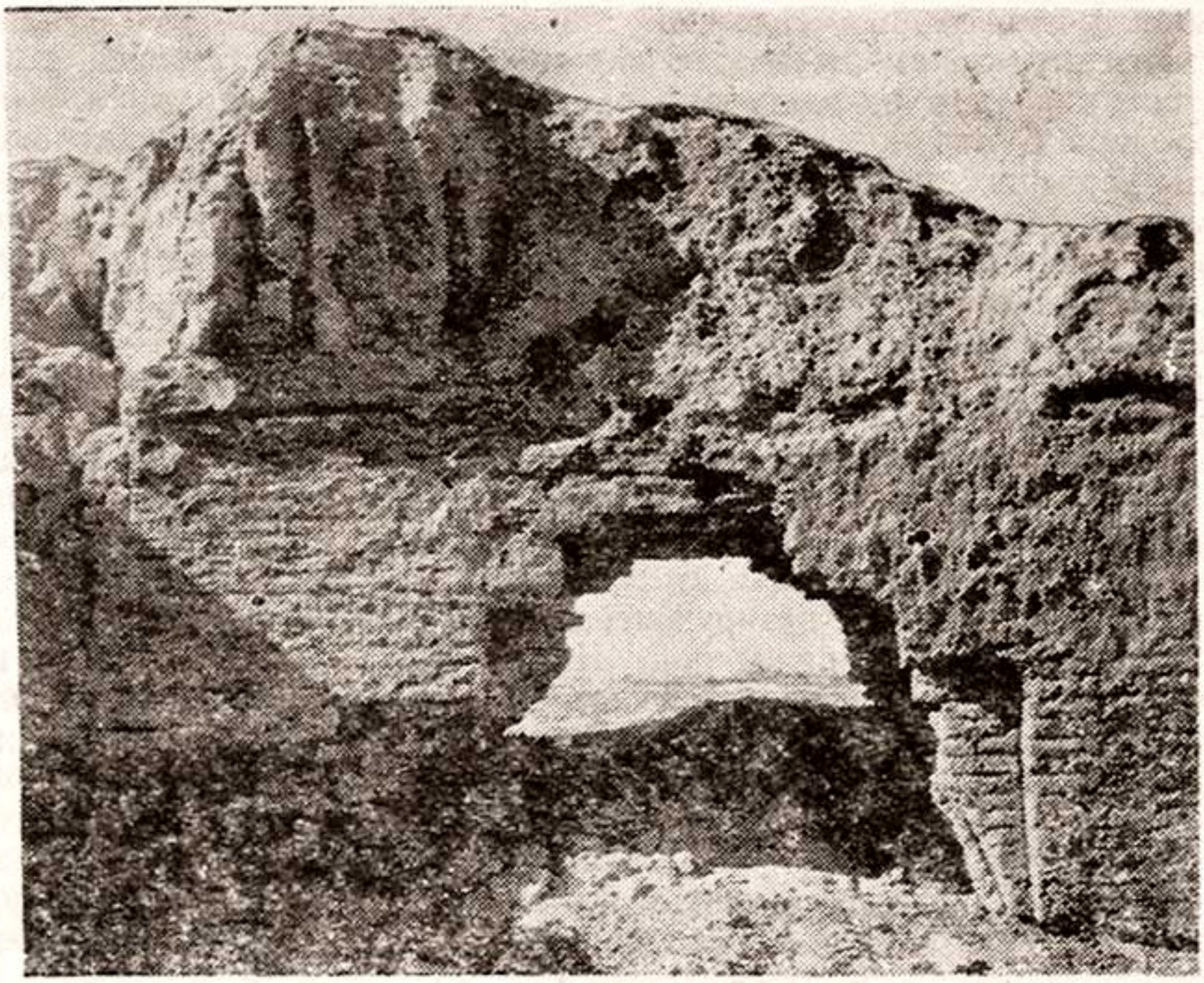

Рис. 16. Вид на северную стену мавзолея № 2. Слева вверху видны остатки тромпа.

При обследовании мавзолея оказалось, что стены его основного помещения внутри очень сильно подъедены, очевидно, солями, более чем наполовину толщины на уровне современной поверхности в мавзолее. При закладке шурфа у северной арки оказалось, что по высоте стены подъедены более чем на 1 *м* и под стены уходят слоистые натеки в виде сплошных очень тонких прослоечек. Видимо, стоять стенам мавзолея осталось недолго. Вместе с тем это создает определенные трудности при археологических работах внутри мавзолея — вскрытие всего внутреннего пространства представляется опасным в связи с возможностью обвала стен. Поэтому для вскрытий на глубину вдоль стен выбирались наиболее безопасные участки.

В стенах мавзолея имелись четыре арки. Хорошо сохранились северная и южная, расположенные в центре стен, и восточная, сильно сбитая от центральной оси, через которую осуществлялся вход в мавзолей из вестибюля. От западной арки сохранился только с северной стороны очень маленький участок начала ее закругления, зато она с этой стороны имела как будто прямоугольное обрамление и тогда можно считать, что

она была выделена особо в качестве михрабной ниши. При расчистке западной арки оказалась, что она была глухой и образовывала нишу глубиной 40 *см* (рис. 17).

Без проведения дополнительных зачисток не представляется возможным решить вопрос о том, были ли все арки глухими. Наличие вестибюля и сильно сбитого от центра входа как будто говорит за это. Вме-

Рис. 17. Северная арка мавзолея № 2.

сте с тем в северной арке нет никаких следов ее закладки, и во всяком случае, в позднем периоде, когда для укрепления стен мавзолея выложили снаружи цоколь из жженых кирпичей, здесь был проход; кладка из жженых кирпичей заходит внутрь мавзолея, образуя проход шириной 1,25 *м*.

Арки имеют отлого-стрельчатое начертание, ширина их — 1,9 *м*, высота до замка арки — 3,35 *м*. При расчистках оказалось также, что помещение, наряду с проходом в вестибюль, имело в восточной стене еще один проход, находившийся на расстоянии 1,25 *м* от юго-восточного угла помещения.

Конструкция арок отлична от прослеженной в мавзолее Кыз-биби. Если в последнем арки обрамлены кирпичами, положенными плашмя с проходящим над ними разгрузочным рядом кирпичей тычком, то в мавзолее № 2 арки обрамлены поставленными на ребро кирпичами с расширением швов между ними в верхней части. Замок же арки дан либо потесанными сырцовыми, либо такими же жженными кирпичами. К тому

же при чуть большей высоте арок ширина их значительно меньше (1,9 *м* вместо 2,4 *м* в мавзолее Кыз-биби).

В помещении № 1 внутри сохранилась местами поверх глиняной штукатурки в 1,5 *см* тоненькая белая алебастровая обмазка, покрытая затем снова толстой (до 2—3 *см*) глиняной штукатуркой. Эта алебастровая штукатурка расчищена на довольно больших участках. Никаких позднейших надписей паломников здесь не обнаружено. Либо довольно рано была нанесена глиняная штукатурка, либо мавзолей посещали меньше, чем мавзолей Кыз-биби: очевидно, было забыто, кто здесь похоронен, и здание поддерживали просто по традиции.

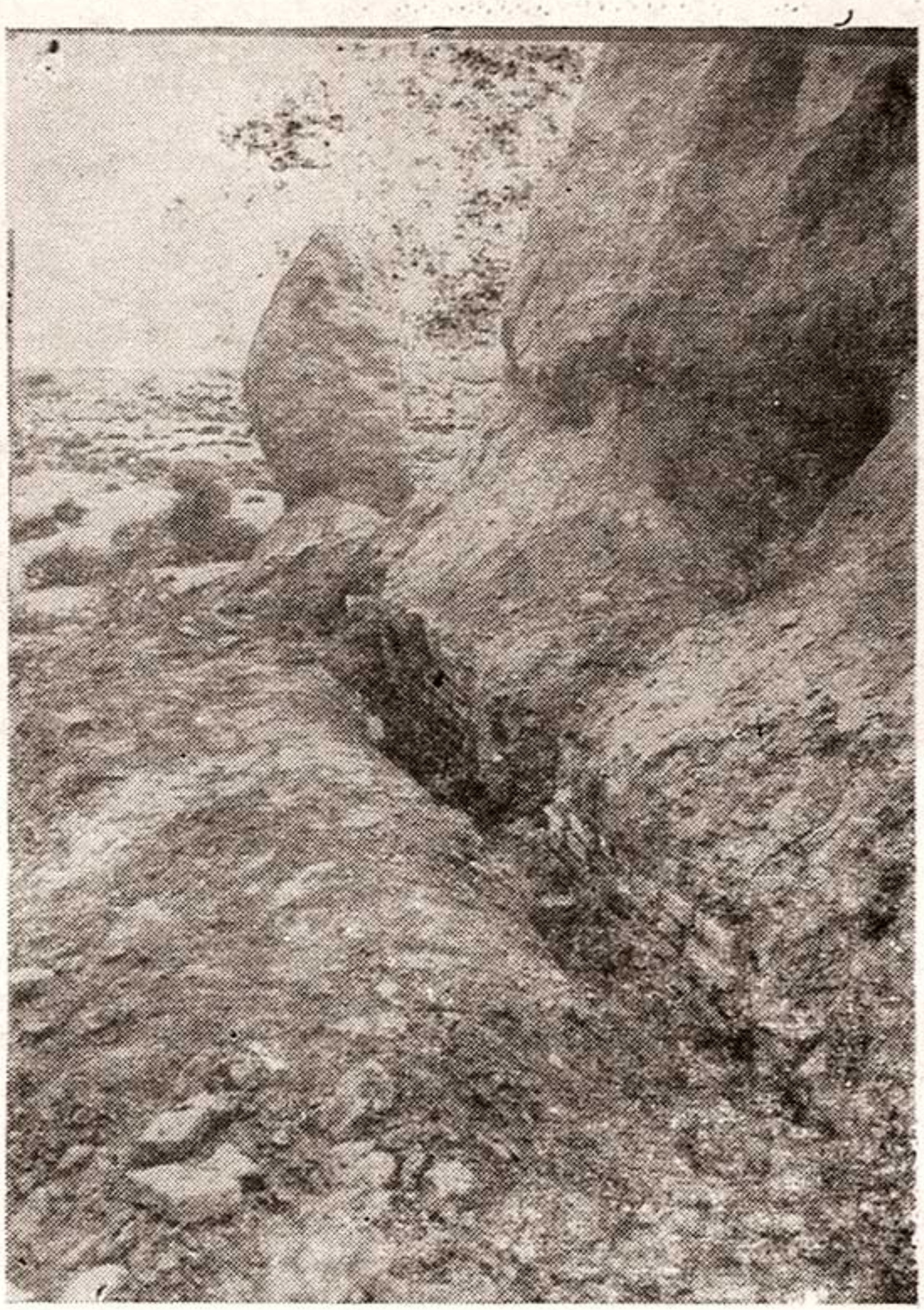

Рис. 18. Поздняя обкладка северной стены мавзолея № 2.

В юго-восточном углу помещения выше уровня пола был найден фрагмент интересного намогильника с довольно глубокой резьбой, на котором была помещена прекрасно выполненная надпись, покрытая

лишь по верху букв голубой глазурью. В надписи можно разобрать лишь слова «это могила...».

В северо-западном углу шурфа, заложенного в центре помещения, на глубине 1,7—1,8 *м* от современной поверхности внутри здания была обнаружена большая куча беспорядочно лежащих костей и несколько черепов (один из них с пробитым виском). Кости были забросаны в беспорядке разноформатными жженными кирпичами, собранными, очевидно, где-то рядом на развалинах (размеры кирпичей 18×18×3,5 *см*; 18,5×18,5×4 *см*; 28×28×5 *см*). Очевидно, при нарушении каких-то ранних погребений (возможно, при совершении нового) не решились выбросить кости и наспех захоронили их в расположенном рядом мавзолее, находившемся временно в запустении. Позднее на одном из этапов была произведена подсыпка земли и выравнивание уровня так, что один из полов оказался на 50 *см* выше навала костей.

Малое помещение здания было открыто арками во все стороны: с западной стороны оно было связано проходом с большим помещением, а в северную, восточную и южную стороны открывалось сквозными проемами. В цоколе помещения видны проходы, позднее заложенные (рис. 19).

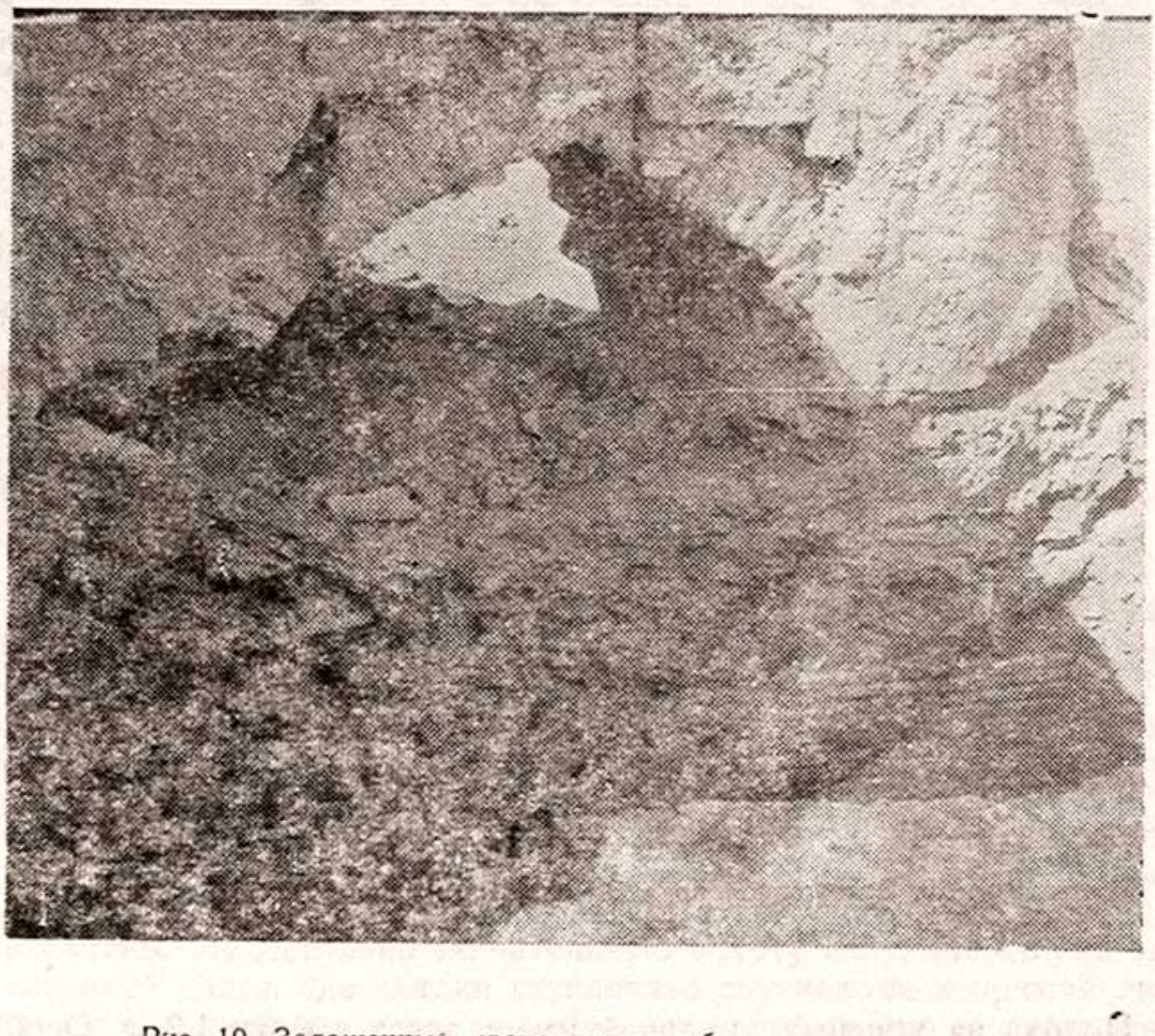

Рис. 19. Заложенный проход между большим и малым помещениями мавзолея № 2.

Проход с сохранившимся арочным перекрытием ведет на запад, на юге видна расположенная на той же высоте заложенная в основном жженными кирпичами (интересно, что замок ее выполнен из жженых кирпичей 24×24×6 *см*) арка, с северной стороны у дневной поверхности видны

лежащие на ребре кирпичи, очевидно, от обрушившейся стены. Восточный проход, перекрытие которого не сохранилось, аккуратно заложен положенными горизонтально жженными кирпичами, в южном проходе идет чередование наклонно поставленных на ребро и горизонтально лежащих разноформатных кирпичей (рис. 20), в северном—в нижней части идет закладка в два ряда поставленными на ребро кирпичами. Надо думать, позднее всего был заложен западный проход, где закладка сделана очень небрежно вперемешку из сырцовых и жженых кирпичей и притом тогда, когда проход был уже несколько разрушен. Следовательно, на каком-то этапе малое помещение сообщалось проходом лишь с большим, остальные его проходы были наглухо заложены. Возможно, тогда же был сделан одновременно с ремонтной обкладкой мавзолея проход с северной стороны в помещение № 1. Позднее вообще отпала надобность в использовании помещения № 2, и проход в него заложили.

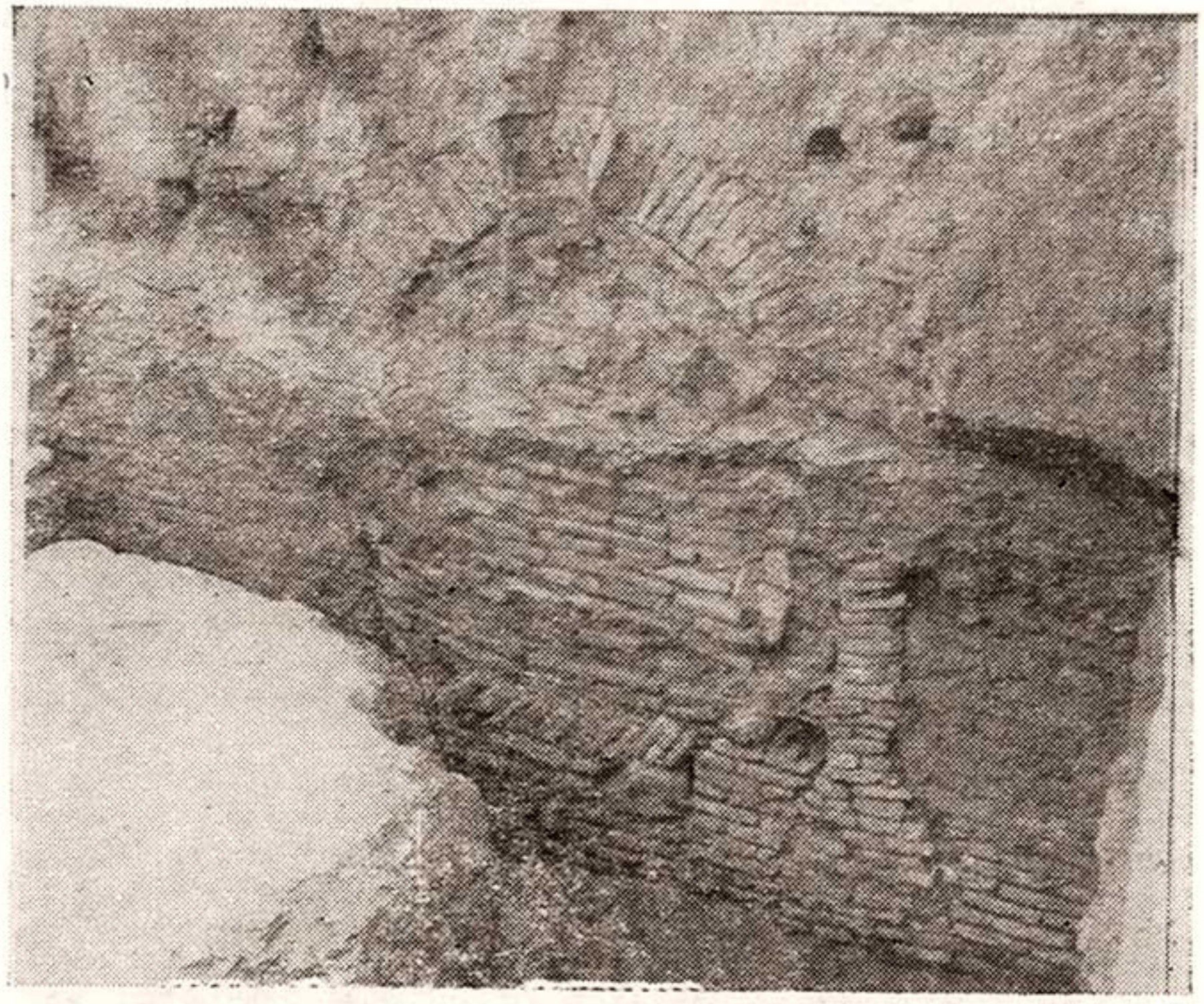

Рис. 20. Заложенная арка в малом помещении мавзолея № 2.

Цоколь из жженых кирпичей имеет здесь высоту 1,3 *м*. Особенно хорошо сохранилась западная стена помещения, где цоколь сложен в 22 ряда жженых кирпичей, а вот северная стена сохранилась очень плохо — цоколь на всю высоту идет лишь в северо-западном углу, далее сильно разрушен и в проходе дает всего лишь четыре ряда кирпичей, однако в нижних рядах цоколь прослеживается и далее на восток. Вышележащая же кладка из сырцовых кирпичей сохранилась здесь лишь в северо-восточном углу на значительную высоту.

Южная стена помещения была оконтурена с внешней стороны и, как оказалось, при строгой квадратности помещения, восточная сторона его была намного толще остальных, что может объясняться наличием с этой стороны небольшого портала и просто разработки, выделения главного фасада. Однако ответить на этот вопрос могут лишь дальнейшие раскопочные работы.

В юго-западном углу помещения в верхней части стен сохранился маленький кусочек углового устройства для перехода к куполу, где идут прислоненные друг к другу поставленные на ребро кирпичи — остатки свода типа балхи.

Своды балхи, перекрывающие квадратные и прямоугольные помещения, получают распространение в XI—XII вв. (отдельные комнаты дома правителя в Шахриар-арке, жилые дома в западной части рабада, помещения мечети Талхатан-баба и др.). Конструкция этих отлогих сводов, очевидно, была признана удобной для применения в небольших по размерам помещениях, не требующих высокого купольного перекрытия и продолжала широко употребляться весьма длительное время, возрождаясь в XIV—XV вв. для покрытия помещений малых размеров, могильных склепов и пр.

В шурфе, заложенном в северо-западном углу помещения, было обнаружено несколько уровней полов—первый пол был связан с нижними рядами кладки цоколя и выложен жженными кирпичами 24×24×5 *см,* на 25 *см* выше идет второй пол из кирпича 24×24×4—5 *см* и 25×25×4 *см.* На 75 *см* ниже уровня нижнего пола было обнаружено захоронение со скелетом, ориентированным на северо-северо-запад, лежащим на боку с чуть подогнутыми в коленях ногами и вытянутыми вдоль туловища руками, головой, повернутой на запад. Череп хорошей сохранности изъят для антропологического анализа. Могила, очевидно, была перекрыта жженными кирпичами размером 20×20×5 *см,* однако проследить устройство могилы не удалось. В этом слое шла выразительная керамика X в. Поскольку вышележащий пол помещения не был нарушен, думается, что костяк принадлежит кладбищу, существовавшему на этом месте еще до постройки мавзолея.

Очевидно, культ лиц или лица, захороненного в мавзолее, просуществовал очень долго. Во всяком случае на одном из поздних этапов здание было как бы взято в футляр, различный по толщине и приемам кладки с каждой стороны (а, возможно, и несколько разновременный). С западной стороны остатки кладки из жженых кирпичей, примкнутой к мавзолею, сохранились на толщину более 2 *м,* причем с западной стороны фундамент дает прямую линию, в нескольких местах, однако, прерываемую расположенными здесь позднейшими могилами. С южной стороны здесь прокладка сохранилась в длину на 3,3 *м* (на север от юго-западного угла) на высоту в уровень с сохранившейся высотой основной стены. На довольно значительную высоту сохранилась она здесь и в северной части, где кладки ступенчато спускаются к прямой линии закраины. Внешний вид этого своеобразного необычайно толстого контрфорса сейчас восстановить трудно — был ли он высоким по всей толщине или уже в древности ступенчато спускался, но вероятнее все-таки последнее предположение. Закраина этой подпорной стены сохранилась местами в 6—7 рядов кладки, в юго-западном углу в 3—4 ряда, в северо-западном — всего на 1 ряд.

К южной стене на всю высоту стен была сделана ремонтная прикладка вперемежку из сырцовых и жженых кирпичей, сохранившаяся

ные в толщину от 0,8 до 1,1 *м*, но в юго-западном углу сохранились остатки фундамента из жженых кирпичей, линия которых несколько отстоит от стены, возможно, что обкладка продолжалась до этой линии. Сохранилась линия фундамента из жженых кирпичей и с северной стороны. На восток от прохода кладка сохранилась в 10—12 рядов жженого кирпича. В ремонтных обкладках применены жженые кирпичи следующих размеров: 18×18×3 *см*; 19×19×3,5 *см*; 20×20×4 *см*; 22×22×4,5 *см*; 25×25×5 *см*; 26×26×5 *см*.

Любопытно, что и в данном мавзолее, и в мавзолее Кыз-биби наиболее укрепленными при позднем ремонте оказались западные стены, очевидно, наиболее подвергавшиеся разрушению в результате действия ветров.

В 5,5 *м* к юго-востоку от мавзолея были обнаружены остатки вымостки из жженого кирпича, занимающей обширное пространство (рис. 21). Основной прямоугольник вымостки был обрамлен лентой из постав-

Рис. 21. Вымостка и суфа перед мавзолеем № 2.

ленных на ребро кирпичей, внутри он был заполнен также выкладкой из кирпичей, поставленных на ребро, но кладкой «в елочку». Ширина же вымостки 4,7 *м* (с запада на восток), на юге выкладка нарушена и прослеживается с севера на юг на 5,4 *м*. Окаймлявшая прямоугольник с севера лента продолжалась на запад, где южнее нее начиналась вымостка опять-таки из жженых кирпичей, поставленных на ребро, но уже расположенных по 4 в шахматном порядке. Вымостка продолжается на запад на 1,3 *м* и далее разрушена, однако по мелкому кирпичному

бою чувствуется, что она шла во всяком случае на несколько метров. Представляется возможным, что вымостка подходила вплотную к мавзолею, уровень ее на 40 *см* выше пола в мавзолее. С востока к вымостке примыкает ступенька в один ряд поставленных на ребро кирпичей, за которой начинается вымощенная фрагментами жженых кирпичей суфа, в последнюю оказался вкопанным очаг диаметром 1 *м*, обложенный внизу по кругу жжеными кирпичами в три ряда, а выше аккуратно обмазанный глиной (рис. 22). На суфе же находится участок 40×40 *см*, обмазанный толстым (до 4 *см*) слоем алебастра.

Рис. 22. Очаг перед мавзолеем № 2.

Все выкладки и вымостки на данном участке сделаны из жженых кирпичей того же формата, что применен в кладке цоколя и в вымостке полов здания большого мавзолея.

Нам представляется, что данный участок являл собой своеобразный айван, примыкавший с востока к мавзолею, парадно оформлявший подступы к нему. Специально оформленный очаг был предназначен для установки на нем большого котла, в котором, очевидно, могли приготовить ритуальную пищу лица, приходившие на поклонение к мавзолею.

На этом участке был найден фрагмент резного намогильника, покрытого голубой поливой. Глубина резьбы 8—9 *мм*. Толщина самого кирпичика 1,5 *см*. Сохранилась лишь одна буква (рис. 23).

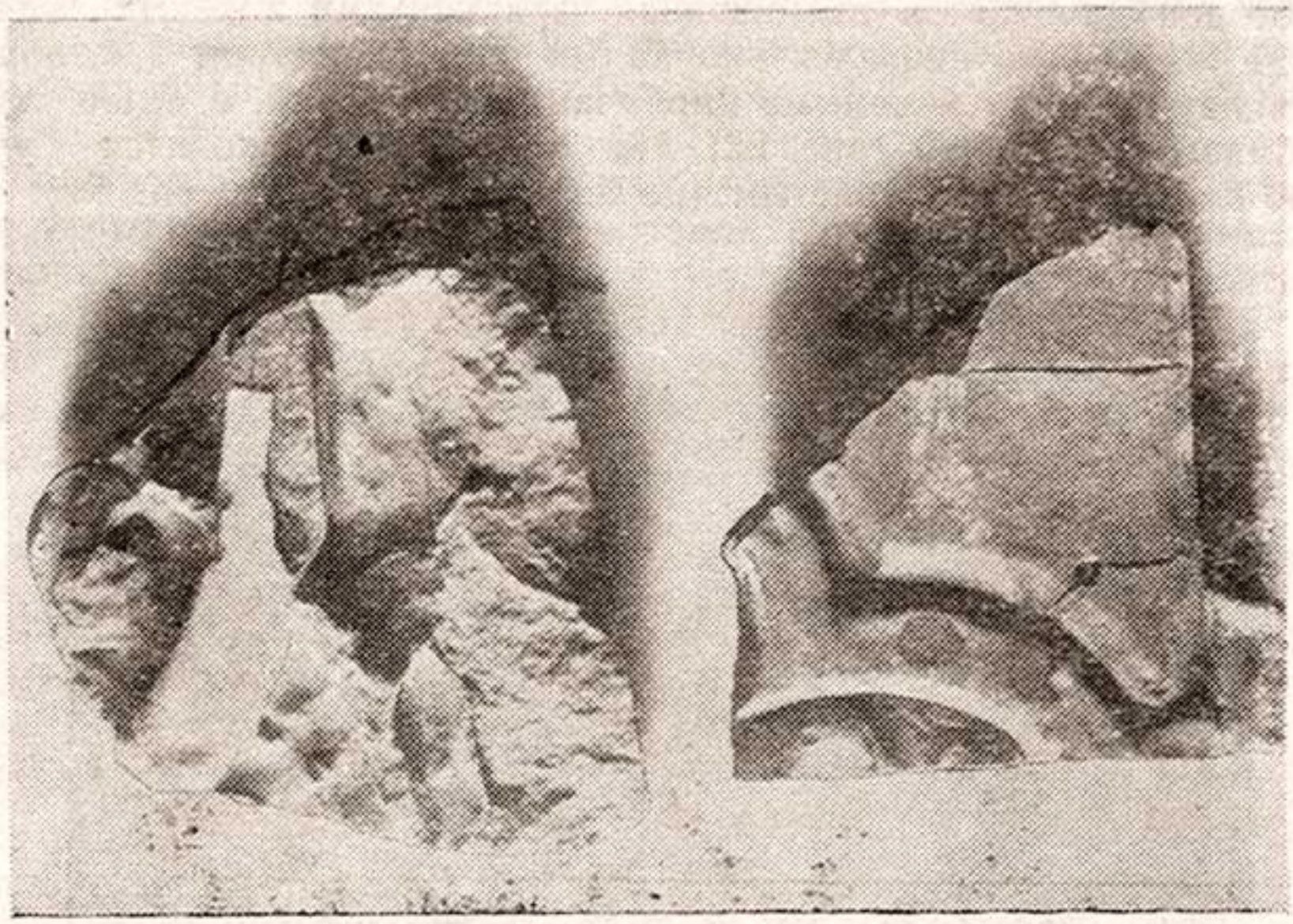

Рис. 23. Фрагменты намогильников XIII—XIV вв.

Фигурные кладки «в елку» в оформлении архитектурных памятников получают распространение в Южной Туркмении в XI—XII вв. и известны по ряду памятников[53]. Однако, став одним из излюбленных приемов, декор этот продолжает применяться и в XV в.: кладкой «в елку» были заполнены тимпаны арок медресе XV в. Хусравийе на городище Абдулла-хан-кала[54], выложены панели мечети Анау[55]. Почти не дошли до нашего времени, но, безусловно, применялись в строительстве и вымостки полов из поставленного на ребро кирпича «в елку» и комбинированные выкладки из кирпича на ребро и положенного плашмя. Любопытно, что традиции оформления подобными вымостками площадок перед теми или иными архитектурными сооружениями сохранялись в Средней Азии очень долго. Так, чередование кладок «в елку», расположенных в шахматном порядке, положенных плашмя кирпичей с несколькими поставленными на ребро, имеется в оформлении возвышенной площадки перед своеобразным культовым комплексом Чор-Бакр в Бухаре. При этом отдельные участки вымостки разделены лентами из поставленных на ребро кирпичей. Подобным образом вымощен пол айвана мечети Бала-хауз в Бухаре.

Рассмотрим аналогии строительному материалу мавзолея и вымостке перед ним.

Из жженого кирпича размером 24,5—25×24,5—25×5—5,5 *см* возведено в XV в. двухайванное здание у могил Бурейда и Гефари в южном обводе городища Султан-кала[56]. При строительстве ханако Абу-Саида в Мехне в XV в. употреблен квадратный жженый кирпич размерами от 25,5 до 27 *см* в стороне на 5 *см* толщины[57]. Из кирпича, имеющего

23—24 *см* в стороне на 4,5 *см* толщины, отстроены стены главного здания мечети Анау (XV в.)[58]. Сардоба XV в. на городище Анау имеет кирпичи размером 25×25×5 *см*[59].

Концом XIII—XIV вв. датируются мавзолеи на кладбище Гек-гумбез: мавзолей № 1 построен из кирпича 22,5 *см* в стороне (варианты 22—23 *см*) на 4,5 *см* толщины, мавзолей № 2 из кирпича 22,5—24 *см* в стороне на 4—4,5 *см,* мавзолей № 3 из жженого кирпича 24,5—25×24,5—25×4,5 *см,* мавзолей № 4 из кирпича 23—24—25 *см* в стороне на 5 *см* толщины[60].

При реставрации мавзолея Абу-Саида в начале XIV в. был применен кирпич 24—25×24—25×4,5—5 *см.*

Выкладка нижних частей башен, облицовка стен из жженого кирпича размером 24×24×5 *см* имеет место в крепостных стенах городища Абдулла-хан-кала в Старом Мерве, сооруженных в XV в.[61]

К XIV—XV вв. относится мавзолей Сарлы-там в Хорезме, имеющий формат кирпича в 24×24×5 *см*[62]. Любопытно, что из жженого кирпича 25×25×5 *см* отстроен мавзолей Зейн-ад-дина в Ташкенте, относящийся, очевидно, к XIV в.[63]

Из жженого кирпича размером 24×24×5 *см* сложен один из безымянных мавзолеев Куня-Ургенчского района, датирующийся, по мнению Г. А. Пугаченковой, первой половиной XVI столетия[64].

Приведенные сопоставления говорят как будто о том, что кирпич размером 24—25 *см* в стороне и толщиной в 4—5 *см* употреблялся преимущественно в XIV—XV вв. Однако в ходе ведения археологических работ в Мерве, изучения новых памятников, выборки данных по описанным ранее архитектурным сооружениям мы пришли к убеждению, что какого-либо единого стандарта жженых кирпичей для отдельных этапов средневекового периода в Южной Туркмении не существовало. Можно лишь говорить, да и то с известными оговорками, о преимущественном внимании мастеров к тем или иным размерам квадратного жженого кирпича. Однако употребление даже в одной единовременной постройке разноформатного кирпича неоднократно уже отмечалось исследователями. К аналогичному выводу об отсутствии какого-либо четкого стандарта в размерах кирпича в XI—XII вв. приходит В. А. Нильсен[65]. Отмечая широкое распространение в XIV—XV вв. кирпича упомянутого стандарта, не можем не оговориться, что подобные кирпичи встречаются изредка и в памятниках XI—XII вв. (мавзолей султана Санджара, кешк на городище Кельте-Минара XI в., сардоба у мавзолея Мухаммеда ибн-Зейда XI—XII вв. и др.), хотя утверждение Г. А. Пугаченковой о том, что кирпич размером 24—25 *см* в стороне на 5—6 *см* является преобладающим в XI—XII вв.[66], представляется нам недостаточно обоснованным. Кстати, этот же автор называет сырцовый кирпич 25×25×4,5—5 *см* «тимуридским» стандартом[67].

Г. А. Пугаченкова справедливо отмечает, что мавзолеи хорасанской группы в XI—XII вв. характеризует центрическая композиция объемов, лишь иногда со слабо выраженным объемом пештака[68]. Таков мавзолей Кыз-биби, датируемый нами именно этим временем. Между тем в расположенном восточнее описываемом мавзолее налицо совершенно иное решение пространственной композиции памятника. Не вызывает сомнения, что здесь одновременно было выстроено два взаимосвязанных помещения, из которых одно (большое) имело глухие стены с арочными нишами, второе же—открывалось наружу тремя арочными проемами. Легкая, полная света вестибюльная часть, выполнявшая, очевидно, роль зиа-

ратхоны, как бы подготавливала переход в темноватое помещение усыпальницы (труднее понять наличие второго прохода в восточной стене помещения). Перед вестибюлем, в свою очередь, располагалось обширное свободное пространство, красиво вымощенное жженым кирпичом фигурной кладкой с примыкавшей к нему суфой. Следовательно, налицо не только мавзолей усложненного плана, но и оформление значительной площади перед ним, имевшей как декоративно-организующее, так и утилитарное (приготовление здесь ритуальной пищи) значение.

Появление двухчастных мавзолеев в архитектуре Хорасана было подготовлено предшествующим периодом, когда изредка в мавзолеях XI—XII вв., очевидно, под влиянием дехистанского архитектурного типа появляется пристроенный к основному объему выдвинутый сводчатый айван (например, мавзолей Парау-ата в Фераве)[69], в зданиях изредка выделяется пештак. В XIII—XIV вв. идет сложение нового архитектурного типа — портально-купольного мавзолея с подчеркнутым монументальным пештаком[70]. Оригинальность композиции и своеобразие деталей подчеркивает для сооружений Хорасана XV в. Г. А. Пугаченкова[71]. Однако ограниченное количество усыпальниц XIV—XV вв., сохранившихся на территории Хорасана, заставляет нас обратиться к такого рода сооружениям в другой большой историко-культурной области — Мавераннахре. Дошедшие до нас здесь мавзолеи XIII—XIV вв. свидетельствуют о том, что поиски средневековых архитекторов приводят к усложнению плана сооружений такого рода, возникновению мавзолеев, где наряду с усыпальницей фигурирует еще и зиаратхона, а иногда и вестибюльное помещение[72]. Ярким примером монументального двухчастного здания, построенного в новых традициях, является мавзолей Сейфеддина Бохарзи, датирующийся XIII в. Из зиаратхоны и гурхоны состоит мавзолей Буян-кули-хана XIV в. Мавзолеи нового пространственного решения появляются в XIV в. в ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде. Первой половиной XIV в. датируется мавзолей Хозрет-шейх в Кашка-Дарьинской области[73]— небольшая двухкамерная усыпальница, сложенная из сырцового кирпича. Та же организация плана характерна для мавзолеев, расположенных неподалеку от мазара Имам-маин, а также для мавзолея XIV в. в Касби[74].

XIV в. датирует В. А. Нильсен мавзолей Шабурган-ата, состоявший из двух помещений, из которых одно является гурханой, а другое, по его мнению, представляет собой комнату, где хранились светильники и другие предметы культа. Таким образом, мы имеем в данном мавзолее двухчастное членение, причем во втором помещении явно можно усматривать зиаратхону[75].

Усложненный план с двух- и трехчастной композицией получают в XIII—XIV вв. мавзолеи хорезмской архитектурной школы. Таковы мавзолеи Куня-Ургенча — Наджм-ад-дина Кубра и Тюрабек-ханым[76]. Сложную необычную планировку имеет мавзолей Музлум-сулу-хана на городище Миздахкан, состоящий, очевидно, из гурханы и зиаратхоны и примкнутой к основному помещению вестибюльной части[77] (кстати, мавзолей сложен из кирпича 23,5×23,5×5 *см*). В датировке мавзолея некоторые исследователи расходятся, однако она укладывается в рамки XIII—XIV вв.

Прямые датирующие данные для определения времени возведения нашего мавзолея отсутствуют. Поэтому на первый план в попытке датировать мавзолей выступают его архитектурный тип, строительный ма-

териал, сопоставление с другими памятниками, некоторые данные археологического порядка.

Прежде всего совершенно отличная планировка, иной стандарт сырцовых и жженых кирпичей не позволяют отнести описанный мавзолей к тому же времени, что и мавзолей Кыз-биби. Обнаружение в сырцовых кирпичах мавзолея ряда фрагментов керамики X—XI вв. не позволяет датировать мавзолей временем ранее XI в. С другой стороны, приведенные выше данные убедительно свидетельствуют, на наш взгляд, в пользу датировки мавзолея XIV—XV вв. Главное — принципиально новой и даже оригинальной для территории Южной Туркмении является композиция мавзолея, которая могла возникнуть не ранее конца XIII в. В пользу этой же датировки говорит сравнительное сопоставление строительного материала памятника, фрагменты намогильников XIII—XIV вв., отдельные фрагменты керамики XIV—XV вв., встречавшиеся в мавзолее. Уточнить же датировку в пределах одного века пока возможным не представляется. Однако стремление тимуридов поддерживать в Мерве культ почитаемых могил (о чем свидетельствует, например, строительство архитектурного ансамбля у могил асхабов в южном обводе уже почти заброшенного к этому времени городища Султан-кала) делает вполне вероятным строительство именно в это время на средневековом кладбище в западной части рабада Мерва мавзолея над могилой какого-то местного святого. Столь же возможно, что здесь на продолжавшем функционировать кладбище было похоронено какое-то лицо духовного или светского происхождения, умершее в XIV—XV вв.

Как сказано выше, очевидно, именно в XIV в. мавзолей Кыз-биби вновь использовался для погребения там нескольких лиц, причем пространство внутри мавзолея было хорошо распланировано для устройства нескольких могил. Можно считать, что в XIV—XV вв. на данном участке рабада существовал меморативный комплекс зданий, причем одно из них было построено именно в это время с применением нового оригинального решения плана.

Таким образом, выявляется наличие в зодчестве Северного Хорасана XIV—XV вв. двухчастной композиции мавзолея с обширной гурханой и небольшой открытой арками во все стороны зиаратхоной или подчеркнутой вестибюльной частью. Последняя выполнена в традициях архитектуры предшествующего периода и, возможно, архитектор проектировал ее, имея перед глазами расположенный рядом центрический мавзолей Кыз-биби с его сквозными арками.

Описанный мавзолей не принадлежит к числу построек, отличавшихся монументальностью своих форм, но оригинальное для архитектуры Южного Туркменистана решение плана, связь постройки с парадным мощеным двором, суфой дает право считать безымянный мавзолей XIV—XV вв. интересным памятником архитектуры Северного Хорасана.

Трудно сказать, когда начало слагаться кладбище на этом участке. Скорее всего здесь начали хоронить еще до постройки мавзолеев, которые, видимо, были построены на месте, где уже до этого находилась могила или могилы, являвшиеся объектом поклонения. Позднее же многие стремились похоронить своих ближних рядом с мавзолеями каких-то уважаемых лиц духовного или светского происхождения. Так или иначе мы имеем доказательства функционирования кладбища в X—XI, XII и XIV—XV вв.: на это указывает обнаружение погребений в слое X в. до постройки мавзолея, обнаружение фрагментов намогильных кирпичей XII в., могилы, очевидно, тимуридского времени в мавзолее Кыз-биби,

фрагменты резных поливных монохромных и полихромных намогильников XIII—XIV вв. Возможно, культурный слой с керамикой XV—XVI вв. также связан с функционировавшим здесь кладбищем. Наконец, позднесредневековым представляется нам одно из вскрытых захоронений. Стоит отметить, что в XII в. в западной же части рабада, несколько поодаль от описываемого участка возводится здание мавзолея Мухаммеда ибн-Зейда, вокруг которого также складывается небольшое кладбище.

Описанная территория входила в понятие «белед» — термин, часто применявшийся арабскими географами X в., то есть в город в обширном смысле этого слова, под которым подразумевался внутренний город вместе с пригородами[78]. По отношению к последним применялся термин «рабад». Территория, о которой идет речь, входила в состав рабада старого внутреннего города (Гяур-кала), оставаясь позднее пригородом средневекового города (Султан-кала).

Попытаемся суммировать приведенные данные, складывающиеся в историко-топографическую характеристику западной части рабада средневекового Мерва.

В эпоху раннего средневековья, в пору начинающегося выхода из кризиса, связанного с упадком рабовладельческой формации, в Мерве постепенно начинается освоение обширных ранее не занятых постройками (возможно, лишь использовавшихся под посевы сельскохозяйственных культур) площадей, в частности и той, изучение которой рассматривалось в настоящей статье. Наряду с каналом Маджан, привлекает внимание и другая древняя водная магистраль Мерва — канал Хурмуз-фарра. Вдоль него и возникают первые на этой территории крупные постройки — отдельно стоящие феодальные замки, с принадлежащими им земельными угодьями. Появляющиеся сооружения замков, разных по размерам и облику, связывает воедино их принадлежность сословию дехкан и обязательная связь с прилегающими земельными участками, косвенно — их отношение к процессам возникновения новой экономической формации. Наличие замков в окрестностях городов Средней Азии явление в общем довольно частое, связь их с глубинными процессами, идущими в обществе, несомненна, хотя С. П. Толстов совершенно справедливо предостерегал от попыток связать их с якобы господствующим уже феодальным строем[79]. По мнению этого же автора, памятники VI—VIII вв. рисуют патриархально-рабовладельческий уклад, несущий однако в себе уже элементы становящегося феодализма[80].

Памятниками VI—VII вв. являются Большая и Малая Кыз-кала, очевидно, оплывшее депе близ ворот Фируза и, если предположить, что Мухаммед ибн-Зейд действительно жил рядом с тем местом, где позднее был похоронен, то и большое депе, находящееся рядом с его мавзолеем.

Таким же, видимо, оставался характер обживания территории и в VIII в., так как бытовой материал этого времени лишь однажды был встречен в одном из стратиграфических шурфов. Однако аббасидские фельсы VIII в. неоднократно встречались в более поздних культурных слоях квартала керамистов, что также косвенно указывает на функционирование отдельных жилых сооружений.

В IX в. характер освоения данной территории меняется — отдельные участки ее застраивают своими печами мастера-керамисты. В центральной части площади, осваиваемой гончарами, остатки IX в. перекрыты мощными поздними наслоениями, поэтому судить о характере и плотности расположения здесь печей трудно, однако тот факт, что остатки гон-

чарного производства IX в. встречены лишь в двух шурфах из нескольких заложенных здесь, говорит, очевидно, о том, что печи располагались довольно далеко друг от друга. В северной же части печи IX в. группируются уже целыми участками и этим закладывается основа большого средневекового квартала керамистов. Некоторые данные свидетельствуют в пользу того, что западнее северного обвода города тогда же строятся отдельные кирпичеобжигательные печи, обеспечивавшие, видимо, жженым кирпичом интенсивно ведущееся строительство вдоль канала Маджан.

У Истахри есть свидетельство о том, что во второй половине IX в. была сделана попытка перенести местопребывание правителя и базары на канал Хурмузфарра. План этот принадлежал Хусейну ибн-Тахиру, однако его господство в Мерве было столь непродолжительно, что попытка не имела результатов[81].

В X в. осваивается почти вся площадь между линией, где несколько позднее пройдет западная стена города, и каналом Хурмузфарра, не считая лишь территории западнее южного обвода и отдельных участков западнее квартала керамистов. Квартал гончаров при этом складывается на том необжитом месте, которое в IX в. начинают осваивать отдельные мастера-керамисты. Возможно, еще в IX в. несколько восточнее квартала на небольшом расстоянии от него располагалось место, предназначенное для больших праздничных богослужений мусульман. Во всяком случае, В. В. Бартольд считает, что в XII в. праздничное богослужение совершалось там же, где было в X в., то есть для X в. несомненно расположение большой загородной мечети-намазгох северо-западнее будущих ворот Фируза в западной стене города. Южнее, возможно, уже в эту пору, начинает складываться кладбище, хотя не исключена возможность, судя по находкам в шурфах и при раскопах могил, что здесь также существовали отдельные печи.

Таким образом, в X в. (еще до того как Султан-кала была обнесена стенами) в западной части интенсивно обживаемой территории пригорода слагаются те постройки и комплексы, которые требуют именно обширных незастроенных площадей. Для мечети-намазгох необходима площадь, которая могла бы вместить как можно больше народа в дни ежегодных больших мусульманских празднеств и располагалась бы в то же время близко к самому городу. Данная территория вполне отвечала этим условиям. Гончарное производство в силу специфики требует отдаленности от жилой застройки, близости воды и пригодной для выделки разнообразных гончарных изделий глины. Местность эта и данным условиям вполне удовлетворяла.

Также поодаль от уплотненной уже в X в. городской застройки начинает складываться мусульманское кладбище сначала с отдельными могилами, а позднее с комплексом строений мавзолеев.

В южной части квартала керамистов не встречено никаких следов гончарного производства X — начала XI в., напротив, все говорит о том, что первоначально здесь располагались небольшие жилые дома: вымостки полов их помещений с керамикой этого времени, остатками решеток-панджара были обнаружены в ряде шурфов, остатки таких же домов небольшой площади скрывают, видимо, и располагающиеся здесь в низине отдельные холмики с боем жженых кирпичей на поверхности, но опять-таки без следов остатков гончарства. И лишь со второй половины XI в. начинается, видимо, «наступление» квартала гончаров и на эти площади. Надо думать, что в X в. именно здесь проходит дорога от склады-

вающегося города в западном направлении, и упомянутые жилые дома возникают вдоль нее. Не исключена возможность, что домики эти служили жилищем для работавших в квартале ремесленников-керамистов.

Данные письменных источников о средневековом Мерве весьма отрывочны и неполны, но содержат ряд ценных сведений по исторической топографии города. Донесли они до нас и названия некоторых кварталов, располагавшихся, очевидно, как раз в западной части рабада средневекового Мерва. Так, для X в. говорится о существовании на канале Хурмузфарра квартала Рас-аш-Шабай («Голова Шабая»), следовательно, здесь должно было располагаться в это время довольно большое количество построек (археологически это еще необходимо подтвердить). У Истахри же (данные эти впервые привел В. А. Жуковский) говорится следующее: «Праздничное место молитвы находится в квартале «Рас-ал-мейдан» в околотке Абу-Джахма, и окружают это место со всех сторон здания и постройки, и лежит оно между каналами Хурмузферрэ и Маджан»[82].

Расположение квартала и нахождение в нем загородной мечети позволяет отождествить его с обширным кварталом керамистов, тянущимся параллельно стене Султан-калы и действительно находящимся между каналами Хурмузфарра и Маджан. В. В. Бартольд считает возможным, что квартал этот «Рас-ал-мейдан» («Голова площади») получил свое название от «площади Йезида», о которой упоминается еще в связи с событиями 746 г., когда здесь произошла одна из битв между Кермани и приверженцами Насра[83].

Было бы весьма заманчивым считать, что еще в VIII в. здесь располагалась площадь, носившая определенное название. В таком случае следует думать, что ею могло быть пространство, примыкавшее к раннесредневековому замку, оплывшие остатки которого до сих пор высятся близ ворот Фируза.

Максимальное освоение описываемой территории в X в., быстрое разрастание квартала керамистов, функционирование в нем многочисленных мастерских не могут не свидетельствовать в пользу интенсивного развития Мерва на одном из этапов феодального периода.

В XI—XII вв. квартал керамистов «наступает» в южном направлении, перекрывая существовавшие здесь до этого отдельные небольшие жилые домики и достигая в это время максимальных своих размеров. Огромными холмами по обе стороны квартала накапливаются отвалы бракованной продукции и золы и даже их размеры — свидетельство колоссального количества выпускаемой продукции, идущей не только для местного потребления, но и на экспорт. Разнообразны типы печей, функционировавших в это время, разных размеров мастерские работают в квартале, разного качества продукцию они выпускают. В это же время южнее ворот Фируза возводится здание небольшой усыпальницы, именуемой ныне Кыз-биби, рядом с ней, видимо, не дошедший до нас мавзолей, богато украшенный резными кирпичами, а близ канала Хурмузфарра строится оригинальное здание мавзолея над почитаемой могилой Мухаммеда ибн-Зейда.

Близость воды и наличие свободных площадей, которые можно было использовать для выращивания сельскохозяйственных культур, привлекали в XI—XII вв. и отдельных феодалов, селившихся близ канала Хурмузфарра. Остатки их замков до сих пор высятся в этой части рабада.

Не удалось до сих пор решить вопрос, где жили в XI — начале XIII в., когда квартал необычайно разросся, работавшие здесь мастера,

наемные рабочие, персонал мастерских. Даже при раскопках самых крупных мастерских, включавших до одиннадцати помещений, ничто не указывало на возможность использования какой-то части комнат в качестве жилых. Равным образом не найдено пока остатков жилья и в остальной части квартала и в его окружности. Между тем, конечно, было бы важно решить, жили ли ремесленники на территории самого города или их постройки располагались где-то на самых окраинных участках рабада.

За воротами Фируза Самани помещает внешний квартал Сасан, который располагался у места молитвы. Очевидно, такое название получил в XII в. квартал Рас-ал-мейдан.

Следы разграбления города и его предместий гузами, были засвидетельствованы в квартале керамистов[84]. Нельзя не согласиться с В. В. Бартольдом, что «время господства гузов было для города временем дальнейшего упадка... временем тяжелых бедствий»[85]. Однако скоро гончары возобновляют свою работу и в довольно большом масштабе, многие печи и мастерские продолжают функционировать вплоть до монгольского нашествия, нанесшего Мерву колоссальный ущерб. Долгое время казалось, что квартал так и не оправился от его последствий, но раскопки 1966 г. принесли новые факты: отдельные мастера-керамисты, видимо, возобновляют в XIII—XIV вв., пусть в очень ограниченном масштабе, работу в квартале, изготовляя керамику в соответствии с новыми требованиями, но и с сохранением многих древних традиций. Другие археологические данные также показывают, что жизнь в западной части рабада не замерла окончательно с монгольским нашествием — «монгольская» керамика встречается на холмах по обе стороны дороги, ведущей в предместье от ворот Фируза, в XIV в. было погребено несколько лиц в мавзолее Кыз-биби, обживалась территория пришедшей в запустение мечети-намазгох, очевидно, XIV—XV вв. датируются остатки двухкомнатного мавзолея в южной части изучаемой территории. Во всяком случае, именно в этой части встречается очень много выразительных фрагментов керамики XIV—XV вв., возможно, связанных отчасти с функционировавшим здесь кладбищем. Данные эти представляют большой интерес в связи с исторической топографией всего средневекового Мерва.

Историческая топография западной части рабада Мерва, находившаяся в непосредственной зависимости от перенесения центра жизни из старого шахристана в его западные предместья, а затем от роста и развития средневекового города, может быть понята только при учете совокупности данных письменных источников, археологических раскопок и шурфов, сбора подъемного материала, тщательного изучения рельефа местности и сохранившихся памятников. В. В. Бартольд, отмечая, что хронологическая последовательность отдельных частей Мерва была установлена на основании изучения письменных источников, писал: «Само собой разумеется, что раскопочные работы могут дать желанные добавления для критики и дополнения этих сведений»[86]. Если это справедливо по отношению к общей канве исторического развития Мерва, которую наметили В. А. Жуковский и В. В. Бартольд, то для получения конкретного представления о средневековом городе и его пригороде археологические данные приобретают особую роль и только благодаря им начинает вырисовываться сейчас уточненное представление о том, как конкретно протекал процесс освоения данной территории и какого рода постройки существовали здесь в разные периоды, как шло сложение огромного квартала керамистов и функционирование загородной мечети-

намазгох, где располагались замки феодалов и как слагалось кладбище с комплексом разновременных мавзолеев на нем.

Как следует из вышеизложенного, в западную часть рабада средневекового Мерва, занимающую огромную территорию между западной стеной города и каналом Хурмузфарра, были вынесены объекты, неразрывно связанные с жизнью самого города, но либо требовавшие больших свободных площадей (замки феодалов с прилегающими сельскохозяйственными участками, караван-сараи, мечеть-намазгох, мавзолеи, кладбища), либо по условиям производства не могущие располагаться на территории города (кварталы керамистов, кирпичников). Мы пытались рассмотреть эти объекты в связи с исторической топографией района и думаем, что дальнейшее расширение археологических работ в Мерве даст возможность более конкретно поставить и вопрос об исторической топографии самого средневекового города (городище Султан-кала). Многое в этом направлении уже сделано работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так, например, в 1947 г. на этой территории по линии ЮТАКЭ З. А. Альхамовой вскрывались две керамические печи, причем делалось это попутно в связи с решением задачи выяснения границ пригорода феодальной эпохи.

2. Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, т. 6. М., 1958, стр. 142.

3. Местное население считает сохранившийся мавзолей принадлежащим либо Мухаммеду Ханапья, либо Джафар-ас-Садыку.

4. Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1927, стр. 35.

5. Балашова Г. Н. К вопросу о неполивной керамике Средней Азии IX—X вв. (крышки со штампованным орнаментом с городища Афрасиаб). Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока, т. V.

6. Массон М. Е. К изучению прошлого Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад, 1963, стр. 15.

7. См.: Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 237, 256—258, 263 и др.

8. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 206.

9. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. МАР, № 16. Спб., 1894, стр. 163.

10. Там же, стр. 163—164. В примечании на стр. 164. В. А. Жуковский упоминает также, что у Джами в биографиях мистиков имелось упоминание о какой-то старушке-подвижнице по имени «Бибек».

11. См.: Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге с историческим очерком сооружения и эксплуатации Закаспийской военной железной дороги и очерком сооружения Оренбург-Ташкентской железной дороги под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова. Спб., 1903, стр. 271—272.

12. Пилявский В. И. Сырцовые сооружения древнего Мерва. Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры, вып. 8. М., 1947.

13. Там же, стр. 52.

14. Там же.

15. Там же, стр. 54.

16. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 175.

17. У Г. А. Пугаченковой и В. И. Пилявского наружные размеры приведены по современному состоянию памятника.

18. Пилявский В. И. Сырцовые сооружения..., стр. 52, рис. 3; Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 175.

19. Обкладка сохранилась только с западной стороны арки: вполне естественно, что не будучи конструктивно связанной с основной кладкой мавзолея, арка легко обрушилась.

20. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 152.

21. Там же, стр. 271.

22. Там же, стр. 281.

23. Там же, стр. 301.
24. Там же, стр. 293—294.
25. Там же, стр. 265.
26. Там же, стр. 302.
27. Там же, стр. 172.
28. Там же, стр. 152.
29. Там же, стр. 154, 156.
30. Там же, стр. 168—172.
31. Там же, стр. 183.
32. Там же, стр. 266.
33. Пугаченкова Г. А. Новое по архитектуре средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад, 1963, стр. 241.
34. Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва, стр. 163.
35. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 366.
36. Вязьмитина М. И. Археологические работы на городище Новая Ниса в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. 2. Ашхабад, 1951, стр. 150.
37. Пугаченкова Г. А. Новое по архитектуре..., стр. 246.
38. Islamic architecture und its decoration a. d. 800—1500. London, 1964, tabl. 143.
39. Пугаченкова Г. А. Искусство Афганистана. М., 1963, стр. 163.
40. Стеблюк Ю. В. Погребальные сооружения Южного Хорезма XVIII—XIX вв. МХЭ, вып. 7. М., 1963, стр. 111—112.
41. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 178.
42. Там же, стр. 178.
43. Пугаченкова Г. А. Новое по архитектуре..., стр. 245.
44. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 172.
45. Пугаченкова Г. А. Материалы к истории хорезмского зодчества. МХЭ, вып. 7. М., 1963, стр. 120.
46. Басенов Т. К. Архитектура Казахстана VII—XII вв. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 101.
47. Там же, стр. 97.
48. Пилявский В. И. Сырцовые сооружения..., стр. 52.
49. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 175.
50. Вполне возможно, что после монгольского нашествия, когда площадь обживаемой части города значительно сократилась, отдельные могилы и здания мавзолеев могли помещаться и на территории самого города.
51. Лунина С. Б. Гончарное производство..., стр. 397.
52. Там же, стр. 400.
53. Пугаченкова Г. А. Новое по архитектуре..., стр. 239.
54. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 398.
55. Там же, стр. 420.
56. Там же, стр. 402.
57. Там же, стр. 405.
58. Там же, стр. 413.
59. Там же, стр. 394.
60. Там же, стр. 373—378.
61. Обельченко О. В. Городища Старого Мерва Абдулла-хан-кала и Байрам-Али-хан-кала в свете работ ЮТАКЭ 1950 г. Труды ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад, 1963, стр. 312, 327.
62. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 291.
63. Левина-Булатова В. А. К истории мавзолея Зейн-ад-дина. Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960, стр. 79.
64. Пугаченкова Г. А. Материалы к истории..., стр. 133.
65. Нильсен В. А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. Ташкент, 1956, стр. 99.
66. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 330.
67. Там же, стр. 393.
68. Там же, стр. 344.
69. Там же, стр. 299.
70. Там же, стр. 378—379.
71. Там же, стр. 432.
72. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965, стр. 305.
73. Там же, стр. 251.
74. Там же.
75. Нильсен В. А. Монументальная архитектура..., стр. 56.

76. Пугаченкова Г. А. Пути развития..., стр. 379.
77. Гражданкина Н. С. Строительные материалы мавзолеев Миздахкана. Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960, стр. 43.
78. Бартольд В. В. К истории Мерва. Соч., т. 4. М., 1966, стр. 174.
79. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 150.
80. Там же, стр. 151.
81. Бартольд В. В. К истории Мерва..., стр. 183.
82. Жуковский В. А. Цит. соч., стр. 18.
83. Бартольд В. В. К истории Мерва, стр. 184.
84. Лунина С. Б. Гончарное производство..., стр. 398.
85. Бартольд В. В. По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. Соч., т. 4. М., 1966, стр. 288.
86. Бартольд В. В. К статье г-на д-ра Шмидта. Соч., т. 4. М., 1966, стр. 135.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

НОВЫЙ БУДДИЙСКИЙ ПАМЯТНИК В СТАРОМ МЕРВЕ

В июле 1965 г. при планировке участка под строительство жилых домов для рабочих пригородного плодоовощного совхоза № 7 г. Байрам-Али было снесено небольшое возвышение к востоку от Гяур-калы. В нижней части этого возвышения рабочие нашли глиняный сосуд, в котором находились четыре каменные статуэтки и одна фигурка из слоновой кости, несколько сасанидских монет (определенных позднее в Эрмитаже, как относящиеся ко времени Хозроя I Ануширвана, правившего с 531 по 579 г.), а также стопка листиков рукописей, написанных черной тушью на бересте. Прибывший сюда из Ашхабада археолог А. Ф. Ганялин захватил с собой находки, а затем передал найденные здесь рукописи в Ленинград, письмена которых были определены специалистами как индийские, выполненные почерком брахми на санскрите[1]. Сделанные находки вызвали большой интерес в научной среде как у нас, так и за рубежом, так как найденные рукописи являются одними из древнейших буддийских рукописей мира.

Краткие сообщения о этих находках, которые неопровержимо доказывают, что разрушенное возвышение являлось буддийской ступа, появились в печати в ряде случаев с ошибками[2]. Особенно этим страдает недавно изданная в одном западногерманском журнале статья известного американского востоковеда Р. Фрая, писавшего, по-видимому, со слов не особенно осведомленных лиц, в результате чего в его статье неверно приведены как диаметр, так и высота ступа[3]. В связи с этим громадный интерес приобретают те данные, которые были получены при археологических раскопках на этом объекте в полевом осеннем сезоне 1963 г.

В том году особенно интенсивное строительство жилых домов привело к тому, что имеющиеся здесь еще видимые на поверхности археологические памятники подверглись систематическому разрушению, поэтому проф. М. Е. Массон в целях оказания «скорой помощи» погибающим памятникам, что составляет одну из специфических особенностей ЮТАКЭ, поручил автору настоящей статьи произвести небольшие разведочные раскопки на объекте, где впоследствии рабочие нашли буддийский реликварий. В качестве первоочередных задач, которые не-

обходимо было разрешить при раскопках на этом объекте, проф. М. Е. Массон поставил следующие: 1) выявление плана памятника; 2) время сооружения его; 3) назначение памятника.

Исследованный объект находился в 600 *м* к юго-востоку от восточных ворот Гяур-калы Синджан. До раскопок он представлял собой цилиндрический башнеобразный массив высотой 6 *м* 20 *см* от дневной поверхности земли, одиноко возвышавшийся среди плоской равнины восточной части рабада Мерва. Вся эта «башня» была сложена из квадратного сырцового кирпича 40×40×12 *см,* характерного для античного и раннесредневекового Мерва, причем наружные кладки ее были сильно разрушены, особенно с восточной и северной стороны. В плане остатки башни несколько округлые, с наибольшими размерами по линии север-юг—7 *м* 80 *см,* по линии восток—запад—7 *м* 20 *см.*

Микрорельеф вокруг башни был сильно снивелирован подходившими к ней вплотную с северо-востока и юга огородами и бахчей, а с запада проходившей здесь проезжей дорогой. Для выяснения плана объекта со всех его сторон была разбита система небольших раскопов, а у северо-восточного угла башни для выявления глубины залегания фундамента заложен шурф. В результате этих раскопок выяснилось, что в основании башни лежит подквадратная, ориентированная строго по странам света монолитная платформа: ее размеры: север—юг—15 *м* 60 *см,* запад—восток—15 *м* 40 *см.* Платформа сложена из половинок и целых квадратных кирпичей 40×40×12 *см,* уложенных несколько небрежно, не всегда прямыми рядами, швы между кирпичами в большинстве своем косые (рис. 1). Кирпич у центра платформы очень плотный, к краю становится рыхлым, в тесто его замешены фрагменты керамики и части костей. С западной стороны к платформе примыкала какая-то пристройка: в этом направлении на расстоянии 5 *м* 50 *см* нами обнаружен хорошо прослеживающийся разделительный шов шириной 15 *см* между платформой и пристройкой, чьи края очень ровно выложены в прямую линию. В центре платформы находилась монолитная башня, сохранившиеся размеры которой 7 *м* 80 *см*×7 *м* 20 *см.* Однако судя по тому, что северо-восточный и юго-восточный углы башни сохранили некоторую округлость, она была круглой в плане и диаметр ее равнялся 11 *м*—11 *м* 20 *см* (см. рис. 1). Отсюда вытекает, что края платформы выступали относительно центральной башни с западной и восточной стороны приблизительно на 2 *м,* с южной на 1 *м* 20 *см*—2 *м,* а с северной—на 2 *м* 70 *см.* В свою очередь, это дает нам право полагать, что вход в ступа находился с северной стороны так же, как и в ступа № 1, в юго-восточном углу Гяур-калы. Любопытно, что в отличие от мервских ступа, ступа в Тохаристане имеют вход с южной стороны[4].

Во время раскопок в кладке платформы встречались витые ручки с сероватым ангобом, характерные для сасанидской керамики Мерва V—VI вв. н. э., а также медные сасанидские халки, которые, по определению проф. М. Е. Массона, чеканены в VI в. н. э. исходя из чего уже тогда время сооружения ступа датировалось VI в. н. э.

По поводу же назначения памятника ввиду отсутствия точных определяющих данных вначале существовало три предположения: 1) исследуемый объект мог быть дозорной башней; б) буддийской ступа; 3) зороастрийской башней огня.

Первое предположение в ходе раскопок само собой отпало, а в отношении двух других предпочтение отдавалось последнему, хотя полностью не исключалось и второе предположение.

Найденный в 1965 г. в башнеобразном возвышении буддийский реликварий теперь полностью доказывает, что исследованный в 1963 г. объект является буддийской ступа, а полученные в результате раскопок факты позволяют в какой-то степени судить об архитектурных особенностях этой ступа.

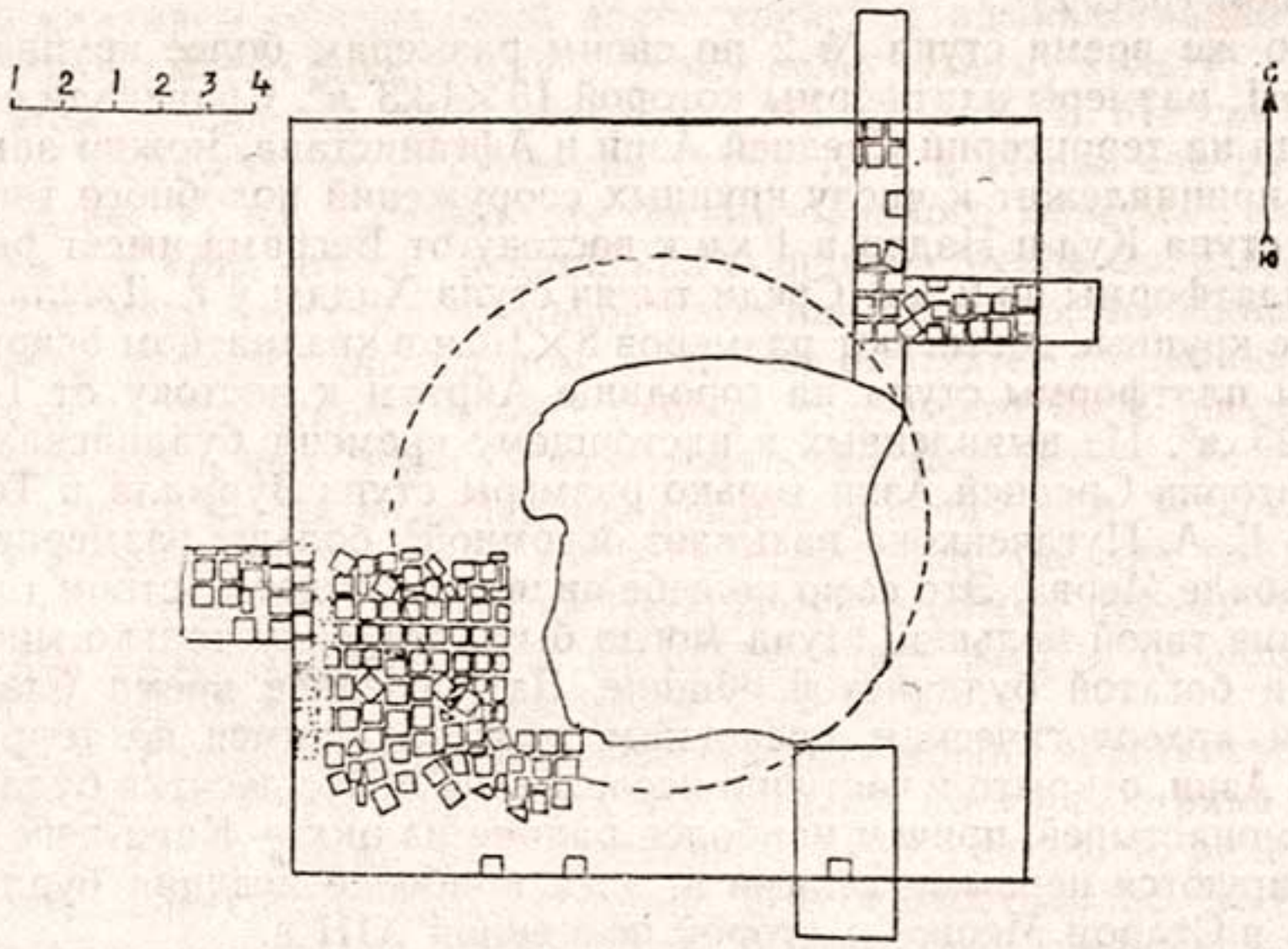

Рис. 1. План ступа в рабаде Мерва.

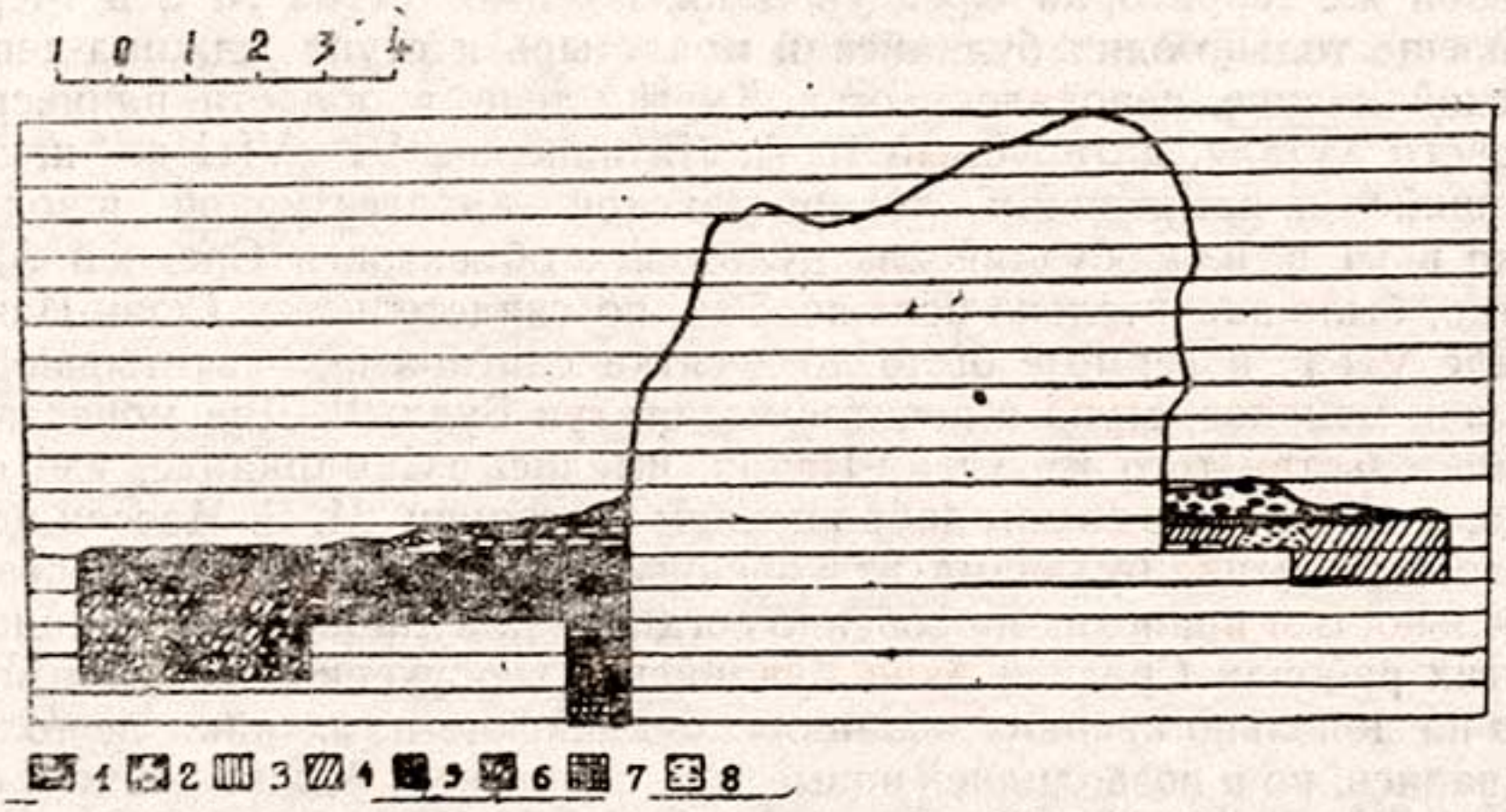

Рис. 2. Разрез ступа по линии с-ю;
1 — кирпич; *2* — завал; *3* — натек; *4* — рыхлый слой; *5* — светлый плотный слой с включением керамики и костей животных; *6* — очень плотный светло-коричневый слой; *7* — светлый плотный слой; *8* — ходы насекомых.

Как и первая ступа в Мерве, ступа № 2 имела в своем основании подквадратный стилобат, правда, более низкий, чем в первой ступа, с возведенной на нем монолитной цилиндрической башней, т. е. по своей планировочной композиции обе ступа входят в обширный круг ступа с квадратным основанием и монолитной цилиндрической башней в центре ее, сменившим в начале нашей эры более древний тип ступа с круглым основанием (рис. 2)[5].

В то же время ступа № 2 по своим размерам более крупная, чем ступа № 1, размеры платформы которой 13×13,3 *м*[6]. Сравнивая ее с рядом ступа на территории Средней Азии и Афганистана, можно заметить, что она принадлежит к числу крупных сооружений подобного типа. Например, ступа Кул-и Надер в 1 *км* к востоку от Беграма имеет размеры сторон платформы по 9,5 *м*. Среди тысяч ступа Хадды у г. Джелалабада наиболее крупные достигают размеров 8×10 *м* в квадратном основании[7]. Размеры платформы ступа на городище Айртам к востоку от Термеза 9,20×8,25 *м*[8]. Из выявленных к настоящему времени буддийских ступа на территории Средней Азии только размеры ступа Зурмала в Термезе, которую Г. А. Пугаченкова называет огромной[9], больше размеров ступа № 2 в рабаде Мерва. Это само по себе является свидетельством того, что возведение такой большой ступа могло быть под силу только многочисленной и богатой буддийской общине. За последнее время благодаря широким археологическим раскопкам, развернувшимся на территории Средней Азии, открыто и частично исследовано более десятка буддийских ступа и монастырей, причем наиболее ранние из них — Кара-депе и Айртам датируются первыми веками н. э., а наиболее поздняя буддийская кумирня в Старом Мерве — второй половиной XIII в.

Буддийские памятники известны сейчас на территории Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении. Буддийских памятников интересующего нас времени — VI в. н. э. открыто пока совсем немного, большинство из них в Киргизии, где их строительство связано с деятельностью буддийских миссионеров из Восточного Туркестана и Китая. На остальной же территории Средней Азии. помимо ступа № 2 в Мерве, найден еще только один буддийский монастырь и ступа Аджина-депе в Вахшской долине, неподалеку от г. Курган-депе, в области раннесредневекового Хуталя, датируемый Б. А. Литвинским VI—VIII вв. н. э. и относящийся к памятникам тохаристанской архитектурной школы[10]. Однако в VI в. н. э. буддийских культовых объектов в Средней Азии, вероятно, было значительно больше. Так, по свидетельству Сюан-Цзяня, в начале VII в. в Термезе было до десятка сангарама, насчитывающих до тысячи монахов, ступа и почитаемые статуи Будды[11]. Два монастыря, по свидетельству того же Сюан-Цзяня, имелись в Самарканде, где они, правда, находились в самом заброшенном состоянии. М. Е. Массон полагал, что вытеснение буддизма из коренных земель Согда было связано с деятельностью иранских и особенно согдийских купцов-зороастрийцев[12]. В других районах Средней Азии буддийское вероучение, по-видимому, стояло на довольно крепких позициях: буддийские памятники не только закрывались, но и возводились новые, как, например, Аджина-тепе и ступа № 2 в Старом Мерве, или второй Ак-бешимский храм, расположенные на довольно далеком расстоянии друг от друга. В этом же убеждают и находки буддийских рукописей религиозного содержания, датируемые V—VII вв. н. э. в том же Мерве и Занг-депе[13].

Сейчас трудно определить подлинные причины возведения второй буддийской ступа в Старом Мерве ввиду отсутствия на это прямых ука-

заний. Однако можно высказать по этому поводу два предположения: во-первых, если окончательно удастся установить, что первая ступа в Мерве существовала и в VI в. н. э., т. е. одновременно со ступа № 2, то сооружение еще одной ступа, по-видимому, связано с ростом здесь буддийской общины настолько, что для своих религиозных целей ей понадобилось сооружение еще одного культового памятника. Во-вторых, строительство новой ступа на этот раз не в городе, а в рабаде можно объяснить нежеланием официальной зороастрийской администрации иметь в самом городе место поклонения другому религиозному культу.

В этом отношении особо интересно, что проф. М. Е. Массон в 1962 г. допускал возможность разрушения ступа № 1 в Мерве «не ранее V в. и не позднее VI в.» в результате организованного мервцами погрома[14]. Но даже и в этом случае буддийская община в Мерве была все же настолько сильна, что окончательное изгнание ее было, по-видимому, невозможным и невыгодным делом и для нее отводится специальный участок земли за городской стеной в рабаде, где, может быть, размещалось не только ступа, но и монастырское хозяйство. Есть основание предполагать, что часть вещей из реликвария более ранней ступа № 1 были помещены в реликварий ступа № 2 при ее возведении, так как найденные в реликварии ступа № 2 статуэтки датируются первыми веками н. э., в то время как сама ступа, судя по находкам монет Хозроя I, построена не ранее середины или второй половины VI в. н. э.

Таким образом, при всех обстоятельствах можно констатировать, что буддизм, который стал проникать в Маргиану, по мнению ряда исследователей, в начале нашей эры[15], продолжал играть какую-то роль в жизни населения раннесредневекового Мерва. Это осуществлялось не только за счет традиционности, но, может быть, и благодаря усилившимся торговым и культурным связям с Тохаристаном.

Окончательное же решение выдвинутых здесь предположений станет возможным только после еще более детального и всестороннего изучения Старого Мерва — крупнейшего древнего городища на территории Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Воробьева-Десятовская М. И. и Темкин Э. Индийские рукописи в Туркмении. «Наука и жизнь», 1966, № 1, стр. 26.

2. Например, как в вышеуказанной статье М. Воробьевой-Десятовской и Э. Темкина, так и в статье В. И. Сарианиди и З. И. Усмановой «ЮТАКЭ двадцать лет», СА, 1967, № 1, стр. 316, неверно указано, что найденные монеты датируются V в. н. э., на самом деле это монеты VI в. н. э., точнее Хозроя I Ануширвана (531—579).

3. Frye R. The significance of Greek and Kushan archeology in the History of Central Asia. Jornal of Asian History, v. 1, part 1, Otto Harrassowits. Wiesbaden, 1967, p. 38.

4. Пугаченкова Г. А. Две ступа на юге Узбекистана. СА, 1967, № 3, стр. 261.

5. Foucher A. La vieille route de l'Inde de Bactres á Taxila, v. II. Paris, 1947, p. 272.

6. Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966, стр. 96.

7. Пугаченкова Г. А. Искусство Афганистана. М., 1963, стр. 43.

8. Пугаченкова Г. А. Две ступа..., стр. 262.

9. Там же, стр. 263.

10. Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия. Индия в древности. Сборник статей. М., 1964, стр. 159.

11. Si-Yu-Ki. Buddist Records on the Western Worlds. London, 1906, p. 31.

12. Массон М. Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Материалы Узкомстариса, вып. 1. Ташкент, 1933, стр. 6.

13. Воробьева-Десятовская М. И. Памятники индийской письменности из Средней Азии. Индия в древности. М., 1964, стр. 218; Воробьева-Десятовская М. И. и Темкин Э. Индийские рукописи в Туркмении..., стр. 26.

14. Массон М. Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической экспедиции АН Туркменской ССР в 1962 г. «Изв. АН ТССР», сер. общ. наук, 1963, № 3, стр. 55.

15. Там же, стр. 57—58; Koshelenko G. The Beginnig of Buddhism in Margiana «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», XIV, № 1—2, 1966, p. 180; Литвинский Б. А. Махадева и Дуттхагамани. ВДИ, 1967, № 3, стр. 89—90.

Н. П. СТОЛЯРОВА

РАСКОПКИ ДОМА СО ШТУКОВЫМ ДЕКОРОМ В РАБАДЕ МЕРВА

В полевом сезоне 1967 г. перед автором настоящей статьи была поставлена задача по изучению одного из холмов в рабаде Мерва, возможного выявления архитектуры и выяснения назначения скрытого под ним здания.

Объект находится в 800—900 *м* к северо-западу от Эрк-калы. Ранее, в 1958 г., на этом холме С. Б. Луниной и М. И. Филанович были найдены фрагменты ганчевой панели и карниза. Позднее М. Н. Федоровым здесь было заложено два пробных шурфа.

Северная часть рабада Мерва изучена пока недостаточно, мало данных об обживании этой части городища, характере расположенных здесь построек. Поэтому решено было еще раз провести разведочные работы на данном холме, тем более, что в 1967 г. здесь снова на поверхности оказалось несколько фрагментов панджары и резного ганча. В результате проведенных работ была вскрыта часть сложного архитектурного комплекса, а также найдены остатки ганчевого декора.

Вскрытие было начато с самого высокого холма в восточной части двора, читающегося по микрорельефу. На поверхности данного участка находили фрагменты резного ганча. Вскрытая площадь к концу работ достигла 135 $м^2$.

Помещение № 1 оконтурено северной и восточной стенами (рис. 1). Длина северной стены 2 *м* 90 *см,* ширина у прохода 1 *м* 75 *см,* к углу помещения она сужается до 1 *м* 50 *см.* Высота вскрытой стены от реперной точки 3 *м* 20 *см.* Северная стена дает четкий угол и поворачивает на юг. Длина восточной стены 1 *м* 55 *см,* ширина 2 *м.* Эти стены сложены из сырцового кирпича размером: 33×33×9 *см;* 36×36×9 *см;* 40×40×10 *см.* Стены покрыты тремя слоями штукатурки, общая толщина штукатурки 3—3,5 *см.* Удалось проследить, что сначала стена была побелена, затем снова оштукатурена и окрашена в синий цвет, затем опять оштукатурена. Между этими стенами вскрыли суфу. Длина суфы 2 *м* 90 *см,* ширина 88 *см,* высота 85 *см.* Она сложена из сырцового кирпича размером 33×33×9 *см*; 34×34×9 *см*; 36×36×9 *см.* Суфа была пристроена позже, она сложена не в перевязку с основными стенами, штукатурка основной стены уходит под суфу. В закладке суфы найдена

сасанидская монета. Суфа покрыта штукатуркой, боковые стороны окрашены в синий цвет.

Для выяснения южной стены заложили бороздку. Стена не сохранилась, но был вскрыт цоколь стены из 5 рядов жженого кирпича. Длина цоколя 2,5 *м*, ширина 75 *см*, высота 50 *см*; он сложен из жженого кирпича размером 22×22×5 *см*; 24×24×6 *см* и 26×26×7 *см*. Прослеживаемая длина цоколя западной стены—2 *м*. К южной стене примыкала суфа параллельно суфе северной стены. Суфа вскрыта неполностью. Ее высота 90 *см*, ширина 72 *см*. Она сложена из сырцового кирпича размером 33×33×9 *см* и 34×34×9 *см*. Суфа покрыта штукатуркой.

При вскрытии помещения № 1 было зачищено 2 пола. Разница между ними по уровню в 15 *см*. Оба пола покрыты слоем глины с включением самана, что придавало полам особую прочность.

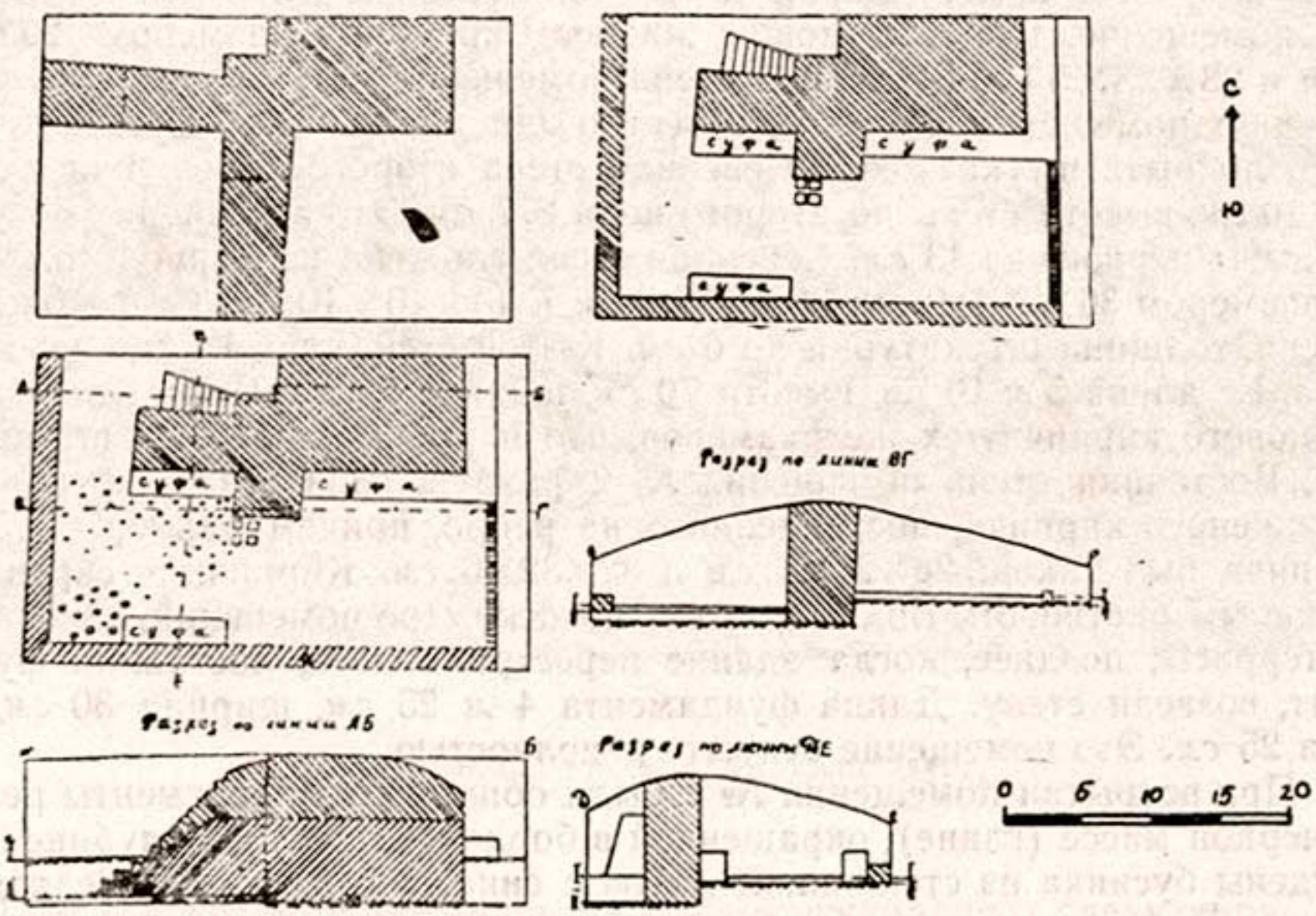

Рис. 1. Общий план раскопа 29 с разрезами: I — уровень первого пола; II — уровень второго пола; ● — фрагменты фриза; □ — фрагменты панели; ◑ — фрагменты панджара; ▲ — фрагменты резьбы по черной массе.

Размеры помещения № 1 — 4 *м* 85 *см*×5 *м*. Прослеживалась следующая последовательность чередования культурных слоев: надувной слой толщиной от 20 до 30 *см*, затем шел плотный завал, сплошь состоящий из кусков сырцового кирпича с включением фрагментов штука и росписи. Над полом выявлен натечный слой толщиной 10—20 *см*, он включал несколько фрагментов поливной керамики IX в., фрагмент стеклянного сосуда, монету.

Для выяснения заглубления стены под пол в северо-восточном углу помещения № 1 около суфы был прорублен пол. Оказалось, что восточная стена помещения № 1 была прорублена для того, чтобы сделать

проход в помещение № 2. Стену проследили на 2 *м* 50 *см*. Она сложена из сырцового кирпича размером 36×36×9 *см;* 38×38×9 *см;* 40×40×10 *см*. На некоторых кирпичах видны клейма в виде трех полос. Размер кирпичей соответствует первому строительному периоду.

Здесь мы видим пример того, как капитально построенное здание перестраивалось и продолжало функционировать в более позднее время.

В помещении было найдено большое количество фрагментов резного штука. Здесь были фрагменты штукового карниза, панели, панджары (описание будет дано ниже). В этом же помещении были найдены монеты: в IV ярусе — сасанидская, в V ярусе — парфянский халк старших Аршакидов, монета, найденная на полу, — арабская. Все монеты определены проф. М. Е. Массоном. В завале обнаружены фрагменты росписей, краски яркие — черная, красная, синяя.

Помещение № 2 размером 5 *м* 75 *см*×5 *м* примыкает с востока к восточной стене помещения № 1. В этой стене сделан проход во второе помещение. Порог вымощен жженым кирпичом размером 26×26×5 *см* и 28×28×5 *см*. Восточная стена помещения № 1 является смежной для двух помещений. Как уже известно, она сложена из сырцового кирпича, покрыта штукатуркой. Северная стена второго помещения длиной 5 *м* 10 *см,* высота стены до второго пола 277 *см*. Это помещение по уровню выше первого на 43 *см*. Северная стена сложена из сырцового кирпича размером 36×36×9 *см*; 38×39×9 *см* и 40×40×10 *см*. Стена оштукатурена, толщина штукатурки до 6 *см*. К этой стене примыкала лежанка-суфа. Ее длина 5 *м* 10 *см,* высота 70 *см,* ширина 90 *см*. Суфа сложена из сырцового кирпича тех же размеров, что и стена, и покрыта штукатуркой. Восточная стена помещения № 2 разрушена. Остался фундамент из жженого кирпича, поставленного на ребро, причем размер жженого кирпича был таков: 28×28×5 *см* и 32×32×6 *см*. Кирпичи скреплены глиняным раствором. Видимо, это было открытое помещение типа айвана-террасы; позднее, когда здание перестраивалось, поставили фундамент, возвели стену. Длина фундамента 4 *м* 25 *см,* ширина 30 *см,* высота 25 *см*. Это помещение вскрыто неполностью.

При вскрытии помещения № 2 были обнаружены фрагменты резьбы по черной массе (глине), окрашенной в бордовый цвет. На глубине 2,5 *м* найдены бусинка из стеклянной пасты с синими глазками и медная сережка. Встречались кусочки ганчевой штукатурки. Во втором помещении вскрыли два пола, второй идет на 23 *см* ниже первого. Оба пола покрыты слоем глины с включением самана. При вскрытии помещения № 2 прослеживалась следующая последовательность чередования культурных слоев: дерновый слой от 15 до 25 *см,* затем слой рыхлой земли с включением фрагментов резьбы по черной массе (глине), кусочков алебастровой штукатурки, затем идет натечный слой мощностью от 1 *м* до 1 *м* 50 *см*.

Помещение № 1, описанное выше, является парадным. Вполне возможно, что к нему примыкала открытая терраса.

Помещение № 3 представляет собой пандусную клетку. Оно вскрыто неполностью. Это помещение расположено севернее первого помещения и его южная стена является смежной для помещений № 1, 3.

Длина южной стены помещения № 3—2 *м* 75 *см*, ширина 1 *м* 75 *см,* затем суживается до 1 *м* 45 *см*. Она сложена из сырцового кирпича, покрыта штукатуркой. К этой стене примыкает лестница (рис. 2). Лестница состоит из восьми ступеней и сложена из сырцового кирпича размером

36×36×9 *см* и 38×38×9 *см*. Высота каждой ступени 25 *см*, ширина 25 *см*, лестница у основания имеет ширину 1 *м* 25 *см*, она сужается в верхней части до 75 *см*. Была зачищена плоскость, к которой подходил пандус (рис. 3). Позднее пандус был заменен лестницей и соответственно надстроили площадку. В этом помещении находили керамику VI—VII вв.

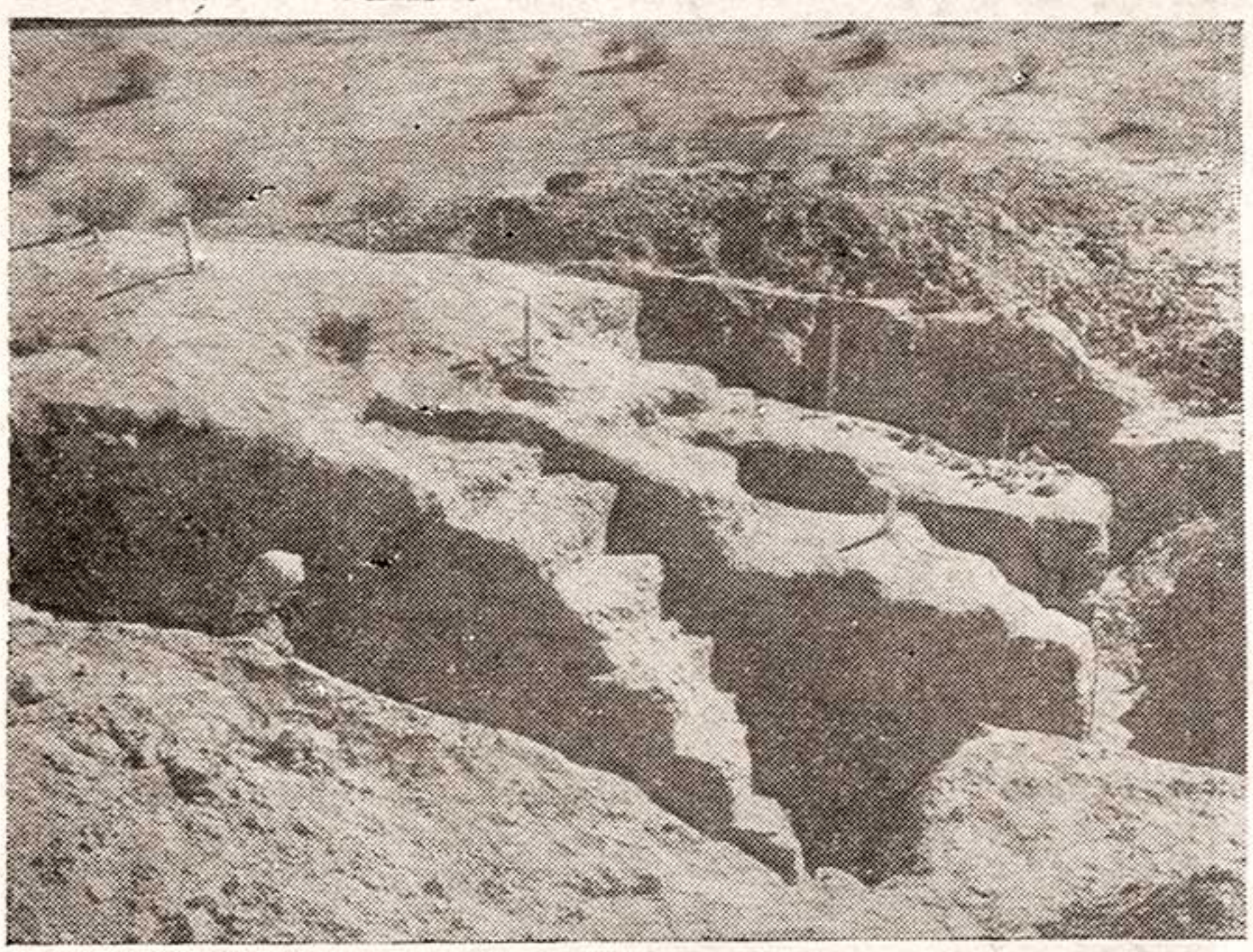

Рис. 2. Лестница, ведущая на площадку.

При вскрытии помещения № 3 прослеживалась следующая последовательность чередования культурных слоев: пушонка от 20 до 30 *см*, затем рыхлый слой земли с включением кусков жженого кирпича от 1 *м* до 1 *м* 50 *см*. Потом идет натечный слой, мощность натеков до 50 *см*. После этого идет плотный завал из кусков алебастровой штукатурки. Вскрытая площадь, расположенная наверху площадки, на которую вел пандус, а позднее лестница 5 *м* 25 *см*×3 *м* 30 *см*, возможно, была подобием открытой террасы.

Здание было оконтурено с внешней стороны. Длина вскрытой стены 5 *м*. С внешней стороны к ней примыкала ступень высотой 52 *см*, шириной 85 *см*. Ступень из сырцового кирпича размером 36×36×8 *см* и 38×38×9 *см* покрыта штукатуркой. Был сделан разрез ступени. Выяснено, что ступень пристроена, основная стена уходит вглубь. Вероятно, ступень предохраняла нижнюю часть стены от разрушения.

Восточнее ступени прослеживается хорошо утрамбованный уровень, в котором местами специально «утоплены» фрагменты жженых кирпичей. Очевидно, этот уровень соответствует древней улице. Примерная

ширина ее 10 *м* (в северном обводе была прослежена улица шириной 8 *м*).

Планировка здания осталась выясненной неполностью. Наш объект — это сложный архитектурный комплекс, который еще требует дальнейшего изучения.

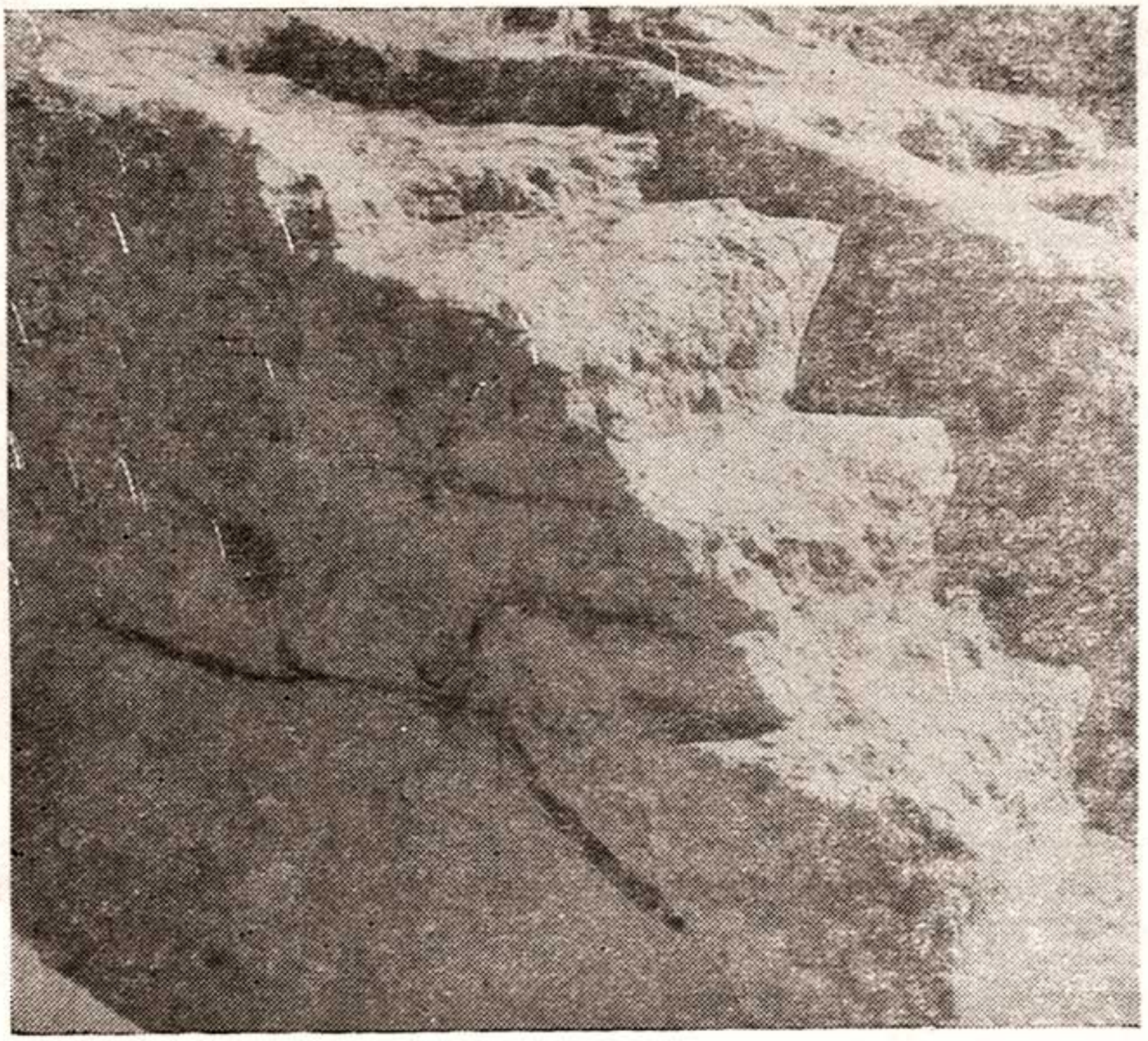

Рис. 3. Пандус и лестница.

Основным строительным материалом нашего комплекса был сырцовый кирпич, то есть высушенный на солнце кирпич, сформованный из местного лесса. Жженый кирпич использовался в фундаменте, при вымостке порогов, он предохранял нижние части стен от сырости. Жженые кирпичи, употребленные в описываемом доме, квадратные и размеры их разные: 22×22×5 *см;* 24×24×6 *см*; 26×26×5—7 *см*; 28×28×5 *см*; 32×32×6 *см.*

Сырец представлен в основном четырьмя размерами: 35×35×9 *см*; 36×36×9 *см;* 38×38×9 *см;* 40×40×10 *см.*

В употреблении сырцовых кирпичей в строительных периодах дома бросающегося в глаза разграничения нет. Вполне возможно, что во втором периоде строительства дома возведение суф производилось ранее использованным кирпичом. Отмечено, что стены местами были специально зарублены для позднейших проходов. А вот жженый кирпич начинает использоваться только во втором строительном периоде.

Квадратный кирпич сохраняется в эпоху раннего средневековья в Южном Туркменистане и Хорезме. Но здесь уменьшаются его средние размеры до 36×36×9 *см* (в Хорезме замок № 36), 35×35×8 *см* (в Хорезме Тешик-кала), 35×35×8 *см* (в Мерве Кыз-кала), 34×34×8 *см* (малая Нагим-кала). Размеры, аналогичные примененным сырцовым кирпичам в нашем здании, приведены З. И. Усмановой для позднесасанидского здания в северо-западной части центрального холма в Эрк-кале[1]. Г. А. Пугаченкова, анализируя древний строительный материал Туркмении, приходит к выводу, что в VI—VII вв. стены в основном выводят из квадратного сырцового кирпича с размерами 37,5×10 *см*[2]. Н. С. Гражданкина в работе «Древние строительные материалы Туркмении» проводит анализ размеров сырцового кирпича и делает вывод, что в VI—VII вв. кирпич имеет размер от 38 до 34 *см* в стороне на 7—8 *см* толщины[3].

Полы в нашем здании покрыты тонким слоем глины, в которую подмешан саман.

Стены сложены из сырцового кирпича. Они выкладывались на глиняном растворе, в который добавлен саман. Средняя ширина стен колеблется от 1,6 до 2 *м*. Такая ширина позволяла возводить их без вспомогательных лесов, а прямо со стены, где можно было разместить и мастеров и необходимое количество подручного строительного материала — кирпича и глиняного раствора.

Кирпичная кладка стен очень аккуратная и качественная. Ряды кирпичной кладки строго горизонтальны и в смежных рядах осуществляется перевязка вертикальных швов. Толщина вертикальных швов достигает 1—2 *см*. Вертикальный шов часто приходится на середину кирпича предшествующего ряда. Горизонтальные, постельные швы — 2—3 *см*.

На вопрос, каким образом производилось перекрытие дома, ответить трудно, так как материал для суждения об этом не найден. Судя по характеру завалов, расчищаемых при раскопках, конструкция перекрытий могла быть сводчатой — из сырцового кирпича.

Как указано выше, культурные слои комплекса дали насыщенный материал для характеристики архитектурного декора. Последний представлен резным штуком, фрагментами штукатурки со стенной росписью, немногочисленными фрагментами резьбы по черной массе. Последняя представляет большой интерес. Применение ее в декорировке архитектурных сооружений Средней Азии очень редко. В Мерве же она найдена также при раскопках средневекового здания (XI—XII вв.) на городище Султан-кала. Материал, по которому производилась резьба, представляет черно-бурого цвета слой массу (глины?) от 3 до 5 *см* толщины. Очевидно, из этой массы изготовлялась плита, на сглаженную поверхность которой наносился тонкий алебастровый слой и по нему производилась неглубокая (до 1 *мм*) резьба тончайшей работы.

В помещении № 1 встречено много фрагментов росписи, большинство их размельчено в результате падения со стен, а также долгого лежания в сырой земле. Были сделаны попытки взять несколько кусков, которые дали обрывки мотивов растительного орнамента, не дающие определенного рисунка. Фрагментарность живописного декора из раскопа не дает возможности точно определить место, занимаемое декором в архитектуре здания. Однако отдельные мотивы можно описать. Это простая ромбическая сетка с заполнением центров стилизованным изображением цветка (живопись контурная, черные, темно-синие полосы окаймляют рисунок). Роспись нанесена на глиняную штукатурку клеевыми

красками. Такой способ живописи широко применялся в Средней Азии. Вероятнее всего, живопись можно отнести к концу VI—VII вв.— к первому строительному периоду нашего объекта, так как на нескольких фрагментах штука с обратной стороны видны остатки росписей. Видимо, сначала стены были украшены росписями, а затем на них был нанесен штук.

Как было отмечено, в слоях помещения № 1 в изобилии были встречены фрагменты штука (рис. 4). Материалом для изготовления штука послужил алебастр. Штук несколько грубоватый, глубина резьбы 1,5—2 *см.*

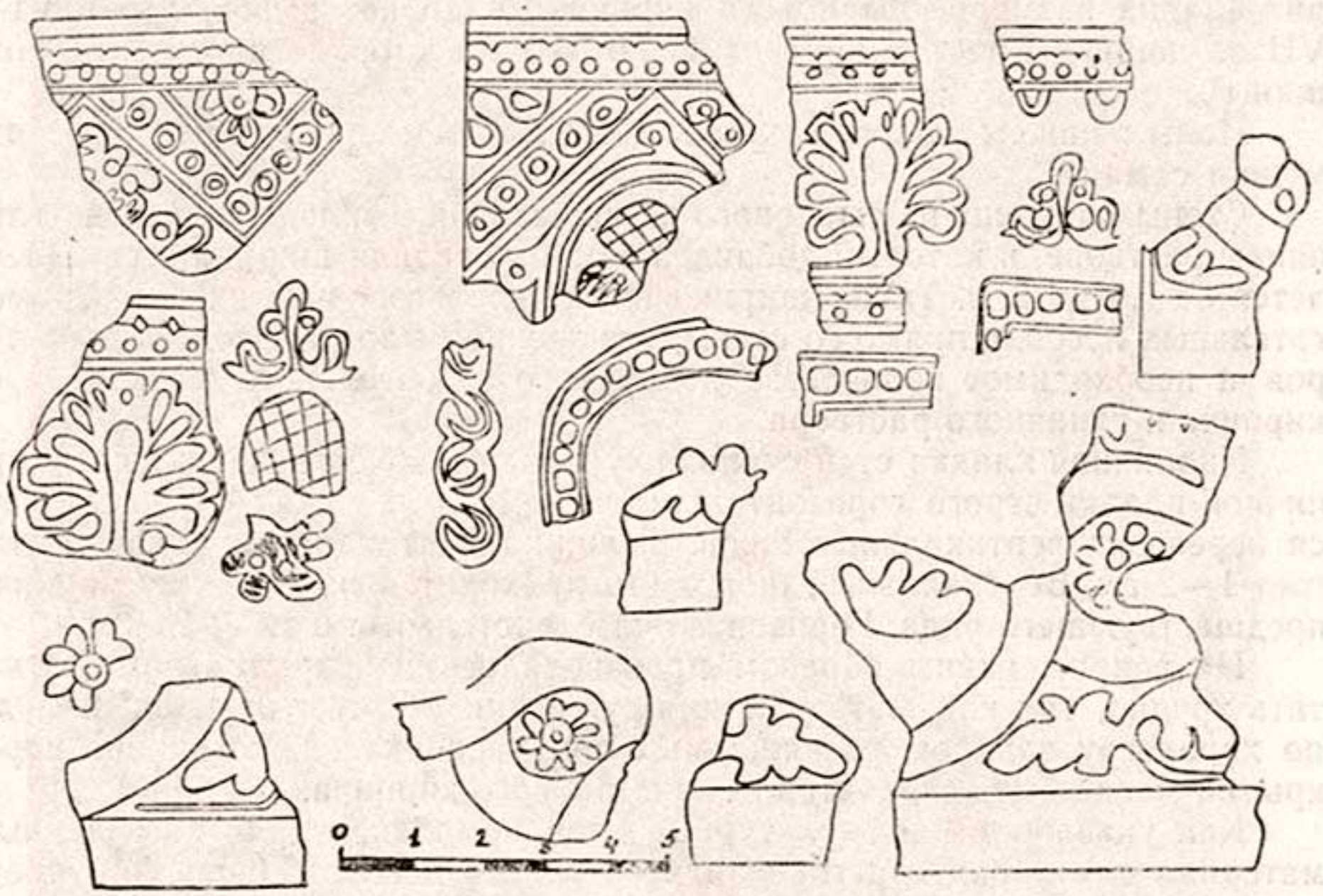

Рис. 4. Фрагменты резного карниза и панели.

Рассмотрим технику резьбы по штуку. Карниз и пояс панджара исполнены глубокой резьбой, резчик резал индивидуально, без применения трафаретов. Мастер сначала прочерчивал рисунок по сырому штуку, а потом вырезал его уверенно и четко острым ножом. Поэтому даже в орнаментах все родственные мотивы слегка отличаются друг от друга, что придает орнаменту определенную прелесть и живость. Иногда встречается штук, отлитый в формах. Это видно при рассмотрении грозди винограда. Изготовлялась отдельно подставка, сама гроздь отливалась в формочке, а затем прикреплялась на подставку. Отдельно вырезывалась широкая полоса с сетчатым орнаментом, а затем прикреплялась к нижней части карниза.

Когда карниз был готов, стена покрывалась предварительно слоем глины и к невысохшей поверхности стены прикреплялся карниз. Для сцепления служили небольшие выступы, которые хорошо видны на обратной стороне карниза и пояса панджара.

Удалось собрать фриз (рис. 5). Его общая высота 20,5 *см*. Мотивы резьбы разнообразны. Вверху шел бордюр, состоящий из четырех полос, две узкие до 1 *см*, а между ними широкая полоса в 2,5 *см;* в этой полосе расположены концентрические углубления, равноотстоящие друг от друга, диаметром в 1 *см*. Под бордюрчиком находился чисто орнаментальный мотив: пальметты, соединенные растительными завитками, между пальметтами расположены стилизованные гроздья винограда. Внизу опять бордюр аналогичный верхнему, к нему прикреплена полоса с сетчатым орнаментом. Завершали карниз круги, состоящие из растительных завитков, диаметр кругов 20 *см* и прямоугольные квадраты с выпуклым орнаментом. Видимо, этот карниз шел не единой лентой. На месте световых проемов находились части фриза, к которому была прикреплена панджара (рис. 6, 7).

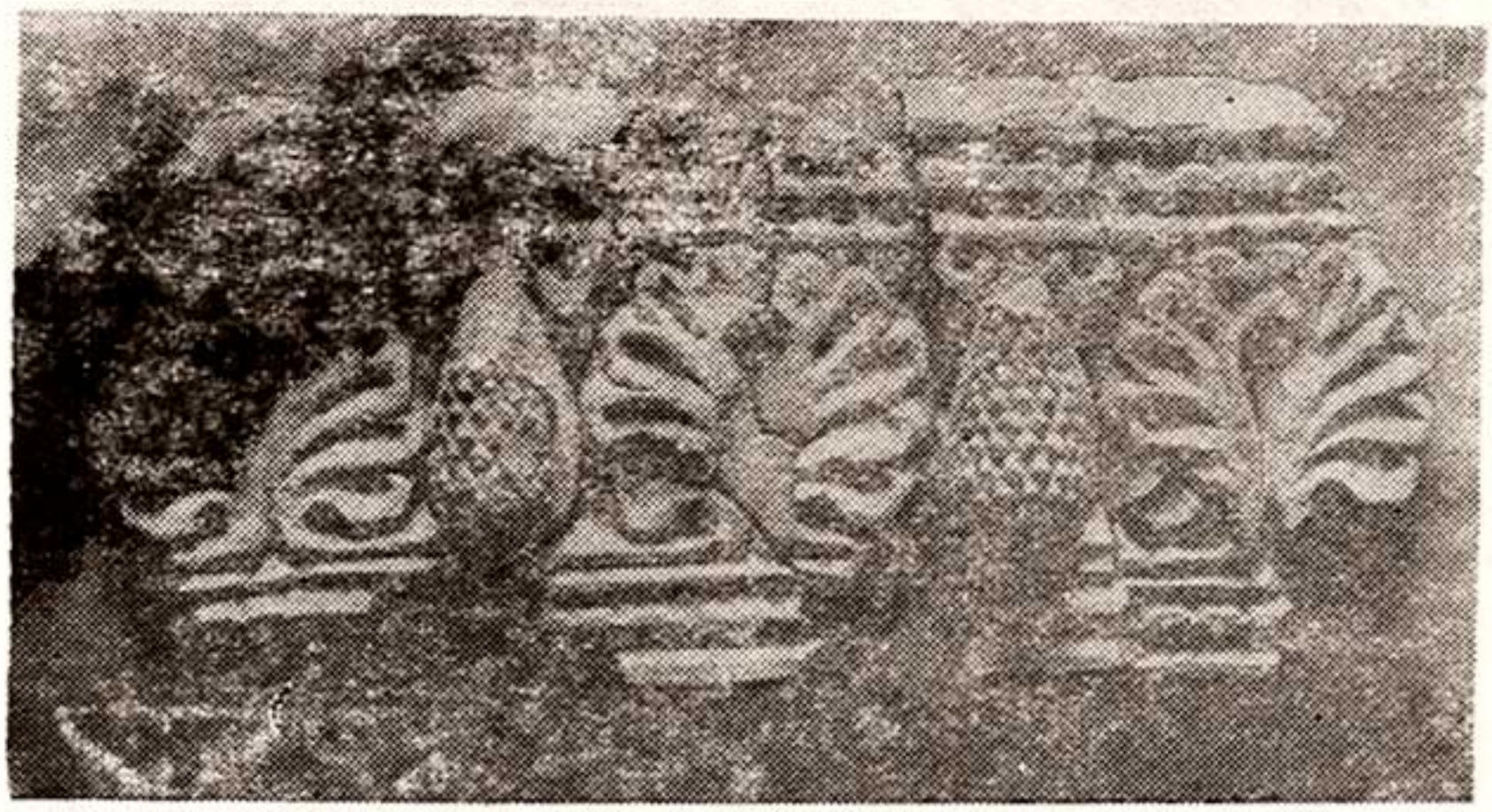

Рис. 5. Фрагменты штукового фриза.

Впервые в Средней Азии вскрыты панджара вместе со штуком. Всего встречено шесть фрагментов карниза, в верхней части которого прикреплялась панджара.

Фрагментов панджара до 100 штук. В алебастровую решетку вставлены кусочки листового оконного стекла в проемы панджара. Видимо, плиты панджара изготовлялись отдельно, в них делались пазы для краев стекла, потом панджара вставлялась на место. Изготовленное специальное листовое стекло с загибом по краям вставлялось в проемы панджара и закреплялось алебастровым раствором. Интересен тот факт, что вместо стекол иногда употреблялись венчики стеклянных сосудов (рис. 8).

Фрагменты штуковой панели с более крупной резьбой — толщина их 4,5, глубина 3,5 *см*. Панель оконтурена широкой каймой. Под каймой была крупная розетка, внутри которой находится 8-лепестковый цветок. Листок винограда простой, с отгибающимися последовательно двумя листьями.

Все фрагменты штукового декора вскрыты в заполнении помещения № 1. Трудно установить, где была расположена панель, на какой высоте

находился карниз, но можно предположить, что фриз располагался на $^3/_4$ от основания стены, а над ним в световых проемах прикреплялась панджара.

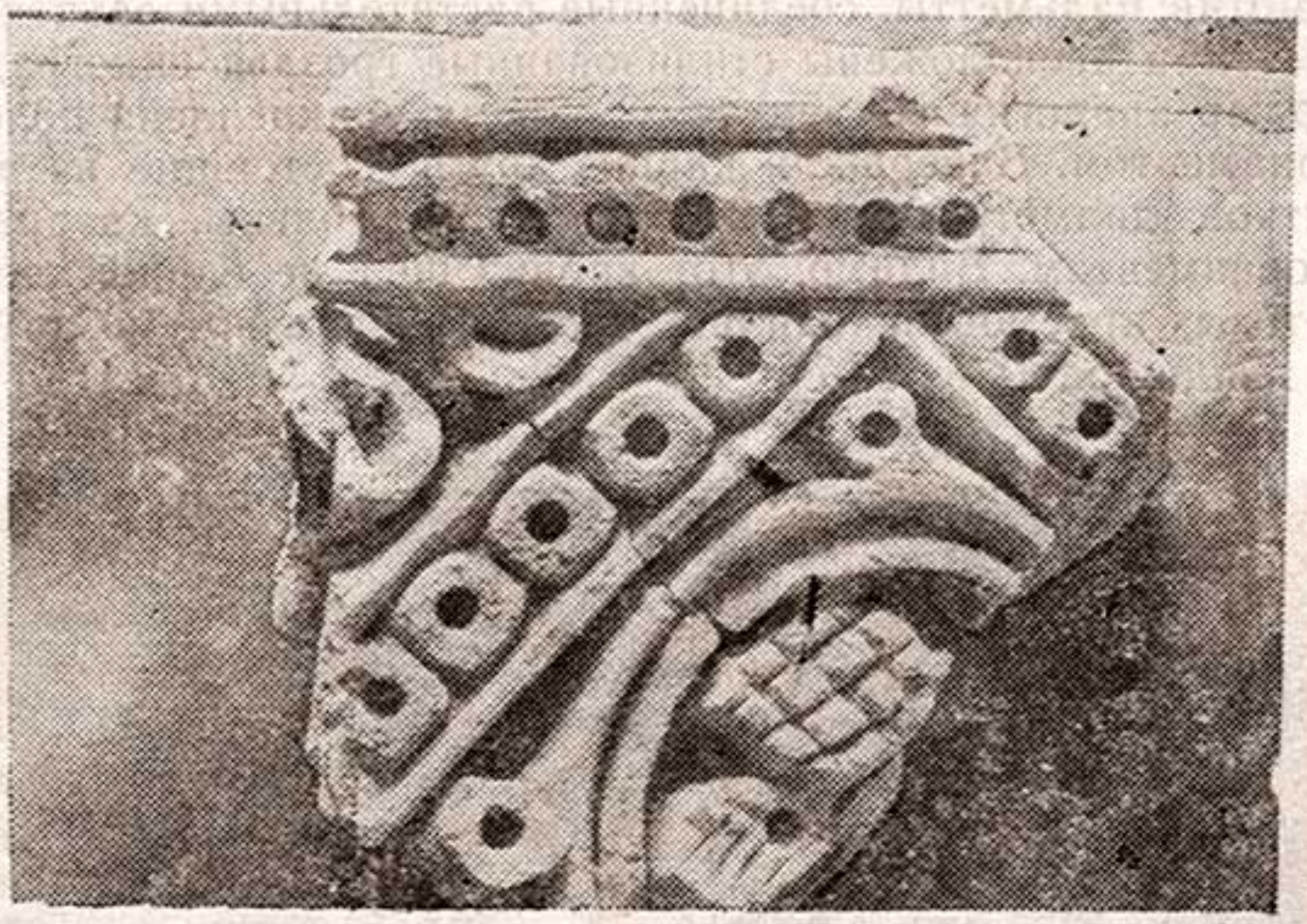

Рис. 6. Штуковый фриз в местах световых проемов.

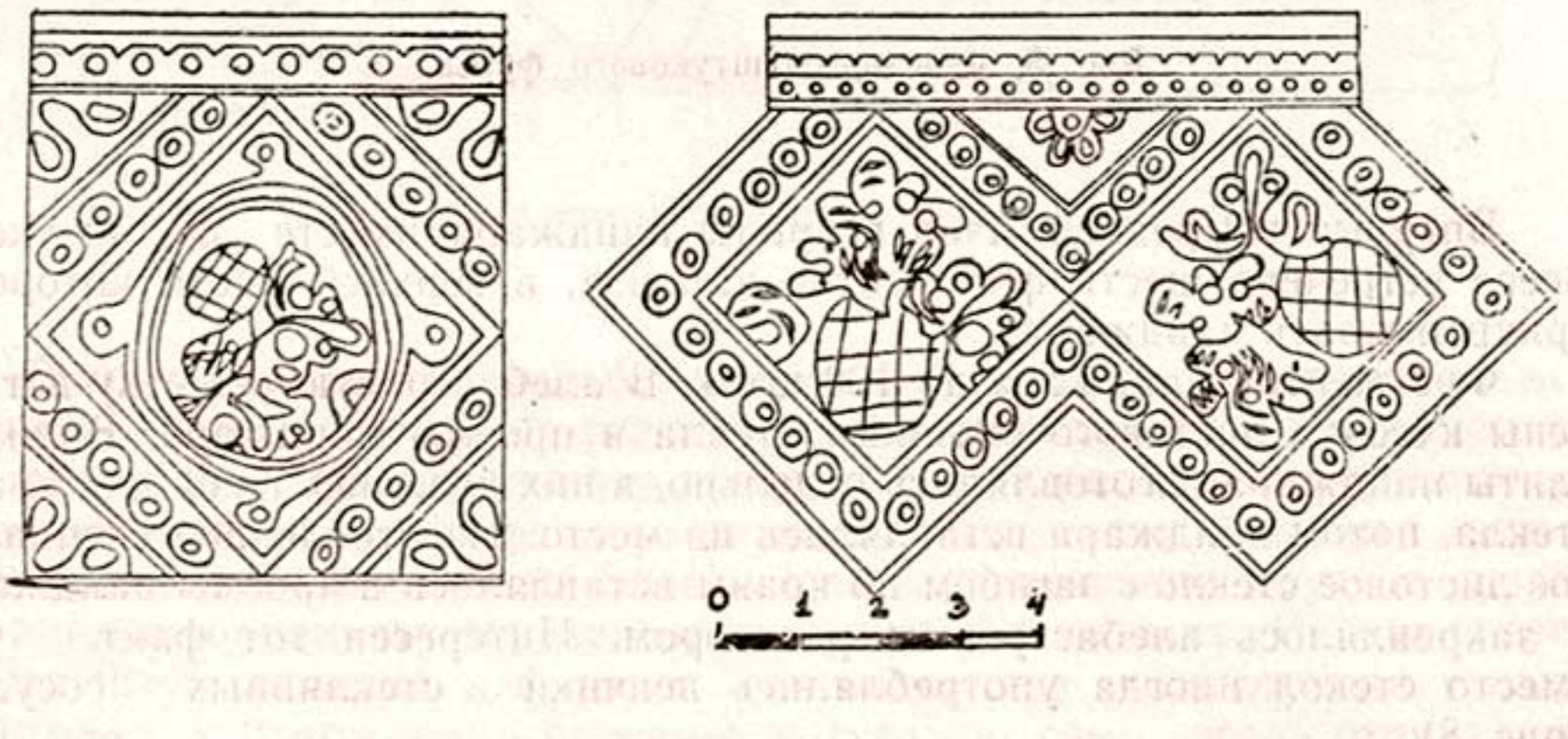

Рис. 7. Возможные варианты реконструкции фриза.

Для нашего объекта одним из основных датирующих материалов является керамика (рис. 9). Керамический материал, извлеченный из раскопа, представлен немногочисленными фрагментами поливных и неполивных сосудов. Керамику можно разделить на две группы. Первая

группа—керамика VI—VII вв. представлена фрагментами неполивной керамики (7 фрагментов). Вторая группа — керамика IX в. представлена фрагментами поливной (4 фрагмента) и неполивной (3 фрагмента) и одним фрагментом стеклянного сосуда.

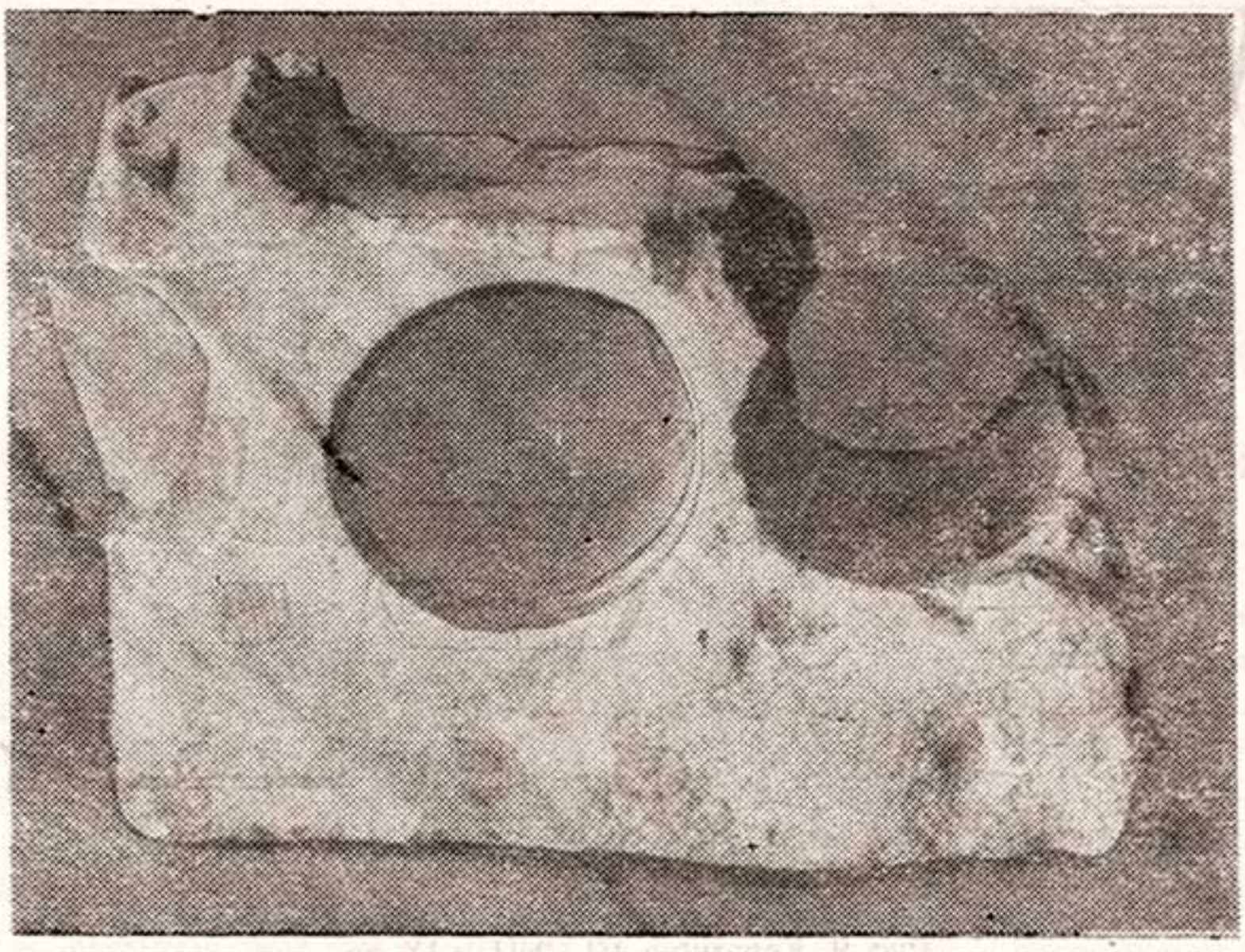

Рис. 8. Фрагменты панджара.

В ранней неполивной керамике, изготовленной на гончарном круге, господствуют тонкостенные сосуды типа плоскодонных кувшинов. Черепок этих изделий сероватого или серовато-зеленоватого цвета, сделаны сосуды из хорошо промешанной глины, имеют заглаженные стенки, ангоб — цвета черепка. Такие кувшины становятся ведущей формой в VI—VII вв.

Датирована эта керамика в основном по аналогичному мервскому материалу. Найдено всего несколько фрагментов поливной керамики, однако посуда этого типа хорошо известна по раскопу квартала керамистов Мерва, где она датирована IX в.[4]

В помещении № 2 были найдены медная сережка и бусина. Бусина сделана из белой пасты, по бусине идут белые круги, инкрустированные синими глазками. Из отдельных мелких изделий найдены железные предметы, представленные в основном фрагментами гвоздей с круглой головкой. Среди прочих находок следует отметить десять косточек персика.

Немногочисленные находки характеризуют комплекс и позволяют точнее датировать периоды его обживания. Мы считаем, что первый период обживания приходится на VI—VII вв. Назначение здания в этот период не совсем ясно. Второй период обживания проходил в IX в. В это

время здание представляло собой жилой дом зажиточного горожанина; парадное помещение с богатым архитектурным декором относится ко второму периоду обживания.

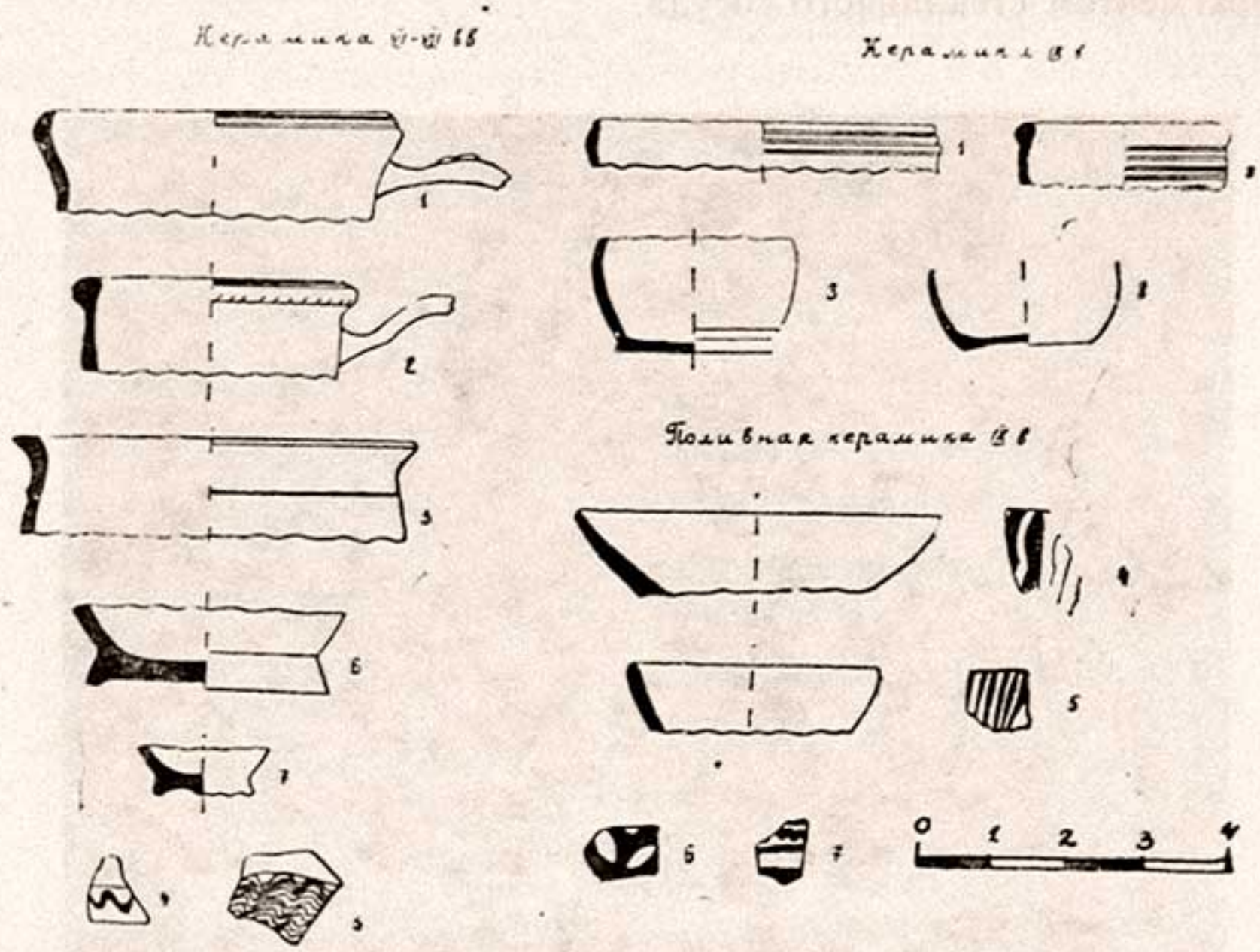

Рис. 9. Керамика VI—VII и IX вв.

Капитальные стены здания, сохранившиеся, очевидно, довольно хорошо, позволили использовать их как основу дома IX в. Здание достраивается, причем в строительстве использовался кирпич, который получали при разборке других стен. Для цоколей используется жженый кирпич. Раскопки здания в северо-западной части цригорода-рабада Мерва дали новый материал для характеристики архитектуры Мерва.

Дальнейшие работы по вскрытию данного объекта, расположенного в северной части рабада Мерва, безусловно, перспективны. Раскопочные работы, проводившиеся по линии ЮТАКЭ в течение 1967—1968 гг., уже дали обильный материал для суждения об уровне строительства, архитектурном декоре Мерва, о приемах орнаментации, а также о времени обживания этой части рабада.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Усманова З. И. Эрк-кала. Труды ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад, 1963, стр. 52—53.
2. Пугаченкова Г. А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. 8. Ашхабад, 1958, стр. 225.
3. Гражданкина Н. С. Древние строительные материалы Туркмении. Труды ЮТАКЭ, т. 8. Ашхабад, 1958, стр. 72.
4. Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 220.

С. Б. ЛУНИНА

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕХНИКИ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОМ МЕРВЕ

Автор настоящей статьи в своих работах, посвященных гончарному производству, останавливается подробно на описании устройства печей X—XIII вв.[1] Последние вскрывались в основном в квартале керамистов за западной стеной городища Султан-кала. Раскопки последних лет, продолженные автором в том же квартале, а также проведенные на самом городище, позволили раздвинуть хронологические рамки в изучении средневекового гончарного производства Мерва: были обнаружены и печи, и отвалы производства IX и XIII—XIV вв.

Кроме того, вскрытие новых печей X—XIII вв. показало, что уже описанными типами не исчерпывалось многообразие деталей конструктивного устройства средневековых гончарных печей Мерва. Изучены новые варианты печей, получены новые виды предметов печного припаса. Количество изученных в Мерве обжигательных печей (свыше 50), разработанность шкалы эволюции керамики и обнаруженный в печах нумизматический материал, позволяющие довольно точно их датировать, дали возможность рассмотреть эволюцию техники гончарного производства в средневековом Мерве, подвести некоторый итог его исследованию.

Изучение устройства средневековых печей и печного инвентаря имеет большое значение для восстановления технологии обжига, который считается наиболее ответственной операцией в производственном цикле гончаров. Мастера «тщательно готовились к обжигу, считая его самым трудным производственным этапом керамического производства, так как именно в этот период заканчивается изготовление изделия»[2]. «Вопрос качества топлива,— писал С. А. Разумовский,— выбора правильной конструкции обжигательных печей (горнов) и установления правильного режима обжига в производстве художественной керамики имеет исключительное значение»[3].

В настоящей статье приводится описание новых раскопанных печей, но основное внимание уделяется обобщению полученных за все годы работы в квартале данных о технике гончарного производства в Мерве в IX—XIV вв.

Большое количество заложенных шурфов и произведенные вскрытия в верхнем культурном слое на окраине квартала керамистов позво-

ляют утверждать, что гончарное производство начало размещаться на этой территории в IX в.

В гончарстве Мерва IX в.— период переломный. Постараемся доказать это

Печи IX в., располагавшиеся в центральной части квартала, оказались погребенными под мощными культурными напластованиями более позднего времени. Так, в одном из шурфов остатки печи IX в. оказались

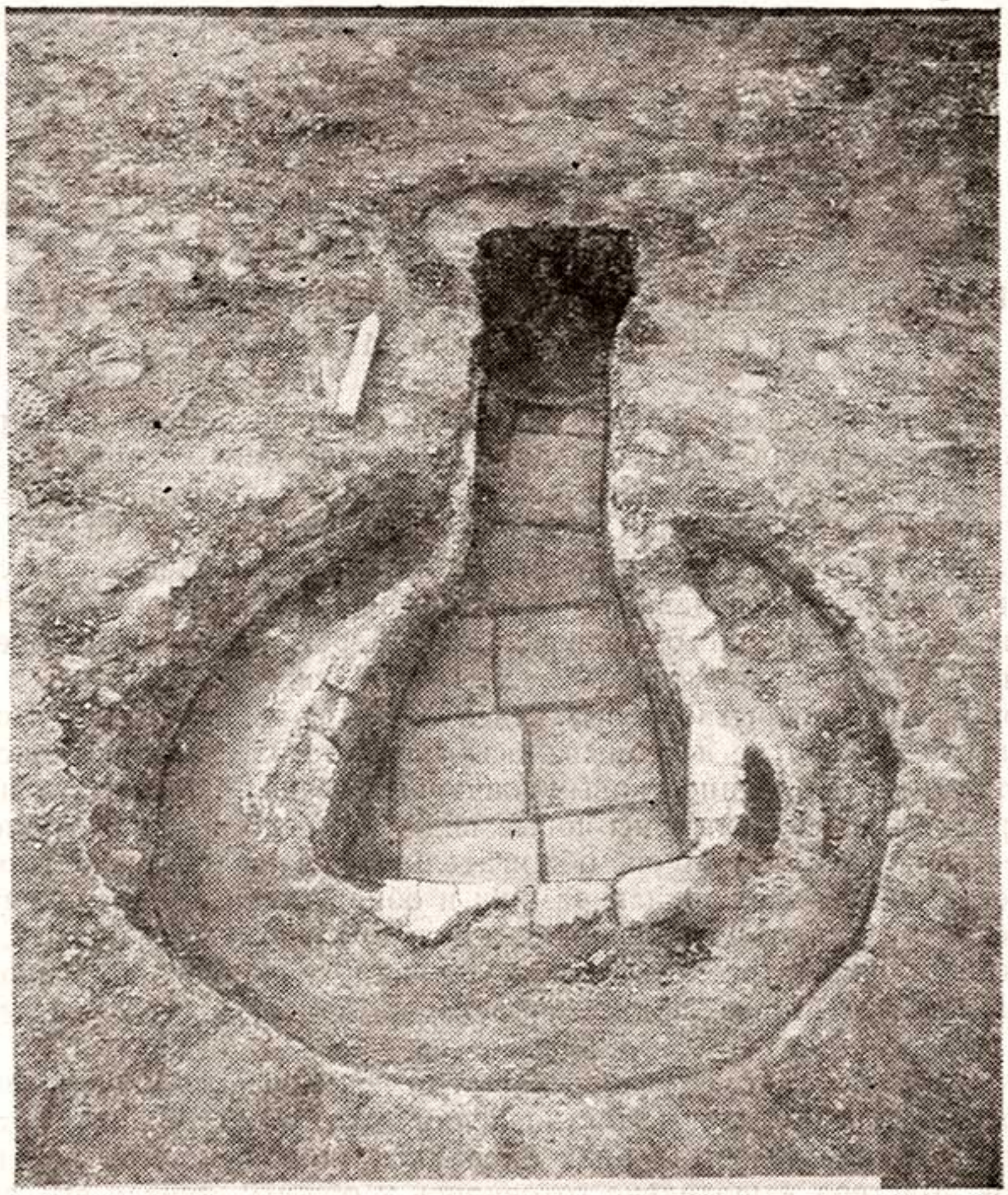

Рис. 1. Круглая печь IX в.

на глубине свыше 4 *м*. И лишь в северо-западной оконечности квартала, там, где, как выяснилось, строительство печей позднее не велось, остатки печей IX в. оказались лежащими на поверхности, непосредственно под дерновым слоем, на склонах и у подножия образовавшихся с течением времени холмов. Некоторые исследованные печи перекрывает сверху отвал бракованной продукции из расположенных неподалеку и выше печей X—XI вв.

Были вскрыты две плохо сохранившиеся круглые печи с неотделенной от пода топкой. Диаметр печей почти одинаков: 1,4—1,5 *м*. Одна из

них имела первоначально округлой формы топку, позднее несколько сокращенную по размерам и получившую трапециевидную форму, дно топки было аккуратно выложено сырцовыми обожженными в процессе работы печи кирпичами (рис. 1). Размер кирпичей тот же, что и в стенах печи — 28×28×6 *см*. Топка заканчивалась устьем шириной 30 *см*, вокруг топки шла полка. Стены сохранились на незначительную высоту, поэтому трудно судить, были ли в них ряды отверстий для штырей. У второй круглой печи сохранилось лишь дно топки.

Рис. 2. Прямоугольная двухъярусная печь IX в. Внизу виден вход в топку.

Неподалеку от упомянутых печей удалось вскрыть две прямоугольные печи двухъярусной конструкции. Одна из них имеет размеры пода 1,5×1,6 *м*. В последнем находились сгруппированные по два, но разме-

щенные несколько несимметрично, отверстия-продухи (диаметр 5—8 *см*), соединенные с топочной камерой (рис. 2).

Топочное устье имело ширину всего 48 *см*. На 40 *см* вход в топку был заложен кирпичами. Вся топка внутри оказалась заполненной плотной землей. Длина топки 1,8 *м*. На расстоянии 50 *см* от ее южной стены располагалась перегородка шириной от 10 до 20 *см*, за которой были обнаружены стоящими крупные кувшины с одной ручкой, изящно вытянутой, но стандартной формы. Обнаружение их in situ подтвердило наше предположение о том, что за перегородкой в топках гончарных печей обжигались сосуды, требовавшие наиболее высокой температуры обжига.

Под покоился на двух арках. Высота топки от арок до пола 1,15 *м*, высота перегородки 63 *см*. В последней сделано неаккуратно и несимметрично 14 отверстий округлой формы. Любопытно, что в более поздних печах отверстия в перегородке будут делать в количестве 2—3, обычно прямоугольной формы, вытянутые вертикально вверх. Очевидно, в IX в. тип подобной конструкции топки только вырабатывался, и мастера экспериментировали с расположением отверстий в перегородке и их размерами.

Размеры пода второй печи 2,7×1,9 *м;* она интересна тем, что имеет 40 продухов различной формы. Здесь вперемежку расположены маленькие круглые и довольно большие прямоугольные отверстия. Часть их оказалась специально заложенной, очевидно, для более равномерного распределения жара в обжигательной камере.

Наконец, третий тип печей представлен здесь печью круглой двухъя-

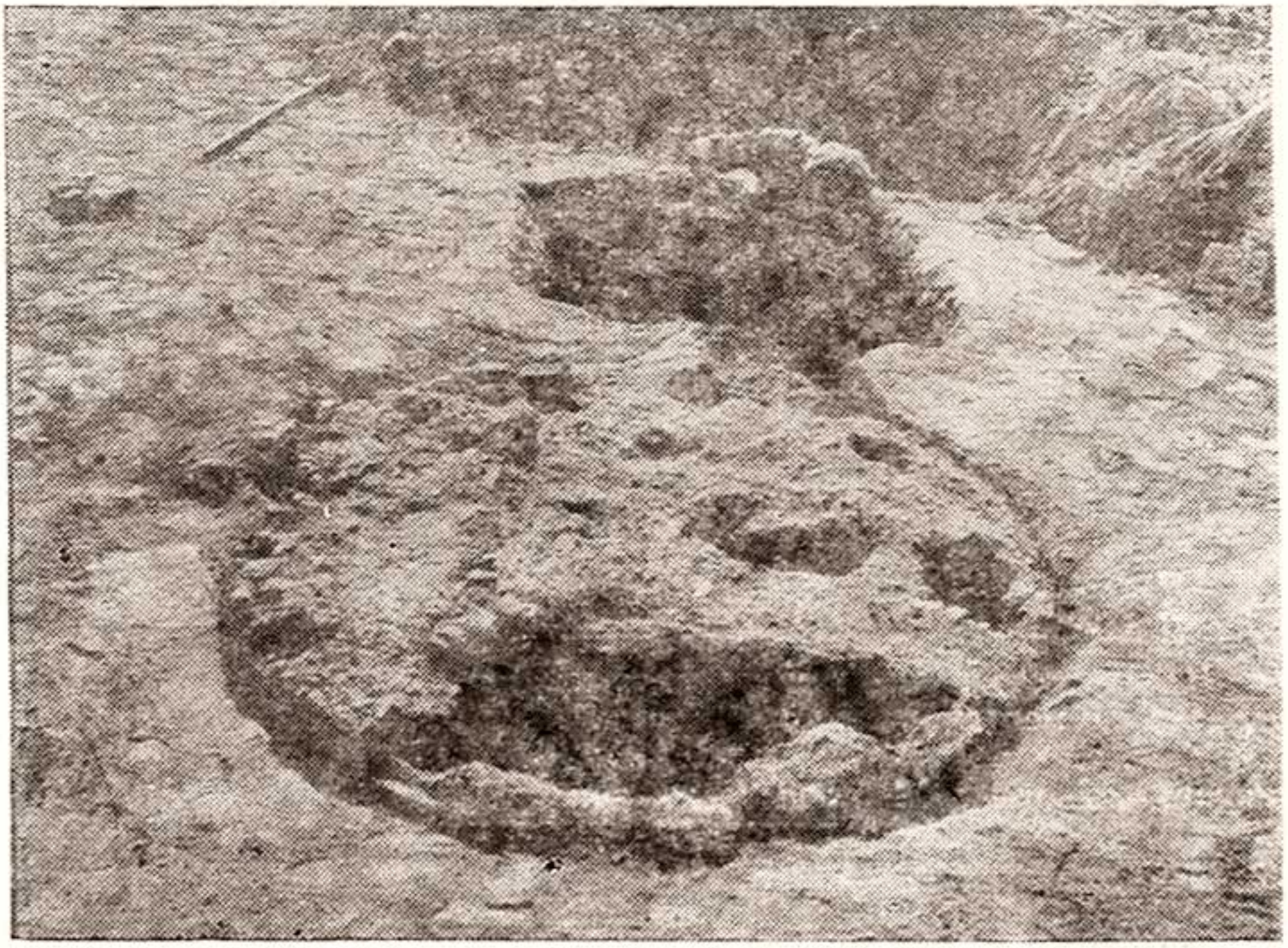

Рис. 3. Круглая двухъярусная печь IX в.

русной диаметром 2 *м* с плоским подом, перекрывавшим топочную камеру и имевшим ряд круглых и овальных отверстий-продухов (рис. 3). Уже расчистка пода дала намек на устройство топки — в нем хорошо были видны параллельные ряды сплошной кладки жженых кирпичей, явно соответствовавшие аркам топки. Оказалось, что под действительно опирается на две арки округло-отлогого начертания. Топка оказалась также круглой, диаметром, однако, несколько меньше пода — 1,7 *м*. Ближе к северной стене располагалась перегородка, и пространство за ней было повышено по отношению к дну топки, образуя как бы своего рода полочку в топке. Высота топки до замка арки всего 1,25 *м*. Очевидно, перекрыть арками топку сравнительно небольшого диаметра при малой ее высоте не было особенно трудной задачей.

Керамики в описанных печах найдено мало[4], но она совершенно однородна — это черепки посуды с гладкой белой и зеленой поливой, с рисунком черной, желтой и зеленой красками с плохо сохранившейся или совсем отлетевшей поливой с характерными параллельными черными штрихами, отходящими вниз от венчика по внешнему краю чаш. Преобладает, однако, неполивная керамика—сероглиняная, хорошей выделки, тонкой отмучки и ровного обжига. Материал из этих печей отражает, на наш взгляд, тот период, когда поливная керамика только начинала становиться одной из статей гончарного производства Мерва. Однако производилась она еще в небольшом количестве, отсюда и малый процент ее по сравнению с керамикой неполивной, отсюда и небольшие размеры печей с открытым пламенем, уже специально предназначавшихся для обжига глазурованной керамики.

Аналогичный набор керамики был обнаружен с остатками упомянутой выше печи, вскрытой в нижних слоях шурфа и лежащей непосредственно на материковом слое, причем его сопровождали две монеты, чеканенные в 204 г. х. в Нишапуре (819/820 г. н. э.). Датировка описанных печей по керамике, монетам, наличию перекрывающего их слоя X—XI вв. устанавливается в пределах IX в.

Таким образом, в IX в. складывается три типа печей, которые будут характерны для периода развитого средневековья, хотя преимущество (как об этом сказано ниже) иногда будет отдано одному из этих типов: это круглые печи без перекрытия топки, круглые двухъярусные с отверстиями-продухами в поду и двухъярусные прямоугольные. Печи эти во многом новые по конструкции, но истоки их можно четко проследить в устройстве печей предшествующего периода.

Интересна для нас конструкция одной из печей VII—VIII вв., расположенной в квартале раннесредневековых керамистов в южной части городища Гяур-кала, раскопанной и описанной Е. З. Зауровой[5]. Печь эта является непосредственной предшественницей двухъярусных печей IX в., изучавшихся нами. Обжигательная камера ее почти квадратная в плане, с закругленными углами, в верхней части стены камеры переходят в почти правильный круг. Пол пода состоит из трех параллельных рядов кирпичей, между которыми сделаны щели в 13 *см*, разделенные мелкими кусочками кирпича в 5—7 *см* на отдельные отверстия шириной в 12—13 *см*, в некоторых сохранилась глиняная обмазка отверстий, превращающая их в квадратные—9×9 *см*. Под покоится на трех арках топочной камеры. Размеры пода и топки почти одинаковы.

На предшествующей ступени развития конструкции круглых печей с открытым пламенем находятся печи VII—VIII вв., раскопанные на городище Гяур-кала. Они в общем однотипны по своему устройству: у них

длинный жаровой канал, проходящий внутри печи и выходящий за ее пределы. При этом за пределами обжигательной камеры он перекрыт сводом, внутри же нее перекрытия нет. Канал постепенно сужался к концу печи и по сторонам от него находился сплошной горизонтальный под, на котором и расставлялась посуда для обжига[6]. Е. З. Заурова считает, что топливо закладывалось в широкой части канала и горячие газы проходили через открытую часть его в обжигательную камеру.

Для печей VII—VIII вв. в Мерве известна и своеобразная конструкция, когда жаровой канал, перекрытый сводом, выступает наружу, а внутри печи горячие газы проходят через невысокий теплораспределитель в виде пода, выложенного из кирпичей с круглыми отверстиями посредине и опирающегося на ряды спаренных, поставленных на ребро кирпичей.

Таким образом, истоки элементов конструкции печей IX в. можно найти в мервских печах VII—VIII в., однако в IX в. складываются и надолго закрепляются новые типы печей, воспринявшие от предыдущего этапа развития гончарства некоторые идеи конструкции, но оформившие их по-новому.

Весьма интересно и важно, что среди небольшого количества вскрытых печей IX в. выделяется несколько различных типов—здесь есть печи прямоугольные и круглые, с открытым и закрытым пламенем, весьма разнообразные в деталях своего конструктивного устройства.

Впервые появляется тип печи без перекрытия топки, где топка размещена внутри самой печи, а не вынесена за ее пределы. Впервые оформляется по-настоящему тип двухъярусной печи с отверстиями-продухами, но в одной из печей продухи маленькие, круглые, расположены вперемежку с довольно большими прямоугольными — свидетельство того, что конструкция подобной печи только устанавливается и мастера экспериментируют с деталями ее устройства. Появляются впервые в двухъярусных печах небольшие перегородки, отсекающие часть топки, но и эта деталь еще не «устоялась» — в них то нет отверстий, то в большом количестве несимметрично расположены круглые, впоследствии, очевидно, признанные нерациональными и позднее не встречающиеся.

Сказанное позволяет считать, что IX в. в известном смысле является переломным в эволюционном развитии гончарного производства Мерва — это период функционирования печей самых разных типов, непрестанных поисков мастеров, неустоявшихся, весьма разнообразных в разных печах и у разных мастеров деталей конструктивного устройства. Это сочетание традиций предшествующего развития гончарства с отказом от них и созданием новых конструкций.

На уровне остатков печи IX в. в шурфе было найдено довольно много штырей и лишь одна треножка-сипая. Штыри тонкие, небольшого диаметра. Позднее такие тонкие штыри не употреблялись. Сохранившаяся длина их до 20 *см*. Черепок серого или кремового цвета. Встречаются миниатюрные штырьки (длиной 4—5 *см*, диаметром 0,5 *см*), служившие прокладками между предметами. По существу, ту же картину дал и отвал бракованной керамики около печей IX в.—тонкие длинные штыри и изредка сипая.

Во многом изменения конструкции печей диктовались потребностями нового вида производства — глазурованной керамики.

Размеры печей IX в., как правило, небольшие, и нам думается, что увеличение размеров и соответственно вместимости печей в X—XI вв.

связано с интенсивным развитием ремесла в этот период, повышением спроса на гончарную продукцию.

Гончарные печи Мерва X—начала XI в. известны уже достаточно хорошо. Упомянем некоторые новые раскопы.

Между раскопами 4 и 5 в северной части квартала был заложен в 1967 г. раскоп 30. Была вскрыта новая круглая обжигательная печь. Она дает в плане не совсем правильный круг. Диаметр ее 2,2—2,3 *м*. Печь эта также относится по типу к печам с открытым пламенем, сохранилась печь на незначительную высоту. Сложена она из сырцовых кирпичей 29—30×29—30×6—7 *см*. Топка отделена от остальной части печи прямой перегородкой. Последняя сложена из половинок кирпича и имеет в среднем толщину 15 *см*. От задней стенки печи перегородка отстоит на 90 *см*. Топочное устье шириной 50 *см* направлено в южную сторону. Та часть стен печи, где были расположены отверстия для штырей, не сохранилась, но зато в самой печи было найдено множество фрагментов штырей.

На дне самой печи и особенно вне ее около топочного устья было найдено довольно много фрагментов керамики—явно остатки обжигавшейся в печи продукции. Фрагменты эти шли до хорошо расчищавшегося уровня площадки, расположенной перед печью.

В печи обжигалась как поливная, так и неполивная керамика. Последняя тонкостенна, сделана из серой глины и отличается тонким, даже изящным черепком.

Для датировки печи имеют значение следующие обстоятельства: 1) печь перекрывалась сверху отвалом бракованной керамики из соседних печей, в том числе явно из расположенной вблизи печи раскопа 5, которая была хорошо, в том числе и нумизматическим материалом, датирована второй половиной X — началом XI в..; 2) отвал этот перекрыл печь уже после того, как она основательно разрушилась; 3) в керамике сохраняется много тонкостенных неполивных форм, характерных для IX в. и вместе с тем много уже полихромной глазурованной; 4) рядом с печью был заложен стратиграфический шурф. В нем на глубине 2,8 *м* были встречены незначительные остатки гончарной печи и на ее уровне отвал керамики, в основном сероглиняной, тонкостенной, неполивной, а также с немногочисленными фрагментами глазурованной с гладкой зеленой поливой, с бирюзовым орнаментом на белом фоне и с орнаментом черной, желтой и зеленой красками и облетевшей глазурью, которые могут быть датированы IX в. (в этом слое, кстати, было найдено уникальное донце большой чаши с изображением пирующего дехканина). Исходя из вышеизложенных фактов печь можно датировать первой половиной X в.

В 1966 г. вскрывалась круглая печь близ раскопа 4, где несколько лет назад были обнаружены две однотипные печи с керамикой X—начала XI в. Новая печь оказалась того же типа, что и упомянутые печи, но отличалась большей тщательностью выделки и некоторыми деталями. Печь относится к разряду печей с открытым пламенем, диаметр ее 3,15 *м* (рис. 4). Обширная топка трапециевидной формы была отделена тонкими (15—25 *см*) перегородками. При этом западная перегородка является как бы сквозной и идет с юга на север, упираясь в стены полки, а восточная упирается в поперечную перегородку. Топка имеет длину 1,4 *м*, сужается от 1,75 *м* в южной части и до 1,3 *м* — в северной. Вокруг топки идет невысокая полка в один кирпич. Печь сложена из сырцовых кирпичей 30×30×5 *см* и 31×31×5 *см*. Такими же кирпичами

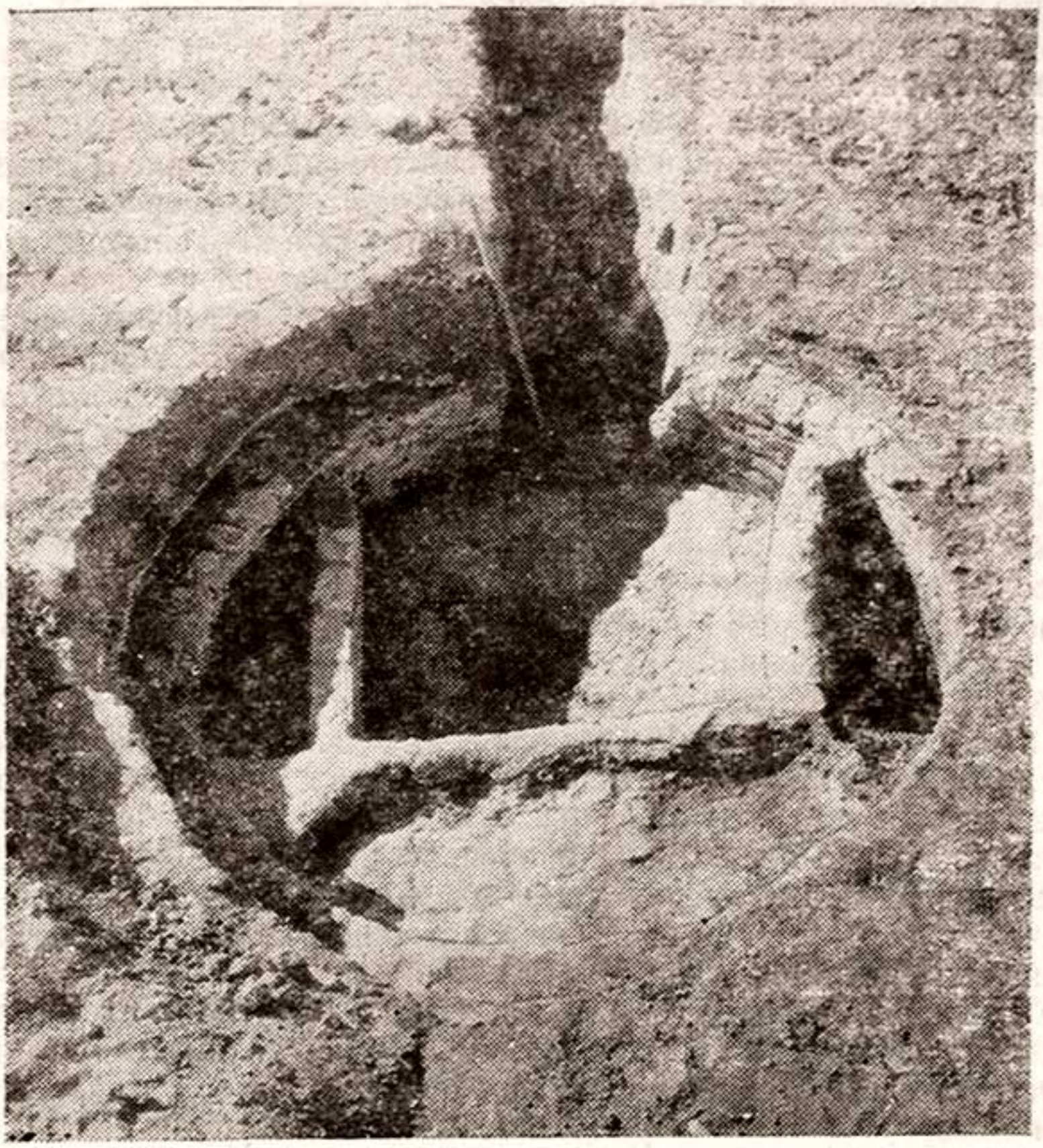

Рис. 4. Круглая печь X — начала XI в.

очень аккуратно вымощено дно топки. Ширина устья топки 60 *см*, длина устья — 65 *см*. Проследить стенку печи с наружной стороны не удалось, но судя по окончанию устья топки и разрушенным кирпичам, толщина ее могла быть 60 *см*.

В печи найдено много фрагментов разных размеров штырей, сипая, а также многочисленные фрагменты керамики X—начала XI в. Керамика однотипна с аналогичной из печей упомянутого раскопа 4, находящегося неподалеку.

Встречается мраморовидная полива с подглазурным процарапанным орнаментом, посуда с черным орнаментом на белом фоне, с различными рисунками по красно-коричневому фону и высокого качества поливой. Некоторые мотивы и цветовые сочетания при этом были свойственны лишь индивидуальному почерку данного мастера.

В 1967 г. была вскрыта новая печь XI в. (рис. 5). Остатки печи были обнаружены к востоку от раскопа 2, всего в 5 *м* от него. Печь круглая, имеет диаметр 2,85 *м*, как выяснилось, двухъярусного устройства с полностью перекрывающим топочную часть подом с концентрически идущими по нему отверстиями-продухами. Сразу бросилось в глаза, что по уровню она совпадает со вскрытыми на раскопе 2 остатками печи XI в.,

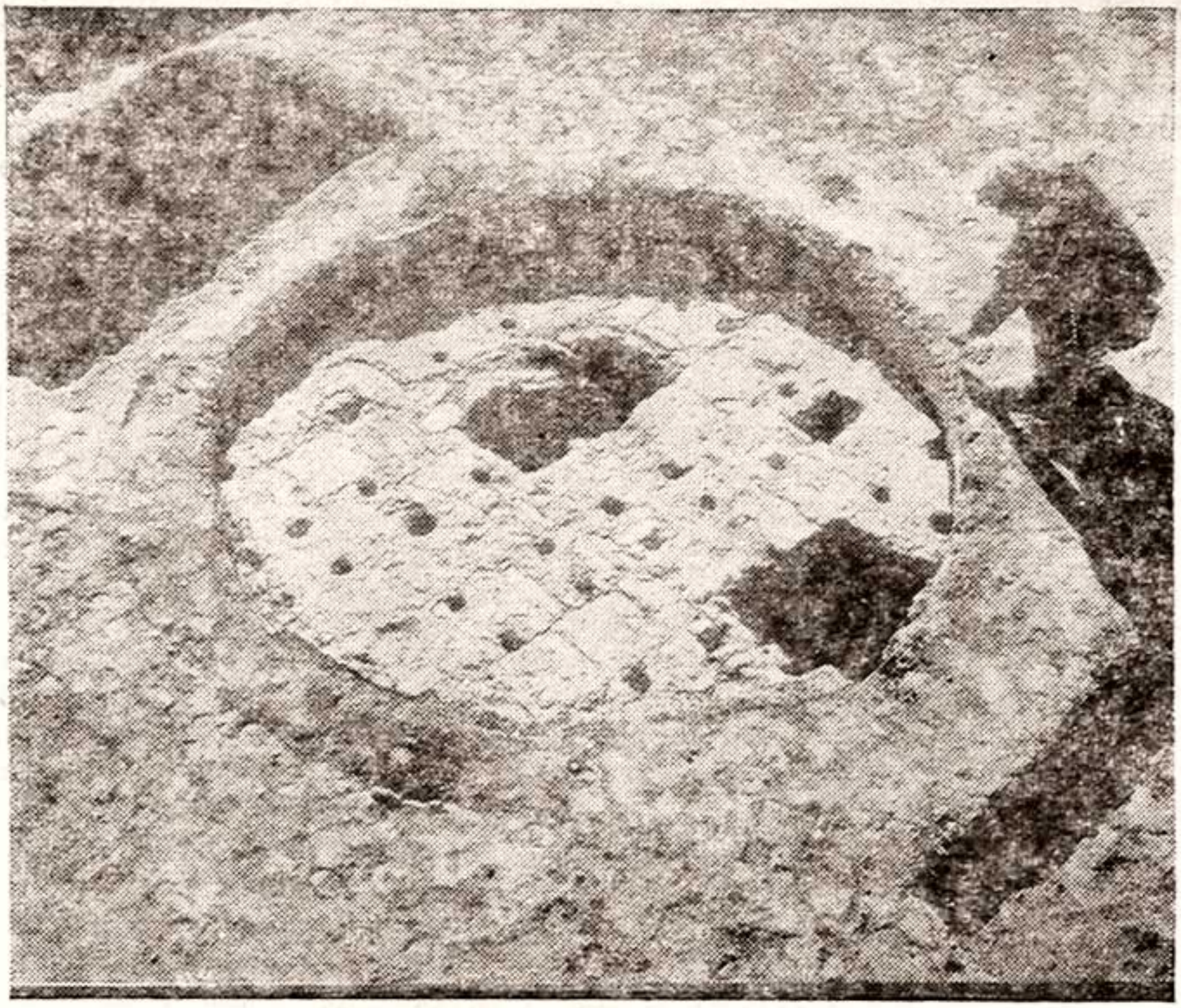

Рис. 5. Круглая двухъярусная печь XI в.

имевшей однако иное устройство. В поду прослеживается около 50 отверстий-продухов диаметром от 6 до 10 *см,* через которые в подовую часть из топки поступал горячий воздух. Печь сложена из сырцовых обожженных в процессе работы печи кирпичей размером 29—30×29×30×6—7 *см.* Вход в под расположен с северо-западной стороны и имеет ширину 70 *см.* Как выяснилось, диаметр пода печи соответствует лишь последнему периоду ее функционирования, так как прослеживаются плохо сохранившиеся обожженные остатки стен пода первого периода, когда диаметр печи, очевидно, мог достигать 3,5 *м.* Позднее, надо думать, стена печи разрушилась, и размеры пода были сокращены. Уже расчистка пода позволяла отчасти предполагать устройство топочной камеры — в поду прослеживались полосы из положенных в один ряд плашмя кирпичей, отверстия же располагались между этими полосами, и пространство между продухами закладывалось кирпичами на ребро. Полосы кирпичей могли соответствовать расположенным под ними аркам перекрытия топки, однако вызывала недоумение возможность перекрытия арками столь большого пространства (особенно в центральной части печи). Лишь вскрытие топки позволило узнать как остроумна конструкция, примененная мастером. Топка оказалась прямоугольной в плане с округленными углами. Размеры ее 2,8×1,5 *м.* Топку перекрывали три арки отлогострельчатого начертания, на которых покоился под. В пространстве же

между арками стены топки сначала поднимались вертикально вверх на 50—60 *см,* а затем, под большим углом расширяясь, уходили вверх к стенкам пода, что обеспечивало доступ горячего воздуха к продухам, расположенным у самой стенки пода. Таким образом, при сравнительно небольших размерах топки мастер сумел сделать большого диаметра под и размещать в нем весьма значительное количество керамики для обжига. Кроме того, печь такой конструкции поглощала меньше топлива.

Высота топки 1,5—1,8 *м.* На расстоянии 75 *см* от задней стенки в ней под третьей аркой расположена перегородка шириной 18—20 *см* и высотой около 30 *см*, причем от нее уровень пола наклонно понижался к входу. Ширина входа в топку 40 *см.* Первоначальная высота устья 1,4 *м,* но позднее оно было уменьшено — внизу с внешней стороны печи были заложены кирпичи сырцовые, выше — два ряда обожженных сырцовых кирпичей, а поверх них был положен крупноформатный жженый кирпич 40×42×5 *см,* вход в топку был оформлен наклонно поставленными жженными кирпичами. Вход в топку оказался настолько мал, что человек, очевидно, мог протиснуться туда с трудом, однако сокращение топочного устья было связано с уменьшением затраты труда на его закладку во время функционирования печи. Устье сбито к северу по отношению к центральной оси топки. Стены топки сильно обожжены, однако не оплыли, что свидетельствует о недостаточно длительном и интенсивном использовании печи.

В поду печи найдено было лишь несколько фрагментов керамики, в том числе мраморовидной с подглазурным процарапанным орнаментом и с темно-зеленой поливой с черными полосами на красно-коричневом фоне. Несколько большее число фрагментов было найдено при расчистке топки. Преобладали фрагменты толстостенной неполивной керамики, особенно за перегородкой топки, где она явно и обжигалась, но есть и черепки поливной. В том числе найдены фрагменты чаши с белой поливой и крупной надписью почерком «цветущий куфи», чашечка белой поливы с черной стилизованной надписью поперек нее, а также несколько фрагментов с мраморовидной поливой и подглазурным процарапанным орнаментом.

В глазурованной керамике обнаруживается большое сходство с комплексами керамики X — начала XI в., вместе с тем полное отсутствие черепков с орнаментацией, сочетающей черного, зеленого и желтого цвета рисунок на белом фоне — группу, которая исчезает, по нашим наблюдениям, именно в XI в., позволяет датировать найденную керамику, а тем самым и печь XI в., где пока невозможно выделить группы, относящиеся к первой или второй его половине.

В квартале раскопаны всего две печи, относящиеся к этому времени, но даже эти две печи дают представление о разнообразии конструкций, применявшихся в это время разными мастерами. В одном случае это круглая печь с открытым пламенем, полкой, идущей вокруг топки, отделенной перегородками, в другом — топка отделена от обжигательной камеры подом с отверстиями-продухами в нем, а конструкция печи в целом решена очень оригинально. Различия в устройстве печей тем интереснее, что хозяйства двух мастеров-гончаров были расположены совсем рядом.

В центральной части квартала в 1967 г. изучались остатки двух гончарных обжигательных печей второй половины XII — начала XIII в. (рис. 6). Одна из них, прямоугольная в плане, была построена несколь-

ко раньше. Это двухъярусная печь, имеющая размер пода в 2,5×1,4 *м*, стенки ее сохранились на высоту 40—45 *см*. В поду расположено шестью рядами 30 круглых отверстий-продухов. Так как конструкция подобных печей хорошо известна, вскрытие топочной камеры не производилось. Вход в под был расположен с западной стороны. Очевидно, после того как западная часть печи разрушилась (эта стена не сохранилась), рядом с печью была построена новая, нарушившая доступ к поду прямо-

Рис. 6. На переднем плане круглая и прямоугольная печи второй половины XII—начала XIII в., на заднем — круглая печь XIII—XIV вв.

угольной печи. Эта круглая печь была весьма внушительной по размерам и соответственно по объему обжигавшейся в ней продукции. Подобных размеров печь была вскрыта в квартале керамистов впервые. Неплохой оказалась и ее сохранность. Обрушился лишь купол печи и довольно сильно разрушилась восточная часть ее стены (рис. 7). Печь имеет диаметр 3 *м* при сохранившейся глубине печи почти в 3,5 *м*. Сложена печь из кирпича-сырца 31×31×5—6 *см*. У нее большая (1,5×1,35) прямоугольной формы топка, вокруг которой идет широкая полка. Топочное устье находится с южной стороны. Полка получается как бы двухъярусной, так как с западной и восточной стороны ее размещены два уступа шириной 35—40 *см*, расположенные на 35 *см* ниже основной поверхности

полки. В северной стене топки сделана большая треугольной формы ниша (ширина — 65 *см*, высота—50, глубина—50 *см*), в конце которой отверстие-продух пропускало горячий воздух к стенкам печи. Конструкция эта, как выяснилось за последние годы, довольно широко употреблялась в Мерве в XII—XIV вв.

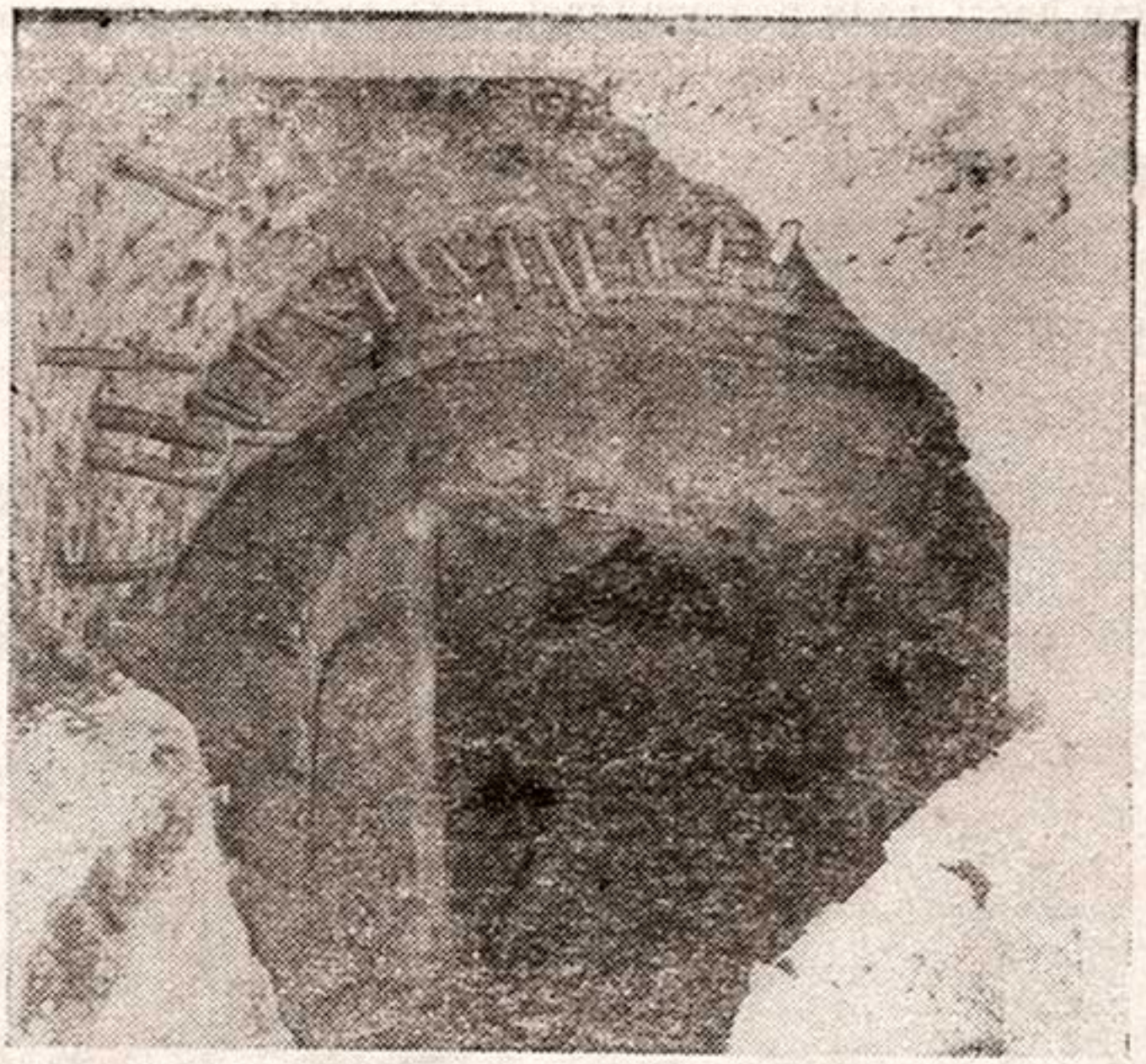

Рис. 7. Круглая печь второй половины XII—начала XIII в. с нишей в стене топки.

В стенах печи, сохранившихся на высоту в 1,7 *м*, прослеживается 5 рядов отверстий для штырей (возможно, их было больше). Первый из них располагается в шестом ряду кирпичной кладки. Между первым и вторым рядом отверстий для штырей и вторым и третьим соответственно, три и четыре ряда кирпичной кладки. Отверстия расположены в каждом ряду очень густо, близко друг к другу. Надо думать, это связано с удобством варьирования размещения штырей для каждого обжига. Диаметр отверстий 5—6 *см*, расстояние между ними 7—10 *см*, глубина отверстий 10—16 см. В некоторых из них сохранились обломанные штыри.

Подсчитано, что в одном ряду могло быть около 80 отверстий, то есть всего в печи было около 400 отверстий для штырей.

В печи явно был только что завершен очередной обжиг керамики, когда какое-то событие нарушило планы мастеров и помешало им разгрузить печь и выбрать готовую керамику. Устье печи оказалось герметически заложенным. В печи при вскрытии было найдено огромное количество предметов печного припаса (рис. 8). Стоит привести некоторые цифры. Так, в печи находилось 1200 треножек-сипая, около 300 фрагментов и целых штырей (длина их от 44 до 68 *см*), множество языковидных и лепешкообразных подставок. Тут же на полках и в топке найдена масса фрагментов керамики и целых сосудов, хотя какая-то часть по-

следних, очевидно, позднее все же была выбрана из печи. Найдено сравнительно небольшое количество чаш; судя же по количеству найденных треножек, именно они в большом количестве обжигались в печи.

Рис. 8. Печной припас и фрагменты керамики из печи второй половины XII—начала XIII в. в полевом музее.

Причиной могла быть и катастрофа политического или военного характера, но, на наш взгляд, в данном случае мог внезапно обвалиться купол. Это было вполне вероятным, если учесть, что восточная стена печи, судя по всему, дала просадку и частично начала обваливаться еще в ходе эксплуатации печи. Виной обвала могли быть и крупные размеры печи — большой диаметр и особенно необычная высота, кроме того, печь не была идеально круглой.

Керамика представлена в основном пиалами, довольно глубокими чашами, тарелками с отогнутым наружу вертикальным бортиком, чирагами, кувшинами. Здесь много посуды с зеленой поливой, иногда с подглазурным процарапанным орнаментом на грязно-белом фоне.

Весь этот комплекс хорошо знаком нам по раскопкам в квартале[7] и с уверенностью может быть датирован второй половиной XII — началом XIII в., датируя тем самым и печь, в которой эта керамика обжигалась.

В устье топки и около нее найдено было довольно много смятых необожженных фрагментов керамики, очевидно, мастер, пока шел обжиг в печи, подготавливал уже очередную партию посуды.

В центральной же части квартала восточнее описанных печей на небольшом расстоянии от них находится еще участок печей второй половины XII — начала XIII в., вскрывавшихся в 1966—1968 гг.

Расчищена была подовая часть хорошо сохранившейся прямоугольной печи размером 2×1,3 *м*, вход в нее находился с западной стороны. Стены пода сохранились на высоту в 1,1 *м*. В поду довольно ровными рядами располагалось 32 отверстия. В 4 *м* западнее вскрыты остатки круглой двухъярусной обжигательной печи диаметром 2,1 *м*. Печь имеет несколько неправильные очертания. Вход в под находился с южной стороны и имел ширину 90 *см*. В поду оказалось около 30 отверстий-продухов. Кладка стен печи не отличалась особой тщательностью, и часть стены печи просела. Стены и под печи сложены в основном из фрагментов кирпичей (рис. 9).

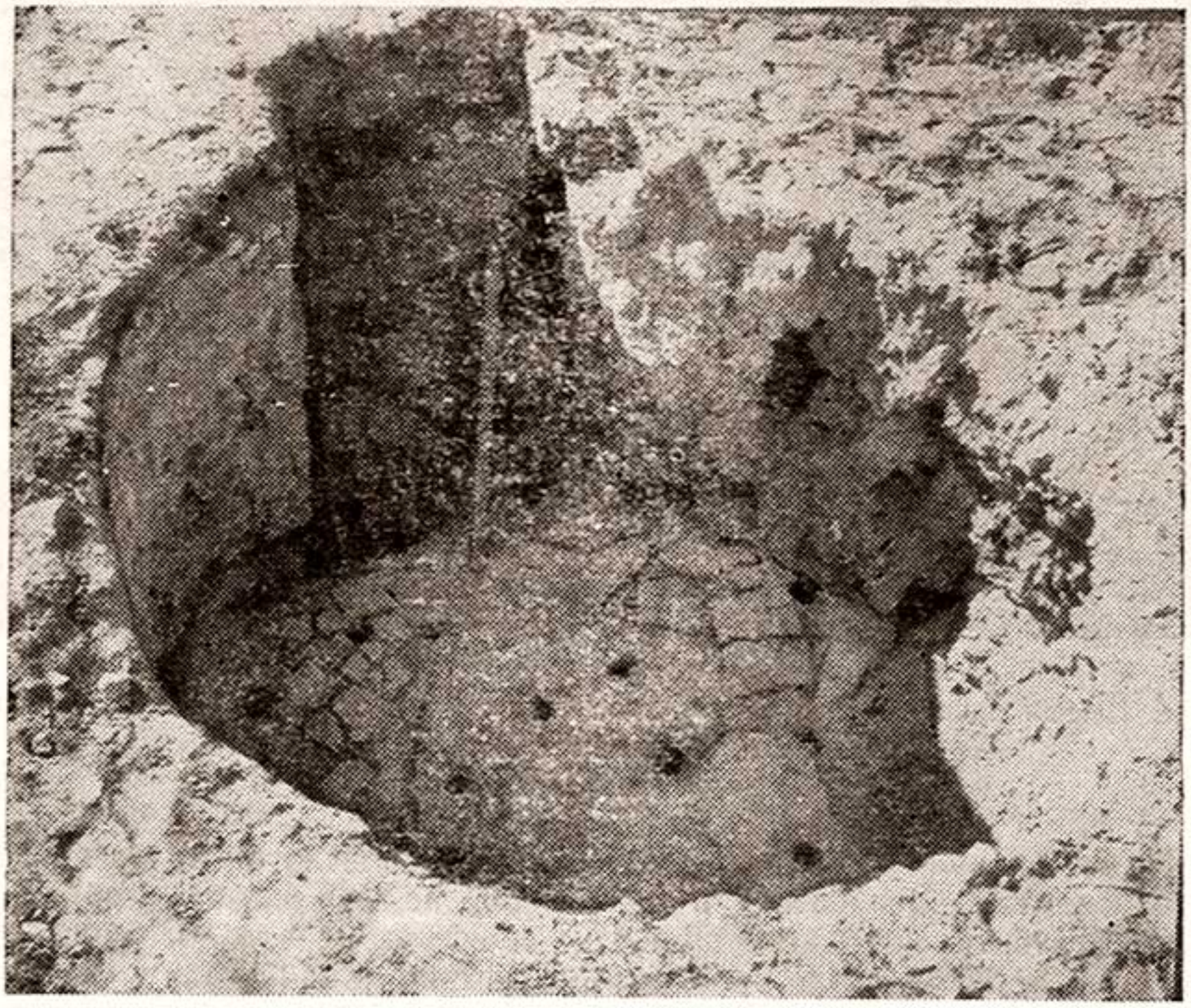

Рис. 9. Круглая двухъярусная печь второй половины XII—начала XIII в.

Была частично расчищена топка этой двухъярусной круглой печи. Устройство ее очень интересно: в ней идут две основные арки параллельно друг к другу по сторонам от устья, расположенного на севере, начинаются они от дна топки. К основным аркам примыкают почти под прямым углом округло изгибающиеся маленькие вспомогательные арочки, примыкающие к основным с запада и востока и начинающиеся от стенок топки выше дна. В своде топки все они сходятся, образуя почти плоское перекрытие.

Изучая квартал керамистов Мерва, мы длительное время считали, что он закончил свое функционирование после опустошительного монгольского погрома, следы которого хорошо прослеживались при раскоп-

ках в квартале. Однако в 1966 г. удалось обнаружить отвал бракованной керамики XIII—XIV вв. и провести на нем вскрытия, а в 1967 г. неподалеку от него был найден участок с тремя гончарными обжигательными печами, одна из которых могла быть датирована XIII в. (серединой или второй половиной его). Таким образом, к установленному уже факту восстановления после монгольского погрома гончарного производства на территории самого города[8] прибавились данные о возрождении гончарства в квартале средневековых керамистов.

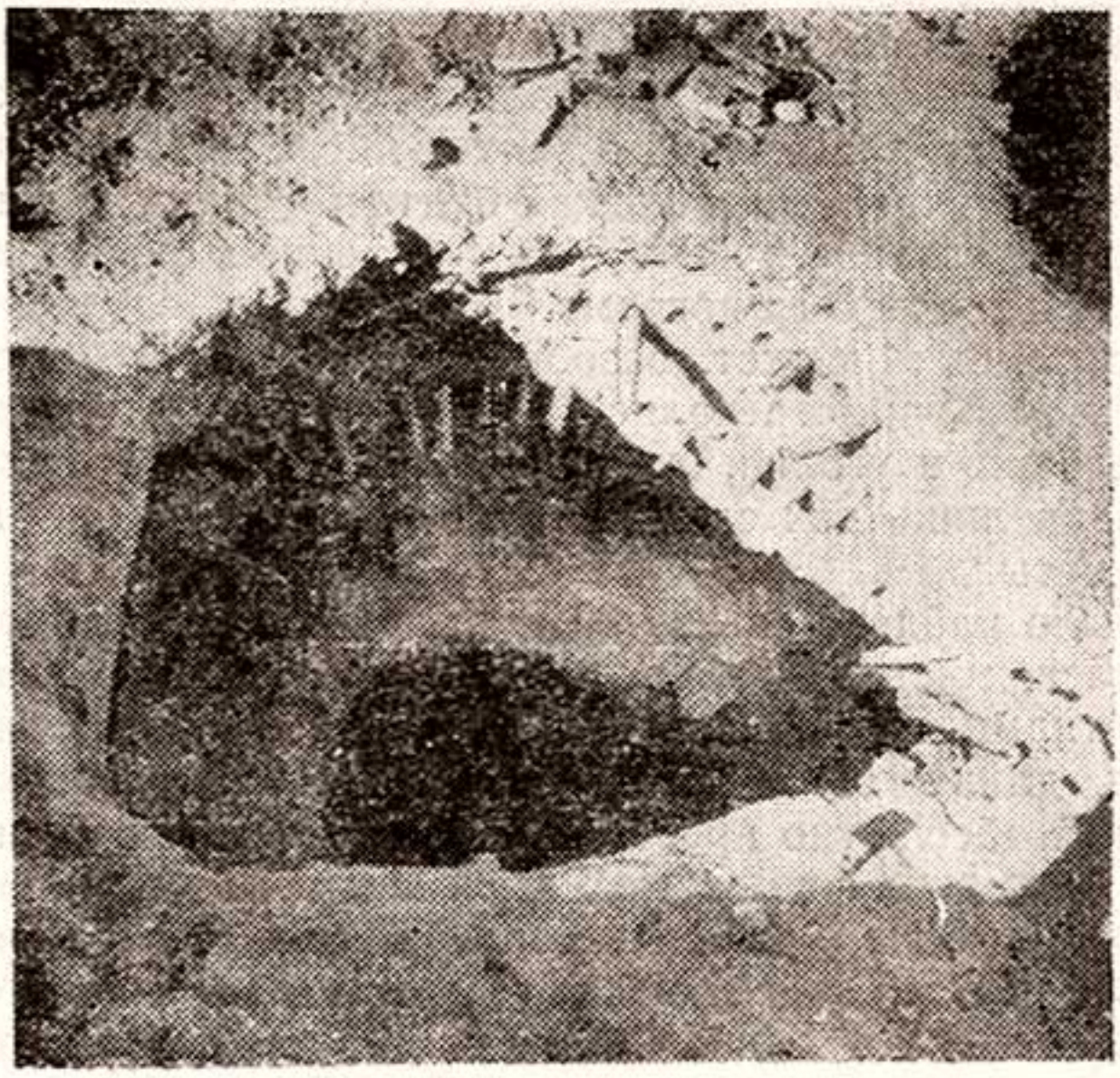

Рис. 10. Круглая печь XIII—XIV вв.

Круглая в плане печь не имеет перекрытия топки и тем самым конструкция ее перекликается с уже известными образцами. Однако она обладает и оригинальными деталями конструктивного устройства. Печь сложена из кирпича 28×28×4—4,5 *см*. Диаметр печи 2 *м*, общая сохранившаяся высота от дна топки — 2,7 *м*. Устье печи расположено с юга и вливается в несколько неправильной подпрямоугольной формы топку, закругленную в конце (рис. 10). Ширина устья 1 *м*, длина немногим более 1 *м*. Размеры топки 1,5×1,25 *м*. Вокруг топки идет широкая полка высотой 1,2 *м* (от дна топки). Выше последней в стенках печи прослеживается три ряда отверстий для штырей. Устройство топки печи и принципы ее обогрева своеобразны. В северной стенке топки на высоте 30 *см* размещена ниша с округлым сводом высотой 50 *см*. От последней продух ведет к квадратному отверстию у стенки печи на полке, которое было закрыто жженым кирпичом 22×22×3,5 *см*. С западной стороны в стенке топки на той же высоте располагаются два меньшего размера подпрямоугольной формы проема, от которых поднимаются продухи уже к круглым отверстиям на полке печи также непосредственно у стены последней. Одно такое углубление-проем размещено в восточной стенке топки. Ни-

ши с каналами, ведущими к краям полки, были предназначены для усиления тока горячего воздуха к стенам печи, где на штырях поярусно размещалась предназначенная для обжига керамика. С другой стороны, это, возможно, обеспечивало дополнительную тягу в печи. Отверстия для штырей идут через два ряда кирпичей на третьем на расстоянии 12—13 *см* между рядами. Диаметр отверстий 4—5 *см,* расстояние между отверстиями 6—8 *см.*

Печь расположена рядом с описанными выше круглой и прямоугольной печами второй половины XII—начала XIII в., устье ее так же, как и у соседней круглой печи, направлено в южную сторону, стенки соприкасаются, однако она дает материал более поздний по отношению к упомянутым печам, кроме того, бракованная керамика из нее выбрасывалась в эти печи, уже пришедшие в запустение. Однако, будучи расположенной на том же участке и даже как будто подчинившаяся размещению соседней печи, не связана ли она с возрождением одного и того же хозяйства после монгольского погрома? Быть может, остался в живых хозяин мастерской, быть может, возобновили работу его наследники.

В топке этой печи встречались в основном лишь предметы печного припаса — лепешки и уголки, очевидно, керамику после обжига из печи вынули, оставив лишь для следующего обжига необходимые вспомогательные предметы.

В печи было найдено свыше 80 уголков—разновидностей предметов печного припаса, много фрагментов сипая и штырей, глиняные плоские лепешки с пятнами и потеками голубой поливы. Целый штырь немного кривой имел длину 50 и диаметр 5,5 *см.* Керамики сохранилось немного, но в ней абсолютно преобладала ярко-голубая полива и кольцевые поддоны и на двух фрагментах имел место черный орнамент на синем фоне. Подобные же фрагменты сосудов и уголки были найдены в соседней печи лежащими поверх завала ее купола. О том, что именно эта керамика обжигалась в данной печи, свидетельствуют затеки голубой поливы на стенках печи, полке, штырях, уголках.

Полученная керамика перекликается, с одной стороны, с такой же из расположенного рядом отвала бракованной керамики, с другой,— с керамикой из расположенной рядом печи второй половины XII — начала XIII в. и может быть датирована периодом начала возрождения жизни в городе после монгольского нашествия, скорее всего второй половиной XIII в.

Опишем предметы печного припаса, выбранные из расположенного поблизости от печи отвала бракованной керамики XIII—XIV вв. (рис. 11). Плоские подставки вылеплены от руки (зачастую видны следы обработки пальцами), иногда не очень аккуратно и имеют различную форму: секторов, сегментов, прямоугольников, языковидные и, очевидно, многоугольные. Черепок в изломе кремового или желтоватого цвета, толщина подставок от 0,8 до 1,5 *см.* На большинстве фрагментов имеются капли и растеки голубой глазури, на одной лепешке с большими пятнами голубой глазури отпечатался тонкий круг большого диаметра, очевидно, венчик чаши. Весьма часты небольшого диаметра уплощенные подставки округлой формы, зачастую с весьма неровными краями, но с отпечатанными в них кольцевидными донцами сосудов. Видимо, сосуд вминался в чуть обработанный кусок сырой глины перед самым обжигом, скорее всего эти подставки предназначались для установки в них нижней чаши из стопок посуды, устанавливавшихся для обжига в печь. Большим количеством экземпляров представлены и уголки закруглен-

ной формы, сужающиеся к концам и утончающиеся к внутреннему краю и предназначавшиеся для закрепления посуды в печи. Любопытны также кольцевидные и в виде половины кольца подставки, на некоторых из них также отпечатались донца сосудов и видны капли голубой поливы. Однако некоторые кольца несколько неправильной формы таких отпечатков не имеют. Крючковидные зацепки, очевидно, для ручек сосудов сделаны из хорошо раскатанного жгута глины, оба конца которого несколько загнуты внутрь. Весьма разнообразны по размерам найденные здесь треножки-сипая; расстояние между концами ножек у них варьирует от 4 до 13 *см,* ширина ножек от 1,5 до 4,5 *см.* Столь значительные варианты размеров сипая были связаны с значительными колебаниями диаметров венчиков, обжигавшихся в печах чаш. Выделка сипая бывала и довольно тщательной и грубоватой, черепок их в изломе кремового или желтовато-коричневого цвета: на их поверности и на ножках (особенно на последних) часто видны следы голубой, редко — зеленой глазури.

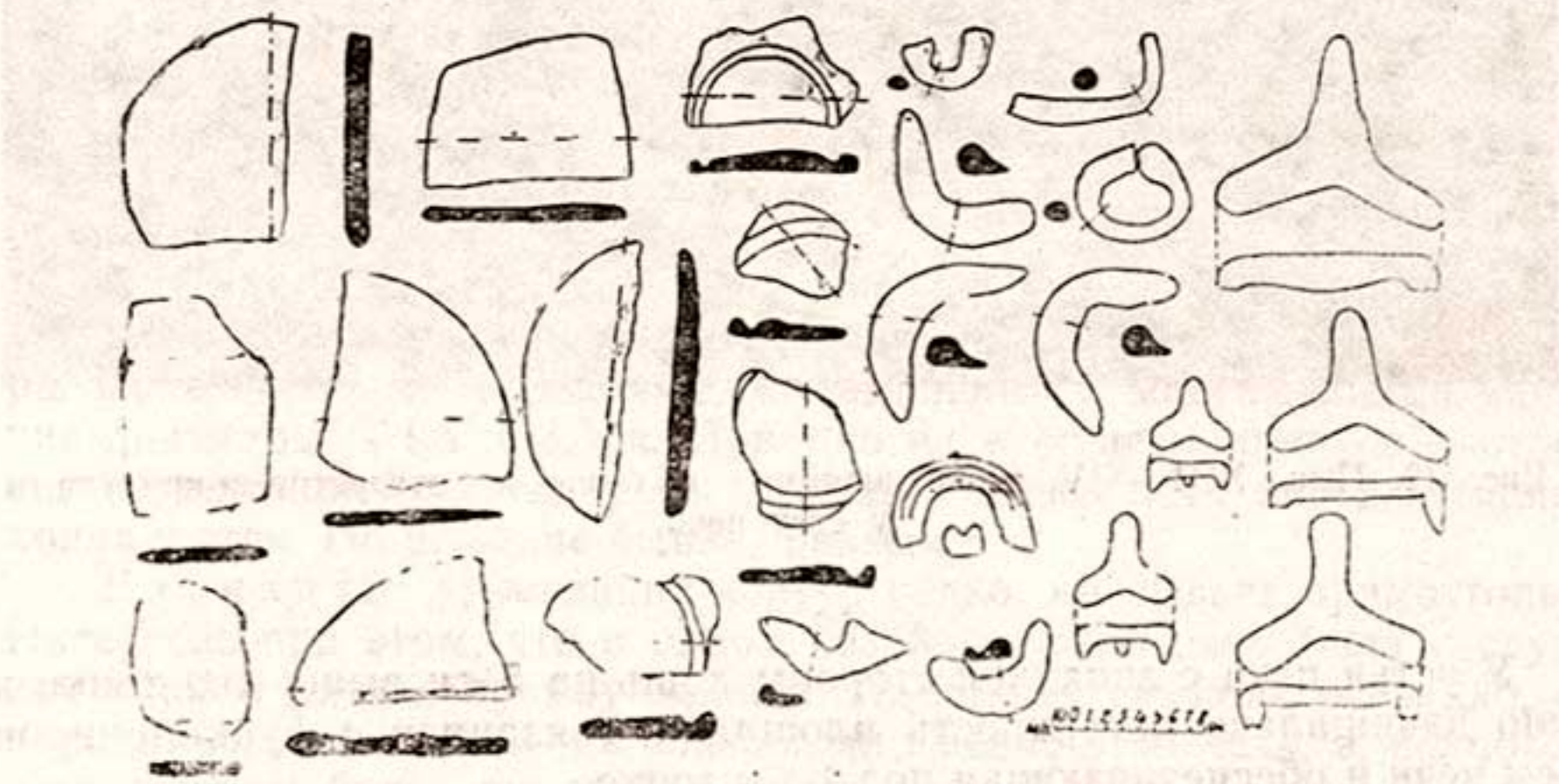

Рис. 11. Предметы печного припаса XIII—XIV вв.

Печь XIII — XIV вв. вскрывалась и в северо-восточной четверти городища (рис. 12). Она была построена на руинах дома XII — начала XIII в. (найдены остатки его стен, алебастровые панджара с обломками оконных стекол, керамика). Печь оказалась круглой (диаметр ее 2,2 *м*). Вокруг грушевидной формы топки идет полка шириной 65—75 *см.* Печь сложена из кирпича 25×25×4,5—5 *см* и 26×26×5 *см.* Стены печи выложены в один кирпич. Общая высота печи 1,3 *м,* высота топки от пола до уровня полки 95 *см.* Ширина топки в средней части 75 *см,* ширина устья 40 *см.* Любопытная деталь: устье оказалось заложенным кирпичами, обожженными изнутри, но в закладке сделано своеобразное поддувало, вертикально расположенное прямоугольное отверстие шириной 20 *см.*

В стенах топки под полкой оказались размещенными три сводчатые ниши. Одна из них расположена напротив устья и две—на боковых стенках топки. Средние размеры ниш следующие: высота — 45 *см,* ширина—

50, длина 58—60 *см*. В конце свода ниши начинается наклонный канал, выходящий на полку у стен печи, где он кончается овальным отверстием длиной 25 и шириной 10 *см*.

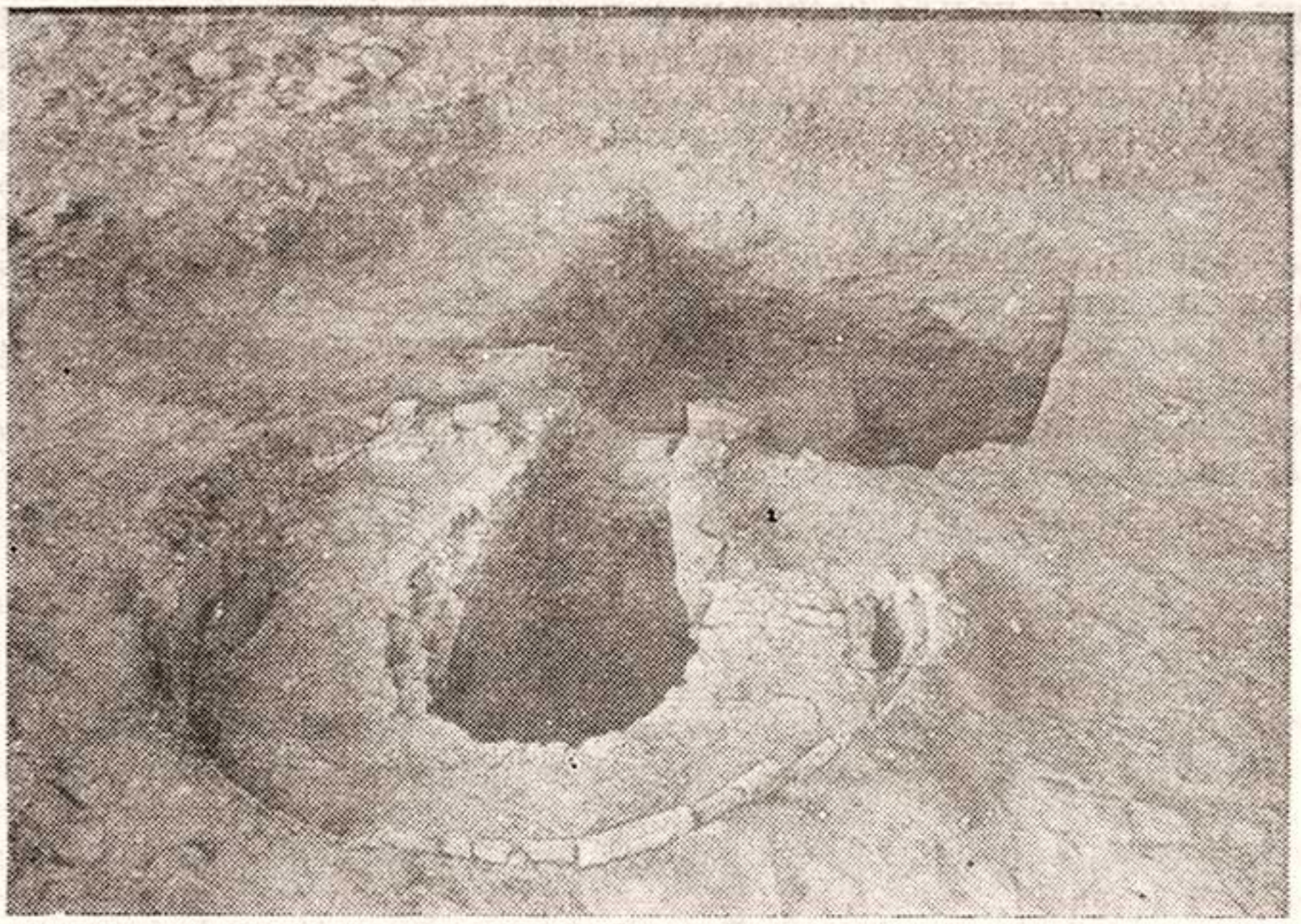

Рис. 12. Печь XIII—XIV вв. с нишами в топке и отверстиями-продухами у стен печи.

У устья печи с западной стороны лишь на 5 *см* выше дна топки хорошо зачищалась поверхность площадки, связанная с функционированием печи и обеспечивающая подход к топке.

Из предметов печного припаса в печи были найдены сипая довольно крупных размеров, обычно с каплями голубой поливы, фрагменты штырей, крючки, плоские лепешки-подставки, а также совершенно новые для Мерва предметы печного припаса в виде высоких конусов. Один из них имеет диаметр в нижней части 5 *см* и высоту 4,5 *см*, другой — диаметр — 7 *см* при высоте 5,7 *см*. Конусы и сипая были встречены в отвале ремесленника-гончара XIII в., который был прорезан шурфом на позднем городище Анау[9]. Подобные конусы меньшего размера употребляются в современном кустарном керамическом производстве.

В печи и около нее найдены фрагменты керамики с голубой поливой и желтоватым в изломе черепком, два фрагмента с марганцово-фиолетовым орнаментом на синем фоне. Любопытны два неполивных фрагмента (на одном из них натеки голубой поливы) также с желтого цвета черепком от чаш с загнутым внутрь венчиком. Эта форма не встречается в керамике Мерва X—XII вв., но является любопытной репликой на мервскую посуду VII—VIII вв.

В печи найден один фрагмент штампованного сосуда, где, очевидно, глазки были подготовлены для покрытия глазурью, так как на поверх-

ности недалеко от печи был найден черепок с аналогичным орнаментом и глазками с голубой глазурью. Таким образом, восприняв от предшествующего развития гончарства искусство изготовления штампованной керамики, мастера пытаются ввести в нее нововведение в виде сочетания с излюбленной в это время голубой глазурью. Наличие многих традиционных черт в керамике XIII—XIV вв. уже было отмечено.

В IX в. складываются основные черты будущих гончарных печей Мерва, некоторые типы начнут свое развитие с этого времени, иные будут появляться лишь изредка и по праву займут свое место гораздо позднее. Перечислим основные типы печей, строившихся в Мерве в разные периоды (рис. 13).

IX в.: 1. Печи прямоугольные двухъярусные с круглыми отверстиями-продухами, размещенными в поду. Под опирается на арки, перекрывающие топку. Ближе к задней стене топки размещена перегородка. Отверстия-продухи делаются разной формы, встречаются прямоугольные и круглые. В перегородке топки иногда множество отверстий.

2. Печи круглые двухъярусные. Под раскопанной печи опирался на две арки круглой топки. Продухи в поду круглой и овальной формы. В топке имеется перегородка.

3. Печи круглые без перекрытия топки. Вокруг последней шла полка.

Первая половина X в. (выделяется пока предположительно): очевидно, можно отнести по косвенным данным круглую печь с прямой перегородкой, отсекающей топку и незначительные остатки топки прямоугольной печи.

X — начало XI в.:

Печи круглые без перекрытия топки, с открытым пламенем. Размеры их значительно варьируют, минимальный и максимальный внутренние диаметры — 1,8 и 3,3 *м*. Принцип их в общем одинаков — отделенная перегородкой топка, ярусы штырей в стенах печи, иногда неширокая полка у стен. Но решение бывает разным.

Варианты: а) внешний контур редко, но бывает прямоугольным. Интересно при этом, что в одном хозяйстве одна печь была с круглым контуром и одна с прямоугольным. Последнее связано, очевидно, с необходимостью большей теплоизоляции именно этой печи, а, возможно, и достижением более высокой температуры. Кстати, именно в ней была обнаружена поливная керамика; б) форма топки зависит от окружающих ее перегородок. Иногда прямая перегородка отсекает сегмент печи, который и образует топку, иногда прямые перегородки с трех сторон образуют прямоугольную или трапециевидную топку. Наконец, перегородки бывают округло-изогнутыми.

XI в.: (известны всего две печи).

1. Одна из них, круглая одноярусная, имеет идущую от устья прямоугольную топку, окруженную тремя перегородками, идущими до стен печи.

2. Круглая двухъярусная, интересно сочетающая прямоугольную топку с круглым подом—единственное в своем роде решение.

XII в. (в основном первая половина):

Печи, связанные с обжигом неполивной штампованной керамики, все двухъярусные прямоугольные с подом на уровне пола помещений и топками, врытыми в землю. Продухи круглые. В топке имеется перегородка. Лишь в одном случае дополнительное топочное помещение небольших размеров вынесено за пределы печи. Размещенная в том же хозяйстве, что и печи для обжига штампованной керамики, печь для обжига глазу-

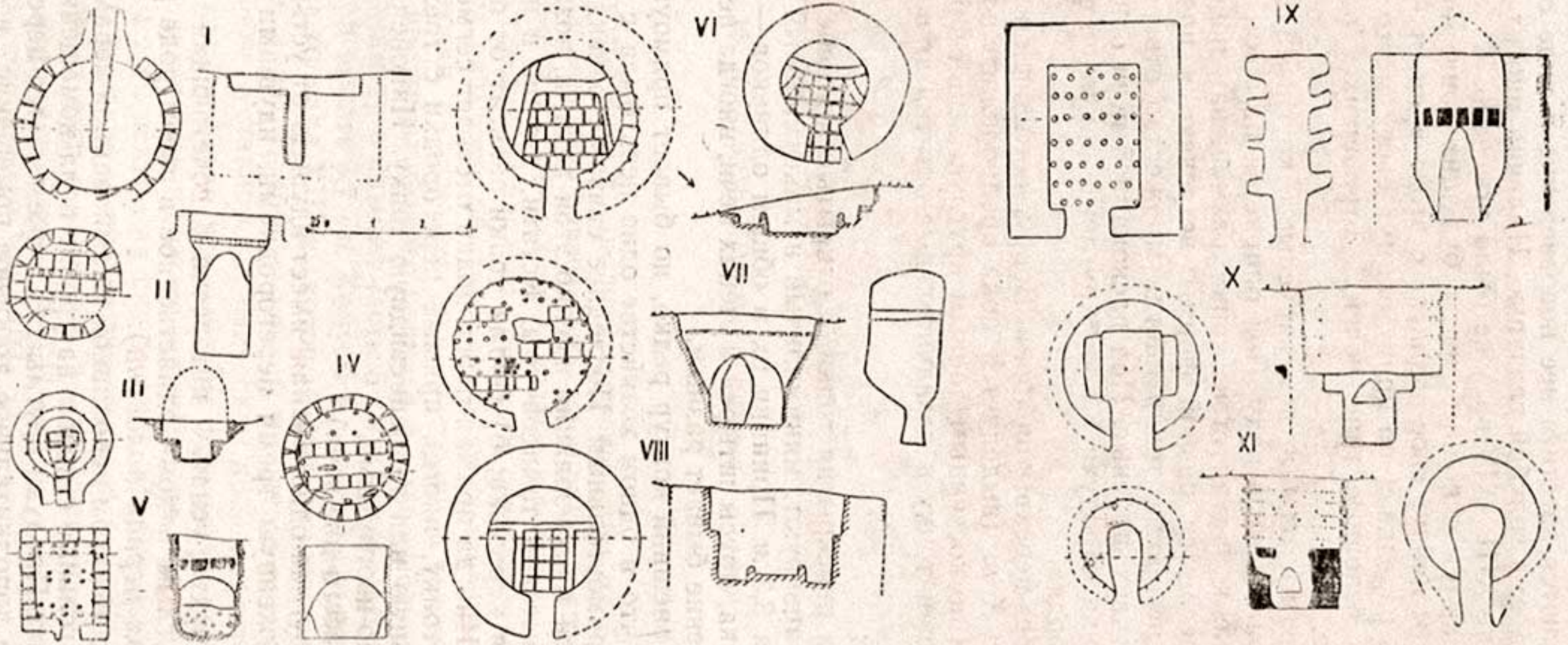

Рис. 13. Основные типы печей средневекового Мерва: I — печь VII—VIII вв. с жаропроводным каналом; II — двухъярусная печь VII—VIII вв.; III — круглая печь без перекрытия топки IX в.; IV—круглая двухъярусная печь IX в.; V — прямоугольная двухъярусная печь IX в.; VI — круглые печи без перекрытия топки X—начала XI в.; VII—двухъярусная круглая печь с прямоугольной топкой XI в.; VIII — круглая печь XI в.; IX—прямоугольная двухъярусная печь XII—начала XIII в.; X — круглая печь с полкой вокруг топки и нишей в ней XII — начала XIII в.; XI — круглые печи без перекрытия топки XIII—XIV вв.

рованной посуды была также двухъярусной прямоугольной, но миниатюрных размеров (1,8×0,8 *м*), не менее интересно, что вторая печь таких же размеров была предназначена здесь для обжига мелких предметов (свистульки, фигурки животных). Размеры пода остальных печей от 2,2×1,3 до 3,2×2,15 *м*. У печи с размерами пода 2,2×1,3 *м* сохранилась часть перекрытия пода, выложенного сводом «отрезками». Высота пода 1,5 *м*. Количество продухов в поду колеблется от 20 до 40.

Вторая половина XII — начало XIII в.:

1. Круглая печь с открытым пламенем, с широкой полкой, идущей вокруг топки.

Варианты: а) наличие в стенах топки ниш с жаропроводными каналами, оканчивающимися разной формы отверстиями у стен печи; б) размещение в полке уступов, делающих ее как бы двухъярусной.

2. Печи прямоугольные двухъярусные.

Варианты: а) отверстия-продухи расположены не вертикально, а несколько косо, особенно те, что у стен печи; б) варьируются размеры, расположение и форма входа в топку; в) перегородка в топке то делается сплошной, то имеет прямоугольные отверстия.

3. Печь круглая двухъярусная, известного по ранним периодам типа.

Вариант: своеобразное перекрытие круглой топки с двумя основными арками и малыми вспомогательными, сходящимися у свода топки.

XIII—XIV вв.:

Известны только печи круглые без перекрытия топки (две из них раскопаны на городище Султан-кала, одна — в квартале керамистов). Но и эти печи, относясь к одному типу, дают варианты деталей устройства. Все они имеют топку, вокруг которой расположена широкая полка.

Варианты: а) печь со сплошной стенкой топки; б) печи с разной формой, размером и числом проемов в стенах топки, с каналами, ведущими к продухам у стен (печь с тремя сводчатыми нишами и печь, где сочетается сводчатая ниша с узкими прямоугольными проемами); продухи при этом могут быть круглой, овальной и квадратной формы; в) наличие поддувала в закладке устья топки одной из печей.

Печи XIII—XIV вв. наследуют конструкцию печей XII — начала XIII в., но развивают дальше детали их устройства. Улучшению процесса обжига способствует, очевидно, и большое число разновидностей печного припаса.

Итак, в Мерве, на протяжении полутысячелетия (с IX по XIV в.) применяются три основных типа гончарных обжигательных печей: круглой печи без перекрытия топки, круглой двухъярусной печи с отверстиями-продухами и прямоугольной двухъярусной. Все эти типы дают различные варианты деталей конструкции.

Различия в конструкции печей отмечаются и другими авторами. Так, Э. В. Сайко пишет: «Печи IX—XII вв. строились на основе четко разработанных технических принципов. Но конструкции и формы их были разными как для разных областей, так и для одной области».

Последовательность при строительстве двухъярусных прямоугольных печей была следующей: сначала возводились стены топки, затем арки, перекрывающие топку, далее, заполнялись пазухи арки и достигалось на уровне пода горизонтальное ее покрытие и лишь затем в промежутках между арками начинали формовать отверстия-продухи. Сначала закладывали вертикально кирпичи или фрагменты кирпичей и затем обмазкой глины образовывали нужной формы продухи.

Подобный способ возведения арок хумданов, когда арка выложена из радиально расположенных кирпичей, а пазухи заполнены до пода горизонтальными рядами, применялся в Фергане в XIX — начале XX в. и такая кладка носила название «чалканча», хотя более прочной считалась кладка арки, если она вся была выложена радиальными рядами[10].

Вход в топку у двухъярусных печей делался разной величины. Иногда он с самого начала был минимального размера (например, 50×50 *см*) и тогда в топку можно было попасть лишь ползком. С таким отверстием топку было трудно вычищать и загружать топливом, зато требовалось приложить минимум усилий для ее закладки во время обжига. Чаще вход в топку узкий, но довольно высокий, иногда почти в рост человека. Но в таком случае мастера позднее часто сокращали его во всяком случае вполовину, что связано опять-таки с удобством закладки печи. В тех случаях, когда печи брошены во время своей работы, сохранилась закладка топочного устья, сделанная очень аккуратно из целых сырцовых кирпичей, иногда вперемежку с кирпичами жженными, реже выполнена из фрагментов сырцовых кирпичей. Вход в под, находившийся на стороне противоположной топочному устью, располагался обычно на уровне пола помещений мастерских и делался довольно широким, что создавало удобства при загрузке печи продукцией и во время обжига.

От размеров отверстий-продухов и их распределения зависело заполнение обжигательной камеры топочными газами, достижение определенной температуры, иначе говоря, вся процедура обжига. В IX в. мастера в поисках наиболее рациональных размеров и формы продухов варьировали в печах и то и другое, отсюда применение круглых, овальных, прямоугольных отверстий, весьма значительные колебания их размеров. К XI—XII вв. однако уже устанавливается почти стандартный размер круглого по форме отверстия: 10—12 *см*, признанного, очевидно, наиболее приемлемым. Для дополнительной же регулировки подачи горячих газов применяется временное прикрытие отдельных продухов кусками кирпичей, черепками, глиняными кольцами. Кстати, величине продухов уделяется большое внимание и при устройстве современных печей этого типа[11].

Крупными черепками прикрывались некоторые отверстия в гончарных печах Фанагории. По мнению В. Ф. Гайдукевича, это служило равномерному распределению жара и защите обжигаемых предметов от сильного удара пламени[12], по мнению Г. И. Ионе, уменьшению или увеличению огневых потоков[13].

В двухъярусных печах с прямоугольной топкой ближе к задней стенке топки небольшое ее пространство отсекалось перегородкой. В последней делались отверстия для пропуска горячих газов. Если в IX в. отверстия эти размещены хаотично и не имеют определенной формы, то в XII в.—это обычно высокие узкие щели, не допускавшие непосредственного воздействия пламени на пространство за перегородкой, но обеспечивавшие вместе с тем здесь высокую температуру для обжига крупных толстостенных изделий. Если поначалу мы высказывали мысль об обжиге изделий непосредственно в топке лишь предположительно, то за последние годы получены несомненные доказательства этого. В одной из печей за перегородкой стояли прошедшие процесс обжига одинаковые крупные кувшины, в другой находились смятые переобожженные толстостенные сосуды и пр. Видимо, тут

же происходил и обжиг фритты, но доказательства в пользу этого предположения отсутствуют. Перегородки, отсекавшие небольшое пространство в топке, имелись и в гончарных печах Мингечаура[14].

Тип прямоугольной печи, где под покоится на арках-устоях, имеет широкое распространение как в Средней Азии, так и за ее пределами. Топочная часть прямоугольной печи с четырьмя арками-устоями, датирующаяся, очевидно, IX—X вв., была раскопана близ замка Бад-Асия в окрестностях Пайкенда[15]. Прямоугольные двухъярусные печи XII — начала XIII в. известны для городища Шехр-Ислам[16]. Такая печь с семью устоями, датирующаяся началом XIII в., исследована в Казахстане на городище Сарайчик[17].

Двухъярусные прямоугольные печи с несколькими арками-устоями в топке известны для Мингечаура, начиная с первых веков н. э.[18]— для средневекового Херсонеса[19]. Перечень можно было бы продолжить.

Двухъярусные мервские печи напоминают современные кустарные печи для обжига керамики, именуемые «кузагар-хумдон» и относящиеся к типу печей с прямым пламенем[20]. Печи же круглые без перекрытия топки ближе к печам типа «косагар-хумдон», у которых крупное отверстие в центре свода топки и более мелкие по сторонам от него[21]. Но в последних имеются дымоотводные каналы, и потому они относятся к типу печей с обратным пламенем. В мервских печах таковых нет. Однако полное отсутствие данных об устройстве купола не позволяет решить вопрос—к какому типу печей следует их отнести[22].

Круглые печи с открытым пламенем преобладают в Мерве в X—XI вв., сохраняя свое значение вплоть до XIV в. Очевидно, такого устройства печи имел в виду и В. Л. Вяткин, когда писал о печах, не имеющих пола, где топка непосредственно соединена с камерой[23]. Им же отмечалось наличие на Афрасиабе двухъярусных печей с отверстиями в поду.

Все круглые печи без перекрытия пода имели сравнительно небольших размеров топку. Последняя в печах X—XI вв. имеет прямоугольную или трапециевидную форму и окружена разного вида перегородками то прямыми, то изогнутыми шириной обычно от 10 до 20 *см*. Складывали их из обломков кирпичей и обильно обмазывали штукатуркой. У стен же чаще всего проходит узкая полка. Позднее этот тип печи получает грушевидной или подпрямоугольной формы топку, окруженную сплошной высокой широкой полкой. В стенах всех печей с открытым пламенем имелись ряды отверстий для штырей, в раскопанных печах насчитываются от 3 до 5 рядов штырей, идущих обычно через 2—3 ряда кирпичной кладки. Отверстия для штырей либо оформлялись специально в сырцовых кирпичах при кладке печи, либо же специально оставлявшиеся пространства между кирпичами оформлялись обмазкой как круглые отверстия определенного диаметра. Обжигались они уже в ходе работы печи вместе с ее стенками. Масса фрагментов штырей, обломков кирпичей с отверстиями, кусков обмазки отверстий встречается при раскопках таких печей. Несколько рядов сохраняется в стенках печи, в отверстиях часто остаются торчать обломки штырей, на штырях и на стенках печи видны пятна и потеки глазури.

Печи, в стенки камеры которых вставлялись штыри, а обжигаемые изделия насаживались осторожно на них, известны были для XIX—начала XX в.[24] Предназначались они в основном для обжига посуды

типа чинни. В Мерве керамика расставлялась на штыри с помощью различной формы плоских глиняных подставок, а кувшины (очевидно, в случае повторного обжига) надевались непосредственно на штыри и обжигались в горизонтальном положении. Для навешивания сосудов на штыри служили и коромыслица.

Температура у стен таких печей была ниже, чем в средней части печи, и для того, чтобы подвести жар (но не непосредственно пламя) к стенам, где обжигалась на штырях керамика, делались нишки или щели в топке, выводящие жар к отверстиям-продухам у стен.

Особенность конструкции одноярусных печей с отверстием-каналом, выходящим к стенам печи там, где имеют место глубокие ниши, могла бы быть объяснена необходимостью обжига в них фритты, но в печи этого же времени в рабаде Мерва такие каналы отходят от узких щелей в топке, в которые уже совершенно невозможно поместить какую-либо массу или предметы, требующие обжига. Отсюда, на наш взгляд, правильнее было бы объяснять эти детали конструкции как связанные непосредственно с обжигом керамики в печи, со стремлением к его совершенствованию, с тем, чтобы в печах открытого типа на основе образующейся тяги подвести горячий воздух непосредственно к стенам печи, где на штырях обжигалась керамика. Это не противоречит возможности обжига в нишах крупных изделий, требующих высокой температуры. Так, в одной из ниш описанной печи были найдены фрагменты кирпичей, покрытых голубой поливой. Возможно, именно тут они и обжигались.

Печи эти имели лишь один вход через топочное устье. Отсюда производилась расстановка в печи посуды, причем соблюдалось, очевидно, правило, действующее и в наше время: начинали загрузку с верхних частей печи и кончали нижними, начинали с верхнего ряда штырей и кончали расстановкой посуды на полке, а, возможно, и за перегородками топки. В последнюю очередь печь загружалась топливом, после чего начинался обжиг, при котором подача топлива могла производиться несколькими стадиями. После подачи последней порции топлива производилась закладка устья.

А. Шишов следующим образом описывает процесс обжига, применявшийся среднеазиатскими гончарами в XIX—начале XX в. «В продолжение 7 часов в печи поддерживается огонь, вначале легкий, а к концу обжига усиленный. По истечении этого времени, когда перегорела последняя закладка топлива, печь наглухо замазывается и оставляется в этом виде на двое суток. На третьи сутки остывшая печь разбирается»[25]. М. К. Рахимов пишет, что через 10—15 часов после окончания обжига иногда разбирается часть заложенной топки для ускорения процесса остывания[26]. При этом крупные изделия должны остывать как можно медленнее.

Согласно некоторым данным, в Средней Азии в XIX в. на обжигание посуды в печи требовалось 14 дней и считалось, что за год гончар делал не более 30 или 40 закладок в печи[27].

Расстановке изделий в печи современные мастера придают большое значение, поручая ее самым опытным мастерам[28]. В каждой стопке, где сосуды отделялись друг от друга специальными подставочками, устанавливалось до 40 чаш (коса) или до 20 блюд (товок). Для того, чтобы стопки не упали, они устанавливались с небольшим наклоном к стенке печи.

М. К. Рахимов приводит следующую вместимость печей среднего размера для обжига поливных изделий плоских форм: при диаметре печи 1,5—2,2 *м* и высоте 2—3,4 *м* печи вмещали 180—200 художественных блюд или 300—400 чаш. Однако им же приводятся рассказы мастеров уста Усмана (Гиждуван), уста Узока (Риштан) и уста Ашур-тогорапаза (Самарканд), что в конце XIX—начале XX в. для обжига поливных изделий применялись своеобразные двухполочные или двухъярусные комбинированные печи, в которых одновременно обжигалось до 1200 изделий разных размеров[29].

До 300—500 изделий разных размеров вмещают современные кустарные печи для обжига высокой полой посуды[30] (при площади пода 1,8×2,1 *м* и общей высоте печи в 2,5—3,2 *м*).

Некоторые данные для расчета вместимости продукции для обжига дала круглая печь XII—начала XIII в., которая при диаметре 3 *м* имела сохранившуюся высоту в 3,5 *м*. Полка здесь шла двумя уступами, а в стенах печи сохранилось пять рядов отверстий для штырей. Общее количество последних достигало 400, однако вряд ли все отверстия одновременно были заняты штырями, очевидно, их вставляли в зависимости от вида обжигаемых изделий. В печи, как указано выше, найдено 1200 сипая. Если считать, что все они остались в печи от последнего производившегося в ней обжига, то простой расчет показывает, что они могли служить прокладками для чаш, тарелок или блюд, обжигавшихся в количестве около полутора тысяч штук. Если тогда, как и теперь, мастера умели устанавливать в стопку до 40 чаш, то на полках печи могло разместиться (учитывая размеры найденных сосудов) свыше 30 таких стопок. Однако какая-то часть посуды, возможно, также устанавливавшаяся стопками на плоские подставки, обжигалась на штырях, тем более, что на ряде плоских подставок сохранились отпечатки донец чаш. Однако имеются доказательства лишь для обжига на штырях насаженных на них кувшинов. Обжиг на штырях сосудов плоских форм можно восстанавливать лишь предположительно. Так или иначе с большой долей уверенности можно говорить об одновременном обжиге в печи такого диаметра около 2000 сосудов разной формы. Печи подобного размера встречались не часто, но общий объем производства в мастерских, которым они принадлежали, был очень высок (разумеется, при условии удачно проведенного обжига).

В двухъярусных прямоугольных печах среднего формата объем пода составлял свыше 4 $м^3$ и при условии полной его загруженности в них могло обжигаться до 400 кувшинообразной формы изделий. Это перекликается с приведенными выше данными по современным печам подобного типа и объема.

Как указано выше, печи без перекрытия (или во всяком случае без полного перекрытия) топки известны для Мерва VII—VIII вв. В дальнейшем при трансформации этого типа печей «жаровой канал» превращается в больших размеров топку, размещаемую уже в пределах самой печи, по сторонам же от последней размещается либо широкая полка, либо вокруг нее идут перегородки и за ними образуются своеобразные отсеки.

Печи VII—VIII вв. довольно несовершенны по своей конструкции и в дальнейшем гончары, например, совершенно отказались от узкого жаропроводного канала, выходящего за пределы обжигательной камеры. Вместе с тем это печи во многом оригинальные (детали их уст-

ройства не встречаются в предшествующие периоды развития гончарного производства в Южной Туркмении) и заложившие основу его последующего развития. Печи эти давали много брака, но в случае удачного обжига—посуду с тонким, хорошо прокаленным черепком[31].

Ошлакованность стенок печей встречается далеко не всегда, чаще она связана с двухъярусными и особенно с прямоугольными печами, являясь результатом концентрации пламени и жара в топке. Кроме того, играла роль не только высокая температура, при которой плавятся частицы кремнезема[32], но и длительность воздействия, связанная с долгим функционированием печи. В круглых же печах пламя, жар, горячие газы, не встречая преграды в виде горизонтального перекрытия топки, более или менее равномерно распределялись по всей печи, не вызывая ошлакования топки, но зато более высокая температура достигалась в той части печи, где находились обжигаемые изделия, что и требовалось для обжига глазурованной керамики.

Изучение квартала керамистов показало, что существование круглых и прямоугольных печей характерно для всех этапов гончарного производства в пределах времени функционирования квартала (IX—XIV вв.). Например:

IX в. На одном участке в северной оконечности квартала, где была сосредоточена в IX в. группа печей и который был после этого совершенно заброшен, вперемешку размещаются круглые и прямоугольные печи.

X в. На раскопе 5 вскрыта большая круглая печь и рядом с ней чуть ниже ее по уровню прямоугольная, разрушенная при строительстве круглой печи. Разрыв между ними по времени небольшой, керамические комплексы весьма сходны. Это явно какие-то этапы X в.

XII — начало XIII в. В одном случае (раскоп 3) вход в круглую и прямоугольную печи осуществлялся с одной площадки перед ними, в другом (раскоп 25) — круглая и прямоугольная печи расположены рядом. Наконец, еще одна пара расположенных рядом круглой и прямоугольной печей дает почти совершенно одинаковый материал, но относится к разным этапам этого периода, так как постройкой круглой печи был закрыт вход в обжигательную камеру прямоугольной печи. Этим же периодом датируются мастерские только с прямоугольными и круглыми печами.

Таким образом, круглые и прямоугольные печи не только сосуществуют во времени, но зачастую одна мастерская сочетает оба типа печей.

Подобный факт отмечен и Е. Атагаррыевым для городища Шехр-Ислам (Языр), где им была раскопана керамическая мастерская, состоявшая из двух помещений и трех печей. Две печи были прямоугольные и одна круглая. Последняя, как предполагает автор раскопок, служила специально для обжига поливной посуды[33]. Им же отмечалось, что конструкция печей находит аналогии в Мерве.

При рассмотрении прямоугольных и круглых печей следует учитывать, что речь идет не столько о форме их, сколько о конструкции. Очевидно, двухъярусные печи с перекрытием пода и разной формы продухами в нем (и прямоугольные и круглые) следует считать принадлежащими одному типу конструктивного устройства. И надо думать, что количественное предпочтение прямоугольным печам связано

с большей простотой сводчатого перекрытия прямоугольной печи по сравнению с выведением купола над круглой печью большого диаметра. Другое дело печи с открытым пламенем, где круглый план диктовался удобством размещения штырей в стенах печи и стремлением к равномерному обогреву камеры при достижении высокой температуры.

Материал, полученный из самих печей, убедительно показывает, что в круглых печах с открытым пламенем обжигалась преимущественно глазурованная керамика. Именно с появлением ее возникает и сам тип круглой печи без перекрытия топки, ранее в Мерве неизвестный. Но если для IX в., когда изготовлялось весьма ограниченное число экземпляров поливной керамики, известны лишь две такие печи, то в X—XI вв., когда глазурованная керамика занимает основное место в гончарстве Мерва, этот тип печи абсолютно преобладает. Для этого времени при 16 раскопанных печах известна лишь одна двухъярусная круглая печь с перекрытием топки и незначительные остатки двух прямоугольных печей.

В XII — начале XIII в. тип этих печей несколько меняется — вокруг топки вместо перегородок размещается широкая сплошная полка, но применяются они там, где продолжается производство в довольно большом количестве глазурованной керамики, в мастерских же, специализирующихся на выпуске безглазурной посуды со штампованным орнаментом, обжиг производится лишь в прямоугольных двухъярусных печах.

О специальном назначении печей говорит и Е. Атагаррыев. Так, по его мнению, маленькая прямоугольная печь в одной из мастерских Шехр-Ислама была специально предназначена для обжига тонкостенной штампованной посуды, круглая печь — для обжига поливной керамики[34].

Очевидно, можно высказать и другое предположение: не связано ли размещение рядом в одной мастерской прямоугольной и круглой печей не только с обжигом отдельно поливной и неполивной керамики, но и с двойным обжигом керамики глазурованной. Первую стадию «утильного» обжига керамика могла проходить в прямоугольной печи, а вторую, когда происходило образование глазури, в печи круглой.

Э. В. Сайко отмечает несколько вариантов двукратного обжига глазурованных изделий. В Мерве, судя по многочисленным находкам «полуфабрикатов», первичному обжигу подвергались изделия: а) ангобированные с нанесенными по ангобу росписями; б) ангобированные с процарапанным по ангобу рисунком; в) реже изделия без орнаментации, приготовленные под гладкую поливу.

Использование вспомогательных предметов печного припаса преследовало две цели: наиболее удобное размещение обжигаемых изделий в печи, при этом в максимальном количестве, а также предохранение изделий от соприкосновения друг с другом.

Такие вспомогательные предметы начинают употребляться уже в древней Маргиане — это глиняные кольца с отпечатками керамических донцев и тонкие глиняные лепешечки с оттисками от венчиков сосудов, устанавливавшихся вверх дном[35].

В качестве предметов печного припаса в Мерве VII—VIII вв. употреблялись керамические диски диаметром 22—25 *см* и толщиной 1,5—2 *см,* а также круглые смятые пальцами глиняные лепешечки. На них часто сохраняются отпечатки донец. Употреблялись они в каче-

стве подставок под сосуды. Часто встречались и просто смятые пальцами комочки глины, очевидно, подкладывавшиеся для поддержания в равновесии сосудов неустойчивых форм[36].

Известны предметы печного припаса из керамической печи V—VII вв. на поселении Мунон-депе. Они представлены здесь плоскими круглыми плитками, на которых, по мнению Л. Н. Мережина, изготовлялась и ставилась для просушки керамика, а также грубоватыми глиняными изделиями сегментообразной формы, применявшимися в качестве подставок при обжиге керамики[37]. На некоторых толстых круглых плитках видны отпечатки донец посуды.

Усовершенствование процесса обжига и развитие конструкций печей, появление новых видов керамики, наконец, уровень развития гончарного производства, находившийся в тесной связи с общим уровнем развития техники в эпоху средневековья, вызывают к жизни новые разнообразные приспособленные к новым потребностям предметы печного припаса.

В IX в. начинают употребляться штыри и трехножки-сипая. И тот и другой вид предметов печного припаса появляется впервые, штыри связаны с новой конструкцией круглой печи, в стенах которой они и размещаются. Появление трехножек было обусловлено глазурованием керамики, необходимостью изолировать предметы друг от друга на время обжига и стремлением к равномерности обжига. Сипая оказались идеальным вспомогательным орудием, выдержавшим испытание временем и дожившим до наших дней.

В X в. один из мастеров попытался изготовлять сипая с остриями-ножками, идущими вниз и вверх, но они, очевидно, оказались неустойчивыми. Пытались видоизменить этот вид предметов печного припаса и позднее—зажимали пальцами сырую глину в углах сипая, образуя округлые выступы, маневрировали с формой верхней площадки, но победила простая и рациональная форма трехножки с чуть изогнутой средней частью и как можно более заостренными ножками. Хорошее качество обжига глазурованной керамики зависело и от сипая, отсюда особенно тщательная выделка их, а иногда и стремление украсить (штрихи, витые ножки и пр.).

Первые штыри были тонкие и в связи с этим непрочные, на смену им уже в X в. приходят массивные длинные штыри, прямые или чуть изогнутые, ставшие неотъемлемой частью конструкции круглых печей. Вплоть до XI в. сохраняются миниатюрные штырьки-прокладки.

Трехножки, только появившиеся в IX в., с X в. начнут господствовать безраздельно и ни в одной из мастерских Мерва вплоть до XIV в. не обходятся без них. Размеры их при этом бывают разными, находясь в непосредственной зависимости от размеров обжигаемого изделия.

Чем дальше идет развитие гончарного производства, тем разнообразнее становятся вспомогательные предметы. Так, в XII в. для более удобного размещения керамики на штырях возникают плоские языковидной и овальной формы глиняные подставки, а для закрепления стопок посуды, а, возможно, и для подвешивания на штыри, крючки с концами, загнутыми в одну сторону. Продолжают употребляться разных размеров сипая.

Особенно разнообразными становятся вспомогательные предметы печного припаса в XIII—XIV вв. Это уголки, штыри, плоские подставки в виде секторов, сегментов, прямоугольников, языковидные, много-

угольные, кольцевидные подставки, толстые почти не обработанные глиняные лепешки, крючковидные зацепки, в одной из печей — высокие конусы. Последние, очевидно, заменяли сипая для изделий крупного диаметра. Толстые лепешки и кольцевидные подставки появляются в связи с кольцевыми поддонами на керамике. Уголки предназначаются для закрепления стопок посуды. Развитие техники обжига, выразившееся в появлении новых вариантов печей, широком круге применявшихся предметов печного припаса, показывает, что даже этот трудный период не был для гончарного производства Мерва периодом застоя.

Большое значение для процесса обжига имело топливо. Большинство мервских печей дало на дне топки значительный слой сгоревшей верблюжьей колючки, обгоревшие иголки которой сохранились довольно хорошо, а, следовательно, именно она являлась здесь основным видом топлива. При этом верблюжьей колючке отдавалось преимущество не только как наиболее распространенному в этих местах виду топлива, но и ее способности давать сухое чистое пламя высокой температуры.

Встречаются в топках и угольки, которые давал, очевидно, сгоревший саксаул или джузгун (кандым). Последний образовывал часто шлаковые заросли и считается дающим хорошее топливо[38].

Наконец, во многих печах найдены обуглившиеся кости животных, были иногда сложены таковые и около печей. Следовательно, они также служили в качестве топлива, дающего высокий коэффициент тепла.

Печи древней Маргианы топились преимущественно саксаулом[39]. Янтаком, тамариском, солянкой отапливались печи античного периода на Джин-депе[40]. Верблюжьей колючкой отапливались все печи VII—VIII вв. на Гяур-кале[41]. Верблюжья колючка и полынь являлись топливом для печи XIII—XIV вв., вскрытой на городище Куйрюк-депе в Южном Казахстане[42]. Употребление верблюжьей колючки в качестве топлива хорошо прослеживалось по зольным остаткам в гончарных печах на Афрасиабе[43].

Янтак — верблюжья колючка считалась лучшим топливом для хумданов в Фергане XIX—начала XX в., а также камыш, полынь и стебли хлопка. Ценилось топливо, быстро сгорающее и дающее жаркое пламя[44]. М. К. Рахимов отмечает по этнографическим материалам, что во всех районах Узбекистана керамические печи топились хворостом, ивовыми щепками, янтаком и только там, где художественные изделия подвергались двойному обжигу, применялись сухие дрова[45].

Как видно из вышесказанного, все усилия гончаров по усовершенствованию и варьированию конструкций печей были направлены на улучшение процесса обжига, достижение в нем высоких результатов.

Однако обжиг далеко не всегда был удачным и в отвале около одной мастерской были целые слои переобожженной бракованной керамики, явно связанные с тем, что была испорчена вся масса обжигавшихся одновременно изделий. Видимо, даже в двухъярусных печах трудно было регулировать температуру и посуда, пережигаясь до темно-зеленого цвета, деформировалась.

Для IX—XI вв. не известны большие мастерские, лишь в одном случае зафиксированы две печи, принадлежащие одному хозяйству, и одна мастерская имела два производственных помещения. Крупные

гончарные мастерские, включающие до 10 обжигательных печей, складываются в Мерве в XII—начале XIII в., хотя одновременно с ними продолжают существовать и небольшие хозяйства. Наличие нескольких печей в одной мастерской говорит в первую очередь об объеме выпускавшейся в ней продукции и могло быть обусловлено стремлением к непрерывности производственного цикла. Различие в размерах и конструкции печей было связано с различием обжигаемых в них изделий по размерам, форме, наличию или отсутствию глазури.

Изменение конструкции гончарных печей диктовалось потребностями гончарного производства, его объемом, необходимостью получения определенной температуры для обжига, колебанием удельного веса глазурованной и неполивной керамики в общем объеме производства, в известной степени индивидуальными поисками мастеров (некоторые варианты конструкций встречаются лишь однажды), оно зависело от вида обжигаемых изделий, их размеров, формы и пр.

Гончарство, один из основных видов ремесленного производства Мерва, требовало на каждом этапе своего развития применения определенных типов гончарных обжигательных печей. Много превращений должен был пройти комок глины, прежде чем стать тонкостенным изящным сосудом с красиво выполненным четким орнаментом. Образно этот процесс отражен в чрезвычайно любопытной надписи на сосуде со штампованным орнаментом начала XIV в. из Ирака: «Я сосуд для воды... Я утоляю жажду человечества. Этого я достигаю ценой моего страдания со дня, когда я был брошен в огненное пламя»[46].

В числе этих превращений обжиг занимал далеко не последнее место. Отсюда то внимание, которое уделяют мастера этому процессу, отсюда их неустанные опыты в поисках наиболее рационального типа обжигательной гончарной печи, варьирование деталей конструкции и вспомогательных предметов, с помощью которых производился обжиг. Вместе с тем развитие техники гончарного производства, объем производства, размеры печей, концентрация производства, сложение первых ремесленных объединений находились в прямой зависимости от развития производительных сил общества в рамках феодального способа производства, и именно с периодом его расцвета связано наибольшее количество типов печей и их вариантов.

В соответствии с потребностями общества на протяжении IX—XIV вв. изменялись виды и формы керамики, технология ее изготовления, техника, мотивы и цвет орнаментации и параллельно этому шел процесс развития керамического производства, совершенствования техники гончарства, пути эволюции которого в указанный период мы и попытались воссоздать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Лунина С. Б. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 8. Ашхабад, 1958; ее же. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII в. Труды ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962.

2. Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—IX вв. Душанбе, 1966, стр. 167.

3. Разумовский С. А. Производство художественных керамических изделий. М., 1951, стр. 57.

4. См. более подробное описание керамики из раскопов в нашей статье «Историческая топография западной части рабада средневекового Мерва» в настоящем томе трудов ЮТАКЭ.

5. Заурова Е. З. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 187—189.
6. Там же, стр. 189—191.
7. См.: Лунина С. Б. Гончарное производство..., стр. 381, 394.
8. Лунина С. Б. Некоторые археологические данные по истории Мерва в XIII—XIV вв. «Советская археология», 1968, № 2.
9. Сайко Э. В. История технологии..., стр. 171.
10. Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—начале XX в. Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954, стр. 232.
11. Сайко Э. В. История технологии..., стр. 178.
12. Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи. М.—Л., 1934, стр. 79.
13. Ионе Г. И. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура. Материальная культура Азербайджана, т. 2. Баку, 1951, стр. 48.
14. Там же, стр. 47.
15. Шишкина Г. В. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда. История материальной культуры Узбекистана, вып. 4. Ташкент, 1963, стр. 102—103.
16. Бердыев О. Археологические исследования Института истории АН ТССР. Археологические открытия 1966 года. М., 1967, стр. 325.
17. Пацевич Г. И. Гончарная печь на городище Сарайчик. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 1. Алма-Ата, 1956, стр. 221—223.
18. Ионе Г. И. Гончарные печи древнего Мингечаура. КСИИМК, вып. 24, 1949.
19. См.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, вып. 17, 1950, стр. 159; Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII в. (раскопки 1940 г.). МИА, вып. 34, 1953, стр. 129.
20. Рахимов М. К. Художественная керамика Узбекистана. Ташкент, 1961, стр. 66.
21. Там же, стр. 68.
22. Э. В. Сайко считает, что отсутствие дымоводов позволяет характеризовать мервские печи скорее всего как печи с прямым пламенем.
23. Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1927, стр. 32.
24. Рахимов М. К. Цит. соч., стр. 69.
25. Шишов А. Сарты. Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. 11. Ташкент, 1904, стр. 290.
26. Рахимов М. К. Цит. соч., стр. 72.
27. Каталог Туркестанского отдела политехнической выставки. М., 1872, стр. 38.
28. Рахимов М. К. Цит. соч., стр. 69.
29. Там же, стр. 68—69.
30. Там же, стр. 66.
31. Заурова Е. З. Цит. соч., стр. 196.
32. Ионе Г. И. О гончарных.., стр. 45. По некоторым данным, кирпич расплавляется в стекловидный шлак при температуре 1300°.
33. Атагаррыев Е. Средневековое городище Шехр-Ислам (Языр). Историко-археологический очерк. Автореф. дис. М., 1967, стр. 7.
34. Там же.
35. Сарианиди В. И. Керамическое производство древнемаргианских поселений. Труды ЮТАКЭ, т. 8. Ашхабад, 1958, стр. 329.
36. Заурова Е. З. Цит. соч., стр. 212.
37. Мережин Л. Н. К характеристике керамических печей периода рабовладения и раннего средневековья в Мервском оазисе. Труды ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, стр. 37.
38. Федоров К. М. Закаспийская область. Асхабад, 1901, стр. 12.
39. Сарианиди В. И. Керамические печи древней Маргианы. КСИИМК, 1957, вып. 69, стр. 76.
40. Мережин Л. Н. К характеристике..., стр. 36.
41. Заурова Е. З. Керамические печи.., стр. 189.
42. Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 5. 1958, стр. 186.
43. Вяткин В. Л. Цит. соч., стр. 32.
44. Писарчик А. К. Цит. соч., стр. 233.
45. Рахимов М. К. Цит. соч., стр. 71.
46. Reitlinger G. Unglazed relief pottery from horthern. Mesopotamia, Ars Islamica, vols. XV—XVI, MCML I, p. 21.

Е. Б. ПРУГЕР

К НАХОДКАМ БИРЮЗЫ НА ГОРОДИЩАХ СТАРОГО МЕРВА

На протяжении многих лет Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией уделяется большое внимание сбору и изучению каменных украшений городищ Старого Мерва[1]. Многочисленная коллекция их включает в себя, главным образом, бусы, сделанные из таких камней-самоцветов, как мраморовидный оникс, сердолик, горный хрусталь, коралл, гранат, агат, тальк, кварц, перламутр, халцедон, агат, лазурит, гипс, змеевик, гематит, яшма, алебастр, корунд, изумруд, бирюза[2]. Среди них особое внимание привлекают к себе изделия из бирюзы, одного из наиболее любимых на Востоке камней-самоцветов[3], состоящие из двадцати двух экземпляров находок, в основном подъемных, реже датируемых комплексами раскопов, в которых они обнаружены[4].

Гяур-кала

1. Раскоп 6. Изделия из бирюзы представлены пятью бусинами и одним глазком в серебряном перстне с золотой оправой[5]. Цвет бирюзы, из которой они сделаны, яблочно-зеленый, светло-зеленый и светло-голубой. Одна из находок представляет собой заготовку с просверленным отверстием, но с необработанными краями, сделанную из желвака самоцвета диаметром 6 *мм*. Сопутствующий им комплекс археологических находок позволяет датировать их II—III вв. н. э.

2. Раскоп 13. Бусина из ярко-голубой с зеленоватым оттенком бирюзы, датированная комплексом находок II—III вв. н. э.

3. Подъемные. В разное время на поверхности городища найдены три бусины, сделанные из зеленой, светло-зеленой и светло-синей бирюзы.

Эрк-кала

Подъемные. На поверхности памятника обнаружены четыре бусины из бирюзы — три из каменной и одна из костяной (одонтолит)[6]. Цвет каменной бирюзы голубой с зеленоватым оттенком и светло-зеленый, одонтолит — грязно-зеленого цвета.

1. Рабад, раскоп 19. Бусина из бирюзы густого небесно-голубого цвета.

2. Подъемные. На поверхности городища подняты гемма, сделанная из бледно-голубой бирюзы, с арабской надписью; две бусины из костяной бирюзы (одонтолита) — светло-зеленого и коричневатого цветов. Еще одна бусина из одонтолита светло-зеленого цвета найдена на поверхности северного обвода городища.

Кроме того, среди подъемных находок Старого Мерва отмечен фрагмент крупного ювелирного изделия из голубой бирюзы и, что особенно примечательно, два небольших куска бирюзы-сырца бледно-голубого цвета с остатками вмещающих пород. Последние свидетельствуют о том, что когда-то в Мерве существовала ювелирная мастерская по изготовлению бус и других изделий, в том числе из бирюзы. На местное происхождение бус из бирюзы указывает и заготовка II—III вв. н. э., найденная в раскопе 6. Материал для ювелиров доставлялся с одного из многочисленных месторождений бирюзы в Средней Азии. Вместе с тем не исключено, что частично бирюза привозилась в Мерв в виде готовых изделий.

Бирюза и изделия из нее были широко распространены в Средней Азии как хронологически, так и территориально. Они обнаружены в культурных слоях памятников поры неолита, энеолита и бронзы: в Туркмении — джейтунские памятники[7], северный холм Анау[8], геоксюрская группа поселений[9], на поселениях Кара-депе[10], Аучин-депе[11]; в Хорезме на стоянках Джанбас 5 и 11[12], в юго-восточных и центральных Кызылкумах на стоянках Хадаркулаши, Боктеккен, Тышибулак, Закудук, Бешбулак, в районе озера Лавлякан[13], в низовьях Зарафшана на развеянных стоянках вблизи озер Большой и Малый Тузкан[14] и в комплексе памятников Заман-Баба[15]; в Таджикистане — при раскопках навеса Ак-Танга[16] и др.

Изделия из бирюзы VI—IV вв. до н. э. встречены при вскрытии Кучук-депе, в 70 *км к* западу от Термеза[17]. В Хорезме следы производства бирюзовых бус обнаружены на археологическом поселении близ Дингильдже, датирующемся серединой V в. до н. э.[18], на городище Кюзели-гыр, обживавшемся в VI—V вв. до н. э.[19] Поделки из бирюзы найдены в сакском могильнике Уйгарак (Жаны-Дарья, Кызыл-Ординская область Казахской ССР), датирующемся VI (а, может быть, рубежом VII и VI) в. до н. э.[20]; в одном из курганных погребений позднесарматского могильника Кок-Сенгир (II—III вв. н. э.), расположенного в 150 *км* к юго-востоку от Уйгарака: около покойника находился железный меч в ножнах, причем в месте, где к ним присоединялись ремни, они были украшены двумя золотыми головками верблюдов с инкрустацией из бирюзы[21]. Фрагмент бирюзового украшения выявлен при раскопках караван-сарая Ак-Яйла в слое XI—XII вв.[22] Бирюзовая булавка-заколка, головка которой инкрустирована четырьмя вставками бирюзы встречена на средневековой поверхности в Хазараспе[23]; бусы из бирюзы подняты на поверхности у гробницы святого Наринджан-баба[24]. Бирюзовые изделия VI—VII вв. встречены в Туркмении на городище Старый Кишман при раскопках крепости[25] и т. д. Следует отметить, что и в дальнейшем, вплоть до настоящего времени, бирюза продолжает пользоваться на Востоке, в том числе и в Средней Азии, большой популярностью.

Столь широкое распространение бирюзы в Средней Азии и, в частности, находка ее в Старом Мерве, наводит на правомерный вопрос об источниках добычи этого самоцвета[26]. Как известно, Средняя Азия в древности была одной из крупнейших горнорудных областей. Здесь разрабатывались многочисленные месторождения разных полезных ископаемых, в том числе бирюзы[27]. Уже выявлено более 30 месторождений бирюзы, разрабатывавшихся в прошлом. В основном они сосредоточены на территории Узбекистана; в районе Ташкента — в горах Кара-Мазар и Угамском хребте, вблизи Самарканда — в горах Мальгузар, Кара-Тюбе и Нуратау, в Кызылкумах и в Хорезме— и в горах Султан-Уиздаг. Несколько объектов расположено в таджикской части гор Кара-Мазар, один в Фергане в районе г. Исфара и один в Южном Казахстане на северо-восточных склонах гор Каратау. В последнее время стало известно об открытии месторождения бирюзы в Туркмении. Особенно выделяются Кызылкумы, где отмечено около 20 древних рудников бирюзы[28]. Объемы и масштабы древней отработки некоторых из них поражают своей грандиозностью. В частности, за время эксплуатации месторождения Тасказган в горах Тамдытау древними рудокопами было вынуто примерно 1,5 млн. $м^3$ горной породы; на месторождении Джамон-Каскыр в горах Букантау объем выбранной древними горняками породы[29] превышает 1 млн. $м^3$. Все это позволяет выделить Среднюю Азию как один из самостоятельных крупных центров добычи бирюзы в древности[30]. Таким образом, вполне возможно, что часть бирюзы, найденной на городище Старого Мерва, поступила с некоторых из этих многочисленных, нередко очень крупных месторождений. Во всяком случае, спектральными анализами установлена близость двух бирюзовых бусин из раскопа 6 к бирюзе древнего рудника Бирюза-кан, расположенного в 40 *км* северо-восточнее г. Ленинабад, хотя определить из какого точно месторождения добывался минерал не удалось[31].

Вместе с тем в Средней Азии и прежде всего в районах Северного Хорасана имела хождение нишапурская бирюза (красивого небесно-голубого цвета), наиболее славившаяся своими эстетическими качествами, по общему мнению, самая лучшая[32]. Этот крупнейший на Востоке рудник бирюзы, с успехом разрабатывающийся и в наши дни[33], эксплуатируется с древнейших времен. Расположен в 50 *км* на северо-запад от города Нишапура, на южном склоне горы Алимирза[34].

Археологическими находками на территории парфянских городов установлена повышенная добыча нишапурской бирюзы в пору существования государства Аршакидов по сравнению с предшествующим временем[35]. Особенно широкую известность нишапурский рудник бирюзы приобрел в пору средних веков, когда он разрабатывался наиболее интенсивно. О нем неоднократно сообщают средневековые авторы. Макдиси (X в.) свидетельствует о том, что в Нишапуре в волости Риванд есть рудник бирюзы[36]. О бирюзе в горах Нишапура и Туса пишут Истахри (X в.)[37], Ибн-Хаукаль (X в.)[38], анонимный автор «Худуд ал-Алси» (X в.)[39], Ас-Са'алиби (XI в.)[40], Бируни (XI в.)[41], Ибн-Мансур (XIII в.)[42], Клавихо (XV в.)[43] и др., причем Ас-Са'алиби ставит бирюзу из Нишапура на первое место среди самых благородных камней[44].

Следует отметить, что качество бирюзы большинства мервских находок не соответствует высокому качеству нишапурской бирюзы, приближая их больше к низкокачественным сортам самоцвета ки-

зылкумских и кураминских древних рудников. Находки бирюзы на городищах Старого Мерва позволяют предположить связь Мерва с древними рудниками бирюзы Средней Азии, что будет окончательно решено путем минералого-археологического изучения бирюзы древних рудников и старомервских изделий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Обобщающее исследование по бусам Старого Мерва, в том числе каменным, выполнено Г. Я. Дресвянской. См.: Дресвянская Г. Я. Каменные бусы с городищ Старого Мерва. Труды ТашГУ им. В. И. Ленина, вып. 295. Археология Средней Азии, вып. 7. Ташкент, 1966, стр. 56—65; ее же. Бусы с городищ Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. 14. Ашхабад, 1969, стр. 62—85.

2. Дресвянская Г. Я. Каменные бусы..., стр. 57—61; ее же. Бусы с городищ..., стр. 62—67.

3. На Востоке с бирюзой связано много легенд и поверий. В частности, кто носит на пальце бирюзу, тот не чувствует недостатка в деньгах, слова его встречают внимание. Кто носит бирюзу, тот не страшится царского гнева. Если с утра посмотреть на бирюзу, то в течение целого дня человек освобождается от забот. Носящий бирюзу будет долго жить в благоденствии и не будет видеть худых снов; она сберегает от опасного падения, примиряет ссорящихся супругов, укрепляет зрение и сердце, устраняет страх, дает победу над врагами, предохраняет от потопления и от удара молнии. Бирюза препятствует приближению змеи и скорпиона к ее обладателю. Если, имея при себе бирюзу, увидеть новую луну, это знаменует счастье и благополучие в наступающем месяце. См.: Патканов К. П. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII веке. Труды ВО ИРАО, ч. 17. Спб., 1874, стр. 48—49; Пыляев М. И. Символика и действия драгоценных камней. «Труд». (Вестник литературы и науки), т. 27, 1895, стр. 52—53; Семенов А. А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качества и значение некоторых благородных камней и минералов. «Мир ислама», т. 1, № 3. Спб., 1912, стр. 299.

Бируни пишет: «Знай, что Джабир ибн-Хаййан ас-Суфи называет ее в книге «Избранное о талисманах» камнем победы, камнем от «сглаза» и камнем сана» (Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перев. А. М. Беленицкого. М., 1963, стр. 158.

4. Подробное описание большинства старомервских изделий из бирюзы см.: Дресвянская Г. Я. Каменные бусы..., стр. 63, 64, 65—66.

5. Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы. Труды ЮТАКЭ, т. 12. Ашхабад, 1963, стр. 134.

6. Одонтолит или «костяная» бирюза — кости, окрашенные растворами меди или железа. Примечательно, что на Востоке бирюзу считали ничем иным как костями людей, умерших от любви. (Пыляев М. И. Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление. Спб., 1877, стр. 82; его же. Символика и действия..., стр. 52).

М. И. Пыляев приводит интересные сведения о том, что «в Москве некоторые промышленники морят кости и зубы животных в растворах солей меди и продают такую имитацию за бирюзу. Другой способ приготовления поддельной бирюзы заключается в следующем: на некоторое время кладут кость в азотную кислоту, после вынимают ее и высушивают, потом кладут на несколько дней в краску, приготовленную из ультрамарина, растертого на миндальном масле... Очень понятно, что она цены не имеет и узнается очень легко» (Пыляев М. И. Драгоценные камни..., стр. 83).

7. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966, стр. 88.

8. Массон В. М. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад, 1959, стр. 22.

9. Хлопин И. Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, стр. 134; Сарианиди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр. Труды ЮТАКЭ, т. 10. Ашхабад, 1961, стр. 266.

10. Массон В. М. Древние земледельцы.., стр. 21; Средняя Азия.., стр. 122.

11. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, вып. 73, М.—Л., 1959, стр. 19; его же. Изучение анауских культур в 1956 г. КСИИМК, вып. 73. М., 1959, стр. 77.

12. Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. МХЭ, вып. 8. М., 1968, стр. 54—55, 63.

13. Вактурская Н. Н. О поездке в Южные Кызылкумы в 1955 г. МХЭ, вып. 1. М., 1959, стр. 39—40, 41—42; Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д. Кызылкумская бирюза. СЭ, 1965, № 2, стр. 127—130; Виноградов А. В., Мамедов Э. Комплексные археолого-географические исследования во Внутренних Кызылкумах. История материальной культуры Узбекистана, вып. 8. Ташкент, 1969, стр. 38—42.

14. Исламов У. Неолитическая культура в низовьях Зеравшана. Автореф. дис. Л., 1963, стр. 5; Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966, стр. 63.

15. Гулямов Я. Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. 8. Ташкент, 1956, стр. 153; Кузьмина Е. Е. Могильник Заман-Баба. (К вопросу о культурных связях населения долины нижнего Зеравшана в III—II тысячелетиях до н. э.). СЭ, 1958, № 12, стр. 30—31; Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. Цит. соч., стр. 121, 125, 127 и 153—157.

16. Литвинский Б. А. и Ранов В. А. Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. Труды Института истории им. Ахмада Дониша, т. 13. Археологические работы в Таджикистане, вып. 9 (1961). Душанбе, 1964, стр. 20.

17. Устное сообщение кандидата исторических наук Л. И. Альбаума.

18. Воробьева М. Г. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже. МХЭ, вып. 1. М., 1959, стр. 73—74.

19. Воробьева М. Г. Керамика с городища Кюзели-гыр. Труды ХАЭЭ, т. 2. М., 1958, стр. 344—345.

20. Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д. Цит. соч., стр. 131.

21. Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, вып. 6. М., 1963, стр. 52.

22. Вишневская В. А. Раскопки караван-сараев Ак-Яйла и Талай-хан-ата. Труды ХАЭЭ, т. 2. М., 1958, стр. 440.

23. Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С. и Неразик Е. Е. Археологические работы в Хорезме в 1958—1960 гг. МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 174.

24. Пташникова И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. Труды ХАЭЭ, т. 1. М., 1952, стр. 115—116.

25. Дурдыев Д. Городище Старого Кишмана. (Отчет о раскопках 1956—1957 гг.). Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР, т. 5. Ашхабад, 1959, стр. 150—151.

26. Существовала точка зрения, что большинство изделий из бирюзы, особенно высококачественной, происходит из Ирана либо с Памира. См.: Пташникова И. В. Бусы древнего..., стр. 116. К. Богданович в последней четверти XIX в. писал: «Вся бирюза, находящаяся в обращении, происходит исключительно из Нишапурского месторождения, и серьезной разработке подвергалось и подвергается лишь это месторождение». (Богданович К. Поездка на бирюзовые копи Маадена возле Нишапура в Персии». Горный журнал», 1888, кн. 12, стр. 331). Его точку зрения можно объяснить тем обстоятельством, что в то время почти не были известны многочисленные месторождения бирюзы Средней Азии.

27. Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Л., 1934; его же. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953; Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954; Исламов О. И. Из истории горного дела и геологических представлений у народов Средней Азии с древнейших времен до XVIII в. В сб.: «Очерки по истории геологических знаний», вып. 4. М., 1955, стр. 3—60.

28. После опубликования статьи А. В. Виноградова, С. В. Лопатина, Э. Д. Мамедова «Кызылкумская бирюза» найдены дополнительные материалы, характеризующие Кызылкумы как район еще более крупной добычи бирюзы в древности.

29. Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д. Цит. соч., стр. 120, 122.

30. А. Е. Ферсман выделял три центра в истории добычи бирюзы: 1. Персия и соседние районы Средней Азии. 2. Пустыня Синая и лежащие на противоположном берегу Красного моря части Нубийской пустыни. 3. Южная часть Северной Америки и Мексика. (Ферсман А. Е. Рассказы о самоцветах. М., 1961, стр. 132).

31. Дресвянская Г. Я. «Каменные бусы...», стр. 62; ее же. Бусы с городищ..., стр. 68—69. Для сравнения Г. Я. Дресвянской были использованы спектральные анализы бирюзы лишь с нескольких древних рудников. Успех же был бы обеспечен лишь при наличии спектральных анализов самоцвета всех либо основных крупных

и средних древних рудников бирюзы. Мелкие объекты можно отбросить как местные, узколокального значения.

32. Отрывки из «Минералогии» Мухаммеда ибн-Мансура в русском переводе Соколова. (Перевод с нем. И. Хаммера). Горный журнал, 1828, кн. 1, стр. 10—11; Клавихо Рюи Гонсалес де. Жизнь и деятельность великого Тамерлана. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. (Перевод с примечаниями И. Срезневского). Сб. отд. рус. яз. и слов Акад. наук, вып. 28, № 1. Спб., 1881, стр. 206; Богданович К. Поездка..., стр. 331; Соседко А. Современное состояние Нишапурских бирюзовых копей. «Природа», 1932, № 5, стр. 445—446; его же. Бирюза. В сб.: «Неметаллические ископаемые СССР», т. 2. М.—Л., 1943, стр. 160; Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни России, т. 1. Пг., 1920, стр. 143; Бетехтин А. Г. Курс минералогии. М., 1961, стр. 347, и др.

33. Gubellin E. A visit to the ancient turquois mines in Iran. «Gems and Gemol», 1962, N 1, p. 3—13.

34. Соседко А. Современное состояние..., стр. 446.

35. Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. Труды ЮТАКЭ, т. 5. Ашхабад, 1955, стр. 31.

36. Ал-Макдиси. Извлечения из «Ахсан ат — такасим фи-ма'рифит ал-акалим». МИТТ, т. 1. М.—Л., стр. 203.

37. Ал-Истахри. Извлечения из «Китаб месалик ал-мемалик». МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 172.

38. Ибн-Хаукаль. Извлечения из «Китаб ал-месалик ва-л-мемалик». МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 183.

39. Извлечения из «Худуд-ал-Алем» МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 212.

40. Ал-Бируни. Собрание сведений.., стр. 456, примечание 5.

41. Ал-Бируни. Собрание сведений..., стр. 158.

42. Отрывки из «Минералогии»..., стр. 10—11.

43. Клавихо Рюи Гонсалес де. Жизнь и деятельность..., стр. 10—11.

44. Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966, стр. 346.

М. Е. МАССОН

КРАТКАЯ ХРОНИКА ПОЛЕВЫХ РАБОТ ЮТАКЭ 1953—1954 гг.

«Экспедиция — это организация, т. е. расстановка сил в предвидении всех трудностей, организование на преодоление».

Н. М. Пржевальский.

«Экспедиция — это многолетняя разработка привезенного материала».

Ф. Ф. Рихтгофен.

Практика таких многоотрядных и долголетних экспедиций, как Хорезмская археолого-этнографическая (начавшая функционировать с 1938 г.) и Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (существующая с 1946 г.) наглядно показала, что в связи с крупными проблемами и масштабами своей деятельности они за периоды полевых сезонов ежегодно устанавливают значительно большее количество новых фактов, чем это впоследствии находит отражение в их печатных работах, даже если таковые достаточно многочисленны*. Многое остается в дневниках и в других архивных материалах, поэтому часто ускользает от внимания новых исследователей, особенно начинающих работать по линии других научных организаций, а иногда упускается из вида даже участниками ЮТАКЭ. Это зависит отчасти от структуры последней, поскольку ее штат постоянных сотрудников ограничен двумя единицами (начальника экспедиции и хозяйственника), а все остальные включаются в сметное расписание только на время полевых работ, причем постоянные места их службы находятся в разных городах вне Туркмении. Другой серьезной причиной является отсутствие в Ашхабаде единого хранилища археологических материалов экспедиции. Во всяком случае, выпущенная в 1955 г. «Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг.» (Труды ЮТАКЭ, т. 5. Ашхабад, 1955, стр. 197—299) оказалась весьма полезной в первую очередь для многих археологов, начавших работать на территории Туркменской ССР с шестидесятых годов. Указанная хроника ориентирует их, что же сделано коллективом этой большой экспедиции в части обследования тех или иных объектов, из которых многие были начаты изучением ею впервые, а некоторые даже вообще открыты и введены в научный обиход.

---

* По результатам работ ЮТАКЭ в 1970 г. в разных органах вышло из печати свыше 500 публикаций по следующим разделам: I. Общие вопросы. II. История. III. Историческая география и историко-археологическая топография городов. IV. Археология: А. Первобытнообщинное общество. Б. Античное общество. В. Феодальное общество; V. История архитектуры; VI. История изобразительных искусств. VII. Нумизматика. VIII. Эпиграфика. IX. Антропология. X. Этнография. XI. Вопросы техники полевой и камеральной работы. XII. Разное. XIII. Популярные публикации. XIV. Критика и библиография.

Учитывая все сказанное, намечено продолжать выпуск аналогичных кратких хроник постепенно за все последующие годы.

Основная проблематика ЮТАКЭ за 1953—1954 гг. оставалась прежней, в связи с чем ее тематика охватывала следующие крупные разделы:

1. Каменный и бронзовый века.
2. Рабовладельческое общество и пору его кризиса. (В соответствии с «Положением об ЮТАКЭ» § 5 работы были сосредоточены преимущественно. на объектах, связанных с порой Парфянского государства).
3. Феодальное общество. (Согласно тому же параграфу «Положения об ЮТАКЭ», особое внимание уделялось периоду XI—XII вв. и сверх того XIII—XIV вв.).
4. Этногенез туркменского народа. (Помимо историко-этнографического изучения, продолжались палеоантропологические исследования былого населения Туркменской ССР).

Работы осуществлялись под общим руководством академика Академии наук Туркменской ССР М. Е. Массона и по намеченному им плану, апробированному ученым советом ЮТАКЭ в Ленинграде силами отдельных отрядов и групп.

1953 г.

В полевой работе участвовали следующие отряды: отряд по раскопкам на городище Старая Ниса, возглавлявшийся М. Е. Массоном. Производители работ археологи М. С. Мерщиев, Н. И. Крашенинникова.

VII отряд — архитектурный, возглавлявшийся кандидатом архитектуры Г. А. Пугаченковой.

IX отряд — по изучению «каменного века», возглавлявшийся кандидатом исторических наук археологом Н. Н. Диковым.

X отряд — по изучению Дехистана, возглавлявшийся археологом В. М. Массоном-младшим.

XVIII отряд — по изучению Марыйского оазиса, возглавлявшийся профессором М. Е. Массоном. Производители работ: архитектор Г. А. Пугаченкова, археологи М. С. Мерщиева, Л. М. Рутковская, аспирант К. Адыков.

XX отряд — по раскопкам курганных погребений в Безмеинском районе, возглавлявшийся археологом Н. Н. Диковым.

XXII отряд — по историко-этнографическому изучению племени мурчали, возглавлявшийся Д. М. Овезовым.

Каменный и бронзовый века

Был совершен рекогносцировочный маршрут по Кушкинскому и Тахтабазарскому районам и по южным окраинам Притедженских гор. Посещено месторождение кремня на горе Чакмаклы-чанаг; установлена перспективность производства археологических разведок в районе Кушки и особенно Моргуновки (находка обломка костяной рукояти от вкладышевого кремневого ножа); найдены кремневые отщепы в местности Дождь-яма и у родника Инжерли-чешме; выявлены пещеры, представляющие интерес в археологическом отношении.

Особо заслуживающие внимания данные по эпохе «бронзы» дало изучение Мадау-тепе в Мисрианском районе, где был заложен стратиграфический раскоп площадью 26 *м*², доведенный до материка, встреченного на глубине 7 *м*, и осуществлен добавочный раскоп на более широкой площади в западной части поселения. Исследованием установлено, что культурные слои на тепе опускаются на 2,5 *м* ниже уровня современной поверхности. Этим доказывается, что данный район был местом подгорной аккумуляции в противоположность остальной части Мисрианского плато, находящейся в зоне усиленной дефляции. Выяснено, что все мощные многометровые культурные слои поселения относятся к одной культуре архаического Дехистана. Раскоп многокомнатного здания дал на площади в 65 *м*² два жилых и два служебного назначения помещения, выведенные из крупного продолговатого кирпича (70×42×9 и 64×45×8 *см*³). Материал из обоих раскопов заключает свыше 25 форм керамической утвари и большое количество костей животных. Из предметов вооружения встречены бронзовый двуперый втульчатый наконечник стрелы и бронзовый же черешковый наконечник дротика. Само поселение Мадау-тепе состояло из больших многокомнатных домов, образовавших сплошную застройку. Среди него выделялось обособленное центральное укрепление. Это был еще не город, а приближающийся к нему тип поселения, про который К. Маркс писал, что оно представляет собой нерасчлененное единство ремесла и земледелия.

В результате работ 1953 г. удалось выяснить, что сколько-нибудь крупные оседлые поселения появляются на Месторианской равнине только в пору поздней бронзы и раннего железа. Это зависело от возможности существования здесь развитой оседлой культуры при условии создания сложной системы каналов, которая могла появиться во время существования крупных союзов общин и возникновения раннеклассового общества. Постепенное запустение крупных поселений архаического Дехистана к середине I тысячелетия до н. э., возможно, связано в какой-то мере с переходом части населения к кочевому хозяйству.

Поселения древней Маргианы

При обследовании района к северу от Байрам-Али было установлено, что в песках между колодцами Джуппы и Байгушлы встречаются черепки безглазурной керамики с процарапанным орнаментом поры ранней бронзы. К более позднему времени относится некоторое число былых поселений в северной части Марыйской области, среди археологического инвентаря которых попадается, между прочим, керамика с частичной темно-бурой росписью в виде геометрического орнамента.

Подавляющее число древнемаргианских поселений приходится на время поздней бронзы — раннего железа. Как показали осуществленные археологические разведки, они располагаются преимущественно в низовьях дельты Мургаба, в наименее в древности заболоченных местах. Значительная часть занятой их руинами территории, изрезанная руслами каналов, была заброшена уже в пору развитого рабовладельческого общества и никогда после того не использовалась в качестве культурных земель. О необычайной густоте распределения этих поселений можно судить хотя бы по тому факту, что при осу-

ществлении двух маршрутов, в одном случае на протяжении 8,5 *км* зарегистрировано было семь поселений, а в другом на протяжении 37 *км* — шестнадцать, причем остатки некоторых из них тянутся от 0,5 до 2 *км* и более. Поселения состояли из крупных многокомнатных большесемейных домов, располагавшихся на отдельных участках в некотором расстоянии друг от друга. Из-за интенсивно протекающего до сих пор процесса развеивания поверхности микрорельеф на месте развалин поселений слабо ощутим. В ряде случаев проступают планы домов. Лишь изредка попадаются более или менее значительные бугры накопленных культурных наслоений. В составе археологического инвентаря этих поселений имеются куски железных и бронзовых изделий, небольшие плоские каменные зернотерки, точила, пестики, бусины в виде раковин и из камня; фрагменты лазурита; черепки керамической утвари, сделанные на гончарном круге и от руки. В числе первой характерны сосуды с подкошенным дном, а среди второй — встречающаяся в ограниченном количестве грубоватая «кухонная» посуда, в тесто которой замешена дресва. На одном из поселений в 13 *км* севернее средневекового города Хурмузфарра был раскопан крупный с заоваленными углами подквадратный керамический горн своеобразного устройства, обжигательная камера которого (с внутренней площадью около 4,5 $м^2$) имеет на одном уровне шестнадцать радиально расходящихся крупных вытяжных отверстий для выхода топочных газов. На дне печки оказалась керамика, аналогичная встречаемой на поверхности древнемаргианских поселений.

Следы более поздних древнемаргианских жилых пунктов, относящихся к ранней поре становления рабовладельческого общества, в 1953 г. установлены на территории древнего Мерва в Эрк-кале, Гяур-кале, Султан-кале и в пригородной части. Соответствующие культурные слои обнаружены в нижних ярусах нескольких стратиграфических шурфов. Установлен факт запустения древнемаргианского поселения середины I тысячелетия до н. э. на территории Гяур-калы, отмеченный слоем с надувным песком и погребенным уровнем почвы, что, может быть, отражает последствия жестокого подавления народного восстания 522 г. до н. э. в Маргиане ахеменидскими войсками. В историко-культурном отношении не менее важен выясненный факт преемственной общности комплексов инвентаря древней Маргианы грани II—I тысячелетия до н. э., середины I тысячелетия до н. э. и времени расцвета рабовладельческого общества в пору существования Парфянского государства. В частности, это относится к употреблению сосудов с подкошенными днищами. Приведенные выводы базируются на многочисленных наблюдениях и данных семи специальных стратиграфических шурфов. В низовьях Мургаба сложная ирригационная система, как и в Дехистане, не могли появиться до формирования крупных союзов общин и возникновения раннеклассового общества. Все вместе взятое документально доказывает наличие таковых, по крайней мере, для начала I тысячелетия до н. э.

Пора расцвета рабовладельческого общества

В соответствии с «Положением об ЮТАКЭ» особое внимание было уделено проблеме Парфянского государства.

На Мисрианском плато при закладке стратиграфических шурфов на городище Ортадепеслик в IX ярусе был встречен слой со значительным количеством керамики, в большинстве изготовленной без гончарного круга и напоминающей керамику полукочевых среднеазиатских племен первых веков н. э. По-видимому, этот слой, относящийся к поре существования Парфянского государства, содержит керамику, которую следует связывать с одним из племен тогдашних полуоседлых дахов.

Начатая в ноябре месяце и незаконченная из-за наступления непогоды раскопка одиночного кургана Безмеинского района в 25 *км* к востоку от Ак-тепе, привела к установлению интересного факта. Насыпь этого кургана овальная в плане (с диаметром в 24 и 27 *м*) при высоте в 1,8 *м* имела на поверхности выкладку из мелких камней по кругу (д=1,8 *м*) с кучей камней посередине, двумя параллельными рядами камней, отходящими вниз по склону с восточной стороны. Выкладка явно относится к более позднему времени, чем возведение кургана. Для разведки последнего был раскопан юго-западный обширный сектор, захвативший центр кургана. В разных частях насыпи были встречены фрагменты керамики поры существования Парфянского государства. В центре кургана на глубине 1 *м* оказались остатки некогда вертикально стоявшего отрезка деревянного столба толщиной в 15 *см* и длиной в 1 *м*. Для большей устойчивости столб был обложен муфтой из пяти рядов крупных сырцовых кирпичей. Уровень погребенной почвы на 40 *см* глубже муфты. В изучавшемся секторе признаков могильной ямы не обнаружено, какую по аналогии с курганами, раскапывавшимися XX отрядом ЮТАКЭ в 1951 г. в районе Кодж-Бами, можно ожидать в северо-западной четверти кургана.

Крупные земляные работы на городище Старая Ниса проводились как на южном, так и на северном архитектурном комплексах. В первом было завершено изучение интерьера одного из самых интересных памятников Нисы, так называемого «Круглого зала», имеющего внутренний диаметр в 17 *м*. Кроме сохраненного в нетронутом виде контрольного останца, произведена полная откопка по всей площади до полов, причем в некоторых местах были обследованы слои и ниже их уровня, а в центре заложен стратиграфический шурф до материка. Кроме того, полностью раскопан северо-восточный проход и установлено наличие симметричного ему третьего северо-западного прохода. За северо-восточным проходом открыто прилежащее помещение.

Детальное изучение установило наличие трех периодов в существовании «Круглого зала», в первом из которых не позднее конца III—начала II в. до н. э. функционировали все три прохода. Во втором — действовали юго-западный и северо-западный проходы, причем за северо-восточным появляются пристроенные коридоры, а внутри зала устраивается новый пол и проводится перекраска декора. В третьем периоде открытым остается один северо-западный проход, в зале производится новое оштукатуривание и перекраска. О последней свидетельствуют, между прочим, находки разбитых чашечек с остатками различных красок: белой, черной, малиново-розовой, темно-красной и др.

Обнаружение кусков стволов от круглых колонн до 0,5 *м* в диаметре из лекальных кирпичей показало, что во втором ярусе примерно на высоте 7 *м* от пола были не ниши со статуями, а шла пристенная колоннада или галерея высотой не менее 5 *м*, и таким образом общая высота стен круглого зала была около 12 *м*. Между колоннами уже в

первом периоде разместили крупные глиняные статуи, по-видимому, четыре. При разрушении здания, когда внутри зала уже накопился некоторый слой строительного мусора, статуи оказались сброшенными вниз, где от них остались бесформенные глыбы зеленоватой глины, все же позволившие рассмотреть складки ниспадающих одежд и фрагменты завитков черных волос.

Большое число встреченных терракотовых архитектурных деталей в виде рельефных плит, декоративных уступчатых зубцов, архивольтов, акантов (в том числе почти целых окрашенных), а также кусков черепицы позволяет после работ 1953 г. сделать проект первоначального вида интерьера «Круглого зала», явно близкого по типу к храму III в. до н. э. Арсиноэон на острове Самофракa. Из отдельных находок внутри зала заслуживают быть особо отмеченными изящная гемма с изображением оленя, а также куски свинцовых полос квадратного сечения (4,5×4,5 *мм*) от былого каркаса глиняных статуй. По окончании работ приняты меры по консервации раскопанной части «Круглого зала».

В отчетном году закончено обследование «Большого квадратного дома» (свыше 3500 $м^2$) в северном архитектурном комплексе. Были разобраны закладки проходов, соединявших соседние помещения. В некоторых из них вскрыты суфы и полы. Кое-где заложены стратиграфические шурфы. Полностью раскопан внутренний дворик. В числе встреченных находок имеются следующие нумизматические объекты, являющиеся древними фальсификатами: тетрадрахма греко-бактрийского царя Евтидема I, драхма Александра Македонского и половина тетрадрахмы или Александра или Селевка (с железной внутренностью). Из числа прочих обнаруженных предметов заслуживают особого внимания фрагменты игральных парфянских костяных кубиков, перламутровые инкрустации, щиток из лазурита, ручка из горного хрусталя, фрагменты небольших мраморных статуй, бронзовая фигурка орлоподобного грифона, бронзовая пластинка с изображением скачущего лучника, две бронзовые головки церберов, металлическая горельефная головка бородатого мужчины. По окончании исследований «Большого квадратного дома» в отношении его были приняты меры по консервации путем засыпки всех помещений выше уровня суф с возможностью ориентироваться в плане здания и с сохранением крупного контрольного останца культурных слоев посредине XIII колонной комнаты.

Дальнейшее изучение относящихся к северному архитектурному комплексу сооружений завершилось полной откопкой крупной хумханы III, имеющей площадь 25×6,9 $м^2$ и представляющей собой помещение с колоннами, от которых сохранилось семь кирпичных оштукатуренных алебастром баз. Как установлено исследованием, это помещение только во втором периоде своего существования было использовано под винный склад, после чего, судя по остаткам хумов и следов от них, размещалось свыше 150 коргач-пифосов для вина. Хумхана · IX, почти примыкающая к крепостной стене восточного фаса «Старой Нисы» и имеющая ширину 4,8 *м*, вскрыта по длине на 14 *м*. Тщательное изучение пола позволило выявить в этом складском помещении былое расположение хумов, стоявших в 4 ряда, из которых два шли вдоль длинных стен, а два других вытянуты посредине и сближены друг с другом. Под полами обеих хумхан в засыпке было обнаружено около пятисот целых и более или менее с полным текстом парфянских документов-остракa и значительное количество их фрагментов. Тек-

сты на вновь открытых остракa по сравнению с находками предыдущих лет отличаются лучшей сохранностью. Из датированных самый древний помечен 159 г. по аршакидской эре, т. е. приходится на пору правления Артабана II (88—77 г. до н. э.), а самый поздний имеет дату 231 г. по той же парфянской эре, т. е. падает на время царствования Фраата IV (38/37—3/2 г. до н. э.). Таким образом, новые остракa охватывают три четверти века и являются крупным дополнением к уже обнаруженному «архиву» парфянских документов. Данные наблюдений убеждают, что последующие работы обязательно будут сопровождаться обнаружением в соседних помещениях части упомянутого «архива», пока еще остающейся в нераскопанных культурных слоях.

Изучение прилегающей к хумхана территории, находящейся к югу и к востоку от «Большого квадратного дома», имевшее одной из своих задач получение комплексов инвентаря различных периодов парфянской эпохи, привело к обнаружению пяти помещений, из которых одно является позднепарфянским, а четыре принадлежат к среднепарфянскому времени. Последние оказались относящимися к числу производственных. В трех из них имеются очаги, обмазанные алебастром небольшие подпрямоугольные резервуары, хумы и заменяющие их сосуды. В алебастровом дне лучше других сохранившегося резервуара оказались два желобка и одно сливное отверстие. По-видимому, здесь размещались небольшие винодельни, где изготовлялись особые напитки (может быть, и хаома), или перерабатывалось на специальные сорта вино, доставлявшееся на Старую Нису из разных мест и хранившееся в соседних хумханах. Из находок интересен керамический фрагмент с нарисованной на нем черной краской стоящей вправо человеческой фигурой, держащей в левой руке какой-то кольцеобразный предмет.

Производственное помещение, раскопанное к югу от хумханы III, по-видимому, связано с такими же другими, расположенными вдоль южного фаса «Большого квадратного дома». Специально заложенные стратиграфические шурфы в различных пунктах территории городища Старой Нисы (к югу от южного архитектурного комплекса, недалеко от крупной угловой башни восточного фаса, у юго-западного угла «Большого квадратного дома» и на площади раскопов), будучи доведены везде до материка, нигде не дали явно выраженного предпарфянского культурного слоя, почему нет оснований допускать наличие здесь сколько-нибудь крупного поселения до времени сложения Аршакидского государства.

Значительные исследовательские работы по проблеме рабовладельческого общества были развернуты на территории древнего Мерва. Специальному обследованию был подвергнут вал Гилякин-Чильбурдж, являющийся остатком внешней стены былой городской округи. Окончательно установлено, что стена эта была выведена в пору рабовладельческого общества. Следы ее прослежены во всей северной половине и впервые правильно засняты на план, что весьма своевременно, так как с западной и восточной сторон они исчезают с каждым годом все больше и больше в связи с интенсивной тракторной запашкой полей. Выяснилось, что направление Гилякин-Чильбурджа неверно отмечалось предшествующими исследователями и далеко не точно указывалось на картах. Судя по южным концам сохранившегося ва-

ла, стена охватывала более широкую площадь, чем это намечалось по данным старых съемок.

В археолого-топографическом отношении наиболее детально обследовалась территория собственно города поры рабовладельческого общества, т. е. городище Гяур-кала и его цитадель Эрк-кала. В результате поквадратного изучения поверхности микрорельефа с учетом всех наблюдений над разрезами культурных слоев были составлены картограммы распространения археологических материалов за разные эпохи. Они подтвердили, что Гяур-кала полностью была обжита лишь до III в. н. э. включительно.

Разведочные работы в основном были связаны с изучением мест пребывания былых производителей ремесленной продукции. Рабочие площадки разбивались на территории крупных ремесленных кварталов в северо-восточной части городища. Здесь впервые для Туркменистана был вскрыт крупный парфянский горн, сложенный из сырцовых кирпичей, сохранивший свой свод на значительную высоту и относящийся ко II—началу III в. н. э. В самой печи и рядом были добыты керамические предметы, характеризующие продукцию мервского гончара этого времени. Близ южных ворот Гяур-калы подвергнут раскопу и изучению мощный отвал брака керамического производства II—I вв. до н. э. Он дал большое число объектов, в том числе терракотовые фигурки, среди которых особый интерес представляет полуобнаженная беременная богиня-матерь. Комплекс предметов, позволяющий судить о керамической продукции I—II вв. н. э., встречен на площадке «б» раскопа 5. Таким образом, за один сезон полевых работ удалось получить три разновременных комплекса поры существования Парфянского государства, что имеет исключительное значение для установления датировочной шкалы маргианской керамики парфянского времени.

В том же ремесленном квартале, в 200 *м* восточнее ворот Эркалы был заложен раскоп руин, представлявший собой как бы отдельно стоящий бугор, на котором разведкой 1950 г. было установлено наличие признаков сконцентрированного здесь металлообрабатывающего производства. На поверхности бугра подъемный материал давал «парфянскую» керамику и медные монетки позднемаргианских эмиссий. Раскопом установлено, что от верхнего здания, стоявшего на платформе из сырцового кирпича 42×42×12 *см*^{3}, почти ничего не сохранилось. Сооружение его платформы высотой до 1 *м* относится к поздней поре рабовладельческого Мерва. Под платформой обнаружены остатки более раннего сооружения, выведенного из кирпича 45×45×12 *см*^{3}. В нем оказалось несколько небольших помещений, связанных с ремесленным производством. В четырех из них установлены остатки печей. Тут же были встречены: железные шлаки, крицы железа, каменный пест, фрагмент каменного калыпа, куски глиняной формочки, небольшие расколотые стеклянные черпачки с ручками. В помещениях западной части бугра найдены угли, кусочки меди, медные шлаки, фрагменты керамических формочек для литья, кроме того, раскоп дал целые рога и отпиленные от них куски-заготовки (оленя, сайги, джейрана); целые кости животных, в том числе плоские, часть которых явно была в работе и отполирована в результате частого употребления до блеска; фрагменты костяных изделий, остатки хумов, а также бытовой керамической утвари, куски жженых кирпичей (в том числе лекальный кирпичный сегмент от ствола круглой колонны диа-

метром несколько менее 70 *см*), фрагмент терракотового антефикса и отлитая из алебастра скульптурная капитель небольшой полуколонки. Капитель имеет две волюты на высоких стержнях и поясную женскую фигуру, помещенную над акантовым листом. Антефикс и капитель, возможно, принадлежали декору, сделанному в стене нише-алтаре. Дом, видимо, принадлежал богатому ремесленнику, являвшемуся уже по существу организатором и владельцем ремесленного производства по обработке железа и меди, по изготовлению из этих металлов предметов, в том числе ножей и оружия, на ручки и украшение которых употреблялись рога и кость. Стеклянные черпалочки могли служить для ртути, использовавшейся при нанесении на металлические изделия позолоты. Производством было занято много лиц, возможно, не только рабов, но и свободных ремесленников, причем в небольших комнатах-мастерских (около 7,5 $м^2$) одновременно работало два—три человека. Дом включал не только производственные помещения, но и жилье, в том числе и комнаты самого владельца производством, на что указывают находки фрагментов бытовой утвари, терракотовых фигурок и упоминавшихся выше элементов архитектурного декора алтаря-ниши. Обнаружение под полом медной монеты Фраата IV (38/37—3/2 г. до н. э.) в известной мере датирует момент, не ранее которого был возведен этот дом, вероятно, после смутной поры конца династии старшей ветви Аршакидов. Вслед за длительным периодом обживания здание пришло в упадок и долгое время находилось в запустении. Последнее отмечается натечно-надувным слоем в 10—20 *см*, оказавшимся на полах во вскрытых помещениях. Только много времени спустя развалины забитых мусором полуразрушенных комнат были подравнены и сверху на них вывели платформу для нового не сохранившегося до нас здания.

Из находок на Гяур-кале особенно важен сбор терракотовых фигурок людей и животных (лошадь, верблюд, бык, собака, обезьяна), многие из которых получены из точно определенных, благодаря монетным находкам стратиграфических слоев. Они не только умножают количество выявленных ЮТАКЭ предметов мелкой терракотовой маргианской народной скульптуры, но дают ряд совершенно новых типов. В частности, интересная скульптурная подставка — светильня, опирающаяся на четыре ноги, увенчанная четырьмя головками лошадей на длинных шеях и несущая на спине комбинированного животного плошку для масла. Кроме того, на Гяур-кале найдены три парфянские геммы с изображением тамгообразного знака, козла, гиены и одна бронзовая печать с трехконечной свастикообразной фигурой.

В 15 *км* севернее Эрк-калы при осуществлении северо-маргианского маршрута вблизи песков обнаружена почти квадратная парфянская крепость площадью свыше 3,5 гектара. Ее двойные стены, прямоугольные башни и некоторые внутренние сооружения выведены из сырцовых кирпичей. Кое-где встречаются крупные жженые продолговатые кирпичные плиты (51×30×6,5 $см^3$; 51,5×39×7 $см^3$). Единственные ворота устроены в восточном фасе. На поверхности лежит археологический материал парфянского времени. Среди сделанных подъемных находок оказался один парфянский халк позднемаргианского выпуска. На прилегающей к крепости местности следов поселения поры рабовладельческого общества не обнаружено. Крепость, видимо, была заброшена вскоре после падения Парфянского государства. Некоторое

время спустя одно из ее внутренних помещений было использовано окрестным зороастрийским населением в качестве науса, в связи с чем здесь имеется навал большого количества раздробленных человеческих костей.

Среди монетных находок, относящихся к поре рабовладельческого общества, впервые встречена в юго-западной части Гяур-калы медная монета греко-бактрийского царя Диодота I (III в. до н. э.), а на городище Гала-Бурун в песках на пути из Старого Мерва в Серахс впервые найден кушанский халк Хувишки (II в. н. э.) с изображением всадника на слоне.

Пора кризиса рабовладельческого общества

Детальные стратиграфические наблюдения выявили наглядную картину последствий кризиса рабовладельческого общества особенно в крупном до 12 *м* глубины шурфе № 2 в центре Гяур-калы. В нем выше парфянского слоя, датируемого маргианскими медными монетами не позднее начала III в. до н. э., расположена мощная линза, наполненная большим количеством керамического брака, содержащего даже почти целые сосуды и терракотовые фигурки. Весь полученный здесь многообразный выразительный комплекс керамической утвари по своим формам, облику и технике выполнения очень близок и почти идентичен таковым же предметам из парфянских слоев. Между тем содержимое данного отвала точно датируется встреченными здесь в разных местах медными монетами раннесасанидского чекана, выбитыми при Арташире (224—242) и Шапуре I (242—272). Такое же положение отмечено в ряде других случаев, что определяет известную закономерность. Особенно показателен установленный факт, что площадь распространения культурных слоев с керамикой, аналогичной содержащейся в упомянутой линзе и датируемой порой правления ранних Сасанидов, совпадает на Гяур-кале с территорией, обжитой в парфянское время. Встречающиеся здесь сасанидские монеты охватывают чекан с Арташира I до Хормизда II (303—309), то есть весь третий и самое начало IV в. н. э. Таким образом, первые десятилетия появления Сасанидского государства не сказались сколько-нибудь заметно на жизни Мерва, на облике бытового инвентаря и на иконографии местных терракотовых идольчиков. Кризис рабовладельческого общества начал сказываться в Мерве с IV в., когда значительная часть его постепенно опустела. С этой же поры начал изменяться и облик местного археологического инвентаря.

Феодальное общество

Установленное ЮТАКЭ распространение на территории Гяур-калы культурных слоев VI—VII вв. со своеобразным типично «сасанидского» облика инвентарем показало, что после кризиса в Мерве даже к моменту арабского завоевания в 651 г. густо обжита была только часть площади былого города поры расцвета рабовладельческого общества.

Основной археологический материал времени раннего феодализма дал разведочный раскоп 3б, заложенный вблизи северо-восточного угла Гяур-калы на вытянутом с севера на юг бугре, имевшем поверху около 400 $м^2$. Выяснилось, что в основании бугра находится платформа из пахсы, на которой еще в парфянское время было возведено здание из крупных сырцовых квадратных кирпичей. Позднее на его руинах было выведено новое сооружение, в обживании которого просле-

живается несколько этапов. Последний из них приходится на пору до арабского завоевания. В это время функционировали все семь вскрытых помещений. В малых западных комнатках сохранились остатки каминов. Среди находок, кроме комплексов керамики, имеется небольшой кладик медных сасанидских монеток VI в., обнаруженный в завале мусора в виде кучки спекшихся окисливших кружков с приставшими к ним кусочками материи. Кроме того, найден глиняный черепок с пехлевийской надписью позднесасанидского времени в шесть коротких строк.

Керамику V—VII вв. и две серебряные монеты сасанидского чекана V—VI вв. (из которых одна целая, а вторая—фрагментированная) дали сборы подъемного материала и верхние четыре яруса шурфа и разведочного раскопа на городище Ортадепеслик на Мисрианском плато. Исследования показали, что жизнь на этом городище еще была в VII столетии.

В части изучения исторической топографии городов интересные наблюдения были сделаны по Пашану или Фашану, наименование которого иногда передается в форме Башан. Его городище находится примерно в 23 *км* по прямому направлению к северу от Старого Мерва. Никаких археологических материалов античного времени на его территории не обнаружено. Ядром города явилось Куртлы-депе, представляющее собой руины крупного раннефеодального замка, к которому примыкало первоначально небольшое поселение. К IX—X вв. город уже сформировался главным образом к востоку, юго-востоку и югу от замка. Большой зависимости от последнего в планировке не чувствуется. Ее характеризуют отсутствие городской стены и несколько пересекающихся чаще всего под прямыми углами улиц, иногда идущих почти параллельно. Соборная мечеть располагается посредине города, но далеко не в центре. Кварталы керамистов и кирпичников размещаются к северу и северо-востоку от замка. Город интенсивно развивался в XI—XII вв., хотя Самани именует его «селением». В отличие от Кушмейхана, Хурмузфарра и Али-Аскера, из которых первый стал хиреть, видимо, с конца X в., а два остальных после так называемой «гузской смуты», Пашан, как показывает его поверхностный слой, существовал в конце XII—начале XIII в. и, находясь на столичной дороге из Ургенча в Мерв, по-видимому, относительно процветал. Гибель его и окончательное захирение явились последствием монгольского завоевания, после чего он уже не возрождался. Изучение его исторической топографии особенно интересно в связи с тем, что Пашан целиком феодальный город, период жизни которого продолжался по крайней мере с VI до начала XIII в. включительно. Вместе с тем, он совершенно не укладывается в планировочную схему, предложенную В. В. Бартольдом для среднеазиатских и персидских феодальных городов.

Много совершенно новых данных получено при изучении пригородной части Старого Мерва, сопровождавшемся археолого-топографической съемкой с поднятием былой планировки. Проделанная работа особенно своевременна, так как археологический микрорельеф с каждым годом исчезает все интенсивнее буквально на наших глазах в связи с расширением посевных орошаемых площадей. Изучению подвергнуто около 30 *км*^{2}. Удалось выяснить, что же собственно являл собой рабад средневекового Мерва; где находились и что представляли четыре его руба'а; установить в натуре местонахождение некоторых кварталов и пунктов, известных по письменным источникам; выявить ряд моментов по истории сложения пригорода до XV в. включительно, в том чис-

ле в части, касающейся расходящихся из Мерва в разные стороны торговых путей; определить экономическую специфику отдельных районов; обнаружить определенную регулярность планировки значительных площадей пригорода и вместе с тем зависимость ее в некоторых случаях от древней системы наиболее крупных магистральных каналов. Подобной работы по изучению рабада не проделывалось до сих пор ни по одному из старинных городов Средней Азии и прилежащих стран Востока.

В порядке продолжения изучения торгового пути из Мерва на Бухару он прослежен в местах от Кушмейхана (через караван-сарай XI—XII вв. в 2 *км* восточнее его) в северо-восточном направлении, причем установлено, что дорога проходила через колодец Байгушлы. У последнего, примерно в 14 *км* от городища Кушмейхана, обнаружены следы былой остановки караванов, где оказались остатки пяти средневековых кирпичеобжигательных печей и руины двух многокомнатных помещений. Собранный здесь археологический материал, состоящий из медных монет, кирпичей, шлаков, фрагментов керамики, стеклянной и каменной утвари, охватывает промежуток от VI в. до XII столетия. Встречены одиночные объекты XIV, XVI вв. и более позднего времени. В 1,5 *км* от этого пункта обнаружены руины небольшого придорожного сооружения, около которого собран археологический инвентарь VII—IX вв. Наконец, в 17 *км* от Кушмейхана по прямому направлению были открыты отыскивавшиеся отрядом остатки промежуточной станции между Кишманом и Ад-Дивабом, положение которой было установлено ЮТАКЭ в 1952 г. Здесь у следов древнего русла Мургаба оказались руины караван-сарая из сырца, развалины более мелких построек, на сооружение которых пошло в свое время много жженых кирпичей (26×26×6,5 $см^3$), и небольшая средневековая керамическая печь. Площадь, занимавшаяся некогда останавливавшимися тут караванами, отмечается распространением фрагментов археологического инвентаря и имеет радиус около 200 *м*. Подъемный материал датируется VIII — началом XIII в. Попадаются одиночные фрагменты керамики XV в. Таким образом, проделанный маршрутной группой пеший проход по пескам (которые здесь оказались непроходимыми для машины ГАЗ-51), позволил установить южный отрезок средневекового караванного пути между Мервом и Бухарой. Выяснено, что вдоль него имеется ряд памятников, не упомянутых в арабских дорожниках IX—X вв., и что пора наиболее интенсивного его функционирования приходится на XI — первую половину XII в., когда здесь появляется большинство сооружений из жженого кирпича. Наконец, установлено, что после монгольского завоевания этот отрезок пути уступил свое место более южной дороге, направление которой удалось четко выявить при изучении городской округи Мерва.

Рекогносцировочный маршрут из Мерва на Серахс имел целью выяснить, где именно проходил средневековый торговый путь на отрезке южнее Денданакана, поскольку более северный участок его уже установлен ЮТАКЭ работами предшествующих лет. Оказалось, что старинная дорога пролегала западнее современной. В песках прослежено русло былого магистрального канала, обеспечивавшего водой ряд населенных пунктов вдоль былой торговой трассы. Из них открыты и впервые подвергнуты обследованию и отождествлены три упоминаемых в средневековой литературе объекта: замок Наджар (ныне Тура-депе), город Уштурмагак (Гала-Бурун), город Тильситана, о которых в пись-

менных источниках нет никаких подробностей. Предварительное их изучение показало, что наиболее значительным из них был город Тильситана, площадь развалин которого имеет до 2 *км* в окружности. Собранный подъемный материал свидетельствует, что все эти населенные пункты интенсивно жили с IX до начала XIII в., а Тильситана относительно процветала еще и в XV—начале XVI в. При посещении развалин Денданакана установлено, что они, кроме уже вошедшего в научную литературу названия Дашрабат, именуются населением также Дербендихан.

Из отдельных фактов, касающихся памятников феодального времени, заслуживают внимания следующие:

А. К западу от ворот Фирузи мервского городища Султан-кала, в квартале керамистов, рядом с установленным ЮТАКЭ кварталом Сасана (в котором удалось опознать остатки мусалла или мечети намазгох) обнаружено несколько особого устройства прямоугольных керамических печей. Одна из них сохранила целиком свой свод. Изучение их самих, изготовлявшейся в них продукции и заключавшегося внутри содержимого показало, что эти неизвестного до сих пор типа печи относятся к концу XII—начала XIII в. Такая датировка получила подтверждение находкой медной монеты чекана хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220).

Б. В мазаре имама Касыма, расположенном в 39 *км* к юго-востоку от Байрам-Али, среди нескольких резных полихромных изразцов обнаружен фрагмент торцовой плитки от намогильника зеленовато-голубой поливы с остатками эпитафии, из которой явствует, что он был предназначен для некоей женщины и что текст составил некий писец. Эпитафия, выполненная изящным почерком несхи, обведена рамкой из трех полос — белой, синей и голубой, за которой расположена религиозная надпись белыми буквами почерка цветущего куфи. По технике, стилю, расцветке, эпиграфическим данным этот фрагмент совершенно сходен с плиткой, найденной ЮТАКЭ в 1950 г. в Шахрияр-арке Старого Мерва и имеющей дату 678 г. х. (1279/80). Возможно, что оба объекта вышли из рук одного мастера. Новая находка является дополнительным фактом о состоянии Мерва и его округа во второй половине XIII—начале XIV в.

В. В числе вновь открытых эпиграфических памятников интересны две намогильные плиты XV в. из белого хорасанского мрамора со сбитыми эпитафиями, обнаруженные к югу от Байрам-Али у мазаров имама Касыма и имама Бакира (или Акташ) и половина намогильника из серого мрамора, на которой уцелела дата смерти: «Ша'бан 831 г. х.», то есть вторая половина мая — первая половина июня 1428 г.

Г. Среди обнаруженных в разных местах медных монет интерес представляет фрагмент литой согдийской китаеподобной монеты самаркандского владетеля Уграка (Гурека) первых десятилетий VIII в., найденный на Гяур-кале. Этот нумизматический объект является первым регистрируемым на территории Туркменской ССР монетным кружком согдийских ихшидов и подтверждает наличие развитых торговых связей Мерва с Мавераннахром. Кроме того, на территории селения Багир обнаружен медный фельс конца XV в., выпущенный в городе Абиверде в 900 г. х. (1494/5) с изображением орнаментального картуша на реверсе. Такого типа тимуридский чекан Абиверда пока не был известен.

Д. Из отдельных вещевых находок заслуживает внимания каменная гиря-грузило XV в., сделанная из белого мрамора и предназначавшаяся для прижимания к полу углов ковров и других матерчатых настилов. Такого рода объекты до сих пор не отмечались среди предметов археологического инвентаря из Туркменистана.

Е. Стратиграфический шурф на территории Султан-калы по согласованию с Управлением по делам архитектуры при Совете Министров Туркменской ССР был заложен внутри мавзолея султана Санджара у угла ниши южной стены на глубину несколько более 4 *м*. В связи с этим он способствовал получению данных одновременно как по сооружению этого памятника, так и по истории заселения данной территории западного пригорода Мерва с VIII в. Со всех уступов подземной части мавзолея Санджара взяты пробы кырового раствора для производства анализов.

Проблема изучения этногенеза туркменского народа

По проблеме этногенеза туркменского народа прошла часть работ XX отряда ЮТАКЭ, осуществившего разведочную раскопку могильных курганов, зарегистрированных А. А. Росляковым в 4 *км* к юго-западу от Безменна. В находящейся здесь группе-цепочке из девяти курганов вскрыты три, оказавшиеся разграбленными в древности. Под небольшими оплывшими насыпями от 0,4 до 1,2 *м* высотой оказались могильные ямы длиной около 3 *м* при ширине от 1 до 1,6 *м* и при глубине от 2 до 2,5 *м*, имевшие в свое время деревянные перекрытия. Ориентировка длинной оси могилы с северо-востока на юго-запад, причем покойники клались головой на юго-запад. По найденным фрагментам утвари погребения датируются XI—XII вв. Проведенные раскопки интересны в том отношении, что ими в Туркмении впервые установлены могильные курганы одного из кочевых племен времени Сельджукидов.

XXII отряд продолжал изучение селения Мурча и племени мурчали, в связи с чем производился сбор материалов на месте.

В Зюльфикарском хребте, в Кушкинском и Тахтабазарском районах зарегистрировано четыре старотуркменских кладбища с намогильными плитами XVII в. и каменными столбами. На некоторых имеются высеченные эпитафии. В порядке изучения позднетуркменской архитектуры обследовано с производством соответствующих обмеров интересное по своей композиции сооружение мавзолея Шейха Касыма в Байрам-Алийском районе.

1954 г.

В полевой работе участвовали следующие отряды:

I отряд — осуществлявший под руководством М. Е. Массона раскопки на городище Старая Ниса. Производители работ археологи М. С. Мерщиев и Н. И .Крашенинникова.

VII отряд — архитектурный, возглавлявшийся кандидатом архитектуры Г. А. Пугаченковой.

XIV отряд — по изучению древнемаргианских поселений, возглавлявшийся кандидатом исторических наук В. М. Массоном.

XVI отряд — по изучению городища Старого Чарджоу. Производитель работ дипломант Г. Е. Трапезников.

XVIII отряд — по изучению Старого Мерва и Марыйского оазиса, возглавлявшийся профессором М. Е. Массоном. Производители работ

археологи М. С. Мерщиев, Л. М. Рутковская, И. Ахраров, фотограф Е. Н. Юдицкий.

XXII отряд — по историко-этнографическому изучению племени мурчали, возглавлявшийся Д. М. Овезовым.

XXIII отряд — по историко-археологическому изучению Серахского района и торгового пути из Мерва в Серахс, возглавлявшийся аспирантом К. Адыковым.

XIV отряд — по изучению средневекового торгового пути из Амуля в Хорезм, возглавлявшийся профессором М. Е. Массоном.

Каменный и бронзовый века

По проблеме каменного века в Туркменистане проводилась камеральная обработка собранных материалов, причем завершена монография о Джебельском гроте, в котором установлено последовательное накопление на дне трехметровой толщи восьми культурных слоев от конца мезолита до бронзового века включительно.

По проблеме бронзового века на разрешение была поставлена задача по изучению раннемаргианских поселений эпохи бронзы и раннего железа в связи с необходимостью уточнения в периодизации истории Туркмении вопроса о времени появления здесь рабовладельческого общества. Полевая работа над указанной темой была подготовлена широкой археологической разведкой былого Маргианского оазиса по линии ЮТАКЭ на протяжении нескольких лет и особенно в 1953 г.

Предварительному изучению был подвергнут памятник из группы древнемаргианских поселений к северу от Улы Кишмана (средневекового Хурмузфарра), условно названный «Тахирбай 3». Дома его возведены из продолговатого кирпича 38×27×10 *см*³. Ведущими формами керамической утвари являются «вазы» на высоких полых ножках, кубки с подкошенным дном и горшкообразные сосуды с отогнутым наружу венчиком и скошенной придонной частью. Распространен процарапанный орнамент. Встречен фрагмент венчика сероглиняного орнаментированного сосуда ручной лепки, близкого по типу к предметам Андроновской и Карасукской культур. Весь комплекс археологических предметов поселения «Тахирбай 3» может быть отнесен к концу бронзового века, синхронизирован с культурой «Намазга VI» и, таким образом, изучаемый памятник, безусловно, принадлежит к числу наиболее ранних объектов, установленных к 1954 г. на территории древней Маргианы.

Раннеклассовое общество

В 1954 г. окончательно установлено, что архаические культуры Дехистана конца времени бронзы—начала железа приходятся на вторую половину II — первую треть I тысячелетия до н. э., подходя к поре сложения здесь классового общества и частично захватывая ее. В процессе проработки костного материала из раскопок на Мадау-депе впервые установлено широкое распространение в это время в домашнем хозяйстве свиньи.

С целью получения новых данных о времени появления раннеклассового общества на территории Южного Туркменистана было проведено одновременное изучение уже под этим углом зрения ряда памятников на землях древней Маргианы: городищ Гяур-кала в Старом Мерве, Кырк-депе, Дев-кала (в основном путем заложения стра-

тиграфических шурфов и исследования фортификационных сооружений), а также древнемаргианского поселения Яз-депе. Последнее расположено в 35 *км* к северо-западу от Старого Мерва близ парфянского городища Гёбеклы вне пространства, некогда окруженного стеной Антиоха.

На обширном поселении Яз-депе, предварительно обследовавшемся в 1951 г., было осуществлено четыре раскопа и заложено три стратиграфических шурфа. Установлено, что поселение находилось на правом берегу крупного канала, несшего воду значительно севернее этого пункта. Следы его русла усматриваются почти в 12 *км* ниже Яз-депе. Цитадель последнего, возвышающаяся над прилежащей местностью на 12 *м*, несет кладки из крупного продолговатого сырцового кирпича (54×29×9 *см*^{3} и 56×32×10 *см*^{3}). Поселение в основном располагалось южнее и восточнее цитадели, а наиболее густо обжитые его площади отмечаются оплывшими буграми. Выявлено наличие трех культурных слоев, условно обозначенных, начиная снизу, как Яз-депе I, Яз-депе II и Яз-депе III.

Нижний культурный слой (Яз-депе I) характеризуется преобладанием керамических сосудов, сделанных от руки и часто расписанных красновато-бурой, темно-коричневой, светло-коричневой и малиново-красной красками в виде геометрических орнаментов, имеющих в основе треугольник. Наряду с ними, в обиходе имелась посуда, изготовленная на гончарном круге, по-видимому, ремесленного производства.

Средний культурный слой (Яз-депе II) содержит керамическую утварь, сделанную в основной массе на гончарном круге, причем широко представлены сосуды с подкошенными донцами. Роспись отсутствует.

Верхний культурный слой (Яз-депе III) заключает в себе керамические изделия, близкие к таковым из среднего слоя, но в нем характерно наличие «тарелочек» с изогнутым краем, аналогичных содержащимся в комплексе раннепарфянских слоев Мерва и Нисы.

Кроме керамических предметов, во всех слоях встречены изделия из металла: бронзовый нож, различные бронзовые наконечники стрел разных эпох, в том числе двуперый наконечник с припаянными гранями, двуперые литые втульчатые и двуперые черешковые с шипообразно загнутыми концами перьев; наконец целый «клад» железных боевых топоров, тёсел и других инструментов в одном из глинобитных помещений верхнего культурного слоя.

Сделанные наблюдения позволяют датировать время существования поселения с культурой Яз-депе I IX—VIII вв. до н. э. В подгорной полосе Копетдага это соответствует поре, которую Б. А. Куфтин по археологическим комплексам характеризовал как период «возрожденных оседло-земледельческих традиций».

Культурный слой Яз-депе II может быть датирован VII—VI вв. до н. э. Его содержимое близко по составу к находкам из маргианских слоев в шурфах Эрк-калы и Гяур-калы Старого Мерва, включая биконической формы метательные «ядра» для пращи, изготовленные из обожженной глины. Этот культурный слой является верхним на площади былой цитадели, которая затем была разрушена и не обживалась в пору бытования культуры Яз-депе III.

Культурный слой Яз-депе III восходит к V—IV вв. до н. э. Вместе с Яз-депе II он соответствует по времени археологическим комплексам подгорной полосы Копетдага группы культур Анау—IV.

Наиболее интересные наблюдения стратиграфического порядка для этой поры сделаны в шурфе № 3 на площади раскопа 2 в 150 *м* к юго-востоку от Эрк-калы Мерва. Здесь, в XVII ярусе, в многослойном глинистом тоюне встречены фрагменты керамики, слегка окатанные водой. Выше располагаются слои тоюна и прослойки песка. Над ними залегает натечный глинисто-песчаный слой, пронизанный чехликами корней дикой растительности. Все отмеченные слои лишены каких бы то ни было антропогенных остатков. В XIV ярусе заключены археологические материалы раннеантичного времени. Таким образом, на территории Гяур-калы наглядно подтверждено наличие установленного ЮТАКЭ запустения с конца VI в. до н. э., которое можно связать с последствиями подавления Ахеменидами восстания в Маргиане 522—521 гг. до н. э., когда страна была подвергнута опустошению и наместник Дадарши перебил свыше 50 000 восставших. Очевидно, с этим же событием было связано разрушение цитадели Яз-депе, перерыв в обитании самого поселения,а некоторое время спустя новое обживание его территории носителями культуры Яз-депе III, этнически и культурно тесно связанными с предшествующими обитателями этого района.

Изучение фортификационных сооружений Дев-калы и Кырк-депе показало, что они возникли несколько позднее. В них в качестве строительного материала использован в большом количестве крупный квадратный кирпич, типичный для поры развитого рабовладельческого общества.

Наблюдения 1954 г., базирующиеся на четкой стратиграфии подвергнутого археологическому вскрытию древне-маргианского поселения Яз-депе близ парфянского городища Гёбеклы, документально подтвердили ряд ранее высказанных ЮТАКЭ выводов в части периодизации истории развития общества на территории Южного Туркменистана. Освоение низовьев дельты Мургаба земледельческими племенами начинается, по полученным ЮТАКЭ данным, с эпохи поздней бронзы. Значительного развития здесь земледельческая культура достигает в пору «раннего железа» (культуры Яз-депе I и Яз-депе II). Появление больших для своего времени каналов и возникновение цитаделей на мощных платформах из крупных продолговатых сырцовых кирпичей связано с развитием производительных сил (широкое внедрение орудий из железа) и с усложнением общественной организации (сложение государственных образований ранних форм). В соответствии с полученными наблюдениями и установленными фактами можно полагать, что сложение раннерабовладельческого общества на территории Маргианы имело место во второй половине первой четверти — в первой половине второй четверти I тысячелетия до н. э.

Развитое рабовладельческое общество

Для поры развитого рабовладельческого общества весьма важным является установление впервые точно датированного комплекса керамических объектов поры существования Греко-бактрийского царства. Он выявлен в результате стратиграфического исследования на площади дома богатого парфянского ремесленника на территории Гяур-калы в Старом Мерве и залегает в культурном слое мощностью свыше 1 *м*. Датировка его, помимо чисто стратиграфических данных, подтверждается двумя нумизматическими находками. Первая — это крупный халк (д=26—27 *мм*) чекана греко-бактрийского царя

Евтидема I (около 230—200 г. до н. э.) с изображением в кругу из точек головы Геракла вправо на Av и скачущей вправо лошади в кругу из точек на Rv; легенда: вверху BAZI [ΛΕΩΣ]; внизу Е[ΥΘΥΔΗΜΟΥ]. Вторая медная монета парфянского чекана II в. до н. э.: на Av—бюст царя с пышной длинной бородой вправо, как у Митридата I (171—132); на Rv — стоящий вправо конь, как на некоторых монетах Фраата II (138/7—128/7); от расположенной квадратом легенды сохранились следы трех титулов — [А]РΣАК[ОУ ЕVЕРГЕ]ТОУ [Δ]ІКАІ[ОУ]. Не совсем обычный халк, видимо, принадлежал чекану Митридата I. Как известно, Маргиана, если и была завоевана им у греко-бактрийского царя Гелиокла, то лишь на короткое время, а прочное вхождение этой области в состав Парфянского государства приходится на конец II в. до н. э. Выявленный в 1954 г. комплекс объектов поры существования Греко-бактрийского царства (вторая половина III — первая половина II в. до н. э.) имеет еще и то значение, что дает верхнюю дату для археологического инвентаря нижележащего культурного слоя.

Интересные данные получены при изучении городища Старого Чарджоу (Амуль), на месте которого, как впервые установлено ЮТАКЭ в 1950 г., поселение существовало уже в пору рабовладельческого общества, хотя по письменным источникам город Амуль известен лишь с раннего средневековья. Археолого-топографическое исследование 1954 г., сопровождавшееся первой съемкой археологического плана городища, показало, что как бывший дворец бухарского бека, так и вся возвышенная площадь в 6,25 га, окруженная крепостной стеной, в основе своей являются ядром рабовладельческого города. Последний занимал не только ограниченную второй внешней стеной территорию с весьма неправильным контуром, но, судя по распространению керамики античного времени, своей округой выходил за ее пределы, особенно в северном направлении и отчасти в восточном, захватывая ближайшие пригородные тепе. На площади рабовладельческого Амуля встречаются кладки из крупного античного сырцового кирпича (40×40×10 *см*^{3}) и отдельные жженые кирпичи (40×40×7 *см*^{3}) с типичным черным закалом внутри. В северо-восточной части Амуля шурф прошел через мощную кладку какого-то крупного сооружения, выведенного из аналогичных сырцовых кирпичей с типичными для поры рабовладельческого общества клеймами. Оба стратиграфических шурфа (из которых № 1 достиг 7 *м* глубины) выявили значительную мощь культурных наслоений, предшествующих поре кризиса IV — первой половины V в. и содержащих в верхних ярусах медные монетки позднe-кушанских эмиссий III в. н. э. Медных парфянских монет, столь многочисленных и обычных на поселениях Маргианы, ни на территории бывшего Амуля, ни в его окрестностях встречено не было. Керамический материал, собранный в 1954 г. на городище Старого Чарджоу и в пунктах тяготеющего к нему северного района, ближе по своему облику к таковому же из Мавераннахра (особенно к известному по раскопам О. В. Обельченко в Бухарской области), чем к маргианскому или парфянскому. Вместе с тем пока не встречено форм, типичных для областей Правобережного Тохаристана при одновременном наличии некоторого количества предметов, близких к хорезмским и, может быть, даже привезенных непосредственно оттуда, что вполне возможно.

Изучение расположенных на северной оконечности Кабаклинского тугая развалин двух сооружений, именуемых ныне Кош-кала и находящихся примерно в 135 *км* ниже по Амударье от Чарджоу, показало,

что более южные руины представляют собой остатки античной крепости, расположенной на краю обрывистой поймы. В настоящее время уцелела только ее западная часть, а более половины смыто некогда Амударьей при неоднократных разливах. Прямоугольная в плане площадью около 1,25 гектара крепость выведена из сырцового кирпича (40×40×10—16 *см*³) кладкой в перевязку, имеет выступающие наружу прямоугольные башни и одну, слегка заоваленную от лабиринто-подобного привратного укрепления. Наиболее угрожаемым считался северный фас, снабженный в связи с этим в два с половиной раза гуще, чем другие фасы, промежуточными башнями. Стены крепости двухъярусной обороны с крытым коридором в нижней части и с чаще чем через 1 *м* устроенными стреловидными бойницами (хорошо сохранилось 9 штук). Прикрываемое ею поселение, ныне занесенное песком, располагалось в основном южнее ее. На территории крепости встречены крупные железные ладошкообразные крицы античного времени; фрагмент терракотовой очень рельефной фигуры богини, отличной от подобных изображений из Маргианы; трехперый со скрытой втулкой бронзовый наконечник стрелы; раковина каури; керамика поры рабовладельческого общества, близкая к таковой же из Амуля. Фортификационные особенности в конструкции стен и башен, как и характер собранного материала, дает основание относить возникновение этой крепости к I в. до н. э. Поскольку она находится на самом северном краю Кабаклинского тугая, на продолжении всего средневековья и нового времени до 1920 г. бывшего на рубеже Хорезмского владения и всегда тяготевшего к Амулю-Чарджоу, пограничный характер описанной крепости не вызывает сомнения. Расположение от ее поселения к югу и обращение наиболее сильного фаса к северу свидетельствуют, что ее возводили против врага, ожидавшегося со стороны Хорезма. Учитывая историческую ситуацию, нужно думать, что крепость южная Кош-кала входила в состав одного из пяти владений кушан, которое позднее послужило, вероятно, ядром крупного рабовладельческого государства «Великих кушан», а в середине I в. до н. э. находилось под властью Герая. Как известно, все зарегистрированные находки монет его чекана сделаны на территории южнее Кабаклинского тугая, и, возможно, что Кош-кала южная определяет собой как раз границу между Хорезмом и подвластными Гераю землями. Подтверждением допустимости такого понимания является сделанное ЮТАКЭ наблюдение в значительной разнице археологических комплексов, собранных севернее и южнее Кабаклинского тугая.

В результате исследований 1954 г. район Чарджоу-Амуля для поры рабовладельческого общества должен быть выделен в особую культурно-историческую область, отличную как от Тохаристана, так и от Маргианы, не говоря уже про Хорезм.

На городище Старая Ниса все внимание было сосредоточено на вскрытии хозяйственных помещений, прилежащих к законченному раскопкой в 1953 г. «Большому квадратному дому» — хранилищу. Завершено вскрытие одного из помещений винного склада (хумхана IV), расположенного вдоль восточной крепостной стены и имеющего площадь 17×5 *м*². Хумы в нем размещались в четыре ряда. В 1954 г. в этой хумхане добыто еще 79 остракa, аналогичных по своему содержанию ранее найденным. Самый ранний из них содержит дату 186 г. по парфянской эре (60 г. до н. э.), а наиболее поздний—231 г. по той же эре (15 г. до н. э.). Таким образом, вновь обнаруженные

документы охватывают промежуток в 45 лет от времени царствования Фраата III (70—57 г. до н. э.) до правления Фраата IV (38/37—3/2 г. до н. э.) включительно.

К югу от винных погребов вскрытия производились в восточной части длинного коридора (28 *м* длины при ширине от 2,8 до 2,85 *м)* и на прилежащей южнее площади, занятой, как оказалось, четырьмя небольшими комнатами (9 $м^2$, 13,5, 15 и 17 $м^2$). Все они являются позднейшими разновременными пристройками подсобного хозяйственного назначения. В двух находились хумы: в одном — пять, в другом — шесть. В первом, кроме того, имелись два как бы небольших закрома: в полу — 60×60×30 $см^3$ и над полом — 35×40 *см.* Там же оказались комки той черноватой глиняной массы, которая использовалась в качестве своего рода «сургуча» при наложении печатей в «Большом квадратном доме». На полу первой комнаты встречена двухсторонняя гемма-печать из змеевика, причем на обеих сторонах ее вырезан идентичный сюжет: мчащийся на коне всадник, который поднятым и направленным сверху вниз копьем поражает стоящего перед ним пешего воина с овальным щитом и коротким мечом. В одном из закромов лежала бронзовая ажурная литая пряжка с сильно окислившимся изображением, по-видимому, Сэнмурв-Паскудж (собаки-птицы). В помещении № 3, кроме хумов, оказались два резервуара, очаг, поглотительная яма в полу для слива отработанной жидкости. Во всех трех комнатах на полу большие зольные отвалы. В одной из них как будто приготовлялась и хранилась глинка для опечатывания складских помещений.

К югу от юго-восточного угла «Большого квадратного дома» вскрыто одно складское помещение 14,8×6 $м^2$) с суфами и четырьмя базами от колонны, а также часть коридора (длиной в 13 *м* при ширине от 2,6 до 2,8 *м* и подсобное хозяйственное помещение—13×4,5 $м^2$ и 5,2×2,8 $м^2$.

Среди находок в перечисленных хозяйственных помещениях, раскопанных в 1954 г., имеются фрагменты керамики, черепица от крыш, терракотовый акант и три острака, написанные чернилами. На одном из последних текст нанесен несколько отличными письменами, чем на документах из хумханы. Сверх того, на одном раздавленном хуме оказалась короткая парфянская надпись, вырезанная по сырой глине еще до обжига самой корчаги. Заслуживают также внимания находки в одном из законченном в 1954 г. раскопкой помещении кусков алебастра, одной алебастровой овальной плитки и трех гипсовых «шаров», аналогичных таким же объектам вотивного назначения, обнаруженным ранее во время вскрытия коридора «Круглого храма» в южном архитектурном комплексе на Старой Нисе. По-видимому, эти пустотелые гипсовые «шары» с семенами катрана внутри изготовлялись в одном из хозяйственных помещений в порядке обслуживания храма и для удовлетворения религиозных нужд посещавших его лиц.

В результате вскрытия винных погребов и хозяйственных помещений на большой площади в 1954 г. удалось установить некоторую последовательность в их сооружении. Из помещений винных складов первым по времени постройки появились хумхана IX, затем, некоторое время спустя, выстроили хумханы VIII, V и IV и, может быть, одновременно I и II. Позднее других сооружены хумханы VI и VII. Обособленно расположенная хумхана III первоначально не использовалась под винный склад. Мастерские и прочие хозяйственные помещения

возводились в разное время по мере надобности без единого заранее составленного плана.

В числе новых наблюдений на городище Старого Мерва заслуживает быть упомянутой находка в 100 *м* севернее северо-восточного угла Гяур-калы при рытье ямы на глубине около 1 *м* в слое пахсовой кладки хорошей сохранности медного халка (д=20 *мм*) чекана так называемого «безымянного царя». На Av—бюст государя в диадеме вправо с приподнятой левой рукой, держащей дротик; позади трезубчатая тамга. На R—всадник на лошади вправо с табарзагнулом в протянутой правой руке; перед конем аналогичная тамга; от круговой легенды уцелело: [ΒΑΣΙ]ΛΕV□ ... [ΣШΤ]ΕΡ ΜΕΓΑ[□]. Как доказано нами, весь многочисленный чекан «безымянного царя» принадлежит эмиссии основателя государства «Великих кушан» Кадофиза I. Таким образом, сделанная находка является первым точно зарегистрированным случаем обнаружения на территории Мерва кушанского монетного кружка. При изобилии встречающихся здесь медных парфянских монет Маргианы первых веков н. э. находка кушанского халка выглядит очень случайной и лишний раз подчеркивающей, что если Маргиана когда-либо и захватывалась кушанскими правителями, то входила в состав их государства ненадолго, чем и объясняется почти полное отсутствие здесь в рыночном обращении того времени его медной монеты.

В 1954 г. на территории Старого Мерва земляные работы в основном были связаны с проблемой изучения производств и непосредственных производителей. Продолжение раскопки на месте признанного ученым советом ЮТАКЭ «эпохиальным открытием» дома богатого парфянского ремесленника-рабовладельца в 150 *м* к юго-востоку от Эрк-калы вскрыли еще четыре помещения. Получен ряд дополнительных данных о работе размещавшихся здесь металлообрабатывающих мастерских, где изготовление преимущественно железных изделий протекало со строгой дифференциацией производственных процессов. Раскопки значительно пополнили комплект инструментов, в частности сделанных из кости. В одном из помещений, в котором отсутствуют производственные очаги, обнаружены кроме роговых пластин пирамидальной формы грузила, по-видимому, связанные с изготовлением плетеных изделий, может быть, различных чехлов и футляров для некоторых предметов собственного изготовления. Расширение раскопа и осуществление на нем двух глубоких разведочных шурфов позволили уточнить наблюдения стратиграфического порядка, благодаря получению большого количества данных. В частности, датировка облегчалась находкой медных монетных кружков. Наличие в культурном слое с остатками комнат-мастерских значительного числа разновременных халков установленного ЮТАКЭ собственного маргианского выпуска с середины I в. н. э. позволило говорить о длительном функционировании существовавшего производства на протяжении нескольких поколений. О расширении самой деятельности в течение этого времени свидетельствует выявленными раскопками план здания, в котором появлявшиеся по мере надобности новые пристройки мастерских расположены даже не по оси первоначального комплекса комнат, и примкнутые к ним впритык стены вновь пристраивавшихся помещений отходят от них не под прямым углом. В кладке их стен употреблены типичные для позднепарфянского времени более крупные сырцовые кирпичи (42×42×12 $см^3$) с характерными тамгообразными клеймами в виде буквы «Р». В стратиграфическом отношении важна находка медной

литой монетки с утяжеленной на концах шести лучей точками звездочкой перед бюстом государя и с сохранившимся позади него венком, который несет в своем клюве орел. На R под луком сидящего на троне Аршака — «П». Монета относится ко времени правления Фраата IV (38/3—3/2 гг. до н. э.),чем в известной мере определяется грань конца периода обживания здания до появления здесь упомянутой мастерской. Из отдельных находок заслуживают быть отмеченными: впервые встречаемые крупные штыреобразные керамические ручки с изображением головы быка на одной и какого-то иного животного—на другой; уникальная терракотовая фигурка богини, задрапированной в плотную складчатую одежду с сильно декольтированными плечами и имеющей на голове тюрбанообразный убор; стеклянная гемма с изящным изображением атлетической мужской нагой фигуры, опирающейся вправо на камень согнутой в колене правой ногой, с овальным предметом в опущенной правой руке и с круглым светильником или плодом в протянутой вперед левой.

В ремесленном квартале северо-восточной части Гяур-калы было разведано несколько площадок, причем на одной из них неподалеку от места бывших ворот Дармушкан заложен новый раскоп № 6 на площади около 200 м² с осуществлением стратиграфического шурфа. Целиком вскрыты пять помещений и один коридор, не полностью раскопаны еще шесть комнат и второй коридор. Стратиграфически установлено наличие нескольких культурных горизонтов. Верхние последовательно датируются монетами IV в., затем Шапура I (242—272), Арташира I (224—242) и маргианским позднепарфянским чеканом I—II вв. н. э.

Хозяйственный характер и специальное назначение некоторых помещений для культурных слоев с перечисленными монетами несомнен: большое число врытых в земляные полы хумов и хумча; выстилка самих полов крупными фрагментами корчаг для предохранения от размокания; исключительно малое количество бытовых объектов. Для самого верхнего горизонта характерны два скопления глиняных ядер и большое число жженых клинчатых кирпичных плит для выкладки сводов. Ниже встречено много плоских терракотовых фигурок «Маргианской богини» в одежде, усыпанной бляшками, совершенно однотипных, но вышедших из разных матриц, а также глиняная формакалып для оттискивания мужской фигурки. Интересно обнаружение плоского камня со следами на обеих сторонах оттачивания наконечников копий, дротиков и стрел. Если в верхних слоях монетные находки являются обычными (всего встречено свыше семидесяти медных монетных кружков, самый древний из которых восходит ко времени не ранее конца I в. до н. э.), то ниже XIV яруса они совершенно пока не встречены, хотя вскрытые горизонты относятся ко II—I вв. до н. э. и к концу III—началу II в. до н. э., когда денежное обращение было уже достаточно развито. К числу наиболее интересных находок относятся: халцедоновое кольцо-печать с вырезанным изображением рыбы (сазан); один парфянский острак; костяной парфянский стиль с изображением на тыльной стороне скульптурной фигурки сидящей на корточках нагой женщины с каким-то предметом в левой руке (из XX яруса) и, наконец, керамическое ядро в виде трехгранной пирамиды из парфянского слоя. Находка аналогичного ядра также в парфянском слое имела место в раскопе № 2. Эти два случая служат прекрасным аргументом в пользу высказанного ЮТАКЭ мнения о введении на

Востоке в употребление этих ядер (предшественников средневекового «хасака» для борьбы с кавалерией врага) уже в пору существования Парфянского государства.

Пора кризиса рабовладельческого общества

Для уточнения представления о впервые археологически подмеченном ЮТАКЭ для Южного Туркменистана кризисе рабовладельческой формации получены новые данные.

Раскопом № 3 в северо-восточном углу Гяур-калы установлено, что там существовало какое-то крупное здание уже в парфянское время, отстроенное на натечно-надувных слоях. Затем оно пришло в запустение, момент наступления которого близок к самому началу IV в. н. э., о чем свидетельствует обнаруженная здесь монета сасанида Хормизда II (303—309). После длительного перерыва находившиеся в руинах помещения античного здания были забутованы. За счет их создали платформу несколько меньших размеров, чем площадь здания предшествующего времени, и сверху осуществили постройку нового сооружения. Пора существования парфянского здания в заброшенном состоянии и момент возведения на нем новой крупной постройки отчасти датируется обнаруженными под полом 1 восстановительного периода медными монетками сасанидского чекана Варахрана IV (388—399). При этом характерно ухудшение качества сырцового кирпича по сравнению с таковым же временем расцвета рабовладельческого общества.

Раскоп № 6 в Старом Мерве в верхних ярусах дал несколько медных монеток совершенно нового в науке типа. Их заготовки представляют собой часто подпрямоугольной формы рубленые пластинки или весьма неправильные по очертаниям овалы, которые, будучи весьма тонкими, при ударах в процессе чекана приобретают иногда совершенно бесформенный вид. Примитивность изображений, выходивших при чеканке из-за дурного качества работы лишь частично, явное отсутствие юстирования, наконец, обнаружение этих монет выше слоев с чеканом Шапура I позволяет отнести вновь открытые нумизматические объекты к неизвестной до сих пор местной эмиссии, как-то связанной с кризисом рабовладельческого общества. Очевидно, потребность в разменной монете при явном упадке тогда городской жизни удовлетворялась выпуском столь примитивно оформленных монетных знаков. Крайней датой их возможного появления можно считать конец V в., когда Мерв на время был завоеван эфталитами. В слое с данными монетами оказался или фальшивый или кризисный монетный кружок, изготовленный по типу сасанидского чекана III—IV вв. из свинца.

Наконец, следует отметить, что на ряде депе в районе Чарджоу верхний культурный слой, характеризующий собой последний момент их обживания, заключает в себе археологический материал, близкий по времени к рабовладельческому обществу. Под Чарджоу он сопровождается мелкими медными монетами, грубо подражающими позднему кушанскому чекану Васудева.

Феодальное общество

По поре раннего феодализма продолжались раскопочные работы на объекте № 3 в северо-восточном углу Гяур-калы в Старом Мерве. Период использования верхнего здания охватывает VI—VII вв., причем в числе встреченных объектов имеется медная монета Хормизда

IV (579—590). Прекращение полного использования этого сооружения связано как будто с прочным вхождением Мерва в состав Арабского халифата. В процессе раскопок получен комплекс керамической утвари, представленный несколькими почти целыми сосудами. Среди прочих находок добыты небольшой флакон из толстого литого стекла, восемь острака с позднепехлевийскими надписями и черепок с нарисованным на нем изображением женской головки. В верхнем слое вскрыты оригинальные фигурные кладки из кирпичей светлой глины, положенных на ребро.

Некоторое количество раннефеодальных памятников в виде депе, являющихся остатками былых замков-усадеб и характеризующихся наличием на поверхности крупных клинчатых жженых кирпичей, отмечено при изучении района Серахса. Между прочим, на городище установленного ЮТАКЭ средневекового населенного пункта Тильситана найдена овальная гемма из сердолика, на сферической стороне которой вырезана фигура идущего влево льва, а под ним размещена пехлевийская легенда VI—VII вв., являющаяся, видимо, девизом обладателя печати, заключенным в слове «изобилье».

Значительно больше собрано материала по IX—XII вв. В районе Серахса описано десять и дополнительно обследовано семь средневековых памятников. Выяснено, что культурная полоса к северо-востоку, северу и отчасти к северо-западу от Серахса занимала тогда обширную площадь до самой окраины песков в 35 *км* севернее Серахса, Она орошалась, по-видимому, пятью крупными арыками, бравших начало южнее города в урочище Тазар. Один из них, протекавший восточнее Серахса, прослеживается по остаткам русла до урочища Шоркала в 8 км восточнее городища средневекового Тильситана. Второй, огибавший Серахс с запада, орошал ряд усадебных земель и следы его теряются теперь недалеко от развалин Пализяк в 11 *км* от города. Третий арык, именуемый теперешними окрестными жителями Кичи-Ага и протянутый параллельно главному средневековому пути на Мерв, отмечается еще на расстоянии 42 *км* от Серахса, не доходя 1 *км* до развалин городка Уштурмагак. Четвертый, проходящий непосредственно через Серахс, теряется у Ходжам Шукура в 20 *км* от города, а затем снова прослеживается у Уштурмагака, где пропадает в песках. Пятый арык («городской») проходит западнее Серахса, делится на два русла, причем одно из них тянется параллельно дороге на Теджен, а другое в 37 *км* от города исчезает в песках по направлению к Уштурмагаку.

Что касается самого мирового торгового пути на отрезке Серахс — Мерв, то в 12,5 *км* севернее Гуруклы-депе наметилось раздвоение дорог, из которых одна идет на Геок-депе (отождествляемое ЮТАКЭ с упоминаемым у арабских авторов замком Наджар), а вторая отходит к развалинам Ходжа-Шукур-депе. На последней отмечено наличие кёшка и крепости в одном километре друг от друга. На площади руин установлено три русла былых каналов, из которых среднее, обложенное жжеными кирпичами, имеет до 4,3 *м* ширины и до 1,5 *м* глубины. На поверхности, кроме средневековой керамики, встречено много жженых кирпичей и фрагменты резного алебастрового штука.

Подвергнуты археолого-топографическому изучению городища Гала-Бурун (средневековый Уштурмагак), Хаузхан-кала (средневековый Тильситана) и отчасти Денданакан. Первое из них в результате обследования показало, что Уштурмагак был весьма значительным по разме-

рам населенным пунктом с рабатом и пригородной застройкой, которая в сторону Мерва отмечается, между прочим, двумя руинами крупных зданий в 600 *м* от города. Планировка последнего более или менее регулярная. Вдоль главной улицы установлены развалины значительных домов. Археологический материал указывает на наличие своего ремесленного производства, в частности по выделке стеклянных изделий.

В Тильситане не прослеживается остатков городских стен. В одном месте ощущается наличие былой цистерны типа сардобы без явных признаков купола.

В целом выяснено, что большинство населенных пунктов в районе Серахса и на отрезке пути от этого города до Денданакана, равно как и развитая арычная система, наиболее интенсивно функционировали на протяжении IX — начала XIII в., когда кое-где, судя по шлакам, производились на продажу предметы керамической утвари, изделия из стекла и железа. Керамика XV — начала XVI в. встречена на городищах Уштурмагака, Тильситана, поселений Гуруклы и депе — усадьбе Пализек.

Вторая тема по маршрутному изучению одного из средневековых торговых путей была посвящена отрезку главной дороги из Амуля (Старый Чарджоу) в Хорезм в пределах Чарджоуской области по левому берегу Амударьи до Садвара. Обследовано было 15 памятников, причем с ряда из них изготовлены планы. Наглядно выявлено, что средневековый путь из Амуля на протяжении всего Чарджоуского оазиса шел не там, где пролегает теперь, а значительно юго-западнее вдоль самой границы пустыни. Остатки «прекрасных поместий на краю песков», о чем для X в. имеется упоминание у Макдиси, как и других населенных пунктов разных времен, сохранились до настоящего времени в виде бугров и депе. Удалось документально доказать на основании археологических и историко-топографических исследований в сопоставлении с данными письменных восточных первоисточников местоположение Исбаса, рабата Сангабад, Сайфина, рабата Будина. У развалин рабата Дая-хатын (или Бай-хатын-рабат) выявлены остатки лишь небольшого средневекового поселения и решительно опровергнуты все ошибочные высказывания о нахождении здесь когда-либо города. При этом было доказано, что термин «Тахири» или «Тахирия» прилагался не к городу, а к рабату с прилежащим урочищем, обжитым в очень скромных размерах. Вопреки прежним представлениям, будто расположенные по левому берегу «развалины крепостей все, очевидно, не древние» (П. М. Лессар. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных стран. Спб., 1884, стр. 86), в 1954 г. удалось определить, что подавляющее большинство их относится к средневековью и более чем на половину являются караван-сараями и другими придорожными сооружениями. Лучшие из них возведены во второй половине XI — первой половине XII в., а не в пору, от которой сохранилась основная масса сведений у арабских авторов IX—X вв. В свою очередь сделанные отождествления позволили убедительно раскрыть, что в средние века одновременно функционировали верхние и нижние отрезки дороги. Это удалось понять на месте в результате выяснения физико-географических условий.

Изучение городища Даргана в 1954 г., сопровождавшееся археолого-топографической съемкой, выявило, что так называемая Куня-кала (площадью около 6 гектар) является целиком средневековым памятником, пережившим несколько периодов возведения своих укреплений.

Восточная половина обнесенной стеной территории явно представляет крепость-арк, с размещенными внутри крупными административными зданиями, соборной мечетью, казармами гарнизона, тюрьмой и довольно обширной площадью для военных занятий гарнизона в юго-западном углу. Западная половина укрепленной площади—это шахристан. Его современная поверхность ниже поверхности арка. Планировка относительно регулярная, но более раздробленная. Подавляющее большинство домов сделано было с применением жженых кирпичей и в некоторых случаях с изразцовой декорацией, что свидетельствует о принадлежности их владельцев к наиболее зажиточной части населения. Это же подтверждается собранным здесь бытовым археологическим материалом. Рабад примыкал к Куня-кала с запада, юга и востока. В нем непосредственно под средневековым арком располагался ремесленный квартал, где производилась обработка железа и других металлов. Обширное кладбище занимало территорию к востоку от арка. Один из мавзолеев стоял в 100 *м* к югу от юго-восточной угловой многогранной башни. Базары города, требующие обширной площади (скотный, хлебный, лесной), вероятно, были в замкнутой со всех сторон юго-восточной низине, куда ведут следы давно наезженных дорог и где видны руины, далеко отстоящих друг от друга некогда крупных построек. Рабад, засыпанный теперь песком, незаметно переходил на юге в сельскую округу, причем развалины отдельных зданий и групп построек видны на расстоянии свыше полукилометра от Куня-калы. Немало археологических и нумизматических средневековых памятников добывается в пойме Аму в разных пунктах на территории обширного Дарган-атинского тугая, в том числе на месте современного районного центра. Из сохранившихся на поверхности остатков сооружений XI—XII вв. на самом городище Даргана имеются Юнус-депе из сырцовых кирпичей-маломерок (24×24×4 *см*^{3}) и мавзолей Дарган-ата из жженых кирпичей (26—27×4—4,5 *см*^{3}). Последний неоднократно ремонтировался, но сохранил интересную двухстворчатую резную дверь с характерной богатой орнаментацией и надписями, упоминающими прозвище погребенного в мавзолее лица — «Мизраб». Эта дверь явно XIV в. Она является не только уникальной для Туркменской ССР, но и самым старым памятником художественной резьбы этой группы объектов во всей Средней Азии. Представители местного мусульманского духовенства выдают мавзолей за усыпальницу патрона города Даргана.

В части изучения памятников феодального времени в 1954 г. заслуживают упоминания следующие установленные факты:

1. Изучение фортификации феодального Мерва показало, что городские стены Султан-калы выведены раньше, чем создана была цитадель «Шахрияр-арк», выделение которой из остальной территории городища произошло лишь в начале XII столетия.

2. Ознакомление с руинами караван-сарая Бай-хатын или Даяхатын-рабат показало, что это здание относится к первой половине XII в., связано с деятельностью Сельджукидов и является правительственным сооружением, в создании которого участвовали мервские мастера.

3. Чисто хорезмийские принципы в части конструктивной и композиционной установки в архитектуре нескольких рабатов X—XII вв. к северу от Кабаклы: Ишак-рабат, рабат у тугая Гугерджали, рабат в Садваре и др.

4. Большой интерес представляют раскопки двух средневековых

керамических печей в пригородном ремесленном квартале Старого Мерва за воротами Фирузи. Прямоугольной конструкции, они датируются встреченными предметами керамики и медными хорезмшахскими монетами концом XII—началом XIII в., на которые приходится последний момент их использования. Наряду с этим, в отвалах бракованной утвари обнаружено большое разнообразие более ранней керамики и предметов мелкого печного инвентаря. Особого внимания заслуживают предметы безглазурной утвари со штампованной орнаментацией, которые, безусловно, были местного изготовления, о чем говорят многочисленные штампы. По двум оттискам удалось установить имя одного из искусных мастеров. Предметы со штампами этого мервского куляла отмечены ЮТАКЭ среди находок за многие сотни километров от Мерва. Это показывает, что мервская штампованная керамика была предметом экспорта из данного города. Кроме разнообразной орнаментации и надписей, на штампованных керамических объектах встречены изображения рыб, птиц, зверей, в том числе фантастических, и людей.

Этногенез туркменского народа. На Яз-депе впервые для Туркменской ССР удалось открыть погребения V в. до н. э., с хорошо сохранившимся черепом.

Два черепа раннефеодального периода найдены в Старом Мерве на городище Гяур-кала в раскопе № 3. Костный материал передан для изучения на кафедру антропологии Среднеазиатского государственного университета профессору Л. В. Ошанину.

Продолжалось этнографическое изучение кустарных промыслов на месте племени мурчали.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук.
АН УзССР — Академия наук Узбекской ССР.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВОИРАО — Восточное отделение Русского археологического общества.
ИАН — Известия Академии наук СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
М. — Москва.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении.
М.—Л. — Москва—Ленинград.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции.
СА — Советская археология.
Спб. — Санкт-Петербург.
СЭ — Советская этнография.
ТашГУ — Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина.
ТОВЭ — Труды отдела Востока Эрмитажа.
УзГУ — Узбекский государственный университет.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЭВ — Эпиграфика Востока.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 9

М. И. Филанович. Гяур-кала 15

М. Е. Массон. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов (224—651 гг.) на территории советских республик Средней Азии . . . 140

Г. Я. Дресвянская. «Овальный» дом христианской общины в Старом Мерве 155

С. Б. Лунина. Историческая топография западной части рабада средневекового Мерва 182

Э. В. Ртвеладзе .Новый буддийский памятник в Старом Мерве . . 231

Н. П. Столярова. Раскопки дома со штуковым декором в рабаде Мерва 236

С. Б. Лунина. Эволюция техники гончарного производства в средневековом Мерве 247

Е. Б. Пругер. К находкам бирюзы на городищах Старого Мерва . . 278

М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ 1953—1954 гг. . 284

Список сокращений 311

ТРУДЫ

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том XV

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета АН Туркменской ССР

Редактор издательства **Л. Дрямова**
Технический редактор **Т. Гаврилова**
Художественный редактор **В. Пудова**
Корректоры **Л. Глушкова, С. Стручкова**

Сдано в набор 16/II-73 г. Подписано к печати 3/VII-74 г. Формат 70×108¹/₁₆. Физ. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 24,86. Привед. печ. л. 27,3. Заказ 600. Изд. № 350. Тираж 800. Цена (в переплете № 7) 2 р. 84 к. И—02100.

Издательство «Ылым». Ашхабад, ул. Гоголя, 15.
Типография АН ТССР. Ашхабад-12. Сад Кеши.